

МИРЫ ФОСТЕРА

МИРЫ ФОСТЕРА

АЛАН ДИН ФОСТЕР

избранные произведения

ТОМ
IV

ПРИГОВОРЕННЫЙ

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ГОРОД
МЕРТВЫХ**

**ПРИГОВОРЕННЫЙ
К ПРИЗМЕ**

«КЛЮЧ»
СМОЛЕНСК
1994

ББК 84.7США
Ф 47
УДК 820(73)-31

Перевод с английского ИПП «AMEX Ltd»

Художник А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону

Фостер А.

- Ф 47 **Миры Фостера: Избранные произведения: В 7 т. Т. 4 / Пер. с англ. ИПП «AMEX Ltd»; Худож. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков.— Смоленск: Ключ, 1994.— 512 с.**

ISBN 5-631-00013-X.

В книгу вошли два романа знаменитого американского фантаста, автора многих нашумевших фантастических боевиков, по одному из которых был снят всемирно известный сериал «Звездные войны».

Новые работы автора посвящены моделированию необычных цивилизаций и драматических и порой пугающих событий, связанных с приключениями землян в загадочных и невероятных мирах.

Ф 4703040100

ББК 84.7США

© by A. Foster, 1987, 1989

© Перевод, подготовка макета. ИПП «AMEX Ltd», 1994

ISBN 5-631-00013-X (т. 4) © Оформление. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков, 1994
ISBN 5-631-00022-9

ИНТЕРЕСНЫЕ
В ГОРОДА
АВЕРТБЛХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они не позвали стражу, так как ворвавшийся к ним был уже почти мертв. Однако спокойствие их он нарушил.

Сердито переговариваясь между собой о возмутительном нарушении протокола, члены Занура смотрели на своего лидера, ожидая распоряжений, но Найоке де-ме-Холмур хранил молчание. Незваному гостю самому предстояло все объяснить, и побыстрее. Они все еще держали руки на ножнах, хотя становилось ясно, что это не была попытка совершить убийство. Нарушитель спокойствия слишком ослабел, чтобы представлять опасность для кого-нибудь, кроме самого себя. Поэтому Найоке ничего не делал и молчал. Видя это, и остальные члены Занура успокоились.

Незнакомца сопровождали двое оборванных слуг, которым было нелегко удерживать его на ногах. Незванный гость был совершенно лысым, как и подобало в его возрасте, но, очевидно, в последнее время он подвергся испытаниям, связанным не только с возрастом. Даже в движении его глаз чувствовалась боль, а дыхание было тяжелым, словно он пробежал большое расстояние.

Несколько более нетерпеливых членов Занура двинулись к нему, но де-ме-Холмур остановил их взмахом своей тонкой шестипалой руки:

— Терпение, друзья. Давайте послушаем, что скажет этот нарушитель этикета. Расплата может подождать. Мы здесь не судьи.

Слова вождя привлекли внимание обессиленного посетителя. Он оттолкнул руки поддерживавших его слуг, так же как продолжал отталкивать цепляющуюся за него руку

смерти. Незнакомец с трудом держался на ногах и весь трясся, но умудрялся стоять прямо и без посторонней помощи.

— Достопочтенные члены Занура, я прошу вас простить мое вторжение сюда, где вы обсуждаете дела государства. Когда у тебя осталось мало времени, то времени нет и на соблюдение протокола. Я должен вам многое успеть сказать.

Де-Яровут поднялся, сдвинув безволосые брови, и указал на говорившего:

— Я тебя узнал, ты живешь неподалеку от меня.

Старик попытался поклониться, как того требовал этикет, но чуть не упал на пол. Слуги кинулись ему на помощь, но старик жестом велел им отойти.

— Я польщен тем, что вы помните меня, занурал де-Яровут. Меня зовут Брил де-Панлтатол. Я скромный торговец, который трудится в верховьях реки.

Напряжение, связанное с вторжением незнакомца, с его непростительным нарушением традиций, стало спадать. Сейчас его узнали. Ничего удивительного больше не будет.

— Никакие извинения не позволяют тебе нарушать наши порядки, де-Панлтатол, — сказал де-ме-Холмур. — Ты знаешь, какое наказание следует за этот проступок.

— Вы бесконечно добры, мойт, но, как я сказал и как вы видите сами, у меня осталось мало времени.

Де-ме-Холмур не стал бы правителем огромного города-государства, если бы не умел иногда выставлять напоказ свое сострадание.

— Ты, должно быть, дал большую взятку, чтобы пройти сюда, старик. Это заслуживает восхищения. Так говори же, что ты хотел сообщить нам.

— Достопочтенные члены Занура! Большую часть своей жизни я торговал дорогим лесом и металлами между нашим великим городом По-Раби и поселениями в верховьях реки. Я бывал даже в Кеккалонге.

Кеккалонг находился очень далеко, вверх по течению великой реки, а многие зануралы никогда не покидали пределов своего города. Они стали слушать старика с несколько большим уважением.

— Я добропорядочный гражданин и много работаю для своего города, — продолжал тот. — И я внимательно

прислушивался ко всем рассказам и слухам, которые всегда сулили мне возможность увеличить свое состояние.

— Мы все так поступаем, — заметил занурал де-Поринти. — Продолжай!

— Среди многих рассказов о том, что происходит в верховьях реки, есть такие, где говорится о Городе Мертвых, в котором будто живет огромное количество духов, приведений и демонов. Они охраняют такие богатства, что не сосчитать за тысячу жизней всем счетчикам всех городов-государств, окружающих великий Гроаламасан.

— Это чудесная история, я уверен, — отозвался другой занурал со своего места в совете. — Я тоже слышал такие сказки.

— Известно, — продолжал де-Панлтатол, — что чем больше приближаешься к источнику таких рассказов, тем более яркими и впечатляющими они становятся... или вообще исчезают. А этот рассказ повторяют на все лады в сотне городов и деревень севера. Я слышал его на протяжении пятидесяти лет. Наконец я решил найти первого, кто начал его рассказывать. След вел меня все дальше на север. Иногда рассказ казался правдивым, но чаще представлялся сплошным домыслом. Я путешествовал в местах, не отмеченных на картах, там, где не было торговых троп, я шел все время вверх по каньону Баршаягад. Я двигался вдоль русла Скара, а иногда вынужден был отходить далеко в сторону. Я шел — я, Брил де-Панлтатол, — даже по замерзшей почве Гунтали.

Здесь заинтересованный шепот сменился плохо скрываемым смехом. Плато Гунтали, откуда брали начало все великие реки мира, нсские свои воды в единый океан Гроаламасан, было расположено так высоко и там было так холодно, а воздух столь разрежен, что ни один май не мог там путешествовать. Однако морщинистый старик-торговец утверждал, что совершил этот подвиг.

Подобно своим братьям-купцам, членам Занура, де-мехолмур не мог допустить такую возможность, но он и не смеялся. Он стал мойтом По-Раби также и потому, что не отказывался выслушивать даже самые цветистые нелепости. Пусть этот старик продолжает доказывать, что он глупец, но не стоит выносить приговор, пока он не закончит свой рассказ.

— Я прошел даже дальше Хочака, — Панлтатол задыхался еще сильнее, — но это было только начало моего путешествия. Я терял слух и спутников, и наконец мне пришлось продолжать путь одному, потому что никто не хотел идти со мной дальше. Видите ли, все считали меня сумасшедшим... Несколько раз я чуть не погиб. Но слухи и река вели меня дальше.

— Куда дальше? — презрительно фыркнул один из зануралов.

Старик посмотрел в сторону — казалось, насмешки придавали ему силу.

— К истоку всех сказок и легенд. К Городу мертвых. В ту часть мира, где поселились демоны и чудовища, к вершине мира, достопочтенный занурал!

Смех уже было невозможно сдержать. Но это не обескуражило старого купца.

— И я добрался до Города мертвых. Я, Брил де-Панлтатол! И я принес с собой его частицу. — Старик нахмурился и продолжал, хотя голос его то и дело прерывался хрипом: — Я не очень хорошо помню то время. Мей разум словно онемел от всего, что я пережил. Удивляюсь, как я остался жив. Но я заставил себя сделать еще одну лодку. Мне кажется, я сделал много лодок. Сейчас трудно вспомнить. Я спрятал то, что унес, под грудой шкур сальпов и доставил это вниз по реке к моему дому, в По-Раби.

В больших черных глазах де-ме-Холмура сверкнула усмешка.

— Это очень интересная и занимательная история, де-Панлтатол, но ведь все рассказы о городах демонов занимательны. Надеюсь, ты лучший купец, чем рассказчик.

Раздался вежливый смешок со стороны остальных членов Занура.

— И ты ворвался к нам на совет, чтобы рассказать это! — сердито вскричал один из зануралов. — Если ты больше ничего не можешь добавить, то обещаю тебе, что твой возраст тебя не спасет.

— Есть только одно, что я могу добавить к сказанному мною, — произнес теряющий силы торговец. — Ради этого я погубил свой разум и тело, поэтому вам нечем меня испугать.

Мой триумф будет непродолжительным, и я не куплю себе место в Зануре, как мечтал.

Послышались приглушенные оскорбительные замечания членов Занура, и самые громкие срывались с уст тех, чье состояние было наименьшим.

— Итак, я оставляю вам мой рассказ и еще кое-что, и вам судить, члены Занура-города, мог ли я считаться равным вам по богатству, чтобы сидеть здесь. — Старик повернулся и подул в маленький костяной свисток, висевший у него на шее.

Вошла дюжина слуг двумя колоннами по шесть человек в каждой. Они тянули на веревках низкую тележку. Смех сменился удивлением и замешательством. Тележка была шестиосной, с толстыми резиновыми колесами, сделанными из специально обработанного сока дерева-каучуконоса.

Со своего места во главе длинного стола совета де-ме-Холмур увидел большую грудку тонких серых шкур сальпов, наваленную на тележку. Они были дорогими, но не особенно ценными. Конечно, шкуры не могли быть такими тяжелыми, чтобы для их перевозки потребовались шестиосная тележка и двенадцать сильных маев. Холмур увидел, как напряглись мышцы этих мужчин от тяжести того, что они везли и что было пока от него сокрыто. Он слегка привстал, сам того не замечая, чтобы лучше видеть.

Слуги остановились и отступили в сторону. Панлтатол, пошатываясь, приблизился к тележке. Отказавшись от помощи, он протянул руки и дрожа стянул шкуры на пол. Они были сшиты одна с другой и упали все разом.

На тележке действительно что-то лежало, как и подозревал де-ме-Холмур, но от вида этого он онемел, не в силах произнести ни слова. На деревянной платформе лежал металлический брусок. Скрученный и согнутый какой-то неведомой силой, он был толстым, как туловище взрослого мая. Но вид этого бруска быстро перестал интересовать членов Занура. Состав — вот что было главным для присутствующих.

Брусок не был отполирован, и на нем виднелись длинные глубокие царапины и выбоины — свидетельство того, что он подвергался воздействию сильных химических веществ или энергий. Цвет его был знаком членам совета.

— Я не дошел до самого Города мертвых. — Голос Панл-

татола слабел. — Я находился близко от него, очень близко, но погода испортилась, и мне пришлось вернуться. Этот обломок я обнаружил на берегу Скара, куда его занесло течением. Это единственное, что я мог доставить сюда. О зануралы По-Раби! Вот то, что я оставляю после себя!

Забыв о чувстве достоинства, нарушая протокол, они повскакали с мест и бросились осматривать массивный кусок металла. Чувствительные шестипалые руки ласкали гладкую серую поверхность.

Тусклый серебристый блеск был свойством самого металла. На вид это был сунит. У него был цвет сунита, и на ощупь он был похож на сунит. Когда трое членов Занура из северных районов По-Раби попытались поднять брусок и это им не удалось, все убедились, что это действительно сунит.

Де-Шангрит, второй по могуществу после де-ме-Холмура член Занура, вынул из поясного мешочка небольшой металлический слиток. Это был серль — самая крупная монета в больших городах-государствах, расположенных на побережье океана Гроаламасан, недавно изготовленная в могущественном государстве Чиенба. Де-Шангрит поместил монету в одну из впадин бруска и постарался вычислить в уме стоимость искореженного металла. Этот май был прекрасным бизнесменом, и его оценка была очень близкой к реальной стоимости.

— Несколько миллионов, — объявил он вслух. — По меньшей мере.

Некоторые из его сотоварищей, которые произвели свои собственные вычисления, утвердительно закивали головами.

Де-Панлтатол резко опустил на край тележки, опираясь спиной на брусок. Он нежно, с любовью, как будто это была женщина, отдыхающая в гамаке, провел рукой по прохладному металлу. Среди масв — членов Занура не было ни одного, кто не испытывал бы подобных чувств. Этот кусок металла представлял собой огромное и компактное состояние.

Когда шепот и взволнованные разговоры стали стихать, именно Шангрит задал вопрос, который в сознании всех занимал главное место:

— А там есть еще?

Его тон теперь был уважительным, в нем уже не чувство-

валось ни цинизма, ни осуждения. Отомщенный таким образом Панлтатол словно приобрел силы из какого-то неведомого источника. Члены совета больше не смеялись над ним.

— Уважаемые зануралы, этого я не знаю. Я нашел только этот кусок, выброшенный на скалистый дикий берег. Но, по слухам, которые привели меня на вершину мира, в Городе мертвых есть еще.

Члены Занура торопливо делали оберегающие их жесты, ведь они были так же невероятно суеверны, как и обычные обыватели. Их повседневная жизнь постоянно перемежалась ритуалами, для того чтобы отгонять враждебных духов и убаживать божеств, которые, как знали все май, управляли жизнью каждого, от рождения до смерти.

В дальнем углу комнаты большеглазый слуга поспешно добавил благовония в горящий священный сосуд на тот случай, если присутствующие среди них духи обладали особенно чуткими носами. Воздух в комнате моментально наполнился сладким ароматом.

— Нет никакого Города мертвых, — неуверенно возразил один из членов Занура. — Такого места не существует.

Де-ме-Холмур выразительно взмахнул руками:

— Такого огромного куска сунита, как этот, тоже не существует... но вот он перед нами.

— И есть еще больше... — бормотал Панлтатол. — Есть еще больше в Городе мертвых.

— Насколько больше? — спросил Шангрит с жадностью.

— Говорят... по слухам... весь город построен из сунита.

Это заявление было выслушано в приличествующем общению гробовом молчании.

— Я жалею, что не пошел дальше. — Тонкая улыбка появилась на изможденном лице Панлтатола. Его правая рука лежала на холодном металле, подобно куску коричневой материи. — Но я устал, досточтимые господа. Мне нужно немного отдохнуть.

— Подожди! — рванулся вперед Шангрит. Он сам поддерживал старика в знак уважения, которого Панлтатол внезапно удостоился. — Скажи, как нам добраться до Города мертвых, как повторить твое путешествие?

— А разве вы не знаете? — прошептал Панлтатол. —

Никакого Города мертвых нет. Это путешествие совершить нельзя, но я, Брил де-Панлтатол, совершил его. Я дошел туда, куда добраться невозможно. Вы не сможете этого сделать, ни один из вас. — Старик произнес это сильно, решительно и вдруг встал сам, без чьей-либо помощи. — Вы не сможете дойти туда, потому что только безумец может совершить подобное путешествие. Я — безумец, а вы — нет! — Внезапная мысль смутила Панлтатола, и он заморгал. — Я очень устал. — Он вновь наклонился к Шангриту и закрыл глаза. Больше они не открылись.

Шангрит бережно опустил истощенное тело:

— Это настоящий май. Он пожертвовал всем, стараясь увеличить свое богатство. Я уважаю его.

— Мы все его уважаем, — сказал де-ме-Холмур, — как будем уважать и память о нем.

— А что делать с сунитом? — Алчность звучала в голосе члена Занура, выразившего словами общую мысль. Взгляды всех присутствующих обратились к серебристому бруску.

— Вы знаете закон, — строго произнес де-ме-Холмур. — Я хотел бы его иметь не меньше, чем вы, но сунит должен достаться семье и слугам де-Панлтатола. — Мойт сделал оберегающий знак, боясь, как бы его не подслушали какие-либо духи. — Закон ясно говорит о таких случаях.

— А нельзя закон немного подправить? — Занурал де-Псейтми чуть не плакал.

— Я поклялся соблюдать его, и сделаю это. Те, кто подправляет закон, в конце концов чувствуют, что он их душит. — Послышался шепот одобрения собравшихся вокруг стола. — Конечно, — продолжал де-ме-Холмур, есть еще посмертный налог. — Появились улыбки. — Не следует забывать, что Панлтатол предпринял это путешествие без согласия властей, кроме того, нужно также учесть его грубое вторжение в палаты Занура. — Он внимательно посмотрел на брусок. — Я думаю, что половина этого металла должна быть передана в казну города.

— Но тогда останется еще приличное состояние. — Шангрит опять занял свое место по правую руку от де-ме-Холмура. — Никакая семья не может быть разочарована, получив

так много. — Ну а теперь, когда закон соблюден, как мы поступим, узнав о таких необыкновенных вещах?

— Великий поход! — сказал один из членов Занура напыщенным тоном. — Такой поход, который останется в памяти и о котором сложат песни. Я сам прикажу написать цикл песен во славу этого похода.

— Продуманное решение, — согласился де-ме-Холмур, благодарный члену Занура за поддержку. Его предложение означало, что мойту не придется оплачивать необходимые посмертные почести. Остальные зануралы проклинали себя за то, что не додумались до такого умного политического хода.

— Ну а кто согласится помочь снарядить новую экспедицию к вершине мира в поисках того, что называют Городом мертвых?

Каждый из присутствующих словно сжался на своем месте. Наконец один, смелее остальных, произнес ровным тоном:

— Я не решусь подняться вверх по реке дальше, чем на тысячу легатов далее, за весь сунит Тсламайны.

— И я не решусь, — согласился де-ме-Холмур. — Де-Панлатол был совершенно прав — никто из нас еще не лишился рассудка. Сама идея ступить на плато Гунтали может прийти в голову только безумцу. Попытаться вновь пройти по его пути совершенно невозможно. — Он жестом указал на брусok и тело, лежавшее рядом с ним. — Мы должны удовлетвориться этим.

— Не обязательно! — Все с удивлением посмотрели на Шангрита. Де-ме-Холмур настороженно ждал, какое предложение сделает его соперник. Они оба настолько уважали друг друга, что никогда не прибегали к услугам наемных убийц. Это они оставляли другим, более грубым маям, а сами устраивали дуэли на словах и с помощью жестов. — Справедливо, что любое путешествие вверх по Скару опасно, не говоря уже о путешествии на вершину мира. Можно предпринять такую экспедицию и погибнуть, уже видя цель. Вполне вероятно, что путешественники закончат путь в желудке на, а не в Городе мертвых... — Члены Занура жестами выразили свое беспокойство. — Или же их обманут тсла. У нас нет средств для того, чтобы совершить такую экспедицию, но есть те, у кого эти средства имеются.

— Я таковых здесь не вижу, — отозвался один из членов Занура. Это замечание вызвало одобрителный смех.

Шангрит смотрел на него уничтожающим взглядом и ждал, пока смех стихнет.

— Хороший купец ощущает свою ответственность перед Зануром и своим городом-государством. Он также знает пределы своих возможностей. Я хорошо знаю свои, а вы должны знать ваши. Но есть еще существа, которые недавно прибыли на Тсламайну. Я говорю о посланцах с неба.

Де-ме-Холмур прервал неуверенное перешептывание:

— Я много слышал о них. Что ты предлагаешь, Шангрит?

— Я ничего не предлагаю, прежде чем сведения, полученные от моих агентов, не подтвердятся. Позовите нашего посла в Лосити.

Последовал продолжительный перерыв, который можно было вынести только потому, что его заполнил поистине королевский обед. Наконец прибыл Рор де-Келхуанг, посол в Лосити. Он появился, задыхаясь и ничего не понимая.

— Для чего вы призвали меня так поспешно, почтенные зануралы?

Члены этого Занура, как и Занура Лосити, уважали способности старого Келхуанга. Лосити, главный соперник По-Раби в торговле и коммерции, находился на расстоянии нескольких сот легат к юго-западу и контролировал западную часть дельты Скатанды, огромной болотистой местности при впадении реки Скар в Гроаламасан.

На полпути между двумя городами-государствами, немного ближе к Лосити, находилась станция, основанная странными посланцами с неба. Их наука была на гораздо более высокой ступени развития, и тем, кто знал, как выудить эти знания, можно было получить немалую пользу. Этих пришельцев старательно обхаживали дипломаты и из Лосити, и из По-Раби.

— Расскажите Зануру, — приказал Шангрит послу, — то, что вы рассказывали мне несколько недель назад о посланцах с неба. О новых пришельцах.

— Новые пришельцы? — нахмурился де-ме-Холмур, как и некоторые другие члены Занура. — Вы хотите сказать, что еще несколько существ, похожих на гигантских жуков, прибыли на Тсламайну?

Келхуанг неуверенно взглянул на своего покровителя Шангрита. Но тот жестом велел ему быть откровенным.

— Здесь собрались друзья, Келхуанг, говорите открыто.

Посол кивнул:

— Был холодный и встрепанный день, и мне пришлось...

Де-ме-Холмур прервал его:

— Мы ценим свое время, Келхуанг. И поэтому оставим поэзию.

— Простите, мойт. Меня потрясло это. — И он указал на кусок сунита.

— Мы понимаем. Ваш интерес к потенциальной прибыли вызывает у нас одобрение. Но все же будьте кратки.

Келхуанг сделал жест в знак согласия и продолжил:

— Члены Занура, как вы знаете, я взял себе за правило во время путешествия из нашего города в Лосити обращать внимание на все интересное, что происходит в дельте. Пришельцы с неба редко покидают свой дом, который ходит по воде, но мне удалось поближе познакомиться с ними. Таким образом я узнал, что пять недель тому назад с неба к ним прибыли их союзники. Я был поражен, увидев, что эти вновь прибывшие не похожи на тех, кто построил небесную станцию, а скорее, похожи на нас.

Эти сведения вызвали у зануралов возгласы удивления.

— Вы хотите сказать, — спросил Гуптинак, — что они не так ужасны на вид, как те большие существа-жуки?

— Нет, — сказал Келхуанг, довольный впечатлением, которое произвела его новость. — Они очень похожи на маев, только выше ростом, даже выше, чем тсла, но ниже, чем на. У них больше волос, черты лица более резкие и определенные, но более грубые и некрасивые. Они страдают от нашего климата так же, как и тсла, в отличие от их друзей, похожих на жуков, которые в дельте чувствуют себя превосходно. Это один мужчина и одна женщина, так похожие на нас, что на расстоянии их можно принять за маев. Я сам не встречался с ними, я только видел, как они разговаривали с мойтом своей станции, которую зовут, — Келхуанг с трудом выговорил чуждое ему слово, — Порлезмозмит. Позже мне удалось с ней побеседовать, и она тоже заметила, как мы и новые пришельцы похожи друг на друга. И верно. Сходство между нами

удивительное. Правда, у вновь прибывших меньше глаза и больше уши, похожие на изогнутые крылья, которые видны даже на расстоянии. Да, и у них только по пять пальцев на руках и ногах, а не шесть, как это положено, хотя у существ, похожих на жуков, только по четыре пальца, но ведь у них есть еще дополнительная пара рук и ног. Может быть, эти новые пришельцы больше похожи на нас, чем на тсла или на, с которыми мы делим этот мир.

— Это очень интересно, — сказал де-ме-Холмур. — Но какая нам польза от этого?

— Расскажите, что повсдали вам жуки о планах своих новых гостей, — подсказал послу Шангрит.

— О, мне говорили, что эти пришельцы привезли с собой чудесную волшебную лодку, которая передвигается по воде гораздо легче, чем построенная раньше станция. Она не зависит от силы ветра или мускулов, ее сила находится внутри ее самой. Мне сказали, что лодка может двигаться с большой скоростью даже вверх по течению реки Скар.

Присутствующие зашептались, пораженные тем, что узнали.

— Мы слышали о многих чудесах, привезенных посланцами с неба, — проговорил де-ме-Холмур. — Я чувствую, что ты хочешь сказать, Шангрит, но ведь ты не думаешь, что они продадут нам это удивительное судно.

— Никогда, — произнес посол. — Мне неоднократно говорила мойт Порлезмозмит, что они могут вступать с нами только в очень короткие, ограниченные контакты и что их законы запрещают продавать совершенные приборы и инструменты, которые они привезли с собой.

— Ну, в этом нет никакой выгоды, — пробормотал один из членов Занура. — Эти пришельцы нам действительно чужие.

— Вновь прибывших, которые похожи на нас, — продолжал посол, — ученые, а не купцы. Они хотят изучить каньон Баршаягад, в колыбели которого протекает наша река Скар.

— А в этом уже есть определенный смысл, — отреагировал де-ме-Холмур. — Хорошие знания всегда полезны. — Он сделал знак, призывающий духа знания и понимания, но в конце концов все же вынужден был спросить: — А что думаешь ты, Шангрит?

— Эти пришельцы с неба еще мало знают о нашем мире. Им не известно о том, что лежит за пределами дельты, не смотря на все их познания. Они не знают, как может вести себя Скар, или Хотиек, или Оранг, или иные меньшие притоки. Не знают ничего о тех, кто живет в каньоне. Им будут нужны проводники.

— А! — На лице де-ме-Холмура отразилось понимание. — Им понадобятся дружественно настроенные местные жители, которые будут показывать им куда идти.

— Да, показывать куда идти!

— А мы, правители По-Раби, как хорошие друзья, должны подобрать желающих им помочь.

— Любым путем, — подтвердил Шангрит.

— А откуда нам знать, захотят ли эти странные чужаки совершить путешествие вверх по Скару, дальше города Ибе? — поинтересовался один из зануралов.

— Это нам пока неизвестно, — признал Шангрит. — А как выведать намерения чужаков? Однако, если они так похожи на нас внешне, как об этом говорит посол де-Келхуанг, кто скажет, что их мотивы отличны от наших? — Он отвернулся от стола. — Вы не имеете представления о том, насколько далеко вверх по реке они собираются двигаться, Келхуанг?

— Нет. Мойт-жук ясно об этом не сказала. Она говорила только о далеком путешествии, конечно, дальше, чем город Ибе.

— Тогда наш путь ясен, зануралы. — Де-ме-Холмур наклонился вперед, чтобы подчеркнуть то, что выражал словами и жестами. — Мы должны сделать все возможное и убедить этих пришельцев в своем хорошем отношении к ним, чтобы они приняли помощь от нас, жителей По-Раби.

— Предположим, они ее примут, — сказал другой член Занура. — А если они не захотят отправиться в район наших устремлений? Что, если они достигнут Кеккалонга и сочтут, что дошли уже достаточно далеко?

— Тогда, возможно, — тихо проговорил Шангрит, — нам удастся убедить их дать нам попользоваться этим чудесным средством передвижения. Я уверен, что красноречивый Рор де-Келхуанг использует весь свой ораторский талант, чтобы обеспечить выполнение того, что нужно Зануру.

— Я, конечно, предприму все возможное. — Посол сделал замысловатый жест, чтобы призвать на помощь духов всех великих дипломатов прошлого. Затем взглянул в сторону, где серебристо мерцал чистый сунит. — Однако прежде, почтенные, я бы хотел, чтобы вы объяснили мне суть моей миссии. Я не ошибусь, если сочту, что она как-то связана с тем необычайным богатством, которое находится в центре зала, рядом с телом умершего мая?

— Вы не ошибетесь, — кивнул де-ме-Холмур. — Садитесь.

Показывая жестами, что он благодарен за такую честь, де-Келхуанг сел за стол, а Шангрит стал рассказывать ему о событиях этого утра.

Последующие обсуждение и выработка планов длились до вечера. Дневная жара сменилась жарой ночной, а Занур все продолжал свое затянувшееся заседание. Служащие и стража шушукались и недоумевали, а правители По-Раби все оставались в зале.

Только тогда, когда рано утром они наконец разошлись, кто-то позаботился прислать слуг, чтобы те убрали окоченевший труп купца и путешественника Брила де-Панлтатола, имя которого вскоре предстояло увековечить. Куда большее внимание уделили тому, чтобы соответствующая доля наследства Брила была препровождена в казну города. Еще больших усилий и хитрости нужно было для выполнения, казалось, невозможной задачи — передачи Зануру По-Раби остатка его наследства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Этьену Редоулу надоело измерять скорость течения, надоело брать образцы со дна реки. Наблюдения за приливом и отливом на песчаных и илистых отмелях больше не интересовали его, потерял Этьен интерес и к тому, как анализатор выдавал графики минерального состава пород. Но больше на станции делать было нечего.

Они ждали разрешения местных властей начать путешествие вверх по течению реки, казалось, уже целую веч-

ность. Тем, кто говорил о непреодолимой бюрократии в совете по делам науки и исследований Содружества, нужно было бы раз в жизни соприкоснуться с византийскими уловками маев Тсламайны. Местонахождение станции между соперничающими городами-государствами По-Раби и Лосити еще больше мешало получить необходимое разрешение.

Однако нельзя было слишком настаивать. В том, что касалось миров класса 4Б, политика Содружества была очень строгой. Порлезмозмит, возглавлявшая станцию, сочувствовала бедам Редоулов, но не до такой степени, чтобы нарушать распоряжения. Поэтому команда, состоящая из мужа и жены, сидела, обливаясь потом, и ждала.

Этьен оставался на лестнице достаточно долго, чтобы отрегулировать термодатчик на своей трикотажной рубашке и шортах. Микроскопические охлаждающие элементы, вплетенные в материал, тщетно пытались освежить его кожу. Этьен взглянул на миниатюрный дисплей, укрепленный на запястье. Был довольно умеренный полдень, температура около пятидесяти градусов, а влажность всего девяносто процентов. Ему вдруг захотелось оказаться в прохладе их кают, на верхней платформе станции.

Транксы считали, что температура несколько высоковата, но им нравилась влажность. Вот почему они были выбраны для работы на единственном форпосте Содружества. Здесь они чувствовали себя почти как дома. Для людей же это место было просто невыносимо.

Вообще эту планету надо было назвать Планетой Страданий, подумал Этьен. Но ее назвали в соответствии с геологическими особенностями. Именно геология, единственная в своем роде цивилизация, созданная здесь, была причиной того, что Этьен и его жена Лира взялись выполнить бесконечное число заявок и выдерживали невыносимую жару, чтобы быть первыми учеными Земли, которым разрешено работать за пределами форпоста. Во всяком случае, так было бы, если бы местные власти наконец разрешили им предпринять экспедицию вверх по реке. Пока этого не произошло, они оставались привязанными к станции. Они провели месяцы в ожидании разрешения, бесконечные дни в борьбе с ужасной жарой и влажностью, которые лишали их первоначального эн-

тузиазма. Лира держалась лучше, переживая ежедневные разочарования, но и она уже начинала сдавать.

Этьен заставил себя думать о Тсламайне так, как она выглядела с высокой орбиты. Ее успокаивающий вид напомнил ему, почему они явились в мир, который те, кто открыл его, назвали Хорсея*. Лира, правда, предпочитала местное название — Тсламайна, но новое название, безусловно, подошло больше.

Давным-давно планета столкнулась с внушительного размера метеоритом. Помимо появления огромной круглой впадины, которую теперь заполнили воды океана Гроаламаса, это столкновение нанесло также большие повреждения всей планете. Поверхность суши, выступающая высоко над единым мировым океаном, включала плато Гунтали. Воды, стекающие с Гунтали, за сотни миллионов лет терпеливо размыли трещины на поверхности, что в конце концов привело к возникновению самых живописных речных каньонов, которые когда-либо существовали. Сочетание геологических и климатических факторов, необходимых для создания этого внушающего благоговейный ужас пейзажа, не было повторено ни в одном из остальных изученных миров.

Из всех речных каньонов, безусловно, самым величественным был Баршаягад, что на языке мая означало «язык мира». Имеющий у впадения реки в океан в ширину более двух тысяч километров, на север от дельты, он простирался примерно на тринадцать тысяч километров и терялся в покрытых облаками полярных пустынях. От поверхности медленно текущего Скара до края Гунтали в нескольких сотнях километров вверх по реке Баршаягад поднимался примерно на восемь тысяч метров. Там, где на плато простирались горы, эта разница по высоте была еще больше. Но Баршаягад в устье был так широк, что путешествующий по реке не видел, где постепенно повышающиеся склоны переходили в плато на востоке и западе. Результатом явилось удивительное многообразие живых

* от слова «horseye» (англ.) — включение пустой породы в руде (Прим. пер.).

организмов в экологических регионах, сменяющих друг друга не по долготе, а по высоте подъема над уровнем океана, поскольку природа использовала различия по температуре и влажности зон, расположенных на разной высоте склонов каньона.

Три различные разумные расы млекопитающих появились на Тсламайне, каждая на своей высоте речных каньонов. Отличающиеся агрессивным соперничеством маи, находящиеся на начальной ступени капитализма, правили океаном и долинами рек. Выше них, в зоне более умеренного климата, расположенной между тремя и пятью с половиной тысячами метров, жили тсла. По обледеневшим кромкам каньонов и по плато Гунтали свободно бродили кровожадные на, по крайней мере, так утверждали местные жители. Никто из них никогда не видел на, а поскольку сознание маев было насыщено здоровым уважением и верой в существование тысяч духов, демонов и привидений, осторожная Лира Редоул не торопилась признавать существование на планете легендарной третьей разумной расы.

Температура и давление, а не национальные или племенные традиции препятствовали смешению рас на Тсламайне. Это делало социокультурную ситуацию здесь такой же уникальной, как и местная геология, любила говорить Лира своему мужу.

Их надеждой, мечтой, которая привела Этьена и Лиру сюда, на расстояние многих световых лет, было добраться на своем аппарате на подводных крыльях вверх по реке Скар до ее истока, по пути тщательно изучая геологию и жителей планеты. Но Тсламайна принадлежала к мирам класса 4Б. Это означало, что ученые могли действовать здесь только с разрешения местных властей, а разрешения им не давали, несмотря на неоднократные настойчивые просьбы.

Итак, Этьену оставалось изучать почву в дельте и вокруг станции, а вокруг, по правде говоря, ничего особенного не было. У Леры положение было лучше — она могла ходить в гости к тем рыбакам, которые иногда посещали станцию, чтобы поболтать с ней и попытаться стащить что-нибудь, что не было крепко привинчено к полу. Персонал станции никогда не пытался наказывать местных жителей за такие попытки. Во-

первых, они никогда не увенчивались успехом, а во-вторых, это было частью местной культуры.

Прошло уже шесть месяцев с того дня, как космический корабль доставил Редоулов на станцию, и Этьен уже готов был признать, что их экспедиция не удалась. Только сознание того, что они могут быть первыми, кто предпримет путешествие вверх по реке, мешало ему отправиться обратно с первым же транспортным кораблем, доставляющим им припасы.

Было бы хорошо, если бы Лира не высказывала своего разочарования. Но нет, этого она не могла. Лира говорила об этом постоянно и громко всем, кто случался поблизости. Транксы были слишком вежливы, чтобы попросить ее заткнуться, а Этьен несколько раз пытался, но безуспешно. Через месяц он просто перестал обращать на нее внимание, стараясь даже не слушать ее. Это ему было нетрудно. Он вел себя таким образом уже двадцать лет. Восемь-девять лет тому назад все могло бы закончиться разводом, но теперь они слишком много вложили друг в друга. Удобство и привычка уравнивали неприятные ссоры, хотя иногда Этьен не был в этом так уверен.

Внезапно он почувствовал резкий укус в шею. Держась за лестницу правой рукой, левой он потянулся и нащупал что-то мягкое и движущееся. Он взглянул на это существо с отвращением.

Существо было длиной в его ладонь и толщиной с большой палец, совершенно прозрачное, с темным пятном, плавно переходящим с головы на туловище. Когда Этьен крепко сжал его в руке, существо стало вертеться и извиваться в поисках крови, которую только что обнаружило и которая так внезапно исчезла.

Это был дангуи — изящное местное кровососущее насекомое, родственное кольчатым червям, но с хрящевым позвоночником, который, сжимаясь и распрямляясь, позволял ему подпрыгнуть и вцепиться в предполагаемую жертву. Наполнившись кровью, дангуи краснел. Он, скорее, походил на стекловидную пиявку и, казалось, находил человеческую кровь вполне пригодной для употребления, что вызывало у Этьена бесконечное отвращение.

подавив тошноту, он отшвырнул дангуи подальше и услы-

шал слабый шлепок, когда насекомое упало в мутную зеленоватую воду. Дотронувшись до шеи сзади, Этьен увидел, что рука его в крови. Нужно было немедленно пойти на станцию и обработать ранку антибиотиком.

Через металлические опоры, на которых покоилась станция, проходил слабый электрический ток, отпугивающий подобных местных паразитов, хотя транксов они мало беспокоили, так как у них были прочные экзоскелеты. Этьен же работал с гладкими твердыми поверхностями и чистым камнем, его не интересовали животные, особенно если они пытались вступить с ним в подобный контакт.

Высокие прозрачные облака несколько мешали проникновению ультрафиолетовых лучей, но Этьен все же благодарил судьбу за то, что у него смуглая кожа — наследство его предков, древних американских индейцев. Человек с более светлой кожей сразу же сгорел бы под безжалостным солнцем Тсламайны. Хотя Этьен пробыл снаружи не более десяти минут, по его телу струился пот. Охлаждающая сетчатая рубашка и шорты были единственным, что хоть немного помогало ему. Но даже климат можно было выдерживать, если бы они получили разрешение от местных властей. Долгое ожидание хуже жары, думал Этьен, осторожно поднимаясь вверх по лестнице.

За его спиной псевдопальмы протягивали свои огромные зеленые ветви над лениво текущей водой. Корни столового дерева пучками отходили в стороны от ствола и ныряли в ил. Напперы, маленькие ракообразные, с разноцветными раковинами, наполняли воздух лаем, похожим на собачий.

Внутри станции было ненамного легче, хотя стены ее и защищали от солнечных лучей, так как внутренняя температура устанавливалась на уровне, который устраивал транксов, а не человека. Сорок градусов — это, конечно, не пятьдесят, но влажность была такой же. Только когда Этьен вошел в отсек, предназначенный для менее выносливых путешественников, влажность начала падать. К тому времени, как он дошел до своих кают, машины станции снизили температуру на десять градусов и отсосали из воздуха больше половины влаги.

Ли́ра Редоу́л едва взглянула на мужа. Она полулежала в кресле и смотрела на просмотрный щиток.

— Что-нибудь интересное?

— Меня укусила стекловидная пиявка.

— И сильно?

— Не думаю. — Этьен подошел к шкафчику и, взяв оттуда крошечный флакончик с аэрозолем, брызнул себе на шею. — Скар течет в Гроаламасан, Гроаламасан движется по кругу и приходит сюда. — Он сделал жест в сторону ванной.

Ли́ра отложила в сторону просмотрный щиток и сказала холодно:

— Я не виню тебя, Этьен. Я страдаю так же, как и ты. Но нам ничего не остается, кроме как ждать. Возьми себя в руки и не срывай на мне зло, ладно?

— Я ничего на тебе не срываю, — возразил Этьен раздраженно. — Почему ты все принимаешь на свой счет? Разве я виноват, что эти проклятые отсрочки выводят меня из равновесия? Я точно обезьяна, которая носится по кругу, пытаясь укусить собственный хвост.

— Ты должен держать себя в руках, а не то заработаешь язву

— Я и держу себя в руках! — Он старался говорить таким тоном, чтобы это подтвердить. — У меня нет времени спорить с тобой, Ли́ра.

— Верно. — Она перевела взгляд на щиток.

Редоу́л вздохнул, молча сосчитал до восьми и устало опустился на один из твердых стульев.

— А чем ты сейчас занимаешься?

— Изучаю взгляды Воровского на многократные социальные взаимодействия.

— А разве ты в первый раз это читаешь?

— Нет, в третий. А что ты предлагаешь мне делать? Сидеть на корточках и наблюдать за играми транксов?

— По крайней мере, это все же что-то новенькое. Впрочем, я не хочу спорить на эту тему.

— Ты никогда не хочешь. Меня удивляет, как ты вообще говоришь со мной. — Вдруг жена взглянула на него и улыбнулась. Улыбка была немного натянутой, но все же приветливой. — Кто бы послушал, как мы спорим, словно двое

глупых детей. Знаешь, Этьен, у меня тоже плохое настроение, как и у тебя. Не понимаю, что, черт возьми, мешает этим мойтам дать нам разрешение на путешествие?

— Кто их знает... — Этьен встал со стула, подошел к кухонному блоку и нажал выключатель слева от охлаждающего устройства. Дозатор-раздатчик наполнил стакан фруктовым соком с большим количеством соли и сахара. Устройства для приготовления пищи были тоже рядом, но Редоулы пользовались ими редко, предпочитая есть все в холодном виде. Тсламайна не настраивала на горячую пищу.

Со стаканом в руке Этьен подошел и встал за спиной у жены, положив ей руку на плечо:

— Мир, Лира? — Он отпил ледяной напиток.

Она похлопала мужа по руке:

— Мир. Неужели мы ничего не можем сделать, Этьен?

— Ничего. Ты же знаешь законы. Мы полностью зависим от причуд местных жителей.

Лира кивнула и опять стала читать.

Этьену никогда не надоедало смотреть на нее. После двадцати лет совместной жизни он по-прежнему находил ее привлекательной. В последнее время она стала выглядеть даже лучше, чем обычно, так как с прибытием сюда сильно похудела. На Тсламайне человек исходил потом и мог высохнуть как скелет, если терял осторожность.

— Не понимаю причин задержки, — опять сказала она. — Я пыталась общаться с местными рыбаками и торговцами, но они на любой вопрос делают какой-то жест, точно пожимают плечами в недоумении. Из того, что мне удалось узнать, я поняла: оба эти города-государства изобилуют новыми идеями и быстро развиваются. Можно было ожидать, что то или иное государство будет радо дать нам разрешение на путешествие вверх по реке.

— Уверен, они его дадут, — согласился Этьен, — если мы пообещаем взамен что-нибудь существенное. К сожалению, правила, охраняющие миры класса 4Б, запрещают торговать с туземцами. Нам нельзя передавать им какие-либо персодовые технологии, а это именно то, что они хотели бы у нас купить. Вечный порочный круг. Мойты согласны дать нам разрешение на путешествие вверх по реке, но они хотят, чтобы мы им

заплатили. Мы же не можем им платить тем, что они хотят, так как это запрещено законом. Поэтому мы здесь сидим и истекаем потом.

— Очень справедливо. А как твоя шея?

Он дотронулся до неглубокой ранки:

— Мерзкие маленькие чудовища. Я не против побороться с кем-нибудь большим и зубастым, но я ненавижу паразитов.

— Позволь мне еще воспользоваться антибиотиком. — Лира положила просмотрный щиток и взяла аэрозоль. Этьен опять ощутил на шее приятную прохладу.

— Все в порядке, — сказала Лира с удовлетворением. — Нам совсем не стоит подхватывать инфекцию, пусть даже и очень интересную. До сих пор нам везло. Конечно, мы не так много времени проводили вне станции. — Она заколебалась. — Этьен, я просто лезу на стенку, готова мебель жевать. Мы должны выбраться отсюда. Слушай, почему бы нам еще раз не проверить, как работает судно?

Он поморщился:

— Мы выработаем ресурс, прежде чем отправимся в путь, если будем проверять системы так часто.

— Да нет. Я хочу сказать — давай проверим судно в деле. — В ее голосе звучало с трудом сдерживаемое возбуждение. — Давай прокатимся в открытом море. На Гроаламасане всегда прохладнее.

— Порлезмозмит будет сердиться, станет читать нам нотации за несвоевременную демонстрацию передовых технологий в обществе, не знакомым с силой пара...

— Ерунда. Местные рыбаки сто раз видели, как мы проверяли корабль.

— Женщина, у тебя чертовское чувство юмора, — улыбнулся Этьен.

— Оно помогает, когда проводишь жизнь, стараясь понять культуру других народов. Пойдем, будет очень здорово. И такая перемена!

Этьен чувствовал себя лучше, когда они покидали свои каюты. Они взяли с собой еду — холодные местные блюда. Структура пресного, похожего на крекер хлеба, казалась необычной, но вкус был восхитительным.

От их отсека до уровня номер три было недалеко. На этом

уровне, самом низком на станции, висел их корабль на подводных крыльях, изящный аппарат треугольной формы из сверхлегких металлов. Компактный реактивный электрический двигатель выглядел из-под кормы, похожий на ротовое отверстие личинки стрекозы. Этот корабль на подводных крыльях, прекрасное произведение инженерного искусства, несмотря на свой изящный вид, был очень прочным. Внутри он был просторным и удобным в управлении.

Не обращая внимание на удивленные взгляды рабочих-транксов, обслуживающих станцию, Этьен включил управление отсеком. С мягким жужжанием двойные двери раздвинулись, и внизу, метрах в двадцати, стала видна вода.

Носовые и кормовые захваты плавно опустили корабль на воду. Лира уже находилась на борту. Она принесла с собой еду и сейчас прогоняла автоматическую программу диагностики. Не обращая внимания на лестницы, Этьен руками и ногами обнял трос, идущий от одного из захватов, и соскользнул на корабль. Затем, дотронувшись до выключателя, освободил судно от удерживающих его захватов, и оно свободно закачалось на водах дельты.

Купол из плексисплава закрывал кабину, где Лира уже ждала его, сидя в кресле капитана. Мотор взревел, оживая, когда фотовольтовое покрытие корабля заработало, обеспечивая полный заряд топливных батарей, снабжающих судно энергией.

Навстречу Этьену рванулся поток восхитительно прохладного воздуха кондиционера.

Лира нажала на акселератор и повернула руль. Они вышли из тени станции и направились на юг. Вскоре они миновали последние деревья и высокие болотные травы и вышли в открытый океан.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дул свежий ровный пассат, влажность на палубе быстро спустилась до вполне терпимых восьмидесяти процентов, а температура резко упала до сорока градусов. Воспользо-

вавшись тем, что стало гораздо прохладнее, Этьен поднялся на палубу. Время от времени он поворачивался и махал рукой Лире, которая оставалась внутри прозрачного купола, управляя приборами корабля.

Заборные устройства, смонтированные на передней кромке каждого подводного крыла, всасывали воду и подавали ее на корму. Электрический мотор выбрасывал струю воды через двойные сопла высокого давления, и корабль быстро скользил над поверхностью воды. Он был предназначен для передвижения по рекам, но мог с успехом применяться и в открытом океане, если только не было слишком высоких волн.

Позади них на горизонте дельта Скатанды казалась тонкой зеленой полоской. Лира направила корабль к юго-западу, туда, где лежал город-государство Лосити. Они старались держаться подальше от берега, где у входа в гавань оживленно сновали торговые суда.

На тысячу километров к югу и северу от них упирались в небо утесы Гунтали высотой восемь тысяч метров. Ни из Лосити, ни из По-Раби их нельзя было увидеть из-за большого расстояния и кривизны планеты, хотя в некоторых местах утесы открывались прямо в море, являя собой зрелище, равного которому не было ни на какой другой обжитой планете. Только там, где реки такие, как Скар, прорезали себе дорогу к океану, возможно было земледелие и строительство городов.

Через микрофон, вмонтированный в купол кабины, раздался голос Лире:

— У меня что-то показалось на сканере, в нескольких градах по правому борту. Хочешь подойдем и посмотрим?

— Конечно, хочу, — Этьен, взявшись за поручень, смотрел, как подводные крылья разрезают поверхность моря.

Лира улыбнулась мужу, слегка поворачивая корабль вправо. Вскоре они увидели то, что на сканере казалось маленькой точкой, — это был трехпалубный тримаран, большой торговый корабль, прекрасный образец корабельного искусства маев. Три поплавка сидели низко в воде под весом большого количества товаров, собранных в портах кругового моря. В Лосити корабль шел из далекого Ко-Физи, а до него побывал в Суфуми. Отсюда он отправится в По-Раби, находящийся на

другой стороне Скатанды, затем дальше к Шиенбе и опять на восток.

Корабль шел довольно быстро, подгоняемый попутным ветром. Пассаты всегда дули по часовой стрелке, огибая окружность океана Гроаламасан. Только вблизи теплого южного полюса капитан мог уловить непривычные ему ветры, и иногда это помогало ему сократить дорогу домой вокруг великого океана.

Жестикуюлируя и болтая без умолку, матросы уже высыпали на верхнюю палубу и карабкались по снастям, желая взглянуть на странный чужеземный корабль. Матросов удивлял даже не силуэт корабля, а то, что он мог двигаться на совершенно невозможной скорости против ветра, уж не говоря о том, что у него не было парусов. Когда Лира огибала массивный торговый корабль, желая разглядеть его получше, матросы и пассажиры маи перебегали с палубы на палубу, не желая терять странное судно из виду.

Сделав в судовом журнале запись о встрече с торговым кораблем, Редоулы миновали целую флотилию небольших плоских рыбачьих лодок, собиравших богатый урожай даров моря там, где стоячая вода смешивалась со свежей.

Снижая скорость, чтобы легче было пробираться между первыми маленькими островками, поросшими зарослями псевдопальм, Этьен и Лира увидели, что один большой корабль направился в их сторону. На лицах членов его команды было написано возбуждение, в руках они держали длинные палки, топоры и пики. Маи с радостью бы перерезали горло этим двум людям, чтобы завладеть бесценным кораблем на подводных крыльях. Этьен испытал далеко не научные чувства, а Лира нажала на акселератор, и несостоявшиеся пираты остались далеко за кормой.

— Мерзкие маленькие ублюдки, — пробормотал Этьен, глядя назад.

— Ты просто не понимаешь примитивной цивилизации, — заметила Лира с неодобрением.

— Ладно, назови их примитивными, мерзкими маленькими ублюдками.

— Они жадные, а не жестокие, — настаивала Лира. — Ты должен смотреть на них в свете законов их общества.

Типичная примитивная культура плутократии, в которой личное богатство свидетельствует о положении в обществе. Нельзя, чтобы твоя собственная точка зрения влияла на нашу работу.

— Почему нельзя, черт возьми? Порлезмозмит думает о маях так же, как и я.

— Она — администратор, бюрократ, она умеет только кнопки нажимать, она ничего не знает о ксенологии и не хочет знать.

— Я сказал только, что некоторые их привычки неплохо было бы немного изменить.

— Окружающая среда диктует им их действия, а не собственный выбор.

— Какая окружающая среда? — Этьен взмахнул рукой, указывая на приближающуюся линию высоких деревьев. — Это теплая, богатая земля. Как, исходя из этого, можно объяснить такое соперничество в их обществе?

— Их природная агрессивность находит выход в торговле и коммерции. Разве это не лучше, чем войны между городами-государствами?

— Да, конечно, это лучше для здоровья, но с точки зрения цивилизации, может быть, честнее разобраться со своим соседом, чем пытаться обокрасть его вчистую.

— Их попытки украсть подчиняются жесткому своду законов, Этьен, а о войне этого не скажешь.

— Уж лучше я буду изучать структуру поверхности планеты, а не общество. Это более благородное занятие.

— Ты хочешь сказать, более простое, не так ли? В геологии так мало изменений. Конечно, тебе проще, но я тебе не завидую. В изучении скал нет никакой радости.

— Да ну? Позволь мне тебе возразить... — И он продолжал говорить еще несколько минут, прежде чем Лира оборвала его, как это она делала всегда. Так кончались многие их дискуссии.

— Но если ты собираешься вести себя таким образом, я просто не буду говорить с тобой об этом. — Лира решительно отвернулась и всю дорогу смотрела только на сканер. Этьен тоже молчал, хотя внутри у него все кипело.

На станции, у причала, их ждала служащая порта. Этьен

взобрался по тросу, чтобы пристыковать корабль. Служащая подошла и стала рядом с ним.

— Простите. — Ее синтезированная речь звучала не очень гладко, что было верным признаком того, что Хорсея была первой чужой планетой, на которую ее послали. Своим трупом и руконогами она крепко вцепилась в ближайшую колонну, а ее четыре ноги были широко расставлены. Казалось, служащая стремится быть как можно дальше от воды.

Ее нетрудно было понять. Транксы хорошо держались на поверхности воды, но плохо плавали, а их дыхательные пути располагались на грудной клетке, ниже шеи. Стоящий транкс мог утонуть на мелководье, хотя все еще продолжал видеть и слышать. Только по этой причине Тсламайна не считалась популярным местом службы для транксов. Климат был для них идеален, но поверхность планеты сулила слишком много опасностей.

Поэтому Этьен не спросил служащую, почему она так крепко вцепилась в колонну, он понимал, почему она молчала до тех пор, пока корабль не зашел в отсек и двойные створки не захлопнулись за ним.

— Что случилось? — спросил он, когда Лира подошла к ним. Не глядя на него, она поправляла верх купальника. На лице ее застыло неприветливое выражение.

— Скоро сюда прибудет посланник из По-Раби, — сказала служащая. — Только что был курьер. Вам дано разрешение совершить путешествие вверх по реке по дельте, по тем рукавам Скара, которые контролирует мойт По-Раби.

Этьен издал победный клич и сделал сальто назад, совершенно поразив этим работающих неподалеку. Такой гимнастический трюк был им явно не по силам. Лира стояла рядом и улыбалась, глядя на служащую. Ссора, возникшая между супругами по пути на станцию, была забыта.

— Давно уж пора, — пробормотала она. — А курьер не сказал почему мы так долго ждали?

— Он больше ничего не добавил, — сказала служащая, сопровождая свой ответ отрицательным жестом, а также эмпатией третьей степени.

— Готов побиться об заклад, я знаю, что произошло, — заявил Этьен. — Наша станция расположена немного ближе

к Лосити, чем к По-Раби. И они, наверное, решили, что пора перестать торговаться и дать нам это разрешение, пока мы не заключили какую-либо сделку с жителями Лосити.

— Мне бы не хотелось забрасывать грязью вашу теорию, — сказала транкс извиняющимся тоном, — но мне кажется, они по-прежнему настаивают на какой-то символической оплате

— Но мы уже сто раз это обговаривали! — взорвалась Лира. — Они хотят прогрессивных технологий, а нам закон не разрешает передавать их. Не хотите же вы сказать, что они решили принять наши товары?

— Нет. Капитан Порлезмозмит придумала метод, как можно их удовлетворить, не нарушая торговых ограничений, существующих в отношении народов класса 4Б. Во время сезонных разливов Скара участки, расположенные выше, не затопляются, и поэтому ил на них не оседает. Урожаи получаются очень плохие. Капитан обговорила это с представителями По-Раби, и они очень хорошо друг друга поняли. Салвенковдев, заведующий химической лабораторией станции, согласился подготовить оборудование для производства высококачественных природных удобрений для таких высокогорных полей. По действующим правилам этот тип удобрений не считается товаром высокой технологии, поэтому его можно предложить местным жителям, а По-Раби согласился принять это в качестве оплаты.

— Молодчина, старина Порлез! — воскликнул Этьен. — Она, оказывается, все время работала, чтобы нам помочь, но ни словом не обмолвилась.

— Вероятно, не хотела, чтобы мы понапрасну надеялись, — сказала Лира. — Но я хочу верить, что по форме оплаты не будут судить о важности нашей экспедиции.

— Да какая разница? Наконец-то мы двинемся в путь! Спасибо, — обратился Этьен к транксу. Двойные усики дрогнули и наклонились в знак вежливого ответа. — А когда этот посланник должен прибыть сюда?

— Курьер не сказал точно. Может быть, завтра, а может быть, через несколько дней. Я очень рада за вас обоих.

— Еще раз спасибо. Мы уже несколько месяцев готовы к путешествию, но, я думаю, мы найдем, чем заняться в последние минуты.

— А сейчас прошу меня извинить. — Транкс с трудом разжала железную хватку, отпуская колонну, за которую держалась, и медленно попятилась от закрытых дверей отсека. Когда от потенциальной пропасти ее отделяло достаточно большое расстояние, она явно повеселела.

Оживленно переговариваясь, Этьен и Лира вернулись в свою часть станции, занявшись упаковкой личных вещей и некоторых мелочей, о которых ранее забыли. Ведь им предстояло провести долгое время вдали от цивилизации, и они не смогут вернуться обратно за какими-нибудь запасными вещами или одеждой.

Хорошо, что они могли есть местную пищу. Это оставляло много свободного места на борту для оборудования, медикаментов и тому подобного.

В одном из нижних отсеков трюма Редоулы сложили все, что может понадобиться для путешествия в зонах с холодным климатом. Теплая одежда будет им нужна, когда они поднимутся в северные широты. После безжалостной жары Баршаяада они с удовольствием готовились немного померзнуть.

Прошло два дня, прежде чем появился корабль посла. Его свита была столь же скромной по размеру и внешнему виду, как и его корабль. Рор де-Келхуанг был разочарован, узнав, что не сможет провести своих сопровождающих, но принял все с подобающей дипломату сдержанной учтивостью.

Впрочем, судно посла было довольно впечатляющим. Подняв вверх двухлопастные весла, когда посол сходил на берег, нанятые гребцы, однако, были не в состоянии не бросать взгляды на странный замок чужаков, поднимающийся высоко над водой на массивных металлических ногах.

Встреча произошла на открытой платформе, опоясывающей кольцом нижние уровни станции. Этьен и Лира ждали посла, одетые только в шорты и майки. На Тсламайне не позволялось носить официальные костюмы.

Но и посол был прикрыт не намного более, чем земляне. Его набедренная повязка была темной и непрозрачной, как того требовал обычай, а верхнее одеяние, сотканное из серебристых и золотых нитей, хотя и покрывало его с шеи до щиколоток, но мало что скрывало. Это был очень броский ко-

стю. Как объяснила Лира, материал и сложный тканый узор могли многое рассказать о положении в обществе своего владельца, а также о том, какое было время года и по случаю какого праздника эту одежду надели. Хороший портной-май мог сделать очень многое из небольшого. Лире такие детали местной жизни казались захватывающе интересными. Этьен стоически выдерживал ее энтузиазм. Его интересовали минералы, а не люди.

Посол-май широко развел руки в стороны и медленно повернулся вокруг своей оси. Движение было плавным, но медленным, что подчеркивало солидный возраст посла. Порлезмозмит, которая встречалась с ним ранее, официально представила их. Она говорила на языке маев хорошо, но, конечно, даже сравниться не могла с Редоулами. Впрочем, это было следствием особенностей строения гортани транксов, а не отсутствия лингвистических способностей.

— Рор де-Келхуанг, это Этьен и Лира Редоулы, наши гости, которые хотели бы посетить ваши земли.

— Мы рады с вами познакомиться, — добавила Лира. — Мы с бесконечным удовольствием ожидали возможности исследовать вашу великолепную страну и безгранично благодарны за разрешение, предоставленное нам вашим Зануром от имени вашего могущественного и уважаемого города-государства.

Посол легким жестом дал понять, что принимает столь изысканную тираду, которую Лира от скуки выучила наизусть. Его мягкий, пронизательный взгляд был устремлен на женщину. Это можно было понять. Лира была одного роста с послом, что, конечно, для женщин маев довольно много, но все же не была таким гротескным гигантским куполом, как ее муж. Посол впервые встретился с новыми пришельцами и был, очевидно, потрясен их сходством с его народом. Этьен с трудом удерживался, чтобы не рассмеяться при виде того, насколько откровенно посол разглядывал Лиру. По стандартам маев ее фигура должна была просто потрясать.

— Я с восторгом передаю вам приветствия и добрые пожелания Найоке де-ме-Холмура, мойта По-Раби. После длительного обсуждения и размышлений совет решил, в обмен на получение от вас определенных вещей, разрешить вам свобод-

но путешествовать по всем обширным территориям, контролируемым нашим городом-государством.

— Я рад, что все уладилось, — ответил Этьен. Его майский язык был более разговорчивым, чем у Лиры, но посол, казалось, не обратил внимания на менее официальную, чем следовало бы, речь чужака.

— Каким путем вы проследуете?

Этьен неискренне улыбнулся. Они с Лирой обсуждали возможность предательского поведения местных жителей и решили, что будет лучше показаться немного невежливыми, но зато скрыть детали их плана.

— Мы еще не решили. Мы идем туда, куда влечет нас жажда знаний.

Де-Келхуанг, как опытный дипломат, не отреагировал на явную уклончивость ответа.

— Я завидую вашей свободе, — сказал он. — Увы, моя работа редко позволяет мне отклоняться от предписанного курса. Мне рассказывали о ваших волшебных устройствах, которые позволяют видеть ночью и в плохую погоду так же хорошо, как и в безоблачный день. Тем не менее мы бы не выполнили возложенных на нас обязательств и наша честь была бы задета, если бы вы столкнулись с неприятностями, пытаясь пройти по главному течению великой реки Скар.

Этьен немедленно насторожился.

— Необходимо также, чтобы у вас с собой были не только подписанные документы, которые можно подделать, чтобы подтвердить, что вы путешествуете под покровительством По-Раби. Нужно, чтобы и невежественные бандиты, и недоверчивые деревенские жители, которые могут вам встретиться и многие из которых не овладели искусством чтения, позволили вам пройти через свои земли.

Посол повернулся и, перегнувшись через поручень, крикнул что-то своей свите, оставшейся на корабле. Через мгновение на ступенях лестницы появились двое маев. Их сетчатая одежда была простой, а поведение — подобострастным.

Первой мыслью Этьена было, что они составляют какую-то часть официального сопровождения посла, но оказалось, что это не так.

— Эти двое будут вашими проводниками. Их присутствие

также будет гарантировать вам безопасность, — объявил де-Келхуанг. По его приказу маи по очереди сделали шаг вперед и жестами выразили готовность повиноваться людям.

Мужчину звали Хомат, женщину — Ирквит. Этьен заметил, что перед их именами отсутствовала почетная приставка «де». Лица обоих были просто раскрашены, а длинные волосы заплетены сзади в одну косу, в отличие от сложной элегантной прически посла, волосы которого, впрочем, были довольно редкими. Поклонившись и повернувшись несколько раз, маи протянули руки к Редоулам ладонями вверх.

Поколебавшись мгновение, Лира положила свои руки ладонями вниз на руки маев. Гораздо более длинные пальцы аборигенов коснулись ее запястья. Каждый из шести пальцев кончался мягкой подушечкой. Ни ногтей, ни когтей на них не было.

Затем Лира отступила и, отведя в сторону своего мужа и Порлезмозмит, заговорила с ними на симбоязыке.

— Ну что вы скажете? Мне, по правде, не очень хочется брать их с собой, но и посла я не хочу обидеть.

— Вы ученый-ксенолог, Лира. Но было бы недипломатично отказываться от предложенной помощи. Они пришли к вам как официальные представители своего города. Мне эти маи не кажутся подозрительными, наоборот, они могут оказаться полезными в вашем путешествии. Ведь ваше знание местных обычаев далеко не полное.

— Если бы это было так, мы бы не собирались плыть по реке несколько месяцев. Этьен, что ты думаешь?

— Что до меня, я бы их не брал, но, как говорит Порлез, это действительно своего рода официальные представители, и я не вижу, как мы могли бы отказаться. Уверен, их подослали, чтобы выведать о нас возможно больше для их Занура, но в этом нет большой беды. Маям придется находиться на палубе, вдали от всех приборов. Кондиционированный воздух кабины убьет их за несколько часов, во всяком случае, они будут чувствовать себя там чертовски плохо.

— Ну раз так, пусть едут с нами. Вы правы, Порлез, они могут действительно нам помочь. Если же они будут нам мешать, мы сможем обвинить в этом непосредственно Занур Пор-Раби. И потом, хотя у нас и есть приборы, будет неплохо иметь

на борту местных жителей, знакомых с этой территорией. Может быть, они умеют готовить. Когда мы окажемся в районах с прохладной погодой, будет приятно съесть настоящую горячую еду, а не то, что выбрасывает нам вибропечь.

— Ну, значит, все улажено, — сказал Этьен и, не удержавшись, добавил: — Как мило с твоей стороны спрашивать мое мнение, Лира. Порлез, вы что-нибудь можете добавить?

Неподвижное лицо транкса не может выглядеть задумчивым, но глава станции, тем не менее, сумела передать это чувство.

— Просто помните, что, выйдя за пределы связи со станцией, вы можете полагаться только на самих себя. У нас нет аэромашин, и мне вряд ли удастся снарядить спасательную группу, чтобы отправить ее вслед за вами. Ведь мы очень не любим путешествовать по воде, как вам известно.

— Мы учитывали все возможные опасности и знали о них раньше, когда собирались приехать сюда, — напомнила ей Лира. — К тому же мы привыкли полагаться только на себя в труднодоступных местностях.

— Я знаю, знаю, — сказала Порлезмозмит. — Я не хотела говорить с вами менторским тоном. Когда вы выйдете за пределы связи, я больше за вас не отвечаю, но я все равно волнуясь.

Этьен был тронут. Такое сопереживание было типичным для транксов, эта особенность делала их такими приятными для человека.

— Что же, еще одна причина, — ответил он, — чтобы иметь с собой местных помощников, на которых можно положиться. У нас будет достаточно времени проверить надежность этих маев, прежде чем мы выйдем за пределы связи. — Редоул кивнул в сторону немного нервничающих проводников.

— Кажется, вы понимаете, что вас ожидает, — сказала транкс. — Не знаю, что еще можно добавить. — Они повернулись к ожидающему их решения послу.

Рор де-Келхуанг с интересом вслушивался в резкий, неприятный говор чужаков, так непохожий на его родной быстрый, певучий язык.

— Мы благодарим Занур, — сказала осторожно Лира, —

за его добрые намерения и принимаем с открытым сердцем это предложение помощи. — На лицах де-Келхуанга и проводников одновременно появилось выражение облегчения. Им бы не поздоровилось, если бы предложение было отвергнуто.

Лира не в силах была удержаться от попытки добавить новые знания культуры маев.

— Этьен и я женаты перед лицом нашего океана и океанов всех миров. А вы?

— Мы — нет, — ответила Ирквит, тут же показывая, кто из двоих проводников старший. — Занур считает, — и она подобострастно поклонилась послу, — что в свете многих опасностей, которые могут подстергать нас на реке, будет лучше, чтобы честь сопровождать вас предоставилась тем, кто не связан семейными узами.

— Как мило, — пробормотал Этьен.

— Но мне интересно, — продолжала Лира, — вы добровольно попросились к нам или вас удостоил своим выбором Занур?

— И то и другое, — вступил в разговор де-Келхуанг. — Не все подходят для того, чтобы быть проводниками в таком важном путешествии. Эти двое ходили далеко вверх от Скатанды. Они знают ее течения и ветры, а также многие народы, которые вам встретятся. Уверяю, что нам было очень непросто предоставить вам самых компетентных помощников, которых только можно найти в По-Раби.

Не желая обсуждать мотивы Занура, а еще меньше его методы, Лира перешла на более простые темы.

— Ирквит, на корабле есть немного свободного места. Что тебе нужно взять с собой?

— Очень немного. Простые приспособления для готовки и смену одежды. Мы будем есть вашу еду или купим что-нибудь по дороге. Занур дал нам денег. Мы можем готовить для вас, если вы хотите. — Этьену это явно понравилось. — И Хомат, и я очень хорошие фуражиры.

Слово «фуражир» в языке маев имело много значений, как знала Лира. Так называли тех, кто умел хорошо торговаться, эффективно отбирать или воровать, но так, чтобы их не поймали.

— Мы также, — впервые заговорил Хомат, — не берем с

собой оружия. Нам сказали, что, если мы встретим враждебно настроенных аборигенов, вы сможете нас защитить. Мы не хотели приносить с собой орудия убийства.

— Это очень предусмотрительно, — сказала Лира. Ирквит, очевидно, была старшей в маленькой команде, подумала она. Но у Хомата была какая-то природная робость, которая ей очень нравилась. — Ну что же, все решено. Если хотите помочь нам погрузиться, то, пожалуйста, останьтесь на корабле.

— Нет, спасибо, — произнесла Ирквит. — Если вы не возражаете, мы бы предпочли побыть снаружи. — Широко поставленными большими глазами, типичными для маев, она смотрела на внушительное сооружение чужаков. — Если мы только завтра отплываем, мы можем поспать снаружи, на наших подстилках.

— Вы что же, боитесь? — не думая спросил Этьен.

Лира сердито посмотрела на него и перешла на терранглийский.

— Неужели у тебя нет никакого понимания о том, как работает их мозг? Неужели ты не видишь, что они пытаются сохранить лицо, спрятав свой страх?

— Я просто подумал, что если эти двое собираются провести несколько месяцев на борту чужого корабля в чужих землях, то им лучше начать привыкать прямо сейчас.

— Они не боятся, — сказал посол. Он особенно тщательно подбирал слова, заметила Лира. — Дело в другом.

— В чем же? — спросила Лира, все еще переживая бесчувственность своего мужа.

Рор де-Келхуанг явно чувствовал себя неловко.

— Мне бы не хотелось говорить.

— Не беспокойтесь. Мы — ученые, мы прибыли изучать ваши обычаи и ваш мир. Нас так же интересует то, что вам нравится, как и то, что вам не нравится.

Де-Келхуанг не смотрел в сторону Порлезмозмит.

— Все дело во внешности, понимаете? Мы очень много внимания уделяем внешнему виду. Во внешнем виде есть правда. Просто некоторые злые духи часто принимают форму...

— Можете не продолжать. — Порлезмозмит знала, что так

трудно сказать послу. — Мы привыкли к предрассудкам, связанным с внешним видом. — Она повернулась к проводникам: — Оставайтесь снаружи, если хотите.

Странно, подумал Этьен. Как могут маи бояться транксов только из-за их внешнего вида? Лира бы наверняка посоветовала ему почитать их историю.

— Мы не хотим никого обидеть, — поспешно сказал де-Келхуанг.

— Не волнуйтесь, — заверила его транкс. — Мы привыкли к таким проблемам. Я и мои помощники сейчас уйдем. Было очень приятно познакомиться с вами, посол. Вы и ваши друзья всегда желанные гости на станции. Как и, — она не удержалась, чтобы добавить весьма недипломатично, хотя и с плохо скрываемым удовольствием, — посланники великого Лосити.

Посол окаменел при упоминании соперника По-Раби, но, будучи опытным тактиком, сумел сдержаться.

— Благодарю вас.

Порлезмозмит и остальные транксы ушли, оставив Редоулов наедине с маями.

— Мы желаем вам много удовольствия и успехов в ваших исследованиях, — произнес де-Келхуанг искренне. Он не смотрел на проводников. — Мы, жители По-Раби, высоко ценим знания в отличие от правителей некоторых других городов-государств. Мы надеемся, что вы сможете поделиться вашими знаниями и с нами по возвращении.

— Мы намерены это сделать, — сказала ему Лира. — Это ваш мир, мы здесь гости. Мы благодарны за помощь. — Она жестом выразила свою признательность.

Де-Келхуанг, приободрившись, повернулся и медленно пошел вниз по трапу. Заботливые руки протянулись к нему с лодки, помогая сойти. По команде гребцы опустили весла и оттолкнулись от причала. Редоулы смотрели, как лодка вяла курс на восток. Затем они взглянули на своих незваных гостей. Хомат и Ирквит терпеливо ждали, и их маленькие узелки с кухонными принадлежностями и личными вещами были и впрямь жалкими.

— Вы уверены, что хотите спать здесь?

— Прошу вас, де-Лира, — сказала Ирквит, — здесь нам будет гораздо удобнее, и мы не будем никому мешать. — Она

слегка улыбнулась, губы ее чуть разжались, обнажив мелкие ровные зубы. Уголки губ не изогнулись кверху.

— Как хотите. Когда мы отправляемся? Мы так много слышали о вашем волшебном корабле и с нетерпением ждем начала великого приключения.

Хомат тоже улыбнулся, но ничего не сказал. Он не разговорчив, решил Этьен. А какая разница? Ведь эти маи едут с ними не для того, чтобы поддерживать приятную беседу.

— Завтра утром, — сказал он им. — Мы почти готовы, а чтобы спустить судно на воду, потребуется всего несколько минут.

Ирквит недоуменно посмотрела на него:

— Спустить на воду? Оно не в воде?

— Нет. Оно висит. — Этьен попытался подобрать правильное выражение. — Завтра увидите. Лучше увидеть, чем услышать.

— Да, это лучше, чем услышать, — согласилась Ирквит. Она тревожно взглянула на темное здание вдалеке, в котором жили страшные существа-жуки. — Нас здесь никто не потревожит?

— Никто, — успокоила ее Лира. — Хотя наши друзья и привыкли к подземной жизни и у них более гибкий распорядок работы и отдыха, чем у нас, они все же предпочитают спать в темное время суток. Никто вас здесь не потревожит, и вы никому не помешаете.

Ирквит снова улыбнулась:

— Я очень счастлива, что мы едем с вами.

— И мы очень рады, что вы с нами едете, — ответила Лира. — Увидимся утром.

— До утра. Женщины снова коснулись ладонями друг друга, хотя Лира была уверена, что ей никогда не удастся полностью компенсировать отсутствие шестого пальца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Солнце только взошло, когда корабль на подводных крыльях коснулся спокойных вод подстанции. Указатель температуры воздуха не опускался ниже сорока градусов, и не было

похоже, что он опустится еще ниже. Маи, стоявшие у основания погрузочного трапа, переброшенного на корму, казались замерзли и чувствовали себя неудобно.

Редоулы, вновь охваченные волнением, которое они утратили за многие месяцы ожидания, не обращали на них внимания. И только когда последние припасы, наконец, перегрузили на корабль, они решили оказать моральную поддержку своим неожиданным пассажирам, которые явно не проявляли особого энтузиазма.

Хомат и Ирквит поднялись на борт с осторожностью, бросая тревожные взгляды вокруг себя в поисках парусов и весел. Когда Этьен проверял двигатель, маи кинулись к поручням и крепко схватились за неподатливый металл.

Лира вытерла пот со лба под солнечным козырьком и попыталась их успокоить:

— Все в порядке. Это наш двигатель. Устройство для того, чтобы приводить корабль в движение. Оно громко шумит, но безвредно. Его духи надежно спрятаны внутри.

— Но ведь здесь нет парусов, — заметила Ирквит осторожно.

— Или гребцов, — добавил Хомат.

— Да, их здесь нет. Мы двигаемся за счет того, что забираем воду в отверстие впереди корабля и выталкиваем ее назад гораздо быстрее, чем забираем.

— А что же толкает воду? — спросила Ирквит, медленно отпуская поручни. Продолжать держаться было ниже ее достоинства. Но Хомат держался крепко.

— Наш двигатель. Это долго объяснять. Может быть, когда мы будем уже в пути, я постараюсь это сделать. — Лира обернулась, ободряюще улынувшись Ирквит, и спустилась вниз по лестнице в верхнюю кабину.

— Дс-Ли́ра, мне страшно. — Ирквит удостоила Хомата неодобрительным взглядом, но Ли́ра остановилась и посмотрела на него с жалостью.

— Ладно, пойдемте внутрь. Но вам там не понравится.

Хомат пошел за ней, а Ирквит последовала за ним, так как боялась что-нибудь упустить. Едва они оказались внизу, справедливость слов Ли́ры сразу стала очевидной. Температура в

кабине была всего двадцать пять градусов, и оба мая начали дрожать.

Этьен приветствовал их со своего места в прозрачной кабине управления и предоставил Лире все объяснять. Хотя она использовала только простые слова, а научные слова передавала им лишь самые основные, вскоре стало ясно, что такие вещи, как электричество и светодиоды, были вне понимания гостей.

Очень скоро Хомат сказал:

— Лучше пусть мне будет страшно, чем холодно. — И он опять пошел на корму.

Оказавшись там, Хомат немного попрыгал, чтобы согреться, а затем стал раскладывать на палубе свои вещи. Май решили спать там же, где готовили, вдали от ужасного арктического холода, который, по-видимому, предпочитали их хозяева.

Несмотря на уверения и объяснения, Лире понадобился целый час на терпеливые уговоры, чтобы убедить их, что корабль их не поглотит, если они перестанут держаться за поручень. Когда Этьен перевел двигатель на полную мощность, направляя корабль вперед, Лира показала маям, как судно поднималось над водой на своих сдвоенных металлических крыльях, объяснила, что это дает им возможность двигаться вверх по реке со скоростью семьдесят километров в час. Плавность движения корабля и восхищение отодвинули первоначальный страх маев, и они, не только расслабились, но даже начали получать удовольствие от плавания, хотя время от времени Хомат делал магические знаки, чтобы защитить их от удара затонувшего бревна или чтобы их не унесло по неосторожности под облака.

Деревни лепились по берегам крохотных, поросших деревьями островков. Пораженные дети едва успевали вскрикнуть, как корабль оставлял за собой не верящих своим глазам взрослых. Сканер судна указывал на наличие рыболовецких суденышек впереди по курсу, что позволяло Этьену выбрать безопасный путь задолго до того, как он их видел.

Большие острова появлялись по мере продвижения вверх по реке. Здесь на отвоеванных у воды землях аборигены могли выращивать зерно и другие культуры. Некоторые жители де-

ревень занимались примитивной, но достаточно эффективной аквакультурой — от выращивания моллюсков до ловли мелкой болотной птицы. И все с недоумением смотрели, как волшебный корабль духов с рычанием проносился мимо их домов, распугивая птиц и земноводных.

Деревень, казалось, было бесконечное множество. По данным предварительной разведки, произведенной со спутников, дельта Скатанды была самой густонаселенной частью Тсламайны, поэтому она и была выбрана в качестве первого форпоста Содружества.

По мере приближения к экватору температура, если только это было возможно, повысилась и больше не было свежего морского бриза, который мог уменьшить влажность. Несмотря на многомесячную акклиматизацию, Редоулы проводили основное время в кабине с кондиционером. Простое появление на палубе грозило потрясением организму. Хомат и Ирквит чувствовали себя на корме как дома и с готовностью обменивались мнениями о слабости человеческого организма.

Хомат устроил себе нечто вроде игры, пытаясь увидеть то, что не видит сканер. Он сидел на носу и смотрел на воду, стараясь разглядеть подводные камни или какие-либо иные препятствия. Хотя Хомат постоянно проигрывал, острота его зрения произвела впечатление как на Этьена, так и на Лиру.

Анализируя течения и обломки, которые несла вода, бортовой компьютер подсказывал, какую протоку выбирать, но все же приятно слышать, как Ирквит подтверждает принятое решение. Без компьютера или проводников они могли бы годы пробиваться через Скатанду в тщетной попытке обнаружить главное течение реки Скар.

По мере того как проходили дни в этой раскаленной обстановке, Редоулы все более радовались присутствию на судне Ирквит и Хомата. Окончательно избавившись от страха, маи проявили себя как деятельные, хорошие помощники, весьма приятные в общении. Лира получала дополнительное удовольствие, наблюдая их реакцию на новые открытия, и дополнительную информацию об обществе маев, которую она регулярно записывала в свой научный журнал.

Оказалось, что маи прекрасно готовят и умеют отлично торговаться в деревнях, где Редоулы останавливались

пополнить свои припасы, и кроме таблеток соли и витаминов, их собственные запасы герметично упакованных продуктов оставались почти нетронутыми.

Ирквит и Хомат не скрывали своего восторга. Они не только получали удовольствие, находясь здесь, но Лира понимала, что маи предвкушают тот почет, который им будет оказан по возвращении домой. Их карьера была сделана. Лира была рада за этих двоих.

Было ясно, что те маи, которым посчастливилось жить в дельте, удачливее своих городских сородичей. Влияние властей на таком расстоянии от По-Раби чувствовалось мало, еды было более чем достаточно, а предпосылок для возникновения конфликтов — почти никаких. Социальная ситуация изменится, подозревала Лира, как только они покинут богатый район Скатанды и двинутся вдоль главного русла Скара. Занятие сельским хозяйством вне дельты, несомненно, требует больше усилий и обильного орошения, а конкуренция столь же сурова, что и в пределах самих городов-государств.

Жара, дружелюбие жителей деревень, неспешно текущие дни, проводимые в беседах и наблюдениях, придавали Редоулам чувство внутренней уверенности. Хомату приходилось напоминать им, что они путешествуют во враждебном мире, а не у себя на родине.

Этьен перелез через борт и оперся на гнутую стойку, проходящую от подводных крыльев к корпусу корабля, опустив одну ногу в прохладную воду так, что брызги от подводных крыльев падали на него. Они двигались достаточно быстро, чтобы не беспокоиться о встрече со стекловидными пиявками, и Этьен совершенно расслабился под этим освежающим душем.

Он с любопытством взглянул на Хомата, который стал спускаться к нему с металлическим шестом в руке. Теперь, преодолев первоначальный страх перед странным кораблем, робкий местный житель легко карабкался по нему, проявляя ловкость, которой Этьен мог только восхищаться.

— А это для чего? — Кивнул он в сторону шеста.

Хомат взмахнул шестом, указывая на что-то. Этьен вытер капли воды с лица и, повернувшись, взглянул назад.

Держась за подводное крыло под самой поверхностью воды,

к ноге Этьена медленно приближалась тонкая темная тень длиной метра три и толщиной в его руку.

— Песчаник, — коротко произнес Хомат, пробираясь вокруг стойки и останавливаясь за спиной Этьена.

— Он ядовит? Это паразит?

— Нет. Всасыватель.

— Что же он всасывает? Кровь?

— Он всасывает вас.

Этьен с интересом наблюдал, как май при помощи шеста попытался открыть широкий круглый рот существа. Зубы у песчаника были маленькими и загнутыми внутрь. Челюсти наконец разжались, и Хомат постарался раскрыть рот существа еще сильнее. Они смотрели, как беспомощный песчаник стал наполняться речной водой, пока не увеличился почти в четыре раза. Тусклая зеленая мембрана могла, очевидно, расширяться, чтобы удерживать добычу большую, чем само существо, и Этьену стал очевиден мрачный смысл слов Хомата.

Наконец давление воды стало слишком велико для мощных присосок, покрывающих всю полость желудка песчаника. Он расслабился и упал за корму. Это должным образом действовало на Этьена.

— Если он вас схватит, будет очень плохо, — объяснил Хомат, хотя это уже было излишним. — Песчаник вас не выпустит, пока не умрет, а убить его очень трудно. Он проглотит вас целиком. — Май повернулся и полез обратно на нижнюю палубу.

Поднимая ногу из воды, Этьен задумался над подвижностью всех частей тела животного, которая позволяла ему так растягиваться. Представил себе, какие представители фауны таятся под поверхностью воды, жадно следуя за кораблем.

Так как объектов для изучения у него не было, почти все время Этьен вел корабль, предоставляя Лире возможность записывать свои впечатления от деревенской жизни и культуры Скатанды. Хотя общины здесь мало отличались от тех, которые окружали станцию, она продолжала по-прежнему заносить в журнал все детали. Даже малейшее изменение в общественной жизни, одежде или способах ловли рыбы интересовало ее.

Они постепенно оставляли позади топкие берега и острова дельты. Им уже реже встречались деревья и псевдопальмы, вокруг было больше водной поверхности и меньше суши. Несведущему наблюдателю могло показаться, что Редоулы сделали неверный поворот и опять плыли в открытый океан.

Но вода, по которой они плыли, была почти совсем пресной. Они уже вышли в главную часть Скара, такой большой реки, что Амазонка, Нил или другая река Содружества в сравнении с ней показались бы извилистыми ручейками. Находясь в середине реки, казалось, будто вы плывете по морю с пресной водой, так как берегов ни слева по борту, ни справа не было видно. За невидимыми берегами утесы по краям Гунтали поднимались стеной к испещренному мелкими облаками небу.

Этьен направил корабль вправо, пока не увидел береговую линию. После этого они могли следовать на автопилоте, что позволяло Лире сосредоточить внимание на своих заметках и давало возможность Этьену проводить время у телескопа, расположенного сверху, на мачте наблюдения. Масса деревень ютилась на берегу. За ними в глубине виднелись фермерские хозяйства и небольшие торговые центры. Еще дальше, уже на пределе разрешающей возможности телескопа, Этьен мог разглядеть первые, слегка холмистые склоны — доказательство того, что они действительно поднимаются вверх по речному каньону.

Хотя температура воздуха в течение дня поднималась до пятидесяти пяти градусов, влажность слегка уменьшилась. Требовались немалые усилия, чтобы оставаться вне кабины с кондиционером более получаса. Тем не менее Лира проводила много времени снаружи, болтая с владельцами маленьких купеческих лодок, которые приближались к ним, как только корабль делал остановку. Пока она наговаривала в диктофон свои заметки, Хомат и Ирквит покупали провизию. В основном торговалась с продавцами Ирквит, а Хомат занимался готовкой, освоив электродуховку. Редоулы с большим трудом настояли, чтобы ман использовал ее вместо печки, топящейся дровами, которую он принес с собой на борт.

Экспедиция была уже на расстоянии тысячи километров к северу от станции и устья дельты, и корабль скользил по глад-

кой поверхности реки Скар с постоянной скоростью девяносто километров в час. Путешествие было в самом начале.

Повсюду местные жители были дружелюбны и открыты, хотя и более примитивны, чем в городах-государствах, которые окружали великий мировой океан. Но вдоль по реке не всегда царила такая идиллия. Наличие заграждений и иных укреплений говорило о несомненно возникающих конфликтах, кроме того, встречались и такие маи, которые вовсе не восхищались передовой технологией странных пришельцев.

— Дорогая, посмотри сюда. — Этьен не спускал глаз со сканера, отключая автопилот.

— В чем дело? — прозвучал голос Лиры в переговорном устройстве кабины.

— Впереди корабли, масса кораблей. Судя по компьютеру, это рыбацьи лодки.

— И что же? Я занята, Этьен.

— Лира, там их по крайней мере сотня. Это необычно, не так ли?

— Нет, конечно. — Голос в переговорном устройстве замолчал, а когда Лира вновь заговорила, тон уже был скорее встревоженный, чем раздраженный. — Ты уверен?

— Я прекрасно умею читать показания, — ответил Этьен саркастически. — Разве это нормально, чтобы рыболовецкий флот достигал таких размеров?

— Нет, судя по тому, что мы видели ранее, но, может быть, здесь это нормально.

— А почему бы тебе не спросить у Ирквит?

Послышался вздох, когда Лира отложила в сторону свою любимую работу.

— Да, мне, наверное, придется это сделать.

Ирквит сидела на открытой палубе на корме и чистила овощи к обеду. Они были в основном красного и бордового цвета, но от этого не стали менее вкусными, как знала Лира. Хомат вручную чистил мелкие клубни.

— Ирквит, мой муж говорит, что впереди вверх по реке находится по меньшей мере сотня рыбацких судов.

Оба мая не выразили особого удивления при этом спокой-

ном заявлении. Они уже привыкли ко многим устройствам корабля. Сканер они называли «железный глаз».

Ирквит, правда, проявила некоторое замешательство.

— Это больше, чем я когда-либо слышала о рыбном промысле здесь, на реке. Ниже по Скару, у По-Раби, так много судов никогда не собираются вместе. А де-Этьен уверен, что это просто рыбаки?

— Железный глаз это не может показать. А что еще они могут делать, если не рыбу ловить?

— Может быть, это военный флот? — неуверенно предположил Хомат.

— Неужели они хотят напасть на одну из деревень? Но эти места не кажутся бедными.

— Иногда проще, — сказал Хомат с невинной мудростью, — взять, чем заработать, как бы легка ни была работа.

Лира собралась уже поспорить, но сейчас было не время заниматься социологическим анализом.

— Скажи это моему мужу, Хомат, — попросила она.

Хомат сделал знак, что понял, и, обойдя корабль, приблизился к прозрачному куполу кабины. Ему был ясно виден Этьен. Конденсат удалялся с прозрачной акриловой поверхности неслышными усилиями специальных воздушных вентиляторов. Май нагнулся над мембраной переговорного устройства:

— Де-Этьен, я боюсь этих лодок, что перед нами, как вы говорите.

— А можно определить, что они собираются делать, взглянув на них?

— Да. Если они забросили сети, то они просто ловят рыбу и не собираются воевать. Такие сети стоят слишком дорого, чтобы ими рисковать в сражении.

Этьен задумался.

— Тогда лучше сказать Лире, чтобы она пришла сюда. Железный глаз не может разглядеть что-либо тонкое, такое как сети. Нам нужно получить визуальное подтверждение.

— Я уже здесь, Этьен, — послышался голос в мембране, и перед ним появились Лира и Ирквит. — Тебе не нужно напоминать мне о моих обязанностях.

— Я и не напоминал тебе о твоих обязанностях, — резко

бросил Этьен. — Я просто... ну, не важно... Мы встретимся с ним через минуту. — Он внимательно смотрел на заполненный экран. — Мне придется притормозить, чтобы избежать столкновения.

— Мы никогда не видели, чтобы больше четырех-пяти лодок занимались ловлей вместе. Слишком велико соперничество, — тихо проговорила Лира. — Это не соответствует принятым правилам.

Впереди на горизонте появились мачты деревянных судов.

Рев электрического реактивного двигателя сменился глубоким рокотом, а скорость корабля упала настолько, что его корпус опять рассекал воду. Когда они проплывали мимо судов, флот произвел на них даже большее впечатление, чем когда они заметили его на сканере.

Суда, которые плавали по теплым водам Скатанды, редко требовали мускульной силы болес трех или четырех гребцов. Эти же огромные, похожие на баржи суда, могли похвалиться командой из двух дюжен и даже более гребцов. Они перегородивали Скар тремя рядами, блокируя значительную часть реки, и были связаны друг с другом канатами.

К облегчению Этьена, он увидел, что между кораблями были натянуты огромные рыбацьи сети. Так как их не относило течение, местные жители, должно быть, использовали тяжелые якоря, которые удерживали сети на месте. За сетями следили не только мужчины, но и женщины, и дети.

Каждое десятое судно представляло собой широкую плавающую платформу, почти такую же большую, как некоторые океанские тримараны, которые Этьен и Лира видели в водах Гроаламасана. Причина их столь необычных размеров, как и количество рыбацких судов, вскоре прояснилась. Все было связано с размером добычи.

Около двадцати судов колыхались на воде в организованном беспорядке, в то время как их команды натягивали сети и тросы. Вода между ними вдруг стала пениться и пузыриться, и на поверхности показалась огромная голова всех цветов радуги. Потом появилось туловище, еще более яркое, и рыбаки удвоили усилия, чтобы вытащить свою добычу величиной с кита.

— Это арваул! — воскликнул Хомат в волнении. — Я про-

бовал его сушеное мясо, но никогда раньше не видел. Эти животные встречаются только в главном течении реки и не заходят на отмели возле По-Раби.

Пение рыбаков слилось в непрерывающийся победный хор, который сопровождал сейчас поднятие скрепленных вместе огромных сетей. В это время десять судов прошли слева от огромной баржи и десять — справа от нее. Команда баржи принялась за работу, и в дело пошли длинные багры, прикрепленные к лебедкам. Медленно арваул был поднят на борт. Нос баржи почти черпал воду, и потребовалось немало времени, чтобы получше уложить эту яркую, блестящую на солнце махину.

Такой одной рыбины было достаточно, чтобы накормить несколько деревень, размышлял Этьен, но рыбаки, очевидно, еще не были удовлетворены. С менее удачливых лодок были заброшены еще сети. Этьен восхищался настойчивостью этих масв.

Опасность первой заметила Ирквит, которая была меньше других поглощена наблюдением над действиями флота. Она придвинулась к Лире, которая фиксировала работу рыбаков с помощью своих приборов, и сделала небольшой полупоклон:

— Простите меня за беспокойство, де-Лира, но я думаю, мы в опасности.

— Что? — Лира попыталась переключить внимание. — В чем дело, Ирквит?

Май подошла к поручню и указала вперед.

— Я следила за этими четырьмя кораблями.

Лира подняла глаза, но не заметила ничего необычного в квартете рыбацких лодок, замерших впереди по курсу.

— А что в них такого? Они занимаются ловлей рыбы, как и остальные.

— Нет, — возразила Ирквит. — Они направляются к нам. Они должны стоять на якоре, удерживая сети против течения Скара. А они дрейфуют вниз по течению.

— Очевидно, они пытаются найти более удобное место. Рыбаки все время движутся.

— Я уверена, что они движутся в более удобное место, но, думаю, не за тем, чтобы поймать рыбу.

Лира нахмурилась:

— Почему ты так думаешь?

— Двое обходят нас справа, а двое — слева. Между ними натянуты сети. Если мы будем продолжать двигаться таким курсом, они вскоре поймут нас в ловушку!

— Уверена, что они это делают неумышленно, — ответила Лира, но в глубине души она вовсе не была так уверена. Лодки уже были близко, и большая рыболовная сеть пряталась под водой. — Мы их отпугнем.

— Сети рыбаков в верховьях реки необыкновенно прочны, де-Лира, — сказала Ирквит с тревогой. — Я не знаю, сможет ли даже ваш волшебный корабль вырваться из них. Но есть еще одно... Вы видите, чем заняты команды?

Лира прищурилась и посмотрела в телеобъектив, чтобы лучше разглядеть.

— Вижу. Разве это не нормально?

— Я не рыбацка, но была в этой местности раньше. Плыть вниз очень легко. Просто поднимаешь якорь, и течение увлекает тебя за собой. Я никогда не видела, чтобы такая простая задача требовала так много действий. Когда кто-нибудь тратит так много усилий на что-то такое простое, очевидно, он что-то стремится скрыть.

Лира с мгновение подумала и нагнулась к кабине:

— Ирквит думает, что четыре лодки, плывущие нам навстречу вниз по реке, могут попытаться поймать нас в сети.

Этьен пожалел, что сканер корабля не давал возможности разглядеть все детали.

— А ты какого мнения, Лира?

— Я не знаю, но я не хочу ненужного риска. Думаю, надо все выяснить, чтобы в будущем лучше знать, чего нам ждать, если мы вдруг опять окажемся в подобной ситуации. Давай разберемся, в чем дело.

Он кивнул:

— Пусть они выложат на стол все карты. Скажи Ирквит, чтобы она не беспокоилась. Я справлюсь с ситуацией.

— Что значит «справится»? — Ирквит старалась уделять внимание и человеческому существу женского рода плотного телосложения, и подозрительно активным рыбацким судам прямо перед ними. — Что имеет в виду де-Этьен, когда го-

ворит «справится»? — Лодки были достаточно близко, чтобы стали видны выступающие из воды деревянные поплавки.

— Он имеет в виду, что сумеет противостоять любым враждебным намерениям.

— Но вы должны отплыть от них, избежать их, пока еще есть время. Я знаю, что волшебный корабль может быстро поворачивать в сторону, и...

— Успокойся, Ирквит, Этьен знает, что делает, все под контролем.

Корабль слегка содрогнулся, когда нос его ударился о тяжелые сети и два продолговатых поплавка. Они продолжали движение вверх по реке, толкая сеть носовой частью судна. Четыре рыбацьи лодки притягивались друг к другу... и неожиданно корабль оказался как бы в плену.

Со всех четырех лодок массово раздались победные возгласы, со всяким притворством было покончено. Стало ясно, что их интересовала более серьезная добыча, чем рыба. Шесты изменились длинными пиками и копьями, и пение, сопровождающее появление этого оружия, очень отличалось от того, которое служило фоном появления на палубе арваула.

Хомат начал стонать и раскачиваться из стороны в сторону.

— Мы обречены. Эти речные дикари не пощадят нас.

Ирквит сидела, готовая ко всему.

— Я предупреждала вас, де-Лира.

— И ты была права, — спокойно ответила та, опять поворачиваясь к кабине. — Мы выяснили их подлинные намерения, Этьен. Я закончила все записи. — Она замолчала, когда мимо что-то просвистело. — Давай не будем медлить. У нас есть луки.

— А ты не хочешь понаблюдать орудие местных жителей в бою?

Лира пригнулась, когда деревянное с костяным накопником копье пролетело мимо и вонзилось в палубу.

— Давай, дорогой, прекратим шутки. Если ты хочешь еще остаться, поменяемся местами.

— Не стоит. — Этьен усмехнулся и включил двигатель. Плотно реактивного двигателя повернулось на сто восемьдесят градусов и теперь было направлено в сторону носа корабля.

— Крепче держитесь, — предупредила Лира мрачных ма-

ев. Они едва успели ухватиться за поручни, как корабль метнулся назад. И уже ничего не сдерживало рыбацьи лодки. Сети безжизненно упали в рску. Пение прекратилось, едва незадачливые пираты увидели, что их добыча устремилась назад со скоростью шестидесяти километров в час. Рыбаки бросились к веслам, так как поняли, что их движению вниз по течению теперь ничто не препятствует. Яростные крики и проклятия сменили боевое пение, звучавшее здесь только что.

Этьен сбавил скорость и опять сменил направление действия двигателя, наблюдая, как четыре рыбацьи лодки, перепутанные между собой сетями и тросами, понеслись друг на друга. Поспешно схваченные в руки весла с громким треском ломались при столкновении корпусов. Проклятия заглушили крики смущения, слышались противоречивые приказания, когда сети зацепились за рули и сломанные весла.

Держась на почтительном расстоянии от летящих стрел, корабль землян легко обогнул своих неудавшихся захватчиков и устремился на середину реки. Разочарованные рыбаки, чьи стрелы были не в состоянии достичь корабля, бомбардировали волшебное судно злобными оскорблениями. Хомат сдерживал смех, вызванный их нелепым положением, чтобы перевести Лире то, что было сказано на местном диалекте или было слишком сложно. Лира записала все это в журнал под забавным заголовком «Ругательства народа маи — местные варианты и диалекты». Все это была вода на мельницу ее любимой ксенологии.

Этьен почти ожидал, что и другие рыбаки включатся в нападение своих собратьев, но был приятно разочарован. Вместо того чтобы присоединиться, маи, стоявшие в стороне, чтобы получше увидеть все происходящее с борта своих лодок, приветствовали спасение волшебного корабля.

— Это не та реакция, которую я ожидал, — прокричал Этьен в переговорное устройство. — Ирквит, что происходит? Они не злятся, что мы не попались?

— А чего им злиться? Они решили не принимать участия в нападении, и поэтому поражение их не затронуло. Они всегда восхищаются теми, кто победил, кто бы они ни были. Поэтому они приветствуют наш успех. — Ирквит перегнулась через поручень и вглядывалась в то, что оставалось за кормой.

Четыре запутавшиеся рыбацьи лодки продолжали дрейфовать вниз по течению. — К тому времени, когда они освободятся, де-Этьен, им придется долго и трудно грести вверх по течению, чтобы вернуться домой. У них будет время подумать, прежде чем они снова попытаются поймать магическую лодку. Надеюсь, пострадали немногие. Там была большая неразбериха.

— А я надеюсь, что половина из них упали за борт и утонули. — Хомат плюнул за борт. — Пусть их поглотит река, пусть они сварятся в собственной моче. Мы не желали им зла, а они хотели нас уничтожить.

Лира остановилась и перестала писать.

— Бедным очень трудно отказаться от счастливой возможности приобрести большое богатство, Хомат. Я не оправдываю их, но все же сочувствую им. — Лире пришлось довольно долго объяснять проводнику, что такое сочувствие. — Вы думаете, мы еще можем подвергнуться такому нападению?

Ирквит сделала неуверенный жест:

— Кто может предсказать. Вы сами говорите, де-Лира, что ваше магическое судно представляет власть и богатство для всех, кто его видит. На вашу собственность с жадностью смотрят от Скатанды до зоны льда. — Ирквит хитро улыбнулась. — Ясно, что тем, кто попытается ее отнять, придется немало потрудиться.

— Мы можем за себя постоять, — успокоила ее Лира.

— Это вы уже доказали, и я не буду дрожать в следующий раз. Никто не может угрожать этому волшебному кораблю.

— О, мы не всемогущи, — возразила Лира. — Но, конечно, не беззащитны. Если нужно, мы можем сделать больше, чем просто спутать сети рыбаков.

— Да, я видела оружие, находящееся в стойке вблизи круглого руля, которым де-Этьен приводит в движение волшебное судно.

— Оно должно использоваться только в случае крайней опасности, — сказала Лира твердо. — Мы его взяли, чтобы защищаться от опасных животных, а не от разумных существ. Мой Занур будет очень недоволен, если мы используем оружие против вашего народа.

— Мой народ — это народ По-Раби, — ответила Ирквит,

давая понять, что ее вовсе не будет тревожить, если возникнет необходимость застрелить нескольких жителей в речной местности.

Ли́ра в душе вздохнула. Когда-то, когда люди жили еще племенами, ее предки тоже так думали. Некоторые отступники так считали и сейчас.

Сотни километров оставил за собой корабль землян, а Скар по-прежнему тек широко и спокойно, и далекие склоны Баршаягада все так же скрывались в дымке. Неожиданно Ли́ра осознала, что получает удовольствие, когда торгуется, покупая припасы, что они делали всякий раз, когда приближались к берегу.

— Ты многое можешь узнать, наблюдая за Хоматом и Ирквит, — неоднократно говорила она мужу.

Этьен вежливо соглашался, но методы местного бартера его не интересовали. Вместо этого он проводил время, занимаемое у них покупками, у наблюдательной мачты. Не отрывая взгляда от телескопа, он изучал близлежащие нижние участки склонов каньона, покрытые полями с искусственным орошением и искусно возделанными террасами.

Из предосторожности каждую ночь они проводили на середине течения Скара — автоматические системы оповещения судна предупредили бы о присутствии любой потенциальной опасности.

Иногда Этьен менял обычный распорядок, взбираясь на мачту и поворачивая телескоп в сторону неба, стараясь распознать странные созвездия. В это раннее утро дождя не было, хотя и облачность не была значительной. Влажность была ниже обычной, а температура опустилась до сорока пяти градусов. Этьен очень удивился, увидев безволосое лицо Хомата с широко поставленными глазами, появившееся над прозрачным кожухом телескопа. Проводник выглядел испуганным, и не из-за высоты, на которую взобрался.

Этьен открыл дверь и впустил встревоженного мая внутрь.

— Что-нибудь не в порядке, Хомат? — спросил он участливо.

— Я... я должен поговорить с вами, де-Этьен.

— Это, вероятно, нечто важное, иначе ты бы не выбрался из-под теплого одеяла и не поднялся сюда!

— Да, очень важное.

— Подожди секунду. — Этьен отвернул телескоп в сторону, чтобы освободить место, позаботился о том, чтобы закрыть отверстие, через которое внутрь подавался охлажденный воздух. Как только температура повысилась, Хомат вошел и закрыл за собой дверь. В тесном помещении кабинки наверху мачты Этьен больше чем когда-либо ощутил свои размеры по сравнению с миниатюрным местным жителем.

— В чем дело? — За спиной Хомата он увидел две из четырех лун Тсламайны, отражающиеся в реке. Еще две, он знал, появятся в течение часа.

— Долгое время я хотел это сделать, но я не знал как, и у меня не было подходящего случая.

— Что сделать?

— Предупредить вас, де-Этьен. Вы и де-Лира в большой опасности!

Этьен откинулся назад в узком вращающемся кресле, лениво покачивая ногой, и улыбнулся беспокойству местного жителя.

— Конечно, мы находимся в постоянной опасности. Рыбаки там, в верховьях реки, это показали.

— Да нет, нет! — Прошептал Хомат сердито. — Вовсе не это. Опасность о которой я говорю, находится ближе и гораздо более коварная

Этьен внимательно посмотрел в лицо проводнику.

— Хомат, чего ты так боишься?

— Я по натуре не смелый, — ответил взволнованно май. — Я путешествовал так далеко не потому, что хотел, а потому, что мне велели те, у кого я служил. А теперь я вижу, что не могу продолжать, не объяснив вам то, что знаю, де-Этьен. Что-то в душе подталкивает меня сделать признание. Всю свою жизнь я был маленьким существом, который расшаркивался, кивал головой и выполнял чужие приказы. Вы и де-Лира относитесь ко мне очень хорошо, лучше, чем кто-либо из моих прежних хозяев. И я полюбил вас. Первый раз в

жизни кто-то заставляет меня чувствовать себя важным. Это то чувство, которое я хочу сохранить.

— Но почему бы и нет? — Этьен даже растерялся, услышав это неожиданно эмоциональное признание.

— Из-за Ирквит.

— Ирквит? Что она может тебе сделать?

Взгляд широких глаз Хомата нервно окинул пластиковую кабину.

— Вы уверены, что нас никто не слышит?

— Конечно, уверен. Переговорное устройство выключено, и мы находимся наверху над палубой. Хомат, объясни мне, почему ты вдруг стал так бояться Ирквит? Я не замечал раньше, чтобы она плохо с тобой обращалась. Она очень нам помогает.

— Это ее задание. Помогать чтобы... — он заколебался. — О волосатый мойт, помните, то, что я собираюсь вам сказать, может стоить мне жизни: Ирквит непосредственно представляет здесь Занур По-Раби.

У Этьена кончилось терпение. Время наблюдений подходило к концу, а он хотел еще поспать до рассвета.

— Мы знаем это, Хомат. Ты ведь тоже представляешь Занур.

— Нет, я только наемный работник. А она отчитывается только перед Зануром. Скажите мне, де-Этьен, вы не замечали, как ее интересует ваше волшебное судно и управление им?

— Конечно. Ты что, думаешь, мы заняты только наукой? Мою жену особенно интересует поведение... — он почти сказал «первобытных народов», но поспешно исправился, — «других индивидуумов». Интерес Ирквит вполне естественен. Лира должна это знать. — Она изучала жителей многих миров.

— Я знаю, де-Этьен, что это означает, — ответил Хомат мрачно. — Скажите мне, в тех, иных мирах она когда-нибудь встречалась с наемными убийцами?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Улыбка исчезла с лица Этьена, и он выпрямился. Его нетерпение сменилось внезапным интересом.

— Может быть, ты объяснишь мне, что ты имеешь в виду, Хомат?

Проводник нервно переступил с ноги на ногу:

— Ваш прекрасный корабль использует силы многих духов, которые нам не дано понять, де-Этьен, но мне кажется, командовать ими не так уж трудно.

— Да, управление специально упрощено для пользователей, не имеющих технической подготовки.

— Оно настолько просто, что даже Ирквит с ним справится?

— Может быть, если она будет выполнять только простые действия. А что?

Хомат взмахнул рукой по направлению залитого лунным светом носа корабля.

— Завтра мы должны зайти в деревню Шангрит, чтобы пополнить запасы продовольствия. У Шангрит заключен союз с По-Раби.

— Я не думаю, что влияние По-Раби распространяется так далеко на север, — возразил Этьен.

— Шангрит — независимое поселение. Союз только торговый, но и этого достаточно, когда ставки так высоки. Задолго до того, как посол де-Келхуанг прислал нас к вам, на север в Шангрит по реке были отправлены гонцы. Они достигли понимания с мойтом деревни. — Хомат отбросил назад длинный пучок волос, свисавший с самой его макушки. — Нападение произойдет ночью, когда вы будете стоять на якоре посреди реки Скар, не подозревая об опасности. Они заберут себе ваш волшебный корабль, чтобы поделить его секреты и сокровища между Шангрит и По-Раби. — Май помолчал мгновение, колеблясь. — Вы и ваша жена, конечно, не останетесь в живых.

— Ясно, — тихо произнес Этьен. — А если Ирквит, несмотря на все свои старания, не сможет управлять кораблем?

— И это предусмотрено. В таком случае его погрузят на баржу и отведут вниз по реке.

— Ну, я не вижу особых проблем, Хомат. Мы просто не будем останавливаться возле деревни Шангрит. Даже если они устроят засаду где-то на реке, мы просто можем проскочить мимо.

— Вряд ли это будет так просто, де-Этьен. Сведения о нашем продвижении передаются по берегу от одного воина к другому. Воины Шангрит нападут на вас, как только вы поравняетесь с их поселением.

— Любопытно. И как же Занур планировал объяснить наше исчезновение нашим друзьям на станции?

— За вами внимательно следили и изучали ваше поведение. Далеко не все, с кем говорила де-Лира, пока вы ждали разрешения отправиться в путь, были простыми рыбаками. Выбор пал на Шангрит, потому что это самое северное поселение, с которым у По-Раби заключен союз, и потому что они думали, будто эта деревня находится за пределами действия ваших духов, говорящих по воздуху.

— Да, это действительно так.

— У ваших друзей нет никаких оснований связывать ваше исчезновение с По-Раби или каким-нибудь другим городом. Они просто решат, что корабль затонул в Скаре, как многие наши суда, и вы погибли.

— А если наши друзья отправятся на поиски и увидят наш корабль во владении Занура или мойта Шангрит?

— Тогда им скажут, что вас проглотил арваул, что с берега все видели, как ваш корабль отбуксировали в безопасное место, но команду спасти не успели. Я, конечно, не знаю всех подробностей так хорошо, как Ирквит...

— Но тебе рассказали достаточно, чтобы ты мог помочь в решающий момент?

— Да. — Хомат отвел глаза, не желая встречаться взглядом со своим покровителем. — Мои предки испытывают глубокий стыд.

— Ну ладно, главное — ты рассказал мне о готовящемся нападении. Но это не делает Ирквит убийцей.

— Она убьет, если потребуется, — объяснил Хомат. — Она здесь специально для того, чтобы все прошло успешно. Когда начнется нападение, Ирквит притворится, что очень удивлена, и попытается прийти вам на помощь, но если ей покажет-

ся, что атака может провалиться, она должна улучшить момент, и, когда вы отвлечетесь, столкнуть вас за борт или всадить вам нож в спину. Вы обратили внимание, как она со всем расправляется, и не только с овощами. — Май взглянул в сторону.

— Я просто думал, что она отличный повар, — пробормотал человек.

— О да, отличный, де-Этьен. Я видел следы ее искусства не только на овощах. — Хомат потупился. — Конечно, я должен был во всем этом помогать ей.

— Ну, конечно, — сухо произнес Этьен. Протянув руку, он коснулся клавиши. В динамике раздался усталый стон:

— Ну что там такое? Я только начала по-настоящему засыпать.

— Не могла бы ты подняться сюда на минуту, милая? Я тут вижу нечто, что, мне кажется, может заинтересовать и тебя.

— Да ладно, Этьен. Может, завтра?..

— Завтра, может быть, мы этого не увидим. Я хочу, чтобы ты поднялась сюда именно сейчас. Наше положение завтра будет совсем иным.

— Ладно, ладно, — резко сказала Лира. — Надеюсь только, что все это не впустую.

В обществе нервничающего Хомата Этьен ждал, когда Лира, с заспанными глазами, взберется к ним наверх. Теперь, когда на маленькой платформе их было уже трое, они с трудом могли передвигаться.

— Ну и что теперь? — Лира все еще моргала, прогоняя дремоту, но при виде Хомата на лице ее отразилось удивление.

— Где Ирквит? — спросил ее Этьен.

— Ирквит? А какое это имеет отношение к?.. На палубе, на корме, я думаю, наслаждается в объятиях местного Морфея. Что, черт возьми, здесь происходит?

— Хомат хочет тебе кое-что рассказать.

Лира спокойно выслушала проводника, повторившего ей то, что он поведал Этьену. Когда он закончил, она помолчала некоторое время, задумавшись, затем сказала:

— Мы можем повернуть обратно. Мы ученые, а не солдаты удачи и не контактеры первой линии. Мы не готовы к столкновению с широкомасштабным местным антагонизмом. Если

эта деревня связана предательским договором с По-Раби, мы можем получить разрешение и защиту Занура Лосити.

Этьен с сомнением покачал головой:

— Не выйдет. В По-Раби проведдают об этом и поймут, что мы все знаем. Это может вызвать открытый конфликт с Лосити. Не хотим же мы здесь развязывать настоящую войну! И, кроме того, где гарантия, что с Зануром Лосити у нас получится лучше, чем с По-Раби? Знаешь, как говорят: лучше тот дьявол, который тебе знаком...

— В Лосити так же завидуют вашей технике, как и в По-Раби, — поддержал его Хомат.

— И потом, мы ведь уже проделали такой долгий путь. На то, чтобы вернуться, а потом повторить все сначала, уйдет не меньше месяца, даже если нам повезет и мы сразу же получим разрешение у Лосити. Мы уже пересекли экватор, и районы с самым тяжелым климатом остались позади. Конечно, эта духовка не стала сразу удобным местом для жизни, но ситуация непременно изменится к лучшему. У меня нет ни малейшего желания второй раз пройти тот же путь, опять изучать то, что уже тщательно зафиксировано, и, мне кажется, Лира, у тебя такого желания тоже нет. Кроме того, всегда есть риск, что и Лосити может подстроить нам подобную же ловушку, когда мы возобновим наше путешествие, а они, уверяю, будут готовы получше, чем шангритцы. Я не хочу еще целых два месяца брать пробы этой грязи. Несмотря на все опасения Хомата, мне не верится, что нам будет трудно пройти через какой-либо барьер из сетей и веревок, который могут соорудить местные жители.

— Пожалуй, — согласилась Лира. — Но дело не в этом. Я просто не хочу причинить вред местным жителям. Ты знаешь, что в таких случаях говорит постоянный представитель Земли?

— На Тсламайне нет постоянного представителя. Она еще недостаточно для этого развита. Никто ничего не узнает, а даже если нас и засекут, то мы просто скажем, что вынуждены были обороняться, и это, скорее всего, будет правдой.

Лира повернулась к Хомату:

— А что будет, если нам удастся миновать Шангрит? Как

насчет следующего поселения? Может быть, оно тоже в союзе с По-Раби?

— Нет, — сказал Хомат убежденно. — Шангрит — единственный союзник По-Раби на севере. Земли выше изучены мало, и живущие там не зависят от городов-государств побережья Гроаламасана. Шангрит же был выбран потому, что этот поселок один может собрать достаточно сил для такой атаки.

— Все, что ты нам рассказал, вполне логично, — проговорила Лира. — Но меня волнует то, о чем ты умолчал.

— Я не понимаю ваших слов, де-Лира.

— Почему ты так рвешься предать собственный город?

— Я же сказал, что вы мне понравились, что благодаря вам я почувствовал собственную значимость, понял истинную цену себе, чего раньше никогда не было.

— Этого недостаточно. — Желая придать больший вес своим словам, Лира сделала жест, обозначающий у маев недоверие. — Ты мог бы промолчать и выполнить приказ своих хозяев. Если бы мы попались в ловушку, ты бы вернулся в По-Раби с почетом, а если бы вырвались, тебе тоже ничего бы не угрожало. Зачем рисковать, открыто переходя на нашу сторону, когда можно было выиграть, просто ничего не предпринимая? Я очень рада, что мы тебе, как ты говоришь, нравимся, но я слишком много месяцев изучала общество маев, чтобы поверить, что ты это делаешь просто по доброте душевной.

Хомат явно заколебался и обернулся к Этьену, ища поддержки.

— Советую тебе сказать нам правду, Хомат.

— Неужели вы не верите мне, де-Этьен?

— Я-то верю, но моя жена — от рождения скептик. В отличие от мыслящих существ, камни и минералы не склонны к обману. Чтобы убедить ее, тебе придется вначале убедить меня.

Хомат кивнул. Когда он снова заговорил, в голосе его почти не осталось и следа былой нервозности и подобострастия.

— Я сказал правду о том, что вы мне нравитесь и что я не хочу участвовать в таком подлом обмане. Но де-Лира права, подозревая, что это не вся правда. Есть еще одна причина,

почему я сейчас вам во всем признался. Вы правы, я бы ничем не рисковал, храня молчание, но я бы ничего и не приобрел. Мой дом — По-Раби, но я много путешествовал и стал считать своим домом весь мир. Существует много великих городов-государств, где можно отлично жить. В По-Раби у меня мало шансов подняться выше. Да, конечно, если бы атака на ваш корабль духов была успешной, по возвращении домой я получил бы хорошую награду, но вы, пришельцы из другого мира, можете мне дать гораздо лучший шанс. Приобретая от вас знания, я могу стать очень нужным многим, а не просто заслужить какую-то награду. До сих пор только Лосити и По-Раби общались с вашими твердопанцирными друзьями. Суфуми будет рад моим познаниям, и я стану членом его Занура — и не только он, но и Толъм и многие другие города. В По-Раби я не смогу подняться так высоко, будучи просто наемным убийцей. Я дал вам информацию, которая может спасти ваши жизни и всю экспедицию. Взамен, за эту информацию и мою верность вам, я жду соответствующего вознаграждения.

Лира выглядела удовлетворенной.

— Вот теперь я верю тебе, Хомат. — Она повернулась к Этьену, переходя на терранглийский. — Типичное решение — власть и богатство. Очень характерно для масев. Тот факт, что мы не принадлежим к его расе, в это уравнение не входит. Деловые соображения выше всяких чувств лояльности своему дому и своему народу. — Она снова заговорила на майском, которым прекрасно владела: — Ты далеко не так прост, каким пытался казаться, Хомат. Ты очень успешно умешь обманывать. — Последнее было для мая комплиментом, и Хомат выглядел весьма довольным собой.

— Все мы несем в себе обман. Но ложь стоит мало. Правда — это все, что можно продать. Я — простой май, который стремится подняться из тех низов, в которых был рожден.

— Ты обманывал нас так долго — как же мы теперь можем быть уверены, что ты не заключишь собственную сделку с мойтом какой-нибудь деревни?

— Если вы не вернетесь невредимыми на станцию, я ничего не получу от того, что помог вам. Я не хочу завладеть вашим кораблем духов. Уверен, что, помогая вам, я получу больше.

— Достаточно прямое, деловое решение, Этьен, к тому же лишенной всякой сентиментальности. Я скорее положусь на это, чем на его привязанность к нам. Он сделал свой выбор и свое признание, и теперь в его интересах оберегать нашу жизнь.

— Буду счастлив помочь вам, — согласился с ней Хомат. — Значит, вы верите мне насчет Ирквит и нападения?

— Завтра мы все узнаем точно, — сказал ему Этьен. Он повернулся к телескопу. — Теперь, если ты не против, Хомат, мне еще надо понаблюдать за небом, а Лире пора поспать.

Хомат уставился на него в изумлении, раскрыв рот.

— Но вас же скоро атакуют! Вам нужно принять меры, чтобы защитить себя.

— Может быть, нам и не придется сражаться, Хомат.

— Лучше бы не пришлось, — обеспокоенно пробормотала Лира. — Самозащита это или нет, но если наши спонсоры прослышат, что мы вступили в схватку с аборигенами планеты класса 4Б, мы никогда в жизни больше не получим денег на проведение исследований.

— Забудь, черт возьми, о благе этих очаровательных, заботливых туземцев. Что тебя беспокоит? Уж не думаешь ли ты, что Хомат предстанет перед Исследовательским советом и заявит, будто мы заранее знали о готовящемся нападении?

Проведя несколько месяцев в постоянных ссорах с женой, Этьен был более чем готов схватиться с любым другим противником — к дьяволу всякие правила! Кроме того, обман властей По-Раби выводил его из себя. Он вспоминал вежливость посла, то чувство удовлетворения достигнутым, которое они испытывали, отправляясь в путь. Если Хомат говорит правду, значит, все эти добрые слова о помощи и поддержке, все разговоры о том, чтобы делиться знаниями друг с другом, не более чем навоз.

Может быть, Шангрит — последний союзник По-Раби по пути на север, а может быть, и нет. Неплохо будет преподать урок не только Зануру По-Раби, но и любому маю, с жадностью взирающему на их «волшебный» корабль. Да, они просто обязаны показать маям, на что способны, если их разгневать. Таким образом они смогут предотвратить все возможные нападения в будущем и спасти тем самым многие жизни.

— И все же меня беспокоит то, что нам придется сражаться, — тихо сказала Лира.

— Я понимаю. — Этьен был вполне готов относиться к ней с пониманием, особенно теперь, когда он принял решение, как поступить с шангритцами. — Но если дойдет до драки, это и в самом деле будет самозащита. Кроме того, сражаясь, мы только придерживаемся местных традиций. Вспомни, как приветствовали нас рыбаки! Может быть, какой-нибудь трусливый член совета и не одобрит нас, но не остальные май.

Лира вновь перешла на терранглийский, а Хомат смотрел на нее, безумно жалея, что не в силах понять говор чужаков.

— Мы можем просто использовать репеллеры.

— Это опасно, если им удастся закинуть на корабль хотя бы одну-две сети. Ты знаешь, как неустойчиво судно на репеллерах. Это последнее средство. Кроме того, если мы не будем их провоцировать на ответные действия, у нас есть только слово Хомата против Ирквит. А что, если она не убийца, а просто проводник? Что, если они получили приказ просто держаться в стороне, предоставив всю трудную работу шангритцам? Может, он просто пытается вытолкнуть Ирквит, заняв ее место. Наблюдая за ней, мы получим доказательства правоты его слов. И если она не предпримет ничего подозрительного, то, миновав Шангрит, мы столкнемся с новой проблемой.

Лира вздохнула и печально покачала головой:

— Это чертовски затрудняет мою работу.

— Если это все, что нас будет заботить, когда мы станем проходить мимо Шангрит, — парировал Этьен, — можно считать, мы легко отделались. Кроме того, подумай только о потенциальной возможности изучить поведение маев в бою.

Она в ответ лишь издала грубое восклицание, смысл которого понял даже Хомат.

* * *

Следующий вечер на Скаре выдался таким же ясным и безоблачным. Солнце уже садилось за далекие, неприступные стены каньона, и Этьен стал бросать взгляды через прозрачный купол кабины на явно нервничающую Ирквит. Видя вы-

ражение ее лица, он кивнул сам себе. Один-ноль в пользу Хомата.

Ирквит говорила с Лирой, которая разглядывала западный берег реки.

— У нас почти совсем кончилось мясо, де-Лира. Я думаю, мы остановимся в Шангрит. — Она указала шестипалой рукой на точки огня вдоль берега. — Мы скоро пройдем бухту.

— Сегодня мы не будем останавливаться, Ирквит, — ответила Лира. — У нас в трюме достаточно собственных продуктов. Может быть, мы и остановимся через пару дней. Но сегодня такой прекрасный вечер, и Этьен считает, что нам следует воспользоваться хорошей погодой. Я с ним согласна.

— Но Шангрит — такое прекрасное место! — не сдавалась Ирквит. — Там так много всего, на что стоит посмотреть, что нужно занести в ваш журнал, де-Лира!

— О, не беспокойся. Уверена, мы найдем и другие, не менее интересные места, где можно остановиться.

— Ни одно из них в этом районе Скара даже не сравнится с Шангрит. — Ирквит нервно взглянула мимо Леры, очевидно, разглядывая реку перед ними.

— Что-то не так? — невинно спросила Лира.

— Нет-нет. Я просто очень хотела, чтобы вы увидели такое могущественное и красивое поселение. Я чувствовала, что...

Этьен заставил себя не слушать ее мольбы и сосредоточил внимание на экране сканера справа от себя. Он знал, что ищет Ирквит там, впереди, на темной воде реки. Зеленоватый экран заполнился яркими силуэтами самых разных размеров, выстроившимися тремя параллельными линиями поперек Скара. Должно быть, у шангритцев ушла не одна неделя, чтобы собрать такую огромную флотилию.

Он сбавил скорость, пытаясь определить по сканеру, где плотность лодок была наименьшей.

Лодок впереди было гораздо больше, чем он ожидал, и поэтому опасность тоже была большей. Немалая доля первоначального энтузиазма Этьена испарилась. Готовящийся захват совсем не походил на игру местных маев, и, несмотря на несравненно более совершенную технику землян, не следовало забывать об огромном численном превосходстве

противника. Этьен еще раз проверил готовность репеллеров на тот случай, если придется их использовать.

Проложим себе дорогу, внезапно решил он, и постараемся не запутаться в этих проклятых сетях и тяжелых деревянных плотях. И конечно, нельзя допустить на борт местных жителей. Уж им-то, безусловно не трудно будет ворваться внутрь корабля.

Ирквит уже никак не удавалось не смотреть вперед по ходу корабля. Несомненно, она знала о предстоящем нападении! По крайней мере, эта часть рассказа Хомата подтверждалась.

— Пожалуйста, де-Лира, нам гораздо лучше пристать сегодня к берегу. На рассвете я смогу все очень дешево купить, и мы...

— Ступай на корму, Ирквит, — резко приказала ей Лира. — Мы не устали, не голодны, нам не нужно пополнять запасы, и сегодня мы останавливаться не будем.

Проводник стала было снова возражать, но передумала и пошла на корму, придерживаясь за поручень. Интересно, подумал Этьен, что она скажет Хомату, которого по-прежнему считала своим сообщником и насколько сможет Хомат скрыть от нее свои истинные намерения?

Затем через прозрачный купол кабины он увидел неясные очертания чужого судна слева по борту и не мог уже тратить время на то, чтобы беспокоиться о тех двух маях, что уже были на корабле. Еще не вошла ни одна из четырех лун, и река была темной под килем корабля. Внезапно на экране сканера возникло с полдюжины мелких объектов, рванувшихся к их кораблю.

— Копья, Лира!

Лира упала на живот прямо на палубе, укрывшись за металлическим куполом, скрывающим оборудование для рыбной ловли. Несколько острых наконечников с неприятным звуком ударились об оболочку, и Этьен невольно поморщился. Они не могли причинить вреда прочному пластосплаву.

В поле зрения появились большие лодки, именно там, где и предсказывал их местонахождение сканер. Этьен отключил чуткие звуковые локаторы. Теперь они были не нужны. В тихом ночном воздухе уже совсем отчетливо стали слышны крики и возбужденные возгласы маев.

После первого удара посыпались стрелы и раздались воинственные кличи, а затем что-то длинное и тяжелое перелетело на нос корабля земляни и прочно закрепилось там, в то время как Этьен резко повернул судно влево, чтобы избежать столкновения с маленькой рыбацкой баржей, наполненной жестикулирующими большеглазыми стрелками с луками в руках. Стрелы раскалывались или отлетали, не нанося вреда прозрачному колпаку, защищающему кабину, но опасность оставалась. Ее таила в себе тяжелая сеть с прикрепленными к ней огромными стрелами, которые, очевидно, были выпущены из катапульт или больших арбалетов, стрелявших одновременно. Несколько таких сетей, наброшенных одна на другую, могли серьезно затруднить обзор. Конечно, он мог вести корабль и по приборам, если только плотная сеть не запутается в сопле двигателя.

Поставив корабль на автопилот и введя программу уклонения от встречи с противником, Этьен вынул из зарядного гнезда у руля управления свой пистолет и поспешил на палубу. Он еще не успел покинуть кабину, как к нему присоединилась Лира.

— Кто ведет корабль? — спросила она резко.

— Мультисистема «К».

— Этого недостаточно. Здесь слишком много лодок. — Лира посмотрела на оружие в правой руке мужа. — Я спустилась вниз, чтобы не заниматься этим.

— Я только сожгу сети, а не Ирквит.

— Какие сети?

— Увидишь, когда станешь за штурвал. — Этьен протиснулся в дверь мимо нее, снимая с предохранителя асиноптический пистолет.

Он был на полпути к носовой палубе, когда что-то прожужжало мимо него, словно огромная оса. Быстро движущийся корабль на подводных крыльях не давал возможности противнику прицеливаться как следует, но время от времени стрела или копье резко ударяли в корпус или со свистом пролетали над головой. Несмотря на неточность, само количество выпускаемых примитивных снарядов делало перемещение по палубе весьма опасным.

Растянувшись плашмя и используя немного изогнутый

внутри металлический планшир как своего рода защиту, Этьен пополз вперед. Поравнявшись с куполом кабины, он встал и начал аккуратно выжигать сеть, покрывшую пластосплав.

Носовая часть корабля отличалась хорошей аэродинамической формой и на ней было мало выступов, за которые могла бы зацепиться сеть, поэтому Редоул расправился уже с половиной сети, когда внезапное жжение заставило его взглянуть на свое левое плечо. Тоненькая струйка крови стекала из небольшой ранки, оставленной скользнувшей мимо стрелой. Этьен постарался запомнить, что нужно будет спросить Хомата, не используют ли рыбаки отравленные наконечники, и опять занялся своей работой.

Казалось, Лира полностью занята управлением корабля, пытаясь проложить дорогу через нападавших и при этом причинить им как можно меньше вреда. Она кидалась из стороны в сторону с неожиданным оживлением. Этьен нахмурился и нагнулся к куполу, чтобы лучше видеть. Да, его жена действовала очень активно, как и вторая фигура, с которой она дралась.

Корабль резко накренился вправо, так что Этьен чуть не перелетел за борт. Только схватившись за остатки сетей маев, он сумел избежать этой трагедии. С трудом поднимаясь на ноги, он наконец сообразил, кто была эта вторая фигура в кабине. Ирквит!

Но это было невозможно! После предостережения Хомата они всегда проверяли, заперта ли дверь кабины, когда входили или выходили из нее. Ирквит должна была находиться на кормовой палубе, где она и Хомат спали.

Лира была тяжелее, чем женщина-май, и, наверное, гораздо сильнее, но, если верить Хомату, Ирквит была тренированным убийцей. Лира ничем таким никогда не занималась. Этьен видел, что его жене нелегко избегать ударов ножа со страшным лезвием. Он инстинктивно что-то крикнул ей, хотя и понимал, что это бесполезно, так как Лира его не слышит.

Без Леры у руля и с выключенным автопилотом корабль стал замедлять ход. Это была мера предосторожности, рассчитанная на тот случай, если экипаж не может управлять кораблем, чтобы их не выбросило на берег. По мере того, как

вой двигателя стихал, Этьен увидел, как лодки противника стали приближаться. Судно землян уже миновало большую часть армады шангритцев, но было все еще достаточно близко, чтобы его могли догнать их весельные лодки. Этьен слышал их пение в ночной темноте, когда они напрягали мышцы, чтобы настичь волшебный корабль.

Если маи заберутся на борт, одного асинапта будет недостаточно, чтобы расправиться с таким их количеством. Первой мыслью Этьена было вернуться внутрь корабля. Он мог бы запереться там, а с помощью своих примитивных орудий нападающие не смогли бы вломиться к ним, хотя, конечно, могли испортить двигатель или заткнуть водозаборники.

Лучники были уже совсем близко и внезапно увидели перед собой относительно неподвижную цель. Они не давали Этьену высунуться из-за купола, осыпая корабль дождем стрел.

Внезапно Этьен увидел в кабине третью фигуру. На какое-то мгновение он отчаялся. А что, если Хомат лгал им, если он был верным союзником Ирквит и Занура?..

— Лира! — крикнул он.

Но если это было так, зачем ему надо было дрожа рассказывать обо всем вчера ночью? Этьен увидел, как Хомат осторожно пробрался мимо дерущихся женщин, взобрался в кресло и, положив обе шестипалые руки на штурвал, коснулся акселератора.

Этьен снова упал на палубу, потому что корабль внезапно метнулся вперед. С двух лодок, которые были совсем уже близко, послышались возгласы гнева и разочарования. Двоим маям, впрочем, удалось перепрыгнуть на борт.

Темноту прорезали две ярко-голубые вспышки асинапта. Когда заряд достигал живую плоть, в воздухе пахло озоном. Первая жертва свалилась за борт, вторая упала совсем рядом с мокрым от пота лицом Этьена, все еще сжимая в безжизненной руке кривой нож.

Поспешно вскочив на ноги, Редоул побежал к ближайшей двери. Увидев в кабине еще одного человека, Ирквит вырвалась и помчалась на нос корабля, осыпая всех проклятиями. Пытаясь схватить ее, Этьен столкнулся с Лирой. Это было весьма кстати, так как от этого Лира отлетела в сторону и ее не задел нож, просвистевший мимо.

Этьен выстрелил не целясь, опалив часть потолка. В этот момент из кабины донесся громкий стон. Хомат упал, а Лира кинулась ему на помощь.

Еще пара сетей цеплялась за борт, и Этьен сбросил несколько узлов в воду, осторожно выбираясь на палубу. У Ирквит не было оружия, если не считать таковым ее язык. Она крикнула что-то, что Этьен перевел, как «Смерть Безлицему!» Было ли проклятие направлено Хомату или ему, он не знал и, наверное, никогда уже не узнает, потому что их бывший проводник и повар прыгнула через поручень и тут же растворилась в темноте. Без сомнения, шангритцы выловят ее из реки и отправят в По-Раби.

Этьен был рад, что они доверились Хомату. Он, конечно, сжег свои корабли и уже никогда не сможет вернуться в По-Раби. Правда, если он не выживет, это ему будет уже все равно. Этьен вспомнил его удивленный стон, когда нож Ирквит пролетел мимо.

Флотилия шангритцев быстро таяла за кормой, и Редоул поспешил обратно, в прохладную кабину корабля. Кресло капитана было свободно, и он быстро скользнул за штурвал, окидывая взглядом приборы. На экране сканера теперь были видны только несколько небольших бревен по правому борту — резкий контраст с плотной массой лодок позади них. Через пару минут и они исчезнут с экрана.

Хомат лежал на полу и стонал. Лира вытащила нож и пыталась остановить кровотечение. Нож лежал около ее правой ноги — у него было очень большое лезвие. Еще бы пару сантиметров левее, и они бы продолжили свой путь без обоих проводников. Лира сняла свою майку и повязала ею рану. Система охлаждения майки работала на полную мощность, и Этьен чуть было не спросил, зачем она это делает, но внезапно понял, что холод способствует свертыванию крови. В редкие минуты, такие как эта, он понимал, что женился на женщине с интеллектом куда выше среднего.

Когда кровь перестала течь так быстро, Лира побежала в другой отсек и тут же вернулась, неся в руках баночки и бутылочки с аэрозолями.

— Я не знаю, как это все работает на тебе, Хомат. Это не

предназначено для маев, но больше у нас ничего нет, и я не знаю, что еще мы можем сделать. Ты меня понимаешь?

Он медленно кивнул, и его маленькие острые зубы скрипнули от боли.

— Ты ведь млекопитающее, но, как я понимаю, твоя физиология очень близка к нашей, поэтому...

— К дьяволу лекции по биологии, Лира! — взорвался Этьен.

Она быстро взглянула на него, но на этот раз только кивнула. Молчаливое признание женой его правоты не принесло Этьену никакого удовольствия. Он слишком волновался о Хомате.

Пена из баллончика усилила эффект охлаждения и полностью остановила кровотечение. Хомат задохнулся от обжигающего холода и старался не смотреть, что делают чужаки с его телом. Затем Лира взяла маленький круглый прибор, поместившийся в ее ладони, тщательно отрегулировала его и, сняв с раны пропитанную кровью майку, поднесла прибор к коже мая. Она водила из стороны в сторону прибором над плечом и верхней частью груди Хомата, и при этом раздавался легкий шипящий звук, а из нижней части устройства лился яркий желтый свет.

Хомат корчился от боли, но, когда Лира отвела руку и отключила хирургический прибор, Этьен увидел, что рана полностью закрылась, да еще и была простерилизована. Конечно, останется шрам, но ведь Лира не врач, да и времени не было, чтобы воспользоваться компьютером.

— Яд?

— Нет, де-Лира, — прошептал Хомат, потрясенно глядя на свою грудь. — Чистый нож для чистой смерти.

Этьен воспринял эту информацию с облегчением. Рука его не кровоточила, а теперь он мог больше не волноваться о своей ране.

— Все будет хорошо, — утешала Лира проводника. — Просто подожди пару дней и постарайся не перенапрягать эту руку.

Хомата бил озноб, и она поняла, что это не шок.

— Он здесь замерзнет, Этьен. — Термометр кабины пока-

зывал, что температура была немного ниже тридцати градусов. — Нужно вынести его на палубу.

— Пошли, мы теперь в безопасности. Я помогу тебе. — Редоул вновь перевел управление на автопилот и поднял Хомата на руки. Худенький май был очень легким. Положив раненого на подстилку, где тот обычно спал, Этьен пошел обследовать корабль. Он быстро нашел, как Ирквит пробралась внутрь, чтобы напасть на Лиру. Между центральным уплотнением и дверью был приклеен небольшой комочек смолы сиркега, местный продукт, который Ирквит использовала в супах и соусах. Он-то и не давал замку плотно закрыться.

Весьма предусмотрительно со стороны Ирквит так изучить работу дверей. Без сомнения, она старательно училась всю дорогу от станции. Черт, это их вина, подумал Этьен. Нужно перестать считать масев невежественными и неразвитыми существами.

Он нахмурился, повернувшись, чтобы взглянуть на Хомата. Их проводник теперь сидел, опираясь спиной на низкую балку поручня вдоль планшира. Ведь май смог вести их корабль!

— Ты быстро сообразил что к чему, Хомат. Ты повел корабль, когда Лира сражалась с Ирквит. Еще минута-другая, и шангритцы могли бы нас победить.

— Да, я видел, что они приближаются, де-Этьен, и, помню, подумал: что-то здесь не так. Я увидел, как дверь вон там распахнулась, и, хотя очень боялся, прокрался туда, несмотря на холод, посмотреть, что происходит... Я ведь знал, что мы не должны были сбавлять скорость. Я много раз видел через круглое стекло, как вы и де-Лира управляете волшебным кораблем. Мне, конечно, не известно, как духи управляют кораблем, заставляя его двигаться, но нетрудно увидеть, как вы управляете духами. Ирквит думала, что сможет с этим справиться, и я не видел причин, почему бы и мне не попытаться. Чтобы сменить направление, нужно повернуть колесо, а чтобы увеличить скорость — нажать на маленькую кнопку.

Этьен немного расслабился.

— Да, если так, это кажется не таким уж сложным, правда? Как ты себя сейчас чувствуешь?

— Ваши волшебные инструменты принесли восторг моему

телу. Гораздо лучше, спасибо. Благодарю вас от себя и от всех своих предков.

Этьен кивнул:

— Ты слышал, что сказала твоя бывшая подруга, покидая нас?

— Нет. — Май слегка улыбнулся. — Но могу себе представить. Очевидно, это было что-то не очень вежливое.

— Да, не очень. Она гарантировала, что тебе никогда не вернуться в По-Раби, даже не приблизиться к нему на дюжину легат.

— Я на это уже решился. Вы мне не верили?

Этьену было явно не по себе.

— В чужом мире трудно разобраться, чему верить, чему нет. Прости, Хомат, если я кажусь тебе бесчувственным.

— Не думайте об этом, де-Этьен. Говорят, что жители Су-фуми не отдыхают в середине дня, а работают без перерыва до заката солнца. В это тоже трудно поверить. Воистину повсюду есть чудеса. Я не жалею о своем решении, хотя мог бы, если бы пришлось умереть от ножа Ирквит... Да сгниет ее тело в воде! Мне не нужен дом, ведь теперь у меня есть вы и де-Лира, мои друзья и защитники.

— Не беспокойся, Хомат. Когда мы вернемся на станцию, ты получишь свою награду. — Подошедшая Лира надевала чистую майку. — И мне не важно, что говорят на этот счет правила. Мы найдем, как тебе дать что-нибудь такое, от чего ты станешь обеспеченным на всю жизнь.

В истинно майской манере Хомат тут же указал в глубь корабля:

— Та машина, которую вы использовали, чтобы исцелить меня... Можно мне взять такую?

Лира рассмеялась. Она давно уже так не смеялась, подумал Этьен, удивившись, как это кольнуло его сердце.

— Хирургический прибор очень недолговечен, и ты не сможешь его наладить, Хомат. Нет ничего хуже волшебника, когда волшебное искусство покидает его. Не беспокойся, мы найдем тебе что-нибудь подходящее... и длительного пользования.

— Я и не беспокоюсь, — спокойно ответил Хомат. Он осторожно подвигал рукой. — Воистину чудесный прибор.

— Может быть, тебе стоит проверить автопилот, Этьен?

— Все и так в порядке. Мы опять на середине реки, а сканер подаст звуковой сигнал, если впереди появится что-нибудь такое, с чем он не сможет справиться сам. Может, пора действительно подумать о том, как пополнить наши припасы. Ирквит была права, говоря, что у нас осталось мало еды. — Этьен взглянул на Хомата. — Ты абсолютно уверен, что влияние По-Раби не распространяется вверх по реке дальше Шангрит?

Хомат вздохнул. Этим странным существам приходилось говорить одно и то же несколько раз, прежде чем они тебе поверят.

— Следующее крупное торговое поселение после Шангрит — город Кеккалонг, де-Этьен. Я там никогда не был, но знаю, что он процветает, независимо от власти какого-либо океанского города-государства. Он лежит примерно в трех тысячах легат к северу от Шангрит.

Лира быстро пересчитала в уме.

— Пятьсот километров. Сколько мы продержимся. Так как это крупный порт, может, нам удастся там постоять пару дней, отдохнуть. Я могу заняться интенсивными исследованиями. Мне, конечно, уже не удастся поработать в Шангрит.

— Очень приятный, крупный порт, — подтвердил Хомат. — Не такой большой, как По-Раби или Лосити, но почти такой же, как Шангрит. За Кеккалонгом идет неизведанная местность, неизвестная ни мне, ни какому-либо другому торговцу, живущему ныне в По-Раби. Никто еще не путешествовал так далеко вверх по течению Скара от Гроаламасана.

— Значит, ты будешь первым, — сказал Этьен. Он извиняюще обратился к жене: — Двое взобрались на борт, и мне пришлось применить асинапт. Не было времени стрелять так, чтобы только ранить их, Лира.

К удивлению Этьена, жена не ругала его за это. Может быть, нападение Ирквит поумерило заботу о существах, которых она прибыла сюда изучать?

— Только двое? Это не так плохо. Может, это и не вызовет кровную месть шангритцев.

— Отлично, ведь на обратном пути мы опять можем столкнуться с той же ситуацией.

— Этьен, мы будем думать о возвращении только через несколько месяцев. К тому времени шангритцам наверняка уже надоест караулить нас у реки и они отправят Ирквит домой. По крайней мере, опасность на борту нам не будет угрожать. — Лира взглянула на Хомата, который потирал свое чудесным образом зажившее плечо. — Извини, что я не поверила тебе сразу, Хомат.

— Нет, нет, не надо извиняться, де-Ли́ра. Я бы вам тоже сразу не поверил. Не верить полезно для здоровья.

Ли́ра всматривалась в темную влажную ночь. Время от времени вдали мерцали огоньки прибрежных домов, точно звезды. Все было тихо и спокойно.

— Я начинаю думать, что ты прав, — чуть слышно пробормотала она.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кеккалонг оказался именно таким, как говорил Хомат. Это была естественная гавань, отделенная от Скара мощным течением. Когда они в нее входили, маленькие рыбацьи лодчонки и лодки для отдыха толпились за кормой их корабля, как мотыльки.

Как это было принято и в больших океанских городах, одна половина местных строений находилась под водой, а другая — над водой. Вдали высилась ожидаемая масса узких башен. Они слегка напоминали здания древних городов Земли. Но эти узкие цилиндры уходили далеко под землю. Некоторые были приспособлены для подачи холодной воды на поверхность, другие отводили горячий воздух из подземных уровней города. Май наслаждались нестерпимо жарким климатом, но они, как и люди, любили и прохладный ветерок, даже если в их представлении ветерок этот был порывом влажного воздуха с температурой не ниже тридцати градусов.

Жители городка были дружелюбны и делали все возможное, чтобы сдерживать свое любопытство при виде высоких волосатых гостей. Так как Кеккалонгом управлял не один мойт, а купеческая коалиция, в нем не было такого нео-

долимого духа конкуренции, который царил среди жителей южных городов.

С потерей Ирквит способность Хомата торговаться выступила на передний план, и он оказался отличной заменой. Как только Хомат превозмог свойственную ему робость, он очень легко научился покупать провизию на рынке.

Они шли через центральную часть рынка, покупая образцы работ местных резчиков по дереву для пополнения коллекции первобытного искусства, когда Лира обратилась к мужу. Как обычно, он предоставил торговаться ей и Хомату, больше интересуясь камнями, которые использовались для мощения улицы.

— Что такое? Лира, ты знала, что некоторые из них добыты в пегматитовых дайках?

— Конечно, — ответила она насмешливо, — но я стараюсь об этом забыть. Иди сюда и послушай.

Она остановилась перед очень старым маем. Стараясь проявлять интерес, которого он не испытывал, Этьен заметил, что морщины на лице мая образуют не линии, а круги.

— Всего в двухстах легатах вверх по Скару, — говорил старик, — находится место, где в него впадает великий Оранг.

— Он говорит, — Лира взяла на себя роль толмача, — что у тсла там недалеко ссть большой город, вверх по течению Оранга.

Этьен нерешительно взглянул на нее:

— А как далеко это «недалеко»? — Она сказала ему расстояние в легатах, и он перевел в уме местную меру длины в земную. — Так, где-то восемьсот — девятьсот километров... Это черт знает как «недалеко». По нашим планам мы должны следовать по Скару до его истока, нанося все на карту и делая записи. Никакие отклонения не предусматриваются.

— Но это позволит нам изучить совершенно иную расу, Этьен, совсем другую культуру. Мы должны вступить в контакт с тсла рано или поздно.

— Я считал, что по плану это должно быть «поздно».

— Но ведь это такая чудесная возможность! Мне говорили, что тсла построили мало центров, а этот Турпут является одним из главных.

— Все равно это означает радикальные изменения в наших

планах, — продолжил спорить Этьен. — Лира, не было и дня с тех пор, как мы попали в этот мир, чтобы ты не окуналась с головой в работу. Я же все еще жду, когда мы достигнем места, где Баршаягад сужается настолько, что я смогу начать серьезные исследования в своей области.

— Если мы поедem в этот Турпут, у тебя появится такая возможность, Этьен. Они не могут жить в долине реки... — Лира быстро обменялась со стариком несколькими фразами. — Его описание местоположения Турпута совпадает с тем, что мы узнали об этой экологической нише. Турпут находится по крайней мере на три тысячи метров выше Скара. Очевидно, Оранг не вымыл для себя такой глубокий каньон. Ты сможешь углубиться в свои исследования скорее, если мы посетим Турпут, чем если избежим этого.

Этьен задумался, затем сказал:

— Я знаю, что мы должны детально исследовать жизнь и культуру тсла, так же как масв, но это у нас запланировано на обратном пути, после того, как мы выполним основные задачи.

— Этьен, моей главной задачей, для чего я вообще здесь, было посмотреть, как несколько разных культур сосуществуют друг с другом в разных зонах обитания. Для того чтобы это сделать, я должна посмотреть, как живут тсла и как они относятся к маям.

— А не может это подождать нашего возвращения?

— Мы должны попытаться совершить эту поездку, даже отклонившись от маршрута. На высоте трех тысяч метров температура упадет по крайней мере градусов на двадцать по сравнению с температурой на Скаре, соответственно упадет и влажность. Впервые со времени посадки на этой планете мы сможем надеть нормальную одежду и обойтись без кондиционера. Неужели тебе этого не хочется?

Этьену пришлось признаться, что хочется. Но были и другие факторы, о которых она не упомянула, возможно, намеренно.

— Из слов старика, Лира, следует, что Турпут лежит только на расстоянии восьмисот километров вверх по течению от того места, где Оранг впадает в Скар, верно? — Она кивнула. — Так. Это означает, что нам нужно взбираться на три

тысячи метров по каньону на небольшом расстоянии. Это слишком крутой подъем для корабля и слишком далеко, чтобы двигаться на репеллерах.

Лира указала на старого торговца.

— Оссанж говорит, что в месте слияния двух рек есть городок, который называется Аиб. Он говорит, что мы сможем нанять там тех, кто будет присматривать за кораблем, а сами взять носильщиков, которые переправят наши вещи в Турпут.

— В самом деле? А у него нет родственников в Шангрит?

— Этьен! — выдохнула Лира, теряя самообладание. — Мы уже давно за пределами влияния Шангрит. Ты ведь знаешь это.

— Может быть. Извини, если я кажусь тебе излишне осторожным. Дело в том, что нам не много удавалось, когда мы пытались воспользоваться помощью местных жителей.

— Но подожди... Ты же знаешь, что мы можем принять меры, чтобы защитить корабль.

— Да, мы можем это сделать, но я все же по-прежнему не уверен, что готов совершить прогулку в горы вверх на три тысячи метров. Это совершенно нарушит все наши планы.

— Наши планы не высечены в камне, Этьен. Если на пути назад погода испортится, мы можем вообще не совершить это восхождение. Нельзя упускать такой шанс. Сейчас стоит хорошая погода. Уверена, мы сможем нанять местный транспорт и не подниматься всю дорогу пешком. — Лира повернулась к торговцу: — Расскажи ему о Турпуте, Оссанж.

— Это чудесное, изумительное место, — начал старик. — Таинственно все то, что делают тсла. — Он сделал знак, охраняющий его от духов, которых это могло заинтересовать. — Их поля расположились по склонам гор. Они выращивают чудесные фрукты и овощи, которые сохнут здесь, возле реки.

— Откуда ты это знаешь, Оссанж? Я думал, на землях тсла слишком холодно, чтобы маи могли это выносить.

— Очень тепло одетые, чтобы не замерзнуть, мы можем недолго там находиться.

— А нам там будет хорошо, Этьен, — добавила Лира, пытаясь убедить мужа. — Разве это не привлекательно?

— Может быть, но не так, как путешествие вверх по реке.

— Но в том-то все и дело. Это отличный случай для тебя изучить местную топографию.

— Лира, я устал от долины реки, и ты это знаешь. Но мы должны следовать нашему плану.

Лира отстранилась от мужа.

— Я вижу, — сказала она холодно. — Отлично. Ты можешь продолжить путь вверх по реке с Хоматом. Я возьму достаточно товаров для продажи, которых мне хватит, пока ты не вернешься, и отправлюсь в Турпут сама. Встретимся на обратном пути.

— Лира, ты сама знаешь, что это неправильно, — вздохнул Этьен. — А как быть с культурами народов, живущих выше по реке? Ты думаешь, я буду делать твою черновую работу в дополнение к своей?

Она пожала плечами:

— Ладно, ты поезжай на месяц или два куда хочешь, делай что хочешь, а потом возвращайся за мной. Но я завтра еду в Турпут, пока у меня есть шанс и пока стоит хорошая погода.

— Будь ты проклята, — сказал он спокойно. — Ты знаешь, как опасно разделяться. Мы, как всегда, поступим по-твоему. Я поеду с тобой. Но мне это не нравится, и тебе придется выслушивать мое ворчание по этому поводу все время, пока мы будем пробираться вверх по каньону.

— Ну, это я переживу. — Лира победно улыбнулась. — Считай, что это окружной путь, а не вынужденное изменение маршрута. Многие важные открытия были сделаны именно тогда, когда люди шли в обход.

— Чушь. Ты просто решила, что хочешь отправиться в путь именно сейчас.

Лира посмотрела на мужа так холодно, что похолодело даже в воздухе, и до конца дня с ним не разговаривала.

Хомат предпочел бы оставаться на реке. Хотя он ел то, чем тсла торговали с речными жителями, и много слышал об их замечательных достижениях, Хомат никогда их не видел, да и не стремился к этому. Он думал, что Этьену нужно было бы более сурово поговорить с женой, и если это не поможет, просто приказать ей. Но, по-видимому, отношения между мужчиной и женщиной среди пришельцев из иного мира сильно отличались от таковых у маев. Хомат провел целое

утро, делая знаки и пытаясь вызвать нужных духов, прежде чем их корабль опять отправился вверх по реке.

Довольно скоро приборы предупредили их о приближающемся слиянии Скара и Оранга. Там Скар делал резкий поворот на запад, а Оранг вливался в него с севера. Принимая во внимание силу потока Оранга и его направление, любой, кто не знал, как на самом деле обстоят дела, последовал бы вдоль по притоку, думая, что это и есть Скар.

Выйдя на восточном берегу реки как раз выше города Аиба, они послали Хомата узнать о возможности нанять средства передвижения и носильщиков. Несмотря на предлагаемую высокую плату, ему с трудом удалось найти носильщиков.

— Они не хотят уходить из дому и совершать путешествие в землю Тсла, — объяснил Хомат.

— Но почему? — спросила Лира. — Я думала, что торговля между тсла и маями проходит регулярно, и что так было с незапамятных времен...

— Это верно, — согласился Хомат. У них за спиной собирались рыбаки и фермеры, с любопытством осматривая стоящее на якоре судно землян и безуспешно, как всегда, пытаясь найти на нем паруса или весла. — Но это не значит, что маи хотят отправиться туда. — Хомат показал Этьену и Лире что-то овальное по форме, напоминающее нечто среднее между грейпфрутом и лаймом. — Это гугун. Он не растет ниже уровня, где расположен Турпут. — Хомат с удовольствием надкусил плод, покрытый блестящей кожурой, и выплюнул красноватые зернышки. — Это и еще многое другое могут выращивать только тсла. Поэтому некоторые маи боятся их. Но есть и кое-что другое... — И он поспешно сделал охраняющий жест. — Тсла торгуют с маями, но они торгуют также и с на, живущими на Гунтали.

— Значит, это не просто сказки! — воскликнула Лира в волнении.

— О нет, это на самом деле так, де-Лира. Совсем на самом деле. — Хомат вздрогнул. — Они привозят с Гунтали шкуры странных животных и много сераша.

Этьен знал, что серашем местные жители называли нечто похожее на слоновую кость.

— Мы, маи, никогда не видели на, — продолжал Хомат, —

потому что на их земле мы замерзли бы через несколько мгновений. Их воздухом трудно дышать, и мы бы дрожали от ужаса. Но некоторые здесь, думаю, все-таки согласятся, чтобы их наняли. Всегда найдется тот, кто пойдет, если плата будет достойной, — добавил он с уверенностью. — Однако я хотел бы, уважаемые, чтобы вы не оставляли здесь свой волшебный корабль. — Хомат взглянул на любопытствующих, чтобы убедиться, что их не подслушивают. — Аиб немногим лучше, чем большая деревня. Мойты в таких местах не очень придерживаются морали. Лучше оставить корабль в Кеккалонге.

Этьен сделал жест, означающий у маев отрицание, и недовольно посмотрел на жену.

— Мы уже и так потратили слишком много времени, отпущенного нам планом, на это путешествие, Хомат. Если мы оставим судно в Кеккалонге, нам потребуется несколько недель дополнительно, для путешествия по суше. Однако ты не должен волноваться: корабль будет в безопасности, пока мы не вернемся.

Хомат посмотрел с сомнением на толпу зевак:

— Я не могу отговорить вас, друзья с противоположного берега океана ночи, но я не считаю это решение разумным. Даже носильщики, которых я нанял, пришли к нам с верховьев реки, а не из Аиба. Я опасаюсь предательства.

— Успокойся. У нас будет оружие. Никто не приблизится к судну в наше отсутствие, вот увидишь. — Этьен указал на причал, где они оставили корабль. — Разве мойт Аиба не обещал нам, что причал будет закрыт для всех и любопытных туда не пустят? Он сказал, что его личная охрана это обеспечит. Мы заплатим ему достаточно много, чтобы он не позволял местным жителям приближаться.

— Эта сумма все равно меньше цены волшебного корабля, — бурчал Хомат. — Что же до охраны, которую он там разместит, мне бы хотелось, чтобы она была из Кеккалонга. Но все равно, раз вы удовлетворены, Хомат тоже удовлетворен.

Однако в голосе его не звучало удовлетворения. Ему было трудно понимать этих странных существ. Во многих отно-

шениях они проявляли необыкновенную мудрость, но в других были наивны, как дети.

— Мы знаем, что делаем, Хомат.

— Не можете ли вы, по крайней мере, отвести корабль на безопасное расстояние вверх по Орангу?

— Чтобы он находился на середине реки, открытый несведомым течениям и ветрам? — спросила Лира. — Нет здесь он в большей безопасности. Кроме того, любой, кто захочет добраться до нас, легко преодолеет несколько легатов вверх по Орангу. Мы сами позаботимся о нашей собственности, Хомат, а ты позаботься о приготовлении пищи и проводниках.

— Как скажете, де-Лира.

На самом деле он получал огромное удовольствие, отдавая распоряжения полудюжине носильщиков. Впервые в жизни он мог использовать власть по отношению к своим братьям-маям. Власть ведет к богатству, и новым знаниям, и к новым возможностям. Власть — мерило всего. Хомат получал такое удовольствие, что даже перестал беспокоиться за судьбу волшебного корабля пришельцев.

Мойт Аиба, деревенского вида юноша по имени Гваттве, который считал себя чем-то вроде денди, сам проводил их в путь. Его собственный шаман наколдовал им благополучное возвращение.

Из Аиба путешественники должны были отправиться на ловагонах на север до тех пор, пока не увидят текущий на юг Оранг, затем повернуть на северо-восток по торговому пути в горы.

— Да возвратитесь вы в восхитительном благополучии! — пожелал им Гваттве. — Как тот, кто часто торговал с тсла, я поехал бы с вами и сам стал бы вашим проводником и переводчиком, но мойт должен править своим городом.

— Мы понимаем, — заверила его Лира. — Мы знаем, что вы будете хорошо заботиться о нашей собственности.

— А разве я не дал вам клятву? — Гваттве обиженно взглянул на них. — Разве я не поклялся женой и детьми и, что самое главное, своим имуществом? Не говоря уже о том, что я не получу вторую половину платы до вашего возвращения.

Вот в это я верю больше, чем во все твои клятвы, подумал Этьен, слушая речь мая. Для маев деньги были дороже крови.

Когда они повернулись, чтобы войти в ждущие их ловагоны, раздался хор скучающих детишек, выражающих пожелания доброго пути раздражающе атональным пением. Дети продолжали петь, пока маленькая группа ловагонов, которыми управляли носильщики, не скрылась за первым поворотом дороги, и быстро разбежались в разные стороны, прежде чем на них посыпались удары учителя, которые тот раздавал без разбору.

Гваттве наблюдал за отбытием странных посетителей, а затем бросил сверкающий взгляд на причал, где лениво покачивался стоящий на якоре корабль, привязанный к пристани двумя на редкость крепкими металлическими тро-сами.

— Что ты думаешь обо всем этом, мудрый Енаромека?

Шаман внимательно смотрел на чужой корабль.

— Дай пришельцам шесть дней, а затем бери его в свое владение, Гваттве.

— Мой кошелек ужасно чешется. Не знаю, сумею ли я ждать шесть дней.

— Лучше осторожность, чем вражда. Не думаю, чтобы у них возникли подозрения, но будет не очень удобно, если они вдруг вернуться и увидят, что мы делаем. Терпение, и скоро мы будем владеть всем Скарком. Даже города-государства океана будут уважать нас... если мы сумеем заставить волшебный корабль нам повиноваться.

— Но даже если и не сумеем, — сказал Гваттве, — мы заставим волосатых заплатить нам огромный выкуп за его возвращение. А если они откажутся, то, конечно, на корабле есть очень много ценностей, которые можно взять и продать. Они не волшебники и не боги, те, кто пришел к нам, Енаромека. Молнии не слетают с их пальцев, что бы ни говорили болтуны, живущие ниже нас по реке, и горы не дрожат под их поступью. Они очень похожи на маев, только больше и волосатее, у них меньше пальцев на руках и ногах, и им поэтому труднее пробираться по жизни. Если они порежутся, я уверен, они будут кровоточить, а если они продолжат кровоточить, значит, они умрут. Я понимаю их, и, думаю, что, если мы постараемся, мы поймем и как управлять их волшебным кораблем. Кроме того, — добавил он с улыбкой, — у них займет много

времени дорога до того города тсла, и возвращаться они будут долго. У нас хватит времени изучить и испытать их корабль.

— Это будет твой легендарный триумф, Гваттве, — с пафосом произнес шаман, глядя на мойта с подобающей елейностью.

— А также и твой, мой добрый друг и советчик, потому что на твою долю выпадает честь выявить тайны чудесного корабля.

Енаромека огорчился:

— Что? Но почему я?

— А разве ты не самый хитрый человек в Аибе?

— Я самый умный, но самый хитрый — это ты, великий мойта.

— Твоя лесть не к чему. Я знаю пределы своих возможностей.

Енаромека примирился со своей участью.

— Это, конечно, будет восхитительная, огромная честь. Я воспользуюсь помощью моих лучших учеников. Со временем мы познаем все, что может быть познано.

Они наблюдали и измеряли, обсуждали и спорили долгих шесть дней. К тому времени Гваттве уже дрожал от нетерпения вступить на борт корабля и заявить, что волшебный корабль — собственность Аиба и жителей... По городу поползли слухи, что наступил день «взятия», и многие жители, отложив повседневные дела, собрались на берегу реки выше пристани. Всем хотелось стать участниками триумфа их общины, потому что все получают свою долю от успешного вступления во «вторичное владение», как третейский судья города цветисто описал это «взятие» в попытке осмысления происходящего. Власть и богатство, которые достанутся Аибу, будут поделены между всеми, и жители города станут известны по всей реке, сказал он.

Енаромека убедился, что все его хорошо слышат.

— Я прошу о чести первым ступить на борт.

Гваттве ответил жестом уважения. Это было отрешиторовано заранее и являлось частью платы за услуги, оказанные мойту его духовным врачом — шаманом.

Корабль мягко ударялся бортом о стенки деревянного причала, когда шаман осторожно перелез через поручень на

открытую кормовую палубу. Енаромека медленно погружился на месте, очень довольный собой, и вдруг услышал голос, произносящий на прекрасном, хотя и каком-то неживом языке маев:

— Посетитель, тебе здесь нечего делать. Разрешение посетить корабль тебе не было дано. В твоём распоряжении двадцать анатов, за это время ты должен покинуть корабль или понесешь тяжелое наказание. Ты предупрежден.

Енаромека стоял точно парализованный, а Гваттве заморгал, стараясь разглядеть, что происходит внутри прозрачного купола, окружающего кабину судна. Воины, стоявшие поблизости, забыли, где должны находиться, и прилипли к иллюминаторам, ища невидимого говорящего. Так же вели себя и помощники Енаромеки.

Никакого движения внутри корабля они не заметили, никакой жизни под прозрачной оболочкой, а судно продолжало мягко покачиваться на волне.

Енаромека преодолел свою первоначальную панику и пошел туда, где можно было заглянуть в трюм.

— Я ничего не вижу, — крикнул он.

— Я тоже, — отозвался Гваттве с пристани.

— Я пройду внутрь и посмотрю. — Енаромека дотронулся до ручки двери и потянул. — Дверь не поддается.

— Этого следовало ожидать, — сказал Гваттве. — Нельзя было надеяться, что они так доверяют нам, что оставят свой корабль открытым. Тебе не нужен длинный нож?

Енаромека прижался лицом к окошку в верхней части двери:

— Дверь очень прочная. Там внутри загораются и гаснут маленькие огоньки, похожие на огни охотников на склонах каньона. Может быть, огоньки связаны с замком. Духи огня. Дай мне жалу.

Откуда-то из толпы воинов передали вперед тяжелую булаву с шипами. Один из учеников духовного врача передал ее Енаромеке.

— Осталось пять анатов, — предостерегающе заявил голос. — Немедленно уйди с корабля.

— Я знаю, что это такое, — вдруг заявил Енаромека, не желая упустить момент славы, отступив перед невидимым ду-

хом. — Голос духов заперт в корабле, он там остался, чтобы нас пугать. — Шаман заговорил смелее: — Я, Енаромека, не боюсь духов. Я узнаю все секреты этого корабля, и пусть на меня кричат разные голоса. Я не боюсь голосов! .

Осторожно прицелившись, он нанес удар по прозрачному материалу двери, за которой поблескивали огоньки. Яркий сноп света на мгновение ослепил толпу наблюдавших, раздался крики. Женщины и дети побежали, чтобы спрятаться за валунами и навесами от солнца. Шеренга воинов, стоящих торжественно вдоль причала, смешалась, а некоторые попрыгали даже в прохладную воду Скара. У Гваттве было достаточно присутствия духа, чтобы запомнить их имена и звания.

Когда зрение мойта немного восстановилось после неожиданной вспышки света, он вновь повернулся к волшебному судну. Оно по-прежнему чуть покачивалось на воде. На кормовой палубе лежал скорченный предмет, который мгновение назад был духовным врачом Гваттве. От черепа и туловища поднимался дым, а кожаные сандалии на трупe ярко горели.

Один из учеников Енаромеки прыгнул на борт судна. Гваттве затаил дыхание, но ничего не случилось. Ученик пытался сбить огонь, пожиривший ноги его учителя. Сохраняя присутствие духа, ученик что-то прокричал. Среди зевак наметилось движение. Кто-то нашел ведро, наполнил его водой из реки и осторожно передал на корабль.

Когда ученик вылил воду на тело Енаромеки, вновь раздался торжественно звучащий голос:

— Посетитель, тебе здесь нечего делать. Разрешение посетить корабль тебе не дано. В твоём распоряжении двадцать анатов, за это время ты должен покинуть корабль или понесешь тяжелое наказание. Ты предупрежден.

— Я не уйду! — заявил ученик, делая знак, чтобы защититься от наиболее опасных из неизвестных духов. Наклонившись, он поднял оказавшийся бесполезным жалюзи, вертя им в воздухе, пошел к двери, которая не поддавалась его учителю.

Гваттве не удивился, увидев вновь свет. Ученик был бос, и вода, в которой он стоял, не защищала его от духов огня. Но его уход из жизни был более впечатляющим, чем гибель Ена-

ромеки. Захваченный выбросом энергии, он изогнулся в конвульсиях и прыгнул — или был выброшен — за борт корабля.

Двое воинов, недовольные, сбросили доспехи и прыгнули в реку, чтобы вытащить юношу на берег. Гваттве с большим интересом осмотрел тело. Оно было сильно повреждено и искорежено, хотя не так, как тело Енаромеки. Подошвы ног ученика обуглились, а выше щиколоток шли черные полосы. Сильный запах горелой плоти висел в утреннем воздухе.

Но никакого огня ведь не было, только всплеск света и громкий хлопок. Панжирам, один из старейшин Аиба, подошел к причалу:

— Похоже на то, мой мойт Гваттве, что волосатые пришельцы не так глупы, как нам показалось вначале.

— Похоже. — Гваттве не проявил никакой печали из-за того, что внезапно лишился услуг шамана, своего духовного врача. Он смотрел на корабль с еще большим интересом, чем прежде. — В этом первом испытании доверия и дружбы они вышли победителями. Но я упрям, старик. Уверен — должен быть способ изгнать духа-покровителя этого судна, чтобы мы могли захватить его!

Панжирам снова заговорил:

— Мало кто готов бороться с неизвестными духами, особенно духами, которые убивают так эффективно, как те, что охраняют лодку.

— Я не боюсь духов, — сказал Гваттве, делая быстрые охранные движения рукой. — Духов из нашего мира. Но совершенно другое дело — бороться с духом, прибывшим не отсюда. Однако я не уверен, что здесь мы имеем дело с духами. Корабль пришельцев сделан из металла и иных неизвестных материалов. Этот дом мало подходит для духов.

— А мы знаем, то другие духи считают подходящим для себя жильем?

— Может быть это мы узнаем. Я не откажусь и не отступлю. — Мойт посмотрел вверх, на торговый путь, где исчезли высокие волосатые пришельцы. — До Турпута далеко, а путь назад не менее долог. У нас еще есть время.

Оставшиеся в живых ученики окружили мойта. Он нахмурился, глядя на них.

— А вас что беспокоит?

— Мы должны что-то сделать для учителя. — Говоривший указал на обуглившийся труп Енаромеки. — Ему нужно устроить надлежащие похороны.

— Он должен получить свое дерево и путешествие к морю, — настаивал другой.

— Я согласен, — сказал Гваттве. — Кто из вас окажет ему честь и первым шагнет на волшебный корабль, чтобы унести его тело?

Ученики обменялись быстрыми взглядами. Они решили, что лучше обсудить все как следует, прежде чем принять твердое решение. Они направились к городу, громко споря между собой.

Когда мир и тишина восстановились, Гваттве опять стал рассматривать предмет своей мечты. Он никогда не бывал в великих городах-государствах, о которых рассказывали торговцы. Он только немного спускался вниз по реке. Но он посетил Кеккалонг и был восхищен его богатством. Волшебный корабль — это просто новый предмет, который нужно изучить и понять, как он научился понимать власть и богатство. Он сделает невероятные усилия, чтобы быть терпеливым. Для него это необходимо, или скоро он останется без советников. Он произнесет речь, прославляя храброго Енаромеку, а затем все опять отправятся работать. Завтра он вновь обдумает эту проблему. Все, что нужно, это тщательное обдумывание и достаточное количество дней. Но ему придется убеждать своих советников, а не только приказывать им, запах горящей плоти был мощным противоядием их любопытству.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Де-Этьен, де-Этьен, мы должны остановиться и отдохнуть!

Редоул остановился, глядя вперед перед собой, туда, где торговая тропа взбиралась вверх по еще одной бесконечной вертикальной стене, по трудолюбиво высеченным в скале сту-

пеням. Рев водопада Оранга постоянно звучал в его ушах, хотя он и не мог его видеть — ведь водопад находился далеко слева.

— Мы почти дошли, Хомат. Я не хочу провести в дороге еще одну ночь. Передай им.

— Дело не в этом, де-Этьен. — Хомат указал жестом на вереницу тяжело нагруженных носильщиков, идущих за ними. — Они говорят, что не сделают дальше ни шагу, пока не наденут самую теплую одежду.

Этьен поморщился и взглянул на дисплей у себя на запястье. Температура воздуха держалась на тридцати градусах. Несмотря на это, некоторые носильщики не пытались скрыть, что им плохо, а двое дрожали. Правда, Хомат скрывал озноб, сотрясающий его тело.

— Ладно, но вели им поторапливаться. Я хочу попасть в Турпут до наступления темноты.

— Конечно, конечно, де-Этьен, — сказал Хомат с благодарностью. Он повернулся и передал сказанное носильщикам. Те радостно загомонили, сбросили поклажу, совершенно не думая о том, что там было, и в спешке стали натягивать толстые пальто и шапки.

Лира наблюдала все это с огромным интересом. Было очень странно видеть мая в одежде с длинными рукавами и длинными штанинами. Одежду для холодного климата майшили из двухслойного материала, похожего на хлопчатобумажный, с прокладкой из какого-то пушистого волокна.

— В стране слепых и одноглазый — король, — прошептала Лира.

— Не вижу, как это относится к нашей ситуации, — отреагировал Этьен.

— В стране лысых и косматый — король.

— Это скверная аналогия.

— У тебя никогда не было достаточно чувства юмора. — Лира отвернулась от мужа.

Далекий Скар теперь казался лишь тонкой серебристой нитью, лежащей далеко на горизонте. Это была действительно большая прогулка. То, что здесь, на высоте три тысячи метров, они чувствовали себя почти как на Земле, было очень приятно. Там внизу, возле Скара им приходилось вдыхать грязь, во всяком случае так им постоянно подсказывали их легкие.

Разреженный воздух, по-видимому, не беспокоил носильщиков, но падение температуры затрудняло их работу уже несколько дней. Закутанные в тяжелые одежды, они, казалось, чувствовали себя гораздо более уютно.

Этьену пришлось признаться, что он получал удовольствие. Многоцветная зона, которую они миновали за время подъема, бесконечно удивляла путешественников. Тсламайна была древним миром, и вся ее история лежала перед ними, ограниченная стенами каньона. Этьен только жалел, что не видит того, что происходит на противоположной стороне каньона, ведь в месте слияния Оранга и Скара ширина его была больше тысячи километров.

По крайней мере, дорога сюда была широкой и свободной, отсутствовали участки с большими неровностями, и им встретилось лишь несколько вертикальных стен с утомительным для ног ступенчатым подъемом. Ветер и вода превратили отвесные скалы в доступные склоны.

Этьен впервые увидел край плато Гунтали, открывающийся вдаль время от времени, когда исчезали высокие облака. Неровная скалистая кромка поднималась еще на высоту трех тысяч метров выше Турпутта, резко обнажая первоначальную поверхность планеты. На этой высоте стрепанонги, дориллы и малминги перестали казаться лишь отдаленными, кружащими над головами точками, и стало видно, что эти огромные парящие тела — живые существа с размахом крыльев от пяти до восьми метров. Гигантские стервятники плавали в нагретом воздухе, поднимающемся с подножия Баршаяада, и редко встречались ниже двух тысяч метров. Так говорили носильщики, которым, тем не менее, эти хищники внушали ужас.

Путешественники поднялись вверх, миновав последнюю деревушку маев несколько дней тому назад, и с тех пор лишь изредка встречали отдельные группки охотников, очень тепло одетых. Этьен наслаждался относительной тишиной.

— Миллиарды лет, — прошептал он, — заняло у реки прорезать эти каньоны.

Лири перестала изучать теплые одежды носильщиков и вернулась к нему с понимающей улыбкой.

— Так ты доволен, что мы немного отклонились от своего пути?

Этьен не хотел признать правоту жены.

— Конечно, здесь интереснее, чем в той части Баршаягада, из которой мы ушли, но я все же предпочел бы, чтобы мы следовали своему первоначальному графику.

— Неужели ты не можешь заставить себя уступить? Не можешь признать свою неправоту?

— Я признаю, когда буду неправ.

— Конечно. Ты самый упрямый человек, которого я когда-либо встречала.

— Тогда зачем же ты вышла за меня замуж?

— Всегда один и тот же вопрос. Всегда проверяешь, никогда не доволен... Я как-нибудь соберусь... — Лира повернулась и пошла прочь, что-то бормоча про себя. Она всегда останавливалась и не заканчивала это предложение, за что Этьен был ей благодарен. По крайней мере, раньше был благодарен. Уже десять лет Лира собиралась закончить это предложение.

Теперь, когда они возобновили подъем, Хомат шел торопливой походкой рядом с ними.

— Носильщики передают всем свою благодарность. Они мерзнут по-прежнему, но холод уходит из их костей.

— Им должно быть достаточно тепло, — отрывисто откликнулся Этьен, сам не замечая резкости своего тона. — Черт возьми, им понадобился целый час, чтобы переодеться.

— Но они не привыкли к такому холоду, де-Этьен. — Хомат потянул за край капюшона, стараясь прикрыть как можно большую часть своей лысины. — И я не привык. Они оделись так быстро, как только могли. — Он постарался заглянуть Этьену в глаза. — А правда, что ни вы, ни де-Лира не испытываете чувство холода?

На геологе были укороченные кожаные штаны и плотная рубашка поверх сетчатой майки.

— Мне не только не холодно, Хомат, а напротив, даже жарко.

Май задумался.

— Наши тела не очень отличаются от ваших, де-Этьен. И хотя у вас и де-Леры больше шерсти, все же большая часть

тела покрыта голой кожей, как и у нас. Я бы и не подумал, что вам здесь по-прежнему будет тепло.

— Различное окружение вызывает разницу в адаптации, Хомат.

— Верно, — признал Хомат.

— Если ты перестал проявлять высокомерие по отношению к местным жителям, — сказала Лира мужу на терранглийском, идя впереди них по тропе, — может быть, мы еще хоть немного продвинемся вперед до заката солнца?

— Я вовсе не проявлял высокомерия, — откликнулся Этьен сердито. — Я просто объяснял Хомату, что... — Лира уже повернулась и продолжала взбираться вверх. Когда она вела себя таким образом, он готов был выйти из себя. Однако, что ему оставалось? Только схватить ее и заставить выслушать. А он не собирался ругаться с ней на глазах носильщиков. Этьен подавил свой гнев, убежденный, что это уж точно будет способствовать появлению у него в желудке язвы, этой болезненной впадины, на которой повсюду будет написано имя его жены.

Был ранний вечер, когда они наконец пересекли последнюю гряду, откуда был виден Турпут. Никто не знал, что их ожидало там. Может быть, что-либо меньшее, чем Кескалонг? Но, достигнув города, люди были приятно удивлены.

Аккуратные узкие улочки, мощенные серым камнем, сбежали к быстро текущему Орангу и шли дальше по другому берегу. На обоих берегах располагалось множество деревянный водных колес, приводимых в движение быстрым потоком. Вместо грубой архитектуры масев, к которой они привыкли на Тсламайне, Этьен и Лира увидели здания с куполами, похожими на цветы, и элегантные арки. Изящные, изгибающиеся стены соединяли основные здания, а по узкому черепичному желобу со стен стекала дождевая вода. Маленькие наблюдательные башенки возвышались среди больших зданий. Кроме башен, ни одно здание не имело больше трех этажей.

За городом Оранг разделялся на несколько небольших водопадов, где виднелись неясные фигурки, тянущие длинные сети. Террасы, поросшие фруктовыми кустарниками,

поднимались высоко в небо. С вершины последней в реку низвергался мощный водопад.

Но самым чудесным из всего была масса колокольчиков и бубенчиков, которые висели в каждом доме, магазинчике и везде, где только можно. Звон, бряцание и позвякивание не заглушал даже шум Оранга. Колокольчики были сделаны из металла и керамики, из стекла и глины, из дерева и кости.

— Разве это не замечательно, Этьен?

Стоя за спиной Лиры, Хомат издал непочтительный звук, а Этьен решил оставить свое мнение при себе. Чужая красота может быть обманчива.

— Это очень красиво, — признал он нехотя. Он чувствовал, что ему трудно устоять перед привлекательностью этого многоцветного города после того, как он видел однотонные белые и желтые здания в поселениях маев. Казалось, что каждое здание в Турупте было выкрашено в другой цвет. Город напоминал радугу.

Они стали спускаться с вершины гряды. Приблизившись к городку, они увидели, что могут войти в него с любой стороны, не встретив препятствий. Там была единственная маленькая калитка, сделанная из небольших досок и планок. Но можно было как войти в нее, так и обойти вокруг. Именно здесь им повстречался их первый тсла.

Ни Лира, ни Этьен никогда не видели до этого тсла, и поэтому не могли сказать, сколько лет первому, кого они встретили здесь, но обоим ученым он показался старым. По росту он был выше Лиры, но ниже Этьена. Но сходство между тсла и человеком, а также между тсла и маем на этом не заканчивалось.

Одежда, состоящая из тоги и плаща, не скрывала того, что все тело тсла, кроме кистей и ступней, было покрыто короткой мягкой коричневой шерстью. Голова покоилась на выгнутой вперед шее, что создавало обманчивое впечатление старости. Уши походили на короткие круглые обрубки, прилепившиеся сверху на голове. Шесть пальцев рук были короче и толще, чем у мая или человека, а глаза светились влажным блеском. Но самым выдающимся из всего был длинный, в четверть метра хобот, подобный хоботу земного тапира. Он поворачивался вверх и вниз, словно жил собственной жизнью, очевидно,

передавая что-то понятное только другому тсла. На кончике хобота из-под меха виднелись ноздри.

Этьену с трудом удалось, призвав на помощь все свои познания в языке тсла, перевести его приветствие.

— Я сау, хранитель ворот гостеприимства. — К облегчению Этьена, тсла легко перешел на язык маев. — Слово о том, что вы придете, опередило вас. Вы те, кто говорят, что пришли из другого мира.

Лира кивнула с умным видом. По способности к языкам она оставляла Этьена далеко позади и сейчас без колебаний решила попрактиковаться в местном диалекте.

— Да, это мы, хранитель. Ваши ворота на самом деле должны быть воротами гостеприимства, так как они не охраняют ничего, кроме воздуха.

— Это все наше тщеславие. — Тсла развел руками в воздухе, показывая голую кожу без шерсти до самых локтей. — Большинство гостей города ожидают увидеть ворота, поэтому мы их и сделали. Города выше Турпутта нуждаются в настоящих воротах, мы — нет.

Речь тсла была медленной и словно ленивой, резко контрастируя с быстрой и мелодичной речью маев. Этьену хотелось, чтобы хранитель продолжал говорить.

— Мы вас приветствуем и надеемся, что вы окажете нам честь своим посещением, — произнес тот вежливо, открыто, без всякого двойного смысла, который в такое приветствие вкладывали маи.

Этьен почувствовал, что в нем зарождается привязанность к тсла. В этом существе угадывалась доброта, которой не было ни у одного мая, даже у обходительного посла де-Келхуанга из По-Раби.

— Следуйте за мной, и я отведу вас к месту отдыха. Ваши друзья, — добавил тсла с почти незаметной долей неприязни, указывая на носильщиков, — тоже могут присоединиться.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказала Лира, как и следовало, когда тсла повернулся и повел их в город.

Их сопровождающий шел достаточно быстро, но таким шагом, чтобы не утомлять гостей. Вместо того чтобы поднимать ногу и затем ставить ее перед собой, тсла скользил вперед, а затем подтягивал одну ногу за другой. Плащ, покрывающий

широкую спину этого существа, был темно-коричневым с одной желтой полосой посредине. Этот простой рисунок повторялся и на ноге. Этьен неожиданно почувствовал, что ему приятно увидеть еще одно разумное существо, покрытое волосами. Отсутствие волос было нормой не только среди маев, но и среди транксов.

В городе, каждый тсла, которого встречали путешественники, приветствовал их, поднимая руки, как и хранитель, будто разглаживая воздух. Май тихо переговаривались между собой, сбившись в тесную кучу за спиной людей. Этьен был удивлен их болезненным страхом, типичным для маев. Он считал, что никакого повода бояться предательства здесь не было.

Стайки детишек тсла следовали за ними на почтительной дистанции, поводя короткими забавными хоботками, чтобы получше почувствовать запах этих странных незнакомцев.

Вскоре хранитель остановился перед длинным, похожим на амбар строением под немного покатою крышей. Оно напоминало лежащий на боку глиняный сосуд.

— Это место торговли, — сказал один из носильщиков. — Я здесь был однажды, но недолго.

Хранитель сделал им знак войти. Внутри было прохладно и темно. Справа они увидели ряд смежных комнат с окнами в покато потолке. Стекло было хорошее, с малым количеством пузырьков. Здесь было градусов на десять теплее, чем в холле.

— Это для ваших друзей, — объявил хранитель, — а также для вас, если вы этого хотите.

— Нет, спасибо. — Этьен смотрел, как май радостно ворвались в большую комнату и встали, повернув лица вверх, к солнцу. Они освободились от поклажи без напоминания. — Я думаю, мы предпочтем комнаты, в которых вы живете сами.

— Как хочешь. — Хранитель провел их назад в холл и затем дальше, в меньшую комнату, наполненную ароматом свежих благовоний.

— Если тебе здесь нравится, я уйду.

— Мне нравится, — сказал Этьен.

Лира провела рукой по стене рядом с собою:

— Посмотри, Этьен, вся стена покрыта глазурью, словно толстый горшок!

Он коснулся пальцами гладкой поверхности: водонепроницаемая и холодная летом, отражает огонь зимой... Единственное окно в потолке не удерживало тепло так, как окна в комнате носильщиков. Окно на уровне глаз в стене позволяло видеть мощеную улицу.

Через некоторое время к ним присоединился другой тсла. Он был выше ростом, чем хранитель, и держался несколько прямее, хотя и у него верхняя часть позвоночника была наклонена вперед. Одет он был в такую же тогу и плащ, но черный с двумя золотыми полосами.

— Меня зовут Тилл. Я имею честь быть вашим хозяином и проводником во время вашего визита в Турпут. — Он не скрывал интереса к незнакомцам. — Что бы вам ни захотелось, нужно только приказать, и, если это возможно, вы это получите.

— Мы не можем оставаться здесь долго, — ответил Этьен, стараясь не замечать восхищенного выражения лица своей жены. Это был просто рай для ксенолога, изучающего местные обычаи и общественный строй. — Мы оставили свой корабль на Скаре, и нам нужно туда вернуться.

— Но сейчас это не так важно, — добавила Лира. — Тилл, мы хотим увидеть как можно больше. У нас действительно мало времени, но я должна лучше узнать твой народ, его обычаи, жизнь. Это моя работа.

— Достойный ученый, — обратился к ней Тилл. У него неожиданно оказался очень глубокий, низкий голос, он говорил с придыханием, и круглые слоги выходили из-под его подвижного хобота. — Если твое время ограничено, ты должна как слушать, так и смотреть. Завтра, если мы сумеем все подготовить, я проведу тебя к храму Моранг Мотау.

— Может быть, до этого мы еще что-нибудь посмотрим?

— Этьен, не будь так невежлив. Ты слишком долго находился среди маев. Клянусь, ты начинаешь вести себя, как купец в низовьях реки.

Он слишком устал, чтобы ссориться с Лирой по пустякам, поэтому просто отвернулся и стал разглядывать стену, пока она продолжала разговаривать с Тиллом.

— Если ты хочешь, — начал их хозяин, — у нас сегодня есть еще немного времени. Мы можем начать прямо сейчас.

— Нет, как бы вы... ты меня ни просил. — Этьен направился к скамье с мягкой обивкой, которая, очевидно, должна была служить диваном, кроватью или и тем и другим одновременно. — Я совершенно измотан!

— Ну а я — нет, — резко возразила Лира. — Ты можешь мне показать все вокруг, Тилл, если хочешь.

— Это для меня большая честь.

Этьен стал подыскивать саркастическую фразу, но почувствовал, что ему нелегко найти повод ответить невежливо на приветливость Тилла. Он так ничего не сказал, и они ушли. Звук колокольчиков и бубенцов был как снотворное, а диван-кровать — удивительно уютной. Этьен не успел додумать все до конца, как крепко заснул.

Его разбудило пламя свечи, стоящей в стеклянном сосуде на верхней полке. Нет сомнения, что, когда он спал, ее осторожно зажег какой-то добросовестный прислужник.

— Да проснись же, я тебе говорю!

Этьен перекатился на другой бок, и оказалось, что он смотрит прямо в горящее от возбуждения лицо своей жены. Он с трудом открыл глаза и устало потер лицо:

— В чем дело?

— Этьен, Тилл показал мне Турпут город. Я видела город в свете факелов. Система правления, которую здесь разработали, занимает совершенно уникальное место в научной классификации! Эти тсла — чудо, находка для ксенологии. Представляешь, духовные правители — это не священники, а скорее примитивные психоаналитики — занимают в правительстве половину мест?!

— Это интересно. — Этьен попытался повернуться на другой бок, но Лира удержала его рукой. Он с раздражением посмотрел на нее через плечо.

— Но, Этьен, ты только послушай! Подобная социальная структура не имеет аналогов. Это цивилизация до эпохи пара, однако тсла такие развитые существа, что уделяют необыкновенно много внимания, например, душевному здоровью. Они, конечно, так это не называют, но имеют в виду именно это. Тсла, может быть, представляют собою самое стабильное примитивное общество, которое до сих пор я встречала, и они его сохраняют, не строя никаких ненужных иллюзий в отно-

шении самих себя. неудивительно, что маи боятся и подозревают их! Тсла более уравновешенны, они научились управлять здоровьем своего разума раньше, чем большинство народов — состоянием своего тела. Работа Мартинсона об Аласкине лишний раз доказывает это. Это открытие, Этьен, стоит того, чтобы предпринять нашу экспедицию. — Лира встала и начала ходить по комнате. — Эти тсла удивительные существа, уникальные. Они достойны не просто коротенькой статьи, а целой монографии.

— Я рад за тебя. — Этьен беспомощно зевнул. — Но не забудь, что нам предстоит еще обследовать половину реки.

Лира хотела было возразить, но передумала.

— Ты очень устал, Этьен, — сказала она. — Мы это обсудим утром.

— Ты, вероятно, тоже устала.

— Я все понимаю, но не могу сдержать свой энтузиазм. У меня в крови слишком много адреналина, и мне нужно с кем-нибудь поделиться. А с кем же мне делиться, если не с тобой? — Лира заколебалась и добавила странным тоном: — Тиллу это было бы интересно.

— Тилл кажется мне хорошим слушателем, — Этьен натянул легкое одеяло до шеи.

— Да, и, кроме того, хороший рассказчик. Как я сумела понять, другие тсла относятся к нему с уважением. Я видела, как он совершал сегодня свой вечерний пранн. Под всеми этими одеждами, которые они носят, некоторые тсла очень впечатляют физически, Этьен. Гораздо больше впечатляют, чем маи.

— Это естественно. Климат здесь менее благоприятный, да и работа на крутых террасах требует больше сил, чем труд на заливных землях.

— Да. Гораздо больше сил, — прошептала Лира.

— Я рад, что ты с пользой провела вечер. А теперь, если ты не возражаешь, я с удовольствием поспал бы.

— Извини. Я не подумала. — Лира на цыпочках пошла к двери. — Я оставляю тебя сейчас, Этьен, и постараюсь не разбудить, когда вернусь. Мне нужно найти Тилла.

— Конечно, — пробормотал он уже почти во сне. — Пойди и найди Тилла.

На следующее утро Этьен почувствовал себя отдохнувшим. Солнце ярко светило через окна в потолке и стене, и таз с чистой холодной водой, приготовленный для него, уже стоял в ногах постели. С тех пор как они покинули станцию, Этьен ни разу не спал так хорошо.

Он плеснул себе воды на лицо, вытерся рубашкой и огляделся вокруг.

— Лира? — Соседняя кровать была пуста. Затем он произнес громче: — Лира!

Через минуту она вошла в арку двери, уже одетая и бодрая. Он нахмурился, глядя на жену.

— Ты что, вообще не ложишься?

— Конечно, ложились. Спала, как Лазарь, и встала на расвете. Это такое чудесное место, Этьен. Я понимаю, что как профессионал я не должна так говорить, но тсла и маев, за исключением Хомата, и сравнивать нельзя. Тилл рассказал мне, что у них нет преступности. Мы могли бы оставить наши вещи где угодно и не бояться, что их украдут. Это еще одно дополнительное следствие их заботы о здоровом менталитете. Они научились сдерживать свои низменные инстинкты не только лучше маев, но даже лучше многих людей из тех, кого я знаю.

— Это слишком серьезное заключение, чтобы его сделать, поговорив полночи лишь с одним местным жителем. Разве нет неписанного закона, что все первобытные культуры имеют какие-то тайные особенности? Я уверен, что и у тсла ты их заметишь в свое время. — Этьен стал искать свои кожаные штаны.

— Может быть, но пока я не видела проявлений этого, а я ведь искала. Поторопись, Тилл ждет нас.

— Ждет нас? Но зачем?

Лира даже не попыталась скрыть свое раздражение.

— Сопровождать нас в храм Моранг Мотау, разве ты забыл?

— Извини, я еще не совсем проснулся. А как насчет того, чтобы что-нибудь поесть?

— Это тоже нас ждет. Я уже пробовала местные блюда. В них меньше специй, чем у маев, но они вполне съедобны. Не беспокойся о Хомате и остальных. Они уже поели и сейчас лежат растянувшись, наслаждаясь ультрафиолетовыми солнечными лучами, льющимися через окна в потолок.

Еда, которую им принесли в комнату, была простой, но обильной. Тилл присоединился к гостям, когда они ели, разделяя их удовольствие от трапезы, хотя сам ничего не ел.

Этьен коротко поблагодарил его и спросил:

— А как далеко находится храм?

— День пути отсюда. Мы проведем ночь там, поблизости.

Этьен порывлся в памяти, но не припомнил каких-либо больших строений в конце долины и сказал об этом Тиллу.

— Конечно, ты его не видел, друг Этьен. Мне надо было бы сказать, что у нас займет день поездки туда. Но мы отправимся туда не пешком.

— Мы воспользуемся ловагонами? — поинтересовался Этьен, радуясь за свои ноги.

— Нет, ими пользуются маи. Мы поедем на лекках. Когда ты будешь готов, мы пойдем к ним.

В стойле за гостеприимным домом путешественники впервые увидели лекку, мохнатое тонконогое существо со странным округлым телом и двойным хвостом, которым лекка нервно била из стороны в сторону. Тупые мохнатые морды с любопытством посмотрели на носителей новых, странных запахов. Они терпеливо ждали, жуя жвачку, пока слуги тсла закрепляли поводья у основания их высоко расположенных, изгибающихся у основания ушей. Передние ноги лекк были длиннее задних, что было необычно для животного, которое должно быть приспособлено для бега. Этьен подумал о гиенах и жирафах, хотя лекки были плотнее, чем и те и другие.

У седла не было луки. Вместо этого на каждом седле была высокая спинка, предназначенная для того, чтобы ездовик не скатился назад по покатой спине животного. Седло было очень мягким, стремяна отсутствовали.

Работники принесли специальные табуреты и помогли Этьену взобраться наверх.

Поводья были просты и понятны, и Редоулы через несколь-

ко минут уже были в седле. Тилл повернул своего скакуна и заговорил успокаивающе.

— Вы должны иметь в виду, что лекки стоят очень спокойно, но очень любят бегать. Поэтому будьте готовы к этому.

Ворота загона распахнулись, и Тилл развернул своего лекку. Их провожатый прокричал какое-то непонятное слово на языке тсла, и животное Этьена вдруг рванулось в открытые ворота, далеко вынося вперед свои длинные ноги и едва не сбросив через голову седока, несмотря на прочную спинку седла. Получилось так, что Этьен чуть не ударил себя ногами в лицо. Глубокий звучный смех Лиры не заставил его почувствовать себя лучше. Он бросил на жену убийственный взгляд, но она, не обращая на него внимания, плавно последовала за Тиллом.

Дорога шла вдоль реки. Оранг был в этом месте около шести километров в ширину, но его мощное течение казалось ручейком по сравнению со Скарком. В конце нависающей долины река спадала на землю широким потоком, сверкающая и очень впечатляющая. Поток воды был не менее ста метров в высоту и напомнил Этьену огромные водопады в тропических мирах транксов, которые они надеялись когда-либо посетить.

Он подъехал поближе к Лире и Тиллу и обратился к проводнику, показывая вдаль:

— Что это?

— Это водопад Визаутик, — сообщил Тилл. — Мы будем там к полудню.

Этьен смотрел на сияющую стену воды, которая возвышалась в конце долины.

— И что дальше?

— Там проходит торговый путь, который ведет на скалу с этой стороны Визаутика. Он поднимается до следующей долины, на расстоянии многих легатов за ним находится храм Мораунг Мотау, а затем Купаррагой.

— Что это такое? — спросила Лира, отмечая про себя, что у тсла такие же меры длины, как и у маев.

Нельзя было сказать, что их провожатый улыбнулся, так как его рот прятался под подвижным хоботом, но Тиллу, тем

не менее, удалось передать чувство нетерпеливого ожидания и насмешливого восторга, когда он сказал:

— Увидишь сама.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Они услышали Купаррагой задолго до того, как увидели его, и почувствовали раньше, чем услышали. Он заявил о себе звоном в ушах и дрожью в костях. Его рев заглушил рев водопада Визаутик раньше, чем путешественники пересекли стену, ограничивающую каньон.

Долина храма была не так велика, как долина, в которой лежал Турпут. И казалась еще меньше из-за высоты окружающих ее стен. Похожис на драгоценные камни поля заполняли долину, вскормленные водами Оранга. В конце долины находился все еще невидимый источник постоянного грохота, и там стоял пронизанный солнцем туман.

Путешественники остановились на гребне, чтобы перекусить. Еда была очень интересная — нечто вроде местного мясного рулета и толстых сладких хлебных палочек. Затем они вновь сели на лекк и двинулись дальше. Через несколько часов Тилл остановился и вынул пригоршню маленьких круглых тампонов, похожих на ватные.

Лира посмотрела на те два, которые он протянул ей.

— Для чего они?

Тилл показал на маленькие отверстия сверху у себя на голове, а затем засунул один из тампонов внутрь.

— Ох! — Лира не заметила, что теперь им нужно было кричать, чтобы расслышать друг друга сквозь приближавшийся рев, но потом засунула в уши данные Тиллом тампоны, и тишина вернулась.

Несмотря на соответствующий настрой, люди не были готовы увидеть то, что предстало перед их глазами, когда они спустились в каньон.

На несколько километров впереди отвесные, перпендикулярные скалы сформировали вертикальное ущелье километра четыре шириной. Впервые с тех пор, как они покинули Скар,

Этьен забыл о раздражении, которое у него вызывала Лира. Его охватило любопытство и острый интерес.

— Какая высота? — прокричала ему жена, приблизившись, чтобы он мог услышать ее. Он уже сделал измерения с помощью приборов, которые были прикреплены к его запястью.

— Две тысячи пятьсот метров! — Только благодаря тому, что брызги не поднимались выше, чем на половину высоты водопада, они могли видеть, как река Оранг падала с края плато Гунтали. Этот пугающий, потрясающий водопад возник в результате не имевших себе равных пропорций, вполне соответствующий этому миру высочайших геологических образований. Казалось невозможным, чтобы камень, лежавший в основании этого ливня, мог противостоять огромному количеству воды, падавшему с такой высоты. Точно так же казалось невозможным оставаться на месте и не разлететься на куски многоэтажному зданию, прислонившемуся к утесу и построенному, судя по всему, сотни лет назад.

Тилл указал на него:

— Мораунг Мотау.

— Сколько ему лет? — прокричала Лира, когда они направились туда.

— Тысяча лет, две тысячи... Кто может сказать? — Тилл прищипил свою лещку.

Тысячи окон отбрасывали солнечный свет с огромной, карабкавшейся по скале структуры, которая была настолько велика, что, казалось, могла вместить все население Турпуты. Фасад был разрисован гигантскими фигурами и диковинным орнаментом. Только благодаря тому, что здание было вырублено в грубом камне утеса, оно смогло выдержать постоянную вибрацию, вызванную падавшим рядом с такой огромной высоты потоком воды.

Несколько тысяч лет, как сказал Тилл, и Этьен не имел оснований сомневаться в правдивости слов тсла.

Когда они приблизились, Этьен увидел, что широкие зеленые линии, которые покрывали нижнюю часть утеса по обеим сторонам Купарагтоя, были не скульптурами и не разрисованными украшениями, а гигантским виноградником, подобного которому они еще не видели на Тсламайне. Тсла медленно

двигался между ними, направляясь к корням и листьям. На них были длинные покрытия из какого-то блестящего материала, который предохранял от вездесущих брызг.

Тилл притормозил свою лекку, и двое землян тоже замедлили ход.

— Разве мы не поедem дальше? — спросила Лира громко, чтобы ее было слышно сквозь грохот водопада. — Не пойдem в замок?

Тилл сделал отрицательный жест, он выглядел виноватым.

— К сожалению, это не разрешается. Вы не имeете посвящения. Кроме того, здесь вообще нельзя оставаться надолго. Монахи, которые живут и работают в Мораунг Мотау, углублены в изучение древних книг и древней философии. К тому же они почти глухие. В соседстве с подобным водопадом так всегда бывает.

Тилл повел их к воротам ближайшей фермы. Этьен сомневался, что остановка была предусмотрена, но фермер и члены его семьи были так добры и приветливы, как если бы знали своих гостей много лет.

Здесь путешественники провели весь день, в основном в разговорах. Или, вернее, все вежливо слушали их и пытались отвечать на бесконечные вопросы Лирь. Она расспрашивала о разделении труда в долине, строении семьи, монашеских ритуалах, торговле, образовании и о том, что ожидает их после смерти в потусторонней жизни, до тех пор, пока бедный фермер и его домохадцы не устали. Тогда вмешался Тилл.

— Многие из вопросов, с которыми ты обращаешься к этой семье, трудны, — с казал он. — Тсла не могут ответить на них по разным причинам — тут и незнание, и запреты, наложенные на них обычаями, и сомнения в своих знаниях. И я не могу. Но есть один человек, который может удовлетворить твоe бесконечное любопытство.

— Вот с ним бы я и хотела увидеться.

— Это Мии-Ан, Главный Утешитель и Первый Ученый Турпута. Хотя он очень бережливо относится к своему времени, с тобой, я думаю, он согласится встретиться.

— Это было бы превосходно. — Лира тронула мужа за локоть. — Правда, это было бы превосходно, Этьен?

— Безусловно. А ты не обидишься, если я не пойду с тобой?

Ли́ра была потрясена.

— Этьен, это же редкая возможность. Как ты можешь?.. — Она задохнулась, закашлялась. — Ты предпочел бы смотреть на скалы, да?

— Правильно. Именно на скалы. А ты ступай, припади к ногам этого Утешителя. — Он перевел взгляд на Тилла. — Полагаю, это не является обязательной повинностью.

— Друг Этьен, делиться знаниями никогда не было повинностью. Это как отдавать частицу самого себя. Это — удовольствие.

По пути обратно в Турпут Этьен улучил момент, чтобы поговорить с женой, не напрягаясь в крике.

— Ли́ра, тебе не кажется, что ты начинаешь рассматривать этих тсла уже не с точки зрения чисто научного интереса? Как ты можешь идеализировать примитивную расу, безразлично, какой бы на первый взгляд привлекательной ни казалась их философия?

— Это не первый взгляд. Ты придаешь слишком большое значение технологическому уровню, Этьен. Но бывают и другие определения достижений цивилизации, другие формы высшего знания, высшей мудрости.

Он почувствовал, что начинает сердиться.

— Да полно, Ли́ра. Этот тсла довольно мил, и все они, похоже, очень содержательный народ. Но зачем же перегружать себя познаниями о них? Я бы никогда не подумал, что ты влюбишься в племя хоботоносых отсталых туземцев.

— Не стоило бы употреблять выражение «отсталые туземцы» по отношению к ним, — ответила она холодно. — Они довольно развиты. А что касается слова «влюбишься», я не думаю, что ты способен понимать его значение.

Такое отношение поразило Этьена, показалось донельзя абсурдным.

— Это же научная экспедиция, — сказал он жене. — И нам надо заниматься прежде всего делом. Прости, что я не нашел времени для красивой любви, но я не привык петь под гитару под четырьмя лунами. Кроме того, любовь — это улица с двусторонним движением. Хорошо было бы иметь хоть какое-то поощрение с другой стороны.

Ли́ра оборвала его:

— Я предоставляла тебе достаточно возможностей.

— Зачем так говорить? В чем выражается это предоставление возможностей и каким образом это соотносится с поощрением? Между прочим, это разные вещи.

— Если ты сам не понимаешь этого, — фыркнула она, — то я тем более не намерена тебе ничего объяснять. — Она прищипорила свою лещку, чтобы оказаться рядом с их гидом.

Этьен смотрел, как они погрузились в приятную беседу о некоторых особенностях поведения представителей народности тсла. Придурки, подумал он. Такой талантливый ученый, как Лира, занимается какими-то жалкими мохнатыми примитивами. Трудно поверить. Ну ладно, скоро ей это надоест. Все, что касается культуры тсла, ей, конечно же внове, всякая информация удивляет и совершенно не похожа на то, что они знают о маи. Но как только они опять окажутся в Баршаягаде, жизнь вернется в нормальное русло. А пока он займется своим делом, у него полно работы. Этьен решил, что, если жена попытается втянуть его в беседу обо всем этом, он начнет с энтузиазмом говорить о большом количестве пироксина в локальных метаморфических структурах, и она от него быстро отстанет.

Как всегда верный своему слову, Тилл добился разрешения для Лире посетить Главного Утешителя. С тех пор Этьен мало виделся с женой, за исключением времени присма пищи. Он был полностью погружен в геологические изыскания, он создал по возможности полное описание каньона Оранга и геологических формаций, подсчитал возраст различных слоев, неоднократно любовался мощью и величием водопада Купарагой.

Через несколько недель, во время одной из становящихся все более нечастыми встреч у них в комнате, Этьен снова завел речь о том, что Лира проводит слишком много времени среди аборигенов. И тут он обратил внимание на ее внешний вид.

— Где ты достала этот наряд? — Он смотрел на жену, с трудом удерживая смех.

Лира сделала медленный пируэт перед ним. На ней была надета красиво сшитая свободная куртка с капюшоном.

— Ее дал мне Тилл. Мии-Ан приказал. Это свидетельствует о том, что он меня очень высоко ставит. Понимаешь, мы

обмениваемся информацией, он учит меня, я учу его. Мии-Ан живет, чтобы распространять знания.

— Очень рад, что у вас все так хорошо. Но, Лира, подумай... Туземная одежда?

— А что тут плохого? Она защищает от ветра, в ней тепло ночью и не жарко днем. Эта одежда чрезвычайно практична. Только пришлось немного подогнать ее для меня. У меня ведь нет такого изгиба спины, как у них, и руки длиннее. Но такая одежда мне просто необходима. Мии-Ан настоял.

— Как мило с его стороны. И какие же потрясающие открытия ты сделала?

— Все, что я изучаю, только подтверждает то, что я с самого начала предполагала. Раса тсла в социальном отношении самая передовая из себе подобных. У них нет постоянной армии, нет полицейских формирований, а когда требуется, все граждане носят оружие.

— Нет преступности в таком примитивном обществе?

— Они вовсе не примитивные, Этьен, и преступность у них есть. И борются с нею утешители и советники. Но обходятся они с виновными, как с больными, а не преступниками. Лечение, а не наказание... Как сказал Первый Ученый, они считают совершенством каждого индивидуума.

— Тебя, конечно, тоже.

— Меня тоже. — На его сарказм Лира просто не обратила внимания. — И тебя, и представителей рас маи и на тоже.

Потом она сказала нечто такое, что заставило его сестру и внимательно слушать.

— Этьен, я уверена, что тсла могут быть телепатами.

— Вот это открытие, о котором стоило бы кричать. Нет ни одной известной телспатической расы, только отдельные личности, мутанты. А почему ты так думаешь?

— Из-за их поразительной восприимчивости, понятливости. Кажется, они инстинктивно улавливают все, что я только собираюсь сказать, еще до того, как я начинаю говорить.

Этьен успокоился:

— Так, значит, поэтому ты считаешь их телепатами?

Лира вдруг почувствовала себя неловко.

— Понимаешь, Тилл уже несколько раз говорил, что не верит... не верит в наши с тобой хорошие отношения.

Этьен расхохотался:

— И твои предположения базируются на подобных доказательствах? Совсем не обязательно быть туземцем-телепатом, чтобы заметить, идеальная мы супружеская пара или нет. Уверен, что ты поделилась этим великим знанием со своим Мии-Аном, а он все рассказал Тиллу.

— Ты даже не хочешь допустить такую возможность, как телепатия?

— Возможность? Дай мне хоть какие-нибудь реальные доказательства телепатических способностей, и я признаю эту возможность. Я начинаю беспокоиться о тебе, Лира.

— Беспокойся о себе. — Она собралась уходить.

— Лира... — Она остановилась. — Лира, мы же здесь только на несколько недель. Эти тсла не более чем живые подтверждения придуманных Жан Жаком Руссо гипотетических детей природы. Они просто симпатичные ребята, лучше, чем май. Все, что мы знаем о них, это то, что каждые шесть месяцев они устраивают массовые жертвоприношения.

— Не понимаю твоей ненависти. Откуда вдруг такая антипатия к тсла? Они очень гостеприимный народ.

— Когда я говорю, что нам больше нечего делать с этими тсла, это не означает какой-либо антипатии к ним. Я сказал, что добросовестный исследователь не будет делать поспешных заключений о всей расе только на основании нескольких недель работы.

— Вот с этим я согласна, Этьен. Нужно еще многое изучить, чтобы подтвердить мои открытия. У меня даже нет времени, чтобы определить политику тсла как посредников между маями и на и выяснить, как это отражается на развитии их социальной жизни.

— Я уверен, что когда-нибудь кто-нибудь проведет эти ксенологические исследования.

Лира ничего не сказала, и тогда неожиданная мысль пронзила Этьена.

— Лира, ты хочешь мне что-то сказать?

— Да. Я не готова ехать к истокам реки, Этьен. Моя работа тут в самом разгаре.

— А когда ты будешь готова поехать к истокам реки, моя любовь?

— Может быть, через пару месяцев, но не раньше.

— Но тогда нас застигнет зима. В принципе это не страшно, но вблизи арктических широт Скар может замерзнуть. Наш гидроfoil не оснащен для путешествия по льду, Лира. Мы не можем ждать два месяца.

Она резко повернулась, отчего полы ее куртки взметнулись.

— Извини, Этьен, но, повторяю, я не могу бросить свою работу здесь. Как ты правильно отметил, у меня нет достаточных доказательств для подтверждения своих многочисленных предположений.

— Куда ты собралась?

— На вечернюю медитацию. Меня пригласили посмотреть и принять участие, если мне захочется. Я бы попросила разрешения и для тебя, но тебе вряд ли будет интересно оказаться среди группы туземцев, сидящих в кругу и пытающихся соприкоснуться со своим «я». Не так ли? — И она ушла.

Целую минуту Этьен смотрел ей вслед. Он пнул бы ногой кровать, если бы она не была сделана из твердого камня. Вместо этого он ударил себя кулаком в ладонь так, что стало больно. Одно было ясно: какой бы важной Лира ни считала свою работу здесь, они должны вернуться к Скару. Таково было условие. Благодаря таким условиям их брачный союз сохранялся уже двадцать лет. И будь он проклят, если продлит этот союз из-за вдруг проснувшейся в ней любви к расе псевдоламаистов с умными, одухотворенными глазами.

— Этой ночью Лира не пришла в их комнату. Это был не первый случай, когда она проводила всю ночь в другом месте. Но зато первый раз Этьен долго не мог уснуть из-за этого. Тем не менее он проснулся рано утром и направился туда, где спали носильщики.

Хомат со своими товарищами спали, положив на себя полдюжины тяжелых шерстяных одеял. Этьен толкнул мая.

— Что случилось, де-Этьен? — спросил Хомат, протирая глаза.

— Вставай и подними всех. Мы уезжаем.

— Уезжаем, де-Этьен? Я думал... Вы же ничего не говорили. И потом, сейчас еще очень рано.

— Я решил изменить планы. Ты же знаешь, что люди склонны к неожиданной перемене решений.

— Я понимаю, де-Этьен, но...

— Я буду во дворе, если понадобится. Скажи носильщикам, чтобы поторапливались. — И он ушел.

Судя по всему, медитация закончилась. А может быть, кто-то, не взирая на возражения его жены, послал ее к нему. Так или иначе, она бурей влетела во двор, не обращая внимания на пение нескольких ящерицеобразных пуоутов в главных воротах. Этьен работал не поднимая головы, он проверял снаряжение и припасы, которые приносили несколько грустных тсла.

— Этьен, это ребячество. Ты знаешь, как я не люблю, когда ты ведешь себя так.

— Да, знаю. А также я знаю, что ты ультиматумы не любишь еще больше.

— Да, потому что ультиматумы — это самое худшее проявление ребячества. Я думала мы обо всем договорились прошлым вечером.

— Прошлым вечером ты все решила для себя, но не для меня. А я уйду. — Этьен резко затянул шнурки на рюкзаке.

Лира глубоко вздохнула:

— Я сказала тебе, что моя работа тут в самом разгаре. Я только начинаю действительно постигать культуру этого народа.

— Прекрасно. Я понимаю.

Этьен стал проверять другой рюкзак. Хомат и носильщики начали выходить из здания, сонно озираясь и дрожа от утреннего холода. Несколько тсла тоже стояли поблизости. Солнце только начинало выглядывать из-за восточной стены каньона.

— Оставайся здесь, Лира. Тебе не нужно идти со мной. Если все пойдет, как задумано, я вернусь через шесть месяцев и заберу тебя. Оставайся здесь и занимайся своей медитацией хоть до одури.

— Ты не можешь идти на север один, — возразила она. — Существуют правила, по которым в такие экспедиции нельзя пускаться в одиночку.

— Ну а я нарушу эти правила. Хомат уже достаточно знает, чтобы помогать мне. Правда, Хомат?

Проводник переводил взгляд с одного высокого пришельца на другого и считал для себя разумным продолжить свои сборы подальше от них обоих.

Этьен пошел проверить следующую упаковку, но Лира поспешно преградила ему дорогу.

— Прекрати, Этьен. Прекрати сейчас же. У меня нет настроения для ссоры.

— Почему же? — спросил он саркастически. — Или я порчу твой утренний настрой? Если уж мы заговорили о ребяческих действиях, то как расценивать поведение человека, решившего забыть о восьмилетнем высшем образовании и поселиться среди туземцев, хотя двадцать лет работы должны бы научить, что подобный подход антинаучен и вреден?

— Я уже объяснила тебе, что тсла — уникальная раса, которая требует специального изучения. Иногда для получения лучших результатов приходится поступаться правилами.

— Но не до такой же степени. — Он сделал широкий взмах рукой, как бы указывая на окружавшие их здания. — Но впрочем, пожалуйста. Давай. Оставайся. Желаю тебе хорошо провести время. Похорони себя в изучении туземных обычаев, привычек и обрядов. Вдыхай в себя примитивную мудрость, принимай местную религию, становись монахиней тсла, если у них есть такие, — мне все равно. Я никогда тебя ни в чем не ограничивал, Лира, несмотря на все твои разговоры об ультиматумах. Что же касается меня, то я решил найти истоки реки Скар и изучить историю и геологию от того района до болот Скатанды. По дороге назад я сделаю остановку и заберу тебя.

— Этьен!

— Что? — Он обошел ее и склонился над мешком.

— Этьен, ты же знаешь, что я не могу позволить тебе идти без меня.

— Почему? А как насчет твоей очень важной, тщательно распланированной программы исследований?

— Мы же одна команда, Этьен. Мы дополняем друг друга. Ни один из нас не будет хорошо работать в одиночку.

— Как-нибудь приспособимся. Не так ли?

— Нет, — вдруг произнес другой голос. Этьен вздрогнул и

обернулся. Позади него стоял Главный Утешитель и Первый Ученый Турпута.

Этьен видел его впервые и отметил, что он довольно стар даже по стандартам тсла: в его лице преобладал цвет серебра, а вытянутые руки дрожали. У правого плеча Главного Утешителя стоял Тилл, готовый в любой момент поддержать старца. Мии-Ан опирался на скрученную палку.

— Я имею в виду тревогу и беспокойство, — продолжил он неожиданно громким голосом.

— Да нет тут никакой тревоги и беспокойства, — пробормотал Этьен, продолжая осматривать тюки. — Просто дружеская домашняя беседа, вот и все.

— Мы не намереваемся вмешиваться, — сказал Тилл. — Я буду чувствовать себя очень плохо, если подумаю, что мы...

— О, ради Бога! — Этьен резко повернулся к ним. — Ну почему вы так раздражающе вежливы?

— Извините, — произнес Мии-Ан. — Такой уж у нас характер. — Этьен встряхнул руками. — Такое беспокойство недопустимо, — добавил Мии-Ан.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Этьен.

— Мы не можем допустить ссоры между нашими гостями.

— Правда? А какое решение вы можете предложить?

Мии-Ан, неуклюже ковыляя, подошел к Лире и взял ее за правую руку. Такого странного рукопожатия у местных жителей Этьен еще не видел.

— Ты должна ехать с ним. Если ты отказываешься ради того, чтобы продолжать свое учение у нас, я не могу тебе позволить этого. Когда все уладится, вернись, чтобы учиться с нами в другое время.

— Но мы же обо всем уже договорились, — запротестовала Лира. — Мне нужно остаться здесь и продолжить свою работу, изучать ваши пути и...

Главный Утешитель поднял свою шестипалую руку:

— Нам будет не хватать тебя. Но удовлетворить жажду знаний тебе придется самой. Если бы твоему товарищу можно было бы перенести свою работу сюда, все было бы гораздо проще, но горы не передвинуть. Значит, куда разумней тебе сопровождать его. Кроме того, ты можешь продолжать учение

сама, поскольку часть своей работы заберешь с собой. Это благо, за которое мы были бы весьма благодарны.

— Не понимаю, Мии-Ан, — отозвалась Лира. Этьен слушал, не глядя на них. Совершенно очевидно, что Первый Учитель принял его сторону, и его охватил гнев.

— Земли, лежащие вверх по реке от Турпуты, незнакомы твоим товарищам-маям. — Мии-Ан сделал жест направо от себя. — Если ты согласишься, тебя будут сопровождать Тилл и четверо носильщиков. Тилл много путешествовал, знает многие диалекты и о народах, живущих вверх по реке. А когда вы окажетесь там, где ему уже будет не хватать знаний, он станет изучать тот мир дальше на благо Турпуты. И даже когда он не сможет быть вашим проводником, он поможет вам изучать наши пути.

— Ты же сказал, что сам будешь заниматься этим.

— Самое главное — это знания. А кто их передает — не столь уж важно.

— Не так все просто. — Лира посмотрела на Этьена, который старательно избегал ее взгляда. — Видишь, как ты победил. Я могла бы спорить с тобой, но только не с логикой тсла. Все так и будет, если, конечно, у тебя нет возражений против того, чтобы к нам присоединился Тилл.

— У меня нет возражений, хотя это не то, к чему я готовился. — Этьен поднялся от тюка, который изучал так старательно. — Хомат?

— У тебя уже есть проводник, де-Этьен, — ответил тот медленно.

— Есть. И прекрасный. Но старый тсла сказал очень мудрую вещь. Разве ты не говорил, что районы реки, лежащие за этой точкой, тебе незнакомы?

— Да, да. — Хомат вынужден был уступить с таким трудом завоеванный авторитет.

— Я вижу, что ты прав, де-Этьен. Тсла, хорошо знающий дорогу, нужен нам. — Он дотронулся до крючка на своей куртке. — Нам нужен любой, кто поможет поскорей выбраться из этой холодной страны.

Этьен улыбнулся:

— Прошу прощения, что вытащил вас из теплой постели в столь холодное утро. — Он повернулся к Первому Учено-

му: — Мы принимаем ваше доброе предложение. Тилл был нам очень полезен все время, что мы находимся здесь, и у меня нет никаких причин отказываться от его помощи. Что ты сам думаешь об этом, Тилл? Ты ничего не сказал.

— За меня все сказал Мии-Ан. Что же касается меня, то я многого жду от этой экспедиции. Она обогатит меня знаниями. Это редкая возможность.

— Полагаю, все улажено, — сказала Ли́ра. — Пойду подготавливаю к экспедиции. Видишь, как я отношусь к мнению тсла, Этьен? Они достаточно умны и понимают, что мы одна команда, даже когда мы сами об этом забываем.

Редоул оставил Хомата сделать последние приготовления и кинулся за женой. Она так спешила, что это как-то не вязалось с ее намерением достичь согласия.

— Я сожалею, что так вышло, Ли́ра, но все мои доводы были исчерпаны, я уж и не знал, что сказать. И не мог думать ни о чем другом.

— Я понимаю. — Ли́ра остановилась, и черты ее лица смягчились. — Наверное, ты прав, Этьен. Наверное, я слишком много внимания уделяла своей работе. Дух хорошо слаженной команды предполагает компромиссы. Я пошла на уступку. Только помни: ты теперь мне должен одну уступку.

— Обещаю, Ли́ра. На обратном пути ты сможешь уделять своим делам столько времени, сколько захочешь. Но сейчас нам нужно как можно скорее идти к истокам Скара, пока зима не продвинулась на север. Мы не знаем, что ждет нас впереди.

— Поэтому ты ничего не говоришь мне об этом.

— А что насчет этого Тилла? — спросил он, меняя тему разговора. Ты работала с тсла. Он — ученый. По-твоему, он готов к такому трудному, опасному путешествию? Я имею в виду — физически. Интеллектуально, я понимаю, он готов.

— Не беспокойся о его жизнеспособности, Этьен. Тсла легко адаптируются, как и мы, в отличие от маев. Он способен выдержать жару Баршаягада. Мы найдем для него место внутри кабины корабля. Он и его товарищи нам помогут.

— Товарищи?

— Разве ты не слышал последних слов Первого Учителя? — Этьен потряс головой. — Мии-Ан не хочет отправ-

лять Тилла одного. С ним будут четыре носильщика, которые сменят носильщиков маев, как только мы достигнем реки.

— Но нам не нужны носильщики на реке.

— Мии-Ан несколько раз говорил мне, что есть такое место в верхнем течении реки, где мы вынуждены будем оставить свой корабль.

— Мы не можем оставить его. Ты прекрасно знаешь это.

— Я знаю, да, но Мии-Ан настаивал на том что в одном месте, отстоящем на пару тысяч легатов вверх по реке, без носильщиков нам придется повернуть назад.

— Это правда. — Они обернулись и увидели стоявшего позади них Хомата. — Я слушал и узнал о многих вещах, де-Этьен. Тсла говорили об этом после того, как вы ушли.

Этьен посмотрел на жену с большим интересом:

— А почему они говорят такие вещи?

— Мии-Ан, — ответила Лира, — рассказывал о месте далеко вверх по Скару... Он называет это драматической сменой личности. Это как будто тсла так стремятся одушевлять силы природы. И он очень точно описал это место. Оно называется Топапасирут.

Совершенно неожиданно Хомат крайне резко отреагировал на это слово. Его глаза расширились, словно он увидел полдюжины признаков, указывавших на присутствие опасных духов.

— Это как бы, — сказала Лира мужу, — очистительное место всех вод.

— Звучит очень угрожающе.

— Согласна. Но Мии-Ан настаивает на том, что невозможно пройти через это место на лодке или корабле, и поэтому даст нам носильщиков.

— Еще один водопад? Спутниковые фотографии не показывают каких-либо больших водопадов в северных районах Баршаягада. Хотя, признаться, эти фотографии далеки от совершенства.

— Нет, не водопад, что-то еще.

— Пять тсла. Как ты смотришь на это, Хомат?

— Мне не нравится присутствие такого большого количества чужаков на нашем корабле, де-Этьен. Но, похоже, мы должны терпимо относиться к этому, чтобы получить знания.

Подумав, Этьен Редоул наконец решился:

— Скажи этому, которого называют Мии-Ан, что мы принимаем его благородное предложение, но что все носильщики попадают в твое подчинение.

Казалось, что май вырос на несколько сантиметров.

— Они не пойдут на это, — возразила Лира.

— Не пойдут? А я уверен, что твои высокие, могучие тсла могут принимать приказы от жалкого мая. И не говори, что они будут возражать.

— Тилл — важная персона и уважаемый ученый.

— Я же сказал, что четверо носильщиков будут находиться в подчинении у Хомата, а не Тилла. И тебе придется объяснить Мии-Ану, что Хомат был с нами долгое время и что он умеет обращаться с нашим судном, и что он наша правая рука — или левая, в зависимости от того, какой они придадут больше значения.

— Никакой. Они физически, так же как и умственно, амбидекстры, и у них одинаково развиты правая и левая руки.

— Да, очень много народу будет на корабле. А вот что касается размещения их всех в кабине с нами... Я понимаю необходимость этого, но уверена ли ты, что мы можем доверять им?

— Я полностью доверяю Тиллу, Этьен. А что касается носильщиков, то они станут относиться к своей работе как к путешествию ради получения «заслуг». Поэтому будут стараться, чтобы экспедиция прошла успешно.

— Тогда скажи, чтобы они поторапливались, Хомат. Нам предстоит долгий путь.

— К реке, де-Этьен, и к настоящей погоде! Я потороплю их с удовольствием.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

По сравнению с долгим подъемом с берега Скара спуск был также приятен, как дневная прогулка по садам Новой Ривьеры. В дополнение ко всему груз был распределен между вдвое большим количеством носильщиков. Тсла несли свою покла-

жу, но все-таки на некотором расстоянии от своих партнеров маев.

Тсла дружески перешучивались между собой, и их очевидно хорошее настроение подтверждало предположение Лиры, что все они добровольцы. Когда Тилл оказывался рядом с ними, они относились к нему как к старшему, но без всяких поклонов и других особых знаков внимания, принятых у маев. Носильщики признавали его превосходство в умственном и духовном отношении. Он же, в свою очередь, не пользовался своим положением, чтобы вести себя как господин среди подчиненных. Однако среди носильщиков все же прослеживалась некая иерархия, как если бы каждый знал свое место без того, чтобы напоминать ему об этом. В самом низу этой иерархии был необычно крупный парень, очень сильный, но тугодум по имени Йулур. Он мало разговаривал и часто становился объектом мягкого, дружеского подтрунивания со стороны своих товарищей, на что отвечал добродушной улыбкой. Скоро и Этьену стало ясно, насколько далек этот парень. Этьен перешел из головы колонны в конец, к Тиллу, чтобы расспросить о Йулуре.

— Йулур? — Этьен ожидал, что Тилл улыбнется при упоминании об этом парне, но тот выглядел озабоченным. — Он сирота. Его родителей убил какой-то плотоядный зверь, описать которого он нам не смог. Ужас, который он пережил, остановил его умственное развитие. — Тилл сделал жест, которого Этьен не понял. — Йулур воспитала семья Мии-Ана, но это не помогло ему тут. — Тилл дотронулся до своей головы. — Однако у парня хорошая душа, доброе сердце и очень сильная спина. Он получит много заслуг в этом путешествии, может быть, достаточно для того, чтобы принять его в жизнь после жизни.

— Это не моя специальность, это больше по части моей жены, но я не думал, что тсла верят в жизнь после жизни.

— Не все из нас. Не знаю даже, верит ли в это Йулур, поэтому я стараюсь верить за него. Похоже, он доволен жизнью, как бы жестоко она ни обходилась с ним. Я знаю, что многие завидуют его непоколебимой удовлетворенности жизнью. В этой экспедиции на меня возложена огромная ответственность за него, помимо вас двоих, разумеется. — В

этих смотревших с теплотой карих глазах не было ни тени вероломства, хитрости, обмана. — Если Йулур отстанет от нас, он никогда не найдет дорогу обратно. Действительно, хотя он живет там всю жизнь, он не сможет найти обратной дороги в Турпут. У него не хватит ума даже просто идти по дороге.

Тилл подождал, не будет ли еще вопросов, а потом вернулся к своим товарищам.

Все, что Лира рассказывала Этьену о тсла, подтверждалось. Это был добрый, вежливый народ. Тогда почему он все время пытается найти причины для того, чтобы не любить их? Он знает ответ. Не то чтобы Лира обожала всех тсла, этот народ ей почти безразличен. Но в чем же проблема? А вот в чем. Есть один тсла, с которым она проводит все свое время, к нему она обращается с каждым новым вопросом. Это Тилл. Тут нет ничего странного. Тилл — тоже млекопитающий. Не первый раз Лира обожает какой-либо объект изучения. Ну и ну, я уже стал ревновать к инопланетному аборигену, сказал себе Этьен. Вздвогнув от осознания подобного, он сосредоточился на дороге. Лира заметила странное выражение его глаз.

— Этьен? Ты нормально себя чувствуешь?

— Да, да, все в порядке. — Он моргнул, поправил поклажу. Лира посмотрела ему вслед, удивленно тряхнула головой и поспешила за ним.

Тсла спокойно шли в отдалении. Тилл находился рядом с Йулуром. Он тронул носильщика за плечо:

— Йулур?

— Да, Ученый?

— Ты не знаешь, что за знак возникает при пересечении Оо и другой линии?

Носильщик даже бровью не повел, даже не попытался сообразить.

— Я не знаю, Ученый.

— Ничего, все в порядке, Йулур, это не важно. Расскажи мне лучше, что ты думаешь о наших новых друзьях.

Йулур посмотрел через головы своих товарищей на двух землян.

— Они очень симпатичные, Ученый. Хотя на них мало меха. И когда они говорят между собой, то это звучит очень

странно, не похоже ни на наш язык, ни на язык маев. Но они симпатичные.

— Да, это так. Спасибо за твое мнение, Йулур.

Носильщик пошел дальше со своей ношей, а Тилл присоединился к объектам своего интереса.

— Ваше любопытство побудило меня поговорить с Йулуром, Этьен. Я задал ему очень простой вопрос, но он не смог мне ответить. Вопрос оказался за пределами его умственных способностей. И в то же время меня поразило, что он, может быть, счастливее всех нас, поскольку свободен от интеллекта. Поэтому он свободен от страданий, которые это может причинить, от зависти и тому подобных вещей. А еще — от неведения, расстройств планов, крушения надежд, зависти и других проявлений.

— Вы могли бы сделать из него отличного святого.

— Иногда мне тоже так кажется. Он доволен жизнью, и в то же время бывают случаи, когда я его не понимаю.

— У нас в народе говорят, Тилл, — Этьен попытался поточнее перевести это на язык тсла, — лучше быть счастливым идиотом, чем несчастным гением.

— Ах, опять это странное понимание слова «счастье». Лира уже говорила мне. У нас оно иное. Тебе нужно объяснить мне это подробнее.

Этьен попытался сделать это, пока они медленно спускались по холму к расширявшейся полоске серебра, какой им представлялась река Скар.

Дни проходили, жара усиливалась, проходя отметку в девяносто градусов. Тсла начинали снимать свои одежды, капюшоны и тоги, запихивая их в мешки. Впервые Этьен увидел тсла без одежды. Они чувствовали себя вполне удобно, как если бы одежда служила только для защиты от природных явлений и для указания на социальное положение, а не потому, что быть голым неприлично. Правда, тсла не были голыми в человеческом понимании этого слова, поскольку мягкий коричневый мех покрывал все их тело, за исключением рук до локтя и ног до колен. Одно удивило — это неожиданное наличие хвоста, коротенького, пяти-шести сантиметров в длину. Это делало тсла похожими на животных, хотя и неко-

торые другие разумные расы имеют хвосты. Аанны, например, считают наличие хвоста признаком разумности, а не наоборот.

В других отношениях тсла мало отличались от людей, если не принимать во внимание шестипалые руки и ноги и муравьеподобное лицо. Был еще один аспект их анатомии, который интересовал Этьена. Он намеревался спросить об этом Лиру, как только будет уверен, что она правильно поймет его любопытство. Без сомнения, она очень удивится.

Тем временем температура воздуха достигла ста градусов. Май, которые устали от холодного климата, наслаждались жарой. Экспедиция достигла берега Скара и двинулась по направлению к Амбу. Этьен уже думал о том, как он примет холодный душ на борту своего корабля. Ему предстояло заплатить вторую половину обещанной суммы местному мойту и подготовиться к путешествию вверх по реке. Вечером у них возник спор с руководителем носильщиков-маев. Тот говорил так быстро, что даже Лира с трудом понимала его. Поэтому Хомату пришлось перевести.

— Они просят отпустить их, — сказал он, — потому что тут проблема налогов. Они сами не из Аиба, а из сельскохозяйственных районов.

Лира кивнула:

— Понимаю, они хотят улизнуть со своим заработком до того, как местные власти потребуют от них свою долю. Истинные май.

Носильщики быстренько подготовились к уходу, взяли деньги и бросились бежать. Тсла взяли на себя вторую половину груза. Будучи крупнее и сильнее, чем май, они не испытывали трудностей, взяв полный груз.

Через два дня путешественники дошли до предместий Аиба. Этьен свел брови вместе:

— Это забавно.

— Что забавно, Этьен? — спросил Тилл.

Этьен не обратил внимания на вопрос. Невежливо, но он был так озабочен, что забыл правила хорошего тона.

— Я не вижу судна, Лира.

Она напрягла глаза:

— Я тоже. Ты прав: его действительно нет. Здесь ли мы оставили его?

— Похоже, что да, — пробормотал Этьен. — Посмотри на этот базальтовый выступ.

— Что-нибудь не так? — спросил Тилл. — Я этого и опасался. Эти маи, — сказал он резко, узнав причину беспокойства людей и совершенно не обращая внимания на присутствие Хомата, — воруют все, что остается без присмотра, и не считают это аморальным.

— Мы заключили соглашение, — объяснил Этьен Тиллу, ускорив шаги, — с главой этого города, что он присмотрит за нашим судном. Мы заплатили ему полсуммы вперед.

— Может быть, жители Аиба не виноваты в пропаже волшебного корабля духов? — предположил Хомат.

— Ты хочешь обнадежить нас, Хомат?

— Что же нам предполагать? — Хомат переводил взгляд с одного пришельца с Земли на другого.

Этот взгляд был знаком Этьену, и он поспешил успокоить своего проводника:

— Не надо бояться нас, Хомат, мы твои друзья.

— Вспомните, де-Этьен, я предупреждал вас о такой возможности.

— Ну, точно, нет ничего. — Теперь они почти бежали. Причал был абсолютно пуст. — Я не знаю, де-Этьен, как корабль духов мог пропасть без ведома местных жителей. Если они не сделали это сами, то уж, конечно, не помешали это сделать другим. Вы говорили, что судно нельзя украсть, потому что оно само себя защищает.

— Да, так мы думали, — ответил Этьен угрюмо. — Похоже, мы ошибались. — Он посмотрел в сторону города. — А не нанести ли нам визит нашему приятелю Гваттве?

Скромная резиденция мойта Аиба охранялась хорошо вооруженными, но очень нервничавшими воинами. Господина, как объяснил один из них, не было дома.

— Ты не будешь возражать, если мы зайдем и положим дань ему на стол? — спросила Лира.

— Мне приказали не принимать никаких посетителей. — У воина был очень несчастный вид.

Заговорил Тилл:

— Этот отказ не делает чести твоему хозяину. Существует

все-таки принцип гостеприимства по отношению к путешественникам.

— Если вы не пустите нас внутрь, мы призовем духов и они разнесут это место.

Это был блеф, поскольку асинаптический пистолет мог сделать не более чем царапину в каменной стене перед ними, но охранник этого не знал. Он посмотрел на пистолет на боку у Этьена, сообразив, что это оружие. У него не возникло желания лично изучить возможности этого оружия.

— Я придумал, что сделать, — сказал он. Охранник повернулся и ушел в дом. Вокруг собралась толпа любопытных. Они с интересом рассматривали путешественников, обращая особое внимание на двух инопланетян, с которыми пришли пятеро тсла.

— Вас примут, — проинформировал появившийся через несколько минут охранник, — но только вас. Что касается этих вызывателей духов, то пусть они останутся на улице.

— Они пойдут с нами, — заявила Лира тоном, не терпящим возражений.

Охранник вздохнул:

— Мне сказали пригласить только вас, но если вы настаиваете, то входите.

Каменно-деревянное здание было значительно больше, чем обычный дом. И хотя его нельзя назвать и дворцом, оно все же считалось лучшим в маленьком городке, каковым являлся Аиб. Хотя проблема пропажи судна занимала большую часть мыслей Этьена, он не мог не обратить внимания на ту смесь зависти и неприязни, с какой местные маи смотрели на тсла.

Как Этьен и предполагал, Гваттве был на месте. Этьен отметил про себя, что он плохо выглядит. Странно...

— Где мой корабль? — закричал он на мойта, совершенно не заботясь о протоколе.

— Не понимаю, о чем ты, — устало ответил мойт. — Твоей лодки духов здесь нет.

— Ты украл ее, — взревел Этьен. — Мы заплатили аванс за доверие, которое ты не оправдал. Ты обещал, что нашему имуществу не будет причинено никакого вреда.

— Я солгал, — сказал Гваттве.

Вот оно почтенное искусство дипломатии, подумал сар-

донически Этьен. Но это было не совсем то, чего он опасался, входя в город. Что-то тут было не так.

— Куда ты спрятал судно?

— У нас нет лодки духов. — Гваттве сделал наиболее выразительный жест сожаления и беспомощности. Тилл внимательно смотрел на него.

— Я доверял тебе, но ты обманул меня. Почему я должен верить тебе теперь?

— А это не имеет значения, веришь ты мне или нет. У нас действительно нет твоего корабля. Мы не украли его. О, мы пытались сделать это. — Теперь Гваттве говорил с горечью. — Мы очень старались. Твои духи убили моего советника и нескольких его учеников сразу. — Мойт сделал паузу, но если он ожидал услышать какие-то слова сожаления от Этьена, то ему бы пришлось ждать очень долго. Он продолжил. — Мы перепробовали все, что только могли придумать, но не смогли ни увидеть духов, которые охраняли твое судно, ни понять, как они убивают. — Гваттве поднялся с дивана.

— Тогда где наш корабль?

— Мне больно сказать, но он украден.

— Не тобой?

— Не нами. Почему, как ты думаешь, мне так больно? — Было совершенно очевидно, что Гваттве из Аиба расстроен только потому, что кто-то другой преуспел в том, в чем он потерпел неудачу. — Когда я потерял моих лучших советников из-за твоих духов, то чтобы справиться с ними, я в конце концов решил обратиться к знаменитому Давахасси, главному советнику лангая в Хочакс.

Тилл подошел к Этьену и заговорил на языке маи:

— Хочак — очень плохое место. Он расположен на несколько легатов северней того места, где Оранг впадает в Скар. Мы редко торгуем с ними, поскольку жители его очень ничтожны в духовном отношении и предпочитают скорее убить продавца, чем платить за товар. Впрочем, к этому склонны вообще многие маи.

Этьен увидел, как напрягся Хомат, и подумал, что надо бы попросить Тилла быть несколько сдержанней в оценках маев в присутствии Хомата.

— Мы надеялись, что Давахасси сможет раскрыть секрет

твоего корабля — продолжал Гваттве, — поскольку он много путешествовал и многое знает. Он прибыл на лодке с лангаем в сопровождении большого числа советников. Я уже тогда заподозрил неладное, но не знал, что еще делать. Секрет, сказал Давахасси, заключается в том, чтобы не беспокоить духов, охраняющих твое судно, поскольку они сражаются с любым, кто пытается вторгнуться на корабль, они защищают свой дом. Но это вовсе не значит, что нельзя сдвинуть сам дом, ничем не побеспокоив духов. Поэтому, по его инструкции лангай велел построить большую деревянную клетку. Клетка была построена вокруг корабля. И в ней они потащили его. Сначала по воде, а потом водрузили на платформу и перетащили в центр Аиба. После этого мы стали праздновать победу, а судно стояло там. — Гваттве указал на площадь возле своей резиденции. — Празднуя трудную победу, мы чувствовали себя прекрасно. Все получили бы прибыль от этой акции. Мы отдыхали вместе с нашими гостями. Давахасси — пусть ему во внутренности заберутся паразиты! — подмешал наркотики в наше прекрасное вино. Проснувшись на следующий день, мы обнаружили, что лангай и его советники опять вернули лодку духов в реку. Деревянная платформа, на которую она была водружена, оказалась очень удобной для них, этих стервятников, чтобы оттащить лодку домой. Мы преследовали их, но было поздно, а лангай расставил солдат на холмах, отделяющих нашу территорию от Хочака. Конечно, мы не смогли догнать их. — Закончил Гваттве грустную историю о потерянных возможностях жестом, заменявшим маям раздраженное пожимание плечами. — Как видишь, мы не украли твой корабль, хотя нельзя сказать, что не пытались этого сделать.

— Как благородно с твоей стороны говорить так.

— Деревянная клетка, — пробормотала Лира. — Дерево — плохой проводник. Вытащив корабль из воды, они могут чувствовать себя в безопасности, пока не дотрагиваются до корпуса.

— «Оставь духов в мире», — сказал Этьен. — Это объясняет все. С защитной системой корабля ничего не произошло. Они просто не входили с ней в контакт. Вот уж никогда не думал, что местные жители сообразят сдвинуть судно, не поднимаясь на борт. — Он повернулся к Гваттве: — Нам нуж-

на твоя помощь в возвращении нашего имущества. Ты мог бы даже заработать премию, предоставив нам войска, чтобы помочь в нападении на Хочак.

— Если бы это было так легко, — пробормотал Гваттве, — я бы сделал это только ради того, чтобы отомстить, но Хочак — это не Аиб, волосатый. Не то чтобы больше, но сильнее. Потребуется большее количество солдат, чем может предоставить Аиб, чтобы победить их. Хочак — город, окруженный стенами и хорошо защищенный. Иначе соседи, которых его жители грабят, и обижают, давно бы расправились с ним. Хочакцы известны своей воинственностью. Мы же, народ Аиба, мирные люди.

— Вороватые ручки, а теперь, оказывается, еще и трусливые ножки. — В это время на плечо Этьена мягко опустилась рука.

— Может быть, лучше, — прошептал ему Тилл на языке тсла, чтобы Гваттве не понял, — просто уйти. Хочакцы, скорее всего, ожидают нападения. Если же мы приблизимся незаметно, осторожно, это будет для них неожиданностью. Но не посвящай этого типа в наши планы. Он, как обычно поступают подобные ему, сочтет, что ему выгодно продать эту информацию тем, кто его обокрал. Подлость и обман естественны для них.

Этьен повернулся к мойту, ожидавшему его решения:

— Поскольку мы потеряли наше судно и не можем вернуть его, нам ничего не остается, кроме как вернуться вниз по реке в Гроаламасан, на нашу базу, за другим кораблем. А ты нам должен будешь вернуть то, что уже тебе заплачено.

— А я и не отказываюсь. Бизнес есть бизнес, — с готовностью согласился Гваттве.

— Мы примем в качестве компенсации пару парусных речных судов, на которых мы могли бы безопасно спуститься вниз по реке.

Гваттве успокоился и, казалось, был доволен.

— Это справедливо, — сказал он быстро. — Корабли скоро будут готовы. Желаю спокойного путешествия вниз по реке.

Это действительно было бы спокойнее, подумал Этьен, но он не намеревался плыть на юг.

Не имея нужды плавать по Скару, тсла не были хорошими

моряками. Зато Хомат чувствовал себя на воде как дома. С его помощью два парусных судна медленно двинулись вверх по реке.

Они встали на якорь в отдалении от окруженной стенами гавани Хочака. Случайные рыбацьи лодки проплывали мимо, и их команды приветствовали вновь прибывших. Этьен и Лира не выходили на палубу, и Хомат сам отвечал на вопросы любопытствующих. Внешность тсла вызвала удивленные взгляды, но многие из рыбаков были родом из отдаленных мест вверх по реке, и их расспросы ничем не угрожали. Были среди рыбаков, правда, и несколько жителей Хочака. Но и для них вид тсла, хотя и необычный, все-таки не был поводом для объявления тревоги.

Лангай Хочака и его советник Давахасси могли знать, что инопланетяне — владельцы украденной лодки духов посещали земли тсла, но не было основания связывать инопланетян с этими волосатыми рыбаками, поскольку и лангай, и другие в Хочаке считали, что Этьен и Лира Редоул далеко отсюда. Поэтому никаких солдат не посылали для осмотра, и оба судна с наступлением ночи смогли безопасно пристать к берегу. Как только совсем стемнело, Этьен и Лира вышли на верхнюю палубу и достали приборы ночного видения.

— Нужно подготовиться к нападению, — сказал Этьен, глядя через монокуляр. — Ограждение сделано из дерева, а не из камня, но оно крепкое и высокое. Слишком высокое, чтобы можно было легко забраться на него. Можно увидеть места, где бревна закалены огнем. Верхушка же плоская и заполнена битым стеклом. Умно.

— Виден ли ваш корабль? — мягко спросил Тилл.

— За ограждением ничего не видно, но очень много света в центре города. — Этьен прикоснулся к своему прибору ночного видения, тронув какой-то сенсорный выключатель, и все услышали слабый шум, который усиливался одновременно со вспышками света. От неожиданного шума Хомат подскочил на месте, а тсла отшатнулись, жестикулируя. Лира успокоила их.

Как только Хомат преодолел свой испуг перед невиданным прибором, Этьен попросил его:

— Не мог бы ты послушать, что передает этот прибор, и объяснить нам, что происходит?

Май нерешительно подошел к источнику звуков:

— Барабаны, трубы, флейты, хвалебные песни. Все звучит так, как будто они празднуют что-то. — По лицу Хомата было видно, что он узнал одну песню. — Так и есть. Они празднуют свою великую победу над айбитами и успешную кражу. Сначала я не понял слов. Многие из них отличаются от тех, какими пользуются в По-Раби.

— Тогда у нас есть шанс нагрянуть неожиданно, пока они гуляют.

— Не думаю, де-Этьен. Они наверняка поставили надежную охрану к кораблю, иначе его украдут свои же, чтобы выгодно продать где-нибудь вниз по реке. Тот, кто достаточно умен, чтобы украсть лодку духов, не будет настолько наивен, чтобы доверять своему народу.

Этьен потрогал асинаптический пистолет на бедре.

— Тогда нам надо просто пройти и вежливо попросить, чтобы нам вернули наше имущество. — Он посмотрел на жену, но Лира ничего не сказала относительно перспективы нарушить радостное настроение туземцев. Зато он услышал другое мнение:

— Было бы очень прискорбно лишать кого-то жизни. — Это сказал Тилл.

— Мне тоже очень жаль, Тилл, но нам нужно вернуть наше судно, и я не собираюсь быть ласковым и добрым с похитителями. Дело не только в том, что пропажа корабля означает конец нашей экспедиции, есть и другие причины. На борту судна находятся вещи, которые представляют реальную опасность для самих аборигенов, если они их потревожат. — Этьен вытер пот со лба. Температура все еще была выше ста десяти, а влажность достигала девяноста процентов. — Нужно учитывать и еще один фактор. Мы с Лирой могли бы переправиться вниз по реке к дельте Скатанды, но мы не сможем выдержать месяцы подобной жары.

— Я не оспариваю необходимости возвращения твоей собственности, Этьен. Я только питаю отвращение к насилию.

— Мы будем стрелять по возможности меньше.

— Какое бурное празднество. — Хомат продолжал слушать звуки, в то время как оба их парусника осторожно заплывали в бухту.

— Снаск! — вдруг воскликнул он, падая на планшир. Этьен и Лира немедленно спрятались под сиденья.

— Что это? Что случилось?

— Патруль, полагаю.

— Что же теперь делать? — Этьен посмотрел на Тилла: — У тебя есть идея?

— Ты и Лира продолжайте прятаться, потому что, если вас увидят, тут же поднимут тревогу, но твоему другу Хомату только зададут вопросы, особенно если увидят нас. Довольно необычно увидеть тсла на реке. Воины будут заинтригованы нашим видом, но тревоги не поднимут, потому что мы известны как миролюбивый народ, не причиняющий никому вреда.

— Отличная идея, Тилл. Ты отвлечешь их внимание, а тем временем мы с Лирой подберемся поближе и перебьем их.

Хобот Тилла вздрогнул от изумления.

— Это же очень рискованно. — Он сделал жест в сторону своих товарищей. — Мы предпримем необходимые действия.

— Подождите минуту. — Лира выглядела смущенной. — Ты только что говорил нам, Тилл, о миролюбии своего народа, который не причиняет никому вреда?

— Не смущай наших гостей, — шикнул на нее Этьен. — Давай посмотрим, что эти пацифисты могут сделать, если захотят. Думай об этом, как об интересном дополнении к своим исследованиям.

Лира сердито посмотрела на мужа, но ничего не сказала. Они спрятались за парусами, в то время как тсла направили суда к берегу. Этьен вдруг ощутил сумасшедшее желание ущипнуть жену, но подавил его в себе.

Сперва патруль приказал парусникам остановиться, но потом, разглядев в них тсла, позволил причалить. Этьен чутко прислушивался. В любой момент он ожидал, что парус будет отброшен и он увидит направленное на него длинное копьё. Потом раздались звуки борьбы, и они с Лирой вышли из укрытия с пистолетами наготове. Но они могли бы спокойно отдыхать. У тсла не возникло никаких затруднений с патрулем. Особенно постарался Йулур, так продемонстрировавший свою силу, что было даже страшно смотреть. Этьен решил в

будущем прекратить какие бы то ни было насмешки в адрес Йулура со стороны его товарищей.

Все было проделано быстро и тихо. Этьена охватило новое чувство уважения к своему проводнику-философу и к другим тсла, которые сбросили патрульных в реку. В то же время его охватило любопытство, как же могли эти пацифисты так легко пойти на нарушение запретов. Ладно, оставим социальные анализы на потом, решил он. Первым делом нужно было вернуть свое судно, а уж потом обсуждать мотивы поведения тсла.

Посланный на разведку Хомат кивком головы дал понять, что можно двигаться вперед. Скоро они оказались у бревенчатого частокола, опоясывавшего город. В нем было прорезано много бойниц, откуда лучники могли спокойно расстреливать атакующих.

Наконец они подошли к маленькой калитке. Она не охранялась и открылась настежь, едва Хомат толкнул ее. Они вошли в город, стараясь держаться в тени больших зданий.

Теперь стали явственно слышны крики пьяных и накачавшихся наркотиками жителей. Ближе к центру в самых неожиданных местах валялись многочисленные пьяные. Путешественникам приходилось почти переступать через напившихся до бесчувствия жителей города.

Впереди лежала центральная площадь, место церемоний и всяческих сделок. В самом центре ее, окруженный праздничными кострами, стоял их корабль. Костры были разожжены на разумном расстоянии от судна. Не потому, что боялись его, а просто для сохранности деревянной клетки, в которой оно находилось. Раздавалось пение, громкое и несладное. Этьен взглянул на жену с отвращением, но не удивляясь: она что-то быстро записывала в свой блокнот. Такая уж она была, Лира. Если бы даже местные жители варили ее в рыбьем жире, она все равно в последние минуты своей жизни записывала бы рецепт для своих последователей.

— Что будем делать, Ученый? — Определенно, стратегические познания Тилла были ограничены. Этьен ощутил извращенное удовлетворение от того, что Тилл обратился к нему с этим титулом, принятым у тсла.

— Как мы будем освобождать лодку, Ученый? — спросил один из носильщиков. — Похоже она здорово охраняется.

— Не важно, — ответил ему Этьен. — Все, что нам нужно делать, это подобраться на расстояние выстрела. Мы достаточно близко, но, боюсь, нам помешает это громкое пение.

— Я понял, — кивнул Хомат. — Вы собираетесь призвать на помощь духов, которые охраняют корабль.

Тилл посмотрел на него с неприязнью. Он презирал суеверия, которыми полна культура маев.

— Как же ты собираешься вернуть свой корабль, Этьен? И, что еще важней, как нам перетащить его из центра этого недружественного города к реке?

— Увидишь, — усмехнулся Этьен. — Хомат недалек от истины.

Проводник-май предпочел даже не встречаться взглядом со скептически настроенным тсла.

Этьен машинально оценил архитектуру города. Никаких величественных каменных построек. Это не По-Раби. Большая часть домов была из дерева, соломы, грязи и кирпича-сырца, хотя при этом некоторые достигали высоты в три этажа. Однако они не впечатляли. Все благосостояние Хочака строилось на ограблении соседей. Может быть, этой ночью они поймут, что образ их жизни в чем-то ошибочен, и пересмотрят свои методы. Этьен надеялся, что даст им эту возможность. Лира, конечно, не одобрит такого подхода к делу, но он решил не обращать на это внимания. Этьен смотрел, как она хладнокровно делает пометки в блокноте, и ему ничего не оставалось, кроме как восхищаться ею. Если они погибнут, никто не сможет сказать, что они до последнего момента не занимались научными исследованиями.

Они были на полпути к центральной площади, когда наткнулись на пару трезвых местных жителей. Они были довольно молоды на вид, и Этьен с сожалением взялся за пистолет. Однако он действовал недостаточно расторопно. Снова Тилл и его товарищи быстро и эффективно продемонстрировали свое искусство рукопашного боя. Шума почти не было, а единственный вопль утонул в праздничных криках и пении.

Тсла были немало удивлены, когда в бок Сувда воткнулась стрела. Короткий толстый мех ослабил удар, но не настолько, чтобы Сувд не отшатнулся к Тиллу. Он выдернул стрелу, и они скрылись под навесом высокого здания.

Стрелявший стоял на навесе у входа в другой дом, через улицу. Он размахивал луком, чтобы привлечь внимание собравшихся на площади, подпрыгивал и вопил. К досаде Этьена Хомат вышел на открытое место, чтобы ответить на отборную брань местного жителя. С тактической точки зрения это было ошибкой. Участники празднества на площади услышали крики и увидели чужаков, вторгшихся в их город. Теперь по всему Хочаку разнесся клич тревоги. Некоторые горожане разыскали оружие и выступили вперед. Луки, стрелы и копья — может быть, и примитивы, но, как подтвердил бы и несчастный Сувд, часто бывают эффективнее современного оружия. Разница между асинаптом и стрелой была в точности и удобстве, но не в смертоносности.

Этьен сложил руки рупором и крикнул что было силы:

— Исполнить команду «Красная десятка»! — Потом он опустил мушку своего асинапта и открыл огонь по ногам ближайших выступивших вперед хочакцев. Те с воплями повалились ничком, поскольку оказались парализованными ниже колен.

Это задержало нападение на несколько секунд. С середины площади раздался рев. Горожане оглянулись и замерли.

Корабль неожиданно поднялся над кострами вместе с клеткой, в которую был заключен, на четырехметровую высоту. Развернувшись в ту сторону, откуда была дана команда, он стал двигаться по направлению к Этьену. Направленные вниз реактивные двигатели поджигали дерево, разметывали костры и туземцев. Деревянная клетка стала ломаться, и бревна полетели на жителей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Хочакцы сразу протрезвели, завопили что-то насчет духов и дьяволов и, побросав оружие, бросились в укрытие. Хомат присоединился к своим товарищам и широко раскрытыми глазами смотрел на приближавшееся к ним по воздуху судно.

— Назад к гавани, все, пока они не опомнились! — крикнула Лира.

Двигаясь как можно быстрее, даже не думая о том, какое впечатление произведет их быстрое отступление, они бежали, сохраняя достоинство на лицах. Время от времени из окружающих домов высывалось чье-либо лицо, однако громкие выстрелы из асиапатического пистолета быстро заставляли закрываться двери и окна.

Наконец они достигли калитки и проскользнули в нее. Будучи не в состоянии перемахнуть через частокол, корабль с грохотом проломил его, разбросав несколько массивных бревен.

Этьен и Тилл шли сзади, Лира — впереди, направляя судно к воде. Оно мягко опустилось в Скар. Пригнувшись под остатками деревянной клетки, Лира вступила на борт.

Этьен с удовлетворением услышал рокот мотора судна, переключившегося на работу в воде. Несколько вооруженных маев высунулись было через пролом в ограждении, но не решились двигаться дальше. Как только корабль стал вести себя как корабль, ужас от его передвижения по воздуху мог у хочакцев пройти. Этьен не имел намерений дать им на это время.

— Давай, Тилл! Сажай всех своих людей на борт, пока мы не успели перегруппироваться! — И несмотря на то, что Этьен прикрывал отход тсла, наиболее смелые из местных жителей начали медленно приближаться.

Лира быстро пересчитала всех, кто был на борту, и повернула колесо, нажав на акселератор. Корабль с ревом вышел на просторы Скара, однако не так быстро, как рассчитывал Этьен. Остатки клетки мешали судну встать на свои водорезы. С берега доносились отдаленные крики — погоня была организована.

Этьену понадобилось немного времени, чтобы разрезать специальным аппаратом кожаные ремни, скреплявшие между собой отдельные секции деревянной клетки. Едва Этьен разрезал эти секции, а тсла оттащили их, в корму воткнулось несколько стрел. Наконец с громким всплеском были выброшены за борт последние бревна, и судно спокойно устремилось вперед. Преследователи были еще на досягаемом расстоянии, однако все, даже Хомат, настолько устали, что никто не отвечал на их выстрелы.

Этьен заглянул в кабину:

— Мы освободились, Лира. Поднимай.

После щелчка электрического переключателя с кораблем произошли изменения. Он встал на два гидрофойла-волнореза и ракетой помчался по реке со скоростью шестьдесят километров в час под удивленный шепот тсла, оставив далеко позади расстроенных неудачей хочакцев.

— Прекрасно, замечательно, — пробормотал Тилл после того, как осторожно посмотрел за борт. — Корабль буквально летит над водой. Ты должен объяснить мне, как это делается.

Этьен напрягся, почти тут же расслабившись. Слова Тилла напомнили ему Ирквит и ту легкость, с которой она освоила принципы работы защитной системы корабля. Но этот учитель-философ не мог быть обманщиком. Этьен ощутил чувство вины за внезапное подозрение.

— Успокойся, Тилл. Ты достоин обучиться всему, чему захочешь. Я постараюсь объяснить тебе принципы работы этого корабля, а ты Расскажи мне побольше о том, с чем нам предстоит столкнуться вверх по реке, особенно о Топапасируте, которым вы так обеспокоены.

— Я бы с радостью, Этьен. Но о Топапасируте мало что можно сказать. Чтобы понять, это нужно увидеть.

— Ты все еще уверен, что мы не сможем преодолеть это?

— Раньше был уверен, но после того, как увидел возможности вашего корабля этой ночью, уже не так уверен.

Это, конечно, воодушевляет, подумал Этьен. С дальнейшими разговорами можно подождать до утра. Он растянулся на своей мягкой, оснащенной кондиционером койке. Лира будет управлять судном еще полчаса. Потом они окажутся настолько далеко вверх по реке от возможного преследования, что можно будет переключиться на автопилот.

Наконец-то они имели возможность продолжить свой путь. Этьен был доволен и испытывал гордость за проведенную им по необходимости акцию против жителей Хочака, в которой те сами были виноваты. Больше подобных помех в работе допускать нельзя ни в коем случае. Что же касается позволения сопровождавшим их тсла находиться в кабине, то это было необходимо. Им гораздо удобнее в помещении, где температура приближена к привычной для них, чем на палубе. Впрочем,

Этьен их и не опасался. Да и устал он опасаться всех и всего. Тем более что он неделями мирно спал среди этих тсла. Они заслужили его доверие. Кроме того, в случае необходимости они с Лирой могут запереться в своей кабине, и ни один любопытный тсла не сможет переключить запертый автопилот.

Утро было жарким и влажным. Этьен удобно расположился вместе с Лирой в укромном уголке, где они обычно обедали. Рядом на полу устроился Тилл. Носильщики принимали пищу подальше к корме, в складском помещении, превращенном в жилье для них. Они могли бы присоединиться к землянам, но предпочли этого не делать. Этьен спросил, в чем причина.

— Им стыдно, — объяснил Тилл.

— Ага, — сказала Лира с выражением удовольствия на лице. Судя по всему, она продолжала мыслить прежними категориями. — Потому что они вынуждены были сражаться?

— О нет. — Тилл стукнул шестипалой рукой по котелку. — Им стыдно, потому что им не было позволено выполнить их намерения.

— Но они сделали все, — возразил Этьен. — Мы в безопасности и вернули свой корабль.

— Да, но не благодаря нашей помощи.

— Вы отключили патрульных в гавани.

— Мы намеревались помочь тебе во время всего путешествия, Этьен. А вместо этого вынуждены были только беспомощно стоять и смотреть, как это замечательное судно, — он топнул по металлическому полу, — делает гораздо больше, чем мы, чтобы освободить себя.

— Но вы и не смогли бы сделать больше, чем сделали, — сказала Лира. — Нам едва хватило времени, чтобы голосом привести судно в действие.

— Дело не в этом. Мы понимаем, что не смогли бы нести судно к реке на плечах, но ведь мы даже не попытались. Поэтому у нас нет заслуг за победу над врагом.

Лира почувствовала себя неловко.

— Насколько я понимаю, ваше общество очень миролюбиво.

— Конечно, это так.

— Тогда как вы можете говорить об обрщении заслуг в бою?

— Подобно каменной лавине, объявленный враг считается природным явлением. Став врагом, он лишил себя права считаться цивилизованным.

Этьену было приятно видеть неловкость, которую испытывала жена:

— Но ведь и враг считает, что поступает по правилам цивилизованного общества.

— Судить о его поступках можно в соответствии со стандартами действительно цивилизованного общества.

— Ты имсешь в виду стандарты общества тсла?

— Конечно. Уж не хочешь ли ты сказать, что им нужно считаться со стандартами общества маев? — Тилл казался слегка возмущенным. — Подлинные цивилизованные индивидуумы инстинктивно чувствуют, из чего складывается цивилизованное поведение.

— Это весьма удобно, я думаю.

— Вовсе нет. Наши моральные стандарты не так гибки, как кажется.

— А вы чувствуете жалость, когда убиваете врага?

— Естественно. Враг — это тот, кто добровольно отказался от своей души. Что же нам еще чувствовать к нему, как не жалость.

— Но это не помешало бы вам убивать каждого мая, который встал бы у вас на пути в Хочаке?

— Нет, конечно. Препятствуя нам в возвращении нашего имущества, они демонстрировали свое несогласие с правилами поведения в цивилизованном обществе и таким образом исключали себя из числа цивилизованных существ. Я не вижу тут никаких противоречий.

— Никаких противоречий, действительно. — Этьен взглянул на жену. Лира уронила свой блокнот. Она не могла смотреть в глаза Тиллу. — Мы просто хотели кое-что уяснить.

— Я думала, — заметила Лира мягко, — что тсла считают убийство грехом.

— Убить цивилизованное существо действительно ужасный грех. Но нет моральных ограничений для защиты себя от

нецивилизованного существа, точно так же, как нет ничего плохого в строительстве крыши от дождя.

— Все ясно, — кивнул Этьен. Он все понял. Совсем не нужно беспокоиться о безопасности таких миролюбивых существ, как тсла. При всем своем пацифизме они вполне способны постоять за себя, если возникнет необходимость. Убить цивилизованное существо — грех. Значит, любой, кто напал на меня, — нецивилизованный. — Очень удобная философия, — усмехнулся Этьен.

Услышанное нанесло ощутимый удар по самолюбию Лиры, начавшей романтизировать общество тсла. Возлюбленные ее мистики были не менее кровожадным народцем, чем любые другие примитивные племена. Конечно, это не так красиво. Но зато ясно, что они могут сознательно драться с любым, кто не будет соответствовать их стандартам цивилизованного существа. Когда ты сам устанавливаешь эти стандарты, это дает тебе возможности гибко подходить к понятию необходимой самообороны.

Лира продолжала вытягивать информацию из Тилла, надеясь найти все-таки подтверждение своим прежним представлениям о благородстве тсла. Этьен ушел проверить автопилот и заодно посмотреть, как себя чувствуют другие тсла и Хомат. Он также хотел сказать носильщикам, что, на его взгляд, они получили большие заслуги за то, что сделали в Хочаке.

Экспедиция теперь была на расстоянии более трех тысяч километров к северо-северо-западу от станции и отдаленной дельты Скатанды. Облака, появившиеся днем на небе, принесли некоторое облегчение, слегка снизив жару и влажность. Баршаягад стал резко сужаться. Отвесные скалы ограничивали поступление дневного света к реке. Теперь можно было разглядеть обе стороны каньона, хотя край плато Гунтали с расстоянием отдалялся. Первое время путешественникам казалось, будто они плыли по каньону.

Впереди их ждал еще один большой приток Скара — река Гаджа, за ней, если верить Тиллу, скалы Баршаягада неожиданно сближались, а так уже совсем близко до места, где рождались лесные черти, называемого Топапасирут. За Топапасирутом простирались земли, неизвестные даже мудрецам Турпута.

Одно не беспокоило больше Этьена — это мысль об увлечении Лиры обычаями тсла. После того как Тилл за завтраком объяснил философию своего народа, легко позволяющую принимать участие в боевых действиях, Этьен больше не видел свою жену в национальной одежде тсла.

Они достигли места, где Гаджа потоком вливалась в чистый Скар. Тсла все объяснили точно. Это действительно широкая река, вода которой имела оттенок ржавчины. Гаджа — новая Амазонка, а при этом всего лишь простой приток. Этьен уже не удивлялся. Тсламайна уже достаточно поразила его своими феноменами.

За Гаджей Скар быстро сужался. Течение убыстрилось. С гор потекла белая вода — впервые за все их долгое путешествие вверх по реке. Облака сгущались. И Этьен понял, почему эта часть реки не была точно нанесена на карту единственным спутником, находившимся на орбите планеты. На высоте восемь тысяч метров над головой край Гунтали сверкал льдом и снегом.

В тот день они плыли медленнее обычного, чтобы Этьен мог взять пробы воды. Пока Этьен находился в лаборатории, Лира наблюдала за приборами. Несколько тсла следили за работой Этьена. Хомат дремал на палубе. Вдруг что-то резко толкнуло судно, чуть не сбив Этьена с ног. Удар пришелся по правой стороне корпуса.

— Что случилось? — закричал Этьен.

— Не знаю, что-то ударило нас снизу, — отозвалась Лира.

— А что на сканере?

— Ничего. Это не из реки.

Этьен начал быстро соображать. То, что толкнуло их, не появилось на сканере, значит оно находится не впереди них, не по ходу судна. Значит, это нечто пришло откуда-то сзади. Следовательно, это не скала.

Вдруг истерически закричал Хомат. Этьен и тсла выскочили через дверь на жаркий, влажный воздух. Этьен поймал себя на мысли, что хорошо бы иметь пистолет.

Но пистолет тут бы не помог. Этьен смотрел на медленно поднимавшийся утес, черный, как полированный обсидиан. В

этом утесе была каверна с арками струящихся сине-черных лент, похожих на китовый ус, только толще и более широко расположенных.

— Лакоти! — зарыдал Хомат в ужасе.

Этьен сразу понял, почему на сканере не появилась эта тварь. Сканер был запрограммирован фиксировать только объекты, опасные для судна, и, естественно, игнорировал всякую органическую жизнь, ползающую по дну реки. Быстрое течение обеспечивало пищей лакоти, который, безусловно, отдыхал в иле Скара, открыв пасть в намерении сожрать все, что принесет ему река. Пока, конечно, что-нибудь не побеспокоит его. Если у лакоти и имелись глаза, то они были скрыты сзади этой огромной кавернообразной пасти.

Лакоти двигался за ним, это было понятно сразу. Этьен закричал без страха, но не имея никакого желания более подробно изучать внутренности чудовища. Может быть, он и плохой пловец, но в последнюю секунду сможет развить большую скорость.

— Ли́ра, за нами гонится тварь размером в половину звездолета. Давай поскорее убираться отсюда.

— А что же, по-твоему, я делаю? Я все вижу на экране. — Ее голос звучал истерично. — Но я не могу выжать большей скорости.

— О Боже, — пробормотал Этьен. — Тилл?

У тсла было фатальное выражение на лице.

— Мы не имеем опыта путешествий по реке, и нам неизвестны эти твари. Мы можем только молиться.

Этьен вошел в кабину. Гигантская глотка медленно приближалась. Проблема состояла в том, что эта тварь сосала воду, и гидрофойлу было трудно противостоять этому. Если они не встанут на водорезы и не прибавят скорости, то попадут в глотку лакоти, как пробка в канализационную трубу. Этьен не знал, что делать, у них не было времени. Он отпихнул Лиру в сторону. Она не возражала.

— Чрезвычайное переключение!

— Я уже пыталась!

Он бросился к приборам. Экраны потемнели. Можно было слышать шум воды, струящейся в глотку чудовища. Раздался знакомый рев реактивных двигателей. Лиру отбросило к стене.

Этьен вдавился спиной в кресло. На мгновение ему показалось, что он увидел толстую черную губу над судном, а внизу — бесконечную глотку.

Потом они снова высочили на свет, и экран заднего видения показал удалявшуюся пасть. Она закрылась, и лакоти погрузился в воду, как остров. Быстрая проверка с помощью сканера показала, что чудовище не преследует судно, причем выглядело оно на экране, как нагромождение камней, грязи и водорослей. Лакоти здорово камуфлировался, и чем скорее они достигнут чистой воды, тем лучше. Этьен еще раз проверил приборы, прежде чем позволить себе глубокий вздох облегчения.

— Пойди посмотри, все ли в порядке с нашими пассажирами, — обратился он к жене.

— Не приказывай мне, — огрызнулась она, откинув назад волосы. — Я знаю, что делать. Просто я не такая бесчувственная машина, как ты, вот и все.

— Когда ты нажимала на акселератор, то забыла отключить второй рычажок у автопилота. Вот почему вся команда не сработала. — Этьен говорил очень мягко, понимая, что Лира находится на грани истерики.

— Я знаю, — пробормотала она, злясь на себя, а не на него. — Я увидела эту гадость на экране и испугалась. Я думала... я несколько запаниковала.

— Такое могло случиться с каждым, — заметил Этьен мягко.

Он хотел сказать не это. Он хотел назвать ее тупой, безмозглой дурой. Но он так не поступил. Он стал нежным и понимающим. Наверное, в первый раз он поступил умно с тех пор, как они вышли из «шаттла» на станции много месяцев назад. Он не знал, отчего поступил так, и это смутило его.

— Я собираюсь устроить полную проверку всех систем, — сказал он. — Эта дрянь высочила из-под киля и крепко ударила нас. Я должен быть уверен в том, что она что-нибудь не сломала.

Лира кивнула:

— Я пойду осмотрю трюм.

Она вышла и через несколько минут вернулась. На ней лица не было.

— Этьен, у нас большое несчастье.

— Что случилось? — Он повернулся вокруг на своем кресле и смотрел на нее, не веря. — Что? Говори скорей!

— Среди наших носильщиков была женщина. Ее имя Уон. Когда ты ударил по акселератору, меня бросило на стену. Все, кто был сзади, попадали на палубу. Но Уон стояла наверху возле мачты. Когда мы рванулись вперед, она упала и разбила череп. Она мертва.

Его пальцы впились в кресло.

— У меня не было выбора. В следующую секунду было бы поздно — мы превратились бы в пищу для лакоти.

— Я уже объяснил это Тиллу и другим, они полностью понимают нас. Они. попросили..

Этьен не поднимал глаз.

— Чего они хотят?

— Они были бы благодарны, если бы мы остановились где-нибудь на ночь и они смогли бы воздать Уон полагающиеся почести. Я не знаю деталей, но, похоже, речь идет о ритуале. Они просят встать на якорь где-нибудь у берега.

— Полагаю, мы сможем найти тихое место. Единственное, что мы можем сейчас сделать. Мне действительно очень жаль, Лира. Это была моя вина.

Она слегка улыбнулась.

— Тсла поняли нас. Они довольно спокойно относятся к смерти.

Он поднял глаза.

— Может быть, это и лучше. Если это признак социальной зрелости, я готов пойти на уступку и признать это.

Но от его уступки Лира не стала чувствовать себя лучше.

Они нашли маленькую бухточку среди скал. Ночное небо было беззвездным, серым из-за плотного слоя облаков от одного края Гунтали до другого.

Лира решила утопить свою печаль в работе, собираясь записать тончайшие нюансы погребальной церемонии тсла, которая осуществлялась на открытой палубе корабля. Для церемонии потребовались факелы и немного специальной пудры, которая была у Тилла. Не желая участвовать в этом и даже смотреть, Хомат перетащил свою подстилку подальше. Он лежал, бормоча какие-то молитвы или заклинания. Менее инте-

ресуясь туземными ритуалами, чем жена, Этьен с комфортом отдыхал в кабине.

Неожиданно вбежала Лира. Увидев ее лицо, он прекратил чтение и уставился на жену. Она бросилась к нему, он обнял ее, чтобы успокоить.

— Что случилось, Лира, в чем дело?

Она не закрыла за собой дверь, и оттуда доносилось спокойное пение тсла.

— Прощальный ритуал... — прошептала она, давясь словами.

Лира упала ничком, магнитофон, висевшей на шее, вдавился ей в грудь. Любопытство побороло безразличие, и Этьен вышел из кабины посмотреть, что там происходит.

На палубе горели факелы, освещая то, что так не понравилось Лире. Его реакция не была такой резкой, как у нее. Не то чтобы ему понравилось увиденное, но поскольку у него не было никаких иллюзий относительно тсла, происходящее на палубе вызвало у него меньшее отвращение и разочарование, чем у жены.

Тсла были глубоко поглощены погребальным ритуалом, и только Тилл оторвался, чтобы приветствовать Этьена. Он выглядел озабоченным. С его рта и хобота капала кровь.

— Лира неожиданно покинула нас. Надеюсь, мы ничем не обидели ее?

Этьен проявил неожиданные для себя способности к дипломатии.

— Моя жена считает тебя и твой народ благородней многих. Но кое-что ей не понравилось.

Тилл дрогнул, его большие грустные глаза обратились к двери.

— Понятно, но ты относишься иначе?

— Я не одобряю, но и не осуждаю. Так же относилась бы и Лира, если бы она продолжала рассматривать это с научной точки зрения.

— Мне грустно, — продолжал Тилл. — Но это — неотъемлемая часть ритуала и должна быть сделано в тот же день, как можно скорее после смерти, в противном случае...

Этьен прервал его:

— Понятно, Тилл. — Он не мог оторвать глаз от сцены на

палубе. — Только эти обычаи очень отличаются от тех, что приняты у моего народа.

— Я могу только посочувствовать. — Тилл сделал жест назад. — Друзья очень любили Уон. Нельзя даже подумать о том, чтобы отправить ее душу в загробный мир без надлежащего выражения любви.

— Мы относимся к этому делу так же, — сказал Этьен, правда, мы проявляем свою любовь скорее философски и не так спешим.

— Обычаи разные у всех людей. А теперь простите меня, я должен принять участие в обряде, или же душа Уон не найдет меня среди своих друзей.

— У тебя кровь на лице, — заметил Этьен.

Тилл вытер.

— Это результат ритуального контакта, — объяснил он. — Уон ударилась о палубу очень сильно.

Этьен покинул церемонию и вернулся в кабину, закрыв за собой дверь. Лира сидела на кровати, уткнувшись в ксенологическую программу, записанную на видеомagnитофон. Он сомневался, что она видела слова. Этьен сел рядом и обнял жену за плечи.

— Я понимаю твои чувства, — сказал он. — Крушение иллюзий всегда неприятно.

— Я возлагала такие надежды на них. Мне казалось, что они добиваются прогресса без технологических травм.

— Они достигли большого прогресса, — решил он сказать, к своему удивлению. — Но все же у них инопланетная культура, Лира. И мы должны об этом всегда помнить и относиться с научной точки зрения. Мы не можем слишком очеловечивать их культуру.

— Это — конец моих надежд.

— Я понимаю. Ты собираешься описать погребальные обряды тсла так же детально и полно, как и все остальное. Если будет так, это докажет твою объективность. В противном случае вся твоя работа среди тсла пойдет насмарку.

— Ты прав, конечно. — Лира взяла магнитофон и склонилась к Этьену. — У меня нет другого выбора, правда?

— Как у Лирь Редоул, есть. Но как у ксенолога, представ-

ляющего всех ксенологов Земли на этой планете, другого выбора у тебя нет.

Она кивнула, потом встала:

— Я поступила непрофессионально, убежав оттуда. Я чувствую себя уже лучше. Когда изучаешь что-то новое, не избегать одного-двух потрясений.

— Мне легче. От скал и камней редко бывают нервные потрясения.

Лира улыбнулась, не потому что он удачно сострил, а потому что он о ней заботился. Ей было это приятно.

— Мы всего лишь люди, Лира, земляне.

— Да, а тсла — нет. На какой-то момент я забыла об этом. Я не буду больше забывать.

— Но не бросайся и в другую крайность. Что бы ты ни думала об их обычаях, они все равно хорошие ребята и наши друзья. Тилл останется тем, кем он всегда был, — умным и заботливым другом.

— С его точки зрения, да, Этьен, ты был прав, а я — нет.

Он отвернулся, тронутый ее признанием, как и каждый раз, когда одерживал победу в их маленькой семейной войне.

Лира двинулась к двери, бормоча:

— Кроме того, можно выдвинуть аргумент, что церемониальная нескрофилия не больше варварство, чем полдюжины других погребальных ритуалов, наблюдавшихся среди древних погребальных культур. Среди канули, например. — Она замолчала и пошла выполнять свой научный долг.

Этьену было жаль жену, и в то же время он был рад, что не позволил ей нарушить дисциплину. Он решил что-нибудь сказать Тиллу, что если они с Лирой случайно погибнут, то хоронить их следует по земным, а не по иным обычаям.

Однако только через несколько дней Лира смогла заставить себя разговаривать с Тиллом и другими тсла. Они чувствовали ее отношение и держались от нее подальше, что было не так просто на ограниченном пространстве корабля. Тсла осваивали искусство рыбной ловли. То, чем они не могли заниматься на несухопутном Оранже.

Теперь экспедиция находилась в пяти тысячах километров от станции. На такое большое расстояние в неизвестность исследователи еще не удалялись. Неизвестность, потому что

спутник, готовивший фотограмметрическую карту Тсламай-ны, плохо описал этот район, сосредоточившись на густонаселенных районах около экватора и океана Гроаламасан.

Температура упала до такой отметки, что Хомат был вынужден надеть длинные одежды, чтобы нормально чувствовать себя. Большую озабоченность вызывало быстрое сужение Баршаягада. Высоченные отвесные скалы сближались над водой. Это сближение, а также быстрое течение заставили Этьена сбавить скорость. Казалось, что здесь довольно мелко, однако он не заметил белой воды, кроме того, сканер отмечал, что речное дно находится глубоко под килем.

Сейчас Этьену было трудно сосредоточиваться на таких вещах, его гипнотизировали стены каньона. Семь тысяч метров высотой! Все, что осталось от неба, была узенькая полоска высоко над головой, закрытая постоянными облаками серая лента.

Река все время изгибалась, и скалы, казалось, отрезали последнюю возможность к отступлению. Их судно казалось крохотным. Оно отчаянно сражалось со все убыстрявшимся течением. Редоулы теперь не могли довериться автопилоту и все время сами вели корабль. Они понимали, что если снизят скорость, пока будут спать, река может взять над ними верх и разбить корпус их корабля о гранитную скалу так же легко, как яичную скорлупу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Через два дня их скорость опасно снизилась. Лира вошла в кабину, протирая глаза, посмотрела внимательно на мужа и сказала:

— Этьен, мы больше не выдержим. Мы оба измучены и даже не знаем, сколько нам еще придется плыть.

Он покашлял в кулак:

— Я думал, что этот ужасный поток вот-вот начнет расширяться. Все непонятно, бессмысленно. Когда такое течение, то совершенно ясно, что впереди большой каньон, то есть огромное, широкое водное пространство. Но этого нет.

— Ну и какое у тебя там течение? — Лира полуулыбалась, полужевала, направляясь к приборам и желая выпить чашку настоящего эфиопского кофе. К сожалению, ближайшая чашка реального горячего стимулятора находилась за много световых лет от них.

— Сама посмотри. — Этьен нажал кнопку, не отводя глаз от реки.

Лира, моргнув, посмотрела на экран.

— Это невозможно, — сказала она тихо.

— Да, невозможно. Но тем не менее нам приходится преодолевать именно такое течение.

— А что, если включить реактивную тягу?

— Не искушай меня. Очень мило с твоей стороны предложить подобное, но это так рискованно. Реактивные двигатели предназначены для преодоления водопадов и для применения в других экстренных ситуациях, а не для обычного плавания. Мы посадим батареи, а кто знает, что ждет нас дальше вверх по реке. У нас нет никаких шансов, — пробормотал он. — Но мы не можем закончить все здесь. Мы зашли слишком далеко.

Лира оперлась на консоль:

— Я знаю, как много эта экспедиция значит для тебя, Этьен. Но она все равно не стоит наших жизней.

Он посмотрел на нее:

— Ты полагаешь, у нас есть жизнь?

Новый голос перебил их:

— Я слышал. Есть еще один путь. Я долго думал об этом и не считал это возможным, пока не увидел, на что способна ваша лодка духов.

Этьен, не оборачиваясь, спросил:

— Какой путь, Тилл?

— Ты видел трещину, прорезавшую восточную стену, мимо которой мы проследовали вчера?

— Нет, я был слишком занят, управляя лодкой, чтобы обращать внимание на окружающие нас красоты.

— А я любовался Баршаягадом, длинным, но все равно стоящим того, чтобы им любоваться. Так вот, там есть проход через восточную стену. Однажды я был там. Я подумал, что нет смысла говорить об этом проходе и отвлекать тебя от рабо-

ты. Вы путешествовали на судне, а не пешком. Но сейчас я вижу, что должен сказать о другой возможности, или все кончится.

— Проход? Я не... Нет, подожди минутку, — пробормотала Лира. — Я видела, я думала, что это старое русло реки, стекавшей сверху.

— Это проход, Ученая Лира. Торговый путь.

— Куда же он ведет?

— Наверх. На верхнее плато. Не на Гунтали, ниже, хотя и выше, чем Турпут. Достаточно высоко, на пределе жизненной приспособленности тсла. Выше, чем Топапасирут. Дорога пешая и более опасная, чем та, по которой поднимаются в наш Турпут.

— Насколько она опасней?

— Достаточно, чтобы помешать путешествию. Но она поднимается за Топапасирут.

Этьен махнул рукой в сторону узкого, невероятно глубокого каньона:

— А я думал, это и есть Топапасирут.

Тилл сделал удивленно-отрицательный жест.

— Нет. Если ты хочешь увидеть это, то оно дальше. Нам придется вернуться, чтобы этого достичь. Если, конечно, ты считаешь, что твоя лодка духов не способна идти дальше.

— Надо возвращаться, Этьен, — сказала Лира. — С каждым часом мы расходует все больше сил для того, чтобы покрыть все меньшее расстояние. Можешь ли ты подсчитать, сколько нам еще проплыть, чтобы убедиться, что у нас нет больше сил?

— Скоро. Так ты говоришь, что есть путь вокруг Топапасирута, Тилл?

— Сверху, да. За ним — не знаю. Я не был там. Но я смотрел на Топапасирут. Если ты хочешь посмотреть на него, тебе нужно оставить судно.

— Оставить? Где?

— Вернись к трещине. Не думаю, что там есть бухта, но твоя лодка может подняться, как птица, из воды.

Этьен посмотрел на Лиру.

— Тебе принимать решение, Этьен. Ты же геолог.

— Однако не гидролог.

— Но продолжая плыть дальше и дальше, мы придем к гибели. Такая уж река.

Этьен взглянул на Тилла:

— Восточная стена, ты сказал?

Тсла кивнул. Этьен повернулся к приборам. Не желая рисковать и разворачивать судно при таком течении, он поднял его над водой и повернул, плавно опустив на воду. Быстрое течение подхватило корабль. Он тратил энергию только на повороты.

— Это — наш лучший шанс, Этьен. Мы должны посмотреть, что наверху.

— Я знаю, каньон должен расшириться где-то дальше. Мне не нравится этот путь к арктическим широтам. Слишком много эрозии. Где-то там над нами геологическая аномалия.

— И у нее есть название. Не может ли это быть другой большой водопад, вроде Купайрагай над Турпутотом?

— Нет, и в этом я уверен. Вода здесь не ведет себя так. Нет никаких признаков быстрого подъема. Фотограмметрические исследования были достаточно надежны. Вот что я не могу понять, так это усиливающееся течение. Но если Топасирут — самая узкая часть каньона, надо посмотреть, как река выглядит дальше. Быть может, мы сможем пройти это место на реактивной тяге.

В середине дня они вернулись к тому месту, которое указал Тилл. Этьен с помощью воздушных крыльев снова поднял судно над водой и посадил его на берег подальше от воды.

Трещина, о которой говорил Тилл, оказалась проломом в Баршаягадской стене, по которому дорога уходила далеко вверх.

— Теперь мы будем подниматься, — сказал Тилл.

— И долго?

— Несколько дней, по крайней мере.

— Хомату это не понравится, — пробормотал Этьен, посматрив вверх.

— А почему бы нам не оставить его следить за кораблем? — предложила Лира.

— Разумно. Мы оставим с ним одного из носильщиков. Не думаю, что Хомат будет сожалеть об упущенном шансе посмотреть на место рождения всех речных дьяволов.

— Я пойду с вами, а всех остальных оставлю здесь, поскольку не разделяю вашего доверия к маю, — сказал Тилл.

— Помощь Хомата неоценима, — ответил Этьен. — Без него нас бы вообще здесь не было.

— Я не доверяю его расе.

— На этот раз я думаю, что ты не прав, Тилл, — сказала Лира.

Этьен впервые услышал, как его жена оспаривает мнение тсла. Тилл ответил жестом безразличия.

— Тогда я прикажу, чтобы Сувд остался с ним. Его рана почти зажила, и он последит за твоим имуществом... а заодно и за другим сторожем.

Они поднимались наверх, и по мере их подъема температура падала. Редоулы вынуждены были надеть одежду потеплее. Тилл и носильщики нацепили тоги с капюшонами. Поскольку встреч с деревенскими жителями, у которых можно было бы что-то купить, не было, весь запас продовольствия они несли на себе. На высоте пяти тысяч метров Лире стало трудновато дышать. При сгущенной атмосфере Тсламайны пять тысяч метров соответствовали трем с половиной тысячам метров на Терре или около того.

Когда путешественники поднялись достаточно высоко, облака вдруг разредились. Над ними выросла гора, которая возвышалась над краем Гунтали. Они отдыхали, а Этьен разглядывал гору.

— Одиннадцать тысяч метров. В основном обледенелая, — заметил он.

— Аракунга, — сказал Тилл.

Этьен заметил, что теперь все тсла надели теплую одежду. Они находились на высоте на две тысячи метров выше, чем Турпут, верхний предел для экологической зоны тсла. Они могли подниматься выше, но им было уже не так удобно.

После нескольких дней подъема на восток они повернули на север. Этьен ожидал, что Тилл будет продолжать двигаться в этом направлении, но он ошибся. На второй день они пошли на запад. Вечером Редоулы слышали гром. Они ожидали увидеть еще один водопад, который бы извергся в реку с пяти

тысяч метров. Но Тилл вел их не к водопаду. Это был Топапасирут.

Наверное, это отец всех водопадов, думал Этьен, все еще не веря Тиллу, который отрицал это. На четвертый день грохот стал таким невыносимым, что им приходилось объясняться только знаками. Редоулы, правда, могли переговариваться через свои компьютеры на запястьях, но тсла объяснялись исключительно жестами. Вокруг стало очень сыро. Камни блестели от влаги. Стоял туман, небо же оставалось чистым.

Напрасно Этьен искал каких-либо следов ожидаемого им каскада. Когда наконец они достигли края, все стало ясно.

Шел дождь снизу вверх! Зажатый в узкой горловине Баршаягада, Скар вдруг делал резкий, неожиданный поворот с юга на запад. В результате быстро текущая река выстреливала в северный утес, который лежал у основания горы Аракунга на пять тысяч метров под их ногами. В результате брызги поднимались вверх на огромную высоту.

Тилл начал объяснять что-то жестами, но никак невозможно было описать этот удивительный вид внизу.

Этьен понял, что это и есть — Топапасирут, место рождения всех речных дьяволов. Тилл был более чем прав, когда настаивал, что ни одной лодке невозможно пройти через это место. Их судно тоже не смогло бы подняться на такую высоту.

На противоположной стороне каньона возвышалась колоссальная глыба, перед которой даже Аракунга казалась карликом.

— Промпадж! — прокричал Тилл в ухо Этьену.

— Четырнадцать тысяч двести метров, — проинформировал Этьен Лиру с помощью компьютера. — Невообразимая машина. Я думаю, два пика когда-то были ближе, чем сейчас. Смотри, как река изгибается к западу, прежде чем повернуть снова к югу! Тсламайна сейчас сейсмически стабильна. Но несколько эонов назад здесь, вероятно, был целый ад землетрясений. Видишь? — Он указал на отдельный слой в каньоне. — Эта секция сползла на восток. К югу отсюда земля двинулась на запад. В результате Скар сдвинулся с севера на восток на несколько километров. Как я рад, что не был тогда тут.

— А я не рада, что здесь сейчас, — ответила Лира. — Пойдем отсюда, здесь холодно и сыро.

Они сделали снимки, провели некоторые измерения, потом повернули обратно, оставляя за собой облака, склоны, Топапасирут, гром, дождь и гигантский массив, называемый Промпадж.

Ночью они сделали привал в маленькой пещере, чтобы обсушиться у большого костра. Этьен с интересом смотрел, как носильщики расчесывали друг другу мех. Редоулы мало разговаривали. Какой смысл говорить о том, что и так очевидно. Их экспедиция подошла к концу. Перед ними встала непреодолимая преграда.

Носильщики закончили расчесывать мех, оделись и снова собрались у костра погреться. Пока его товарищи ели, Тилл обратился к Этьену:

— Что будешь делать, Ученый Этьен? Может ли лодка духов преодолеть эту преграду, именуемую Топапасирут?

— Нет, — ответил грустно Этьен. — У нас есть другие машины, которые могут летать по воздуху и посрамить любую птицу. Но не здесь. Мы избрали путешествие по воде. Наш корабль — все, что у нас есть. Ты был прав, Тилл, я прошу прощения за то, что сомневался.

— Просто ты не видел Топапасирут, Этьен. Никто не верит, пока не увидит.

— Ну что ж поделаешь... — Лира была не так разочарована, как муж, хотя старалась по возможности выразить ему свое сочувствие. Если они не смогут продолжить путешествие, им придется вернуться обратно. А у нее еще так много работы среди тсла. — Ты был остановлен геологическим феноменом, Этьен. Разве можно придумать более удачное завершение для отчета? Подумай о том, какую реакцию среди коллег встретит твое описание этого места. Может быть, когда-нибудь мы еще вернемся сюда на аэрокаре.

Этьен смотрел себе под ноги. Теперь он с решимостью поднял глаза.

— Они будут потрясены, но это не будет окончанием моего отчета.

— Этьен, — мягко сказала Лира, — мы не сможем преодолеть это. Все уже поняли.

— А меня и это не остановит.

Она вздохнула, откинувшись на спальный мешок:

— Может быть, ты согласишься со мной утром.

— Может быть.

Но Этьен не согласился, он не желал быть побежденным этой рекой Скар.

К Лире подошел Тилл:

— Что с Этьеном?

— Он чувствует себя несчастным, так как понимает, что не может идти дальше. А это означает, что его работа не будет завершена.

— Но это же не его вина. По реке через Топапасирут нельзя пройти... Просто невозможно. Это не то же самое, что быть побитым кем-то.

— Он понимает это, Тилл. Но он настойчив, упрям. Таков уж он, этот Этьен. И всегда был таким.

— Вижу. Ученый Тсла принимает все, что неизбежно, потому что постоянное беспокойство вредит уму.

— Правильно. Но иногда это может привести к решениям, когда для человека нет ничего невозможного. Я видела это в нем раньше. В нашем мире Этьен и я пользуемся большим уважением. Мы добивались успехов там, где другие терпели поражение. Поэтому эту экспедицию позволили осуществить именно нам, в то время когда другие кандидатуры были отвергнуты. Иногда, Тилл, слепое упрямство помогает лучше достичь цели, если другие средства не помогают.

— А я все же не могу понять, зачем ради этого жертвовать спокойствием. Я восхищаюсь вашим отношением, но не могу одобрить его.

На реке их ожидала радостная встреча с оставшимися на судне. Хомат не мог скрыть своего облегчения от того, что все вернулись в целости и сохранности, особенно его покровители-инопланетяне.

— Все эти дни, — шептал он Лире, — я был вынужден находиться с этим тсла, который все время что-то бубнил и напевал сам себе. Этого достаточно, чтобы любого здорового человека сделать психом. Так вы нашли дорогу через этот Топапасирут?

— Нет, не нашли. — К ее удивлению, Хомат расстроился.

— А я думала, ты будешь доволен. Ведь это означает, что

нам придется вернуться вниз по реке на теплые земли Сканды. Ты не скучаешь по ним?

— Очень скучаю, но ваши цели — мои цели, поэтому я расстроен за вас.

— Очень приятно это слышать, Хомат.

Ли́ра не ожидала такой глубины чувств от мая. Он действительно расстроен, что их путешествие подошло к концу.

Этьен углубился в беседу с Тиллом и выглядел довольно оживленным, каким не был уже несколько дней. Ли́ра подошла к ним.

— О чем беседуете?

— Скажи ей, — предложил Этьен Тиллу. Его лицо горело энтузиазмом.

— На восточном склоне горы Аракунга, — объяснил Тилл, — расположен торговый город тсла под названием Джакайе. Я не был там сам, но о нем известно в Турпуте. И говорят, что за Джакайе и грядой гор река снова становится судоходной. Если вы можете доставить свое судно к этому месту, то вам удастся безопасно продолжить свое путешествие, если все действительно правда.

— А может быть, и нет, — пробормотал Этьен. Он был озабочен. — А что, если мы сможем пройти?

Некоторое время Ли́ра на него просто смотрела. Потом она перевела взгляд на нижнюю часть торговой тропы. — Конечно, смогли бы! Мы возьмем судно на плечи, поднимем на пять тысяч метров... Ты, верно, рехнулся?

Однако ее скептицизм не испортил ему настроения.

— Нет, я уже все продумал. Видишь ли, наш корабль сделан из сверхлегких материалов. Кроме того, мы сможем его поднимать и на реактивной тяге.

— С какой мощью?! — воскликнула она. — Мы же сожжем все запасы.

— Нет, ты не дослушала. Мы используем реактивную тягу там, где это будет крайне необходимо. А остальное время будем пользоваться мускульной силой. Носильщики, Ли́ра. Поставим лодку на платформу и поднимем вверх.

Она быстро прикинула:

— Я согласна, наше судно легкое. Но это не та легкость.

Тебе нужно взять тысячу маев или тсла, чтобы поднять его на тысячу метров.

Этьен посмотрел на Тилла:

— Скажи ей.

— Есть такие животные, — объяснил Тилл, — которыми пользуются на реке маи. Они называются врокупии. Маи используют их для того, чтобы тащить торговые суда против течения. Эти животные очень сильные. — Он посмотрел на Хомата. — Правильно я говорю, май?

Проводник задумался, потом ответил:

— Мы проплыли мимо многих торговых деревень и городов. В каждом есть несколько врокупий. Этих животных действительно используют тут, и они необычайно сильные, потому что течение здесь очень мощное.

— Ты думаешь, нам удастся найти их в достаточном количестве? — спросил Этьен.

— Не знаю. — Хомат задумчиво смотрел на торговую тропу.

Надежды Лирь на возвращение в Турпут улетучились.

— Допустим, мы найдем достаточное количество животных, чтобы выполнить эту работу, — спросила она. — Согласятся ли владельцы расстаться с ними?

— Если мы предложим достаточную сумму денег, то конечно, — сказал Хомат, глядя на нее так, как если бы они обсуждали фундаментальный закон природы.

— А чем мы заплатим?

— Нашими товарами, — сказал Этьен, — у нас немного осталось.

— Если мы лишимся наших запасов, то у нас ничего не останется, чтобы дать туземцам, когда мы преодолеем это место.

— А если мы не преодолеем этого места, вопрос становится вообще бессмысленным.

Лире нечего было возразить. Этьен повернулся к Хомату.

— Могли бы эти врокупии поднять нас на высоту Джакайе? Хомат выглядел обеспокоенным.

— Мы отправимся выше, чем привыкли эти тсла, которые с нами?

Этьен кивнул.

— Не уверен, но племена, живущие вверх по реке, очень гордые. Они увидят в предложении вызов, который захотят принять.

— Они не замерзнут, это не так высоко, — сказал Этьен. Тилл подтвердил:

— Многие охотники маи поднимаются выше Турпута, и кровь продолжает спокойно течь в их жилах.

— Сколько врукупий нам понадобится? — стал размышлять Хомат. — По меньшей мере тридцать. Сорок было бы лучше. Пятьдесят — самое лучшее. А шестьдесят — просто великолепно. Но не думаю, что мы сможем найти такое большое количество желающих, даже если мы предложим им все сокровища мира.

— Мы должны постараться, — настаивал Этьен.

— Тогда я обращаюсь к брулам — так называют владельцев врукупий. — Лысый череп Хомата блестел на свету. Он улыбнулся. — Это ведь моя работа, не так ли?

Этьен кивнул:

— Тогда начнем. Лира, ты действительно уверена, что согласишься с этим моим предложением?

Она пожала плечами:

— Если ты решил, вряд ли я могу остановить тебя, Этьен. Хотя я считаю ошибкой жертвовать остатком наших товаров ради плана, у которого слишком много шансов провалиться. Но я не спорю, поскольку это твой последний шанс. Наш последний шанс, — поправила она с легкой улыбкой.

— Я обещаю, что, если мой план провалится, мы вернемся обратно в Турпут. Я ведь знаю, ты этого хочешь.

Лира хотела сказать: «Я хочу того, что хочешь ты, Этьен», но не решилась. Слишком крепкие узы связывали их. Они и спорили, они и соглашались. Она согласилась и сейчас. Должна была согласиться, думая, как бы помочь мужу.

— Тилл, как ты думаешь, тридцать врукупий справятся?

— Я видел, как они тащили тяжелые баржи вверх по реке, — ответил тсла задумчиво. — Они очень сильные. Но я понимаю, что требуется гораздо больше силы, чтобы достичь вашей цели. Понадобится еще и сотрудничество между маями, которые будут заниматься этим делом. Врукупии смогут, я ду-

маю, доставить твою лодку духов наверх к Джакайе. Но только если эти брулы не перессорятся между собой.

— Они будут работать дружно! — сердито объявил Хомат. — Я сам за этим прослежу.

— А почему ты думаешь, что они будут тебя слушаться? — откликнулся Тилл. — Ты приехал из далекого города-государства, лежащего на границе Гроаламасана. Речной народ не доверяет тем, кто пришел с земель, лежащих у океана.

— А я не из города-государства, — гордо произнес Хомат. — Я ниоткуда. Я принадлежу... — Он, поколебавшись, посмотрел в сторону Этьена и Лиры. — Я принадлежу к этому народу.

Этьену вдруг стало очень приятно.

— Только не причисляй меня к вашему духовному братству, — сказала сардонически Лира. — Я ввязалась в это сумасшедшее мероприятие, но не верю в него. Если Хомат считает себя заодно с Этьеном, это его дело. Идиотизм не знает границ. — Все заулыбались.

— У нас все получится, Лира, — обнял ее за плечи Этьен. — Вот увидишь, получится. Мы доставим судно в Джакайе в обход Топапасирута и пойдем вниз, к реке, по другой стороне. Затем снова отправимся в путь.

— Конечно, — сказала она мягко и глубоко вздохнула. — Я хотела бы, чтобы это все скорее началось. Скорее начнется, скорее кончится.

— Все правильно, — улыбнулся Этьен. — Но не так, как ты думаешь.

Вниз по реке был брошен клич, что требуются самые храбрые брулы и самые сильные животные. Тем временем плотники в Таранау, городке, где Баршаягад начинает сужаться, сколотили под руководством Этьена и Лиры платформу, чтобы нести корабль. Легкая, прочная, на колесах, платформа была приспособлена к тому, чтобы судно могло уверенно подняться на ней с помощью реактивной тяги.

Брулы оказались куда дружнее, чем май-горожане. Они жили по собственным законам. На их лицах была написана гордость. Лира знала от Хомата, что большинство брулов селились вне деревень небольшими группами, семьями. Они посвящали жизнь уходу за врокупиями и работе с ними.

Дело повернулось так, что Редоулам не пришлось разбазаривать свои запасы. Узнав о предприятии, брулы пришли из отдаленных селений не для того, чтобы получить плату, а чтобы доказать, что их врокупии самые сильные.

Экспедиции повезло: его обеспечивало сорок врокупий вместе со своими владельцами. После нескольких бесед с брулами врокупии были запряжены в повозку с судном в десять рядов по четыре животных в каждом. Они двигались на толстых коротких ногах, и их животы касались земли. Врокупии были мускулистыми животными с короткими квадратными головами на толстых шеях. Линии роговых пластинок располагались вдоль верхней губы, поворачиваясь вокруг глаз, загнувшись вниз для защиты горла.

Вид у этих животных был просто потрясающим. За исключением нескольких желтых, все врокупии были покрыты коротким блестящим розовым мехом. Брулы сидели в мягких седлах верхом на них, разговаривая и перешучиваясь между собой, готовые пуститься в путь.

Экспедиция готовилась в путь под мощный рев Скара. Сначала между брулами возник спор по поводу того, чей врокупий сильнее и где его поставить. В конце концов все уладилось, и путешественники двинулись в путь.

Врокупии тянули молча, даже там, где дорога стала круче и сложнее. Они привыкли тянуть корабли против сильного течения, поэтому работа казалась им несложной. Этьен знал, что настоящее испытание ждет их впереди, когда придется преодолевать последнюю тысячу метров, где воздух будет холодным и разреженным.

Дни проходили, скорость их замедлилась. Даже погонщики-брулы стали меньше шутить. Этьен и Хомат проводили среди маев каждый вечер, прислушиваясь к разговорам, опасаясь появления малодушия и разочарования. Напряжение достигло предела, когда они наконец прошли четырехтысячметровую отметку, четыре пятых пути к вершине. Земляне, тсла и маи также устали, как и терпеливые врокупии. С этого времени шутки совсем прекратились, а холод начал беспокоить даже брулов. Хотя их животные оказались довольно терпеливыми, одно из них все же погибло. Дрожа от холода, оно упало и было растоптано тяжелыми ногами других вро-

купий, которые двигались не останавливаясь. Брулы, которые любили своих животных и раньше клялись вернуть их домой в хорошем состоянии, теперь были разочарованы. Больше всего их пугал холод. Когда температура упала до шестидесяти градусов, брулы укутались в тяжелые одежды — это все, что они могли сделать, сидя в седлах. Холодный ветер непрерывно дул со стороны Аракунга. Под конец кутаться стали даже Этьен и Лира.

— Ты думаешь, нам удастся это? — спросила Лира мужа, закончив очередной подсчет оставшихся брулов.

— Похоже, да, если мы не потеряем еще тягловых животных. Ты начинаешь верить в меня, когда я начинаю сомневаться. — Этьен подул на руки. — Если температура будет падать и дальше, нам придется достать специальные костюмы.

Тсла тоже чувствовали себя неважно. Холод был больший, чем им приходилось выносить, когда они восходили к Топасируту. Как объяснил Тилл, Джакайе расположен в верхних пределах обитания тсла. Выше этого уровня даже самые морозостойкие культуры, выращиваемые тсла, погибают. И жить можно только за счет фуража и охоты. Четыре тысячи пятьсот метров, четыре тысячи шестьсот... И чем больше напрягались нервы у Этьена, тем больше укреплялся дух Леры.

— Мы дойдем, Этьен. Ты всегда оказываешься прав. Мы добьемся своего.

— Я поверю в это, когда мы поставим свой корабль на центральной площади в Джакайе. Хотел бы я знать, почему все-таки ты проникаешься все большим энтузиазмом, когда мы приближаемся к кризисной точке, а я все больше и больше волнуюсь?

— Просто мы всегда дополняем друг друга. Вспомни: когда у меня упадок настроения, у тебя подъем. И наоборот.

— А я думал, тебе хочется только одного: вернуться на Турпут.

— Никогда не думала, что мы заберемся так далеко. А сейчас мы уже здесь, и мне очень хочется увидеть, как тсла в Джакайе приспособились к этой тяжелой жизни. У них должна быть другая архитектура, иные методы ведения сельского хозяйства, приготовления пищи.

— Должно быть, у них очень сплоченное общество.

— Пожалуй. Но почему ты так думаешь? Обычно тебя не интересовало мое поле деятельности.

— Им необходимо быть сплоченными. Это единственный путь сохранить тепло.

— Ты каждый раз вспоминаешь о холоде, посмотрев на бедных маев. — Она указала вперед на врокупий и брулов, поскольку они с Этьеном шли рядом с движущейся платформой. — Насколько должна упасть температура, чтобы они ее уже не могли терпеть?

— До замерзания, я полагаю. Но глядя на них, трудно понять. Половина уже так замерзла, что не могут даже дрожать.

Ни один из брулов, однако, не жаловался. Они продолжали работу. Никто не хотел сдаваться. Что же касается врокупий, то у них не было голоса, чтобы жаловаться. Но они приспособились к холоду лучше, чем их хозяева. Они шли медленней, размеренней, но ни одно животное не упало. Без сомнения, короткий цветной мех довольно неплохо защищал их от перемены климата. Кроме того, в некоторых местах им давали отдохнуть, и кто-то из людей поднимал лодку до следующего уровня на реактивной тяге. Брулы смотрели на это с облегчением.

Четыре тысячи восемьсот метров, четыре тысячи девятьсот...

— Завтра утром мы достигнем вершины каньона, — сказал Этьен, устраиваясь возле портативного обогревателя, который они подзаряжали каждую пару дней от судовых батарей. Он тосковал по комфортабельному, теплему кабинету. По настоянию Хомата им приходилось спать снаружи. Иначе, предупредил он, они рискуют потерять уважение брулов.

Этьен поставил самонагревающуюся чашку чая и скользнул под термочувствительное одеяло. Постель была теплой, но земля под матрасом очень твердой. Температура была пятьдесят три... Завтра, подумал он. После этого два дня спокойного путешествия к Джакайе. Там они найдут друзей, кров и костры, достаточно большие, чтобы обогреть даже брулов.

Лира сидела перед обогревателем и смотрела на мужа.

— Ты не знаешь, когда нужно сказать «нет», правда, Этьен? Плохая привычка, мы могли бы из-за этого

погибнуть. — Она улыбнулась. — Ты тащил меня весь этот путь, когда я мечтала только о том, чтобы все это кончилось и мы вернулись домой.

— Домой? — Он поднял брови.

— Да, домой, в Турпут. Я привыкла думать о нем, как о своем доме.

— Несмотря на неприятные похоронные ритуалы местных жителей?

— Я мало сталкивалась со смертью. Я сама боялась смерти каждую ночь на корабле.

— Забавно.

Лира продолжала улыбаться. К ним подсел Тилл, обучающий своего товарища-тсла вечернему гимну. Этьен заметил, что Лира слушает их и не тянется за магнитофоном. Свет от костра, который разожгли носильщики, освещал ее профиль и как бы уничтожал следы, оставленные годами.

Столько лет вместе. Лира была очень красивой, когда они познакомились много лет назад. Сейчас она огрубела от исследовательской работы — так много часов приходится проводить вдали от комфорта и цивилизации... Но все еще красива. Ни яд ее души, ни кислота голоса не изменили его отношения к ней.

Лира почувствовала взгляд мужа и повернулась к нему:

— Я должна извиниться за то, что хотела повернуть назад.

— А как насчет поцелуя вместо этого? Меня давно не целовали. А без извинений я мог бы и прожить.

Она смотрела на него какое-то время, потом подошла, обойдя нагреватель, наклонилась, и ее губы коснулись его губ. Несмотря на холод, они были теплые.

Лира отшатнулась назад быстрее, чем ему хотелось. Такой короткий поцелуй, подумал он. Но это уже кое-что. Много времени прошло с тех пор, как он последний раз имел даже это. Этьен повернулся под одеялом, чувствуя себя гораздо теплее... не от обогревателя, а от ожидания следующего утра.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Его разбудили стоны, панические вопли, хриплые крики в рокурий. Последних он не слышал с самого начала их долгого восхождения от реки Скар. Жестикулировавшие силуэты металась перед его сонными глазами, словно призраки. Лишь обогреватель спокойно мерцал в темноте.

Этьен сел, пытаясь сообразить, что произошло. Вдруг он почувствовал, что отрывается от земли. Что-то стальным захватом сжало его за плечи и за шею сзади. Он повернул голову, чтобы посмотреть, что за мерзость напала на него на высоте в пять тысяч метров. Четыре длинных крыла были в воздухе, поднимая толстое плоское тело. Теплое вонючее дыхание пахнуло в лицо Этьену. Недалеко от глаз, слишком близко он увидел пасть, полную острых крючков. Пара ярких, размером с блюдо голубых глаз смотрела на него. Зрачки были огромными и желтыми.

Вонь от падали неожиданно сменилась запахом озона. Чувовищная тварь вздрогнула. Лира выстрелила снова, и Этьен почувствовал, что падает. Он тяжело грохнулся, но не на камень, а на свое одеяло и матрас. Для твари же двух дыр в крыле было достаточно. Она поднялась в небо, издав дьявольский крик.

Этьен повернулся и потерял правый локоть, на который пришелся удар. Было больно. Теперь он наконец проснулся. Лира встала рядом на колени. Ее глаза были устремлены в ночное небо.

— Вот, — сказала она, подавая ему пистолет. — Другие твари все еще здесь. — Она указала рукой вверх.

Защищая друг друга со спины, они прошли сквозь суматоху и стоны. Этьен держал асинапт в левой руке. Ближайшая опасность исходила не от ночных хищников, а от перевозбужденных в рокурий. Этьен стрелял и стрелял. Его пальцы онемели, сжимая пистолет. Наконец ночное небо очистилось, и пистолет выпал из его рук. Звезды вернулись, хотя на севере воздух был наполнен быстро удалявшимися черными тенями.

Редоулы вернулись на свое место в лагере и сели. Папика перешла в ругательства и восклицания возбужденных маев. К

людям подошел Хомат, почти невидимый в своей теплой одежде.

— Что это было? — спросила его Лира.

Этьен массировал локоть, продолжая смотреть на север, куда на своих десятиметровых крыльях улетела последняя тварь.

— Монстры. — Обычно спокойный Хомат на этот раз весь дрожал. — Они редко опускаются к реке, чаще летают тут, где земля больше подходит для монстров и для тсла.

Если Тилл и слышал последние слова, то предпочел не комментировать их.

— Стрепанонги, — сказал он, подходя и указывая на небо. — Стервятники и хищники. Они унесли двух брулов. Они редко беспокоят нас в полях. И никогда в городах. Никогда еще я не видел их в таком количестве в одном месте в одно и то же время. Наверное, их раздражило присутствие мяса.

— Плохой знак, плохой знак, — пробормотал Хомат. — Может быть, нам стоит вернуться, де-Этьен?

Словно маленькая невидимая иголка уколола локоть Этьена, и он поморщился.

— Мы зашли слишком далеко, Хомат, — теперь я не поверну.

— Брулы могут выразить свое недовольство, они с трудом успокоили своих животных, — предупредил Хомат. — Эти маи не для того шли так далеко, чтобы воевать с чудовищами.

— Тилл, ты сказал, что эти твари никогда не собирались в таком количестве в одном месте раньше. Поэтому вряд ли это повторится до того, как мы доберемся до Джакайе, верно, Тилл?

— Я ничего не могу гарантировать, Этьен, хотя это было бы более чем невероятно, — грустно произнес Тилл. — Один стрепанонг — уже много, — возразил Хомат.

— Мы же прогнали их, — напомнила Лира, жестикулируя пистолетом. — Мы ранили нескольких из них, может быть смертельно, и напугали остальных. Не думаю, что после этого они нападут снова. Скажи это брулам. И с этого момента мы с Этьеном будем дежурить по ночам, чтобы больше не было сюрпризов. Обещаю — если на них еще раз нападет стрепанонг, мы повернем обратно.

— А кто утешит семьи тех, кого унесли эти монстры? — Хомат вздрогнул при этой мысли.

— Их семьи получают компенсацию, — пообещала Лира. — Скажи брулам, что, если сейчас они повернут назад из-за стаи стервятников, они поступят не лучше детей, которые плачут по своим матерям. Нам осталась пара дней, может быть, даже и меньше, до нашей цели, где нас ждут приют и безопасность для всех.

Тилл подтвердил, что в этом можно быть уверенными. Тсла никому не отказывают в гостеприимстве.

— Можешь также сказать им, — продолжала Лира, — что, если они настаивают на возвращении, мы вынуждены будем обратиться к тсла с просьбой помочь нам преодолеть остаток пути.

Хомат улыбнулся: воистину де-Лира хорошо изучила психологию маев.

— Все твои заверения не удовлетворят их, но то, что может быть подорвана их репутация... Да, я скажу им это. И не думаю, что у нас будут какие-либо проблемы. — Он повернулся и направился к стаду врокупий.

Лира дотронулась до правой руки мужа:

— Что с твоим локтем?

Этьен через силу улыбнулся:

— Я думал, что это нога, и прыгнул на него. По-моему, сломал. По крайней мере, так мне кажется. Неужели ты не могла подстрелить эту проклятую гадость до того, как она оторвала меня от земли?

— Извини, — сухо произнесла Лира. — Скажи спасибо за то, что мы расположились в этом месте, а то было бы еще хуже. В следующий раз я постараюсь среагировать быстрее.

Этьен вдруг погрузился и посмотрел на небо:

— Надеюсь, следующего раза не будет. Как бы это ни оскорбляло их профессиональную гордость, я не думаю, что брулы останутся с нами в случае нового нападения. Ты не разглядела наших ночных визитеров? К какому классу их можно отнести?

— Это не птицы. И не млекопитающие. Они выглядели, как помесь кондора с сороконожкой.

— Отличная классификация. Надеюсь, нам не пред-

ставится еще одна возможность для более подробного их изучения. — Этьен скривил лицо, когда попытался выпрямить руку. — Я увидел достаточно, чтобы понять, что эта тварь проводит большую часть времени, если не все время, в воздухе.

— Я никогда не видела квадратных крыльев, — заметила Лира. — Разве что у насекомых. А стрепанонг явно не насекомое. У него есть крылья, и довольно много.

— Я знаю, я вынужден был нюхать их. — Он взглянул в сторону тсла. Тилл смотрел на них, огонь отражался в его больших грустных глазах. — Ты уверен, что не более чем через день-два мы дойдем до города? — спросил Этьен.

Тилл дернул хоботовидным носом:

— Уверен. Солнце пройдет один-два раза по небу, и мы увидим Джакайе. Я с нетерпением сам жду этого. Мне интересно увидеть, как мои собратья приспособились к этим суровым условиям. Жить там потруднее, чем в Турпуте.

— Но не настолько тяжело, чтобы они не могли помочь нам?

— Ученый Этьен, чем тяжелее условия, в которых живет тсла, тем благороднее он в своем гостеприимстве.

Лира кивнула в знак согласия. Этьен знал, что она так поступит.

Наутро со стороны брулов, которые садились на своих врокупий, ворчания и жалоб доносилось гораздо больше, чем обычно. Но это и ожидалось. Этьену показалось, что он уловил несколько взглядов ненависти, направленных в их сторону. Но Хомат уверил его, что не имеет никакого значения, любят или не любят его погонщики, лишь бы уважали.

У многих врокупий появились шрамы после попыток ужасных стрепанонгов унести их. Но погода улучшилась, и ворчание утихло. Когда они дошли до конца тропы, стало почти тепло.

На верху каньона они остановились, чтобы отметить это праздником и тем самым поднять дух погонщиков. Ночь все спали спокойно, так как знали, что один из Редоулов охраняет их с асинаптическим пистолетом. На следующий день все разноголасия сами собой угасли. Дорога теперь шла по ровной местности, и брулы с интересом осматривали земли, где никогда

раньше не бывали. Они явно наслаждались путешествием. Экспедиции надо было идти еще два дня. Врокупии тащили свой груз с легкостью. Красота нижнего плато очаровала путешественников, которые, живя в ущелье возле Скара, не видели раньше таких просторов.

Лира заинтересовалась растениями, которые Тилл назвал ароит. Это был кустарник, защищавший свой высокий съедобный ствол непробиваемой броней сантиметровых игл. Кроме того, вокруг росла трава до колена. Большая же часть их пути проходила по твердым каменистым поверхностям. Почва была редкостью на такой высоте.

Экспедиция приблизилась к седловине между горой Аракунга и высоким холмом, когда двое брулов, ехавших впереди, поскакали на разведку. Обратно они мчались галопом, что было само по себе необычно. Редоулы впервые видели, чтобы врокупии двигались так быстро.

Хомат поспешил навстречу брулам. Были слышны громкие крики, которыми они переговаривались со своими товарищами.

— Может быть, они увидели Джакайе? — с надеждой предположила Лира.

Хомат вернулся, встревоженный.

— Эти брулы выпрягают своих животных!

— Что? — Этьен видел, что погонщики очень спешат. — Какого дьявола, что случилось?

— Вот именно, много дьяволов. Демоны. — Глаза Хомата были широко открыты.

— Опять стрепанонги? Или другие животные?

— Не животные, не животные, — настаивал Хомат. — Демоны!

Этьен отметил, что май был куда менее напуган, когда они подверглись ночному нападению стервятников.

— Они не могут распрячься и убежать. Мы же уже почти пришли! — Пока он говорил, несколько врокупий уже двинулись от упряжки. — Ты должен остановить их, Хомат.

— Они не остановятся, де-Этьен. Что такое стрепанонги, они могут понять. Но никто не может воевать с демонами.

В отчаянии Этьен повернулся к Тиллу:

— Что происходит, что могло их так напугать?

— Я не уверен, — пробормотал тсла. — Но боюсь, если это то, что я знаю...

— Демоны находятся в Джакайе, — продолжал Хомат. Он махнул рукой в сторону седловины впереди. — Джакайе расположен там, за хребтом, но там уже демоны. Брулы больше не пойдут, де-Этьен. Они сказали, что поспешат домой на такой скорости, на какую только способны их животные. Они говорят, что, когда заключали договор, там ничего не произошло о демонах.

— О каких демонах? — спросила Лира, стараясь понять, чего так боятся май.

— Ледовых демонах!

— Ах, это как раз то, чего я боялся. — Тилл повернулся и начал быстро говорить что-то своим товарищам.

— И тсла тоже, — сердито фыркнул Этьен.

Первый убегавший на своем врокупии брул проследовал мимо судна, двигаясь в сторону Баршаягада. Этьен шагнул к следующему.

— Остановись! — закричал он.

Брул проигнорировал его слова. Он подошел к следующему:

— Ты не можешь бросить нас так. У нас договор, соглашение. — Этьен старался вспомнить слова, которые говорила Лира, чтобы удержать погонщиков в ночь нападения на них стрепанонгов. — Где ваша профессиональная честь?

— В бегстве от дьявола нет ничего позорного, — с достоинством ответил брул. Он оглянулся назад через плечо, чтобы убедиться, не преследуют ли его демоны.

То же самое мог бы сказать любой из погонщиков. Через тридцать минут исчез из виду последний врокупий. Этьен и Лира с тоской смотрели на свое судно, брошенное на каменной равнине.

— Ледовые демоны... — проворчал Этьен. — Разве они не видели, как легко мы прогнали стрепанонгов.

— Это не стрепанонги, — заметил Тилл. — Чтобы понять, ты должен их увидеть. Это как Топапасирут, который нужно было увидеть, чтобы понять. Я от души сочувствую тебе, Ученый. Что же касается нас, то мы должны спешить на помощь нашим собратьям в Джакайе.

— Эй, а нам что делать? Сидеть и ждать следующего потока?

— Этьен, — сказала Лира мягко. — Ты перестал мыслить. Так всегда бывает, когда ты теряешь выдержку. .

— Так проясни мне ситуацию.

— Этот город рядом, за хребтом. — Она многозначительно посмотрела на корабль.

Этьен сразу все понял. — Совсем рядом, впереди. В батареях достаточно энергии, и нам не надо высоко подниматься. — Лира повернулась к тсла: — Эти ледовые демоны случайно не на?

— А какие еще бывают ледовые демоны?

— Я думал, что ты знаешь, — сказал Этьен. Тилл указал хоботом в сторону лодки:

— Ты используешь лодку духов, чтобы помочь нам?

— Помочь? Да! И нам тоже, поскольку нам надо как-то попасть в Джакайе. Ты знаешь, что делать?

Тилл кивнул и сделал знак остальным тсла забраться на судно. За ними последовали Редоулы.

— Ты хотела видеть эту легендарную третью расу, обитающую на плато Гунтали, — напомнил Этьен жене, кода они взошли на палубу. — Похоже, ты получишь такую возможность.

— Не уверена, что мне нравятся обстоятельства, но это не имеет значения, у нас нет выбора, — усмехнулась Лира.

Они тщательно проверили все системы корабля. Прошло несколько дней с тех пор, как они пользовались реактивными двигателями. Но судно легко оторвалось от земли и поплыло в воздухе. Деревянная платформа висела под дном, большие колеса бесполезно вертелись. Крепления стонали, но держали.

Хорошо, что Джакайе оказался так близок, как сказали брулы, подумала Лира направляя корабль к скалам. В противном случае им придется спуститься и ждать перезагрузки батарей.

Джакайе был построен у подножия горы Аракунга. Архитектура его была схожа с архитектурой Турпутта, но преобладали тяжелые прочные конструкции. В зданиях было

меньше окон: тсла старались лучше сохранять тепло. К северу располагались орошаемые поля, куда отовсюду свозилась почва. Стена, окружавшая город, была главным, что отличало Джакайе от Турпутта. Это была впечатляющая стена, добрых шести или семи метров высотой. Хотя и не очень толстая.

Положительно, Джакайе защищал экологическую зону тсла от всех, включая на. Этьен попытался представить себе этих таинственных на в виде разных вариаций маев или тсла. Но когда он увидел их воочию, короткие волосы на его затылке встали дыбом. Город имел несколько ворот, и две дюжины на собрались у самых больших. Эти две дюжины на, которые напали на целый город, говорили куда больше об их жестокости и опасности, чем все страхи, выраженные брулами.

Джакайе достаточно велик, чтобы вместить от пятисот до тысячи жителей, они оборонялись, но, похоже, проигрывали сражение. За стеной были видны тела тсла. И никаких мертвых на. Хотя один из них сидел в некотором отдалении от места битвы. Большое существо явно мужского пола, исколотое копьями и стрелами, вытягивало их из тела, словно это были пчелиные жала.

На корабле видели, что под ударом камней и бревен ворота открылись. Тсла отступили, а на ворвались в город. Крики ужаса раздались в чистом горном воздухе.

— Тебе надо поспешить, Ученый, или многие погибнут! — крикнул Сувд Этьену.

— Мы движемся на полной скорости, — ответил ему Этьен в микрофон. — Это судно не предназначено для быстрого передвижения вне воды.

Многие представители примитивных рас замерли бы на месте при виде столь необычного объекта, как летящий в их сторону корабль. Но только не на. Может быть, они вообще ничего не боялись. Или слишком были уверены в своей силе. Несколько на пригнулись, когда корабль перелетел через стену, но наступление продолжалось. Судно встало на дыбы, покатилося по улицам. Все на борту облегченно вздохнули, когда Этьен, наконец, посадил корабль в парковой зоне в центре Джакайе. Несколько озабоченных длинноносых лиц высунулось из открытых окон. Ясно был слышен шум битвы. Этьен проверял пистолет, Лира поторапливала его.

— Зачем спешить, чтобы убивать нескольких туземцев. Как ты это оправдаешь в своем отчете?

— Если город погибнет, мы не сможем найти помощь, чтобы спуститься снова к реке.

— А почему ты решила, что тсла будут помогать нам здесь. Это не Турпут. — Этьен опустился с трапа.

— Поэтому и должны проявить себя и помочь им отбить нападение. А я бы в любом случае помогла им. — Лира пошла к разбитым воротам, и Этьен вынужден был поспешить за ней. Очень уж хочет защитить своих тсла, подумал он. Но в одном Лира была права: они сделают это, надо им или нет. Тилл и его товарищи стали для них за время путешествия вверх по реке от Турпута больше, чем туземцами. Они стали друзьями.

Тилл и еще трое носильщиков взяли оружие у стариков. Только Хомат не присоединился к воюющим, а остался на судне. В своей плохонькой одежке из-за холода он был бесполозен как боец.

Не то, чтобы Этьен не наблюдал насилия Тсламайне до Джакайе, но все-таки для него было потрясением наткнуться на улице на обезглавленное тело женщины-тсла. Головы убитой поблизости не было видно, а звуки битвы раздавались где-то очень близко.

Когда на ворвались в ворота города, тсла отступили к своим прочным зданиям, чтобы отогнать врага своими копьями и стрелами. Этьен со своими товарищами обошел одно из таких строений и остановился в нескольких метрах от десяти-двенадцати фермеров, зажатых между стеной и парой на. Фермеры удерживали атакующих длинными пиками и острыми инструментами, хотя было очевидно, что, если что-нибудь не произойдет, враги достанут их одного за другим.

У Этьена не было времени восхищаться храбростью Тилла, когда их проводник бросился вперед раскачивающейся походкой и кривым лезвием ударил по ноге одного захватчика. Это почти не повредило толстую кожу на, и Тилл вынужден был отступить, в спешке оставив оружие.

Но на почувствовал удар. Пробормотал что-то недружелюбное, потом наклонился, чтобы выдернуть оружие из лодыжки. Тварь была четырехметровой высоты и покрыта толстым мехом. На ней была грубая одежда — тяжелые сан-

дали из кожи неизвестного зверя, кожаная куртка и юбка из того же материала. Из-за пояса торчал костяной нож с лезвием размером с Лиру. Но главным оружием на была дубина, сделанная из дерева приличных размеров. Чудовище тяжело дышало, и темный язык торчал из угла его рта. Это было понятно. Обитателю Гунтали здесь было не по себе.

Этьен молча двинулся влево, Лира — вправо. На бегу он стрелял. Толстый мех чудовища вспыхнул и почернел сзади подушкообразной ляжки. На завопил и отвлекся от отчаявшихся фермеров.

Лоб у твари был низким, и морда была не способна к выражению чувств. Но было ясно, что она искажена ненавистью. Показались четыре клыка: два сверху, два снизу. Остальные зубы тоже были достаточно острые. Даже не биолог мог понять: на не были вегетарианцами. Тварь произнесла какистто односложные слова и опустила массивную дубину быстрее, чем Этьен мог предположить. Он нырнул за маленькую тележку, наполненную какими-то овощами. Дубина разбила тележку, и брызги овощей полетели Этьену в лицо. Он отскочил. Мелькнула мысль: «А что, собственно, я здесь делаю? Мне бы следовало сидеть за столом в университете, выслушивать отчеты студентов и думать об учебном процессе».

Но времени для сожалений не было. Дубина просвистела параллельно тротуару, и Этьен, услышав ее свист, резко пригнулся. Тогда к нему потянулась большая рука с шестью огромными пальцами, оканчивающимися крючковатыми ногтями. Он шагнул назад, избегая захвата, и, падая, выстрелил. Молния прошла между указательным и первым большим пальцем, ударив на в левый глаз. Чудовище издало громоподобный вопль, уронило дубину и упало на колени, сильно задрожав. Этот на умер в тот момент, когда коснулся земли.

Этьен хотел было присоединиться к своим товарищам, но обнаружил, что его путь перекрыт другим чудовищем. Оно шагнуло вперед и двумя руками ударило его дубиной. Этьен прыгнул за ближайшую стену.

Избежав необходимости обороняться от двух атакующих, фермеры помчались за оставшимся в живых. В ход пошли пики, копыя, косы. На заревел и наклонился, пытаясь поймать ближайшего тсла. Сильно изрезанный, он встал на колени и

размахнулся дубиной, чтобы убить пару тсла, которые подоб-
рались так близко. Теперь на уже не казался таким огромным
и непобедимым. Этьен тщательно прицелился и выстрелил
ему в основание черепа. Кость оказалась слишком толстой, но
и удар был достаточным, чтобы вызвать временный паралич.
Тварь растянулась по улице.

Этьен почувствовал удовлетворение, хотя Лира вряд ли бы
его одобрила. Еще бы! Смотреть, как мирные, философичные
тсла прыгают по телу и режут его на куски. Понимая, что его
помощь уже не нужна, Этьен покинул спасенных фермеров,
занимавшихся мясницким делом.

Но ему не надо было беспокоиться. На отступили, пресле-
дуемые смелыми горожанами. Этьен увидел Йулура на крыше
здания и тоже залез туда.

— Ты не сражался, Йулур?

— Нет, Ученый, — покачал головой тугодум-
носильщик. — Я хотел помочь, но Учитель Тилл не позволил,
сказав, что я могу только повредить себе.

Этьен кивнул, отметив, что Тилл поступил разумно. Он
посмотрел вслед убежавшим на. Одни из них уносили большие
куски мяса из магазина, в который вломились, другие что-то
несли в больших кожаных мешках. Тсла преследовали
грабителей только до ворот. Этьен увидел только еще один
труп на. Наверное, двух смертей достаточно, чтобы напугать
остальных на и заставить отступить. Или же они добились то-
го, ради чего пришли? Этьен решил подумать над этим потом.
А сейчас он устал и радовался тому, что чудовища убегали.

Другой народ преследовал бы их, чтобы вернуть украден-
ное, но только не тсла. В их философии не было места для
активных военных действий. И в открытом пространстве они
не имели бы преимуществ перед своими противниками, кото-
рым размеры мешали маневрировать между домами на узких
улицах.

Редоул медленно пошел к разбитым воротам, глядя вслед
убегавшим на. Вокруг него стала собираться группа любопыт-
ных местных жителей. Улыбаясь и обращаясь к тсла с жестами
дружбы, он пробирался к Тиллу, который беседовал со
стариком, покрытым серебристым мехом. Тилл познакомил
их:

— Это Руу-Ан, Первый Ученый Джакайе. Руу-Ан, позволь представить тебе Ученого Этьена, прибывшего из другого мира. Он здесь для того, чтобы узнать о нас... и, как ты мог видеть, иногда помогать.

— Очень рад, что ты здесь, — произнес старик.

Его произношение отличалось от произношения Тилла и других тсла Турпуты, но слова были понятны. — Ты счел необходимым отставить в сторону учение, чтобы помочь нам в самое отчаянное время. Я рад заявить, что ты помог справиться с двумя на и заставил бежать остальных.

Этьен убрал в кобуру пистолет:

— И часто это происходит? Непонятно, как вы можете терпеть подобные нападения.

— Эти разбойники нападают на нас нечасто и обычно с меньшими потерями. Много раз мы просто уходили к горе и позволяли им брать все, что они хотят. На — разборчивые воры и никогда не берут больше того, что могут унести. Но сейчас мы переживаем не лучшее время и поэтому решили сопротивляться. Я не думаю, что мы поступили мудро.

— Они приходят за едой?

— Тяжелое время для нас является также тяжелым и для них. Кроме того, они не умеют выращивать пищу для себя. Несмотря на свою внешность, они изголодались по плодам земли. Когда им приходится трудно на Гунтали, они приходят к нам. Полагаю, их нельзя винить за это. Жизнь на Гунтали действительно очень тяжелая.

— Звучит так, словно ты готов простить их, — сказал Этьен, бросив взгляд на тела, разбросанные у разрушенных ворот.

— Мы всегда готовы, — сказал Первый Ученый. — Разве у них нет души, как и у нас? Их скорее можно пожалеть, чем ненавидеть за необразованность и слабость.

— Я не видел этих слабых, но знаю, что вы, тсла, более склонные к всепрощению, чем мы, земляне.

Горожане стали убирать тела погибших. Это вызвано у Этьена неприятные воспоминания.

— После... погребальной церемонии... что вы будете делать с телами ваших погибших сограждан? — Он не мог смотреть на Тилла в тот момент, когда говорил это.

Понимая испытываемое им неудобство, проводник предложил отвечать Первому Ученому.

— Мы кремируем тела, а потом разбрасываем пепел на полях, чтобы следующие поколения смогли вырастить лучшие урожаи.

— Которые потом были бы украдены этими на? Вы должны положить конец этому.

— Неплохо бы, — ответил старик, — но невозможно. Мы не можем преследовать их до Гунтали. Там так холодно и воздух так разрежен, что нам трудно сражаться с ними. Наверху они хозяева. Они не могут долго находиться здесь. Толстый мех, который защищает их от холодов Гунтали, перегревает их тела, и поэтому они вынуждены отступать.

— Хорошо, что мне не нужно рассчитывать на погоду, чтобы защитить себя, — ответил Этьен, хотя не его делом было критиковать способ, с помощью которого тсла защищали свою жизнь

— Кроме того, — продолжал старик, удивляя землянина, — бывает время, когда мы мирно торгуем с на.

— Мне как-то говорили, что тсла служат посредниками между маями и на...

— Не нужно судить о них по этому нападению, — посоветовал Ру, -Ан. Бывало не раз, когда маи тоже предпочитали воевать вместо того, чтобы торговать.

Этьен был рад, что Хомат оставался в лодке.

— Послушай, я здесь получаю от тебя информацию, но это не по моей части. Вот Лира обязательно запишет рассказ о вашем образе жизни. — Он огляделся. — А где она, кстати?

— Я не видел ее с того момента, как мы начали сражаться с на. Ах, Ученая Лира... — пробормотал Тилл.

— Да разве она не была с тобой, Тилл? — Этьен похолодел. Холод пронзил его тело, сковал руки и ноги.

— Нет, мы разделились во время боя, и я больше не видел ее. Думаю, нам следует вернуться к тому месту, где мы начали сражение. — В голосе Тилла звучала озабоченность.

Они не обнаружили никаких признаков присутствия Леры ни там, где Этьен и фермеры победили двух на, ни на ближайших улицах, ни у ворот. Был брошен клич среди горо-

жан. Кто-нибудь да видел ее... Инопланетянку, сражавшуюся среди них, сразу бы заметили.

Потом пришел неприятный ответ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Цели экспедиции, надежды Этьена на личный успех, отчеты, которые он планировал представить различным научным обществам, его знания и заслуги — все вдруг превратилось в ничто по сравнению с пустотой в его сердце. Десять лет его работы пошли прахом, как эти ворота, которые так неэффективно защищали тсла Джакайе.

Несколько горожан видели, как инопланетянка исчезла в мешке у на вместе с несколькими тсла. Они были уверены, что в то время женщина была еще жива.

Этьен и Тилл вместе с Первым Ученым, сопровождаемые двумя молодыми тсла, поспешили по узкой улице к воротам. Они быстро нашли несколько разорванных лоскутов рубашки Лиры... и кое-что более значительное. Ее пистолет лежал на тротуаре, где она уронила его. С немым вопросом Этьен в отчаянии посмотрел на Руу-Ана. Старик взглянул на Тилла, который знал это странное создание лучше, чем он, но ничего не говорил. Тогда заговорил он:

— Я рассказывал тебе, Ученый Этьен, что, когда времена на Гунтали становятся трудными, на приходят сюда, чтобы найти пропитание. Они неразборчивы: мясо для них остается мясом. Они захватили живых пленных, чтобы обеспечить себя свежей пищей, как мы поступаем с домашними животными.

От подобной иронии судьбы Этьену хотелось смеяться, но он не мог. Не мог он и плакать. Все, что он мог делать, это молча смотреть сквозь разбитые ворота на тропу, ведущую на плато Гунтали, находящееся на тысячу метров выше, чем Джакайе. Лира была где-то там наверху, и, без сомнения, ее мысли занимала беспрецедентная возможность изучить культуру так близко. Возможно, она тряслась в своем мешке вместе с другими пленными и проклинала себя за то, что не взяла магнитофон. Ее последние записи касались бы застолья. Этьен

был уверен, что последней мыслью его жены, как ученой, будет сожаление по поводу того, что некому будет прочитать ее записки. «Будь они прокляты — пробормотал он. — Будь она проклята!»

Он излил весь свой гнев и ненависть на камни и случайных любопытных, а когда вернулся к терпеливому Тиллу, то обнаружил, что может говорить почти спокойно.

— Вы думаете, они ее съедят сразу или немножко подержат? — Как легко произнеслись эти страшные, абсурдные слова.

Тилл посмотрел на Руу-Ана.

— Трудно сказать, — проговорил тот. — У них хватит ума, чтобы заметить разницу между нею и нами. Если кто-либо в этом племени когда-либо видел масв, они подумают, что она оттуда. Только из крупного племени. Они могут захотеть попробовать новую пищу сразу. Но, скорее всего, они захотят устроить ради нее специальный праздник. Тогда они ее еще подержат.

— Нам остается только это.

— Тилл с любопытством посмотрел на него:

— Что ты можешь сделать, Ученый Этьен? Я очень сожалею. Я любил Ученую Лиру, многому научился от нее и получил большое удовольствие от этого обмена знаниями. Она была учеником и учителем. Но сейчас для нее ничего нельзя сделать.

— Оставь свой проклятый фатализм! Она моя жена, черт подери! И пока есть хоть малейшая надежда на то, что она жива, я должен действовать. Она сама виновата в том, что была такой беззаботной и поставила меня в такое положение. И она знает это. Она, может быть, даже смеется надо мной, зная, что в любом случае я пойду за ней и буду рисковать, чтобы спасти ее. Месяцы работы, годы приготовлений — все может пойти насмарку, потому что моя жена не позаботилась о себе и позволила большому тупому кретину туземцу утащить ее в продуктовом мешке. И потеряла пистолет к тому же.

Он сунул другой асинапт за пояс. — Пойду на судно за теплой одеждой. Лире повезет, если она не замерзнет до смерти, прежде чем обнаружит себя в меню. Или не повезет — это

зависит от того, насколько правильно ваше предположение и как быстро я смогу добраться туда. — Он посмотрел вверх. — Одно я могу сказать прямо сейчас: надо спешить. На судне я не смогу подняться. А тропы? Есть ли пешеходная тропа, ведущая на плато? Или они открыто спускаются вниз?

— Они всегда действуют открыто, — ответил Руу-Ан. — Они не пытаются спрятаться. Им незачем бояться нас. Но я не понимаю твоих намерений, Ученый Гость. Взятые в плен уже потеряны. Живы они или мертвы сейчас, значения не имеет. Ты видел, как они сражались здесь, у нас в доме, ограниченные стенами и перегретые от жары. Подумай, каковы они на Гунтали, у себя дома, в знакомых условиях. Я буду молиться за твою спутницу.

— Твои молитвы не помогут, я пойду за ней. — Этьен повернулся к проводнику. — Тилл, ты пойдешь со мной, да?

— Как сказал Первый Учитель, взятый в плен уже потерян для нас. В любом случае мы ничего не можем сделать против на их земле. Поступать так — только добавить страданий.

— Откуда ты можешь знать, что ничего нельзя сделать, если ты и не пытался никогда?

— Логика, Ученый Этьен, и здравый смысл — вот что руководит нашими действиями. Мы спокойны, потому что разумны и понимаем нашу роль в мироздании. Тилл подался вперед, чтобы успокоить своего безволосого друга. — Пожалуйста, Этьен, друг. Ты должен продолжить свою работу. Твоя Лира тоже хотела бы этого. Ты не должен горевать о ней.

— Да я не говорю о ней, я иду за ней, потому что, скорее всего, она еще жива. Потом, — добавил он тише, — я не хочу оскорблять тебя, Тилл, но, пойми, я не хочу горевать о ней, пока знаю, что Лира жива.

— Если ты желаешь оказаться рядом с ней, мы тебя понимаем, — сказал Руу-Ан, пытаясь найти какой-то смысл в рассуждениях инопланетянина, которого они не понимали.

— У меня нет намерения совершать самоубийство.

— Но именно это ты и сделаешь, если отправишься на Гунтали, — настаивал Тилл. — Мне жаль, Этьен, но я не могу следовать за тобой. Мне не позволяют мои знания, моя вера. Можешь попросить кого-либо другого, кто захочет. Он не добавил, что подобные просьбы были бы пустой тратой времени

Этьен постарался ответить как можно вежливей:

— Я уважаю твою веру, Тилл, я не понимаю ее, и она мне чужда. Но я могу уважать ее. Очевидно, я напрасно трачу время, стоя здесь и стараясь убедить тебя.

Он подумал, что сказала бы Лира, если бы слышала отказ Тилла?

— Я пойду туда сам.

— Ты не вернешься, — предостерег его Тилл.

— О, я вернусь. Смотри на это так: я отправляюсь получить дополнительные знания. Это будет очередная научная экспедиция.

— Смерти научишься быстро, — проговорил Тилл. — Они, которые...

— Я пойду с тобой!

Слова прозвучали так неожиданно, что Этьен даже не понял, чей это голос. А голос раздался снова:

— Я помогу тебе!

Кто это сказал? Этьен обернулся и увидел одного из носильщиков. Это был Йулур!

— Если ты возьмешь меня, Ученый.

— Возьму тебя? Конечно! Я рад.

Этьен не думал, что Йулур сможет помочь ему в битве, но поскольку он берет с собой припасы, то помощь сильного носильщика не помешает. Кроме того, вдвоем всегда лучше, чем одному. В этом смысле тугодумие носильщика его не беспокоило. Вряд ли ему придется на Гунтали вести умные беседы.

— Но почему ты так решил? Разве это не противоречит твоим духовным принципам?

— У меня нет духовных принципов, Ученый. Учитель Тилл должен разрешить, я так привязан к нему.

Тилл удивленно смотрел на носильщика.

— Я не могу позволить идти ни себе, ни твоим товарищам. Но если твоя совесть чиста и ты решил...

— А что такое совесть? — спросил невинно Йулур.

Тилл вздохнул и повернулся к Этьену:

— Он может пойти с тобой, если хочет. Я не могу остановить его, хотя сделал бы это, будь на то моя власть. Каждое существо имеет право на свободу. Напоминаю, однако, что ты

несешь всю ответственность за него, если он умрет это будет на твоей совести.

— Я запомню. — Этьен повернулся к добровольцу. — Спасибо тебе, Йулур. Я принимаю твоё предложение помочь. Оно было бы лучше понято среди моего народа.

Носильщик грустно покачал головой:

— Я не понимаю, Ученый.

Этьен хлопнул тсла по мускулистому плечу:

— Это не имеет значения. Не имеет значения, раз ты решил помочь.

— Я люблю Учителя Лиру, — искренне сказал Йулур. — Я хочу помочь ей.

— Если сможем, то обязательно поможем, Йулур.

Они поспешили к кораблю, не обращая внимания на толпу тсла, которые собрались вокруг него. Хомат ждал их. У Этьена перехватило дух в жаркой атмосфере главной кабины. Температура внутри достигла отметки сто градусов, на сорок градусов больше, чем снаружи. Реакция Хомата была прямо противоположной. Холодный воздух заставил его нырнуть под одеяло, сложенное на полу, свернуться в калачик и виновато посмотреть на Этьена, стоявшего рядом.

— Пожалуйста, не сердись на меня де-Этьен. Когда я остался один, я вспомнил, как работает согреватель воздуха внутри корабля. Я не мог устоять перед искушением. И за долгое время впервые почувствовал приятное тепло.

— Успокойся, Хомат, — слабо улыбнулся Этьен. Я не сержусь. Улыбка быстро исчезла. — Де-Лира была захвачена на, ледовыми демонами.

Хомат начал причитать. И Этьен поспешил прекратить это:

— Мы с Йулуром идем за ней.

Почти лысая голова Хомата показалась из-под одеяла.

— К демонам?

— Да, к этим на.

— Вы не вернетесь, де-Этьен!

— Искренне благодарен тебе за поддержку, — сказал он оглядывая кладовую в поисках необходимого снаряжения. — Я и не думал, что май или тсла будут согласны работать вместе.

— К демонам... — прошептал Хомат. — Я бы пошел с вами, если б мог.

Этьен удивленно посмотрел на него:

— Приятно слышать это от тебя, Хомат. Но, сам знаешь, какая была бы от тебя польза. Температура на Гунтали, возможно, лишь чуть-чуть превышает точку замерзания. Не думаю, что ты мог бы выдержать это. Ни один май не смог бы. Климат здесь, в Джакайе, — верхний предел твоих возможностей.

— Я хотел бы, чтобы это было не так, де-Этьен. Меня поражает, что вы можете свободно существовать на Скатанде и на крыше мира.

— Такую возможность для меня создает специальная одежда, Хомат. Он вытащил из кладовой термальную куртку. — Меня больше беспокоит атмосферное давление на шеститысячечеметровой высоте. Воздух, конечно, гуще, чем у меня дома, но разреженной. Это мне не нравится. Причем у нас есть свои методы компенсировать и это тоже.

В большой рюкзак Этьен положил подюжины дыхательных приспособлений. Каждое было предназначено для того, чтобы закрыть рот и нос и имело мягкие металлические трубы, которые проходили по ушам головы и содержали чистый кислород под давлением. Приспособления хорошо служили под водой, в высокогорных условиях срок их службы был дольше, поскольку кислорода требовалось меньше.

Два прибора были предназначены для того, чтобы взбираться вверх. Этьен боялся, правда, что им придется бежать. Он думал о том, как Лира сможет переносить разреженный воздух и низкую температуру. И когда на нее напали, на ней была довольно теплая одежда, но вряд ли эта одежда подходила для ночной температуры ниже точки замерзания. Единственное, на что могла рассчитывать Лира, чтобы не замерзнуть, это тепло других пленных.

— Йулур, тебе достаточно тепло? — спросил Этьен своего единственного спутника, когда все было готово.

Носильщик надел на себя несколько тог и два капюшона в дополнение к шарфу, плотно повязанному на голове.

— Мне хорошо, Учитель, пожалуйста, не беспокойся обо мне. Я всегда переживаю, когда кто-то беспокоится обо мне.

Тилл и Руу-Ан ожидали их около главных ворот, чтобы попрощаться. С типичной для тсла практичностью каменщики и плотники уже начали работу по восстановлению разрушенной стены. Руу-Ан представил Этьену плотного телосложения горожанина, который мог проводить их к склону, откуда обычно приходили на.

— Выставляют ли они в своих поселениях охрану или что-нибудь в этом роде? — спросил Этьен у Первого Учителя.

Руу-Ан сделал отрицательное движение.

— Им нет смысла бояться нас, поскольку мы их никогда не преследовали.

Подобная беспечность — мой лучший союзник, подумал Этьен. Вернувшись на плато Гунтари, наверняка будут отдыхать. И меньше всего они ожидают нападения. Очевидно, оно вызовет у них шок. Этьен, однако, не тешил себя мыслью, что эти твари разбегутся в панике. Они не из тех, кто убегает. Нет, ему не следует рассчитывать на неожиданность. Даже с двумя заряженными пистолетами вряд ли он сможет сдерживать племя гигантов более чем две минуты.

— Мы зря тратим время! — Этьен быстро пошел за проводником из Джакайс к скальной стене, на восток. Йулур шагал сзади, легко неся на своих широких плечах мешок.

Тилл и Руу-Ан смотрели им вслед.

— Что за странный народ! — заметил Первый Учитель. — Я с удивлением слушал твой рассказ об их достижениях. А теперь вижу, что они ведут себя, как дети, очень маленькие дети.

— Они полны противоречий. — Тилл все смотрел в спину Этьену. — В один момент они очень мудры, в другой — очень глупы, как маленькие маи. Я думаю, их души постоянно смущаются.

— Ты уверен, что у них есть души?

— Уверен, хотя другие учителя считают иначе.

— Возможно, их разум очень подвижен: то они ведут себя как взрослые, то как дети. Я был бы рад встретиться и побеседовать с одним из них, прежде чем они умрут.

— Да, мне их будет не хватать. Женщина приходила ко мне каждый день и задавала бесконечные вопросы, которые

позволяли мне тоже изучать ее, обычаи ее народа. Теперь же нам остались только воспоминания.

Тилл и престарелый Руу-Ан пошли обратно в город, продолжая по дороге беседу. Отметок, которыми на обозначали тропу, было очень много. Поэтому подъем не был так труден, как Этьен поначалу боялся. Время от времени он останавливался, чтобы перевести дыхание. Здравый смысл настаивал на остановках, в то время как нервы толкали двигаться быстрее.

Несмотря на частые перерывы, они достигли плато быстрее, чем Этьен мог надеяться. Разрывы в толстых облаках позволяли время от времени видеть Джакайс и долину. Над всем этим миром нависла гора, называемая Аракунга. Массивная туча ледяного хрусталя спускалась на юг с ее вершины. Похожая на дым, истекавший из вулкана. На некотором расстоянии от нее высился, словно фантастический небоскреб, белый призрак, массив Промпадж.

Несколько деревьев стояли, готовые приветствовать их приход. Их ветви словно аплодировали на ветру гостям. Рядом зелено-коричневые кустарники клонились к земле. Этьен наклонился, чтобы осмотреть орехи, которые росли на них. Найдя, что орехи довольно твердые, чтобы расти из бедной почвы, он потыкал землю деревянным крючком.

На тонком снегу были видны следы животных. По этим следам Этьен представил себе что-то высокое и тонкое, быстро бежавшее. Очевидно, животное пробежало здесь недавно.

Когда Этьен стал сомневаться в правильности курса, Йулур приник к земле и понюхал.

— На недалеко, — сказал он Этьену.

Им нет смысла уходить далеко, подумал Этьен, глядя в сгущающуюся тьму. Снежинки падали на него. Наверняка удобное место для отдыха и для подготовки нового нападения на Джакайс. Если это так, мы скоро придем к ним. Этьен так и сказал Йулуру.

— Да, скоро, — подтвердил Йулур. — А потом что будем делать?

— Не знаю, все зависит от того, как устроен их лагерь.

Они увидели свет еще до того, как Йулур учуял запах племени. Пламени не было видно, потому что костер был разож-

жен в какой-то яме. Йулур молча следовал за Этьеном вдоль длинного хребта. Они заглянули в маленький кратер в скале. Он был глубок и создавал отличную защиту от ветра. На дальней стороне камни нависали, и под ними лежали спящие на. Только некоторые из них бодрствовали, видимо, чтобы подерживать огонь. Чувствовался запах жаркого.

Этьен впервые увидел женщин и их двухметровых ребятишек. Отпрыски на миловидностью не отличались. Спали они беспокойно, дергая босыми ногами в сторону огня. Прямо под Этьеном находился водосмчик, а костер горел в противоположной стороне. На нем поджаривался большой кусок мяса.

Йулур прошептал с детской возбужденностью:

— Посмотри туда, Учитель, посмотри туда.

Этьен посмотрел. Справа от огня из камней и костей был сложен очаг. Насаженное на длинную кость, на дымном костре что-то копилось. Этьен не сразу признал, что. Потом присмотрелся и понял — это мертвый тсла, покрытый мхом. Он взглянул на своего спутника. В лице носильщика не было ни страха, ни ненависти.

— Это тебя не беспокоит?

— А что должно беспокоить меня, Учитель?

Этьен указал на очаг.

— Они готовят там одного из вас.

— Все должны есть, — ответил Йулур спокойно.

Этьен отвернулся. Очевидно, много нужно провести исследований, прежде чем люди смогут полностью понимать этих тсла.

Но самый большой интерес вызвала у Этьена клетка, которая стояла справа. Она была сделана из кривых реберных костей какого-то большого животного. В клетке сидели четыре, нет, пять тсла! Одна из фигур была в ярко-синей одежде. Пульс Этьена участился. Лира была жива и, очевидно, в сознании. Воротник на ее рубашке был застегнут до самой шеи, а длинные волосы закрывали лицо. На оставили свои мешки в клетке, и Лира лежала под одним из них, чтобы защититься от холода. Молодой самец охранник лежал перед клеткой, лениво повернувшись к огню и явно игнорируя свои обязанности.

- Скоро он уснет, Учитель, — сказал Йулур об охраннике.
— Хорошо бы.

Этьен проверил пистолеты и дыхательное приспособление, и они осторожно спустились вниз по склону. Потом поднялись снова и оказались прямо за клеткой. И стали ждать.

После полуночи Этьен снова заглянул в дыру. Луны Тсламаны были закрыты облаками, и основной свет шел от центрального костра. Целых полчаса наблюдал Этьен за на, пока окончательно не убедился, что тот спит.

- Что мне делать, Учитель? — прошептал Йулур.
— Оставайся здесь и веди себя тихо. Жди нас.
— Будь осторожен, Учитель.
— Обязательно буду, Йулур.

Если тебе понадобится помощь, я спущусь вниз, — сказал тсла Этьсну, сползавшему вниз на животе.

— Я знаю. Ты хороший друг, Йулур.

— Спасибо, Учитель, — прошептал носильщик, очень довольный таким комплиментом.

Этьен сполз по склону. На спали, как мертвыс. Он посмотрел на запястье. Было двенадцать градусов ниже точки замерзания. Ему было вполне удобно, но он беспокоился о Лире. Если температура будет падать дальше, Лире придется туго, пока Этьен не наденет на нее термальный костюм, который находился в мешке у Йулура.

Этьен подобрался ближе. Камень у склона подпирал клетку сзади. Охранник по-прежнему не шевелился. Этьен на коленях подполз к клетке, прячась за камнем.

— Лира, — прошептал он, переводя взгляд с жены на охранника и снова на нее. Повсюду лежали спящие тела, но никто не пошевелился.

— Лира! — опять позвал он. Ее голова дернулась в темноте, и она откинула волосы с лица:

— Этьен?

— А кто же еще? — Он вытащил пистолет и осторожно развязал после один из узлов, скреплявших клетку, — Я попробую прожечь крепления, скрепляющие эти кости. Будь готова, ради Бога! — Он начал работу. Лира тихо двинулась, чтобы разбудить других пленников. У них хватило ума вести

себя тихо, за исключением одного, который прошептал с удивлением:

— Это же друг инопланетянки!

Лира шикнула на него:

— Как только Этьен разрежет эти крепления, вставайте и помогите ему.

Тсла молча двинулись выполнять приказ.

Этьен улыбнулся про себя. Может быть, тсла и фаталисты, но они отнюдь не против сбежать, если представится такая возможность.

— Этьен, как ты здесь оказался?

— Чтобы спасти свою прекрасную деву от чудовищных варваров. — Еще один взмах ресниц, и он занялся узлами над собой.

Один из тсла схватил основание освобожденной секции, чтобы помешать ей упасть. Лира покачала головой:

— Никогда бы не подумала, что ты способен на героические поступки, Этьен

— Лира, молчи. Видишь, я занят.

Новая серия узлов была распутана, и Этьен занялся следующей костью. А тсла осторожно удалили первую. Вторая кость поддалась легче. И снова тсла унесли ее в сторону. Лира вышла из клетки первой. Этьен подхватил жену. Она дрожала от холода.

Этьен спросил, не ранена ли она.

— Я цела, хотя думала, что пострадаю в этом проклятом мешке, — ответила Лира. Тсла молча выползли за ней. — Мы пойдем по Гунтали?

— Да.

— Мне нечего надеть. — Он кивнул. — Ничего, я стерплю холод.

— О деталях поговорим позже, — сказал он, озабоченно глядя, как Лира проходила мимо спящего охранника.

— Мы благодарны вам, — проговорил старший среди пленных тсла.

— Благодарить будете, когда мы вернемся в Джакайе, — оборвал его Этьен. Он полез вверх по склону, оглядываясь, чтобы видеть, следует ли за ним Лира. — Тебе нужна помощь?

— Нет, мне приятно снова двигаться.

Как только они перебрались на темную сторону впадины, Этьен достал термальный костюм Лиры. Она так замерзла, что только с третьей попытки смогла влезть в него.

— Рад видеть тебя, Учитель. Мы беспокоились о тебе.

Лира удивленно посмотрела на Йулура, пытаясь разглядеть за ним других, кто пришел вместе с ее мужем. Ее разочарование было очевидным.

— Этьен, ты не поверишь, если узнаешь, какие обычаи у этих на. Их жестокость — просто способ жизни. Никаких исследований их поведения не велось, условий не было для этого, и поэтому социальные характеристики представителей этой расы даны неверно.

— Займемся этим в другое время, когда ты согреешься. Ты еще успеешь закончить свой сбалансированный отчет. Ты всегда сможешь это сделать.

— Может быть, ты и прав.

Когда подошел последний из пленников тсла, Этьен обратился к ним:

— Как вы все знаете, я ученый товарищ Лиры. Мы возвращаемся в Джакайе. Держитесь вместе и без особой необходимости не разговаривайте. Нам придется идти очень быстро. Если кто-нибудь отстанет или упадет...

— Мы знаем, что делать, — прервал его старший тсла. — Но мы не знаем дороги к нашему дому.

— Мы знаем, поэтому держитесь за нами.

Крепко сжав руку Лиры, Этьен подал знак Йулуру следовать за ними. За проводником пошли остальные тсла, сохраняя абсолютное молчание.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Они шли всю ночь. Этьен постоянно поглядывал на приборы, которые были у него на запястье. Но больше доверял он нюху Йулура. Когда поднялось солнце, стало значительно теплее, да и лучше видно направление движения. Аракунга была лучшим ориентиром, чем любые указания на маленьком экранчике.

Они спускались по тропе вниз, когда мимо них пролетел валун размером с дом, вызвав базальтовую лавину. Валун пролетел буквально в пяти метрах от Этьена и Леры. Инстинктивно Этьен вжался в скалу.

— Оползень, — пробормотал он.

Йулур сделал быстрый жест несогласия, посмотрев наверх.

— Это бросил на.

Подняв головы вверх, они увидели большую тень, склонившуюся над краем скалы, сердито жестикулирующую и стучащую по земле. Слышались какие-то звуки, которые уносились ветром. Потом фигура исчезла.

— Пошел за нами, — прокомментировал Этьен. — Интересно, сколько их там? — Он потянул Леру за руку. — Можешь бежать?

Она крепче сжала пистолет и кивнула.

— Запомни, что мы не должны причинять никакого вреда местному населению, если это, конечно, не будет необходимо, — сухо произнес Этьен.

— Прости мне мою необъективность. Проклятые ублюдки-людоеды!

— У нас нет времени для кровавых деталей, любовь моя.

Стараясь бежать как можно быстрее, они бросились вперед по тропинке. Камни больше вокруг них не падали, но, когда беглецы добрались до подножия утеса, сзади послышались рев и крики. Повороты и изгибы спускающейся тропинки не позволяли сказать точно, далеко ли находились преследователи. Беглецы скатились по ней.

Лира закричала, предупреждая об опасности трудившихся на полях фермеров. Инструменты полетели в стороны, рассада осталась на лодках, когда все бросились искать защиты в Джаккайе.

Йулур положил руку на плечо Этьена, заставляя его повернуться.

— Там, Учитель!

На этот раз Этьен увидел не маленькую группку, а все племя, несущееся по склону. Женщины и неловкие юноши производили страшный шум. В передних рядах и чуть сзади виднелись дубины мужчин размерами больше человека.

— Бежим! Быстрее! — крикнул Этьен фермерам, которые начали постепенно отставать.

— Мы успеем, Этьен! — Едва Лира успела проговорить это, как ее правая нога попала в какую-то ямку. Лира рухнула и вцепилась в свою лодыжку. Боль искадила ее лицо, она начала проклинать свою неуклюжесть.

— Кажется, нога не сломана, — наконец смогла выдавить из себя Лира.

— Знаю, глупышка, — ответил Этьен, осторожно ощупывая уже начавшую опухать ногу, и оглянулся. Он не знал, видели ли на, как упала их бывшая пленница. Городские стены были уже недалеко.

— Поторопись, Учитель, — взмолился Йулур. — Времени нет.

— Вставай, Лира, — приказал Этьен. Бросив на мужа взгляд, полный решимости, Лира попыталась подняться. Вдвоем они заковыляли к Джакайе. Острая боль в лодыжке вызвала у Лире слезы, но она мужественно продолжала идти. Однако остановился Этьен.

— Слишком медленно. Так нам не убежать.

Он наклонился, и Лира испуганно вскрикнула:

— Этьен! — Жена оказалась на его плечах. — Опустите меня! Ты погубишь нас обоих.

— Лира, ты слишком много говоришь.

Она неловко вцепилась в плечи Этьена. Он побежал, но значительный вес вскоре вызвал у него одышку. Без постоянной кислородной поддержки им было не спастись.

— Учитель, могу я тебе помочь? — Йулур бежал рядом с Этьеном.

Вдруг что-то ударило о землю слева, вырвав с корнями небольшой куст. Дубина на. Городские ворота были совсем рядом. Ворота были распахнуты, а вооруженные тсала стояли на стенах, призывно махая руками и что-то выкрикивая. Вот такая поддержка беглецам сейчас совсем не требовалась. Ноги Этьена словно налились свинцом, и Лира, милая, любимая Лира... если бы она была чуть меньше тяжелой.

Что-то ударило его в спину, и он едва не упал, но выпрямился, удержал равновесие и побежал дальше. Горячее пламя начало разгораться у него в копчике, когда чьи-то за-

ботливые руки приняли его ношу. Они стащили с Этьена Лиру, а он стал жадно глотать воздух, словно человек, только что закончивший длинный подводный заплыв. Крики вывели его из полубоморочного состояния.

— Я слишком устал, чтобы подняться, — пробормотал Этьен. — Что происходит?

— Не спрашивай меня. Я тот самый с растянутым сухожилием. Помнишь?

— Жаль, что ты не мог растянуть себе рот.

— Не расстраивайся, Учитель, — ответил заботливый Йулур. — Все уже позади. — Он направился к воротам.

Прошло некоторое время, в течение которого Лира, не переставая, массировала свою поврежденную ногу, а Этьену удалось отдышаться.

— Это было глупо, — наконец заявила Лира. — Ты мог заработать грыжу.

— Извини, — пробормотал он. — В следующий раз я тебя брошу.

— В следующий раз я скорее застрелюсь, чем они доберутся до меня. — Лира увидела выражение лица Этьена и отвернулась. — Это плохая ксенология... А все-таки, что тебя заставило так поступить? — Когда он не ответил, жена толкнула его в плечо. — Повернись. Я хочу осмотреть твою спину. Ты получил сильный удар.

С огромным усилием Этьен перевернулся, и Лира стала ощупывать его спину. Он тихо застонал.

— Мог сломать позвоночник, — проговорила она. — У тебя огромный синяк.

— Но говорить могу. Где Йулур.

Лира взглянула в направлении ворот.

— Не вижу, но вроде все в порядке. На стенах, правда, по-прежнему кричат, но новые ворота выглядят гораздо крепче старых. Она повернулась к мужу. — Ты спас мне жизнь, Этьен.

— У меня была такая мысль.

— Почему?

— Черт побери, если бы я знал... — Его лицо исказилось от острого приступа боли.

— Никогда не перестану удивляться, Этьен, как часто ты

поступаешь правильно, а потом говоришь прямо противоположное. Лежи здесь. Я принесу что-нибудь с корабля. — Лира хотела было встать, но тут же тяжело плюхнулась обратно. — Забыла. Я же не могу ходить.

— Что за благоразумную, проворную пару мы с тобой представляем, — пробормотал Этьен. — Если бы только спонсоры могли нас сейчас видеть. — Он бы рассмеялся, если бы не был таким измученным.

— Спасибо за спасение, Этьен, каким бы ни были твои мотивы.

— Всегда пожалуйста. И хватит об этом. Ты не сможешь помочь мне сесть?

— Осторожнее, — предупредила его жена.

К ним подошли несколько тсла, среди них был и проводник.

— Привет, Тилл. — Этьен подтянул колени к груди, пытаясь хоть чуть-чуть унять боль в спине. Нервы сопротивлялись каждому миллиметру усилий.

Тилл низко поклонился людям:

— Мы не думали, что ты вернешься, Учитель Этьен. Ты был прав, а мы ошибались. Я очень благодарен за то, что мне доказали это. Ты сделал великую вещь. В честь твоего подвига будут сложены песни. И в честь его тоже. — Он указал на Йулура, стоящего рядом.

— Я не понимаю, Учитель... — произнес тот.

— Дорогой, милый, храбрый Йулур, — прошептала Лира. — Я знаю ваши обычаи, знаю, почему не пошли твои соплеменники, но почему пошел ты?

— Мне показалось, что это правильно. — Йулур выглядел смущенным.

— Я восхищаюсь тобой, — сказала Лира.

— Восхищаешься... мной? Я не понимаю.

— Знаю, что не понимаешь. А ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю, что мы с Этьеном очень благодарны тебе? — Лира посмотрела на стену. Крики стихли. Тсла спустились вниз, переговариваясь между собой.

— Похоже, на убрались восвояси. Думаешь, они могут предпринять новую атаку? — обратилась Лира к Тиллу.

— Шума они наделали много, — ответил он, — и пока, скорее всего, не вернутся. Они не животные и понимают, что

не смогут ворваться в Джакайе, не застав жителей врасплох. На этот раз напасть внезапно не удалось, вот они и убрались.

— Значит, мы в безопасности? — спросил Этьен.

— Да, сейчас все мы в безопасности. Джакайе в долгу перед тобой. Ты спас его жителей.

Боль в спине Этьена постепенно стихла. Хуже всего была повязка, которую Лира заставила его носить. Она опоясывала его тело от подмышек до талии, Этьен ходил в ней, как свежеприготовленная мумия.

Романтическая история спасения пленных быстро потеряла интерес среди прозаичных тсла, и те вернулись к своим обычным делам. Но частые благодарные визиты тех, кого Этьен спас, и их родственников продолжались. Их долг перед пришельцем, как они утверждали, был вечным. Навестить больного пришел и Тилл.

— Встреча состоялась, — торжественно произнес он.

Температура в помещении была около семидесяти пяти, и Хомат поеживался в углу.

— Какая встреча? — удивилась Лира.

— Совместная медитация. Извините, что не пригласили вас. Не было времени. Я сделал так, чтобы люди узнали о ваших проблемах. Деревянная платформа еще ведь пригодна, не так ли?

— Колеса не отвалились, если ты это имеешь в виду, — ответил Этьен.

— Здесь нет таких сильных животных, как у маев. Здешние легки для тягловой силы не годятся, и земля возделывается в основном вручную. Но мы тсла. А тсла сильные, — Тилл согнул обе руки, и Лира с Этьеном увидели под короткой шерстью крепкие мускулы. — Все жители Джакайе помогут. А не будет ли проще спустить твою лодку духов к Баршаягаду, чем тащить ее наверх?

— Это было бы, конечно, проще. Но и спуск — задача непростая.

— Я разговаривал с Руу-Аном и с другими старейшинами. На север отсюда есть путь, ведущий к Скару и обходящий

Толасирут. Еще они сказали, что эта дорога длиннее, но легче, чем через каньон.

— Кто я такой, чтобы спорить с Руу-Аном? — усмехнулся Этьен. Ему хотелось кричать от боли, но он сдерживался. — Когда мы можем начать?

— Скоро. Семьи спасенных тобой требуют чести взяться за ближайшие к священной лодке канаты, где труднее всего.

— Передай им мою огромную благодарность.

— Ты сможешь поблагодарить их сам, — Тилл приготовился идти. — Потребуется некоторое время, чтобы собрать провизию и найти подходящие канаты. Ты успеешь поблагодарить всех и вылечить спину.

— Подожди минуту, — остановила его Лира, нахмурившись. — А как насчет на? Что, если они вернуться, когда в городе почти никого не будет? Или будут преследовать нас?

— Мы не будем спорить с этим, правда, дорогая? — Этьен многозначительно посмотрел на жену.

— Если местные жители так уверены в безопасности, не понимаю, почему мы не можем разрешить им понести тебя.

Спуск к каменистому пляжу на северо-западе от Джакайе и величественной горы Аракунга был почти отдыхом. Встретилось несколько труднопроходимых мест, но тсла успешно преодолели их. Однако, как и утверждали Тсла, дальше спуск оказался легче, чем через крутой каньон с южной стороны.

Дружно покрикивая, налегая на канаты, тсла смогли спустить их корабль быстрее, чем ожидали Редоулы. Было трудно представить, что броды со своими впрокупиями могли выполнить такую работу более эффективно, чем жители Джакайе. Им помогало то, что тсла не стремились к соревнованию, которое любили устраивать маи. Хомат ворчливо заметил, как иногда единение стоит дороже мастерства и силы.

Когда наконец судно сняли с деревянной платформы и оно закачалось на волнах Скара, Этьен прошелся среди жителей Джакайе, стараясь поблагодарить каждого лично.

— Слишком много благодарности, — заметил ему Руу-

Ан. — Если ты действительно хочешь отблагодарить нас, можешь поделиться с нами своими знаниями, когда вернешься. Мы будем ждать тебя, чтобы пройти Топапасирут второй раз.

Никакие препятствия теперь не помешают нам вернуться, подумал Этьен. На карте больше нет белых пятен, нет второго Топапасирута.

Редоулы вошли на борт с чувством облегчения. Корабль стал их домом, убежищем, и было так приятно опять оказаться в знакомой обстановке, в комфортных условиях иного уровня цивилизации.

Когда Этьен направил низко по течению, тсла на берегу затянули прощальное песнопение, сильно отличающееся от бешеной музыки маев. Водоворот вывел корабль на середину реки. Лира стояла на палубе рядом с Тиллом, приняв характерную для тсла позу прощания. С увеличением расстояния песня начала стихать. Лира обернулась к мужу:

— Думаешь, этой скорости достаточно? Надо двигаться быстрее.

Но Этьен скорчил гримасу:

— Как ты считаешь, что я пытаюсь сделать?

Лира прижалась лицом к стеклу кабины.

— Но что происходит?

Только внутренние стабилизаторы удерживали судно от беспомощного кружения.

— Топливопровод, очевидно, вышел из строя.

— Проклятие! — Лира бросилась к ближайшему трапу. Взглянув на корму, она увидела, что каньон позади них сужается, образуя гранитную воронку, которую Этьен теоретически посчитал верхней границей Топапасирута. Со все стремительнее сокращающегося расстояния Лира видела яркие брызги и слышала угрожающий гул воды, атакующей скалу. Проверив системы корабля, Лира вернулась к мужу.

— Все работает, все. Кроме топливопровода. Каждый раз когда я пыталась открыть его пошире, срабатывал замок.

— Если превысить крайнее положение?

— Забудь об этом.

— А ускорители?

— Бесполезно. Мы использовали запасную энергию, когда спускались от Джакайе. Для подзарядки требуется время. Еще

мы могли бы подзарядиться, плывя по реке. Хотя, если бы нам нужно было плыть вверх по реке, подзарядки не требовалось бы.

Этьен лихорадочно работал с диагностическим компьютером, просматривал бесполезные ответы на свои запросы.

Гул за кормой становился оглушительным. Густой туман затянул каньон. Этьен включил кормовую камеру. На экране появилось черно-белое изображение. Ультразвук проникал сквозь сплошной туман. Еще несколько минут, и течение разбило бы беспомощное судно в водовороте Топасапурута. Обломки судна всплыли бы в нижней части реки, чтобы оказаться выброшенными потом на берег и удивлять маев. От экипажа остались бы одни воспоминания. В надвигающемся ужасе не мог бы выжить никто.

— Делай же что-нибудь! — закричала Лира сквозь рев воды.

— Сама делай что-нибудь!

Она несколько секунд смотрела на Этьена, потом выбежала из кабины. Ее голос донесся теперь снизу:

— Снаружи все выглядит нормально. Топливные баки ра...

— Я вижу это по приборам!

— Я просто сообщаю тебе, что здесь. Двигатель молчит и...

Подожди минуту.

— Это все, что нам осталось.

Судно возбужденно вибрировало под ногами Этьена. Поймут ли они, когда именно ударятся о скалы? Он начал высчитывать скорость движения.

— Попробуй теперь! — приказала ему Лира.

Этьен автоматически провел предстартовые операции и испугался, когда кнопка функционирования загорелась зеленым. Он нажал на акселератор, дав максимальную тягу.

Казалось, целую вечность они неподвижно висели в плотном сыром тумане между открытой водой и вечностью. Затем очень медленно судно начало двигаться вверх по реке. Постоянно скорость увеличилась до той величины, при которой оно могло подняться на подводные крылья. Наконец движение стало ощутимым. Грохот позади начал отдаляться.

Когда судно выбралось из тумана, Лира поднялась из

нижнего отсека. Ее волосы прилипли к лицу, словно потеки краски, смешанные с потом. От нее пахло водой Скара.

— Что ты там делала? — спросил Этьен, не оборачиваясь, чтобы не отрываться от показания приборов.

— Экстренная хирургия, — ответила Лира, падая в кресло. — И очень сложная.

Этьен обернулся и увидел, что она в рабочих перчатках. Полдюжины поблескивающих червей с черными головками шевелились у нее на ладони.

— Приклеились к трубопроводу над основным входом в двигатель. Посмотри.

Она взяла маленький диагностический зонд и прикоснулась им к хвосту одного из червяков. Громкое жужжание наполнило кабину.

— Родственники земных *Gumnotidus*. Размножаются довольно быстро для своих размеров. Наверное, думали, что нашли себе хорошее убежище, когда пролезали через фильтры. Неудивительно, что компьютер не мог определить причину повреждения системы. Она была внешней. Ты приказывал топливопроводу открыться, а эти маленькие дряни его затыкали, посылая, таким образом, контрприказ.

Лира встала, открыла иллюминатор кабины и зашвырнула свое живое приобретение как можно дальше в реку. Затем снова закрыла иллюминатор и сказала в сторону кормы:

— Теперь можешь выходить, Хомат.

Поколесбавшись, их проводник выбрался из складского отсека.

— Мы не погибнем, де-Лира?

— Нет, Хомат. Во всяком случае не сегодня, волшебная лодка опять функционирует нормально.

Хомат присоединился к ним, все еще укутанный во всю имеющуюся у него теплую одежду. Вскоре кондиционер в кабине не потребуется, но Хомату это не принесло бы облегчения, поскольку он продолжал кутаться, чем ближе они подплывали к тсламайнскому полярному кругу. Жители Джакайе все еще стояли на берегу реки. Когда лодка духов вырвалась из пасти смерти, тсла испустили вздох облегчения. Они вскочили, и экипаж судна еще раз был удостоен песни про-

щания. Тилл и его товарищи прощались с соплеменниками жестами.

— Спокойно воспринимают, — пробормотала Лира. — Наша судьба их не волнует. — Она стояла на палубе рядом с тсла. — Скажи мне, Тилл, какова была бы их реакция, если бы мы погибли?

— Через некоторое время они бы начали похоронные песнопения вместо прощальных.

— Когда мы чуть соскользнули в водопад, похоже, здесь не было видно паники.

— Почему она должна была быть? Они ведь ничего не могли сделать, чтобы помочь нам, — терпеливо пояснил Тилл. — Ты должна знать, Лира, что тсла избегают ненужных эмоций.

— Да, я знаю. Но они бы сожалели о нас?

— Думаю, да. Но они ничего не могли сделать, чтобы помочь вам.

— Так же, как нельзя было помочь тем, кого поймали на, — заметил из кабины Этьен. — Мне наплевать на уровень душевного спокойствия этого народа. Тсла не достигнут прогресса, пока не избавятся от своего фатализма. Они не видят, что маи делают все, чтобы достигнуть уровня передовой цивилизации. Тсла наверняка попадут под власть маев, поскольку им удастся приручить на.

— Неоспоримый аргумент для радикального изменения, — отозвалась Лира. — Тсла довольны собой и так, а потому гораздо счастливее маев.

— Конечно, древние полинезийцы тоже были счастливы, но мы помним, что случилось с их культурой.

— Этьен, эта аналогия здесь не подходит. Тсла — другая раса, занимающая совершенно другую экологическую нишу. Это абсолютно другое дело.

И Лира разразилась длинным, страстным монологом по поводу истории и антропологии, который Хомат и Тилл отчаянно пытались понять.

Как и говорили Руу-Ан и старейшины Джакайе, вверху в Скар впадали два последних притока — Мадаук и Рахаенг.

Дальше Скар сужался, впрочем, оставаясь не менее впечатляющим, открывались неизведанные земли.

В нескольких километрах над Топапасирутом местность радикально изменялась. Русло Баршаягада расширилось, и река поднималась на частые ступени, уменьшая глубину каньона. Редоулов постоянно будили сигналы компьютера. Поскольку судно не могло преодолевать пороги на автопилоте, сонным Этьену или Лире приходилось включать переднее освещение и вставать за пульт управления.

Устойчивый шум порогов резко контрастировал с молчаливой рекой на юге, у Айба. Ночью четыре луны Тсламайны превращали полосы белой воды в тысячи бледных щупальцев. Однако не везде было так тяжело. Встречались тихие участки относительно спокойной и очень красивой воды.

Редоулы начали успокаиваться, впервые после того, как покинули Скатанду. Когда температура начала понижаться, а река заходить в свое старое русло, путешественники заметили признаки поселений, хотя здесь обитали только охотники и собиратели май. Кое-где виднелись ветхие домики, сгруппировавшиеся на плохо орошаемых землях. Ни одного добротного строения не попадалось.

Жившие на суровой земле местные май вырастали более крепкими, чем их соплеменники — южане. К тому же они были дружелюбнее и честнее. А может быть, их так напугало появление странной лодки с не менее странным экипажем, что им в голову не приходила мысль об ограблении.

— Я совсем не уверена в этом, — рассуждала Лира. — Трюизм, похоже, распространен среди наземных рас так же, как среди нас, людей. Чем беднее человек, чем отдаленнее находится его жилище, тем он надежнее и дружелюбнее. Трудности порождают чувство товарищества, которое развивается в стремление помочь каждому, кто попадаете тебе на пути.

Этьен не спорил с ней, поскольку сам был заинтересован открытостью местного населения и отсутствием у него страха. Эти май, конечно, боялись, но никого из них не преследовала паранойя ужаса или подозрительность, которые Редоулы встречали на юге. Этьен считал, что это происходит, потому что для здешних жителей все в новинку. Очевидно, они

считали, что незнакомцы на странной лодке прибыли не из другого мира, а из какого-то отдельного города-государства на границе с Гроаламасан. Когда делишь мир с двумя расами, нетрудно принять факт существования и третьей.

Редоулы ожидали встретить здесь и поселения тсла, но Руу-Ан предупреждал об отсутствии таковых, и эта информация Первого Учителя Джакайе, оказалась верной. Лира не смогла определить, являлось ли пренебрежение тсла северными землями результатом намеренного выбора или каких-то других обстоятельств. Хомат и Тилл спорили об этом долгими вечерами. Хомат говорил о лучшей приспособляемости маев, а Тилл приводил свои доводы относительно того, что вынуждало тсла избегать этих земель.

Большой сюрприз ожидал путешественников, когда добрались до места слияния трех больших рек. Там, где Мадаук и Рахаснг впадали в Скар, раскинулось несколько маленьких торговых поселений. Поразило не само их существование или местоположение, а что тсла и маи спокойно жили и работали рядом, что выглядело очень странным в сравнении с нелегким миром, установленным между южными родственниками этих народов. Необходимость действовать вместе, чтобы выжить в суровых землях, перевешивала древние подозрения и вражду. Хомат и Тилл были испуганы значениями увиденного так же, как и реальностью.

— Все это обнадеживает, — прокомментировала Лира. — Возможно, когда маи достигнут уровня технологии, позволяющего им жить и работать в суровом климате, а тсла будут свободно перемещаться по влажным речным долинам, они откроют для себя этот живой образец межрасовой дружбы, который покажет им выход из положения.

— Они объединились, чтобы выжить, — возразил Этьен. — Без серьезного внешнего вмешательства развитие технологии только углубит древние конфликты, а не решит их.

— Ты безнадежный пессимист! — сердито отозвалась Лира. Он пожал плечами:

— Я смотрю на вещи в реальном, а не в желаемом свете.

— Я тоже. Или ты опять будешь сомневаться в моей объективности?

— Здесь очень легко быть объективной. — Этьен припод-

нял темную ядовитую змею, пойманную вчера на берегу во время стоянки. — На Земле ее называли бы аспидом Вишну. Однако этот гораздо старше своего земного собрата, и в этом нет ничего субъективного.

— Счастливчик.

— Никто не заставлял тебя заниматься ксенологией. Ты сама сделала выбор.

— Конечно, потому что гораздо интереснее, когда субъекты твоего изучения могут говорить с тобой и помогать в исследованиях. Лучше это, чем нудная работа с камнями и минералами. Моя работа приносит мне каждый день новые открытия.

— Все отлично, только ты лично не имеешь к этим открытиям никакого отношения. — Тут же Этьен пожалел о сказанном. Опять его язык сработал быстрее мозга.

Лира странно посмотрела на мужа:

— Что ты имеешь в виду?

Он попытался отделаться молчанием, глядя на скалистые отвесные стены, мимо которых они проплывали. Утесы по обеим сторонам реки вздымались на тысячу метров над водой.

— Когда мы присхали в Турпут, — пробормотал Этьен, — ты проводила много времени... — он замолчал, подбирая нужные слова, — общаясь с Тиллом.

— Это было очень полезно, — ответила Лира. — Но я все еще не понимаю тебя, Этьен.

— Я думал, возможно, ты просто слишком глубоко погрузился в свою работу.

— Я не... — Она умолкла и уставилась на Этьена. Затем ее губы растянулись в улыбке. — Будь я проклята! Ты приревновал меня к Тиллу, да? Приревновал к иноземному дикарю?

— Я этого не сказал, — огрызнулся Этьен. — Ты опять делаешь поспешные выводы, смотришь на вещи в желаемом свете.

— Можешь успокоиться, Этьен. — Улыбка Лиры стала шире. — Для тсла длина и форма огромных хоботов являются самыми важными сексуальными характеристиками, но меня они не прельщают.

Этьен дернул головой и посмотрел на жену:

— Я просто сказал, что ты проводила с ним много времени.

Я и не предполагал... что у тебя могут возникнуть такие грязные мысли.

— Этьен, ты меня удивляешь. Не знаю, посмеяться мне или обидеться.

— О, черт, — пробормотал он, смущенный. — Займись-ка чем-нибудь. Сзади слышались шаги. — Идут наши пассажиры.

— Ну и что? Они не смогут понять нашего терранглийского.

— Не будь так уверена. Эти тсла способные ребята. Не удивлюсь, если мы узнаем, что они могут делать кое-какие выводы из наших бесед, особенно когда упоминаются их имена.

— Но им не понять грязного смысла твоих подозрений, — пробормотала Лира, но замолчала, когда вошли Тилл и Хомат.

Хомат был так закутан, что походил на шар из ткани и шерсти, среди которых виднелись только глаза и рот.

— Я не могу больше выходить спать на палубе, де-Этьен, — с трудом проговорил он. — Больше не могу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Шли дни, за пределами кабины судна климат претерпевал драматические изменения. Температура падала, с большинства низких теперь утесов свисали огромные сосульки.

Хомат сидел на корточках за кубриком, тщательно закутанный, в тепле, но чувствуя себя не очень удобно.

Несколько дней Этьен обдумывал, как с ним быть.

— Мы что-нибудь можем сделать для тебя, Хомат?

— Не нужно, де-Этьен. Я просто не буду выходить наружу.

— Лира, а что, если попытаться надеть на него твой запасной термокостюм? Вы с Хоматом примерно одного роста, хотя ты более...

— Смотри внимательнее за управлением, — предупредила Лира мужа со своего кресла.

— Хомат плыл бы в нем. Правда, тебе пришлось бы придумать какую-нибудь подвязку, чтобы датчики прижались к его коже, и приспособить термостат.

— Посмотрим, что можно сделать, — Лира повела встревоженного Хомата на нижнюю палубу.

Несколько часов спустя они вернулись. Термокостюм пузырился на руках и ногах Хомата, но Лира подшила ткань вокруг его торса.

— Все-таки широковат... Я с трудом убедила Хомата, чтобы он снял всю свою одежду, поскольку необходимо, чтобы датчики прикасались к коже. Он весь посинел, прежде чем надел этот костюм. Приспособить датчики оказалось нетрудно.

Лира засунула руку в один из рукавов термокостюма, оттянув черный эластичный материал, но тут же резко отдернула ее.

— Ты уверен, что все в порядке, Хомат? От такой температуры можно сгореть.

Но проводник Редоулов ликовал.

— Первый раз за много-много дней я чувствую себя так хорошо, — ответил он. — Я в таком восторге! Спасибо, де-Лира, огромное спасибо!

— А как ты? — спросил Этьен отдохавшего рядом на полу Тилла. — Ты и твои товарищи тсла сможете выйти наружу?

— У нас есть запасные капюшоны, Этьен. К тому же мы можем выносить и более холодный климат, чем здесь. С нами все будет в порядке до тех пор, пока не потребуете остаться снаружи слишком долго.

Этьен неожиданно наклонился вперед, и судно резко накренилось на один борт.

— Прошу прощения. Инстинктивная реакция, — произнес он. — Что там?

Из спокойной воды около берега выступало нечто, похожее на скалу. Оно имело полдюжины ног, две из которых шевелились в воде. Изумленные путешественники вдруг увидели, как огромные щупальца подняли огромное количество рыбы и поднесли ее к длинной пасти с острыми треугольными зубами. Несмотря на огромную массу, существо двигалось очень быстро. Все его тело покрывала длинная черная шерсть, часть которой свисала в воду.

Глаза с узкими зрачками уставились на путешественников из-под костяных гребешков. Этьен направил судно к берегу,

чтобы получше рассмотреть чудовище. Зверь тут же с грозным рычанием развернулся и помчался прочь на всех своих шести ногах, по-прежнему крепко держа щупальца около разинутой пасти.

— Никогда не видел ничего подобного, де-Этьен, — сказал Хомат, делая быстрые защитные жесты около груди и живота.

— А я видел, — мягко произнес Тилл. — Это хайрал. Правда, я видел только двух и то мертвых, убитых на на плато Тинтали.

Огромный зверь уже добрался до склона холма, сел рядом с самкой и детенышами, развернулся и сердито зарычал.

— Семейка. Интересно, что еще едят на?

— Кстати, о на, — заметил Этьен, направляя судно снова на середину реки. — Здесь для них достаточно прохладно, однако мы еще ни одного не встретили.

— Может быть, они держатся в стороне от реки из-за предрассудков или какого-нибудь запрета.

— Не думаю. В этих водах так много рыбы.

— Возможно, воздух здесь слишком плотный. Но река здесь еще довольно широкая и глубокая. — Лира казалась озабоченной.

— Эти на не беспокоят меня, Этьен. Мы видели доказательства того, что маи и тсла могут работать вместе, однако на кажутся чересчур дикими и воинственными, чтобы быть принятыми в процесс развития цивилизации без интенсивного обучения и усмирения. Хотя я и не люблю их, но не хочу видеть этих дикарей истребленными двумя более развитыми расами. Они не животные. Это разумные существа, создавшие примитивное общество. Если ты задумаешься, какую часть территории контролируют эти дикари, то поймешь, что скорее их можно посчитать доминирующей жизненной формой на этой планете, а не маев или тсла.

— Я рад, что мы не должны принимать ультимативных решений, — ответил Этьен. — Кто-то другой примет на себя ответственность и скажет, нужно ли вмешиваться в чужие дела, чтобы защитить будущее на. Но до этого, видимо, еще очень далеко.

Хотя русло Скара изгибалось плавной кривой на запад, путешественники продолжали плыть на север по направлению к полюсу холода планеты. Солнце, изредка проглядывавшее сквозь тяжелые облака, приносило мало тепла. Несмотря на это, Хомат проводил необычно много времени на палубе, наслаждаясь своим термостойкостью и свободой, которую тот обеспечивал, свободой смеяться при температурах, уничтоживших бы многих мая в считанные минуты.

Ледяной Полюс холода. Он заявил о себе ярким свечением впереди, где отражение солнечного света падало на низкие облака. Но только когда на следующее утро корабль поднялся на подводные крылья, чтобы набрать необходимую скорость, свернул в изгиб реки, все увидели край ледяного вала.

Когда-то казавшийся ужасным Баршаягад превратился в скромную речную долину. Бесчисленные водопады струились с тающего ледяного колпака. По ночам они замерзали.

Путешественникам не пришлось долго искать поток, дававший начало Скару. Мощный, но все-таки управляемый поток вырвался из огромной дыры в ледяной стене, пробив тоннель высотой в сотню метров на выходе. Этьен направил судно к просторной пещере, затем осторожно подвел его к берегу. Лодка несколько раз задевала за что-то дном, но наконец уткнулась носом в гравий.

Вверху лед утончался. Солнечный свет проникал сквозь полупрозрачный ледяной потолок, придавая ему голубоватый цвет и освещая реку на несколько дюжин метров от входа. Далее вода поглощалась холодной темнотой. Капли падали с мутных ледяных сталактитов, покалывая лица застывших на палубе путешественников...

— Какая красота, — произнесла Лира. Где-то вдалеке эхо повторило ее слова.

Четверо тсла, встав в круг, опустили на колени и начали делать какие-то ритуальные движения. Редоулы уважительно дождались конца церемонии, и Лира спросила о ее цели.

— Мы благодарим, — объяснил Тилл. — Мы чувствуем в наших душах огромное тепло, как, должно быть, и вы, поскольку ваше путешествие было длиннее нашего.

— Нам не удалось бы совершить его без вашей помощи, — сказал Этьен, — и без помощи вашего народа.

— Любые жертвы оправданы ради познания. Мы были рады помочь, — Сувд и Юи одинаково выразили свои чувства, а Йулур стоял рядом с ними и выглядел очень довольным.

— Что же мы будем делать теперь? — спросил Хомат. Его глаза поблескивали в прорезях термокостюма. — Завтра возвращаемся? Путешествие было такое долгое.

— Я знаю, как ты торопишься домой, Хомат, но мы проделали весь этот трудный путь, чтобы найти исток Скара, и нам необходимо выполнить задуманное.

— Но мы уже все выполнили, де-Этьен, — удивился Хомат. Он жестом указал на огромную пещеру и темноту вдаль.

— Какой еще может быть исток?

Этьен улыбнулся, повернулся и посмотрел на темноту под льдом.

— Это не исток реки. Она вытекает откуда-то из глубины ледяной массы, вероятно, из горячего источника. Не могу представить иной механизм, с помощью которого можно было пробить такую брешь в ледяной глыбе. Нужно зафиксировать это.

Хомат вытаращил глаза:

— Вы не можете проникнуть дальше, де-Этьен! Это вершина мира. Кто знает, какие дьяволы поджидают нас в той вечной темноте?

— К чему им ждать, раз никто туда не приходит? — усмехнулась Ли́ра. — Если бы там кто-то жил, то он давно бы отчаялся в ожидании, когда еда придет к нему.

— Ваши аргументы очень убедительны, де-Ли́ра. Мой мозг желает поверить, а душа — нет.

— Если ты боишься опасности, то можешь подождать нашего возвращения здесь, на берегу. Сомневаюсь, что нам придется плыть далеко, есть там горячий источник или нет.

— Нет-нет, я поплыву с вами, — храбро решил май. — Лучше плыть, чем оставаться здесь одному. Вы уверены, что это недалеко?

— Здесь, конечно, трудно быть в чем-то уверенным, но держу пари, нам не придется потратить больше часа. Если станет мелко, мы воспользуемся подводными крыльями, — ответил Этьен.

— Скажите, де-Этьен, слова не убеждают меня?

— Успокойся, Хомат. — Этьен повернулся к жене: — Когда мы доберемся до истока, я хочу собрать несколько образцов. Здесь, должно быть, очень древний лед, и он многое может сказать о геологической истории планеты. Все это еще ждет своих исследователей.

Лири не стала возражать. Цель была близка. Скоро они повернут обратно, в более теплые края. Пусть Этьен понаслаждается полевой работой день или два. Не было смысла спорить теперь, когда они почти добрались до места назначения.

Этьен посмотрел направо, в глубину пещеры.

— Отличное место. Я, честно говоря, устал от скал. Вода здесь тихая и неглубокая. Мы поплывем дальше и будем оставлять в гравии вехи.

— Второе замечание, — сказала Лира. — На скалах все же было бы безопаснее. Следов хищников здесь, правда, не видно: ни костей, ни помета на берегу. Но в воде огромное множество мелких организмов. Это позволяет предположить, что среда очень благоприятна для жизни.

— Я установлю наблюдение. Это должно отпугнуть непрошенных ночных гостей.

— Будет так восхитительно спать в полной тишине, — произнес Тилл.

— Решено. А сейчас все должны отдохнуть, — объявил Этьен. — Завтра утром мы поплывем вверх по реке к истоку, чтобы я мог собрать образцы. Этот лед может помочь мне понять феномен, создавший Гроаламасан. На обратном пути у меня будет много времени, чтобы обработать полученный материал.

— Ты собрал достаточно материала по югу планеты, чтобы написать книгу. Теперь ты не можешь дожидаться того момента, когда вернешься к ней, — усмехнулась Лира.

— Я хладнокровный человек, и ты это знаешь. Но это не значит, что я получаю удовольствие, истекая потом.

На сей раз спор супругов закончился мирно.

Лири уже засыпала, когда вдруг услышала чей-то крик. Она села на кровати и в недоумении осмотрела каюту. В темноте мягко мерцали зеленые огоньки аппаратуры. Тихое посапывание рядом свидетельствовало о том, что муж спал. Лире

начала сомневаться, уже не приснился ли ей этот крик, но вместо зеленых огоньков вдруг зажглись красные и зазвучал сигнал тревоги. Этьен мгновенно проснулся, вскочил и стал натягивать брюки.

— Что случилось?

— Не знаю, — ответила Лира, все еще прислушиваясь. — Кажется, я слышала крик.

Раздался тихий стук в дверь. Борясь с пуговицами своей блузки, Лира открыла.

— Что-то произошло, Лира? — спросил сонный Тилл. Остальные тсла стояли позади него. — Снаружи донеслись какие-то странные звуки, а Сувд говорит, будто даже чем-то запахло, хотя мы знаем, что надежно защищены от внешнего воздуха.

— Звуки и запахи... Тебе слышался крик... — пробормотал Этьен. — Надо разобраться. — Он отстранил Тилла и направился в кабину.

Свет тсламайнских лун проникал сквозь прозрачную крышу. Сигнал тревоги продолжал звучать. Этьен стал осматривать приборы.

— Снаружи ничего не видно, — сказал он в переговорное устройство. — Ничего необычного. Мы никуда не двинулись с места стоянки. Корпус находится под напряжением.

— Я проверю корму, — сказала Лира, достав пистолет.

— Осторожнее, — предупредил жену Этьен.

В сопровождении тсла Лира направилась на корму. Хомата нигде не было видно, но это не беспокоило ее. Ничто, кроме разве что потопления лодки, не могло отвлечь мая от удовольствия ощущать вновь приобретенное тепло.

Лира осторожно приоткрыла дверь на корме. Ледяной воздух прогнал остатки сна. Плеск воды был единственным звуком, нарушавшим тишину, когда Лира вышла на палубу. Вокруг не было заметно никакого движения. Только луны спокойно перемещались по небу. Казалось, не было ничего, что могло внести хаос в работу аппаратуры.

Несожиданно что-то тяжелое обрушилось на ее плечо, и Лира упала. Дубинка на! Большой обрубок засохшего дерева лежал рядом с Лирой. Бросивший его на смотрел на нее из-за планшира блестящими в лунном свете глазами. Несколько

таких же волосатых лиц виделось рядом. Огромная мускулистая рука добралась до верхней части перил, и Юи исчез в темноте.

Тилл с Йулуrom подхватили Лиру под мышки и потащили к двери. Вторая дубина полетела в их направлении, но была пущена слишком слабо и с грохотом упала на палубу.

Превозмогая боль в плече, Лира выдохнула:

— Оружие... возьмите мое оружие!

Кричал, видимо, один из на, прикоснувшийся к находившемуся под напряжением корпусу судна. Остальные действовали более осторожно, используя топоры. Костяные лезвия их были около метра в длину. В последнее мгновение Сувд встал у них на пути и подставил себя дубине, защищая Лиру, Йулуру пришлось оттащить его почти расплющенное тело в сторону от двери в корабль.

Этьен сразу же осмотрел поврежденное плечо жены. Она застонала, когда он прикоснулся к ней.

Этьен приказал Лире подвигать правой рукой.

— Чертовски болит, но действует, — сказала она.

— Попытайся еще раз, — коротко приказал он. Лира повернула ладонь вверх, потом вниз. — Твое счастье.

— Не такое уж и счастье, — с болью отозвалась Лира. — Мой пистолет остался снаружи. Второй раз я теряю его, когда он мне больше всего нужен. — Она повернулась к Тиллу: — Ты не видел, куда он упал?

— Нет не видел.

— Маленькая металлическая штучка... — озадаченно пробормотал Йулуr, стараясь вникнуть в суть происходящего. — Я заметил, где она упала.

— Почему же ты не подобрал ее? — спросила Лира. — Я же просила, чтобы вы искали.

Йулуr обидевшись, отвернулся.

— Мы старались спасти тебя, Ученая Лира, — напомнил ей Тилл и, посмотрев на Йулура, добавил: — Все хорошо, мой друг. Скажи нам, куда упала та металлическая штучка.

— В воду, — с довольным видом ответил гигант тсла.

— Черт! — Лира посмотрела на мужа. — Прости, Этьен, мне очень жаль. Я не видела их. Мы вышли на палубу. Все выглядело нормально, а потом я почувствовала удар в спину.

— Теперь это неважно. Только будь осторожнее с плечом.

Что-то ударило в крышу кабины. Все посмотрели вверх. Но хрупкий на вид сплав был достаточно прочным, чтобы выдерживать удары обычных костей и камней.

— Как мы будем воевать с ними? — забеспокоился Тилл. — Темно, а они очень близко.

— Увидишь Тилл. Помоги Лире.

Происходившее снаружи напоминало избранные сцены из «Ада» Данте. Корабль окружили по меньшей мере тридцать дикарей, прыгавших вверх и вниз, завывающих, плюющихся и грозящих судну кулаками. Но теперь на избегали контактов с корпусом, а когда один из них попытался выразить свои чувства, помочившись на него, дикарь так закричал, что остальные больше не делали таких попыток. Кольями и огромными дубинами они колотили по бортам. Дерево и камень не проводили электричество, и на обнаружили, что могут спокойно бить по корпусу, ничем не рискуя.

Редоулы заметили, что один особенно могучий воин попытался перепрыгнуть через перила. Это ему не удалось. Он вцепился руками в перила, нижняя часть его тела ударилась о корпус. Посыпались голубые искры. Когда мощные пальцы наконец ослабли, чудовище с плеском рухнуло в воду.

Этьен сел за пульт управления. Его пальцы стремительно забегали по кнопкам. Разразился страшный рев, заработал двигатель. Судно поднялось на полметра на подводные крылья и рвануло вперед, сбрасывая с себя ошеломленных на. Один оказался не очень расторопным, чтобы прыгнуть вовремя, и на носу послышался сильный удар.

Заработали экраны ночного видения, показывая прыгающих с кормы аборигенов. Несколько тел качалось на воде рядом с расчлененным телом не успевшего прыгнуть на и еще одним — это был пропавший Юи. Разъяренный Этьен развернул судно, направил его на атаковавших и пронесся сквозь толпу запаниковавших дикарей, оставив на мели еще несколько тел. Звук металла, соприкасавшегося с плотью, наполнил его черным восторгом, и он проклинал себя, разворачиваясь для нового рейда.

Побросав свое оружие, на бросились к берегу. Этьен два раза бросался на оставшихся в живых, но те уже были недо-

сягаемы и неслись прочь, не останавливаясь даже для того, чтобы бросить врагу оскорбления. Этьен уменьшил скорость и причалил к берегу на противоположной стороне Скара.

— На середине река достаточно глубока, чтобы помешать им добраться до нас, — пробормотал он. — Остановимся здесь.

Этьен взял свой пистолет, а Лира сменила его, стараясь не тревожить поврежденное плечо.

— Одного вечернего выхода на палубу для этой леди, думаю, вполне достаточно. — Он тонко улыбнулся ее не удавшейся попытке ответить.

Тилл и Йулур последовали за ними на корму. Дверь в ночь открылась легко. Одна мысль вдруг пришла Этьену в голову. Он мгновенно закрыл дверь, велел тсла дожидаться его и исчез на нижней палубе.

Этьен вернулся с двумя металлическими прутьями и один протянул Тиллу.

— Это для произведения сейсмических шумов в недоступных местах корабля. Неважно, что я имею в виду. Просто возьми его. — Тилл послушался.

— На концах разрядные устройства. Маленькие молнии. Пять зарядов на каждом. Давишь здесь, — он показал своим спутникам кнопку. — Потом прикасаешься концом к противнику. Путья не являются оружием, хотя очень эффективные штуки.

— Я понимаю, Этьен, — сказал Тилл, прикоснувшись пальцем к кнопке.

Этьен повернулся ко второму тсла.

— А ты, Йулур, ты понимаешь? Видишь — давишь здесь и прикасаешься к тому, кого хочешь остановить.

Тот уныло, со смесью грусти и смущения посмотрел на человека. Вздохнув, Этьен отложил один прут в сторону.

— Ну ладно, держись ближе к нам, когда мы выйдем наружу.

Он открыл дверь на палубу во второй раз. Вокруг было тихо и мертво, несмотря на мрачность такого сравнения. Этьен вышел, согнувшись, едва не споткнувшись о тело Сувда. Бедняга был хорошим носильщиком, старательным и всегда готовым прийти на помощь, но сейчас превратился лишь в пособие для

изучения анатомии тело. Этьен был слишком зол на дикарей, чтобы почувствовать тошноту от неприятного зрелища.

Тилл и Йулул держались на ногах крепко. Три тела на висели на перилах, дикари погибли при последней попытке забраться на лодку. С близкого расстояния они оказались крупнее. Этьен осмотрел берег: никакого движения. Сама река и вход в ледяную пещеру оставались безжизненными.

— Нельзя было позволять им напасть неожиданно. Вечная недооценка. Думаю, нам нужно извлечь из этого урок.

— Я очень расстроен, — пробормотал Тилл.

— Тебе нечего печалиться, Тилл. Ответственность за это лежит на нас. У нас такая развитая техника. — Этьен усмехнулся. — Шутка. Дело в том, что мы не видели на с того дня в Джакайе, и я не ожидал встретить их так далеко на севере. Просто я не все учел. Расстраиваться нужно мне. — Он жестом указал на тело Сувда. — Теперь вот еще двое погибли.

— Смерти никому не избежать, — прошептал Тилл. — Ты просишь, чтобы я не расстраивался из-за нас. Сувд и Юи достигли того, чего не могли бы достичь и за двенадцать жизней, и все благодаря тебе и твоей жене. Их души благодарны тебе, а не озлоблены.

— А я озлоблен! Чертовски озлоблен. Озлоблен на себя, озлоблен на ...

Резкий порыв ветра неожиданно толкнул Этьена, а Йулура ударил в грудь, опрокинув назад. В результате маленькое копье воткнулось Этьену не в спину, а в бок.

Тилл развернулся, ткнул концом сейсмического зонда в шею бросившего копье на и нажал на кнопку. С резким щелчком голова дикаря соскочила с плеч, с фонтаном крови и костей и с всплеском упала в воду.

Йулул откатился от Этьена, лежавшего на спине и смотревшего в потолок пещеры. Очень осторожно он вытащил копье. Из раны потекла кровь. Тилл поднялся, чтобы позвать Лиру, но она слышала взрыв и уже присоединилась к ним.

Ее глаза расширились, когда она увидела ширину и глубину раны. Лира исчезла на нижней палубе и через минуту снова появилась, неся в руках аптечку.

Этьен тяжело дышал, пока жена пыталась остановить кровь. Сердце учащенно билось.

— Что же все-таки случилось? — спросила Лира Тилла.

Тот стал объяснять, а Йулур беспомощно смотрел по сторонам.

— Этот... — молодой тсла показал в сторону обезглавленного тела На, бросившего копье. — Этот не был мертв, а только притворился.

Лира увидела, что нападавший лежал на двух трупах.

— Он спрятался под теми двумя и ждал удобного момента. Для дикаря он оказался довольно хитрым. Слишком много разума для таких ублюдков. — Она взглянула на Йулугура. — Сбрось эти тела с судна. Смотри только не прикасайся к корпусу. Он еще под напряжением. Это смертельно опасно.

— Да, учитель.

Йулугура продемонстрировал свою недюжинную силу, поднимая каждое тело и с размахом сбрасывая их в воду. Закончив вернулся, чтобы отнести Этьена в каюту Редоулов.

Оба тсла с уважением наблюдали, как Лира хлопочет около своего мужа. Потом к ним присоединилась третья фигура.

— Я не знал, что делать, чем помочь. — Хомат выглядел очень маленьким рядом с двумя тсла.

— Тихо, Хомат.

К чести мая, он больше ничего не сказал.

Затаив дыхание аборигены наблюдали, как Лира медленно водит каким-то предметом по боку и груди Этьена. Когда она закончила, выражение ее лица было мрачным. Муж попытался успокоить ее улыбкой, но из-за боли это оказалось трудным делом.

— Ну как... доктор?

— Сильное кровотечение. Мне удалось временно остановить его. Боюсь, повреждена артерия. Надо что-то предпринять, иначе ты истечешь кровью. Как бы я хотела лучше разобраться в хирургии!

— Слава Богу, что ты мало разбираешься в хирургии, — прошептал Этьен. — Ты двадцать лет морочила мне голову. Не хочу, чтобы ты еще рылась в моих внутренностях.

— Мы должны отвезти тебя на станцию, где окажут настоящую помощь. Ты же знаешь, какие хорошие там врачи.

— Уж я-то знаю. Смешно, когда ты думаешь, будто они

лучше хирургов-людей. У них ведь вообще нет костей. На сколько ты смогла «временно» остановить кровь?

Лира не смотрела на мужа.

— Трудно сказать. Копье вонзилось очень глубоко, Этьен. Я заклеила рану, но нет гарантии, что она не откроется снова. Если это произойдет, не знаю, как твоя система кровообращения воспримет еще одно горячее заклеивание. Компьютер говорит, что ты должен отдохнуть. Покой сейчас тебе особенно необходим. Так что можешь забыть о том, чтобы прыгать по камням и утесам.

— Я буду послушным мальчиком.

Несмотря на сарказм, готовность Этьена подчиняться требованию жены подтверждала серьезность ранения. Обычно Лире приходилось чуть ли не связывать Этьена, чтобы заставить хотя бы принять витамины. Она попыталась отвлечь мужа от мыслей о ране рассказом о том, как на ухитрился спрятаться, а потом бросил копьё.

— Нельзя быть такими неосторожными, — закончила Лира. — Не то, чтобы мы должны бояться эту банду, но утром мы покинем это место и двинемся вниз по реке. Чем скорее доберемся до станции, тем...

— Нет! — резко отозвался Этьен.

— Нет? Что значит «нет»?

— Мы не можем утром отплыть отсюда. Мы еще не закончили работу.

— Мы, возможно. Но ты закончил.

— Нет, Лира. Сначала мы должны добраться до истока реки, и только потом вернуться назад. Не раньше. Я не отступлю, пока не доберусь до цели. Запомни: если ты попытаешься остановить меня, я убью себя.

— Выслушай меня внимательно, Этьен, поскольку только я могу сказать тебе это, — мягко произнесла Лира. — Ты совершенно невозможный человек. У тебя здравого смысла не больше, чем у губки. Ты готов погрузиться в работу, оставив в одиночестве такую маленькую, усталую женщину, как я.

Он крепко сжал ее руку.

— Я тоже люблю тебя.

— Об этом я и говорю. На кого я кричала бы, если бы тебя не было рядом?

— Знаю. Хорошую цель найти трудно.

— Согласна. — Лира смахнула с глаз слезы. — Вот почему я хотела бы, чтобы ты лежал пару дней. Мое плечо еще побаливает. Над этим еще можно посмеяться. Но нет ничего забавного в дыре в твоём боку.

— И ты говоришь это? — Этьен выпустил руку жены. — Лира, ты должна сделать это ради меня. Я буду очень осторожным. Обещаю — никаких лазаний по скалам и прыжков. Если нужно, я даже не буду наклоняться. Йулур поможет мне. Правда, Йулур?

— Да. Йулур сильный, Учитель. Я могу отнести тебя куда захочешь.

— Слишком рискованно, Этьен. Ты должен сначала залечить рану.

— Обещаю, что по дороге обратно я и носа не высуну из каюты. Тогда все и заживет. Это же нелепо — повернуть обратно, когда находишься в нескольких часах от цели экспедиции. Мне позарез нужны образцы льда! У нас нет ничего похожего. Если ты уж так настаиваешь, вы с Тиллом можете сойти с судна в самой середине ледяной массы, а я буду только смотреть. — Он сделал паузу и тихо добавил: — Кроме того, если случится так, что это моя последняя экспедиция, будь я проклят, если оставлю что-то недоделанным!

— Не говори так, — покачала головой Лира. — Я убью тебя, если ты будешь так говорить.

Этьен криво улыбнулся.

— Ну что, продолжим?

— Ладно. Но не больше, чем полдня. Не хочу проводить ночь в кромешной тьме. Доберемся мы до горячего источника или нет, но через полдня возвращаемся.

— Хорошо. Я бы не хотел обломать здесь себе крылья, хотя бы и подводные. И обещаю предоставить тебе самую сложную работу.

— Очень мило с твоей стороны.

Двадцать лет, подумала Лира, двадцать лет играть в одной пьесе. Они отлично знали свои роли.

Она возблагодарила Бога за то, что ей предоставилась возможность действовать против желаний этого мужчины.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Оставшуюся часть ночи он спал плохо. Лира не сомкнула глаз у постели мужа, следя за его состоянием. Диагностическая программа компьютера показывала, что внутреннее кровоотечение остановилось. Заживление артерии и тканей являлось более длительным процессом.

Машина убеждала Лиру, что шансы ее мужа выжить равны восьмидесяти процентам, но это если он будет выполнять все указания, принимать лекарства и ультразвуковые процедуры и получит настоящую хирургическую помощь в течение шести месяцев. Серьезных повреждений у Этьена как будто бы не было, кроме разрыва нескольких мышц. Конечно, ему видимо, придется отказаться от соревнований по гимнастике, но это Лиру не очень расстроило.

Нужно было соблюдать большую осторожность на обратной дороге к станции. Больше никаких экспериментов, никаких контактов с местными формами жизни, разумными или нет. Ее работа со старейшинами Турпута может подождать.

Половина целого была бесполезной. Для команды требовались двое.

Под утро усталость все-таки взяла свое, и Лира уснула, а проснувшись, обнаружила, что время приближается к полудню. Этьен был раздражен, когда жена разбудила его, чтобы позавтракать, но особенно не спорил. Похоже, делая едкие замечания по поводу кулинарных способностей Лиры и ее опеки, Этьен отвлекался от своих болячек. Каждое критическое замечание мужа доставляло Лире удовольствие.

По настоянию Этьена Йулур перенес его и усадил на высокий табурет, чтобы он мог смотреть наружу. Лира села за пульт управления.

Взревев, судно поднялось на подводные крылья. Лира развернула его и направила в мрак пещеры. Ночных агрессоров нигде не было видно. Течением отнесло куда-то три выброшенных молодым тсла тела.

Лире хотелось бы, чтобы мнение мужа о тсла хотя бы слегка изменилось в лучшую сторону. Ведь, несмотря на присущий

им фанатизм, в кризисных ситуациях они вели себя мужественно.

Лед поглотил расстояние и дневной свет. Вход в пещеру превратился в маленькое белое пятнышко. Лира включила задние и передние прожекторы, вызвав восхищенные возгласы Тилла и Хомата. Сидя в кресле пилота, она освещала противоположный берег. Река впереди продолжала сужаться. Потребованные освещением рыбы выпрыгивали из воды.

Удивительно, но потолок пещеры оставался по-прежнему высоким. Корабль плыл по тоннелю под миллионами тонн льда.

— Здесь живут духи, — нервно бормотал Хомат. — Это вершина мира. Здесь живут духи...

Под крышей планеты даже надетый на него термокостюм работал в полную силу, чтобы сохранить тепло.

— Нам нужно останавливаться и брать образцы, — напомнил Этьен жене.

Лира неопределенно посмотрела на него.

— Думаешь, ты сможешь управлять судном?

— Это не тяжелее, чем готовить завтрак, которым ты меня накормила, — усмехнулся Этьен. — Йулур, дай мне руку.

Убедившись, что Этьен не страдает от боли, женщина одела свой термокостюм и вышла на палубу. Полчаса она высматривала образцы, и потом Этьен услышал ее крик.

— Остановись, скорее остановись. — Ее тон был настойчивым, но не встревоженным. Этьен нажал нужные кнопки. Двигатель стих, и судно осело на метр в воду.

— Что там? — крикнул Этьен в переговорное устройство. Сначала он решил, что Лира увидела на, но это не вязалось с ее позой. Она стояла возле перил и смотрела на берег.

Услышав крик Леры, Тилл помчался на палубу. За ним бросился Йулур.

— Если можешь, выйди на палубу. — Теперь голос жены звучал весело.

— Что там? Что-то не так?

— Все не так. Сам увидишь.

Это все, что ему удалось вытянуть из Леры, перед тем как натянуть на свое ноющее тело термокостюм. Когда он направился к трапу, Хомат осторожно дотронулся до него рукой.

— Не ходите де-Этьен. Здесь живут духи.

— Лира не станет ссориться ни с одним духом, Хомат, — мягко сказал Этьен. — Мы не верим в духов.

— Никто не вскрик, пока духи не доберутся до него.

— Хорошее замечание, но я держу пари, что нас они не тронут.

Однако выйдя на палубу и увидев причину возбуждения жены, Этьен серьезно задумался над предупреждением мая. Сами духи пока не появились, но они оставили следы своего существования.

Редоулы молча смотрели на берег, пока Тилл не нарушил тишину.

— Что это, ученый Этьен?

— Я не уверен, Тилл. Но похоже на какие-то машины. По крайней мере, они выглядят как машины.

С помощью портативного пульта, принесенного из кабины, Этьен повернул прожекторы. Мощные лучи осветили обнаруженную Лирой боковую пещеру, голубые металлические формы и группы вращающихся частей. Желто-белые спирали труб соединяли различные структуры, а спирали поменьше, зеленого и густо-желтого цвета, выходили из более крупных механизмов.

— Что это за место? — спросил Этьен тсла.

— Никогда о нем не слышал. Насколько я знаю, ни один тсла не бывал здесь.

Дыхание Лир замедлало в холодном воздухе.

— Нужно подойти поближе. — Она взглянула на мужа. — Если это строили не тсла, то, вполне очевидно, что и не май.

— Тогда кто? Не на же.

— Ты задаешь риторические вопросы. Иди лучше к пульта и подведи судно поближе, пока не упал.

Этьен кивнул и вернулся в кабину. Оставшиеся на палубе переглянулись, когда лодка опять поднялась из воды. Этьен развернул ее и повел к берегу. Лира достала из кладовой фонари и дала каждому, даже Хомату, который высунулся из кабины. Итак, вооруженные против темноты, возглавляемые Этьеном, они спустились по трапу и пошли по гладкому гравию к странной конструкции.

Было видно, что непонятное оборудование не избежало

воздействий льда. На земле валялись кусочки металлокерамики. Но разрушения казались незначительными.

— Интересно, сколько же всему этому лет? — прошептала Лира. — Трудно сказать без необходимых анализов.

Этьен осторожно опустился на колени и поднял небольшой кусочек какого-то прозрачного металла. В него были впаяны крошки темного металла, края которого выступали с обломанного края.

— Не стекло, — сказал Этьен, проведя по поверхности кусочка пальцем.

— Может быть, кварц.

— Нет, что-то на основе кремния. Но это еще не все.

Этьен протянул кусочек Лире.

— Господи, какой тяжелый! — воскликнула она, удивленная. Лира повертела кусочек в руках, рассматривая. — Сплав на основе индия? Впрочем трудно что-либо пока сказать.

Хомат не понимал странных чужих слов и не очень разбирался в металлах, так что, даже если бы люди разговаривали на родном ему языке, все равно не смог бы поддерживать беседу. Впрочем, это его не интересовало, поскольку он знал, что чужеземцы открыли обиталище духов. Святое место. Более святое, чем то, о котором говорили провидцы, лежа на своих ложах сна. Более святое, чем то, что большинство философов могло вызвать в своем воображении.

История старого торговца оказалась правдой, его предсмертное предупреждение Зануру По-Раби основывалось на фактах. Он был в этом месте духов и вернулся с доказательством правдивости своей истории. Хомат засветился от гордости. Ни один тсла не добирался сюда, а старый май был. Путешествие убило его, но он успел вернуться и рассказать всему народу правду. Из всех маев только Хомат повторил его путь.

Не все эти странные и ужасные конструкции выглядели святыми, но большая их часть могла повергнуть в шоковое состояние членов Замура, пославших его сюда. Здесь было достаточно богатства, чтобы купить себе какое-нибудь предприятие или лавку, склады зерна или лодку. Здесь было достаточно богатства, чтобы купить целый город-государство. Достаточно богатства, чтобы купить целый мир.

Окаменевший Хомат разглядывал волшебные сооружения,

не смея прикасаться к серым массам драгоценного металла. Лира предупредила его не заходить далеко. Она заметила эффект, произведенный на проводника, хотя не поняла причин.

Некоторые сооружения возвышались метров на двести над полом пещеры к потолку, где лед отделялся от металла. Причина этого была очевидна, выяснилась при прикосновении. Большинство окружающего путешественников металла было приятно теплым на ощупь.

— Не очень тепло, — прокомментировал Этьен, — но энергия задействована приличная. Некоторые механизмы еще функционируют, защищая место от вторжения льда.

— Ни одного звука, — отозвалась Лира.

— Изоляция. Имеет смысл в таком холодном месте.

— Более чем просто смысл, — сказала женщина, проведя рукой по гладкому боку искривленного металлического эллипса. — Но нигде ничего не движется, нет никакой вибрации. Думаю, исключено, что нагрев может быть характеристикой самого сплава.

Сняв одну перчатку, Лира подняла с земли короткий толстый кусочек какого-то желтоватого металла.

— Отбит. Видишь зазубренный край? — Она подняла голову. — Вероятно, упал откуда-то сверху. Трудно сказать, сколько он пролежал здесь, но он остался таким же теплым, как и остальные сооружения. Генерирование тепла — это первейшее свойство тела. Экзометрические реакции.

— Но не только просто экзометрические, я думаю, все гораздо более сложнее. Температура металла именно такая, чтобы лед не таял над огромной полостью в ледяном колпаке.

— Возможно, — тихо произнесла Лира, — установка была построена до того, как ледяной колпак продвинулся так далеко на юг. Может, ледники просто похоронили ее под собой.

— Они заняли это место минимум десять тысяч лет тому назад, насколько мы можем извлечь из того малого, что нам известно о геологии Тсламайны.

Женщина ничего не ответила.

Путешественники продолжали осмотр, но не нашли никаких следов строителей странной конструкции. Все выглядело массивным, солидным, казалось сформированным из отдельных матриц. Этьен и Лира не обнаружили ни дверей,

ни окон, ни одного намека на размеры или форму строителей. Только гладкие геометрические фигуры. Удивило также отсутствие каких-либо пультов управления.

— Это полностью автоматическая установка, — заметила Лира. — Она полностью рассчитана на действие длительный период времени без какого-либо постороннего наблюдения, поэтому не было необходимости выставлять пульты управления на холодный воздух.

— Вероятно. Мы получили бы более точный ответ, если бы узнали, работает эта штука или бездействует.

— Для этого необходимы приборы. Сядь и отдохни, Этьен. Я скоро вернусь.

Лира направилась к судну, взяв с собой двоих тсла. С их помощью она установила рядом с корпусом несколько чувствительных зондов, направила их на странную конструкцию и начала считывать показания. Некоторые приборы работали с расстояния эффективно, а некоторым требовалось получить данные о структурах от выносных датчиков.

Металл сам по себе выделял тепло, с точки зрения источника энергии странная установка бездействовала. Показатели, появившиеся на дисплеях, были сравнимы с мощностью самих приборов землян и батарей их судна. Хотя осмотр трудно было назвать подробным из-за ограниченных возможностей оснащения экспедиции. Редоулы пришли к выводу, что что бы ни задумали спроектировать создатели установки, сейчас они уже ее не контролировали.

Компьютер проинформировал исследователей, что самовозбуждающиеся сплавы существовали только в теории... до сих пор. Что касалось самих машин, то они не соответствовали технологической архитектуре ни одной из известных цивилизаций.

Однако какой бы древней ни была странная установка, большинство ее частей прекрасно сохранились. Хотя отдельные элементы попадали на землю, следов коррозии ни внутри металла, ни на металлокерамике не было.

Хотя ученые не смогли определить возраст установки и ее создателей, им удалось приблизительно классифицировать использованные в ней материалы. Кроме индия, Этьен нашел две дюжины сплавов, не поддающихся химическому и спект-

ральному анализу. Причем одну маленькую металлическую пластинку компьютер определил как сплав металлического натрия, несмотря на тот факт, что во влажном воздухе пещеры не было ни малейшего следа окисления. Когда Этьен опустил пластинку в воду, и ничего не произошло, Редоулам показалось, будто они услышали, как к ним приблизились любимые духи Хомата.

Многое в лодке землян оставалось тайной для Тилла, и он никак не мог найти свежую штуку, называемую Лирой батареей или элементом питания. Он осторожно рылся в складском отсеке, стараясь ничего не повредить. Шорох наверху заставил его остановиться.

Любопытно. Тсла полез по трапу наверх. Его хобот вытянулся, пригнувшись. Звуки провели его через корпус и вторую палубу на самый верх. Он прошел мимо спальных кают людей, мимо места принятия пищи, которое они называли камбузом, и остановился в проходе, ведущем прямо в кабину. Тилл долго присматривался, прежде чем заговорить.

— Что ты здесь делаешь, май?

Хомат испуганно оглянулся, но, увидев того, кто его окликнул, успокоился.

— Просто смотрю. Нам, маям, всегда интересны новые вещи.

Тилл явно оскорбительно повел своим хоботом.

— Тебе нужно бы помочь нашим друзьям.

— Знаю, знаю. Я скоро приду. Но там так холодно, так холодно. — Хомат поежился.

— Мне тоже было холодно снаружи, но сейчас холод пробрался ко мне внутрь.

— Не понимаю тебя, философ.

— Ты слишком часто и подолгу стал находиться в самых важных местах корабля. Я замечаю это уже несколько дней. Ты всегда следил за действиями наших друзей, но после нападения на стал еще более внимательным. Думаю, друзья-пришельцы не заметили этого интереса. Они мудры, но во многих вещах по-детски наивны. К тому же заняты изучением нашей планеты и нашей жизни. Но я не так занят и не так наивен. Нужно выяснить, откуда у тебя взялся этот неестественный интерес. — Тсла повернулся, чтобы уйти.

— Стой, философ! — Холод внезапно перебрался из тела Хомата в его голос.

Тилл медленно оглянулся. Его взгляд упал на прибор, крепко зажатый в руке Хомата. Прибор был тяжелым для шестипалой кисти, и Хомат был вынужден поддерживать его второй рукой. Тсла достаточно часто видел этот прибор в действии, чтобы узнать его.

— Май, — прошептал Тилл, пытаясь вложить все свое презрение в это короткое слово.

Хомат не удивился и не испугался. Маи обычно побаивались тсла, но только не он, не Хомат. Эти покрытые шерстью твари были выше и сильнее, но отнюдь не умнее. Нет, размеры не были свидетельством большого ума, и Хомат планировал доказать это.

— Знаешь, что это такое? — спросил он, довольный собой, взмахивая прибором. — Это принадлежащий людям источник молний. Я видел его в действии много раз. Должно быть, его трудно сделать, но пользоваться им очень просто. Эти штуки, согнутые к нижней части пульта кобуры, — они сидят в своих маленьких домиках, получая силу от мировых духов, пока не станут готовыми служить людям. Но эти духи глупы. Они не требуют жертв, молитв или обещаний и будут служить тому, кто выучит ритуал общения с ним. За последние месяцы я тщательно изучил этот ритуал.

— Для чего? — мягко спросил Тилл, прикидывая расстояние до противника.

— Ты видишь спящих здесь духов и много этого драгоценного суннита. Достаточно богатства, чтобы купить полмира.

— Я уверен, — осторожно ответил Тилл, — люди не станут возражать против того, чтобы ты взял металла с собой сколько хочешь.

— Конечно, они позволят мне взять с собой немного, но чтобы он не мешал им везти бесполезные камни, собранные де-Этьеном в качестве образцов. Зачем мне кланяться и унижаться за нищенскую долю, когда я могу нагрузить металла столько, сколько сможет увезти волшебная лодка? — Он улыбнулся. — Я могу завладеть лодкой духов. Металл сделает меня правителем маев. Этот корабль сделает меня хозяином Гроаламасана.

Ярость Тилла сменилась грустью и жалостью.

— Бедный май, твои мечты больше твоего тела.

— Правда? — ехидно переспросил Хомат. — Я хотел подождать, но ты сам подтолкнул меня. Тсла всегда подталкивают маев. В конце концов мы победим вас. Видел, как действуют простые священные приборы людей? Просто прикасаешься к этой маленькой круглой штучке...

Этьен оторвался от огромной металлической массы, которую изучал, оперевшись на приспособленный для него Лирой костыль, и посмотрел в сторону судна. Свет от двух мощных прожекторов заставил его отвести взгляд в сторону.

— Ты ничего не слышала?

Лира тоже оторвалась от работы. Она попыталась опередить, не являются ли некоторые осколки, выпавшие из конструкции, пишущими.

— Что?

— Корабль. Кажется, я слышал какой-то звук.

Женщина пожала плечами:

— Я ничего не слышала.

Этьен задумался на мгновение, затем посмотрел направо:

— Йулур, ты не слышал никаких звуков на священной лодке?

Молодой тсла сидел на земле и играл какими-то цветными камешками.

— Нет, не слышал, Учитель.

И тут Этьен увидел приближающуюся к ним фигуру.

— Вон Хомат. Может быть, он что-то слышал.

Лира вернулась к работе, а Этьен подождал, пока их проводник выйдет из яркого света.

— Хомат, ты был около лодки. Ты ничего там не слышал?

— Слышал, де-Этьен.

Голос Хомата показался Этьену странным, но чем именно — он определить не смог.

— Да, слышал, — повторил май. — Это твой источник молний.

Лира, услышав это, медленно поднялась.

— Источник молний? — спокойно переспросил Этьен. — Ты хочешь сказать, он выстрелил? Как это случилось?

— Как обычно. — Не приближаясь к Этьену, Хомат вытащил из кармана своего термокостюма пистолет. Этьен застыл, а Лира прижалась спиной к металлической стене.

— Это случилось, — продолжал Хомат со все возрастающей уверенностью, — когда я прикоснулся к штуке, которую ты называешь спусковым крючком. Я прикоснулся к нему и вызвал духов молний. Я, Хомат, сделал это!

Этьен с трудом старался подобрать нужные слова.

— Это очень опасная вещь, Хомат. Ты не знаешь, что делаешь. Духи молний могут быть очень непредсказуемыми. Ты можешь поранить себя.

Хомат мягко рассмеялся:

— Вы умные люди. Вы пришли сюда из другого мира со своими волшебными приборами и пытаетесь убедить нас, что только сами можете пользоваться ими. — Он направил оружие на людей. — Но я тоже умею пользоваться им!

— Где Учитель Тилл? — вдруг спросил Йулур глядя в сторону корабля.

— Тихо, дикарь. Философ мертв. Я убил его вот этой штукой. — Хомат опять потряс оружием.

— Но зачем? — крикнула Лира, тоже повернувшись к судну.

Голос Хомата был таким же холодным, как и воздух вокруг.

— Чтобы убедить его, что я умею вызывать духов молний. На самом деле это очень просто. Только прикасаешься к спусковому крючку. — Один палец мая лег на кнопку огня.

Этьен отступил на пару шагов назад, опираясь на костыль.

— Не бойся, — сказал ему Хомат. — Я не собираюсь убивать тебя. Кроме того, мне нужны ваши руки и спины.

— Для чего?

Хомат посмотрел мимо Этьена. Его глаза сверкали.

— Чтобы загрузить лодку серым металлом.

— Иридиевым сплавом? Ваш народ тоже ценит его?

— Больше, чем что-либо еще. Он сделает меня хозяином мира.

— Мы не станем возражать, если ты возьмешь с собой ме-

талл, — сказала Лира. — Бери сколько тебе нужно, чтобы стать богатым. Мы же обещали заплатить тебе за помощь.

— Философ сказал мне тоже самое. Но я сам возьму свою плату, де-Лира. Я хочу загрузить металла столько, сколько сможет увезти лодка духов. Мы освободим место, выбросив все бесполезные вещи, которые вы собирали по дороге сюда, образцы растений, камней и все остальное.

— Хомат, ты не посмеешь! Нам эти образцы нужны для изучения.

— Ты не понимаешь, де-Лира. То, что важно для тебя, теперь не имеет значения. Не имеет значения, что люди умнее маев, что ты умнее меня, хотя я больше в этом не уверен, что ты больше и сильнее. Все это теперь не имеет значения. — Хомат взмахнул пистолетом. — Я не прикасался к нему, когда мы бросались на на. Он убил Ученого. Я уверен, он может убить и тебя. Даже такие примитивные существа, как май, могут понять это.

— Так это не Ирквит была представительницей Занура, — обвиняюще заявил Этьен. — Их представителем был ты.

— О, нет, Этьен, она была представительницей Занура. Мы оба были. Но она считалась старше меня, и я не мог стерпеть этого. Мне не нужно было, чтобы она болталась рядом, наблюдая, как я изучаю ваши чудеса.

— Значит, ты предатель. Предатель своего города-государства По-Раби, Занура, своего Майта Найоке де-ме-Холмура.

Хомат в негодовании топнул ногой.

— С этого момента Найоке де-ме-Холмура для меня ничто. Он ничтожнее гравия, перекатывающегося около входа в эту пещеру, ничтожнее капель росы на полях. Занур теперь тоже ничто. Все ничто по сравнению с богатством, которое лежит здесь. Если я захочу, то куплю себе По-Раби в качестве зимнего дома. Я буду хозяином всего.

Лира с трудом сдерживалась.

— Послушай, Хомат. Может быть, ты и умеешь пользоваться этим пистолетом, не обжигая себе пальцев, но управление судном — совсем другое дело.

— Правда? Я долго наблюдал, пока вы думали, будто я мерзну и дрожу в ожидании вышей защиты. Однажды я уже управлял лодкой. Это не очень-то и сложно. Надо понимать

всего несколько кнопок, а одна позволяет духу внутри работать самому по себе.

— Даже автопилот требует некоторого управления.

— Неужели? Думаю, вы подскажите мне. Посмотрим.

— Послушай, Хомат, подумай, что будет, — попытался убедить его Этьен, — если мы не вернемся? Наши друзья на станции отправятся искать нас. Они найдут наш корабль и тебя.

— Возможно. Если это произойдет, я опять стану жалким и трусливым маем. Я объясню, что вас убили на, а я, Хомат, не зная, что делать, вернул священную лодку владельцам. Думаю, они позволят забрать мне металл да еще похвалят за храбрость и преданность.

— Даже если предположить, что ты сможешь управлять лодкой, — сказала Лира, — как ты сможешь провести через ее Топапасирут без помощи тсла или жителей Джакайе?

— Думаю, они тоже поверят моей истории. А если нет, то я использую другие способы убеждения. — Хомат кивнул в сторону горы металла. — Тсла тоже торгуют. Они не устоят против обещания богатства. Не все волосатые только сидят и размышляют о смысле жизни. Они работают в своих лавках, на полях, а когда спускаются к Скару, деньги им тоже нужны. К тому же есть еще одна причина моей уверенности.

— Еще одна причина?

— Один старик, торговец из По-Раби, опередил вас. Он добрался до этого места без источников молний, без удивительной одежды, как та, которую вы мне дали, без священной лодки, он побывал здесь и вернулся в По-Раби с доказательством открытия. С вашими знаниями под моим командованием мы доберемся до По-Раби. Но зачем говорить о случае, если вы не вернетесь? Я не держу на вас зла, и мне необходима ваша сила, чтобы загрузить волшебную лодку. Тогда и посмотрим. Было бы проще, если бы вы согласились помочь мне вернуться в Скатанду. Возможно, я даже верну вам вашу лодку. У вас не будет этих собранных вами бесполезных камней и сорняков, но останутся их снимки. Ясно одно: у вас нет иного выбора, вы должны помочь мне. Если нет, я потрачу несколько больше времени на погрузку металла с

помощью этого дикаря. — Хомат указал на Йулура. — Я все равно это сделаю. А вас тогда мне придется убить.

— Мы с Йулуром поможем загрузить тебе корабль, — пообещала Лира, пытаясь скрыть свою злость, — но без Этьена, у него может открыться рана.

— Тогда ты опять ее заклеишь.

— Не думаю, что это удастся. По крайней мере, не так легко с нашими инструментами.

— Нет. Тсла работает с тобой или умирает прямо сейчас. Я не могу следить за ним, пока он будет сидеть и ждать момента, чтобы застать меня врасплох.

Этьен подался вперед.

— Я буду осторожен, Лира, не волнуйся. Я могу надеть ремень и работать левой рукой.

— Наши образцы... — в отчаянии произнесла женщина. — Все, что мы с таким трудом собрали, что позволило бы нам начать складывать целостную картину этого неизвестного мира. Все выбросить!

— От них все равно не будет никакого проку, если мы погибнем, — заметил Этьен.

— Неглупая мысль, — одобрительно заметил Хомат. — Да я и не считал вас глупыми. — Он опять взмахнул оружием. — Мне здесь не нравится. Давайте поторопимся.

Хотя Этьен работал очень осторожно, боль не оставляла его. Кровотечение не возобновилось, но у Лирь болело сердце, когда она смотрела, как он поднимает тяжелый сплав и тащит его к судну.

Хомат наблюдал за работой молча, судя по всему, угрызания совести его не мучили. Нижний отсек был уже полон, и они начали складывать куски металла на вторую палубу. Йулур носил грузы вдвое больше людей, и работа шла очень тихо.

* * *

Через несколько дней обессиленная, вспотевшая в своем термокостюме Лира рухнула на землю и угрюмо сказала Хомату:

— Больше наше судно не выдержит.

— Нет, там есть еще свободное место, — настаивал тот. — Вы должны продолжать.

— Слушай, Хомат, металл очень тяжелый. Если ты положишь еще и на верхнюю палубу, то нарушишь устойчивость судна. И драгоценный металл всего мира не поможет тебе, если ты перевернешься на середине Скара.

Женщина задержала дыхание и опустила глаза. На самом деле их корабль выдержал бы еще тонну с лишним, но она сомневалась, что Этьен выдержит еще один день работы.

Хомат колебался, наконец согласился.

— Хорошо. Хватит, этого достаточно, чтобы купить пару городов. К тому же я всегда смогу вернуться сюда за новой партией.

— Прекрасно, — отозвался Этьен. — Теперь позволь нам помочь тебе поймать удачу, чтобы наши с тобой пути поскорей разошлись. К сожалению, это произойдет не очень скоро.

— Если ты собираешься оставить лодку себе, — добавила Лира, — доведи нас хотя бы до Турпута. Мы найдем, на чем добраться оттуда до станции. Когда мы окажемся там, ты уже будешь на полпути к Гроаламасану.

— А что потом? — подозрительно спросил Хомат. — А потом вы соберете своих друзей и с огромным количеством вашего страшного оружия устроите погоню за бедным Хоматом, убьете его и украдете его славу. — Он крепче стиснул пистолет.

Лира медленно поднялась с земли.

— Хомат, не будь дураком.

— Это не входит в мои намерения.

Этьен попятился к массе чужеземного металла, споткнулся, и жена бросилась к нему на помощь, не отрывая взгляда от оружия.

— Теперь не нужно бояться этого, Хомат. Мы не станем гнаться за тобой. Дело того не стоит. Не стоит оно и нашего судна. Мы всегда можем раздобыть другое.

— Можете?

Лира, хорошо изучившая психологию маев, видела, что Хомат прилагает огромные усилия, чтобы завести себя и выстрелить. Убийство Тилла — это одно. Май и тсла не любили друг друга и часто воевали между собой. Но убийство людей

с другой планеты — совсем другое. Здесь были замешаны могущественные духи, и Хомат не чувствовал уверенности. Но он был готов совершить убийство. Лира видела это по его глазам, по его позе, по его голосу. Маленький костлявый лысый гуманоид-дикарь собирался хладнокровно убить двух людей на вершине своего мира, под потолком из древнего льда, в то время как за их спинами находилась загадка, которую им никогда не придется разгадать.

— Я буду держать раба, — торжественно заявил Хомат и жестом указал на Йулура, стоявшего рядом. Молодой гигант тсла выглядел обеспокоенным и смущенным. — Я использую его силу для возвращения домой. Его я не боюсь, но вам не доверяю. Я не могу все время бодрствовать, чтобы следить за вами. Как только я усну, вы забудете все свои обещания и сбросите бедного Хомата в Скар поискать удачу среди рыб. Я родился не для того, чтобы стать кормом для рыб. Это не для великого, отважного Хомата. — Он прицелился из пистолета.

— Когда он направит дуло на меня, — прошептал Этьен жене, делая шаг вперед, — беги. Я приму выстрел на себя, и, если ты сможешь скрыться за огнями лодки, у тебя появится шанс.

— Нет. Я не...

— Не будь идиоткой! — злобно прошептал Этьен, делая еще шаг вперед. — Хотя бы сейчас.

Дуло было направленно прямо на него. Палец Хомата потянулся прямо к кнопке.

— Воспользуйся своими ногами, Лира. Ради нас обоих.

Слезы навернулись на глаза женщины, ослепив ее сильнее, чем свет прожекторов. Она не знала, что делать, а времени принимать обдуманные решения не было. Если бы Этьен не был таким чертовски логичным! Но он был прав. Если она сможет скрыться в глубине пещеры, у нее появиться шанс проникнуть на судно незаметно от Хомата. Она была больше и сильнее мая.

Хомат увидел, что Лира начала пятиться, и перевел дуло пистолета с Этьена на нее. Опередить выстрел было невозможно, но оружие выглядело таким нелепым в руке Хомата. Этьен увидел, что противник заметил маневр Леры, и выпрямился, чтобы оказаться между ними. Однако ему не пришлось этого

делать. Точно такая же мысль пришла в голову тсла. Конечно, никто — и меньше всего Хомат — не ожидал, что Йулур встанет между пистолетом и целью.

У Этьена не было времени удивиться самоотверженному поступку тсла. Он замахал на Лиру правой рукой.

— Беги быстрее.

Та вцепилась в Тсла.

— Не понимаю. Йулур действует по своей воле!

— Не волнуйся за этого. Беги отсюда.

Лира оставила опиравшегося на костыль Этьена и бросилась в темноту. Хомат вцепился в нее, но Йулур опять загородил женщину.

— Убирайся, придурок! — рявкнул Май. Йулур молчал и не двигался с места. — Я сказал, убирайся! Ты нужен мне для обратной дороги.

Хомат слышал, как гравий вылетал из-под ног женщины. Конечно, он мог убить обоих, но его раздражало, что триумф несколько омрачен этим примитивным тсла. Хомат посмотрел на дуло пистолета.

— Сам виноват, идиот. Мне просто придется плыть без тебя. Внизу по реке я найду достаточно спин с безмозглыми головами на плечах. — Он нажал на кнопку.

Появилась яркая вспышка, сопровождавшаяся знакомым резким звуком.

— Нет! — крикнул Этьен и попытался броситься на Хома-та. Но из-за разделявшего их расстояния маневр оказался напрасным. Резкая боль пронзила его раненый бок и ногу. Этьен упал. Пыль засорила ему глаза. Он лежал молча, глядя перед собой. Йулур не упал после выстрела. Он не упал, потому что его больше не было на том месте, где он стоял.

Но там было что-то другое.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Несколько секунд Этьен был уверен, что выстрел поразил его. Этим можно было бы объяснить видение. Или, может быть, молчаливый тсла обладал силой древних. Этьен моргнул, но

видение не исчезло. Его бок пылал, из носа сочилась кровь. Это было реальностью. Но на месте, где минуту назад стоял Йулур, теперь находилось нечто высотой метра в четыре. Оно было тонким и серебристым. Холодные вязкие края дрожали и колыхались, словно круги на воде после падения в нее камешка. То, что недавно было Йулуром, напоминало башню из темной воды. Там, где внутренняя рябь добиралась до вершины, серебряное сияние начинало переливаться другими цветами: серым, белым, голубым и малиновым. Распространяясь по частям неустойчивой воды, разноцветные пятна тускнели и снова становились серебристыми.

Хомат стоял неподвижно, конвульсивно сжимая в руке пистолет. Вероятно, он не смог бы уронить его, даже если бы захотел. Вдруг все ужасы, все страхи детства, все старые сказки маев о демонах, дьяволах и злых духах, которые он, взрослея, автоматически впитал в себя, обрели реальность перед его вытаращенными глазами. Хомат затрясся и потерял контроль над собой. Он попытался закричать, но с губ срывался только сдавленный писк.

Сквозь боль Этьен, похоже, услышал, как Лира вскрикнула из своего убежища. Все, что женщина могла теперь, — это смотреть на башню пульсирующего серебра, в которую превратился Йулур. Из них троих, ставших свидетелями этого чуда, больше всех изумилась именно она, Лира Редоул, поскольку она была знакома с мифологией и фольклором полсотни миров и знала, что то, что стояло сейчас перед ними в пещере, имело основу в гипотетической реальности.

Видел ли кто-либо это раньше? Вряд ли, поскольку никогда не приводилось достойных доказательств существования подобного существа. Слухи награждали его различными именами, каждое из которых являлось скорее описательным, чем подтверждающим.

— Будь я проклята, — в страхе пробормотала Лира. — Мутабл.

Этьен услышал жену, и это слово вонзилось ему в мозг. Мутабл... Народные сказки об этих изменчивых существах рассказывали не только в Содружестве, но и в мирах империи Анн и на других планетах, вращавшихся в пустоте за границами политических блоков. В каждой перемещавшейся

в космосе цивилизации ходили легенды о встречах с меняющими форму. Но мифы и сказки рассеялись в темноте пещеры перед сверкающей реальностью, которая недавно была неторопливым телом Йулуром. Легенда, сказка, стала реальностью. Что бы это ни было, оно спасло Лире жизнь. Дальнейшие его намерения были неизвестными.

Пока Этьен лежал на земле, глядя на дрожащую серебряную форму, ему пришло в голову, что они с Лирой первые люди, которые видят Мутабла воочию. Он защитил Лиру. Это было сейчас самым важным.

Этьен подумал, не может ли это постоянное движение являться признаком нестабильности. Постоянно переливающаяся башня повернулась, показав что-то, что можно было принять за большой глаз. Темно-серый овал плавал в море серебра. Второй мог плавать где-то рядом с первым вне поля зрения Этьена.

Двигаясь как по смазанным жиром ступенькам, мутабл направился к судну. Движение его было бесшумным. Из середины башни появилось щупальце, потянувшись к пистолету в дрожащих руках Хомата. Наблюдая, Этьен удивился, как невероятное существо избежало воздействия асинанта.

У него не было возможности проследить за результатом второго выстрела, потому что май, вздрогнув последний раз, повалился на гравий. Оружие выпало из его ослабевших рук. Щупальце тут же убралось обратно. Для Хомата это уже не имело никакого значения, поскольку его тело неподвижно лежало около судна с прижатыми к груди коленями. Вся агрессивность мая исчезла вместе с жизненными силами. Причина смерти была ясна и без вскрытия: Хомат умер от страха, убитый на месте ужасами накопившимися за сотни лет в его народе.

Мутабл наклонился над телом мая, затем выпрямился, медленно развернулся и отошел в сторону. Камни и гравий придавливались под ним. Там, где прошло странное существо, оставался такой след, будто по земле прокатился тяжелый шар.

Несмотря на большие размеры, он двигался с легкостью и грациозной плавностью. Лира смотрела на него, помогая Этьену подняться. Она не слышала ни одной легенды, где бы го-

ворилось, что это существо кому-нибудь навредило, но все-таки было не очень комфортно стоять перед ним в темноте и холоде, с трудом поддерживая серьезно раненного мужа.

Хотя зрачков не было видно, Лира чувствовала, что пара больших серых пятен на вершине серебристой массы наблюдает за ней.

— Пожалуйста, не бойтесь, — сказала существо. Оно говорило четко, знакомым голосом Йулура, хотя без характерной медлительности тсла. — Да, я — то, что называют мутаблом. Я — тот, которого вы знали как Йулура. Пожалуйста, не тревожьтесь. — Верхняя часть серебристой башни наклонилась к кораблю. — Мне жаль, что он умер, но сего, как и весь его народ, преследовал страх. Вы, однако, более развиты и не подвержены предрассудкам.

— Не переоценивай нас, — услышал словно со стороны свой голос Этьен. — Я страшно испугался тебя.

— Вы не должны бояться. — Голос существа был невероятно нежным.

— Мутаблы существуют только в легендах, — пробормотала Лира.

— Мы предпочитаем, чтобы все именно так и думали. Это многое упрощает.

Лира отошла от Этьена и протянула вперед дрожащую руку.

— Не хочу тебя обидеть... но можно мне дотронуться?

— Пожалуйста, если это поможет тебе убедиться в моем существовании.

— Нет. Я знаю, что ты здесь. Просто мне хочется.

— Тогда пожалуйста.

Лира слегка дотронулась до серебристого бока, обнаружив, что на ощупь он напоминает теплый винил. Пришлось приложить усилие, чтобы не отдернуть руку. Не из-за высокой температуры, а из-за постоянного движения существа. Женщина отступила назад. Ее руку слегка покалывало.

— Если вы оба не возражаете, — сказал Этьен, — я немного посижу, поскольку немного устал.

Признаком его крайнего изнеможения являлось то, что он позволил жене помочь ему без обычного ворчания.

— Ты сказал: «Это многое упрощает», — повторила женщина. — Но что именно упрощает?

— Нашу работу. Мы — сторожа.

— Сторожа... Кого же вы сторожите?

— Ксанка.

Лира нахмурилась.

— Никогда не слышала о них.

— Но ты знаешь о Тар-Айме и о Хар Рикки, которые преобладали в этой галактике, пока не уничтожили друг друга в Большой войне.

— Да, я знаю историю, — ответила Лира. — Обе расы исчезли из этой части галактики сотни тысячелетий назад.

— Ксанка старше обоих. Они древнее, чем их память. Мы их сторожа, охранники. Мы сами не знаем, являемся ли самостоятельной расой или созданными ими машинами. Нам известна только наша работа.

— Эти Ксанка жили и правили до Тар-Айм и Хар Рикки?

— Они не правили. Они просто были. Их зонды достигли таких отдаленных миров, которые можно выразить только математически. Они вышли за пределы галактики, за соседние группы звезд, которые вы называете Магеллановыми облаками. Они добрались до этих мест.

— Ты имеешь в виду технологию, способствующую проникновению в межгалактическую щель, — заметил Этьен. — Но это невозможно.

Мутабл вежливо остановил его:

— Разве ваш народ не считал раньше таким же невозможным достичь скорости света. Я говорю тебе, что Ксанка создали такую технологию.

— Эта планета искусственная?

— Нет.

Существо задумчиво сдвинулось вправо, чтобы люди могли осмотреть его в свете прожекторов лодки. Это был жест вежливости, и Этьен позволил себе расслабиться.

— Ксанка не создавали этот мир. Они просто устроили его в соответствии со своими нуждами. Столкновение астероидов, в результате которого появилась впадина, наполненная водами Гроаламасана, не было несчастным случаем.

— Зачем это понадобилось?

— Ксанка требовалось много воды, которая циркулировала бы только в одном направлении, течение которой никогда бы не менялось. Это обеспечивается расположением четырех лун. Океанические течения движутся в направлении, которое вы называете «по часовой стрелке». Постоянное движение, обеспеченное лунной гравитацией, не требует энергии и управления. Оно существует и было запланировано для огромных двигателей, скрытых под дном океана. Поскольку Тсламайна тектонически стабильна и уже несколько эр не испытывала землетрясений, опасности, что машины будут разрушены, нет. Они установлены и ждут, готовые к запуску механизмом океанических течений. Течения на дне Гроаламасана очень мощные, даже по стандартам большинства миров. Эта конструкция необходима, поскольку в этом районе больше нет стабильных океанических миров. Машины скрыты от пришельцев с других планет. Они бездействуют уже десятки тысяч ваших лет.

— И сколько же десятков тысяч? — спросила Лира.

— В сумме несколько сотен миллионов.

— И вы все это время охраняете установки?

— Мы долгожители или хорошо спроектированы, — деловито пояснил Мутабл.

— Я не верю, — заспорила Лира. — Ничто и никто не живет сотни миллионов лет!

— Скалы под вашими ногами живут. Наша внутренняя структура подходит им больше, чем ваша. Может быть, вас заинтересует, что меньшая установка, похожая на ту, которая дремлет под океаном этого мира, существует и на вашей планете.

— На Земле? — воскликнула Лира. — Но ведь ничего подобного до сих пор не было найдено. Неужели она так надежно защищена?

— Да, но та установка была уничтожена перемещением ваших материков. Она была смонтирована, когда континенты представляли собой единую массу и существовал единый, гораздо больший мировой океан, чем на Тсламайне. Но Ксанка не были всемогущими. Они не могли запланировать все. Правда, на Земле была только маленькая система. Основной передатчик смонтирован в этом мире. После его установки здесь

независимо друг от друга развились три жизненные формы. Они не подозревали о существовании установки. Никто. — Существо указало шупальцем мимо людей. — Это крошечная часть антенной системы передатчика. Основное устройство лежит под вашими ногами. Наша задача сделать, чтобы оно оставалось в рабочем состоянии вместе с экстенсивной сменной сетью, с которой может быть установлена связь.

— Установка может действовать через ледяной колпак?

— Нет. Если передатчик перейдет в рабочее состояние, часть льда, если не весь лед целиком, растает. — Мысли Этьена быстро мелькали в голове.

— Уровень Гроаламасана поднимется настолько, что вода затопит все города на планете?

— Как уже было сказано, — извиняющимся тоном произнесло существо, — все было спроектировано много лет назад и Ксанка не могли все предвидеть. Однако подобное может никогда не произойти. Система не действует сотни миллионов лет, с момента создания. Кто знает, сколько еще пройдет времени, пока что-нибудь случится?

— Никто не строит ничего подобного, — пробормотал Этьен, — для бездействия.

— Почему нет, Этьен? — с обезоруживающим спокойствием спросила Лира. — А как насчет сигнализации, которую люди устанавливают в своих домах? — Лира не могла оправиться от изумления. — Что же это такое?

— Мы не знаем, для чего эта система, — грустно ответил Мутабл, — никто из нас не знает. Мы только сторожа, а не операторы и не создатели. Мы делаем то, что нам велели несколько эр назад. Наблюдать за системой и держать ее в готовности. Не думайте, будто мы просто сидим и мечтаем. У нас своя культура. Мы представляем собой одну из форм перемещающихся в космосе рас, посещаем друг друга, поскольку в каждом мире мы живем в одиночку. Мы дебатлируем, помогаем соседям диагностировать и решать проблемы, но обычно дел мало. Ксанка строили все на тысячелетия. Что касается назначения системы, о нем знают только сами Ксанка.

— Что же с ними случилось? — спросил Этьен. — Если они достигли такого прогресса в науке, почему позволили Тар-Айм и Хар Рикки занять свое место?

— Тар-Айм и Хар Рикки ничего не занимали. Обе расы выросли и развились в вакууме, оставленном после ухода Ксанка. Они не заставляли Ксанка улетать. Ксанка никогда нельзя заставить сделать. Они ушли, потому что нашли нечто такое, с чем не могла справиться их технология.

— Но зачем они оставили эту систему? Чтобы она дала им знать, когда можно будет вернуться? Ты знаешь чтонибудь об этом?

— Только то, что она станет активной, когда кто-нибудь захочет проявить себя. — Мутабл заколебался. — Мы знаем, что система связана с одной частью космоса.

— Ты можешь выражаться поточнее?

— Она находится в направлении созвездия, которое вы, земляне, называете Волопас. Это созвездие видно с вашей планеты, но та часть космоса значительно дальше. Район весьма скромных размеров — около трех сотен миллионов световых лет. Объем — приблизительно миллион кубических мегапарсеков.

Этьен на секунду нахмурился, пока названные цифры не всплыли в его памяти.

— Великая Пустота! Мы знаем о ней уже сотни лет. Да, это действительно «скромный» район. Он должен быть заполнен галактиками и туманностями, как любая другая часть космоса, но он пуст. С точки зрения астронома, там ничего нет. Немного свободного водорода и несколько изолированных звездных масс непснятного строения.

— Мы это знаем — согласился Мутабл. — Но мы не знаем, для чего предназначен передатчик Ксанка.

— Думаю, он связан с чем-то очень простым, — пробормотал Этьен. — Мы, люди, стадные существа. Мы любим толпы, а не пустоты.

— Вы заинтересовались.

— Ксанка, кажется, были интересным народом. Ты не чувствуешь никакой угрозы?

— Мы не волнуемся, и вам не стоит. Слишком много времени прошло, и ничего не случилось.

— Значит, ты считаешь, что какая-то угроза все же существовала?

— У нас было много времени, чтобы оценить возможности.

Когда существование чего-то посвящено одной задаче, у него есть достаточно времени поразмышлять. Нужно признаться, некоторые из нас считают, что система Ксанка является предупреждающей.

— Странно, но твои слова меня не успокаивают, — проговорила Лира.

— Мне хотелось бы всех успокоить. И себя тоже. Вы должны знать это. Мы всегда успокаиваем себя, говоря, что Ксанка действовали таинственными путями.

У Этьена голова кружилась от всех этих разговоров о пустотах в космосе, о чужеземных установках, бездействующих неисчислимо количество эр и ждущих какой-то неизвестной проблемы, чтобы заявить о себе, о сторожах, которые могут менять свои формы и передвигаться незаметно среди различных цивилизаций.

Ему необходимо было поговорить о чем-то, в чем он разбирался.

— Значит, ваша задача — следить за неприкосновенностью системы Ксанка?

— Да.

Этьен подозвал к себе жену и спросил меняющего форму:

— Тогда тебе необходимо решить сейчас, что делать с нами.

— Прошло очень много времени с тех пор, как был установлен этот передатчик, — тихо отозвалось существо. — Тогда река расширила пещеру и проделала широкий вход. Его должен был запечатать лед.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос. Как быть с нами?

— Я с удовольствием изучал тебя в течение многих дней, Этьен Редоул. Проще всего было бы предоставить местным жителям распорядиться твоей судьбой или сделать это самому

Рука Лиры стиснула руку мужа.

— Но после сотни миллионов лет выполнения единственной задачи, — продолжал Мутабл, — вырабатывается большое уважение к местным формам жизни, которые развиваются, не уничтожая друг друга. Когда за кем-то внимательно наблюдают высшие существа, цивилизации вырабатывают свои законы.

Этьен позволил себе понадеяться, что древняя философия остановит палача.

— Вы мне нравитесь. Вы простые, примитивные, но милые. Много народов по этому признаку не занимают высоких мест в списке. Вы занимаете. Я тоже. Вы нравитесь мне сами по себе и еще за то, что представляете. Мы ведь не просто части хитроумно спроектированной машины. Мы — личности и можем восхищаться индивидуальностью других. Ваша настойчивость и одержимость, ваша (уж не улыбка появилась в верхней части колонны) преданность выбранной профессии напоминают мне нас самих.

— Я рада, что мы тебе понравились, — сказала Лира. — Ты нам тоже нравишься. Но откуда у тебя уверенность, что мы не приведем сюда других людей, рассказав им нашу историю, и не покажем им эту часть передатчика?

— Я буду следить не только за тем, чтобы пещера оставалась запечатанной, чтобы передатчик оставался в рабочем состоянии, но за тем, чтобы скрывать его от ваших самых чувствительных приборов, даже если те станут прощупывать планету в течение нескольких лет. Что касается землян, то мы наблюдали за человечеством достаточно долго. Вы не опасны. К тому же существует третий способ защиты — вы дадите мне слово!

Лира взглянула на мужа, затем опять на Мутабла.

— Надеюсь прожить еще долго, но не думаю, что когда-нибудь еще услышу такой комплимент. Мы даем тебе слово!

— Спасибо, женщина. Дело сделано. Оно доставило мне удовольствие.

— Я хотела бы только, — добавила Лира, — чтобы тот тсла опять был с нами и тоже дал тебе слово.

— Мне очень жаль. Обнаружить себя — нелегкое дело. Меня не оставляла надежда, что май пощадит вас и я смогу помочь вам, не выдавая себя. У меня не было возможности помочь тсла.

Фигура существа зарябила еще сильнее. Люди отступили назад, когда серебристая кожа начала покрываться темно-серыми пятнами. Те становились белыми, бледно-желтыми и, наконец, превратились в светло-коричневые. Постепенно башня начала уменьшаться. Внутренние структуры уплотнялись. Трансформация произошла в полной тишине. И перед людьми снова оказался Йулур.

— Думаю, во время возвращения вам будет более приятно общаться со мной в таком обличье. Надеюсь, моя компания не будет раздражать вас. Я уже запустил систему, необходимую, чтобы скрыть приемник от посторонних.

И в самом деле, Лира услышала сзади легкий шум и ощутила вибрацию под ногами.

— Мне нравится ваша компания, — продолжало существо в облике Йулура. — У меня не было возможности пообщаться с вашей расой, поскольку я никогда не работал в мире, заселенном людьми. Вы интересный юный народ.

— Добро пожаловать в нашу интересную юную компанию, — сухо отозвался Этьен. Будто они могли избавиться от Мутабла, даже если бы захотели. — Каковы бы ни были твои мотивы, ты спас нам жизнь, хоть и заставил разделить с тобой тайну, которая останется нераскрытой в течение всей нашей жизни.

— Я думаю, — мечтательно сказала существо, — Ксанка ушли по каким-то личным причинам и оставили эту передающую установку с целью помочь разумным особям развиваться во время их отсутствия. Это прекрасная мысль. Я предпочитаю считать их мудрыми и бескорыстными, нежели безразличными.

Путешественники направились вниз по склону к лодке. Йулур помогал Этьену идти. Тот в первое мгновение отпрянул, но потом взял себя в руки. Ведь шерсть на руке их бывшего носильщика была настоящей, и от него пахло, как от настоящего тсла. Они попрощались с Тиллом. Лира несколько облегчила ситуацию, торжественно предложив Этьену выполнить стандартный похоронный ритуал тсла. Это вызвало между супругами перестрелку взаимными оскорблениями, к которым Йулур прислушивался с большим интересом. Этьен закончил схватку тем, что уже не делал очень давно. Он обнял жену и крепко поцеловал. Супруги долго стояли обнявшись, а Йулур очень внимательно следил за ними. Такие взаимоотношения были ему непонятны. Меняющий форму вздохнул древним, тихим вздохом, не громче ветерка, который двигает водород между звездами. Жизнь этих людей была короткой вспышкой сознания, затем наступало забвение. Дыхание

жизни заключалось в порыве эмоций и нескольких поспешных мыслей.

Мутабл мог только почувствовать это. Для него жизнь представляла собой марш к неизвестному концу. И еще существовала работа.

Этьен занял кресло пилота, дотронулся до нескольких кнопок и нахмурился. Лира подошла к нему:

— Какие-то неприятности?

— Похоже. Прожекторы горели дольше, чем мы планировали. Батареи разрядились, и я не могу завести двигатель. Нам придется некоторое время плыть по течению, пока солнце не подзарядит батареи.

Йулур осмотрел пульт:

— Думаю, я смогу помочь вам. Теперь мне нет причины скрываться.

Правая рука тсла начала меняться. Шерсть и мышцы стали тонкой пластиной ярко-серебристого цвета. Небольшое щупальце пролезло в маленькое силовое гнездо. Лодка вдруг задрожала, и на приборной панели засветилось полдюжины надписей.

— Простите. Сопротивление оказалось меньше, чем я думал, — пояснил Йулур, вытаскивая щупальце из гнезда и опять превращая его в руку. — Мутаблы не просто сильные. Они — сами по себе сила.

— Удобно для трудного пути. Пара сотен миллионов лет специализированной эволюции дали вам эффективный стартовый толчок. Хотя это звучит как-то неуважительно. — Лира была явно ошеломлена.

Этьен еще раз попытался завести двигатель, и тот наконец зазвучал. Судно поднялось на два метра над гравием и развернулось к реке. Прожекторы освещали путь. Началось долгое путешествие обратно вниз по Скару к Турпуту, к станции Тимер и домой.

Этьен и Лира возьмут длительный отпуск, чтобы составить официальный отчет о проделанной работе. Теперь этот отчет казался почему-то не таким уж важным, как в начале экспедиции. Все выглядело каким-то неважным, кроме того, как Лира крепко прижималась к Этьену и как он играл прядями ее волос.

Видимую часть передатчика Ксанка сзади них поглотила арктическая тьма. Он бездействовал, но скоро-скоро должен был заработать. Внутри огромные массы пи-мезонов, ионов, частиц, важных и неважных, двигались по предписанным им траекториям на скорости, близкой к скорости света... как в течение бесчисленных веков. И одна из крошечных секций, не замечаемая ни некомпетентными людьми, ни сторожем-мутаблом — меняющим форму, вдруг подала признаки жизни. Необычное движение на субатомном уровне могло усиливаться, а могло и затухнуть.

Но что-то уже произошло. Что-то было запущено. Как скоро это потребует внимания, не мог сказать даже внимательный сторож-мутабл. «Скоро» — уместный термин, он абстрактен, но верен благодаря своей бесконечности. За более подробным объяснением того, что значит «скоро», нужно обратиться к Ксанка.

Где бы они ни были.

PHORMULA

PHORMULA

1

Стоял прекрасный день, воздух был свеж и прозрачен, небо — безоблачное и яркое (и еще какое яркое!). В такой день все казалось возможным. Даже смерть. Правда на этот день в расписании Эвана Орджелла смерть не была запланирована, но именно к такому исходу он приближался. И ничего нельзя было сделать, чтобы предотвратить это.

Потому что его скафандр был безнадежно испорчен.

Все вокруг него в необычном плантокосмогоническом мире, называемом Призмой, кишело жизнью. Его визит на эту планету имел своей целью обосноваться здесь для дальнейшей жизни. Теперь становилось похоже, что он останется здесь не для жизни, а для чего-то совсем другого.

Воздух вокруг его лица был полон кислорода, которым он не мог дышать. Недалеко бурлил ручеек, прохладную воду которого он не мог пить. Вокруг росли леса, наполненные растениями и животными, которых он не мог употребить в пищу.

Его лицо пригревало солнце Призмы. Оно ярко сияло, но грело не сильнее, чем звезды, окружавшие мир Эвана, планеты Самстэд. В полдень здешняя температура была определенно благотворной. Он мог дышать воздухом Призмы, пить здешнюю воду, есть собственные запасы провизии, но, тем не менее, теперь ему предстояло умереть, поскольку его скафандр оказался выведенным из строя.

Так не должно было быть, ибо этот скафандр был особенным даже по уникальным стандартам Самстэда. Он был создан специально для этого визита. Инженеры и дизайнеры сконструировали его так, чтобы уберечь Эвана от любых опасностей, какие только можно было себе вообразить, для любых мыслимых и немыслимых неожиданностей, которые можно было

ожидать от такого мира, как Призма. Но изобретатели этого скафандра не учли, да и не могли учесть, одного — крайней отчужденности обитателей Призмы, плюс к тому же еще их врожденного коварства.

Эван допускал, что это нельзя было всецело поставить в вину конструкторам. Инженеры, привлеченные к работе по созданию этого костюма делали его, имея в виду миры, жизненные формы которых представляли собой вариации на уже знакомые им темы, жизнь, основой которой являлся атом углерода. Призма не была таким миром. С самого начала жизнь здесь была не такой, как в других мирах, и по мере эволюции эти различия становились все более и более значительными.

Эта эволюция и вывела из строя его скафандр.

Солнце продолжало опалять его беззащитное тело. Хотя температура за пределами искусственного эпидермиса оставалась приятной, внутри она неумолимо повышалась. Эвана ужасно мучила жажда. Он попытался сдвинуться с места. Сервомеханизм не действовал, и он упал, прямо как и стоял, на спину.

Его левая рука не двигалась совсем. А правая рука начала ужасно болеть, когда он протянул ее к воде. Эта рука была серьезно повреждена, точнее сломана, но он решил, что легче будет достать немного воды рукой, которая еще хоть как-то действовала, чем пытаться включить кран с водой, расположенный в шлеме.

Вскоре, однако, он понял, что, даже дотянувшись, не сможет поднести воду ко рту, этому помешает пуленепробиваемое лицевое стекло. Правая рука еле двигалась, и он решил оставить эту затею. Эта попытка утомила его так же, как утомила и сама Призма с тех самых пор, как он ступил на ее блестящую, вводящую в заблуждение поверхность.

Все казалось таким простым и честным на Самстэде. У него была бесподобная возможность для продвижения по службе внутри компании. Никому и в голову не могло прийти, чтобы он не выполнил задание. У него никогда раньше не было провалов. У кого угодно, только не у Эвана Орджелла.

Методичный, великолепный, пронизательный, неукротимый. А также горящий желанием, повелевающий и самонадеянный. Все эти определения как нельзя лучше подходили к нему с самого начала его карьеры. Таким видели его те, кто восхищался им, а также и те, кто ненавидел или, попросту, завидовал. И все эти определения в той или иной степени были точны. Такое слово как «провал» просто не сочеталось с именем Эвана Орджелла.

Не сочеталось раньше, до этого момента. Потому что его скафандр был сломан, хотя защитные скафандры как правило не ломаются. Видно, настало время свершаться тому, чего не случалось ранее.

Он лежал на спине, пытаясь собраться с силами и отрегулировать дыхание. Тем временем все мысли его были направлены на обдумывание дальнейших действий. Прежде всего следовало выбраться из-под прямых солнечных лучей. Используя правую руку, как рычаг, он подsunул ее под себя и оттолкнулся. Послышался скрежет, его тело переместилось, и он оказался на пару метров правее от того места, где находился раньше, очутившись рядом с цветоложем каскалариана.

Благодаря этому своему незначительному достижению, он почувствовал небольшую радость, и от этого на душе у него стало немного светлее.

Каскалариан выполнял в этом мире ту же экологическую функцию, что и деревья на Земле и Самстэде. Хотя, строго говоря, его нельзя было назвать деревом. У него не было ни листьев, ни хлорофилла. Состоящий из трех частей ствол достигал в высоту трех метров. От него параллельно земле росли острые шипы. Они обеспечивали охрану прозрачно-зеленоватого ствола, в котором кишела жизнь. Некоторые части этого растения двигались. Это растение напоминало Эвану осыпавшуюся рождественскую елку.

Все части сходились в середине ствола. Это пространство было строго ограничено. Соревнование за жизнь внутри растения было жестоким и велось постоянно, хотя все его части

представляли собой замкнутые системы. Велась борьба за еду, точнее, за солнечный свет.

Тонкий прозрачный наружный панцирь растения наподобие линзы усиливал падающий на него солнечный свет. За панцирем виднелись формы, окрашенные в голубой цвет и цвет морской волны. В некоторых местах можно было заметить нездорово выглядящие розовые пятна губчатого вещества. Но таких пятен было немного.

Каскалариан являлся органическо-силикатной структурой, как и большинство жизненных форм на Призме, ибо этот мир зиждился не на углероде, а на кремнии. Это был мир стекла, красоты и беспорядка.

«Неважно, — подумал Эван. — Неважно, дерево это или нет, тень есть тень.»

Он повернул голову и посмотрел вниз, туда где тек ручей. Прохладная, чистая, бурлящая вода могла спасти ему жизнь, но он не мог дотянуться до нее. Руческ был полон снежных хлопьев, настолько крупных, что двадцать из них заполнили бы его ладонь.

У каждой снежинки были маленькие прозрачные ножки, заканчивающиеся плоскими подушечками. К их спинкам были прикреплены согнутые крылья размером каждое с ноготь большого пальца. На каждой спинке находилось по одному крылу. Снежинки собирались в тех местах, где вода была спокойной. Когда всходило солнце, они делали все, чтобы получить как можно больше его света, толпились и отпихивали друг друга, стараясь занять лучшее место. Каждое крылышко-фоторецептор было окрашено в свой цвет: красный, голубой, темно-фиолетовый или изумрудно-зеленый. На каждой голове находилось по паре крошечных кристалльных глаз. Глаза были окрашены в тот же цвет, что и крылья.

Забирая силу у солнца Призмы, эти создания в полном молчании сновали туда-сюда вокруг воды. Своими маленькими ртами они всасывали богатую силикофлагелатом воду. Мысли о хищниках не давали покоя Эвану. От каскалариана или от ярко окрашенных снежинок не исходило никакой опасности. Но он знал, что Призма была домом для многих существ, которые с радостью разодрали бы его на куски и сделали бы это не ради мяса, а ради того изобилия ценных

минералов, которые содержались в его теле. Человеческое тело было просто кладовой, хранилищем множества полезных элементов. И не только тело, но и пресловутый скафандр. Для здоровенных зверюг, которые питаются падалью, нет большой разницы между человеком и его одеждой. И то и другое они пожирают с одинаковым удовольствием.

Роскошное тело, богатое металлом, калием и кальцием... Не тело, а просто рудник. «Это моя шахта», — подумал Эван, слишком измученный, чтобы смеяться. Солнце поднималось все выше и выше, и вместе с ним росла температура внутри скафандра, несмотря на то, что он находился в тени каскалариана. Эван начал обильно потеть. Надо было что-то предпринимать.

Пришла пора что-то придумать. И сделать это следовало побыстрее, потому что навстречу Эвану кто-то двигался. Он пока не мог разглядеть конкретно, что это было, зрение ему этого не позволяло. «Но чем бы оно ни было, оно выглядит очень большим, а значит не может быть серьезно опасным», — заключил Эван.

Он не мог четко видеть всего происходящего вокруг, потому что лицевая часть его гермошлема также была испорчена. Этот шлем со специальным стеклом, позволяющим человеческим глазам адаптироваться к этому миру, был также жизненно необходим, потому что бытие на планете Призма было организовано по принципу преломления. Нормальная геометрия здесь не действовала. Предметы здесь имели тенденцию делаться неясными, если пристально смотреть на них в течение долгого времени, так как человеческий глаз старался найти в этом мире несуществующие формы и организации. Преломление происходило где-то между первым и вторым измерением (или вторым и третьим?) Никто, даже математики, не могли с уверенностью сказать этого.

Но любые подобные вопросы не будут беспокоить человека, глядящего через линзы Хаусдорфа. Именно такие линзы и были вставлены в гермошлем Эвана. Впрочем, как уже говорилось, скафандр был сломан. В результате преломленные фигуры выглядели неправильными, когда он смотрел на них через неотрегулированное стекло. А тем временем незнакомый объект продолжал приближаться.

Это не просто приводило в замешательство. От этого можно было просто сойти с ума. К счастью, Эван был слишком уставшим, чтобы сильно волноваться. Он так измучился!

Он вел себя совершенно пассивно, чувствуя, что сейчас заснет или потеряет сознание. Он не был точно уверен, что с ним скорее произойдет. Да это и не имело значения.

Он лишь надеялся, что подкрадывающийся к нему объект первым начнет пожирать этот чертов скафандр, а не его самого.

2

Шторм бушевал во всю, в то время как Эван быстро шел по Корбиски-авеню. Ему это нравилось. Сильные грозы были частым явлением в этой части Самстэда. Вестер, сильный дождь и вспышки молний бодрили и веселили его. В прямом смысле погода абсолютно не действовала на него, потому что, как и на всех жителях Самстэда, на нем был надет защитный костюм.

Его костюм являлся новейшим научным достижением. Внутренние регуляторы этого костюма позволяли человеку идти навстречу сильному ветру, не чувствуя при этом никакого напряжения. Специальные обезвоживающие и рассеивающие устройства следили за тем, чтобы лицевое стекло шлема оставалось чистым. Другой прибор поддерживал постоянную температуру и влажность, сохраняя костюм теплым и сухим. Легкий гибкий материал был темно-зеленого цвета. Черные диагональные полосы проходили вокруг груди, левого плеча и левой ноги. Две светло-зеленые полосы проходили по правому плечу Эвана — он был равнодушен к нарядам.

На улицах было много горожан, спешивших по своим делам и на каждом из них был надет индивидуально окрашенный костюм. Никто из них не обращал внимания на ураган, сотрясающий город.

Все эти костюмы были удобны не только для тех, кто носил их, но и для окружающих, так как одежда отражала не только индивидуальный вкус, но и профессию, и благосостояние, и

личные интересы, Эван прошел мимо женщины, с возмущением унимавшей двух своих отпрысков, которые баловались со стабилизаторами, чтобы летать свободно в воздухе на расстоянии примерно одного метра над мостовой. Эван мог слышать ее крики по универсальному коммуникатору, распространяющему свои сигналы во все стороны. Она опаздывала на какой-то деловой ленч, и у нее не было времени на игры с непослушными детьми. Кроме того, если они не поторопятся, если они не будут слушаться и вести себя как положено, они пропустят занятия по балету.

Эти доводы убедили молодежь вернуть регуляторы в прежнее положение. Они мягко опустились на землю и зашагали в полном молчании, следуя за своей матерью. Только один мальчик время от времени отрывался на пару сантиметров от мостовой, пока строгий взгляд матери не заставлял его немедленно вернуться обратно.

Эван улыбался, наблюдая за этой немой сценой между матерью и сыном. Затем он завернул за угол и очутился перед постройкой, похожей на крепость, с вогнутым сводом на фасаде. Он направился к производящему впечатление входу через центральную площадку. Над входной дверью голубым хрусталем была выложена мозаика, изображающая легенду об Авроре. В центре площадки перед зданием находился трехступенчатый фонтан, сделанный в форме символа компании. Фонтан представлял собой три огромные буквы, поставленные в форме пирамиды. Несмотря на сильный ветер, фонтан работал как положено. Вода была аккуратно наполнена гидростатическими зарядами.

Дверь узнала Эвана и разрешила пройти. Как только он вошел в фойе, его костюм автоматически приспособился к тепловой температуре внутри. Прикосновение к кнопке на правом запястье — и смотровое стекло вместе со шлемом откинулось назад, на костюм, сформировав высокий аккуратный воротник в стиле британских адмиралов семнадцатого века. Когда лифт доставил Эвана на четырнадцатый этаж, его костюм уже сам высушился и расправил образовавшиеся складки.

Ничто в его виде теперь не указывало на то, что предыдущие полчаса он провел, прогуливаясь под проливным дождем. Только безумство погоды на Самстеде послужило

поводом для изобретения таких костюмов. То, что появилось по необходимости, было развито привычкой и модой в гораздо более искусно и красиво сделанные вещи. Изобретения науки постепенно прокладывали путь к зарождению общественного вкуса, что было необычно для Самстэда.

Сирам Мачока уже ожидал его. Так как пока в президентском офисе не было заметно ни одного письменного стола, можно было заключить, что предстоящий разговор должен носить неофициальный характер. Это вполне устраивало Эвана. Он чувствовал себя гораздо лучше, когда не требовалось применять дипломатические тонкости.

Он вошел внутрь. Никто не потребовал от него никаких документов, ни человек, ни машина. Это выглядело небрежностью со стороны хозяев. Правда, за всеми его передвижениями следил глаз монитора. У них не было причин останавливать его. В компании он был своим человеком, и его костюм содержал символику этой фирмы.

Мачока улыбнулся и махнул рукой, указывая Эвану на кушетку. Несколько замкнутых окружностей и группы белых и желтых полосок украшали верхнюю часть его костюма. Узор начинался на правом плече. Левая часть костюма была легка вздута. Эта часть была набита различными регуляторами. Стол, стоявший рядом, был чистой формальностью. Костюм Мачоки давал ему право вступать в контакт с любым членом компании.

Эван терпеливо ждал, крайне самоуверенный, каким и был всегда. Но он был не в силах скрыть свое любопытство. Раньше он никогда не встречался с Мачокой. У них просто не было повода для встреч. Эван был работником этой компании, а Мачока — ее президентом. Они находились на разных уровнях. Теперь же появилась причина, по которой два этих уровня пришли во взаимодействие, и Эван был заинтригован.

Коллеги по работе поддразнивали его по поводу этого вызова, хотя Эвана нелегко было вывести из себя. Это было частью его характера, иногда раздражавшей тех, кто не знал его, и отпугивал тех, кто знал. Он не мог понять, почему он мог заслужить чье-то уважение, но не любовь. Он был дружелюбен и весел, всегда был готов помочь, если появлялись какие-то проблемы. Смог ли бы он так помогать, если бы был более

изящным? Конечно, его высокий рост не особенно способствовал новым знакомствам. Высокие люди только пугают, в то время как маленькие стараются понравиться. Но ведь наше сердце не зависит от роста.

Близкие друзья, которых у него было совсем не много, понимали достаточно, чтобы выслушивать его речи и шутить с ним над его недостатками. Они поздравляли его с новым достижением. За эти успехи его должно было ожидать новое повышение по службе.

По крайней мере, размеры Эвана не привели в замешательство Мачоку. Президент компании ничуть не уступал Эвану в росте, хотя его кожа была гораздо темней, а шевелюра не такая густая, чем у его служащего. На лбу и шее у него были татуировки в виде спиралей, а в ушах висели большие металлические серьги. К его бритому лбу был прикреплен наконецник из титана. Места, на которых крепились украшения, ограничивались областью черепа. Он не носил ни колец, ни браслетов. Ничего не было прикреплено к его костюму. Наряд его был чисто деловой.

Наконец Мачока отвел взгляд от окна, сквозь которое он наблюдал за штормом, и, повернувшись, обратил внимание на своего посетителя.

— Садитесь, Орджелл.

Несмотря на все усилия владельца офиса устроить все так, чтобы посетители чувствовали себя свободно и могли расслабиться, Эван почувствовал какую-то напряженность в голове президента.

Эван согнулся на кушетке. Она стояла недалеко от прозрачной стены. В паре метров от него находилось окно, на которое сильный ветер бросал дождевые капли.

Вдруг что-то негромко пискнуло в костюме Мачоки. Немного раздраженный этим, он посмотрел на Эвана с извиняющейся улыбкой, протянул руку к кнопке на правой стороне своего костюма и прошептал что-то, наклонив голову к воротнику. Эван расслышал несколько слов.

— Никаких звонков на весь следующий час, пожалуйста.

Нельзя было сказать, предназначались ли эти слова человеку или автоматическому устройству.

Несколько лампочек на правой стороне костюма Мачоки

после этого немедленно сделались темными. Только одна по-прежнему продолжала гореть ярко-красным светом.

— Очень приятно видеть вас, сэр, — вежливо сказал Орджелл. Он не предполагал, что окажется в такой узкой компании с президентом, но стало очевидно, что они действительно оставались вдвоем. И от этого он почувствовал себя еще более самоуверенно. У него не было никаких, даже малейших, сомнений в том, что скоро ему придется снова отправиться куда-нибудь по делам компании. Ездить ему приходилось часто.

Существует небольшая группа людей, которые уверены, что способны сделать абсолютно все, о чем их попросят. Эван Орджелл был одним из таких. Конечно, он был не всемогущим. Он не мог выполнить *абсолютно всего*, что угодно. Но он был убежден, что способен на многое. И это чувство уверенности придавало ему силы.

Мачока потянул вверх свой рукав, пока не стал виден тонкий браслет. Таким образом, Эван был не прав, когда думал, что на теле президента нет никаких украшений.

— Что вы думаете об этом?

Эван склонился вперед и внимательно осмотрел браслет. Он был ярко-желтого цвета и граненый со всех сторон.

— Я не специалист по камням. Я не могу определить, натуральный этот камень или искусственный и стоит ли он чего-нибудь.

— Он натуральный.

Мачока, казалось, пытался спрятать свое удовлетворение. Президент поднялся, подошел поближе к Эвану и вытянул перед ним свою руку.

— Смотрите. Приглядитесь повнимательней.

Эван снова посмотрел на браслет, не понимая, что такого особенного он должен там увидеть. Камень был многогранным. Из центра кристалла тянулась тоненькая ниточка, которая сплеталась с другими. Эти добавки или поддерживающий каркас были явно приделаны ювелиром, чтобы закрепить камни. Обо всем этом Эван рассказал Мачоке.

Президент не мог больше скрывать своего удовольствия.

— Нет, ты должен приблизиться к правде.

Эван был немного озадачен. Он занимался серьезной рабо-

той. Если президенту компании захотелось поиграть с ним в «угадайку», то ему, черт побери, лучше подыскать кого другого на эту роль.

Мачока, увидев, как неловко почувствовал себя его гость, прибавил, на этот раз уже более серьезным тоном:

— Дотроньтесь до него.

Нахмурившись, Эван вытянул свою правую руку. Чувство, которое он при этом испытал, было в высшей степени необычным. У него создалось впечатление, будто он трогает что-то гладкое как воск, как вдруг острое жало заставило его отдернуть руку назад. Браслет изогнулся, прежде чем принять прежнюю форму на запястье Мачоки. Во время этого движения от браслета отделилась какая-то часть. В этом отделившемся бугорке Эван заметил два желтых невзрачных пятнышка. Это были глаза. Затем голова втянулась обратно, и браслет принял прежние очертания.

Мачока поднял руку и восторженно рассмеялся, любуясь произведенным эффектом.

— Не очень страшно, но, мне кажется, и этого вполне достаточно, чтобы отпугнуть многих хищников.

— Если вы думаете, что это хорошая шутка, то ошибаетесь, — Эван потер руку, которой он дотрагивался до браслета.

Мачока посмотрел на него.

— Мне говорили, что у тебя великолепнейшее чувство юмора, кроме тех случаев, когда шутки касаются лично тебя. — На этот раз Эван повел себя более мудро и ничего не сказал. — Мы называем это «спансет». Это органическая силикатная жизненная форма.

Любопытство Эвана сразу же перешло в недовольство.

— Как диатомная водоросль?

— Нет, гораздо более интересная.

Браслет, не двигаясь, сидел на руке Мачоки, словно кусок обрезанного цитрина.

— Так оно — живое? Как вы его кормите? Я вижу его насквозь, но не вижу желудка и вообще никаких нормальных внутренних органов.

Мачока повернулся к прозрачной стенке и сделал движение рукой. Свет ясно прошел сквозь камни браслета.

— Их можно обучить распознаванию индивидуумов. Оно узнает меня по телесному электрическому полю. Так, по крайней мере, сказал биолог. А кормить? Это же фототрофы.

— Что? То есть я, примерно, понимаю, что это такое, но никогда раньше не слышал такого термина.

Мачока повернулся к нему:

— Это — самое интересное, что нам до сих пор попадалось. Это животное — светоед. Оно живет на солнечном свете. — Он любовно провел пальцем по неподвижной кристалльной поверхности. — У него есть своя светопоглощающая система. Вместо того, чтобы преобразовывать свет в химическую энергию, он преобразует его прямо в электрическую. Это очень хорошо для машины, но не для живого существа, и эти принципы сводят наших исследователей с ума. Математически это возможно, но применять математику к живому существу — новая задача.

— Откуда оно появилось? Что это за мир?

— Полегче, приятель. Одно чудо за один раз, Орджелл. Что касается мира, где водятся эти твари, то мы пока толком не знаем, что он собой представляет. Но знаем, где находится. Это Призма.

Выражение лица Эвана изменилось.

— Мы, простите, говорим о физике, философии, или о прекрасных глазах нового инспектора отдела комплектации?

— Таково название этой новой планеты.

— Понятно. Я уже что-то слышал об этом, но, признаться, не очень-то представляю, что это и где.

— Так и предполагалось. Один из охотников компании случайно нашел ее. Очень немногие в нашей организации знают об ней, и мы всячески старались, чтобы это открытие не стало добычей прессы. Теперь об этом знает еще один человек.

Чувствуя сомнительность этой чести, Эван осторожно заметил:

— Я понимаю, почему вы старались держать это в секрете. Догадываюсь, какие перед нами открываются коммерческие перспективы — представьте себе драгоценный камень, защищающийся от воров!

Президент опять повторил свой жест.

— Это ничего, просто пустяк. Безделица, забава. Если уч-

есть, как мало мы сегодня об этом знаем, то перспективы... Пока мы не можем составить себе никакого представления о перспективах. В научном смысле я почти дилетант. Я — администратор, а не химик, не материаловед. — Он вдруг встал и принялся ходить взад-вперед перед гостем.

— Орджелл, мы об этом ничего не знаем, кроме того, что это — большое, очень большое дело. Больше, чем можно было себе представить. Этот мир — нечто новое, радикальное. Это так странно, что мои люди до сих пор спорят, кто должен проводить первичные исследования — биологи или геологи. Вообще-то кремнийорганические формы жизни уже встречались. Некоторые существуют на Самстэде, некоторые — на Земле. Но не в таких масштабах. Целый класс фототрофов — это уже открытие.

Эван снова поглядел на браслет.

— Он существует только на солнечном свете?

— Нет, он потребляет также небольшие дозы минералов и солей. Тоже пища в своем роде. — Он помолчал. — Вы получите полную информацию, прежде, чем отправитесь.

— Куда, сэр? — спокойно спросил Эван, хотя уже мог предвидеть ответ.

— На Призму, конечно.

— Но ведь я — не биолог и не химик, сэр.

Мачока повернулся направо и коснулся панели на груди. Видеоэкран площадью около десяти квадратных сантиметров, возник из ручки кресла. Президент, положил голову на руку и стал изучать дисплей, продолжая при этом разговаривать.

— Да, вы ни то и ни другое. Вы — междисциплинарник, мастер на все руки. Зная понемногу о том и о другом, вы можете решать любые проблемы. — Он оторвал взгляд от экрана. — У нас уже есть специалисты, работающие с Призмой. Но их задача отнюдь еще не выполнена. У них есть трудности.

— Какого рода трудности?

— Этого мы не знаем. Это входит в нашу проблему. Не знаем потому, что какое-то время не имеем контактов с тамошной станцией. Если бы там было что-то легко исправимое, они бы с этим уже справились. Этого не произошло. Может быть, просто обычный обрыв связи из-за отсутствия у них каких-то подручных средств.

— Тогда при чем тут я? Отправьте им команду связистов.
— Вы были одним из ответственных за исследования в области внемировой продукции Авила?
— Не совсем. Единственным ответственным за их развитие.
— Значит, у вас имеется собственный опыт, касающийся отдаленных миров, вы владеете компьютерной связью, и конструкции, которые вы разрабатывали, действительно успешно использовались в обстоятельствах сотен сложных кризисов в новых мирах. Правильно?

Эван кивнул:

— Это так.

— Поэтому, вы можете быть более подготовленным к решению проблем, связанных с Призмой, чем другие наши полевые работники.

— Может быть, но все же это не объясняет, почему бы вам не послать туда группу. Если хотите послать системника, я к вашим услугам, и почему бы вам не окружить меня несколькими специалистами?

Мачока побарабанил пальцами по ручке кресла. Вдруг он стукнул по видеоэкрану, отправив его обратно в гнездо.

— Вы спрашивали, почему вы не знали об открытии Призмы. Вы заслуживаете ответа.

— Я думал, что уже получил его.

— В таком случае, вы заслуживает подтверждения. Вы не слышали об этом, потому, что присутствие на ней исследовательской группы компании «Аврора» сейчас, ну, скажем, полулегально.

Эван попытался не улыбаться.

— Значит ли это, что другие должны иметь отношение к этому тоже полулегально?

— Только при недостатке такта, — спокойно ответил Мачока. — Мы смогли создать там на поверхности маленькую исследовательскую станцию. Вот и все. Оттуда исходит пока вся наша информация.

— Вместе с вашим интересом?

Мачока воздел руку.

— Да. Связь осуществлялась от случая к случаю, при сложном кодировании. Несмотря на эти предосторожности, их, я боюсь, засекли. Не так легко прятать вновь открытый мир от

остальной части Содружества. Если мы объявим об открытии, то по законам Содружества, разрабатывать Призму смогут любые компании или лица, которые удосужатся отправиться на Землю или в крупную колонию и заполнят требование на исследование и разработку. Вскоре появятся чины из Бюро стандартов, проверяющие, не злоупотребляете ли вы разрешением, разбирающие различные жалобы и вообще мешающие нам с вами делать дело.

— Понимаю.

Мачока кивнул:

— Я и думал, что вы поймете. Проблема в том, что, если наш проект будет засечен, нам придется свести нашу деятельность к минимуму. Это и затрудняет посылку туда полной команды. Такое событие сразу засекут эти мерзавцы из Надежности и Сотрудничества или Консорциума Гельвеция или другие, менее существенные конкуренты. А если мы найдем посторонних, мы еще более рискуем нашей секретностью. Но едва ли появление там единственного сотрудника «Авроры» привлечет особое внимание. Пока мы ничего не знаем о природе беспокойства на Призме, вот мы и решили — послать системника, чтобы он, может быть, разобрался в этом, прежде чем нам решать, что со всем этим делать.

— То есть меня?

— То есть вас. Уже то, что конкуренты не знают вас как специалиста по отдаленным мирам — в нашу пользу. Им не может быть известна ваша работа на Авилле. — Мачока посмотрел на секцию кресла, поглотившую экран, но не стал его восстанавливать. — Вам не надо говорить, что не следует обсуждать это с другими. Если кто-то из коллег спросит, куда вы отправляетесь, скажите, что вас посылают на Интер-Кан-застан на конференцию по генетическим манипуляциям с зерном. Вы и полетите в том направлении, так что ваша поездка не вызовет подозрений. Команда вашего корабля получит инструкции быстро пройти рядом с Призмой, чтобы вас высадить. Вас заберут по первому же вашему требованию.

— Простите. Как же я попрошу, чтобы меня забрали, если там проблема с системой связи?

Мачока широко улыбнулся:

— Погодите, вы еще не видели комплекта, в котором бу-

дете работать. Если глубокое пространственное излучение не прервется из-за землетрясения или чего-нибудь вроде этого, вы с электроникой своего комплекта сможете включаться прямо в базовую систему генерирования. Этот комплект рассчитан на гораздо большее, чем ваше авильское оборудование. Наши инженеры законно гордятся им. — Он помолчал. — В Совете есть люди, которые считают, что я в этом деле слишком осторожен. Думаю, что нет. Слишком велика ставка. Это слишком важно для меня, для компании. Если мы не будем шуметь год-два, из этого дела можно будет извлечь несметные богатства. То есть, будем держать на расстоянии жадных людей из Надежности и «Гельвеции». В это также нельзя посвящать Совет Содружества, не говоря уже о Союзе Церквей, этой шайки благочестивых моралистов, которым лучше не соваться к Призме, пока мы это дело хорошенько не разработаем.

Но если все будет тихо, примерно через год мы укрепимся. Тогда пусть уже все Содружество узнает о Призме. Тогда мы уже настолько опередим остальных в своих исследованиях, что другим компаниям придется платить за наши знания, так как это будет дешевле, чем начинать копать во всех мелочах самим. То же касается правительства или церквей.

— А если нас выведут на чистую воду?

Мачок пожал плечами.

— Если это будут конкуренты, мы потеряем огромные деньги. Если правительство или церковь, мы можем потерять нашу свободу. Как ни посмотри, Призма — большой риск.

— Риск захватывает, поэтому слово «Призма» звучит для меня захватывающе.

— Тут ваша уверенность в себе, может быть, и будет полезной. Так вы принимаете наше предложение?

— Конечно. Неужели вы думали, что я откажусь? Я еще не отказывался от командировок компании.

— Мне и говорили о такой реакции, я знаю ваше отношение к делу.

— Полагаю, отношение у меня нормальное, — заметил Эван, защищаясь.

— Но мне говорили, что вы дьявольски честолюбивы.

— Я не честолюбив. Я просто верю в свои силы.

— Ну, может быть, сейчас это и понадобится.

— Я уже сталкивался с тысячами теоретических проблем отдаленных миров, работая над продукцией для виллы. Думаю, что на Призме нет ничего такого, с чем бы я не сталкивался в теории, если не на практике. Я думаю, что смогу установить проблему и предложить решение.

— Я тоже на это надеюсь, Орджелл. Хотя боюсь, что этот мир предложит вам тысячу и одну проблему, о которых вы не имеете понятия.

Эван почувствовал, что теряет терпение. Если Мачока хочет его запугать, то напрасно.

— Итак, об этом мире не известно ничего, кроме того, что он — «иной» ?

— Ну да. Обычная предварительная информация. Известно только, что климат там сносный, воздух мягкий и нет местных болезней, опасных для нас, инфекционных, конечно. Конечно, исследования — в зачаточном состоянии, но судя по всему, эта планета выглядит как экзотический рай. Для вас это может быть будет, как отпуск.

Конечно, думал Эван, не считая того, что «отпускники», перед ним отправившиеся на Призму, ни с кем не выходили на связь. Он потерял то место, где его ужалил браслет. Неожиданность этого поразила его больше всего, но все же — вдруг это просто защитный механизм местных форм жизни?

— Я хотел бы сообщить вам больше, но вы сегодня же получите всю информацию, необходимую для выполнения этой миссии. Да ведь вам и не надо будет бродить по планете. Для этого есть специалисты на станции. Вы просто исполните роль прославленного агента, и я надеюсь, что вы самостоятельно решите проблему, и сэкономите компании время и деньги.

— Я сделаю все возможное, сэр.

— Ну да, так и говорится во всех донесениях. Пусть у вас не болит голова.

— Разве что, если атмосфера там окажется более разреженной, чем вы мне сказали.

— У вас есть чувство юмора, это — хорошо. Вам будут помогать вплоть до высадки. Не стеснясь, просите все, что нужно. У вас будет должное прикрытие. Вы отправляетесь первым классом на важную межпланетную конференцию по

генетике. Лучше вызубрите несколько менделевских заклинаний, чтобы это звучало профессионально. Если вам понадобится что-то из библиотеки компании...

— Спасибо за предложение, сэр, но моя — достаточно богата.

— Еще один глотатель книг по множеству предметов, а? Хотел бы я сам позволить себе такую роскошь. К сожалению, кто-то должен управлять делами компании. Я читаю только цифровые данные и личные донесения. Сухой материал. — Он снова поднял руку, чтобы полюбоваться браслетом. — Что может быть более волнующим? Завидую вашему визиту. Я бы и сам хотел повидать этот мир, но никому не могу передоверить повседневные дела. А если бы и смог, мои передвижения не удержишь в секрете от конкурентов. Так что вам предстоит быть моими глазами и ушами, Эван. — Он впервые назвал его просто по имени. Эван знал, что это — специально.

— Что из моих вещей брать с собой, сэр?

— Стандартные дорожные костюмы. Если хотите, компания даст вам и новые. Вы должны с комфортом проделать цивилизованную часть путешествия.

— Как объяснить мое отсутствие на конференции по генетике?

— Я смотрю, вы подходите к делу всерьез. Не волнуйтесь. Если кому-то и придет в голову следить за этим, подходящее объяснение подберут. Не думаю, чтобы это пришло в голову, но — на всякий случай обеспечим. Не занимайтесь мелочами. Об этом позаботятся. Отправляйтесь туда, вникните в то, что происходит, напишите доклад, понятный даже для меня и объясните, что мешает нашим людям работать. Я уже говорил, что мы хотим сохранить Призму в секрете на год-два. Будет очень хорошо, если хотя бы на год. Но, может быть, при всех наших мерах, у нас не будет и половины этого срока. Поэтому каждый день, каждый час сегодня укрепляет наше преимущество над конкурентами.

— Если нужно, могу отправиться завтра.

— Хорошо. — Мачока встал. Эван почувствовал, что прием заканчивается. Он также встал и обменялся с ним рукопожатием.

— Я заинтересован в докладе из первых рук по вашему воз-

вращении, — сказал президент, когда они шли к лифту. — Может быть, вы извлечете пользу из того, что я показал. У меня есть кусочки с Призмы в медленной заморозке, и черт меня побери, если я понимаю хоть половину из того, что вижу.

— Буду ждать новой встречи, сэр.

Эван поработал над кое-какой архивной информацией на своем домашнем компьютере и теперь понимал замешательство Мачоки. Несмотря на замечательный личный информационный банк, он постоянно вынужден был останавливать запись и лезть в справочники.

Все, что прямо касалось этого мира фототронов и органических силикатов, было очень трудным для восприятия, но дело было еще во внешнем виде этих созданий. Формы жизни, описанные в предварительном докладе, просто не могли существовать. Они, должно быть, были созданы воображением кружка пьяных художников, выдающих свои фантазии за реальность.

Проблема состояла еще и в том, что многие из записанных образов были нечеткими. Авторы приносили свои извинения, что-то насчет трудностей фотографирования частичной геометрии без линз Хаусдорфа. Опять приходилось лезть в справочники.

У него кружилась голова, когда он на другой день делал доклад в отделении компании, о котором он до того и не подозревал. Оно было расположено в небольшом фабричном комплексе на окраине города. Снаружи здание выглядело совершенно обыкновенно, внутри же было несколько иначе.

Там они показали ему MBM.

3

Он слышал о них, но до сих пор видел только случайно, в новостях, посвященных исследованию новых миров. Ну и конечно, не ожидал, что придется мерить самому. И все же перед ним был его собственный MBM. Эта была новая и самая лучшая модель комплекта Мобильности во Враждебных Мирах (как хвастались демонстрировавшие его инженеры). Он был

предназначен для жизнеобеспечения и защиты путешественников в опасных мирах. Скафандр был прочным и жестким, в отличие от повседневного рабочего костюма.

Они поместили его в МВМ, сделав так, чтобы ему было удобно, а затем устроили полную проверку систем комплекта. Но даже небольшие приготовления и указания были ни к чему, потому что комплект сам инструктировал носителя, как им лучше пользоваться. Здесь не было проблем с техническими средствами, и большинство команд были вербальными. Комплект был настоящим чудом современной техники и изготовлен по его собственному размеру. Оператор, уверяли его, его будет надежно защищен на поверхности Призмы или любого другого мира. Последние сомнения Эвана в связи с путешествием рассеялись.

Когда он возвращался, снова началась буря, но он не видел этого. Он видел только открывающееся перед ним будущее. Может быть, вице-председательство или пост первого консультанта компании. Кто-то может считать его честолюбивым (с чего только люди такое берут?), но это не замедлит его продвижения по служебной лестнице. Такие достижения много значат для людей вроде Мачоки. Тут уж Эван Орджелл постарается. Его двадцатипятилетняя служба в компании достигла пика. Оставалось только установить проблему, предложить решение и написать простой доклад.

Мачока, пожалуй, и не догадывается, что это Эвану следовало заплатить ему за случай столь заманчивой, как знакомство с Призмой.

Он шел возможно быстрее, несмотря на дождь. На улицах, как всегда, была толпа. Группа городских служащих чистила засоренную водосточную канаву. На одном был костюм с «вилками» для передачи энергии коллегам, спецодежда которых была оснащена ремонтными «руками».

Он прошел мимо доктора и медсестры. Они напоминали коробки с конфетами в своих полосатых красно-белых медицинских костюмах. Красные полосы мягко поблескивали, показывая, что оба — выходные. Их комплекты одежды содержат достаточно медицинского оборудования, чтобы делать медицинские операции на месте. А более серьезные операции потребуют дополнительных техников в особой спецодежде.

Эван читал в какой-то исторической книге о так называемой «больнице». Древние даже тяжелораненых людей тащили в здание промышленного типа, чтобы там их лечить, вместо того, чтобы сделать все необходимое на месте. Подумать только, жертву несчастного случая травмировали перемещением!

Полицейский в голубом бронированном костюме стоял и болтал с уличным торговцем. У последнего на костюме было несколько светящихся экранов с распечатками для желающих сделать покупки. Глядя на экран, Эван чуть не налетел на женщину, рекламировавшую игру в тройчатку. На гибком экране от ее шеи до колен сменяли друг друга сцены предстоящей игры. Чтобы обеспечить внимание прохожих, экраны исчезали через непредсказуемые интервалы времени и экран становился совершенно прозрачным, на одну секунду, а потом реклама возобновлялась.

Трое детей остановились у кондитерской. Он заметил их потому, что их вопли заглушали все остальное на его коммуникаторе. Торопливые взрослые не обращали внимания на их крики, так как дети уже находились под покровительством их собственных костюмов, которые не переносили незапрограммированных и ненужных отклонений. Только родители или педагоги могут изменить программу, поэтому детям придется довольствоваться соками и молоком, которые предложат их костюмы.

Эти размышления навели Эвана на мысль, что он сам был голоден. Он нажал одну из кнопок, встроенных в левый рукав его костюма. Появился небольшой диспенсер, встроенный в правое плечо. За несколькими хлопьями мании последовала доза самостационарного чая, горячего, очень сладкого. Закуска была достаточной для того, чтобы добраться до дома. Конечно, он не снимал костюма, куда не оказался в безопасности в своей квартире. Не стал также привлекать внимание, оскорбляя общественную мораль.

В просторных комнатах был беспорядок, контрастировавший с психикой обитателя. Вещи, бумаги, пленки были разбросаны в углах на мебели и даже на кухне. И, конечно, книги. Его немногие гости всегда обращали внимание на книги. Настоящие, отпечатанные на древесной бумаге.

Диски или пленки могут содержать и в тысячу раз больше

информации, но держать их в руках — совсем не такое удовольствие. Настоящая книга дает еще и осязательное и зрительное удовольствие.

Он все собирался когда-нибудь навести здесь порядок. Подруги безуспешно пытались помочь ему в этом. Возможно, его резкие ответы, что так он ничего не сможет найти, мешали им провести эту работу полностью. Может быть, дело было в том, что никто из них не задерживался дольше нескольких месяцев. Они обычно переходили в общество пусть менее блестящих, но более управляемых мужчин.

За исключением Марлы. Она была структуральным дизайнером, и довольно хорошим. И ей хватало ума, чтобы понимать его работу и поддерживать разговор с ним. Она отличалась от остальных еще и тем, что сумела проникать в его душу и понять, что при всем своем уме, в сущности, он был так же не защищен, как и всякий другой. Отношения их развивались медленно, но верно.

Еще год, и он, пожалуй, сделал бы ей предложение. Во всяком случае, оба они были слишком практичны, чтобы продолжать платить за два дома, проводя так много времени вместе. Зрелость их взаимоотношений проверялась кухней Эвана.

Там он позволил ей гораздо больше, чем другим, в смысле уборки. В результате там стало возможно готовить еду в полугиgienических условиях. Следующей в повестке дня была ванная. Когда она дойдет до входной двери, придет пора жениться.

Она заслуживала того, чтобы знать, как прошла встреча. Марла тихо обрадовалась его звонку, признав, как важна эта командировка для его карьеры и их будущего. Еще она была, как всегда, осторожна, указав ему на потенциальные трудности и опасности, которые он просмотрел в порыве энтузиазма. Никаких криков и слез, только спокойное обсуждение. У Марлы было и еще одно отличие от других женщин, посещавших его квартиру. Можно много говорить о юной страсти, но когда тебе за сорок, надо трезво оценивать возможности. Жить с кем-то — вовсе не то же самое, что любить кого-то, тут требуется гораздо больше терпения и понимания.

Она пообещала присматривать за его коллекцией рыбок и другими домашними делами и пожелала ему скорого и благо-

получного возвращения, но без мелодраматизма. Добавила, что будет очень скучать. Он почувствовал теплоту и надежность, когда монитор на стене отключился. Пара нажатий кнопок наполнила комнату успокаивающими звуками Моцарта, а экран — пастельными тонами.

Потом он неторопливо разделся, поместив пустой панцирь одежды на держатель в загроможденном стенном шкафу и запрограммировав стандартную чистку и обработку. Раздевание всегда доставляло минуты неудобства, хотя, конечно, он был защищен своей квартирой, как большим костюмом. Можно было купить небольшой передвижной защитный комплект, но в этом районе пользование им запрещалось из-за большой плотности городского населения. Это изобретение служило скорее для деревенских жителей и сторонников кочевого образа жизни.

Проверка принимающего устройства показала наличие большого количества информации, требующей обработки. Он сел за компьютер и стал изучать ее с помощью декодера.

Он уже дважды покидал свою планету: один раз был на Земле на важной конференции компании, другой — на Новой Ривьере, для дорогого, обеспеченного компанией, отдыха. Время путешествия было обозначено раньше, чем появились координаты Призмы. Они не должны были удивлять его, но все же он оказался несколько растерян. Так далеко от Самстэда он еще не бывал. Предстояла длительная разлука с домом. Ничего, говорил он себе, с таким первоклассным МВМ нечего опасаться.

Посмотрев на монитор, он вспомнил о Марле. Он не был уверен, что ей будет приятно, если он ее навестит. Никто из них не думал о сюрпризах, оба по-своему планировали свободное время. Вот еще одна причина, почему им хорошо было вместе.

Нет, они уже попрощались. Следующий раз должен быть уже по возвращении домой, когда он расскажет ей о необыкновенных приключениях в чужом мире. Он займется Призмой, как и всеми проблемами которые ставила компания, разберется с этим, устроит дело на исследовательской станции, отдохнет, пока за ним прибудет корабль и подготовит

речь на презентации, которую его, конечно, попросят произнести перед Мачокой и Советом директоров.

Он уже планировал, как они с Марлой будут тратить полученные им деньги.

Корабль с двигателем КК, забравший его с орбитальной станции летал нерегулярно. Его полет в район солнца неизученной системы не вызовет вопросов.

В его секции было много разъездных служащих компании, забрасываемых, как семена, то в один, то в другой мир в надежде, что взойдет прибыль.

Он отдыхал в салоне первого класса, глядя на проделки выдр и рыбок в аквариуме, когда его наблюдениям помешала соломенного цвета блондинка. Кожа ее была почти прозрачной, а голубые глаза излучали ласку. Словно в противоречие со своей нежной кожей, она была крепкого сложения, но при всем том очень женственна в розовато-лиловом платье, покрывавшем ее от колен до шеи. Вдоль шеи оно было окаймлено гранатами, вшитыми в материал. Самым интересным была изменчивая прозрачность материи: от плотного лилового до красноватой дымки, скрывавшей, много открывая. Он вспомнил девушку с рекламой, которую недавно видел. Интересно, прозрачность можно регулировать или это фиксированное свойство самой ткани?

Заметив его внимание, она улыбнулась и пошла прямо к нему.

— Привет. — Голос ее был удивительно низким. — Первое путешествие?

— Нет, третье. Замечательный у вас наряд, он вроде и есть, и как будто нет.

Она захихикала, и это заставило его пересмотреть оценку ее возраста, чуть понизив его. Она вошла сюда одна. Не замужем, без приятеля. Может, с родителями?

То ли она прочла его мысли, то ли выражение его лица его выдавало, но она сказала:

— Не волнуйтесь. Я одна и я. — совершеннолетняя. Показать вам документы?

— Да ну, зачем мне они? — Ситуация была двусмыслен-

ной, Тут она может повернуть по-разному. Ее реакция также была двусмысленной. Она села рядом, и они стали болтать, будто старые друзья. Кажется, ей нравилось просто флиртовать и дразнить. Это и ему подходило, тем более, что остальные пассажиры казались слишком скучными. Трудно завязать интересный разговор, будучи гораздо красноречивее других. Особенно, пытаясь, как Эван, рассказывать по большей части о себе и своих достижениях. Но девушка, кажется, была рада сидеть и слушать все рассказы о его удивительных приключениях. Звали ее Милит.

— Значит, вы до конца, до Реплера?

Он рассмеялся:

— Никто не следует дотуда.

— А корабль?

— Просто доставляет груз.

— О, я не подумала об этом. — В одной руке у нее было полдюжины соломинок из стекла, соединенных вместе. Каждая была особого цвета и с особой жидкостью. Пока они разговаривали, она потягивала жидкость то из одной, то из другой. Платье никогда не было больше, чем молочно-прозрачным. Игра в угадывание в связи с этим была по-прежнему интригующей.

— Так куда вы направляетесь? — спросила она.

— На Интер-Канзастан. Конференция по генетике.

Она сделала гримасу:

— Звучит скучно.

— Должно быть, и будет скучно. Но это — не наше дело, наше дело — выполнять указания компании.

— Понятно. Я не такая энтузиастка, — она положила руку на его колено. — А где вы бывали? Вы говорите, что это ваше третье путешествие.

Он рассказал о конференции на Земле и об отдыхе на Новой Ривьере, и она больше не задавала ему вопросов о командировке, но он почему-то чувствовал себя неудобно. Просто какая-то нервозность. Разговоры о командировках, поездках — что может быть естественнее на борту кораблей.

Они снова заговорили об ее уникальном наряде. С изобретательностью не по возрасту, даже смутившей его, она решила ему, если ему это интересно, осмотреть весь ее

гардероб. Он долго думал над предложением, потом сказал, что сейчас очень устал и ему еще много надо почитать, подготовиться перед прибытием. Если она и была разочарована, то не показала этого, но больше к нему не подходила. Несколько раз в течение следующего дня он видел, как она разговаривает с другими пассажирами или иногда — с другими пассажирками. Он задумался, умно ли он поступил, завернув ее.

Пока она не улетела на межсистемном «челноке», он злился на себя за упущенную возможность. Он всегда был слишком осторожен. Но разум подсказывал, что он поступил правильно: сейчас не время для отступления от программы. Секретность и ставки того стоили. Но остальная часть его существа протестовала против такого решения. Огромный корабль шел через пространство — плюс по каким-то загадочным математическим законам, понятным только сверхкомпьютерам, а пассажиры и команда верили, что они придут в нужное место по отношению к остальной Вселенной, когда они на скорости, чуть меньшей, чем скорость света, вернуться в нормальное пространство. Еще пара таких прыжков освободила корабль от всех пассажиров, кроме одного.

Последний прыжок вывел их на орбиту безымянного мира. Сотрудник компании, который пришел за Эваном, когда тот через оконный обозреватель смотрел на облачный мир внизу, — был похож на гнома, перепутавшего время. Гном был высок ростом. Кроме нескольких каштановых прядей, волосы его были совсем белые. У него была аккуратная острая бородка, а легкая сутулость подчеркивала сходство со сказочным персонажем. Невежливое сравнение, подумал Эван. Нет ничего сказочного в дефекте позвоночника, который не может выправить современная медицина.

Кажется, гостю было далеко за семьдесят, но голос его был сильным и уверенным. Он привык приказывать. С Эваном он разговаривал вежливо, но не снисходительно.

— Так это вас они выбрали?

— Да, меня. Время отправляться?

Старик кивнул.

— Вы видели МВМ? Хорошо. Пора вам одеваться. Я не должен задерживаться здесь больше положенного.

Эван показал на обычный светло-зеленый костюм, который был на нем:

— Как быть с этим и с другими моими личными вещами?

— Это может подойти, как внутреннее. Легкий и гладкий. Посмотрим и другое ваше снаряжение. Может быть, внутри МВМ вам ничего больше не понадобится, но вы можете захотеть чего-то более комфортабельного для пребывания на станции.

— Я тоже так полагаю. Вы уверены, что пока мне больше ничего не потребуется?

Старик усмехнулся. Эван не мог бы сказать, протезные у него зубы или свои.

— Комплект предусмотрит все ваши нужды, включая те, о которых вы сами еще не думали. Я получил подробную информацию по этой миссии. С ним вы будете играть, как с игрушкой. Да, я — Гаррет.

— Первое имя или третье?

— Среднее.

Эван улыбнулся. Если компания хочет играть в игру с полулегальной командировкой по полулегальной теме, тогда так и надо, это понятно.

Гаррет провел его по всему кораблю, через опустевший пассажирский салон и общую столовую назад, в мир проводов и работающих машин. Они прошли через двери безопасности в небольшое служебное помещение. Две женщины сустились вокруг пустого МВМ, что-то прилаживая внутри и снаружи. Последняя проверка, подумал Эван.

Было приятно вновь посмотреть на комплект, как на старого друга из дома. Около трех метров высотой и соответствующей ширины, он возвышался над работающими с ним людьми. Серая дюралевая поверхность была чистой, как и прозрачный плексалоевый пузырь, который позволит ему иметь трехсотшестидесятиградусное поле обзора. Входная дверца в «животе» была открытой.

— Нечто особенное, не так ли? — спросил Гаррет, и нотки гордости в его голосе удивили Эвана.

— Вы — один из дизайнеров?

Двое женщин-техников, не обращая на них внимания, занимались работой.

— Я? — Гаррет рассмеялся. — Нет, я просто полевой агент. У меня был случай принять участие в работе с прототипами этой прелести. Хорошо быть первым потребителем полностью оснащенной модели.

Эван восхищался гладкими внешними линиями.

— Глядя на него, не скажешь, что это за вещь.

— Да, — согласился Гаррет. — Я думаю, что внешность его сделана преднамеренно обманчивой. Этот комплект будет заботиться о вас, охранять вас и даже поддерживать ваше существование в пределах от абсолютного нуля до нескольких тысяч градусов выше. Впрочем, не буду перечислять вам все его характеристики, так как частично вам они уже, видимо, известны и перечисление займет слишком много времени.

— На Самстэде мне ничего не говорили о снабжении.

— Нет нужды, ваш комплект будет заботиться об этом в течение года, а вам предстоит там побыть намного меньше.

— Надеюсь. Но ведь он не сможет запасти продуктов и воды на такой срок?

— Энергии — да, еды — нет. Она — в виде концентратов, но он может синтезировать много больше. Что же касается внешних защитных систем, комплект вам все объяснит.

— Да, мне так говорили. Хотя времени для инструкции было немного.

— Ничего. И шестилеток сможет управиться с этой машиной. Как только вы будете внутри и нажмете кнопки, он сам проинформирует вас обо всем, что вам будет нужно. Он станет отвечать только на ваш голос и на сигналы вашего тела. Он очень чуток. Подождите случая, когда можно будет использовать «хамелсоны». Не полная невидимость, но максимальное приближение.

Эван рассеянно кивнул, последний раз поглядев на интерьер корабля. Он волновался. Его ждали победа и слава. Ну, по крайней мере, продвижение. Компания не гонится за внешним блеском.

— Пока, однако, начинать.

Гаррет кивнул и что-то сказал двум техничкам. Они неохотно отошли, увлеченные последней проверкой. Эван ступил на лесенку, спускавшуюся из отверстия в «животе».

— Ключевая активация MBM-8-0-6.

— Активация принята, — ответил комплект голосом приятной модуляции. — Прошу вас, носитель.

Гаррет подтолкнул Эвана, гордо улыбаясь.

— Меня зовут Эван Орджелл, я буду жить внутри во время визита и работы на планете внизу. Какая еще нужна личная информация?

— Никакой, мистер Орджелл. Выслушано и принято к исполнению. — Повернувшись, комплект встал на колени, делая лестницу излишней. Одна из техничек убрала ее. — Прошу подняться.

— Спасибо. — Не обращая внимания на женщин-техничек, Эван снял свой выходной костюм и определил его в соответствующее отделение внутри правой ноги МВМ. Одетый только в нижнее белье, он пригнулся и вошел внутрь. Там было просторно, можно было стоять и поворачиваться, но он обрадованно сел на уютный, мягкий операторский стул на уровне груди. Его ноги и руки аккуратно скользнули в предназначенные для них гнезда. Теперь комплект отвечал его мускульной системе. Ради опыта он подвигал руками. Гораздо более мощные конечности комплекта задвигались соответственно. При желании он, кажется, мог бы разобрать корабль по кусочкам.

Извне через небольшой приемник до него донесся голос:

— Все в порядке, Орджелл?

— Замечательно. Я так понимаю, что вы собираетесь доставить меня к станции?

— Как можно ближе. Координаты посадки запрограммированы в комплекте и он, как нужно, управится с лодкой.

— Да, я с самого начала хотел спросить: а почему не использовали челнок?

— Вы, должно быть, и сами угадаете ответ. Мы принимаем все меры предосторожности, но все еще не можем сказать определенно, отслеживают нас или нет. Если да, то сканеры дальнего действия обнаружат челнок. Но спуск на комплекте так обнаружить невозможно. Небольшой размер и никакого выхода энергии, который можно обнаружить. Пассивный спуск. Не волнуйтесь, он доставит вас на место в целости и сохранности.

— Я не волнуюсь, просто любопытно. — Эван удивился, что он и сам себе верит.

Одна из техничек, наконец, заговорила:

— Мы в нужной позиции. Проход там, — и она показала рукой, точно Эван мог не заметить зияющего отверстия. Он кивнул, с радостью увидев, что комплект кивнул вместе с ним. Он пошел к большой грузовой двери, и комплект пошел в тандеме с его ногами. Когда дверь за ним закрылась, он обернулся и увидел, как сигнальная часть двери из зеленой стала красной, по мере убывания воздуха.

— Нервничаете, сэр?

— Что? — через секунду он понял, что к нему обращается его комплект.

— Да нет, совсем нет.

— У вас пульс скачет.

— Волнение и ожидание, только и всего.

Комплект принял его объяснение. Эван смотрел на свой большой металлический контейнер. Так, должно быть, чувствовал себя Голиаф, неуязвимым и всемогущим.

Огни на двери люка погасли. Гаррет пожелал удачи. Открылась внешняя дверь, обнажив черную пустоту. Понимая, что это не нужно, но чувствуя потребность, он глубоко вздохнул. Потом — он ступил в ничто.

Он почувствовал легкий толчок со стороны корабельного рычага. Его правильно сориентировали и подтолкнули к планете. Он не сразу почувствовал, что движется, хотя и знал об этом. Комплект дал информацию, сообщая ему факты, цифры, относительные скорости и физические аргументы.

Скоро информативное подтверждение стало ненужным: поверхность перед ним все приближалась, так он вскоре уже видел только Призму. Большая лодка развернулась, двигатель был приглушен, спуск замедлился. Он принял положение, необходимое для спуска на поверхность. Визор автоматически затемнился, что защитить его глаза от света. Потом он стал подпрыгивать, как камешек на поверхности пруда, так как вокруг сгушалась атмосфера Призмы. Но благодаря комплекту, Эвану было прохладно и удобно.

Постепенно он стал различать то, что было на поверхности внизу. Он увидел, что спускается на большую массу воды и на

несколько секунд забеспокоился, думая, насколько точно запрограммирован комплект. Но он недооценил расстояние и угол, и скоро уже опять был над почвой. Так-то лучше. Он понимал, что комплект защитит его в любом окружении, но не очень хорошо начинать командировку, проделав несколько сот километров по океану.

Вскоре он был уже близко к поверхности, постепенно замедляя ход, пока лодка боролась с силой тяжести. Визор посветлел, но не полностью. Интересно, почему? Дело в самой Призме, ответил ему комплект. И продемонстрировал, убрав затемнение, поверхность во всем ее ослепительном блеске, на который нельзя было смотреть. Эван, признав демонстрацию успешной, позволил комплекту вновь затемнить визор. Вдруг что-то огромное и желтое устремилось к нему из-за густого облака. Удар из набора игл при комплекте заставил неизвестное существо быстро ретироваться, прежде чем Эван смог его хорошенько рассмотреть. Одно беглое сравнение показывало, насколько чуждым был этот мир: оно было похоже скорее на ракету, чем на птицу.

Более интересной, однако, была поверхность планеты. Это, очевидно, был лес, но не похожий ни на что из виденного им. Он был зеленый, но также — и пурпурный, и бирюзовый, и изумрудный, с сотнями оттенков. Некоторые фигуры были широкими и раскидистыми, другие — высокими и тонкими, как фантастические башни.

— Органосиликатные растения, — объяснил комплект, согласно программе. — Некоторые представляют собой симбиоз с паразитическими хлорофильными формами. Другие опираются на иные способы жизнеобеспечения.

— Как фототрофы, — пробормотал Эван.

— Да, как фототрофы. — Один из углов визора превратился в миниатюрный экран и Эван получил возможность быстро освежить в памяти то, что он знал об уникальной ботанике Призмы.

— На Призме, — сухо декламировал неизвестный рассказчик, — существуют и формы жизни, основанные на углеводе, наряду с чисто кремневыми формами. Есть также органосиликатные гибриды. Это, очевидно, наиболее удачные типы, основанные на силе тех и других молекулярных струк-

тур для большей гибкости. В особенности это относится к органосиликатным формам растений, доминирующих в своей экологической нише; углеродные структуры способны к фотосинтезу, что обеспечивается при участии кремниевых форм, которые служат защитой более уязвимых древесных пород при концентрации солнечного света.

Эван продолжал слушать лекцию, но лишь вполуха. Остальное его внимание было посвящено похожим на колбасу зданиям, вдруг возникшим внизу. Они были на поляне в лесу. Рядом стояли несколько вспомогательных зданий поменьше. Он внимательно рассмотрел территорию, пролетая над станцией, но даже с увеличителями визора не мог заметить там никакого движения. Длинная прямая площадка, конечно, была посадочной полосой для челноков.

— Дайте им знать на частотах компании, что мы садимся.

— Это уже пытались сделать с корабля, сэр, но безуспешно.

— Знаю, но если у них не работают коммуникаторы дальнего действия, это не значит, что ничего не работает и на местном уровне.

— Как хотите, сэр. — Прошло несколько минут, пока они обходили станцию по периметру. — Ничего, сэр. Никакого отклика.

Не обнадеживает, подумал он. Что-то уж совсем плохое должно было случиться, если стала невозможной даже индивидуальная коммуникация. Да, он на Призме явно не для того, чтобы обмениваться приветствиями. Видно, на станции произошел не просто обрыв связи. Конечно, если бы у них работало хоть какое-то оборудование, они бы уже его заметили и вышли, чтобы помахать ему руками. Но станция выглядела пустынной. Никого не было, когда он садился всего в паре сотен метров от ее ограды. Когда он спросил, почему они не сели на территории станции, вежливый голос объяснил, что осторожная посадка была заранее запрограммирована в комплекте. Если там произошла какая-то неизвестная катастрофа, то лучше приближаться к ней постепенно. Эван согласился, поняв, что его комплект действует более осмотрительно, чем он сам.

Комплект отсоединился от ненужной больше лодки. Эван сделал несколько пробных шагов, подпрыгнул на пять метров

в воздух и уверился, что все системы комплекта работают правильно. Потом он сделал небольшой круг, чтобы посмотреть на удивительный лес вокруг станции. Он был человек начитанный, интересовавшийся естественными науками, но никогда не встречал в литературе, реальной или фантастической, ничего подобного. Во-первых, несмотря на ясность и интенсивность солнечного света, трудно было выделить индивидуальные растения. Дело было не только в том, что флора на Призме состояла из асимметричных фрагментов, но и в том, что многие растения обладали высокой способностью отражения. В большинстве случаев это было естественным следствием кремниевой основы, но иногда — и целесообразным. Отражательность превратилась в эффективный защитный механизм: трудно напасть на что-то, если видишь только то, что оно отражает. Исследовательский комплекс был построен в лесу из кривых зеркал.

Роль деревьев играли гигантские растения, чьи плотные и прозрачные цветоложа из кремниевых диоксидов кишели собственной внутренней миниатюрной жизнью. Длинные тонкие башни из силикатов железного и медного цвета достигали двадцати метров высоты. Каждая былинка была не больше соломинки для напитков, но все вместе поддерживались подземной системой стеклянных волокон, уходящих в песчаную почву. Эвана особенно заинтересовал светло-желтый алюмосиликатный куст, напоминавший четыре сросшихся завитка. Светлые цвета были связаны со следами минералов в каждом растении, полученных из почвы, больше напоминавшей песчаную пустыню, чем нормальную землю. Вместо продуктов органического распада, почва Призмы была богата соединениями кремния. Среди высоких «деревьев» были и скопления растений поменьше. Одна из таких «полянок» была заполнена маленькими серебристыми «роторами» на стеблях. Ветерок заставлял всю поляну вращаться, как детские игрушки на полу.

Эван нагнулся, чтобы их рассмотреть. Комплект снял напряжение с его спины и мог бы держать его в таком положении постоянно, если бы тот потребовал. Визор был в нескольких сантиметрах от вращающихся цветов. Не все были се-

ребристые, проглядывали также оранжевые и розовые. Но на всей вращающейся полянке вовсе не было зеленого.

Видно, чистые фототрофы. Интересно, какая функция у роторов? Может быть, ветры на Призме дуют от солнца, а миниатюрные пропеллеры ориентируют каждое растение на свет? Тут он заметил кое-что новое: кое-где лепестки роторов были объединены.

Вскоре он обнаружил и этих тварей, похожих на жуков, черных в белых пятнышках. Одновременно с этим открытием пришло объяснение самих роторов. Каждый порыв ветра заставлял роторы крутиться, отчего пасущиеся жучки падали на землю. Им приходилось снова лезть на стебли, чтобы есть дальше. Так что роторы должны были держать вредителей на терпимом уровне.

— Почему они их едят? — спросил он вслух. — Ведь если это чистые фототрофы, там не должно быть органических веществ.

— Вредители — тоже фототрофы, — сообщил комплект. — Им нужны минеральные соли, сконцентрированные в маленьких растениях. Я не располагаю химическими деталями, это не входит в программу.

Ясно, это потому, что детали еще неизвестны исследовательской группе. Интересно, как эти «жуки» размножаются, кладут яйца или бисер, или что? Возможности тут бесконечны, но это изматывает. Как хорошо, что он здесь не в качестве биолога.

Он выпрямился и посмотрел на базу.

Тут он увидел, что дорогу ему преградила стена «радуг», решетчатых полукружий из бледно-зеленых кристаллов, слишком красивых, чтобы их давить. Когда он подошел поближе, растения явственно затрепетали. Он проверил внутренний индикатор. Ветра не было. Но движение все-таки происходило. Его шлем также воспринимал высокочастотные звуки.

— Что это они делают? — подозрительно спросил он.

— Вы — подвижная форма жизни, попавшая в область их роста. Поэтому представляете для них угрозу. Растения отвечают. Посмотрите направо: там другой подвижный объект в заповедном районе. — Он пошарил глазами вокруг и наконец

увидел что-то похожее на улитку в аметистовом панцире. Она была очень близко от «радуг». Вдруг она остановилось и стала вибрировать. Пораженный, Эван заметил, что красная раковина разбилась. Углеродная улитка попыталась отступить, но была сразу схвачена десятком червеобразных существ, вылезших из песчаной почвы, которые стали разрывать ее незащищенную плоть, извиваясь среди осколков кремнистого красного вещества.

Эван отступил на два шага. Вдруг звуки исчезли и «радуги прекратили движение.

— Ультразвук, — заметил комплект, — полезный защитный механизм в мире синдикатов.

Далеко обойдя изгородь из «радуг», Эван продолжал путь к станции. Механические ноги быстро несли его.

Невозможно было ступить и шагу, чтобы что-нибудь не разрушить. Почву покрывали прозрачные пузыри, сантиметра три в диаметре, с необходимыми пузырьками хлорофиллового вещества в центре. Они должны были интенсифицировать поступление солнечного света на энергоизлучающие органические вещества внутри.

На каждом шагу Эван давил их десятками, но поделаться с этим ничего не мог. К счастью, поверхность почвы была очень упругой. Оглядываясь назад, он видел, что пузыри формируются заново. Все же, несмотря на эту быструю регенерацию, постоянный хрустящий звук беспокоил его.

Он начал уже думать, что ничего более, кроме несчастной улитки здесь свободно не передвигается, как некто, явно не член персонала станции, преградил ему дорогу к ближайшему зданию.

4

Несмотря на уверенность, которую ему придавал МВМ, Эван был немного испуган. Тварь была в два раза больше его комплекта; ее скользкое тело вращалось вокруг подвижного шара, выделявшего что-то, похожее на глицерин. Шар аккуратно сидел в огромном гнезде в нижней части чудовища. Бла-

годаря такому устройству призмит мог вращаться вокруг своей оси и перемещаться с большой подвижностью. Шар просвечивался так, что Эвану были видны его древовидные разветвленные внутренности. Четыре темно-красных глаза, как огромные рубины, зло уставились на него. Они были укреплены на толстом вращающемся кремниевом стволе. Большая шишка наверху его была снабжена ртом с зубами, похожими на зубья пилы.

— Местный хищник, эквивалент в цепи питания, — заметил Эван, — стараясь быть спокойным. — По-моему, он не может нам причинить вред.

— Конечно, нет, но явно попытается. Акция должна быть обучающей.

Комплект не ошибся: шар повернулся и хищник дернулся вперед, взрывая песок и землю. Подвижный ствол вытянулся подобно копью, пилообразная пасть ощерилась. Еще один его прием вызвал удивление Эвана.

С полдюжины стекловидных щупалец выдвинулись из туловища и выбросились вперед, чтобы захватить МВМ.

— Ваши жизненные показатели подскочили, — заметил комплект. — У вас нет оснований для беспокойства, внутри вы в безопасности.

— Я знаю — Эван был слегка раздосадован тем, что комплекту приходится его успокаивать. Он злился и на себя за детскую реакцию. Он постарался успокоиться. Пульс его замедлился. Хотя щупальца тянули его к себе, комплект не сдвинулся с места. Копьеобразный ствол с треском ударился о поверхность комплекта. Вредоносные силикатные зубы начали грызть дюраллой. Они превратили бы в кровавое месиво хрупкую человеческую плоть, но для МВМ это означало не больше, чем царапанье. Эван с интересом следил за продолжением тщетной атаки. Когда он понял, что комплект успел записать все, что было интересного, он сказал:

— Кончайте. Мы потеряли уже много времени.

— Да, сэр.

Хищник упорствовал, хотя почти сточил зубы о дюраллой. Его ждало разочарование. Небольшая трубка выдвинулась из-под левой руки Эвана. Раздался треск и яркая вспышка света. Шесть щупалец отдернулись, и хищник отступил, бешено рас-

качиваясь на шаре. Он упал, вздымая песок, и пытался снова подняться. Когда это ему удалось, он повернулся вокруг оси и убежал в лес, пьяно покачиваясь, продираясь сквозь кристаллические заросли.

— Что было использовано?

— Мощный электрический разряд, сэр. Я запрограммирован на избирательность в выборе оружия. Стандартные средства здесь могут быть не очень полезны. Так, луч лазера может быть отражен на нас. Но сильный электроразряд поражает внутренние системы кремниевых фототрофов. Результаты удовлетворительные, притом без необходимости не убивается местная фауна. Иногда лучше посеять страх, чем смерть.

— Уверен, что консервационисты, которые вас разрабатывали, согласятся с этим. — Эван посмотрел на пейзаж, расстилавшийся перед ними. — Что-нибудь еще нам угрожает?

— Нет, сэр.

— Так не будем терять время.

— Простите, сэр, но я бы постарался избежать контакта с растениями, расположенными прямо перед нами.

Эван нахмурился. Вплоть до станции он видел перед собою только ровную поверхность.

— Какие растения?

— Разрешите адаптировать линзы Хаусдорфа, сэр?

Визор вспыхнул мерцающим светом, потом слегка потемнел, и вдруг всего в трех метрах от него возникло шесть растений-бугорков. Они выглядели, как перевернутые сигары, образовавшиеся из кристаллизовавшегося древесного сока.

— Черт, откуда она взялись?

— Они все время здесь были, сэр. В моей программе они определяются, как «скопления Франсуса». Не вполне, правда, установлено, растения это или животные.

— В данный момент меня не интересует их классификация. Почему я их раньше не видел?

— Человеческий глаз не различает drobных измерений, сэр. «Скопления Франсуса» существуют лишь в чисто частичном или drobном пространстве, между вторым и третьим измерением. Не все здешние формы жизни способны

различать частичное пространство. Замечательный камуфляж.

— В любом случае их надо обойти.

Если что-то существует целиком в частичном пространстве, то, видимо, его оружие также действует в этом пространстве. Но Эван не хотел проверять эффективность того, что нельзя увидеть.

...Ясно было, что защитные стены станции разрушены. Почвы кишела органосиликатной жизнью. Здесь была нарушена не только связь. Широко шагая между зданиями, он видел наступление Призмы. Огромные стекловидные лозы обвивали со всех сторон одно здание за другим, а растения поменьше следовали за большими, ища трещин и разбитых окон. Стены из металла и пластика методично разлагались на составляющие, которые потом потреблялись. Извне масштаб разрушения был еще не так заметен. Теперь он уже спрашивал себя, уцелел ли здесь вообще кто-нибудь. Где люди со станции?

— Попробуйте на межперсональных частотах, — скомандовал он MBM.

Снова никакого ответа. Он попробовал кричать через шлемовый усилитель, и голос его перекрыл все окружающие звуки. Снова ничего.

Он проявил на визоре карту станции. Он, оказывается, стоял рядом с центром связи, который весь зарос. Длинные тонкие лианы зеленого стекла покрывали искривленную крышу и стены. Тонкие отростки из пучков и красных «колосьев» проникали внутрь разрушенных стен. Дверь была заперта и запечатана изнутри. Он мог легко взломать ее с помощью комплекта, но, решив, по возможности, ничего не нарушать, предпочел найти другой выход. Их было несколько, и они не были созданы строителями станции. С солнечной стороны здания, где заросли были самыми густыми, он увидел, что красные «колосья» массивными зелеными отростками пробились сквозь стену, образовав достаточно большую дыру. Он прополз через нее. Там он увидел, как глубоко красные «колосья» проросли сквозь пластик, используя свои гибкие остия-отростки, создававшие трещины. Они были похожи на взбесившиеся ванадатовые кристаллы. В одном месте целая

секция стены была обращена в грудь пластиковой пены. Он запустил туда свою руку, а когда вынул ее, образовавшееся отверстие кишело чужими мелкими тварями, пожиравшими пластик.

Внутри он произвел подробный осмотр того, что осталось от центра связи. Все, от пола до мебели, претерпело яростные атаки обитателей Призмы.

— Я думал, — проворчал он, — что здания во ВМ проектируются полностью непроницаемыми для животных и насекомых.

— В нормальности так и есть, — ответил комплект, — но этот мир не нормален. Такие формы жизни не имеют прецедента среди открытий Содружества. Уникальная экология требует уникальных контрмер.

— К которым люди здесь оказались не готовы. Это очевидно. — Эван повернулся и снова поглядел на дыру в стене. — Как это получилось?

Из-под его правой руки появился зонд, достиг пластиковых руин, сделал короткое вдувание и вернулся на место. Несколько минут работала встроенная лаборатория. Ответы появились на экране его визора в виде сложных молекулярных формул, продолжавших дробиться, пока он смотрел на них.

— Полицианоакрилаты жесткие, но очень поддающиеся искажению. В большинстве случаев калия недостает. Когда мелкие твари извлекают это, остальная часть стены обращается в хлам.

— Почему калий?

— Кто знает? — ответил комплект. — Может быть, они потребляют его, чтобы увеличить внутреннюю теплопроводность?

— Может быть. — Он осмотрелся. — И все же, что случилось с сотрудниками?

Троих из них он нашел через несколько минут в следующей комнате, где была установлена принимающая и передающая аппаратура.

Как и внешняя дверь, эта тоже была запечатана изнутри. Но через эту как-то проникли. Печать было сломана. Один человек лежал около передатчика глубокой космической связи. Может быть, он пытался послать последнюю, отчаян-

ную весть. О деталях можно было лишь догадываться, ибо он был так же мертв, как и его компаньоны.

С трудом можно было понять, что это был мужчина. Плоть была сохранена, но кости съедены изнутри. Снова голод на калий, да и на кальций. Тело было не в лучшем состоянии. Хорошо, что его комплект способен очищать воздух. При всех кремниевых формах, здесь, очевидно, существовали обычные бактерии гниения.

Сигнальное устройство человека сохранилось. Пульсирующий свет, исходивший из маленького устройства на правом запястье, был бледным и слабым, указывая, что сигнальное устройство какое-то время было активным. Принцип этих устройств был простым: при любой угрозе или серьезной травме владельца, прибор автоматически начинал посылать сильные сигналы о помощи. Все, кто работал в новых мирах или в них путешествовал, должны были иметь при себе такие приборы. Несмотря на его МВМ, у Эвана тоже был такой.

Но на Призме ни один не отвечал.

У второго обитателя комнаты устройство тоже светило. У третьего — нет. Его батарея преждевременно вышла из строя.

— Я вижу, они так и не отправили вестей.

— Нет, сэр, — спокойно ответил комплект. Лазерный указатель зашевелился, привлекая внимание Эвана к задней стороне передатчика. Два прозрачных едва заметных волокна оходили от растения, напоминавшего сосновую шишку, уцепившуюся за заднюю стенку, и сквозь дырочку в металле проникали в корпус. Эван коснулся их, и они слегка задрожали. Без инструментов, рукой, он оторвал заднюю стенку и невольно отдернул руку, когда большой клубок щупальцев вывалился на пол. Они медленно и целенаправленно двигались, словно в поисках новой добычи. Сложное внутреннее устройство передатчика было превращено в кашу. Пузыри волокон поглотили многое из того, что там имелось.

— Пробу, — сказал он.

Вновь высунулся зонд. Отростки были захвачены для анализа и вновь выброшены.

— Иттрий, — объявил комплект, — в небольшом количе-

стве, но важный компонент во многих системах связи. Этим растениям нужен иттрий.

— Значит, оно ест все внутри корпуса, чтобы добыть немного редкого элемента? Настоящее гурманство. Он посмотрел на два отростка и «шишку». — Но ведь они регулярно проверяли оборудование. Неужели никто этого не заметил?

— Простите, сэр, но вы исходите из неправильного представления. Отростки не вырастают из этого маленького растения на полу, проходя потом через корпус. Наоборот, они растут изнутри наружу.

Тогда понятно, подумал он. Какая-то спора проникла сквозь фильтры здания и попала в корпус. Может быть, была занесена на чьем-то костюме и как-то уцелела в дезинфекционном отделении за входной дверью. Возможных источников было много. А персонал, видимо, не имел представления о масштабах угрозы, пока не стало слишком поздно.

Отойдя от передатчика, он направился ко второй фигуре. Это была женщина сорока с лишним лет, лежавшая на кушетке. Может быть, она спала, когда был нанесен последний удар. Тело ее было почти нетронутым.

Синие, оливковые, зеленые отростки, выставившие из клетки, проходили через все части ее тела. Если бы не они, казалось бы, что она спокойно отдыхает.

Эван коснулся рукой одной ноги. Осязательные сенсоры комплекта восприняли ее, как нормальную. Обими руками он приподнял рабочую одежду от лодыжки до бедра. Кожа была неповрежденной, хотя сухой и сморщенной. Он провел рукой по голому телу. Кожа снялась как кожа. Там, где следовало быть костям и мышцам, было скопление твердого зеленого стекла. Мелкие твари, похожие на микроорганизмы с ножками, шевелились на прозрачной поверхности. Они бежали, испуганные неожиданным светом.

Эван отпрянул, почувствовав, что его тошнит. На мгновение ему захотелось сжечь всю эту мерзость. Логика удержала его от этого. Кремация вызовет бесполезную трату энергии.

Ничего столь предательски обманчивого не было в наружности третьего обитателя помещения. Этот молодой человек был аккуратно расчленен, словно кукла, ожидающая ремонта. Руки и ноги лежали в нескольких сантиметрах от туловища,

то же было с головой. Тело словно ждало, что его опять сло-
жат. Это было слишком аккуратно, чтобы ужасать.

Эван поймал себя на том, что он оглядывается через плечо. Глупо, подумал он. МВМ предупредит его об опасности и даже справится с ней, прежде, чем он сам поймет, в чем дело. Он заставил себя вновь посмотреть на мертвое тело. Помимо рас-
членения, других повреждений вроде не было. Все было на
месте, несомненно.

— Я не вижу крови.

— Она могла испариться к этому времени, — предположил комплект.

— Может быть, но нет даже пятен, а они должны быть.

Он опустился на колени, чтобы осмотреть пол, стандарт-
ный, прорезиненный, прочный. Но пятна на нем должны быть. Может, кровь была удалена, прежде чем достигла пола?

— Железо, сэр, — высказал гипотезу комплект, — железо и снова калий. Разным формам жизни здесь, очевидно, нужны разные минералы. Ясно, что они не делают различий между станцией и ее обитателями. И то, и другое для них — лишь источники ценных минералов.

Эван не смог скрыть волнения:

— Только не я. Я им не рудник.

Он вернулся к передатчику и осмотрел несколько явно пов-
режденных кнопок. Ни одна лампочка не загорелась. Легкое
свечение в одном месте говорило о том, что генератор нуль-
пространства глубоко в недрах станции был цел, но это и
понятно. Он был прикрыт солидным слоем железобетона в
тридцати метрах под поверхностью. Это была мощная машина
системы СОШ. Так что можно было получить лучевую
энергию, если очистить пространство от голодных агрессивных
тварей. Трудно было сохранить положительный настрой среди
такого страшного опустошения.

— Не вижу оснований для оптимизма, — проворчал он, —
но мы обязаны проверить всю станцию.

— Да, сэр.

Странствия по оставшимся стросниям заняли остальную
часть длинного местного дня. Одни из них были пусты, если
не считать множества захватчиков. В других их ждали

сюрпризы и более жуткие, чем все, что они видели в здании связи.

В последнем помещении он увидел трех хищников, занимавшихся мертвым телом. Судя по остаткам одежды, это был член исследовательской группы, но это и все, что Эван мог о нем сказать. Каждый из трех хищников (термин более описательный, чем точный, как понимал Эван, так как они не охотились за мясом) — был размером с большую собаку. Они были трехногими, с «подушечками» на лапах. Органические тела были защищены кремниевыми панцирями с острыми выступами на месте позвончиков. Занятые пожиранием станков несчастного исследователя, они не обратили на Эвана никакого внимания. С их челюстей текла слюна.

Логика оставила Эвана и он в гневе крикнул:

— Сжечь их!

— Может быть, сохранить одного для изучения?

Когда комплект сделал это предложение, троица повернулась к ним и атаковала. Их мощные челюсти не могли принести вреда поверхности MBM, как и слюна, выделяемая ими.

— Я сказал сжечь! — закричал Эван. На этот раз ответ комплекта был невербальным. Возник лазерный излучатель и методично превратил каждого из троих агрессоров в груды шлака и углей.

Они не издали ни звука, до конца борясь за жизнь, и их выносливость была так же страшна, как их вид.

— Давайте скорее отсюда, — Эван повернулся. — Мы все еще не проверили спальни.

Он нетерпеливо пробивался через заросли розовых отростков, преграждавших путь. Краткий электронный звук сопровождал каждый разрушающий взмах его руки в панцире.

Первый спальный корпус был пустым, но второй содержал сюрприз: два тела, не тронутые паразитами, в кроватях на втором этаже. У каждого было аккуратное отверстие над ухом. Один сжимал в руке игломет, другой лежал поперек кровати, под неестественным углом.

— Этот застрелил того, потом лег и совершил самоубийство.

— Почему? — спросил комплект. При всей его сооб-

разительности, дедуктивный метод не был его сильной стороной.

— Не скажешь наверняка, потому что они уже ничего не расскажут. Отчаяние, наверное. Воображаю, что они пережили в последние минуты.

Но особенно заинтересовали его не эти два мертвых тела, а аккуратный ряд спасательных костюмов, всего двенадцать, развешанных на вешалках вдоль стены. Все выглядели нормально. Он тщательно осмотрел один: все в порядке, годен. Обычно они создавались для каждого индивидуально, точность соответствия имела особое значение. Ни один не был таким массивным, как его комплект, но все казались достаточно прочными, чтобы противостоять нападениям черноспинных убийц и коварных растений.

Но ни один из них не был использован владельцами. Они погибли прежде.

Он снова посмотрел на двоих погибших, лежавших на кроватях совсем рядом с защитными костюмами, которые могли бы их спасти. Что за нападение было столь быстрым? Или они пали жертвой беспечности? Снова он нервно оглядывался на темные углы. Это ведь были очень тренированные люди, прекрасно обеспеченные. Ничто, даже такой чуждый мир, как Призма, не должно бы так быстро застать их врасплох. А ведь все они были убиты, прежде чем смогли даже одеть спасательные костюмы.

Неожиданно ему стало все равно, захотелось только поскорее починить коммуникатор дальней связи и убраться отсюда к черту. Это было совершенно новое ощущение, и неприятное.

— Успокойтесь, сэр. Расслабьтесь. Опасности нет. Я — не стандартный спасательный костюм, а МВМ, и все держу под контролем.

Эван замедлил дыхание и попил фруктового сока из диспенсера в шлеме.

— Сожалею. Меня не так легко вывести из равновесия. — Он отпил еще сока и в последний раз оглядел комнату. — Пойдемте в административный корпус и в архив. У нас еще есть работа.

Остаток этого дня и часть следующего он провел, изучая пленки с записями, касавшимися местной жизни, что, однако,

не приблизило его к пониманию, почему двадцать четыре тренированных разведчика были взяты врасплох и погибли, даже не одев спасательных костюмов. Они не были разорваны на куски какими-то мощными хищниками, не были уничтожены изнутри паразитами или эпидемией. Кроме двоих, застреленных иглами, причины их смерти были еще не вполне ясны.

Он работал не в тишине. Лес вокруг станции, да и она сама, были наполнены голосами и криками каких-то существ, большей частью невидимых. Иногда среди силикатных раздавался и чей-то рев, но ничто не появлялось, чтобы напасть на него. Впрочем, он не испытывал судьбу и спал в МВМ.

Записи содержали много информации, бесценной для компании. Они компактно разместились в хранилище внутри МВМ, ожидая демонстрации в компании. Ирония была в том, что эту информацию нельзя использовать, пока он не найдет объяснение катастрофе, опустошившей станцию. Но здесь, в длинных отчетах и диссертациях, написанных сотрудниками, он не находил ничего, намекавшего на грозившую им катастрофу. Ведь должно же было существовать что-то, способное на такой быстрый и сокрушительный удар.

Оставалась какая-то тайна.

Он обнаружил двадцать четыре спальных места, но только двадцать спасательных костюмов. Судя по пленкам, на станции было двадцать четыре члена персонала. Он похоронил останки двадцати человек. Теперь надо обнаружить остальных четырех. Конечно, сначала можно поработать со связью, но даже в такой тревоге, как сейчас, он, кажется, скорее умрет, чем не закончит работу.

— Они должны быть где-то в окрестностях, — сказал он МВМ. — Беда в том, что у некоторых погибших вышли из строя сигнальные приборы.

— Я включу сенситив.

Эван немного подождал, пока комплект подключит высокоинтенсивный сканер. В известном диапазоне он зафиксировал даже самые слабые эманации.

— Наблюдательная башня.

Это было единственное место, которое Эван еще не осмотрел, не надеясь там кого-то найти. Лифт там был сломан,

приборы управления съедены какими-то мелкими не то растениями, не то животными. Но четыре металлические конструкции, поддерживавшие этажи сооружения, были целы, хотя по краям появились белые пузырьки, как он уже знал — предвещающие к потреблению.

Он подошел с левой стороны и начал взбираться. Благодаря комплекту, почти вертикальный подъем проходил без напряжения. Добравшись до верха, он пробил окно и влез внутрь.

Двое из четырех недостающих сотрудников лежали на полу, мертвые, в спасательных костюмах. Приборы и техника вокруг них не были затронуты, видимо так высоко деструктивные существа еще не поднялись.

Что случилось с этими? Было ли у них время надеть костюмы до свершившейся катастрофы, пришли ли они сюда в них, когда лагерь был уже опустошен? Он нагнулся над одним из них. Под защитным визором он увидел лицо старика. Седая борода и усы, энергичные черты лица. Даже после смерти он выглядел хорошо. Глаза были закрыты. Выражение лица спокойное. Тут Эван заметил небольшую трещинку в костюме на уровне ребер. Он потянулся к ней.

— Не прикасайтесь, — предупредил комплект.

Эван отдернул руку, словно обжегся.

— Что это? Опять местные формы жизни?

— Некоторые из них. Смерть здесь несомненна, не надо касаться тела.

Эван нахмурился, обнаружив, что он немного вспотел, не смотря на охладители внутри комплекта.

— Что здесь случилось? Не видно ничего, что могло бы принести вред.

— Предварительное исследование предполагает скорее осторожность, чем бравладу. Спасательные костюмы сотканы из активара, их не так легко прорвать. Я расширю отверстие, чтобы увеличить обзор.

Вновь возник лазер, на этот раз для разрезания, а не для убийства. Через секунду разрыв был уже полметра длиной.

— Теперь раскройте, только осторожно, и сохраняйте присутствие духа.

— Я всегда его сохраняю, — раздраженно ответил Эван. Несмотря на это заявление, он почувствовал, что его выво-

рачивает. Он думал, что видел уже все, что местные твари могут учинить над человеком. Он ошибся.

Вместо живота он увидел впадину, полную темно-зеленой жидкости. В центре ее находились какие-то круглые твари, с усиками, отходящими в разные стороны, какая-то смесь морских звезд и печеных яиц. Пока он смотрел, раскрыв рот, один из усиков дернулся и прыснул в него чем-то. Оно ударилось о визор как раз напротив правого глаза. Он отскочил как ужаленный, стукнувшись шлемом о потолок. Он был защищен от последствий компенсаторами МВМ, но он все еще чувствовал возбуждение.

Второй удар пришелся против второго глаза. Жидкость ничем не повредила комплекту. А за этим вторым выпадом две оставшиеся «морские звезды» ухватились своими усиками за раскрытые Эваном полы защитного жилета и снова стали их прикрывать.

Эван заметил, что он дрожит.

— Что это еще за черт?

— Защитная реакция с использованием желудочного сока.

— Ну, если он желал вызвать шок у потенциального противника, то это удачно придумано.

— Цель гораздо летальнее. Посмотрите вниз.

Эван посмотрел. Несколько капель с его визора стекло на пол. В этих местах жидкость въедалась в металл и поднимался дымок.

— И это — желудочный сок? — Эвану с трудом удалось говорить спокойно.

— Немногие вещества могут повредить прочным силикатным формам. Это — азотная кислота. То же — во впадине у этого несчастного. Я подозреваю, что его товарищ здесь претерпел то же самое.

— Но если у него там — кислота, то едва ли сохранилось его тело.

— Я предполагаю, что эти твари ограничили полость живота какими-то секретами, непроницаемыми для их собственного сока, чтобы оградить себя от постороннего вмешательства и иметь возможность растворять кости и плоть.

— Черт, — проворчал Эван, — я только надеюсь, что эти несчастные умерли прежде появления этих тварей. Насчет

другого — это точно? — Он кивнул в сторону второго мертвого тела.

— Я устанавливаю наличие тех же кислотных компонентов.

— Ладно, но как удалось прорвать их защитные костюмы? Кажется, это не так-то легко?

— Пожалуй. Я думаю, активар резистентен к азотной кислоте, но, очевидно, костюмы были чем-то отчасти подорваны, прежде, чем на людей здесь напали. Снова, сэр, много вопросов, но мало ответов. Если же целостность костюмов была нарушена, то для местных форм жизни имелось много форм проникновения. Существует и много способов вызвать смерть. Например, постепенное впрыскивание кислоты в кровь.

— Избавьте меня от деталей, — Эван бросил взгляд на наблюдательный стол, решив проверить ящики и оборудование. Несколько больших ящиков было в порядке. Используя силу рук комплекта, он вскрыл замки. Здесь были приборы, запасы для компьютеров, личные вещи. Нигде не было видно еще двух недостающих спасательных костюмов. Не имея других собеседников, он сел и обратился к MBM:

— Это — последнее убежище. Мы прошли всю станцию. Где же остальные?

— Думаю, правильно предположить, что костюмы там же, где их владельцы, хотя не представляю себе, в каком они состоянии. Костюмы явно не спасли этих двоих несчастных. Мы можем, по крайней мере, исходить из предположения, что и костюмы и их носители полностью уничтожены.

— Даже в этом случае, — заметил Эван, — их сигнальные приборы, должно быть, целы.

— Нет ничего надежного в этом мире. Если их кто-то сожрал, то их приборы могут быть в желудке какого-нибудь поедателя трупов далеко от станции.

Эван вздохнул:

— Я не хотел бы, чтобы подтвердилась не моя, а эта гипотеза. Во всяком случае надо посмотреть, кого не хватает.

Зажегся экран на визоре. «Техник по обеспечению Арам Хьюмула и ксенобиолог Мартина Офемерт.»

Эван подумал.

— Есть еще одна возможность. Если в момент катастрофы

они были вне стен станции, занимаясь, например, полевой работой, то могли выжить.

— Почему же они тогда не вернулись?

— Могло быть несколько причин. Например, из страха. Может быть, они травмированы и где-то ожидают помощи. Или боятся, что те, кто разрушил станцию — все еще где-то поблизости. Здесь большая часть приборов в хорошем состоянии. Речь не идет об энергии. С приверженностью местных форм жизни к редким металлам и минеральным солям, представляю себе, что они сделали с генератором. Может быть, поэтому так вышло и с защитными стенами. Может быть, не было возможности остановить вторжение, потому что энергия уже была отключена, включая дублирование.

— Возможно. Специально на этот случай внутри у меня встроен локатор сигнальных устройств, но его радиус...

— Я знаю. Я знаком с характеристиками. — Он посмотрел вокруг на кристаллический «лес», думая, как здесь много всего этого, в том числе — вне поля его зрения, несмотря на хаусдорфовы линзы. — Лучшего места для поиска сигнальников, чем башня обозрения, не найти. Можно подключить сканирование на триста шестьдесят. Используйте все время, необходимое для этой работы.

— Исключительное сканирование не рекомендуется.

— Времени на подзарядку достаточно, дни длинные, а больше солнца и желать нельзя. Кроме того, у нас там много резервной энергии.

— Знаю, но я запрограммирован на осторожное экстра-расходование.

— Ну, только один раз.

Эван заметил какое-то движение. Несколько десятков мелких летающих тварей вились у его левой ноги. Они были желтые, с малюсенькими зелеными глазками и спиральными крылышками. Длина их челюстей была вдвое больше длины их туловища. Они тщетно бились о дюраллой комплекта.

Эван смахнул их, поймав одну, и посмотрел на нее на свету. Она пыталась вырваться с громким писком. Он придавил ее. Она как бы раскололась в руке. Звук затих. Между тем комплект выдвинул светящийся металлический прут. Он сложился в прямоугольную антенну.

— Сканирование началось, — сообщил комплект, хотя это было ясно.

Эван ждал и думал пока техника работала. Значит, «морские звезды» с соляной кислотой в животе... Стекланные волокна, разбивающие кости... Все необъятные возможности продвижения по службе, связанные с визитом на Призму, померкли перед безопасностью родного дома. Скорей бы покинуть этот проклятый мир!

Он думал удивить друзей и коллег выдуманными рассказами о своих приключениях в чужом мире, если ничего о нем толком не разузнает. Сейчас не до этого. Он не настолько понял Призму, чтобы оживлять компании своими рассказами.

— Один сигнальник засечен недалеко, — перебил его замышление комплект.

Эван кивнул, подумав, сможет ли комплект правильно истолковать это движение. Он направился к разбитому окну, в последний раз поглядел на мертвых и начал спускаться тем же путем.

Огромные шаги быстро донесли его до границ станции. На небольшой полянке с голубыми «роторами» он нашел костюм двадцать три, вместе с хозяином.

МВМ направил свет на ленты, скрещенные на его груди, анализируя частоты слабо пульсирующего сигнальника:

— Арам Гумула.

Эван кивнул и нагнулся над телом. Хорошо, что сигнальник был на запястье, потому что все остальное было расплющено.

5

«Под вопросом судьба только одного человека», — подумал он, заполнив все графы своего доклада, кроме последней. Несколько мелких существ, копающихся в почве, стремительно разбежались в поисках укрытия, когда на них упала тень от шлема Эвана. Ноги у них были длиной в четыре сантиметра, тела винтообразные, стекланные, коричневого цвета.

— Грубая работа, — пробормотал он, обращаясь к скафан-

дру. — По нему как будто просекался десятитонный грузовик. — Пальцем нельзя было отодвинуть в сторону то, что осталось от шлема Хьюмулы. — Иллюминатор из плексаллоя. Такой же прочный, как и стандартный скафандр выживания. А что-то превратило его в кучу мусора.

— Да, сэр. Простите, что перебиваю вас, но мне кажется, вам следует знать, что по вашей правой ноге что-то ползет.

Эван нехотя посмотрел вниз. По нему ползло изогнутое создание с гладкой спиной. Оно передвигалось не с помощью ног, а с помощью клейкого вещества, которое откладывало перед собой. Четыре длинные изящные антенны прощупывали, что творится впереди, и сообщали информацию неторопливому путешественнику. Эван не видел, есть ли у него глаза. Его заинтересовал состав клейкого вещества. Ему показалось, что в этот состав может входить кислота. — Проверить герметичность, — приказал он, повысив голос.

— Я бы немедленно предупредил вас, сэр, если бы возникла какая-либо проблема с...

— Проверить.

Проверка заняла не более десяти секунд. — Герметичность не нарушена, сэр.

Или ему показалось, или скафандр и в самом деле немного обиделся.

— Благодарю, — ответил он язвительно. Существо прекратило движение. — Чем оно сейчас занимается?

— Пытается проникнуть внутрь, сэр. Просто еще одна прожорливая местная форма. Я бы предположил, что своим красным цветом существо обязано наличию большого процента алюминия в его силикатном экзо-скелете. Оно — не пожиратель света.

— Я и сам это вижу. Избавься от него. — Он протянул к существу руку. Рука замерла на полдороге.

— Вам не следует этого делать, сэр. Зачем подвергать излишним испытаниям мою внешнюю оболочку?

Внутри скафандра Эван нахмурился.

— Что ты болтаешь? Оно не в состоянии прорвать дюрал-лой.

— Это верно, но я сам могу причинить себе вред. Видите ли, липкое вещество, выделяемое этой тварью, обладает

огромной мощностью. Даже если вы сотрете ее в порошок, слизь все равно останется на наружной ткани. Не лучше ли полностью избавиться от чужеродных веществ?

— Согласен.

— Тогда снимите контроль с левой руки, сэр.

Эван так и сделал. Он с интересом наблюдал, как вновь оживает маленький лазер. Существо погибло в ту же секунду, как его пронзил луч, но для того, чтобы уничтожить остатки удивительной слизи, потребовалось почти пять минут. К тому времени, когда с этой грязной работой было покончено, Эван увидел, что к нему двигается еще несколько таких же клеспр-производителей. Легко сделав два гигантских шага, Эван оказался вне пределов их досягаемости.

— Еще один раз проверь герметичность, — буркнул он. Скафандр выполнил задание без комментариев.

Эван старался отогнать от себя тревожные мысли. Несмотря на то, что, по общему мнению, костюмы для выживания персонала станции никак не могли сравниться с его МВМ, все же ему было не по себе при виде того, какую неважную службу сослужили они своим обитателям. Так что он не был в настроении рисковать, да и проверка занимала всего несколько секунд.

Судьба двадцати трех из двадцати четырех обитателей станции была ему известна. Оставалось найти двадцать четвертого и можно готовиться к возвращению домой. Пока корабль компании будет лететь за ним на Призму, он сумеет выяснить, что произошло. Но желания заниматься этим у него оставалось все меньше и меньше.

— Что насчет последнего маяка?

— Стараюсь определить его местонахождение. Сигнал чрезвычайно слабый, но причина, видимо, не только в том, что сели батареи.

Это замечание пробудило интерес Эвана. Он даже забыл о трупe, лежащем в десяти метрах за его спиной.

— К чему это ты клонишь?

МВМ повернулся на северо-запад.

— Характер колебаний непостоянен.

— Ты хочешь сказать, он передвигается?

— Внутри ограниченного пространства, сэр. Это наиболее разумное объяснение.

— Это оставшийся в живых! — Оставшийся в живых мог бы подробно рассказать ему, что произошло со станцией и ее персоналом, избавить его от утомительной работы и обеспечить ему триумф.

Конечно, не исключались и другие причины ограничения радиуса движения маяка. И маяк, и запястье, в которое он был вживлен, могли пребывать в брюхе какого-нибудь хищника. Или же разлагающийся труп Мартины Офмерт мог крутиться в водовороте какой-нибудь реки.

Он заставил себя сдержать волнение, когда приказал скафандру начать движение. Вряд ли кто-то мог здесь выжить. Невозможно протянуть так долго без поддержки жизнеобеспечивающих систем станции. Воды здесь было много, но пищу найти трудно, кроме того потенциальная добыча владела уникальными способами защиты. И все же, если эта Офмерт была по настоящему изобретательна и ее костюм выживания не поврежден, у нее был шанс остаться в живых.

Если эта надежда оправданна, хотя шансов на это слишком мало, ему представится случай быть героем. Он всегда хотел стать героем. Эта роль очень подошла бы ему. А в цивилизованном большом городе с размеренной жизнью, этого достичь нелегко.

Поэтому у него было много причин к тому, чтобы стремиться найти Мартину Офмерт живой.

Львиная доля работы выпадала на долю комплекта, он выбирал курс сквозь растительность и передвигал свои длинные металлические ноги. Не мудрено заскучать.

— Покажи, куда мы идем. — Скафандр замедлил ход и остановился.

Тотчас ожило видео на экране иллюминатора. Ярко-зеленые линии образовали небольшую сетку. В левом углу и в центре этой сетки пульсировала красная точка.

— Эти абстракции мне ни о чем не говорят, — проворчал Эван.

— В зависимости от характера местности мы достигнем нашей цели за четыре или пять дней, сэр.

— Неплохо. — Это даст ему возможность наблюдать и описать большое количество местных форм жизни для архивов компании. — Иди дальше. — И сам приготовился к возобновлению движения.

Скафандр не сдвинулся с места.

— В чем дело? — Он вдруг испугался, что именно в этот момент маяк заглох. Однако слабый дразнящий сигнал окзался здесь не при чем.

— Посмотрите вниз на ноги.

Эван повиновался. По обским ногам полз стекловидный желто-зеленый гель. Казалось, он фонтанировал, пузырясь, прямо из-под земли, и поднялся уже до колен.

— Это еще что за чертовщина?

— Циано-акриловая структура. Совершенно уникальная, сэр.

— А что здесь не уникальное? Однако на вид не впечатляет. Давай, двигай дальше. — Своим правым бедром он нажал на соответствующие сенсоры. Серво-приводы протестующе взвыли, но нога не сдвинулась с места. Гель продолжал свой быстрый подъем по его нижним конечностям.

— Хорошо, ты меня убедил. Это уникально. А теперь освобождайся от него.

— Не могу, сэр.

— Что значит «не могу»? Это просто еще одна разновидность клейкого вещества, вроде того, что выделяло то существо.

— Простите, сэр, но это не просто другой тип клея. Он не выделяется мелким животным, а вытекает прямо из-под земли. Это более плотный состав с несравненно более универсальной молекулярной структурой.

Эван отказывался поддаваться панике.

— Тогда сожги его, как ты проделал это недавно.

— Слушаюсь, сэр. — Еще раз был приведен в действие лазер. Эван почувствовал на себе капли пота. Минуты шли, а количество геля не уменьшалось.

— Не срабатывает.

— Я бы мог сразу сказать вам об этом, сэр. Гель способен

рассеивать высокую температуру луча. Но, конечно, он не может проникнуть внутрь.

— В данный момент это не слишком утешает. Тебе придется освободиться.

— Я думаю над этой проблемой, сэр.

Эван успокоился, чтобы дать возможность компьютеру скафандра направить все свои усилия на поиски выхода из создавшегося неприятного положения. Он еще раз попробовал запустить в ход ноги, но даже не сдвинул их с места. Густой и похожий на липкий сироп, гель проворно поднимался по его бедрам.

Вот загадка, откуда он вытекает?

Что будет, когда он дойдет до шеи и начнет покрывать его шлем? Что случится, когда он полностью покроется им? Однажды они уже встретились с экземплярами, у которых вместо желудочного сока была азотная кислота. Что еще, кроме липкого геля могла произвести та гадость, что находилась под ними? Этот процесс напоминал ему то, как паук опутывает свою жертву шелковым коконом, прежде чем приступить к еде. Внизу должно быть нечто огромное, прячущееся под песчаной почвой. Оно обволакивало его медленно и методично. Если оно выделяет столько геля, значит оно должно быть внушительных размеров. Выйдет ли оно на поверхность или просто утянет его вниз? Вниз в темноту, где он будет лишен возможности видеть и будет только ощущать, как оно старается найти такое место с скафандре, чтобы проникнуть внутрь.

Но оно не могло прорвать МВМ. Он был уверен в этом, хотя и не так абсолютно, как днем раньше. А если оно сможет, тогда что? Если оно отпустит его, то все в порядке. Если нет — если нет, то возможно захочет немного поддержать его. Возможно сутки, внизу под землей. Или пару дней. Или больше. До тех пор, пока у него не кончится воздух, потому что скафандр не мог регенерировать воздух.

Он будет похоронен заживо, внутри своего скафандра. Герметичный МВМ станет герметичным гробом.

Нет, пора, он должен вырваться из этих неумолимых, ползущих объятий. При помощи массивных металлических рук он попытался поджечь вещество. Тянувшая субстанция оказалась

сопротивление, и когда он попытался вытащить руки, то не смог этого сделать. Хуже всего было то, что теперь его руки оказались приклеены к бокам. Гель продолжал свое беспрепятственное шествие по его телу, залив собой руки до локтей.

— Знаете, — озабоченно сообщил ему скафандр, — если бы я мог синтезировать сильную кислоту, как некоторые здешние формы жизни, то, наверное, я бы смог поразить этот гель. К сожалению, меня спроектировали так, что я в состоянии синтезировать только пищу.

Эван пропустил жалобы МВМ мимо ушей. Его не интересовало то, что он не может делать.

«Думай» — приказал он себе. Его послали сюда, чтобы он находил ответы на вопросы и пути решения трудных проблем. Сейчас ему нужно было именно такое решение. Скафандр мог только выполнять его указания. Существовал предел, за которым скафандр не мог предлагать варианты действий, а мог только отвечать на его команды. Эван силен был припомнить все, что он узнал о Призме с того самого проклятого момента, как коснулся ее поверхности.

И в то же время он как замороженный смотрел, как злоежащая клейкая масса ползет по его руке, поднимается до локтя, устремляется к плечу. Дойдя до этого места, она направится к шее.

Под землей что-то шевельнулось, почти незаметно.

Кислота, может, и помогла бы, но скафандр не может синтезировать кислоту. Что еще он может сделать? Как найти эффективное средство против нападения неживой материи? Чем еще пользуются обитатели Призмы, чтобы...

— Ведь ты можешь генерировать частоты на волне любой длины, не так ли?

— Да, сэр. Являясь частью внутренней системы связи я...

— Попробуй ультразвук. Помнишь растения с шипами, которые мы встретили за станцией? Попробуй это; вложи в эти волны всю свою силу! Даже если они могут повредить мне.

— Отличное предложение, сэр.

Скафандр наполнился тихим жужжанием. Эван знал, что он слышит не тот звук, который генерировал МВМ, а скорее звук работающих на пределе своих возможностей коммуникационных приборов.

Прошло несколько минут. Вдруг гель прекратил свой подъем. От иллюминатора его отделяли несколько сантиметров. Он начал уплотняться, затвердевать.

— Мне кажется, мы нашли возможное решение.

— Не останавливайся! Давай еще!

Он стоял и прислушивался к жужжанию внутри костюма. Если костюм перестарается и сожжет один-два своих компонента... Но МВМ продолжал наполнять воздух волнами, недоступными его слуху.

Но не слуху Призмы. Лес вокруг него внезапно ожил, обзумевшие существа в панике разбежались во все стороны, создавая фантастическую картину разнообразных форм и силуэтов.

Звуковой датчик на шлеме донес до него новый звук. Было похоже на то, как кто-то разбил о его голову целую корзину с яйцами. Звук стал повторяться с увеличивающейся частотой.

Гель, затвердевший вокруг его тела, начал распадаться на куски. Что-то под его ногами приподнялось, и он чуть не упал. Больше никаких движений снизу не последовало. Треск продолжался, он множился и расширялся. Потом затвердевший гель начал отпадать от него, сначала мелкими кусочками, потом большими, освобождая его руки и торс. Для пробы он попытался поднять свою левую ногу. С третьей попытки ему удалось освободиться от ослабевшей хватки. Теперь он мог пользоваться руками и отдираал огромные куски затвердевшей субстанции.

Когда он очистил внешнюю поверхность скафандра от последнего кусочка, он перебрался на глыбу кристаллического сланца и с этого безопасного места посмотрел туда, где только что чуть не погиб, как муха в янтаре. Он не увидел ничего такого, что походило бы на ловушку, ничего, что говорило бы о том, что под землей притаилось нечто огромное и смертоносное, подкарауливая свою добычу.

Пока вентиляторы высушивали его потное лицо, он развлекался тем, что устроил разнос скафандру за то, что тот не смог предупредить об опасности.

— Простите, сэр. Мой проект не учитывал такую хитрую атаку. Обычно опасность грозит со стороны клыков или когтей, а не со стороны липкой грязи. Она началась так медленно,

что я был захвачен врасплох. Иной раз довольно трудно отличить обычное природное явление от враждебного нападения. Существуют же миры, где дождь смертелен для местных форм жизни. Когда оно начало выделяться, я подумал, что это всего-навсего проявления местных климатических или вулканических особенностей, с которыми я вполне готов справиться.

— В следующий раз сначала прыгай, а потом анализируй, — прорывал Эван, отказываясь прислушиваться к логике. — Или спрашивай. Может, у меня нет твоей способности к мгновенному отбору информации, зато мой мозг лучше приспособлен к быстрому анализу.

— Конечно, сэр, — покаянно сказал МВМ, что приличествовало данному моменту. — Я не желал бы обременять вас излишними вопросами, которые касаются одномоментных операций.

— Это ничего. Можешь обременять. — Он осмотрел местность, стараясь заглянуть в глубины алмазно сверкающего силикатного леса. Небо над головой было ослепительно ярким. Прозрачные раковины захрустели под его ногами, когда он сошел со сланцевой глыбы, и их ярко-зеленые отростки торопливо выпускали защитные прозрачные пузыри.

— Давай найдем этот проклятый маяк.

— Слушаюсь, сэр.

Он возобновил путь, покрывая сразу несколько метров за один шаг с помощью не знающего усталости скафандра. Датчики цепко держали слабый электронный сигнал, который отмечал местопребывание двадцать четвертого и последнего обитателя научной станции — или ее тела.

В последующие дни у него были многочисленные встречи с формами жизни, во множестве кишевшими на поверхности Призмы. Ни одна из них не представляла угрозы для их продвижения. Все они были должным образом запоминаемы, кодированы и заперты в память МВМ для будущего изучения. Все они по своей необычности превосходили всякое воображение, а некоторые были настолько странными, что Эван не был уверен в том, что он сможет убедить своих коллег, что они действительно существуют в природе.

Особенно его впечатляли игольчатые шары.

Они наполняли собой весь овраг, почти скрыв маленький ручей, текущий по дну. Все они были разного цвета и разного размера, начиная от миниатюрных шаровидных структур не больше его кулака до гигантов с окружностью более четырех метров. Это были чисто силикатные формы, их было столько, что они напоминали застывший фейерверк. От каждого невидимого ядра в разные стороны отходили тысячи игл. Каждую иглу окружал ряд еще одной тысячи игл поменьше. Эти иголки в свою очередь были окружены еще меньшими иглами и все это повторялось, пока не доходило до микроскопического уровня.

Только с помощью «линз Хаусдорфа» он смог разглядеть порядок в этом хаосе. Голубые, сердоликовые, янтарно-желтые и металлическо-зеленые, игольчатые шары создавали ложное впечатление хрупкости, которое не могло обмануть его ни на секунду. Под защитой своего скафандра он спокойно мог шагать сквозь них, оставляя за собой ковер, сверкающий всеми красками радуги, но идти без скафандра значило быть распоротым миллиардами мельчайших бритв.

Вместо того, чтобы постоянно поворачиваться вслед за солнцем, игольчатые шары оставались неподвижными. Сотни светочувствительных поверхностей были расположены таким образом, что им всегда хватало фотонов независимо от того, где в данный момент находилось солнце.

Что касается солей и минералов, содержащихся в их телах, то им не грозил никакой хищник. Самый грозный земной кактус выглядел бы беззащитным созданием в сравнении с мельчайшим игольчатым шаром.

На четвертый день пути ему преградила изгородь.

«Изгородь» еще слабо сказано. Это слово вообще не очень-то подходило к описанию барьера, возникшего перед ним. Эван оказался перед стеной сплошного силикона, высота этой стены колебалась от четырех до десяти метров и простиралась от горизонта к горизонту. Каждый кристалл, из которых состояла стена, в основании достигал толщины в целый метр. Они стояли так плотно друг к другу, что между ними могла просочиться разве что стеклянная мышь.

В верхней части ствола каждое «дерево» пронзали три-четыре ветки, похожие на балки. Внешние поверхности этих

отростков имели гладко отполированные плоскости и вращались вокруг общей оси, чтобы отражать как можно больше солнечных лучей на светособирающую верхнюю часть стволов. Внутренние части организма были окрашены в блестящий желто-розовый цвет.

Эта «изгородь» вытеснила всю остальную растительность. Скафандр подсчитал, что она была метров пяти толщиной. До маяка им оставался день пути.

— Неизвестно, где кончается эта стена, — проворчал Эван, посмотрев сначала налево, потом направо. — Мы сможем пробиться сквозь нее?

— Могу попробовать, сэр.

Эван приблизился к ближайшему «дереву» и внимательно изучил гладкую ничем не поврежденную поверхность. Потом он сложил пальцы в кулак и изо всех сил ударил. Большой кусок розового силикона — наверняка, алюминат лития, — подумал он — откололся, упал на землю. На секунду ему показалось, что дерево слегка содрогнулось, но это, должно быть, было игрой его воображения. И в самом деле, растение, аналогичное этому, неспособно так наглядно реагировать на незначительное повреждение. Он ударил снова. На этот раз от удара его бронированной руки отвалился кусок поменьше.

— Это слишком долго и отнимает массу энергии, — пробормотал он. — Надо прожигать.

— Не уверен, что этот способ более эффективен, сэр. Лазер — не слишком действенное средство против высокочувствительных форм, а насколько я понял их внутреннюю структуру, эти организмы прекрасно рассеивают энергию.

— Все равно попробуй. Я не намерен тратить зря время, прокладывая себе путь кулаком, как полоумный боксер.

Он поднял руку и начал резать кристаллы лазером. Силикатная поверхность в ответ пузырилась и плавилась. Тревоги скафандра вроде бы не оправдались.

Эван с нетерпением ждал, когда скафандр прорежет проход, достаточный для того, чтобы пройти первый ряд кристаллов и приступить ко второму. Со вторым рядом пришлось повозиться больше, чем с первым, но и он вскоре был пройден. Скафандр принялся за третий. Эван уже видел за ним дневной свет

Свет лазера гладко срезал одиночное дерево толщиной более метра. Эвану пришлось сделать шаг в сторону, чтобы оно не упало на него. Ударившись о землю, дерево разбилось на мелкие кусочки. Эван небрежно перешагнул через них, а лазер продолжал работать над последней парой стволов, преграждавших им путь.

На середине вырубленного прохода темнело вещество, похожее на черный кварц, жутковато напоминающее сердцевину нормального дерева.

Возможно, это темное вещество служило каналом для природного кремнезема, который растение использовало для своего роста. Богатая почва для размышлений на досуге.

Вот он прошел последний барьер. В тот же миг перед его глазами как будто взорвалась миниатюрная сверхновая звезда.

К счастью видеоприборы быстро потемнели и тем самым спасли его от вечной слепоты, но от вспышки заболели глаза. По щекам потекли слезы, несмотря на усилия системы контроля влажности воздуха скафандра высушить их. В иллюминаторе было темно и он не мог видеть, что происходит снаружи. Время от времени темноту прорезали короткие серебристые облачка, свидетельства новых вспышек.

Скафандр напомнил ему об их задаче.

— Мы должны идти вперед, сэр.

Он машинально кивнул и стал протискиваться через проход, сделанный лазером. Чем дальше он отделялся от изгороди, тем слабее становился серебристый туман. Вскоре иллюминатор посветлел. Еще немного, и он снова мог видеть. Впереди лес, над головой небо. Он повернулся на только что пройденный барьер.

Вспышки в проломе продолжались, но их интенсивность и частота значительно уменьшились. Чтобы вызвать такие вспышки, надо было обладать огромной энергией.

— Интересно. — Он повернулся и хотел идти дальше. Однако ноги не повиновались ему.

— Боюсь, я несколько поврежден, сэр.

— Поврежден? — Это слово не закладывалось в словарь MBM. — Чем это ты поврежден? Светом? Что у тебя за повреждение?

— Кристаллы, из которых состоял пройденный нами барьер, сэр, очень медленно реагируют на нападение. Возможно потому, что на них редко кто нападает. В результате они выработали уникальный метод самозащиты. Уникальный и вместе с тем понятный. Он вполне заслуживает внимания.

— Не сомневаюсь в этом. На этой планете все открытия заслуживают внимания. Обсудим это после. — Он снова попытался сделать шаг, но с таким же безуспешным результатом.

— Весьма опасаясь, сэр, что у меня сгорел нижний мотор.

Эван почувствовал, как короткие волосы на его затылке начали шевелиться. — Что ты хочешь этим сказать, как это «сгорел»?

— Не считите за труд взглянуть вниз, сэр.

Эван повиновался. Ему пришлось приложить немало усилий, потому что датчики скафандра повиновались плохо. «Изгородь» за его спиной производила только слабые порывистые вспышки, напоминающие что-то очень знакомое.

Черные шрамы покрыли весь МВМ. В нескольких местах неуязвимое, как предполагалось, покрытие из дюраллоя, расплавилось полностью, обнажив дымящиеся конструкции и провода. Пространство вокруг правого колена было уничтожено полностью. Из дыры висели тонкие провода и сочленения. Газ со свистом вырывался из тех мест, где были повреждены изоляторы системы охлаждения. Из нескольких сочленений вытекал жидкий азот. Неудивительно, что он не мог двигаться.

В тревоге Эван обернулся к «изгороди». Еще одна вспышка света, длинная пауза, потом еще одна вспышка, последняя. В ту же минуту его осенило. То, что он видел, было *ультрафиолетовыми лазерными лучами* в действии.

Но это же полное безумие! Лазером пользовались *люди* против враждебных *примитивных* форм жизни. Примитивные же формы жизни не применяли лазер против людей.

Скафандр подтвердил невероятную догадку.

— Удивительно, сэр, в высшей степени удивительно. В истории Содружества еще ни разу не попадались свидетельства о живой форме, способной естественным образом вырабатывать лазерный луч. Возможно, следовало предвидеть такое развитие эволюции на этой планете.

— Но это невозможно, то есть, — поспешно поправился Эван, — очевидно это все-таки возможно.

— На наше счастье нас больше не воспринимают как опасность. Я отреагировал насколько возможно быстро, сэр. Я чуть не прозевал угрозу, но вовремя защитил вас от серьезных неприятностей.

— Я все еще не понимаю, как одно-два растения смогли выработать такое количество энергии, чтобы повредить дюраллой.

— Одно или два не могут этого сделать. Во всяком случае, нас атаковали не только те растения, через которые мы прорезались. Очевидно, что опасность, грозящая одному, рассматривается, как опасность грозящая всем. «Изгороди» потребовалось время, чтобы дать коллективный ответ на наше вторжение. На Земле деревья предупреждают друг друга об опасности химическим способом. Здесь пользуются иным методом, но не менее эффективным, а защитная реакция неизмеримо сильнее.

Эти кристаллы питаются световой энергией, как и многие уже виденные нами организмы. Но в отличие от тех, кого мы встречали раньше, эти, очевидно, выработали способность концентрировать в себе огромное количество энергии и потом освобождать ее одновременно, мощными вспышками. По мере того, как каждый кристалл вносит свою долю энергии в пульсацию, эффект многократно усиливается. Нас атаковал единый организм десяти метров глубиной, пяти метров высотой и, по крайней мере, в несколько километров длиной, что представляет собой лазер огромной мощности. Достаточной даже для того, чтобы повредить дюраллой.

Мне очень жаль, сэр. Меня сконструировали для того, чтобы я смог справиться с неожиданными, неизвестными, чуждыми формами жизни, но поскольку никому и никогда раньше не встречалось ничего подобного, этот случай и не смогли предусмотреть. Прошлый опыт исследования новых миров предполагал, что исследователь должен быть готов отразить нападение зубов, когтей, яда или просто мускульной силы. Я способен эффективно справляться с бесконечным разнообразием подобных форм, включая даже такие необычные формы нападения как ультразвук и кислота, с чем мы уже

встречались. Меня сконструировали так, чтобы я мог защищаться от враждебных форм, которые могут укусить, порезать, ударить дубинкой, плюнуть, испустить выделения или вибрацию. Но я не предназначался для борьбы с такими формами жизни которые способны вырабатывать лазерный луч.

Эван размышлял над всем этим, глядя на то, как восстанавливается изгородь. Но его это не слишком волновало. Костюм получил повреждения, вот в чем дело.

— Сколько времени тебе нужно, чтобы устранить неполадки?

— Вы абсолютно правы, предполагая, что я могу саморемонтироваться, это верно, но до определенной степени. Даже у меня есть предел. — Пауза. — Самоанализ показывает, что повреждены внутренние системы, более сложные, чем моторы. Я пытаюсь локализовать пожар.

— Пожар? — глаза Эвана немного расширились.

— ...и предотвратить его распространение на более чувствительные компоненты. Это нелегко. Интеграция затрудняет изоляцию, если не создать...

— Сколько времени тебе надо, чтобы отремонтировать-ся? — Эвану стало жарко.

— Вы не отдаёте себе отчет в размерах повреждений, сэр, с легким упреком заметил скафандр. — Это же не то, чтобы вдруг что-то вышло из строя. У меня большой запас запчастей и я могу заменять сломанные узлы, где это нужно. Но у меня испарились целые интегрированные блоки вместе со всеми контактами. Охлаждающая система тоже повреждена и это усложняет проблему...

«Значит, не только я обливаюсь потом», — тревожно подумал Эван.

— Мне очень жаль, что я не смог оправдать надежд моих конструкторов, но они не могли предвидеть, предвидеть, предвидеть, предвидетьпредвидетьпредвидетьпред...

Сидя в кресле он слушал, как умирает голос его MBM, сильный, уверенный голос, который столько раз с того самого момента, как он сошел с орбиты корабля над Призмой, успокаивал его, голос всезнания, голос бесконечной изобретательности, голос технологии Содружества.

— Нам надо найти место, где бы я мог отключить несущественные системы и заняться своим ремонтом. Но это значит, нам надо двигаться... — на последнем издыхании изрек скафандр. И умолк.

Слабый сигнал маяка был забыт. Забыто было все на свете. Эван попытался шагнуть. На этот раз на его усилия не отозвался даже жалобный стон. Он, в отчаянии, прижал ногой датчики. С таким же успехом он мог бить ногой по граниту.

— Ну давай же, скафандр, — нервно шептал он, — отвечай! — Он подергал переключатели на панели около живота. — Ручное управление в экстремальных случаях! Функции базовых систем, отвечайте! Ну же, черт бы вас побрал, отвечайте!

В ответ молчание мертвого металла, молчание, молчание, гремящее в его ушах.

В слуховые мембраны скафандра беспрепятственно проникали звуки Призмы: электронный шорох и жужжание, резкий свист и треск и ворчание. Звуки эти тревожили, они были чуждыми, они внезапно подобралась слишком близко. За его спиной поднимались неподвижные сухие деревья, пьющие солнечный свет, высокой, розовой стеной, отделившей его от останков станции. Их больше не интересовала высокая металлическая неподвижная фигура, застывшая неподалеку. Его больше не считали опасностью. И справедливо.

Потом он начал падать. Он не мог ни замедлить падение, ни остановить его. Он стоял на небольшом склоне и внутренние стабилизаторы скафандра в конце концов поддались проникающему разрушению. Он так же не мог хоть как-то отрегулировать падение. Его собственные мускулы ни в коей мере не могли удержать тяжелый, из металла и пластика, МВМ в вертикальном положении и противостоять силе притяжения Призмы.

Ничто не смягчило удар во время падения. Он ударился лицом о внутреннюю сторону иллюминатора, из носа пошла кровь. Слава Богу, что он упал на спину. Было ли это всего лишь слепой удачей или прощальным жестом систем скафандра, ему никогда не суждено узнать. Он откинул голову назад и подождал, пока не прекратится кровотечение. Не грозила ему и опасность ослепнуть из-за яркого света снаружи, потому

что вещество, из которого был сделан иллюминатор, приспособлялось к новым условиям автоматически. Оно реагировало на яркие дневные лучи. Эта мгновенная химическая реакция и спасла его от слепоты в момент первой вспышки лазера в «изгороди».

В скафандре было еще достаточно комфортно, хотя температура воздуха поднялась на несколько градусов выше оптимальной. Но скоро все изменится. Он знал, что система охлаждения разрушена и что если он пролежит на солнце достаточно долго, то испечется не хуже, чем в духовке.

Однако, на поверхности Призмы ничто не оставалось долго лежать без внимания. Очень скоро у него появилась компания.

Существо ползло по иллюминатору и Эван невольно вздрогнул, хотя знал, что оно до него не доберется. Призмистое треугольное туловище сидело на коротких красных ногах. В передней точке качались два ярко-зеленых кристаллических стебельчатых глаза. Они опустились вниз и внимательно рассматривали его.

Что они видели? Что за мозг скрывался за этим блестящим туловищем с гладкой спиной? Обладало ли оно ощущениями, или же это был всего-навсего мобильный механизм? Стекланный взгляд ни о чем ему не говорил.

Нижняя часть под глазами отпала. Наружу вышло нечто маленькое, тонкое, спиралевидное и начало сверлить иллюминатор, прямо над правым глазом Эвана, причем с большой скоростью. Он мог слышать этот звук через аудиодатчики. Его еще сильнее прошиб пот за те несколько секунд пока не стало ясно, что его гость не в состоянии пробуравить плексаллой.

Существо сверлило больше минуты, но потом решило бросить это бесполезное дело и удалось. Оно добилося только того, что немного поцарапало иллюминатор. Но все равно Эван почувствовал, как у него скрутило живот.

Оно вернулось через несколько минут и решило попробовать на прочность то место, где иллюминатор был впаян в конструкцию скафандра. Каждая из его ног действовала самостоятельно, независимо от остальных. Снова тревожный зуд, снова герметичность костюма осталась невредимой. Конечно, если оно найдет то место внизу, где «изгородь» вспоро-

ла дюраллой, можно было попрощаться с жизнью, но возможно, вовсе не это заинтересовало существо. Может быть, оно хотело добыть минералы, находившиеся в составе скафандра? И все же на станции Эван собственными глазами видел, что на планете сыщется немало хищников, которые найдут его тело вполне съедобным. В нем было полно магнезии, калия, кальция, цинка, железа и других вкусных элементов. Если он пролежит здесь достаточно долго, рано или поздно явится нечто такое, чему он окажется и по вкусу, и по зубам.

Спустя некоторое время к первому бурильщику присоединился второй. Эван лежал спокойно, стараясь не обращать внимание на усиливающийся зуд, и обдумывал возможные варианты своих действий. Он всегда славился изобретательностью и организованностью при минимуме резервов, хотя последнее обычно включало в себя больше, чем мертвый скафандр выживания. Сейчас МВМ погиб, а ему самому грозила смерть, и он никак не мог найти выход из этого положения.

Бурильщики ушли до наступления ночи и оставили его лежать в сумерках, размышляя о своей судьбе. От станции его отделяли четыре дня пути.

Четыре дня — это если считать время внутри скафандра. Для человека, идущего пешком без помощи механических мышц, это расстояние значительно больше.

До слабого сигнала маяка ему оставалось меньше, чем один день пути. До маяка, который двигался внутри органического пространства. Даже если предположить, что Офсмерт погибла, ее скафандр все еще функционировал. В таком случае он мог бы спасти скафандр и повысить свои шансы на благополучное возвращение на станцию.

А может быть, она все еще жива? Может быть, она ушла на сбор материалов, вовремя получила предупреждение об опасности, тем самым спаслась и ждала теперь сигнала к возвращению? Он мог бы сообщить ей всю необходимую информацию, и они бы вернулись вместе.

Вот только он знал, что на Призме он не обойдется без скафандра. Скафандр жизненно необходим для его выживания. Он поддерживал нормальную температуру, снабжал пищей и водой, защищал своего хозяина от различных

опасностей, обеспечивал связь, давал советы и даже развлекал. Все, что у него осталось, это легкий дневной костюм, который он прихватил с собой, чтобы носить внутри в пределах станции. Бронированная защита МВМ не шла ни в какое сравнение с костюмом из тонкой, нефункциональной искусственной ткани.

Но если он не решится на это, единственной альтернативой для него это останется лежать изо дня в день внутри мертвого скафандра и надеяться на то, что рано или поздно компания начнет искать своего заблудившегося исследователя. Когда-нибудь они до этого додумаются. Неприятность же заключалась в том, что этот день мог наступить только через многие месяцы. К тому времени ему будет все равно, найдут они его или нет.

Несмотря на свои страхи, он хорошо выспался и утро следующего дня застало его за обыскиванием внутреннего помещения скафандра. Он обнаружил, что может левой рукой извлечь из хранилищ комплекта большинство концентраторов, а также большую часть витаминов. Если он оденет на себя только нижнее белье, то из штанов от дневного костюма можно будет смастерить рюкзак. Тогда он обеспечит себя на несколько дней едой и средством для переноски.

Эвана Орджелла нельзя было назвать пассивной личностью. Несмотря на то, что судьба уготовила ему безвременную кончину, он отказывался принять это как неизбежность. Некоторые назвали бы такое поведение самонадеянным. Эван определил бы его как стойкость под ударами судьбы.

Пусть его скафандр погиб безвозвратно, но ведь у него были и собственные ноги. Он очень много ходил пешком на Самстэде и считал, что находится в прекрасной физической форме. Он умел бегать и прятаться. Человеческие существа уже миллионы лет и бегали, и прятались, вполне обходясь без спецкостюмов для выживания. А чем он, современный человек, хуже своих невежественных предков?

Нет, физически он сможет обойтись и без костюма. Психика, вот это другое дело. Он выходил наружу без специального костюма только два раза в жизни, и оба раза, когда шел с друзьями на берег моря покачаться на волнах. Бросая вызов опасности, они отказались от костюмов, которые

предохранили бы их от ударов волны, от солнца и от соли. Это было тяжелым испытанием, но он выдержал.

Он почувствовал, что его бросило в дрожь, едва лишь он начал обдумывать план своих дальнейших действий. Это было интересно. Новый опыт. Добро пожаловать на Призму! Он заставил себя выждать, чтобы восстановить контроль над своими мышцами, прежде чем открыть замки, которые запечатывали его внутри. Все открылись легко, при первом его прикосновении. Запасной выход в чрезвычайной ситуации, управляемый вручную, оказался немного сложнее, но, в конце концов, и тот поддался его усилиям.

Замок был открыт. Ему оставалось повернуть ручку на сто восемьдесят градусов и отодвинуть дверь. Он так и сделал, и как бы он ни боялся оказаться во внешнем мире без скафандра, еще больше он боялся того, что дверь не откроется.

Он с силой толкнул створку. Перед цыпленком, только что вылупившимся из яйца, он обладал тем преимуществом, что в отличие от него знал, какой его ожидает мир.

Если это, конечно, можно было назвать преимуществом. В тот момент он бы не отказался от блаженного неведения.

6

Когда он вышел наружу, его особенно поразили две вещи: невыносимая яркость дневного света, отраженная миллионами силикатных форм и какой-то особенный воздух, из-за чего он глубоко вздохнул. Особенный, но совсем неплохой, очень даже свежий воздух. Впервые с тех пор, как покинул Самстэд, он вдыхал свежий воздух. Он резко отличался от атмосферы скафандра, он был таким же резким, как и свет.

Воздух не составлял для него проблемы. Это позволило ему сосредоточиться на проблеме зрения. Для того, чтобы хоть как-то видеть что-нибудь ему приходилось щурить глаза, и все равно из них лились слезы. Следовало подумать о каком-то предохранении, если он собирается продвинуться хоть на сотню метров от скафандра.

Нырнув обратно внутрь, он добрался до иллюминатора и

принялся искать способ вынуть его. Такого способа он не нашел. Иллюминатор был вставлен под воздействием высокой температуры и для того, чтобы его вынуть потребовалось бы полностью оборудованная мастерская. Поэтому следовало придумать что-то еще.

Пищевые концентраты были упакованы в тяжелые пластиковые пакеты. Он уже разорвал один пакет, чтобы изучить его содержимое, как ему пришло в голову, что у него нет ни одного инструмента, даже походного ножа. Все было встроено в МВМ и закреплено так же надежно, как и фотохроматический иллюминатор.

Еще одна вылазка наружу и обследование окружающего пространства показали ему, что непосредственная опасность от плотоядных кристаллов ему не угрожает. Пропливав слезы, как ребенок, он обошел вокруг скафандра и нашел то, что хотел: кусочек пузырястой травы, которую смял падающий скафандр. Ее изогнутый край казался достаточно острым.

Пластик поддавался гораздо легче, чем он рассчитывал. Когда он закончил нарезку, он стал обладателем ленты в пять сантиметров шириной и тридцать длиной. Он наложил эту повязку вокруг головы и завязал узлом на затылке. Он надеялся на то, что бегать с этой повязкой ему не придется.

Когда он высунул голову на свет и осторожно открыл глаза, то оказалось, что ему уже не так больно смотреть, хотя и не так ясно. Его первый опыт утилизатора оказался скорее удачным, чем наоборот. Он нырнул обратно в скафандр посмотреть, что еще можно использовать. Результат не обнадеживал.

Костюм для отдыха, который он собирался надеть по пути домой, превратился в грубый рюкзак. Штанины он завязал узлом и перетянул посередине поясом. В него много не войдет, но пока что ему особенно и нечего было нести. Больше всего его беспокоило, что он наденет на ноги. Если его нижнее белье прохудится, он будет в состоянии выдержать жар солнечных лучей, но его легкие ботинки должны будут продержаться до конца, иначе его ноги превратятся в кровавую рану. Он еще раз возблагодарил судьбу за то, что дома много ходил пешком. По крайней мере его подошвы были крепче, чем у кабинетного ученого.

Он впустую потратил полдня, чтобы извлечь из раздаточ-

ных устройств, вделанных в МВМ, оставшуюся еду. Без соответствующих инструментов он был обречен на неудачу, но это не помешало ему на чем свет стоит проклинать конструкторов скафандра.

До того, как он навсегда покинет скафандр, надо было сделать еще одно дело: он взял обмотки и обернул их вокруг носа и рта. Воздух хоть и казался свежим, но в нем было полно мельчайших кремниевых частиц. Он не собирался наживать себе силиконовую болезнь.

Экипированный таким образом, он глубоко вздохнул, благо температура воздуха была сносной, и вышел из скафандра в буквальном смысле голый и одинокий во враждебном чуждом мире.

Он проверил маяк на своем запястье. Маяк немедленно отреагировал, свечение сильное, батареи свежие. Свечение усилится и будет ярче, если он приблизится к другому маяку. Это было сделано для того, чтобы дать возможность оставшимся в живых после катастрофы найти друг друга. С его помощью он найдет маяк Мартины Офемерт. Радиус его действия был невелик, но он уже находится достаточно близко и маяк ему еще послужит.

Со временем маяк даст знать о его местонахождении спасателям. А до этого благословенного дня ему придется продержаться, может, несколько недель или даже больше. Именно столько времени пройдет, пока в компании не поднимут тревогу и не пошлют за ним челночный корабль.

Он вспомнил направление, взятое безвременно погибшим МВМ: северо-запад. Ориентируясь по солнцу, он отправился в правильном, по его расчетам, направлении. Если к вечеру его маяк не станет ярче, он вернется и найдет другой маршрут.

Скафандр для него теперь стал абсолютно бесполезным. И все же он покидал его неохотно. Это была его последняя связь с Самстэдом и безопасностью.

Лес сомкнулся вокруг него. Каждое растение, как бы невинно оно ни выглядело, представляло для Эвана потенциальную опасность. Ему казалось, что все его преследуют, выжидают удобного случая, чтобы устроить взрыв, или плюнуть кислотой или накрыть его какой-нибудь жуткой сетью. Ему потребовался не один час, чтобы уразуметь, что не

всякое живое существо на Призме поставило перед собой цель уничтожить его. До тех пор, пока он сам не представлял для них опасности, они оставались весьма равнодушными к его присутствию.

Кто же из них действительно был опасен, он не смог бы сказать. Гладкие кристаллы, казавшиеся твердыми и негнущимися, вдруг оказывались мягкими и эластичными, когда он случайно задевал их, а те, которые выглядели пушистыми, оказывались напичканными страшными колючками. Он потратил целых полчаса, выдергивая крючки из своей левой ноги и, получив такой урок, решил избегать контактов с чем бы то ни было, даже если бы ради этого ему пришлось свернуть с намеченного курса и идти в длинный обход.

Положительный момент оказался в том, что его ботинки вполне выдерживали нагрузку. Подошвы были хоть и тонкие, но прочные; качество, сопутствующее современной обуви. Кроме того, большинство силикатных кристаллов, образующих поверхностный покров, были гораздо мягче чем их шипастые, колючие и более рослые родственники. На некоторых, как например, пузыристых хлорофилловых кристаллах, можно было не порезаться, а скорее поскользнуться на их стеклянных изгибах и сломать себе шею. Ему приходилось скользить по ним, как по льду.

С водой тоже не было проблем. Вот уж чего здесь было в избытке. Поздним вечером он нашел себе приют под кондаритом. Этот большой кристалл напоминал несколько дюжин стеклянных зонтиков, растущих один внутри другого. Каждый из них был окрашен в разные цвета, но у всех был зеленоватый оттенок, благодаря живущей в нем бактерии. Между зонтичными поверхностями жили маленькие шестиногие существа с тремя пластинками на спине, поглощающими свет. Они осторожно выглядывали, чтобы посмотреть на него и немедленно прятались, как только замечали его взгляд.

Ему было любопытно, нужна ли вода для таких кристаллов, как кондарит. Похоже на то, что вода нужна была им, чтобы доставлять соли и минералы, необходимые для роста и поддержания здоровья в свою структуру, но ведь тут не было древесной массы, формирующей тело нормального дерева. Может быть, они пользовались некой пористой силикатной мем-

браной? Еще один вопрос для ботаников — или скорее для геологов.

Весь следующий день и всю ночь шел дождь. Эван проснулся до рассвета и вновь отправился в путь. Его организм не сразу привык к более длинным дням и ночам. Но все же он чувствовал себя бодрым и свежим и почти обрел уверенность в себе, когда на следующее утро подошел к небольшому пруду, чтобы напиться.

Он не решился подойти сразу только потому, что нечто — похожее на стеклянную многоножку — заняло самое лучшее место у водопоя. Существо подобралось к краю пруда и опустило свои челюсти в воду.

Эван, спрятавшись за мягким клубком чего-то, отдаленно напоминавшего кактус из стальной стружки, увидел, что червяк зашипел, как на сковородке. Эван от неожиданности отпрянул. Однако реакция дальше не распространялась и он осторожно вернулся на свой наблюдательный пункт.

Вода расступилась и из нее появилось нечто, похожее на гигантскую амёбу.

Медленно и терпеливо клейкое вещество окутало мертвого червяка и всосало его в пруд. Эван осторожно приблизился и посмотрел вниз, рискнув выглянуть из-под своей пластиковой повязки, защищающей глаза. Кроме того, что пузыристая трава рола по крайней мере в двух метрах от края воды, ничто не указывало на то, что в пруду сидело что-то сильное, опасное и абсолютно прозрачное.

Неподалеку росли разнообразные светопоглощающие растения, похожие на бледно-желтый бамбук. Сложная внутренняя структура из подпорок и балок давала возможность некоторым тростникам взбираться на сорок метров и выше, несмотря на узкий диаметр и очевидную хрупкость. Ощущая в себе легкую дрожь, Эван отломил метра три тростника и сунул его подмышку. Как оружие оно никуда не годилось, но могло послужить как зонд.

Он испробовал его в следующем новом резервуаре, но только после того, как из травы выкатилось нечто ярко-красное с бежевым на четырех шариковых опорах и принялось пить воду. Оно вытянуло желтый свернутый в кольцо хобот, втянуло им воду и бесшумно укатило обратно в лес. Эван занял его

место у пруда, потыкал несколько раз в воду своим новоприобретенным зондом и приготовился к прыжку или бегу в зависимости от обстоятельств. Ему не пришлось делать ни того, ни другого. Ничто не схватило его палку; ничто не растворило ее. В пруду не было ничего, кроме воды. Только абсолютно убедившись в этом, он нагнулся и стал пить.

Существо на шариковых опорах относилось к виду органических, это была протеиновая форма жизни, защищенная силикатным панцирем. Он поймал себя на мысли, какой вкус оно приобретет, если поджарить его на медленном огне. У него еще не кончились запасы МВМ. Он поел немного концентратов, добавил нужные витамины и продолжил свой путь.

Заметив, что свечение от маяка значительно усилилось, он тут же забыл о том, как чуть было не попал в лапы троглодита, обитающего в пруду. Следовательно, он не сбился с курса и ему не придется терять драгоценное время на то, чтобы возвращаться обратно к скафандру и искать другое направление. При наступлении долгого вечера сверкание природы, окружающей его, стало минимальным. Тогда он смог снять свои самодельные защитные очки, упаковал их аккуратно в рюкзак и обследовал свои скудные запасы пищи. Ему вполне хватило бы их на возвращение на станцию, но где гарантия того, что по возвращении он найдет оставшиеся там продукты нетронутыми? Он уже видел, с какой легкостью местные формы жизни внедряются в материалы, используемые в производстве электронных компонентов и пожирают их, был свидетелем и их аппетита к основным элементам, содержащимся в теле человека. Он может вернуться, питая большие надежды, но найти всего лишь пустые полки.

Если он собирался впредь кормиться местной дичью, сейчас наступил лучший случай, чтобы попробовать, тем более, что у него еще оставались запасы нормальной еды на тот случай, если произойдет расстройство желудка. Ему придется тщательно выбрать среди органосиликатов что-нибудь съедобное.

Почему бы не попытаться поохотиться прямо сейчас, в то единственное время суток, когда он мог обходиться без своей громоздкой пластиковой глазной повязки. Он будет импровизировать. Человечество достигло большего прогресса, чем требуется для простой охоты и собирания плодов, а граж-

дане Самстэда тем более. Другими словами, Эван остро создавал свое невежество.

Впереди лежал еще один водоем в цепи прудов. Его освещала роща, которую можно было сравнить со стеклянными шестами, верх каждого из которых украшало нечто, похожее на покинутое птичье гнездо. Гнезда эти представляли собой скопление тонких волокон, пытавшихся поймать лучи медленно заходящего солнца. Эван видел, как они шевелятся, поворачиваются вслед уходящему свету, пьют фотоны. По центру каждого шеста проходила зеленоватая вена, толщиной с его ногу. Невозможно было определить, где кончалась силикатная форма жизни и начиналась углеродистая.

Груды поваленных стволов и обломанных волокон обеспечивали ему неплохое убежище, но как бы он ни старался, ему не удавалось обнаружить что-нибудь мелкое и съедобное. Все вокруг было заключено в силикатную броню или же состояло целиком из несъедобных веществ.

Испытывая ко всему отвращение, он бросил свое занятие еще до наступления ночи, прилег и лежа смотрел, как волокна на концах шестоподобных деревьев бессильно свисали вокруг стволов. В угасающем вечере слышалось множество разнообразных звуков, поражающих своим многообразием. Сдавленные вопли, резкий свист, жужжание, писк были ему уже знакомы. Но еще он знал и то, что воздушные волны наполнены какофонией чуждых звуков, которые его ухо не воспринимало.

Большую тревогу вызывало у него то, что ночью могут проснуться ночные хищники, хотя до сих пор никто не тревожил его после наступления темноты. Это было большой удачей, так как единственным оружием в его распоряжении был хрупкий силикатный обломок и кусочек пузырящейся травы. Он старался лежать тихо, как только возможно.

Ночью так же, как и днем, воздух был теплый, тоже большая удача, учитывая его скудное одеяние. Неужели его предки вообще обходились без одежды? Но ведь они были покрыты шерстью.

Что же, он еще не погиб, и с каждым часом своей жизни обретал все большую уверенность в себе, если не оптимизма насчет будущего. Разве он не выдержал почти целые сутки на

чуждой планете без скафандра? Это был талант, уже давно ставший ненужным жителям Самстэда, и сейчас был восставленный Эваном Орджеллом в силу необходимости. Он прошел многокилометровый путь при помощи собственных мускулов, избежал встреч с несколькими опасными формами жизни и сделал попытку, пусть и неудачную, добыть местную пищу. Он был убежден, что ему есть, чем гордиться.

В самом деле, казалось, что обитатели Призмы его полностью игнорируют. Это наблюдение привело его к парадоксальному заключению. Если бы персонал исследовательской станции не пытался защищаться, а вместо этого предоставил станцию на произвол судьбы, остались бы они после этого в живых? На такой непредсказуемой и мало исследованной планете, как Призма, не лучше ли перед лицом чуждой атаки прибегать к пассивности, чем предпринимать активные действия?

Эти мысли на некоторое время отвлекли его от ночных звуков. Он сидел, скорчившись между двумя стекловидными деревьями и смотрел, как звезды сменяют солнце и наполняют мир своим странным светом. Когда действие адреналина в его крови уменьшилось, он почувствовал, как им овладевает усталость и осознал, что он по настоящему измучен.

Он не заметил, как уснул, и не собирался просыпаться до самого утра. Он так утомился, что для того, чтобы поднять его среди ночи потребовалось бы нечто невообразимое.

Ему показалось, что ему в глаз пытается забраться звезда.

Она была ярко-синяя и щекотала, как соломинка. Он яростно замотал головой. Подумав, что ему на лицо что-то опустилось, он быстро сел и попытался смахнуть звезду правой рукой. Она улетела и тогда он открыл глаза.

До этого момента он всегда спал в чреве своего МВМ, иллюминатор при этом темнел, чтобы никакие внешние источники света не мешали его отдыху. Сейчас между ним и ночными видениями Призмы не было никакого иллюминатора. Одно из таких видений село на его щеку и разбудило его.

Ночь ожила пляшущими самоцветами. Первое, что пришло ему в голову — это светляки на Земле или булавочная пыль Хайвхома, но вскоре стало очевидно, что явление, которое он наблюдал, не имело ничего общего со знакомыми

фосфоресцирующими формами жизни. Это было нечто совершенно иное.

Они светились гораздо ярче, чем их чисто углеродные аналоги и искрились всеми цветами радуги, тучей кружась над прудом. Пока он смотрел, как замороженный, двое существ отважились приблизиться к его лицу и зависли над ним. Они были ярко-красные, алые. К ним присоединилось третье, четвертое, одно зеленое, другое удивительного нежно-сиреневого оттенка. Они висели над ним в ночном воздухе, как колибри. Их крошечные, хрупкие силикатные крылышки нежно звенели в отличие от резкого жужжания насекомых. Они не мигали, а светились ровно, сила их свечения, как и цвет, была мощной и стабильной.

Эван замахал руками, и они отодвинулись на сантиметр. Эта туча производила достаточно света, чтобы он мог осмотреться. Он пытался представить себе, какая же система могла породить подобные существа и пришел к теоретическому выводу о том, что днем они должны проводить каждый час на солнце, набираясь солнечной энергии для того, чтобы летать и светиться ночью.

Они окружили его и он замахал на них обеими руками, отгоняя их, и они рассыпались во все стороны, как драгоценные камни с ладони раджи. Встав на ноги, он увидел, что они прятались в деревьях и кустах, сберегая собранную энергию для производства света. Силикатный лес, наводивший страх днем, сейчас превратился в захватывающее зрелище живого огня.

Однако, кругом была не только невинная красота. Что-то зашевелилось в многокрасочном полумраке, и Эван поспешно спрятался между спасительных пней. Оно урчало как небольшой механизм. В каком-то смысле оно и было им.

Оно представляло собой цельный черный боросиликат, жесткий и негнувшийся, украшенный тремя ярко-розовыми глазами. Негнущейся хлопающей пастью оно вдыхало летающие алмазы, носясь за ними в танцующем облаке на жестких изогнутых крыльях. Похожие на пальцы крючки на конце каждого крыла, сжимались и разжимались, загоняя злосчастные жертвы в открытую пасть чудовища. Эван был не слишком силен в древней истории и поэтому не признал в этом

устройстве пропеллер, но тем не менее восхитился его эффективностью. Одиночный хищник не мог нанести заметный урон тысячам танцующих самоцветов и они, безразличные к тому опустошению, которое он производил среди них, продолжали свой ночной балет.

Он смотрел на них до тех пор, пока о себе не дал знать его желудок. Он с трудом поборол искушение порыться в своем запасе концентратов. Лучше ограничить себя в еде. Однако, желудок требовал свое, поэтому он оставил свое место отдыха и подошел к пруду, уверенный, что не представляет интереса для черного летуна.

Кончиком палки он попробовал воду. Ее не растворила кислота, на нее не напал никакой подводный хищник, но она привлекла к себе внимание круглых водяных жучков. Они не были острыми и гладкими, как снежинки, которые жили на поверхности воды в дневное время. Они были потолще и состояли из силикатной решетки, похожей на пчелиные соты, скорее воздушной, чем плотной. Так же как и летающие самоцветы, они объявляли о своем присутствии ночью свечением. Однако они были голубыми или серо-голубыми, презрев яркие одежды своих воздушных родственников. Постороннее присутствие в воде казалось сбивало их с толку. Они постоянно натыкались на палку и, кружась, отскакивали от нее.

Вытащить один экземпляр для более внимательного изучения оказалось делом несложным. Эван встал на колени и сгреб одного к себе на ладонь. Сотовое тело украшал винтообразный, как буравчик, хвост. Под светящейся голубой раковиной находилась небольшая масса розовой протоплазмы. Хвост слабо дергался на его ладони, не в силах столкнуть своего хозяина на свободу.

После минутного колебания он положил добычу на песчаный берег, где она беспомощно извивалась и дергалась. Камнем величиной с кулак он разбил панцирь. В ответ на это разрушительное действие не послышалось ни одного звука, но бледное голубое свечение погасло и существо перестало дергаться. Пальцем он взял остатки сотового панциря. На его ладони лежал кусочек розового мяса. Свет от танцующих алмазов не открыл ничего, что могло бы походить на органы; не

было ни рта, ни глаз, ни сердца, ничего знакомого. Просто кусочек твердого мяса и хвост из чистого силиката.

Задержав дыхание и закрыв глаза, Эван поднес мясо ко рту и откусил его там, где оно прикреплялось к хвосту.

Мясо было плотным, но не жестким, по консистенции похожим на резину и совсем не имело запаха. Крови тоже не было, только бесцветный сок, на вкус солоноватый. Он запил мясо свежей водой, снова ткнул свою палку в пруд и выудил второго сотового водяного жука, немедленно убил его тем же способом, что и первого. Он подождал несколько минут, и так как его не вырвало, то угостился еще одной порцией жучиноного мяса, устроив себе таким образом плотный ночной ужин.

Он обнаружил, что бледно-голубые водяные жучки глотаются лучше, в то время как серо-голубые вызывают легкую тошноту. Поэтому он съедал только чисто голубых, а серых выбрасывал обратно в пруд. Охота на диатомные формы шла все с большим энтузиазмом.

Когда он наконец наелся, рядом поднялся небольшой холмик из разбитой скорлупы и откушенных хвостов. Живот немного побаливал, но это неудобство возникло скорее от переедания, чем от пищевых качеств избранной им добычи. Мечтая о мягкой подушке, но довольствуясь кучей волокон, упавших с дерева-столба, он откинулся назад и скрестил руки на своем набитом животе. Тотчас сверху опустились несколько коричневатых существ и шумно принялись пожирать кучу объедков, которую он оставил после еды. Он не видел, были ли у них глаза. Казалось, они состояли только из зубов и когтей.

Не много времени понадобилось существам, чтобы подчистить то, что осталось от его пиршества и подняться в небо на гибких, парашютных крыльях. За собой они оставили только чисто силикатные структуры. Пожиратели углерода, как и те падальщики, которые кормились телами злополучных обитателей станции. Как бы хорошо он себя ни чувствовал, он поступит правильно, если найдет более безопасное место, чтобы выспаться и переварить свой ужин.

Он поднялся и принялся искать подходящее место, радуясь туче танцующих алмазов и свету, который начинал бледнеть по мере расходования солнечной энергии. Ему нужно было

найти убежище как можно скорее, пока полная тьма не поглотила поверхность Призмы. Хорошо бы забраться на подходящее дерево, если найдется такое, что выдержало бы его вес.

Но оказалось, что он нашел нечто более доступное: там, где течением ручья, образовавшего цепь прудов, вымыло в мягком грунте берега небольшую пещеру. Он вполз в пещеру и обнаружил, что внутри сухо и ровно. По возможности прикрыв вход в пещеру камнями, он сделал из песка нечто вроде подушки под голову и тотчас уснул...

Поток солнечного света, проникший в пещеру через входное отверстие наконец разбудил его. Он перевернулся на бок, не желая расставаться с уходящим сном. Тело его затекло, стало немного сыро, но не холодно. Солнце светило неутомимо.

Он перекатился на спину. Во время этого движения его правая рука наткнулась на что-то твердое и скользкое. Существо зашевелилось. Это пробудило его гораздо скорее, чем непрощенные лучи солнца. В пещере он был не один! Неизвестный организм находился между ним и входом. Эван в панике прижался к дальней стене своего убежища, хватаясь за жалкий кусочек пузыристой травы, и приготовился отразить нападение.

Сосед по пещере наблюдал за его действиями ничего не говорящим взором оливково-зеленых глаз. Глаз было два, но кроме этого никаких утешительных признаков в организме не наблюдалось. Он был чуть меньше метра в длину и напоминал собой французскую булку испеченную в темно-синем стекле. Туловище поддерживали десять канареечно-желтых ног. И туловище и ноги были непрозрачными, так что по виду его Эван затруднялся определить, что это за форма жизни: органосиликатная или чисто силикатная.

Пока он опасливо наблюдал за существом, оно вдруг сделало то, что ему здесь не приходилось видеть раньше: оно моргнуло. Оба зеленых глаза на время прикрылись, а потом открылись парой черных силикатных створок,двигающихся с боков. Его взгляд переместился на спину существа, всю покрытую лесом жгутиков. Сначала ему показалось, что желтые жгутики представляют собой нечто вроде меха. Но теперь он мог разглядеть, что каждая ресничка, каждый жгутик

увенчивался миниатюрной тарелочкой. Все они были направлены к солнечным лучам, льющимся в пещеру, и пили свет. Еще один пожиратель световой энергии, решил он.

Его предположение подтвердилось, когда существо отошло на несколько шагов назад, чтобы лучше подставить свои рецепторы свету. Оно не сводило с Эвана своего взгляда и тому пришла в голову мысль, что оно так же боится его, как и он. Это его немного успокоило.

Попав под прямые солнечные лучи, рецепторы-жгутики затрепетали. Это существо не только управляло своей системой; оно еще и наслаждалось ранним утренним теплом, так как проводимость силикона увеличивалась с повышением температуры. Оно нагнулось и начало поедать песок, вгрызаясь в него полудюжиной малюсеньких щипчиков, расположенных вокруг рта.

Первоначальный страх, охвативший Эвана, рассеялся, когда он стал наблюдать существо за едой. Он услышал мягкое ровное урчание. Оно исходило откуда-то изнутри его гостя и было похоже на рокот небольшого мотора, работающего вхолостую. Сначала он думал, что этот звук постоянен, но чем дольше он прислушивался, тем отчетливей различал в нем легкие модуляции. Этот звук обезоруживал, успокаивал, облегчал, это было похоже на механическое мурлыканье.

Он заставил себя сосредоточиться на хрустящих челюстях. Сколько времени потребуется этому чуждому организму, чтобы осознать, что в пещере есть более легкий доступ к полезным минералам, чем сырой песок?

Стараясь держаться как можно подальше от существа, Эван начал осторожно продвигаться по внутренней стенке пещеры ближе к выходу. Пока он так двигался, чужак продолжал завтракать. Одновременно он поворачивал голову, следя за ним. Жгутики на спине поднимались следом за поднимающимися солнечными лучами.

Он почти совсем приблизился к выходу из пещеры, как ровное урчание чужака вдруг стало немного громче. Эван прыгнул на четвереньках к выходу, о тут же ударился головой о что-то невидимое. Оглушенный, он сел, потирая лоб, ожидая, когда посветлеет в глазах. Неужели он так скверно рассчитал свой прыжок в безопасность?

Он все рассчитал правильно. Ночью кто-то загородил вход в пещеру прозрачной дверью.

Он быстро ощупал пальцами гладкое препятствие и резко оглянулся на своего неожиданного коллегу по ночлегу. Что-то вроде защитных выделений, решил он. Другого объяснения этой конструкции он придумать не мог. Чуждый организм забрел в пещеру ночью, не обратил внимания или не увидел другого жильца и поставил экран, чтобы нежелательные особи не мешали ему спать.

К несчастью, закрывшись от врагов, он запер внутрь Эвана. Урчание немного стихло. Все время держа в поле зрения создание, наблюдавшее за ним с таким же интересом, Эван ударил кулаком по прозрачному экрану. Он не выглядел слишком толстым и, кроме того, его пронизывали мелкие дырочки, но внешнее впечатление оказалось обманчивым, как всегда на этой планете. Несмотря на все его усилия, экран не реагировал на обыкновенные человеческие мышцы.

Он повернулся и принялся искать камень побольше. Когда он поворачивался, чуждое создание двинулось в его сторону. Присев на корточки, он попятился в небольшое углубление в стене и приготовился защищаться, пока хватит сил.

В это время, не обращая на него никакого внимания, существо приблизилось к прозрачной преграде. Один раз оно обернулось, словно хотело убедиться, там ли он продолжает сидеть, и затем повернулось головой к стеклянной стене. Из-под его рта выдвинулась крошечная гиподермическая трубочка и выпустила струю жидкости, лишенную всякого запаха, прямо на преграду. Эван замер, вспомнив, как раньше он был свидетелем опасных кислотных выделений, но эта жидкость не действовала разъедающе. Не было ни шипения, ни испарений, и прозрачная преграда не превратилась в кучу силикатного шлака.

Жидкость перестала выделяться. Существо отошло немного назад и стало ждать. В это время Эван подобрал довольно тяжелый камень. Как оружие он был, конечно, слабоват, но Эван почувствовал себя уверенней. Существо все так же игнорировало его.

Послышался резкий хрустящий звук. На глазах Эвана в прозрачной преграде появилась ломаная трещина. За ней пос-

ледовала вторая, затем третья. Трещины соединились и прозрачность начала распадаться, хрустя, как рассыпанный сахар. Через две минуты стена, которую он так и не смог пробить, превратилась в кучу пыли на полу пещеры. Ферменты или кислоты, но какая в сущности разница, подумал он, важен результат.

Но между ним и выходом из пещеры все еще стояло чуждое создание. Он видел, как оно съело силикатную пыль, как паук пожирает клочки своей собственной паутины и потом отодвинуло парочку камней со своей дороги. Жгутики на спине поворачивались к солнцу независимо от положения его тела.

По-видимому, удовлетворенное тем, как оно очистило выход, создание перелезло через оставшиеся камни и выползло на песчаный берег. Потом оно повернулось и посмотрело в лицо Эвану. Хмурясь и не сводя с него глаз, Эван выполз из пещеры вслед за ним. Когда он оказался на берегу, существо отпрянуло.

Передвигалось оно комичной походкой вразвалку и Эван едва удержался от улыбки. Какими бы мощными ни были его челюсти, при таком способе передвижения его нельзя было воспринимать всерьез. Кроме того, если оно затаило против него недоброе, то этим замыслам давно пора было проявиться.

Он встал и потянулся, стараясь размять свои затекшие мышцы. Он все еще крепко сжимал камень на случай, если существо внезапно проявит резкую смену настроения. Но сейчас, оказавшись вне пещеры, он почувствовал себя намного уверенней. Существо представляло для него куда большую опасность, когда Эван был вынужден передвигаться на четвереньках. Вне пещеры он горой возвышался над этим созданием. Он мог легко переступить через него.

Уверенность вернулась к нему настолько, что он решил вернуться в пещеру за своим многочисленным имуществом. Вернувшись на берег, он взял обломок пузыристой трав и пользуясь им, как чашкой, зачерпнул воды из пруда. Напился воды, стараясь представить себе, что глотает холодный фруктовый сок, который обычно готовил ему скафандр по его заказу.

Утолив жажду, он плеснул холодной водой в лицо, вытерся

рукавом нижней рубашки. Серия неритмичных сигналов заставила его обернуться.

Он был почти уверен, что существо уже ушло, проковыляло куда-нибудь в траву, чтобы найти лучшее место погреться на солнце. Но оно не только не ушло, а напротив, придвинулось поближе. Оно остановилось, когда Эван обернулся и посмотрел на него, но не отступило. Наоборот, оно присело на свои десять ног и продолжало рассматривать его, испуская удивительные электронные посвистывания и завывания в весьма странной последовательности.

— Ты еще более странный, чем вся местная фрактальная фауна, приятель, — сказал Эван. — Мои кости тебя, по-видимому, не интересуют, но ты не спешишь оставить меня в покое.

В самом деле, среди местных форм жизни должно существовать разнообразие в интеллекте, размышлял он, продолжая выбирать. Возможно, этот экземпляр стоял на вершине эволюции Призмы. Возможно, по интеллекту и силе разума оно приближалось к домашней собаке. То, что оно не отходило от него, могло означать чувство территории или любопытство, или то и другое вместе. Можно ли его приручить? Было бы неплохо обзавестись компанией до конца его пребывания на планете, учитывая тот факт, что Мартина Офемерт могла разделить судьбу остального персонала станции. И если он сможет приручить его, какое замечательное впечатление он произведет, когда вернется и сделает свой первый доклад компании. Даже живой браслет Мачоки будет иметь бледный вид по сравнению с его псиной.

Он сел у кромки воды и опустил в пруд свою палку, слегка помешивая. Но ни один из органосиликатов, которые обеспечили его ночным ужином, не появился. Очевидно, они вели ночной образ жизни. Возможно, они закопались для безопасности в мягкий песок на дне пруда.

Но его желудок не оставлял его в покое, поэтому он неохотно полез в свой рюкзак за концентратами. Дернув за ушко, он открыл банку и стал ждать, когда содержимое приготовится само собой. Пока шел пар, он удобно устроился у большого валуна и задумчиво рассматривал своего гудящего и пищущего приятеля.

— Я бы хотел, чтобы ты представился. — Ему было приятно слышать свой собственный голос, перекрывающий чуждую какофонию леса. — Ты меня до смерти напугал. — Голова существа несколько раз дернулась как у ящерицы, обзревающей окрестности. Оно продолжало издавать свои удивительные по разнообразию звуки.

Эван припомнил свою прежнюю мысль о том, что от повышения температуры повышается проводимость силикона.

— Значит, поэтому ты и присоединился ко мне? Не из-за безопасности пещеры, а из-за тепла моего тела? Это я помог тебе сохранить энергию на лишний час-два?

Он пожал плечами, съел свой завтрак и после тщательно вымыл пакет из фольги, в которую была упакована пища. Из этой фольги выйдет удобная чашка, которая дополнит обломок пузырчатой травы. Упаковав свою самодельную утварь в рюкзак, он надел грубую защитную повязку от солнца. Пульсация в глазах от поднимающегося солнца начала уменьшаться, когда блеск окружающих кристаллов снизился.

Как это ни странно, но теперь ему казалось, что он может различать фантастические формы более ясно, мог разглядеть больше деталей — хотя все еще затруднился бы сказать, где кончались одни и начинались другие.

В продолжение завтрака, его странный приятель ни разу не шевельнулся и не выказал ничего, что говорило бы о его интеллекте. Идиот, ругал себя Эван. Если хоть что-то на Призме обладает мозгами крысы, это будет научным открытием. Его желания и эмоции на какой-то миг победили здравый смысл. На этой стерильной планете никто не мог составить ему компанию, даже непреднамеренно. Из чувства одиночества он приписывал этому существу свойства, для него чуждые. Обитатели этого мира были механизмами в той же мере, что и животными.

Нельзя было даже сказать, были ли эти организмы живыми, в нормальном смысле этого слова. Можно ли назвать живым прибор, работающий на солнечной энергии? Была ли у него душа? Это правда что, что на других мирах развились крайние экземпляры отклоняющей интеллектуальной эволюции, но как бы фантастически они не выглядели внешне, все подобные формы жизни состояли из плоти и крови.

Но у него еще будет время подумать на эту тему, когда он закончит свои поиски. Если он обнаружит маяк Офемерт в следующие два дня, все будет прекрасно. Если нет, тогда он пойдет обратно на станцию и будет решать серьезную проблему, как связаться со своей спасательной группой.

Проверив свое местоположение по солнцу, он выбрал курс и отправился в фантастический разноцветный лес. Как только он двинулся, гигантская серая гусеница за его спиной произвела серию громких жужжаний и заковыляла следом. Пройдя примерно дюжину метров и заметив, что странный силикатный спутник сопровождает его не случайно, Эван остановился. Остановилась и гусеница. Приподняв правую пару ног, она смотрела на него холодными стеклянными глазами и очевидно ждала, когда он возобновит свой путь. Желтые жгутики на спине колыхались и устанавливались в сторону солнца.

Это существо преследовало его потому, что он чем-то привлекал его или оно надеялось, что он погибнет и обеспечит его безопасным доступом к минералам? Он прожал плечами. — Ну ладно, тащись за мной, если хочешь, но не мешай мне. — Ему было приятно разговаривать с существом, хотя и безответно. Вопрос понимания был довольно спорный. У гусеницы не было ушей.

Она не могла делать такие же широкие шаги, как он, но обладая в пять раз большим количеством ног, она умудрялась не отставать от него. Постепенно она нагнала его и заковыляла не позади, а рядом с ним.

Большую часть времени оно сосредоточенно разглядывало свой путь следования, но время от времени бросало взгляд наверх, чтобы убедиться, на месте ли он.

Эвану показалось, что оно опять дожидается наступления темноты и уютного тепла, исходящего от его тела. Ладно, он не против провести ночь с этим существом. Теперь он вполне убедился в его безвредности.

«Постельная грелка», — подумал он. — «Да, вот до чего сузился его статус в этом сумасшедшем мире. Всего лишь источник тепла!»

Любое безопасное общество было ему по душе. Кроме того, если в этих стеклянных лесах ночью возникнет какая-то опасность, его компаньон среагирует и разбудит его.

«Грелка» и гусеница-часовой. Материал, более подходящий для поэмы, чем для диссертации по экобиологии.

7

Длинный день медленно клонился к вечеру. Ничего не падало с небес, чтобы раздавить его. Ничто не выползало из леса, чтобы разорвать его массивными силикатными лапами. Плюющие кислотой оставили его в покое; поедающие кварц не обращали на него внимания, ползая по полям цитрина и халцедона.

Его первоначальный страх бродить здесь без специального костюма, почти исчез. Наоборот, он был уверен в себе как никогда. Все, что требовалось для самосохранения в этом мире, это просто быть поосторожней, держаться подальше от неприятностей, и ничто не мешает мирно продолжать путешествие. Путешествие без МВМ было не только возможно; оно было воодушевляющим и образовательным. Он не умер, не собирался делать этого в ближайшее время и всю продвигался к месту расположения сигнального маяка.

По мере продвижения он пытался оценить расстояние, которое покрыл с тех пор, как бросил свой костюм. Оно оказалось значительным, как он сам себе заметил. Пребывая в приятном расположении духа, он решил побаловать себя ранним ужином из настоящей пищи.

Поблизости не было никакого ручейка или водоема, но жажда и не мучила его особенно. В результате коротких поисков места для отдыха он обнаружил неглубокую ложину, покрытую совершенно новым типом растительности.

Вместо ветвей или листьев или цветоносов новое растение состояло из широких розовых пластин, растущих на коротких толстых стеблях. Каждая пластина была около четырех сантиметров толщиной и более двух метров в диаметре. Росли они друг над другом, соревнуясь за место под солнцем. Этот вид обладал несколькими огромными фоторецепторами вместо сотни более мелких.

Эван залез под их сень и перекусил. Закончив, он упаковал

остатки и растянулся под полупрозрачными розовыми пластинами. У просвечиваемых солнцем пластин он мог рассмотреть тонкий рисунок субструктур каждой из них, сетку, вытягивающую энергию из солнца и направляющую ее в толстые стебли, уходящие корнями в почву.

«Розовые очки», — подумал он, вспомнив старинный стишок. Он смотрел на весь мир через гигантские розовые очки. Тень под этими пластинами была столь густой, что он смог наконец снять свои эффективные, но весьма неудобные защитные очки. Из этой тени он смог смотреть сколько угодно на окружающие его высокие растения. Как приятно было снять этот кусок пластика со своего лица.

Он лежал спокойный и умиротворенный, в то время как пища его пересваривалась. Часок сна ему совсем не повредит.

Когда время истекло, он приготовился продолжить путь. Но не смог. Он принялся крутиться и извиваться. Ноги не слушались его. Единственное, что ему удалось, это сесть. Он бросил взгляд на свои ставшие неподвижными ноги. То, что он увидел, доставило его желудок сжаться в плазмах.

Что-то или, скорее, кто-то двигался по его ногам. Это было извилистое зудящее движение, равномерное и легкое. На глазах его бежевые брюки окрасились красными пятнышками. Кровь.

Его кровь. Несомненно, потому что у обитателей Призмы не было ничего похожего на эту густую не вызывающую сомнений жидкость. Никакой боли он не ощущал.

Он протянул руку и шлепнул себя по правой ноге. Несколько извивающихся существ прорвались сквозь тонкую брючную материю. Они были не толще мизинца.

Эти черви сливались своей окраской с песчаной почвой, на которую он прилег. Около полудюжины таких же карабкались о каждой штанине, лепясь друг к другу, голова к хвосту, с помощью маленьких мощных присосок.

Он повернул голову и посмотрел на свой левый бок. Там червей было еще больше, все они плотно прилегали друг к другу, образуя живую сеть, которая и удерживала его неподвижно на месте отдыха. И еще множество их собратьев прибывало с каждой минутой.

Земля под ним и вокруг казалась ожившей, сотрясаемой движением сотен голодных, алчущих созданий.

Ужас прибавил ему сил. Он отчаянно дернул ногами и ему удалось освободить левую. Слившиеся черви полетели во все стороны. Едва коснувшись земли, они снова начинали ползти к нему, соединяясь по двое и по трое, стремясь снова образовать кокон вокруг него.

Эвану пока что не удавалось высвободить правую ногу. Повернувшись на живот, он цеплялся пальцами за землю, пытаясь дотянуться до ближайшего стебля растений, осенявших его. Спокойное место отдыха превращалось в его собственную могилу, и достаточно омерзительную, если только ему не удастся вытащить себя из нее.

Стебель рос слишком далеко. Снова сев, он попытался ухватиться за одну из свисавших пластин. Однако его надежды превратились в прах вместе с пластиной, рассыпавшейся у него в руках. Подобно основным видам флоры Призмы, это растение оказалось более хрупким, чем казалось на первый взгляд. В отчаянии он пытался нащарить взглядом какой-нибудь камень, жалея, что не сохранил ни одного при себе. Но вокруг простирался лишь голый песок.

Его молчаливые захватчики вновь облепили освободившуюся было ногу, и в этот раз ему показалось, что он не сможет повторить свою попытку вырваться. Начиная от колен обе его ноги были измазаны кровью. Неожиданно ему пришло в голову, что червей привлекали минеральные соли в составе крови. Он с удовольствием поделился бы ими, если бы они просто отпустили его. Но зачем же им нужно делиться, подумал он в бешенстве, когда они могут иметь все. Они будут удерживать его на месте, пока не высосут все до последней капельки и не бросят его на съедение пожирателям падали. Сначала растворится и переварится его кожа, а затем и богатые кальцием кости.

Найдя маленький камушек, он принялся разбивать живые цепи, сковавшие его бедра. Но черви оказались прочнее, чем их земные собратья. Да они не были мягкими и мясистыми или хрупкими, как те растения, под которыми его терпеливо поедали. Они казались гибкими, пружинистыми и прочными, словно силикатные жгуты. Когда ему удалось наконец убить

одного, разmozжив ему голову, его место тут же заняли двое новых.

Эван опирался на свою левую руку, размахивая правой с зажатым в ней камнем, когда из-под земли вынырнули слипшиеся в цепочку три червя и обвили большой палец поддерживающей его руки. С криком он повернулся и забил их обратно в почву. Однако за этой троицей следовали другие. Ему пришло в голову, что он, должно быть, выбрал неудачное место в самом гнезде этих отвратительных существ. Его сопротивление лишь разбудило остальных, привлеченных его движениями и вкусом свежей крови. Если им удастся связать его по рукам, он окажется совершенно беспомощным.

Хотя он терял кровь медленно, черви высосали из него не меньше пинты. Он начинал слабеть именно тогда, когда сила была ему нужна как никогда. Однако Эван был не тем человеком, который сдавался без борьбы. Он продолжал отбиваться своим несовершенным оружием.

Каким-то чудом ему удалось освободить ноги до того, как потерять сознание. Но по мере того, как силы его уходили, удары становились все беспорядочнее, и он попадал по себе так же часто, как и по своим противникам. Он снова подперся левой рукой, удерживая равновесие, высоко поднял камень над головой и неожиданно повалился назад. Более тридцати червей образовали двойной канат, чтобы притянуть его вниз.

Он перекатился на левый бок и попытался отпихнуть их. На третьем взмахе камень выскользнул из его рук. Обессиливший, он лежал, тяжело переводя дух и пристально рассматривая крошечную форму жизни, победившую совершеннейший мозг, имеющийся в распоряжении человечества. Эван Орджелл не мог пожаловаться на недостаток скромности даже перед лицом неминуемой гибели.

Странно, он чувствовал себя удивительно спокойным. Владеющим собой. Величайшим разочарованием для него было то, что он умрет, так и не узнав истинную причину своей смерти.

Как глупо, как смешно так умирать, думал он устало, выжив после поломки костюма МВМ и множества опасных инопланетных форм жизни, и погибнуть от колонии каких-то червей. Пища для червей. Но до этого еще далеко, пока ты еще не мертв. Черви не торопили очевидную развязку со-

блтий. Конечно, они же были не земными червями. Им никто не показал, где находится их место в мировом порядке вещей.

Они прижимали его к земле точно так же, как в свое время лилипуты пленили Гулливера, и им удалось это намного лучше. Он потерял сознание.

Когда он снова открыл глаза, солнце стояло высоко, но в неположенном мете небосвода. Он невероятно устал, больше чем мог даже вообразить себе. Это был не просто упадок сил. Онемение всего тела носило скорее неорганический характер, как у камней и металла, нежели брeнной плоти и крови.

Особенно крови. Он поднял голову и посмотрел на свое тело сверху вниз. Начиная от колен, брюки его исчезли, разорванные непонятно кем. Он ясно видел шрамы, оставленные червями, длинные и тонкие, в запекшейся крови. Он не имел понятия, сколько они высосали из него, но очевидно недостаточно, чтобы погубить его.

Розовые фоторецепторы, нависавшие над ним, исчезли. Его незащищенные глаза тут же сузились, избегая невыносимо яркого света, но он все же мог рассмотреть кое-что в непосредственной близости. Он лежал под растением, очень напоминавшим обыкновенное дерево. Более пристальное изучение показало, что оно покрыто длинными полосами коричневого кварца, но с зеленой сердцевинкой. Он отчаянно пытался убедить себя, что это древесина.

По обеим сторонам от него ярко-желтые цветы напоминали по форме голубо-зеленые сверхзвуковые прожекторы и лениво покачивались под нежным ветерком, но не забывая при этом ориентироваться на солнце. Они действительно могли быть сверхзвуковыми прожекторами, сказал он себе, учитывая в каком сумасшедшем мире они росли.

Дерево и цветы — это приятно, но где же черви? Как долго он пролежал без сознания? Минуты, часы, еще дольше? В желудке было пусто, но голода он не испытывал, значит прошло не много дней, если речь шла о днях. Тогда не более одного дня. Вернее, около тридцати часов бессознательности, пока его

тело набирало сил после атаки. Голова была на удивление легкой и не только от потери крови.

Потом он вспомнил, что видел перед тем, как отключиться. Или то, что он думал, что видел.

Голубая гусеница спускалась по небольшому склону, пробираясь сквозь беспорядочно ползающих червей и разбрасывая их ногами, набивая ими рот и опрыскивая их какими-то загадочными флюидами из гиподермического органа, расположенного под жвалами. Капли этой жидкости заставляли червей размыкать свои цепи, корчиться в судорогах, с треском раскрываться и умирать.

Несомненно, гусеница была послана в ответ на его молитвы, поедая червей, которые облепили Эвана. Возможно, потому насекомое это и шло за ним следом. Но это казалось ему неверным. Скорее всего гусеница следовала за солнцем, судя по многочисленным светопоглощающим ресничкам у нее на спине.

Но даже в таком случае ей необходимы были минералы. И она получила их, когда представилась соответствующая возможность, из маленьких телец червей, где эти минералы концентрировались. Конечно. Гусеница питалась тем же, чем и эти черви.

Тогда почему она не напала на Эвана накануне ночью?

Теперь это было неважно. Имело значение лишь то, что неожиданная атака гусеницы погубила такое множество червей, что остальным пришлось отступить и скрыться в их подземном убежище. Ослабевший, едва удерживаясь в сознании, Эван должен был уползти из этого места смертельного отдыха туда, где его израненное тело могло бы немного окрепнуть.

Подчинившись инстинкту, гусеница оказала ему огромную услугу. Он надеялся повстречаться с ней снова. Возможно, ему удастся хоть как-нибудь отплатить ей. Если только с памятью его все в порядке и если все это с ним действительно происходило. Возможно, она последует за ним вновь. Если бы он мог заставить ее вернуться вслед за ним к станции, он накормил бы ее досыта остатками химической лаборатории. Наконец-то ее душенька будет довольна, если, конечно, у нее есть душа, а не скопище силикатных батареек.

Легкость в голове не проходила. Его тело сделало все от

него зависящее, но теперь оно нуждалось не только в отдыхе, чтобы восстановить силы. Его желудок давал о себе знать. Когда он попытался сесть, он обнаружил, что его клонит влево. Что-то вцепилось в его левое ухо. Поморщившись, он потянулся, чтобы почесать зудящее место и снять кусочки коры, попавшей сверху, пока он спал.

Пальцы нащупали два тонюсеньких усика, свисающих с его головы. Они не закрутились вокруг уха, не запутались в волосах и не прилипли к царапинам. Они свисали из самого уха.

Он резко повернул голову влево. Пара ярко-зеленых стеклянных глаз смотрела прямо на него с расстояния в несколько сантиметров. Это была гусеница.

Она сидела на его плечах, обвернувшись вокруг его шеи подобно силикатному боа. Ножки ее охватили его ключицы и мышцы плеча, вцепившись почти неощутимо, но крепко. Мощные жвала, способные разгрызать камни, лежали на коже предплечья.

Два тонких усика высунулись из ее головы, чтобы войти в ухо Эвана, минуя барабанную перепонку, не причиняя ей вреда и проскальзывая глубже в череп. Что-то пощекотало мозг Эвана. Словно ему устраивали легкий шок.

В следующий момент он как бы отключился, не теряя сознания. Иными словами, он слегка сошел с ума на некоторое время, вскочил на ноги и принялся бегать кругами, натыкаясь на стеклянные растения вокруг, одновременно пытаясь стряхнуть насекомое с плеч и убрать усики, проникшие к нему в мозг. Он вцепился и дергал за тонкие нити. Однако они не поддавались, и даже приложив все усилия, он не смог ослабить эту хватку в десять ножек.

На протяжении всей этой сцены гусеница не шелохнулась, не издала ни единого звука. Лишь ее черные веки реагировали, прикрывая зеленые глаза-линзы от размахивающего руками Эвана. Это было все равно, что сражаться с зеркалом. Он причинил больше вреда себе, натыкаясь на деревья и камни, чем гусенице.

Когда он попытался вытащить усики, торчащие из его уха, то вызвал этим только невыносимую боль.

Первым сдалось его горло, охрипшее от постоянных воп-

лей. Продираясь сквозь лес, он растерял последние капли уверенности в своих силах, которую ему удалось укрепить с того момента, как он оставил свой костюм и остальное снаряжение из цивилизованного мира. Сначала эти черви, потом кажущееся спасение, а теперь еще и это. Только непоколебимая вера в свою способность к выживанию каким-то образом продолжала удерживать его в здравом уме. Остальные назвали бы эту уверенность самонадеянностью.

Усталость сковала ему ноги и он рухнул на колени. Закрыв лицо руками, он разрыдался. Гусеница же обвила его плечи, стеклянная и невозмутимая, не реагируя ни на его эмоциональный взрыв, ни на истерические попытки согнать ее с насиженного места.

Эван повалился на правый бок. Он лежал, вздрагивая, пытаясь не думать о том, что с ним произошло, о том, что еще может случиться. Лучше бы он безболезненно скончался от червей. Хуже всего было то, что он понятия не имел, что это существо собирается с ним сделать. Съесть его? Устроить в его мозгах кладку яиц?

Поскольку он не мог больше ни кричать, ни бежать, ему оставалось лишь лежать неподвижно и ждать. Ждать и думать. Внутри у него все разрывалось. Да, теперь следовало ожидать растворения его мозга и постепенного поглощения его через эти два усика. Он начнет терять контроль над собой. Больно будет только потому, что он знает, что так должно быть.

Новые попытки освободиться от усиков лишь вызвали резкую боль. На затылке началось тупое пульсирование. Первые сигналы, подумал он. Он слишком устал, чтобы продолжать сопротивление. Все равно оно ничего не меняло. Его положение было полностью безнадежным.

Да, насекомое разрушало его изнутри. Он уже видел, что это существо могло вытворять тем гипотермическим подчелюстным органом. Может, оно уже начало испускать флюиды у него в голове? Странно, но боли не было и, пока он не тянул за усики, то ощущал только легкую пульсацию, то нарастающую, то затихающую, пропадающую без предупреждения и возникающую без боли. Он невероятно устал от мучений.

Эти пульсации можно было сравнить с морским прибоем.

Мягким и совершенно безболезненным. Слова тоже были безболезненными.

— Извини, Мягкотелое, — прозвучало в пульсации, — что мне так долго пришлось пробиваться к тебе, но я едва нашел пробку.

Эван перекатился на живот и сел, покачиваясь, прежде чем прислушаться к эху слов, раздающихся в его голове. Слова продолжали звучать.

— Ты понимаешь меня? Я чувствую, что ты меня принимаешь, но не передаешь ответ.

Значит это и есть сумасшествие, тихо размышлял Эван.

— Твой разум не поврежден, — заверил его голос. — Смущен и устал, да, но ясен. Твои импульсы организованы соответственно. Сначала они мне были совершенно непонятны, но умозрительно они переводились отлично.

— Что отлично переводилось? — Эван понял, что он задал вопрос мысленно. Он не открывал рта с тех пор, как перестал кричать, и боялся делать это снова. Ему этого даже не хотелось. Неистовство приводило к обратным результатам.

— Коммуникативные импульсы рождаются в твоем мозгу. Несколько смущенные, но это не удивительно. Все коммуникативные импульсы, испускаемые размягченными мозгами, слегка дезорганизованы.

— Ты не говоришь, — пробормотал Эван, на этот раз вслух. Звук собственного голоса успокаивал. Может, он и сошел с ума, но по-прежнему держал себя в руках.

Он заставил себя повернуться и посмотрел прямо в голубо-зелено-желтое тело стеклянной гусеницы, усевшейся на его плечах.

— Что ты делаешь со мной?

— Я беседую. Прими это за факт. — И как бы в подтверждение сказанного гусеница подмигнула ему.

Заинтригованный, Эван коснулся тонких серебристых усиков, тянущихся из головы существа в его левое ухо. Пробиться? Пробка?

— У меня в голове нет никакой пробки, — буркнул он.

— Конечно есть, — гусеница казалась очень уверенной в себе. — Каждое разумное существо имеет пробку. Просто твою мне было трудно отыскать. Любопытно, но, кажется, ей

никогда не пользовались прежде. В результате она атрофировалась и изменилась. Чтобы наладить связь потребовались некоторые модификации, которые я произвел, пока ты приходил в себя.

Эван сделал глубокий вздох. Это помогало ему унять дрожь.

— О чем ты говоришь, о каких «модификациях»? Ты что-то сделал в моей голове? Что ты сделал со мной?

— Просто счистил кое-какие наросты и дал твоим природным органам возможность нормально функционировать, чтобы открыться мне, — тон гусеницы был смущенным. — Я думал, ты будешь мне благодарен.

— Я чертовски благодарен за то, что ты вытащил меня из этого гнезда червей. Насчет остального я пока придерживаю свое мнение при себе. Почему я так ясно тебя понимаю?

— Чистота — это следствие проникновения. Она возникает, когда два разумных существа соединяются друг с другом. Все коммуникативные импульсы становятся одинаковыми.

Импульсы. Гусеница расшифровала электрические импульсы, которые вместе создавали разумные мысли в мозгу Эвана. Точно так же и он, вероятно, поступал с импульсами гусеницы. Но каким образом? Через «пробку»? Был ли это вопрос физиологии или фантазия?

Как бы там ни было, кажется, у них получилось.

— Последовательность и интенсивность импульсов варьируется, — объяснила гусеница, — но в определенных пределах. При определенной аккуратности все импульсы понятны. Я не думал, что ты разумен, когда впервые встретился с тобой в пещере. Меня привлекло огромное количество растрачиваемого впустую тепла твоего тела. Во всяком случае ты не продемонстрировал свою способность контактировать. Я вызывал тебя много раз, но ни разу не получил ответа.

— Ты говоришь о том попискивании и чириканьи? Для меня они звучали просто как шум.

— Как и твои модулированные звуковые волны для меня. Ты и сейчас генерируешь их в сочетании со своими мыслями, но я не могу понять ни единой мысли.

— Когда ты не ответил на мои сигналы, я решил было, что

мне просто не с кем контактировать. Я не считал твою новую форму интересной, так как, по моему мнению, ты демонстрировал сплошную бессмыслицу.

Эван слегка разозлился, но обнаружил, что в какой-то мере согласен с оценкой гусеницы. Разумеется, его решение развалиться прямо на гнезде червей не убедило бы местное разумное существо в том, что он яркая индивидуальность.

— Что заставило тебя изменить мнение?

— Методичность, с какой ты пытался освободиться от пут червей. Я подумал, что попытка более глубокого контакта может принести свои плоды. Поэтому я сделал усилие, и достаточно значительное, обнаружил и модифицировал твою пробку, подготовив ее для нормального проникновения. И какую награду я получил за свои попытки? Сначала ты пытался нарушить связь. Едва ли это поступок разумного существа.

Пульс Эвана приблизился почти к норме.

— Прости. Я не знал, что со мной твориться. Я смутно помнил твою атаку на червей, хотя я и не знал, что ты делал это ради меня. Я — мои особи, мой тип не знаком с таким видом коммуникации, который ты называешь проникновением. Моя пробка, как ты говоришь, это что-то у меня в мозгах, с чем я не знаком. Я никогда не слышал о ней прежде. И когда ты называешь этот метод коммуникации глубоким, то для нас это чертовски сдержанно. Мысль о чем-то, проникающем в наши головы, ну, не особенно приятна. — После паузы он добавил. — Слушай, ты уверен, что у меня есть этот орган — пробка или что-то вроде этого в моей черепушке или ты добавил что-то от себя и просто не говоришь мне всей правды?

— Я только модифицировал то, что уже было у тебя в мозгу. Когда ты запаниковал, я подумал о том, чтобы оборвать связь и оставить тебя в покое. Но твои муки были столь очевидными, а твое невежество таким потрясающим, что я не представлял, как ты можешь выжить без помощи. Поэтому я продолжал настаивать, пока ты не успокоился, и предпринял очередную серию попыток к разумной беседе.

— Прости еще раз. Я не привык разгуливать здесь в таком виде. С тех пор, как я бросил свой костюм...

— Костюм?

Эван описал МВМ и его функции, пытаясь воссоздать для гусеницы как можно более ясную картину.

— А-а. Значит ты обладаешь твердым панцирем, подобно многим мягкотелым, но тебе пришлось расстаться с ним.

— Нет, нет, — нетерпеливо продолжал Эван. — Это — костюм. Он не естественный, не часть наших тел. Это продукт производства, изготовленный из различных металлов и химикалиев.

— Так я и говорю — панцирь.

— Но панцирь растет на теле. А костюм изготовлен на станках, машинами.

— Что значит машины?

Эван растерялся. Высокоразумный инопланетянин совершенно не знаком с машинами?

— Мы обсудим это позже, — он стал шарить вокруг.

Гусеница не тронула его рюкзак, лежавший неподалеку. Либо пожиратели падали не обнаружили еще его содержимое, либо его спаситель отпугнул их.

Свертки с едой были разбросаны вокруг там, где выпали из рюкзака. Он встал, пытаясь не обращать внимания на тяжесть на своих плечах, подошел и стал собирать свертки обратно в рюкзак.

— Что это такое?

— Пища.

— Правда? В них нет никакой яркости.

— Они содержат химическую энергию. Я не охочусь за фотоэлементами как ты. Мое тело вырабатывает энергию, окисляя определенные химические соединения и расщепляя их на сахар и другие элементы, которые... — Впрочем, органической химией мы займемся попозже.

— Я знаю, что мягкие формы жизни забирают энергию, потребляя другие мягкие формы, но никогда не видел, чтобы они были такими ограниченными. Я знаю, что ты должен быть потребителем мягких форм жизни, потому что ты держишься в тени, в то время как все разумные существа инстинктивно стремятся к свету.

— Мне не нужен солнечный свет для поддержания жизни, — начал было Эван, но поправил себя, — лишь время

от времени легкая доза, чтобы мое тело могло вырабатывать определенные витамины. Я не могу превращать солнечный свет в направленную энергию подобно тебе.

— Следовательно, как и остальные потребители мягких форм, ты обязан проводить большую часть времени в поисках химических соединений, пригодных для еды. Какая чудовищная растрата драгоценной жизни.

— Согласен. С другой стороны, я могу уносить пищу с собой в крошечную тьму и жить так довольно долго.

— Кому это может понравиться? — гусеница мысленно пожала плечами.

Усики легонько пощекотали шею Эвану, когда он нагнулся, собирая вещи.

— Слушай, а не могли бы мы перестать общаться через пробку и научиться модулировать звуковые волны?

— Я уже пытался. Не думаю, что это может быть когда-нибудь осуществимо. Твои модуляции слишком напоминают настоящий шум. Тем более, что большая их часть была на едва различимой низкой частоте. А что, мое проникновение причиняет тебе боль?

— Нет, больше нет. Наверное, я еще просто не привык.

— Я все еще не могу поверить, что ты не подозревал о существовании пробки у себя в голове.

— Поверь, что это первое упоминание о ее присутствии. Мои особи общаются только речью.

— Все более и более невероятно. Как же вы поддерживаете одновременную беседу в группе?

— Мы этого не делаем. Один человек говорит, а остальные слушают.

— Печально. Это, должно быть, страшно замедляет ваши контакты, обмен информацией. Вам, верно, трудно работать в гармоничных группах.

— Иногда, — признался Эван, вспомнив бесконечные споры со своими коллегами по работе. — Мы, люди, большие спорщики.

Эван почувствовал, что начал расслабляться, несмотря на присутствие в голове чужеродных щупов. Его новый знакомый был не только любопытным и удивительно разумным, он так же умел сочувствовать. И он спас его от червей-вампиров.

Правда, он захватил его тело без разрешения, но это была последняя и вынужденная попытка установить контакт. По своим собственным этическим меркам, он поступил верно. Эван отлично понимал, что никогда не позволил бы осуществиться проникновению, будь он в сознании и понимай, что происходит.

— У тебя есть личность или ты составная часть целого?

— Как это? Я не понимаю.

— Среди моих особей каждый индивидуал идентифицируется наглядным периодом, соответствующим самому индивидуалу. Я, к примеру, Лазурная Поверхность с Пироксеново-Дендритными Вкраплениями.

Эван переварил все это.

— Что если я буду называть тебя просто Голубым?

В ответе гусеницы сквозило разочарование.

— Это описание не совсем точно.

— Намного лучше, чем мое. Я — Эван.

— Э-ван. Это описание или что?

— Это мое описание.

— Ты определяешь себя своим «я». Отсутствие информации.

— Это абстракция.

— Я не очень хорошо в ней разбираюсь, Голубой. Это дело философов и учителей. Я всего лишь разведчик.

— Это твоя профессия?

— Профессия? — больше смущения. — Я просто такой, какой есть. Учитель — это учитель. Воин — это воин. Я всего лишь разведчик. Каждый — тот, кто он есть.

— Это к нам не относится. Мы можем менять род занятий, когда захотим.

— Теперь я совершенно запутался. Для разумного существа у тебя сплошной беспорядок в голове.

— Ничего себе заявление стеклянной гусеницы, — огрызнулся Эван.

Голубой не обиделся.

— Более полный образ, хотя не совсем верный и основанный на смутных представлениях инопланетянина.

Эван провел пальцами вдоль усиков-щупов.

— Ты уверен, что не причинил вреда моему мозгу, уху или еще чему-нибудь?

— Я действую только там, где уверен, — успокоил его Голубой. — Я и не пытался пройти там, где реакции не последовало.

— Реакции?

— Импульсивного ответа. Сигналы, передаваемые твоим мозгом, служили моим ориентиром в поисках пробки. Представь мое удивление, когда я наконец установил контакт и обнаружил, что твой орган не развит и ни разу не использовался. Я еще никогда не пытался проникнуть в другой мозг с неиспользуемой пробкой, но реакции твоего мозга и тела были настолько адекватными, что я решился продолжать. Теперь, после необходимой модификации, тебе в будущем будет легко устанавливать контакт с кем-либо.

Да, только вряд ли мне это может понадобиться, сказал себе Эван. Он мог сохранить свои мысли в тайне, не желая оскорбить своего друга. Он был способен на это, поскольку для двустороннего контакта ему нужно было думать направленно на инопланетянина.

Он пожалел, что под рукой не оказалось зеркала, хотя если бы ему уж очень необходимо было взглянуть на себя, лес вокруг был полон отражающими поверхностями. Слегка потянув за усики, он почувствовал моментальный укол боли.

— Ты хочешь прервать связь? — быстро спросил Голубой. — Я чувствую, что ты испытываешь неудобство.

— Все нормально. Просто не могу держать руки при себе. Мне постоянно нужно убеждаться, что это не сон. Мне совершенно не больно, когда я не трогаю их. Кроме того, это самая большая новость в области внутренней коммуникации за последние три столетия.

— Тогда, ты — библиотека?

— Что?

— Библиотека. Хранилище знаний, пополняемых разведчиками, — маленький инопланетянин казался очень взволнованным. — Не удивительно, что мне так легко удалось установить связь. Ты был просто создан для этого.

— Погоди, я не библиотека, то есть, не библиотекарь. Я инженер-исследователь, специализируюсь по макрокон-

цепциям, — но мы снова говорим об описаниях. Да, частью моей работы является накопление и хранение знаний, но это не все, чем я занимаюсь.

— Конечно, нет, но каждый создан для выполнения основной функции, вашей является библиотека. Строеение твоей пробки подтверждает это.

— Давай прекратим говорить об этом.

Он пытался не думать об особенностях места, в которых парочка инопланетных щупов щекотала его мозг.

Неужели все люди такие? Неужели и у всех остальных есть маленькие неиспользуемые органы для внутреннего контакта с индивидуумами из других миров. Если так, то что же говорить о конвергентной эволюции, не упоминая о потенциальном теологическом смысле? Неужели вся разумная жизнь, даже совершенно чуждая, основанная на силиконе жизнь Призмы, происходит согласно какому-то первозданному плану? Неужели и транс и Ааин обладают одинаковыми органами?

Если так, то это было полным откровением. При подтверждении это станет огромным открытием, самым великим с тех пор, как человек сделал шаг из своего родного дома-планеты.

Он не мог раздумывать над этим. Он был слишком занят, пытаясь прожить этот день. Если эта гусеница, Голубой, могла способствовать его выживанию, засунув пару стеклянных усиков в его ухо, он с радостью принял бы это вторжение.

— Чем занимается разведчик?

— Подобно всему прочему, название говорит само за себя, но раз уж ты требуешь подробностей: разведчик находится далеко от говоруна. Моя задача — собирать знания о мире, окружающем говоруна, о хороших местах, богатых минералами и металлами, необходимыми для нашего здоровья, а также быть готовыми отразить нападение потенциальных врагов.

— А что такое говорун? Название города, сообщества? Значит, там много таких, как ты?

— Конечно, есть и другие разведчики.

— Нет, я не это имел в виду, — Эван попытался перефразировать вопрос. — Я хотел узнать, есть ли среди вашей группы кто-то, выполняющий иные функции для сообщества?

— Естественно, а из чего же может состоять говорун? А разве в вашем обществе иначе?

— Нет, все верно. Я сам в общем-то специалист, хотя и не совсем ясно понимаю, что ты имеешь в виду под словом «специализироваться». Кажется, у вас это понятие выходит за принятые нами рамки. — Он помолчал и потер лоб.

— Больно?

— Нет, больше похоже на пульсацию, когда ты разговариваешь со мной, словно легкая мигрень.

— Похоже, это доставляет неудобство мягким формам.

— Разве вы никогда не испытываете моральных стрессов и дискомфорта?

— Не физически. Это концепция мягких форм, — Голубой замолчал недолго, потом радостно воскликнул: — Я придумал определение для тебя. Я буду звать тебя Гибкий Модульный Аргументирующий Быстродвигающийся Углеродный Концентрат.

— С меня вполне хватило бы Эвана.

— Ты предпочитаешь неописательную идентификацию, — разочарованно проворчал инопланетянин.

— У нас и так достаточно сложностей в понимании друг друга. Взгляни на это как на сжатие информации.

— Если тебе от этого будет легче, — Голубой все еще звучал неуверенно.

— Будет, будет. Если хочешь, я и для тебя могу подыскать несложную абстракцию. Скажем, тебе нравится имя Эже? — И ввиду того, что инопланетянин ничего не ответил, пытаясь осмыслить необычное имя, Эван продолжал: — Могу я спросить? — Он повернулся, чтобы указать на находившееся в отдалении гнездо червей, где он чуть было не истек кровью. — Ты называешь их «сайрузи», этих червей; они охотились за элементами моей крови?

— За металлами и минералами, входящими в состав жидкой части твоего тела.

— Они не интересуют тебя? Эти усики, которые ты воткнул мне в голову, они только служат для коммуникации? Ты ведь не ведешь со мной этот приятный, вежливый разговор, одновременно высасывая какую-нибудь жизненно важную для себя субстанцию, например, цинк?

Ужас Голубого был почти ощутимым.

— Конечно нет! Некоторые существа получают необходимые им элементы из тел других, но большинство извлекают их прямо из почвы. Я разомкну нашу связь и покажу тебе.

— Ладно.

Он обхватил себя руками, но когда инопланетянин прервал контакт, не последовало никакой боли. Два усика свободно и бескровно выскользнули из его уха. Голубой ослабил хватку и спрыгнул с плеч Эвана на землю, легко приземлившись на свои десять ножек.

Найдя подходящий участок, он расчистил его от пенной травы и принялся высасывать песчаную почву через короткий гибкий хоботок. Он задержался на несколько минут, посмотрел на Эвана и зажужжал.

Несмотря на предупреждение, Эван вздрогнул, когда инопланетянин вспрыгнул ему обратно на плечи. Инопланетянин. У него ведь есть имя. И он разумен!

Было намного труднее и потребовалась вся сила воли Эвана, чтобы оставаться неподвижным, пока Голубой снова улавливал контакт у него в мозгу.

8

Ему не помогло, что на этот раз он оставался полностью в сознании, пока процедура не закончилась. Он чувствовал, как скользкие щупы гладко входят в его ухо, минуя барабанную перепонку, все глубже проникают в голову. И снова он не почувствовал никакой боли, только легкий холодок. Никакого ощущения, что к его мозгу «подключились». Но когда усики прекратили двигаться, пульсирующий голос возобновился.

— Я чувствую твою напряженность, — промурлыкал Голубой, теперь прозванный Эже. — Для этого нет никаких причин. Пробка существует для того, чтобы ей пользовались.

— Я знаю хирурга, который поговорил бы с тобой на эту тему.

— Хирург? Ты имсешь в виду врача? Возможно, ты захочешь поговорить с моим.

Эван сразу заинтересовался. Какие открытия готовит силикатный шаман? Как можно поправить повреждения, нанесенные существу, состоящему из силикона, бериллия и примесей бора?

— Я еще никогда не встречался с такими, как ты, — сказал Голубой.

Эван слегка улыбнулся.

— У меня есть знакомые, которые могли бы то же самое сказать мне про тебя.

— Ты должен прийти из отдаленного места, — и здесь он (Эван начал думать о своем друге, как о «нем», хотя по всем признакам до сих пор Эже был совершенно бесполом) употребил термин, который не очень поддавался переводу.

— Дальше, чем ты можешь представить себе. — Найдя удобное место, Эван сел и сделал все возможное, чтобы объяснить свое поведение, свое происхождение и причину своего пребывания в мире Эже.

Когда Эван закончил, чужак быстро ответил:

— Восхитительнее всего восхитительного! Ты должен возвратиться со мной в Ассоциацию и сообщить все это библиотекам.

— У вас их больше, чем одна?

— Конечно. У нас прогрессивная Ассоциатива.

— Вы, должно быть, приобрели много книг.

— Что такое книги?

Теперь пришла очередь Эвана смущаться.

— Книги, и магнитофонные записи, и относящиеся к ним материалы для хранения — это то, что входит в библиотеку.

— Материалы для хранения. Это я понимаю.

— Я не могу поехать с тобой прямо сейчас, Эже. Как бы я ни хотел, я не могу. — Он показал свое запястье с равномерно светившимся маяком. — Мне придется попытаться найти этого другого человека. Я говорил тебе об этом.

Эже подумал.

— Но ты не уверен в местонахождении своего коллеги?

— Нет. Я только могу использовать это устройство, чтобы

оно перенесло меня вообще поближе к ней. Затем мне придется провести визуальный поиск, и я надеюсь, мне повезет.

— Возможно, мы сможем помочь. Нет ничего необычного в частоте твоего маленького радиопередатчика. — Он показал парой ног на радиомаяк. — Возвращайся со мной, и я поставлю твой вопрос перед нашими ораторами. Они могут точно установить, кто ведет радиопередачу.

Эван нахмурился. Казалось невероятным, что собратья Эже имели что-либо такое сложное, как направленный лока-тор, — разве он уже не признался в незнании орудий труда? И кем был оратор? Все же, если и было что-то рациональное в том, что утверждал его друг, это могло привести его прямо к трупам Офемерт и избавить его от дней блуждания в сверкавшем враждебном лесу.

— Хорошо. Давай посмотрим, что могут сделать эти ваши ораторы.

— Отлично! Очень приятно! — Эже изогнулся, чтобы показать свое удовольствие. Блестящие зеленые глаза несколько раз оглядели фигуру Эвана. — Но сначала мы должны что-то сделать с твоей уязвимостью. Мы должны постараться сделать тебе наружный каркас из литер. Ты не можешь расхаживать, как ты есть, мягкотелый и незащищенный. Ты говоришь, что твой собственный наружный каркас этот костюм или что бы это ни было, теперь бесполезен для тебя?

— Я боюсь, что так. Не думаю, что я мог бы привести его в движение своими собственными силами.

— Еще одно странное представление. — Эже поднялся на свои шесть задних ног, осмотрел окружающую флору, и под конец задвигал своими жвалами. — Сначала мы должны сделать что-то с твоим сверхчувствительным зрением.

Эван последовал за чужестранцем на небольшое расстояние в густые заросли деревьев. Они остановились перед порослью, почти достойной этого названия. Бурые шары росли прямо на серовато-буrom стволе. Там не было листьев или ветвей, но Эван не увидел и никаких вездесущих фоторецепторов. Это была структура с углеродным основанием, предмет, наиболее похожий на настоящее дерево из всех, что он видел с тех пор, как высадился на Призме.

Насыпь из разбитых шаров накопилась вокруг основания дерева.

— Встань на колени, пожалуйста, — сказал Эже. Эван повиновался. Когда он наклонился, чужестранец поднял и стянул полоску хрупкого пластика с глаз Эвана.

— Эй, мне это нужно!

— Я надеюсь, уже нет. — Эже отсоединился, все еще держась за полиэтиленовую пленку, и упал на землю.

Всеподавлявший свет Призмы вызвал слезы на глазах Эвана. Он сильно прищурился, стараясь следить за действиями чужака.

— Давай, верни это.

— Бесплезное указание. Он не был подключен.

Эже, казалось, делал что-то с силикатными осколками, оглядываясь изредка на присевшего человека, затем сортируя осколки разбитого шара. В конце концов, выбрав пару лучших черепков, он начал подравнивать и прилаживать их. Эван наблюдал, как ротовые части чужеземца резали твердый материал, как будто это была бумага. Он мог легко представить себе, что они могли бы сделать с его собственной плотью, если бы Эже внезапно невзлюбил его.

Больше задумчивых взглядов в сторону Эвана. Шаровидные осколки были подрезаны и склеены в четыре секции, две ровные и изогнутые, две круглые и вздутые. Эти четыре части стали единым целым под умелыми лапами Эже. Когда он закончил, результат был вручен Эвану. Это была удивительная работа, великолепно отшлифованная, легче было поверить в то, что это дело рук какой-нибудь машины, чем чужого рта. Эван опустил прямые перекладки на свои уши и сцепил их вместе у себя на затылке. Спаренные полушария, с которыми они были соединены спереди, точно прикрывали его глаза. Они были немного большими и, вероятно, придавали ему вид огромного жука, но он не очень интересовался внешностью.

Коричневый силикат защищал от большей части солнечных лучей и болезненных отблесков окружавших зарослей. В первый раз с тех пор, как он был вынужден покинуть гидромагнитный транспорт, он мог видеть ясно и без труда. Светлый, теплый дождь начал падать.

— Откуда ты знал? — Он снова наклонился и позволил Эже взобраться обратно на свои плечи и опять зацепиться. — Скажи, откуда?

— Назначение тонкого материала, которым было обернуто твое лицо, было очевидно и явно недействительно, — ответил Эже. Он сделал жест по направлению к полоске пластика, которая теперь лежала смятая на земле. — Я думал, куски фруктов Эрн будут служить лучше. Это лучше?

— Это чудесно. Не могу достаточно отблагодарить тебя. — Он осмотрел местность, наслаждаясь возможностью полностью открыть глаза в первый раз за много дней. — В какую сторону теперь?

— Мы еще не закончили здесь.

— Все, что ты скажешь. — Что еще было на уме у Эже для него? Еще одна пара очков, возможно, сделанных из какого-то более темного материала?

Эже показывал ему дорогу через лес, пока они не натолкнулись на маленький прудик. Он стоял сам по себе, без какого-то видимого стока. Как можно было ожидать вода была темной и богатой массой диатомовых водорослей.

— Войди, — сказал ему Эже.

— Что? — Эван неуверенно разглядывал жидкий мясной бульон.

— Погрузись — и непременно держи голову над водой.

— Почему? Какая опасность?

— Никакой опасности. Только мера предосторожности, которую нужно принять мягкой форме.

Эван нагнулся и попытался понять тайну заводи.

— Что может случиться со мной?

— Тебе нужна защита. Заводь обеспечит ее. — Когда Эван снова заколебался, Эже добавил с тенью раздражения: — Я сделал что-нибудь, чтобы причинить тебе вред?

— Не-е-е-е-т. — Эван подумал. Это была только вода. Он мог всегда быстро вылезти, если бы это показалось необходимым.

Он вошел туда и медленно принял лежащее положение, его голова опиралась на сухой берег. Теплая вода начала просачиваться сквозь его легкую одежду. Что-то начало раздражать его ноги.

Он потянулся вниз, чтобы почесаться, но его предупредил Эже который выполз на берег около его головы, все еще подключенный к своему высокому мягкому другу.

— Не делай этого. Расслабься и позволь фропории сделать свое дело.

Эван сделал, как ему было сказано, хотя ощущение мурашек, ползущих по телу усилилось, и было трудно держать руки по бокам тела. Это не было болезненно: только неудобно. Он приподнял голову, чтобы посмотреть вниз на себя.

Тонкий слой двуокиси кремния образовался на его теле. Когда он затвердел, его одежда лопнула и порвалась изнутри. Потеря легкого нижнего костюма не очень расстроила его. Он был изношен и уже порван так или иначе. Процесс было интересно наблюдать. Миллионы микроскопических живых существ склеивались вместе не более, чем на сантиметр над его кожей; почти таким же образом кораллы образуют барьерные рифы, только этот процесс происходил намного быстрее.

Он изогнулся и слегка повернулся. Там, где было противодействие, фропория оставляла большие места для движения. Он начал прокладывать себе путь вниз вдоль своего собственного тела, отодвигая загустевшее наслоение подальше от своей кожи около суставов и складок, сгибая свои мышцы отдельно, где возможно. Когда покрытие стало приблизительно сантиметровой толщины, рост прекратился.

Подчиняясь указаниям Эже, он лежал так неподвижно, как мог, в течение нескольких часов, после чего его друг сказал:

— Теперь ты можешь встать.

Эван взглянул вниз на мягкую белую упаковку, покрывающую его, и попытался согнуть ноги. Наслоение было таким же неподдатливым, как металл.

— Как? .

— Действительно, как? Я забыл.

— Ты забыл? — Эван постарался изгнать из своих мыслей всякий намек на панику. Если его обманывали все это время, и он пошел и упаковался для неторопливого потребления...

Эже быстро подошел и схватил Эвана за плечи. С неожиданной силой он вытянул упакованного человека из заводи. Затем он начал работать над телом Эвана, подрезая и

выделяя жидкость около суставов. Как только Эван догадался, что он делает, он предложил советы и указания.

Сначала правая рука стала свободнее в плече, локте и запястье, затем левая. Пальцы были последними, и Эже продолжил работать над туловищем. В конце концов, работа была закончена, и чужестранец снова занял свое место на плечах у Эвана.

— Я собираюсь встать, — сообщил тот своему сегментному другу. Это потребовало небольших усилий, поскольку его новый костюм был жестким. Призма обеспечивала его новыми достижениями. Они были кремово-белыми и легкими, как соединение графита. Он интересовался, были ли они такими прочными, какими они казались.

— Фропории, действительно, твердые, — заверил его Эже. — Именно так они и защищаются, упаковывая тех, кто мог бы съесть их. Вынутые из воды, они умирают. Мы сделали тебе новый внешний каркас из множества маленьких каркасов.

«Ходячее кладбище», подумал Эван. Неприятная мысль, но он не собирался отказаться от своих новых достижений из-за скорби по погибшим микроорганизмам. Кроме того, прудик казался таким же полным жизни теперь, каким он был, когда он сначала лег в него.

Не то, чтобы он сомневался в Эже, но он хотел увидеть только на что был способен его новый костюм. Он нашел камень, который весил добрых пять кило и с некоторой тревогой уронил его на свою правую ногу. Тот отскочил, едва поцарапав гладкую белую поверхность. Хорошее начало. Он взял камень во второй раз, поднял его над головой и бросил его на большой палец своей ноги изо всех сил. Он вздрогнул чисто мысленно. Еще раз камень безвредно отскочил прочь. Из чего бы ни состояло белое вещество, оно очень мало поддавалось. Он посмотрел вниз на свою неповрежденную ногу, интересуясь какие еще сюрпризы его членистоногий друг держал про запас. Возможно, даже что-то вроде «рупора», что могло бы точно указать местонахождение радиомаяка Офмерт? Он потрогал свои новые солнцезащитные очки и усмехнулся.

Снова в безопасности, внутри своего костюма, Эван почувствовал себя более похожим на свое прежнее самоуверенное

«я», хотя нынешний скафандр и был выращен в чужом пруду диатомной фауной вместо того, чтобы сойти со сборочного конвейера одной из фабрик Сэмстеда.

— Здесь есть опасные живые существа, которые могут проникать через оболочку фропории, — проинформировал его Эже, — но они не широко распространены. Я сожалею о том, что пришлось оставить твою голову открытой, но ты являешься мягким объектом, и, я полагаю, тебе необходим постоянный прием газа, чтобы поддерживать жизнь.

— Мне нужно дышать, если ты это имеешь в виду. — Он постучал по своей бронированной груди. — Это вполне подойдет, спасибо.

Он согнул свою левую руку, наслаждаясь свободной игрой своих пальцев там, где Эже размягчил суставы. Уничтожив его первоначальный костюм, Призма заботливо обеспечила его новым. Лучшим же приобретением после темно-коричневых солнцезащитных очков, которые Эже сотворил для него, были его новые чистые белые «ботинки». Теперь он мог преспокойно шагать через кучи острых, как бритвы, силикатных осколков и похожие на мечи поросли.

Неожиданно некая часть его тела, расположенная повыше ног испытала резкую боль, предупреждая еще об одной области, с которой ему все же придется справляться. Он объяснил это Эже, который задумчиво слушал. В конце концов, ему было знакомо понятие отходов, даже если его имели гораздо более твердый состав, чем у чисто органических форм жизни.

Временно отсоединившись от мозга своего спутника, он произвел необходимые изменения в панцире. Эван испытал оба способа и успокоился, когда обнаружил, что они работали так же гладко, как и остальной его костюм. И еще раз он поразился башне из ярких золотистых кристаллов, которые вытекли из земли через несколько минут после того, как он закончил.

Терпеживые организмы, жившие в почве Призмы, набросились на неожиданное «золотое дно» мочи, чтобы использовать ценные соли, содержащиеся там. Хрупкая кристаллическая структура, которая поднялась за время пиршества, была результатом этого.

Он поднялся и позволил Эже подключиться.

— Итак, пойдем искать твою деревню и посмотрим, что эти ваши «ораторы» могут сделать.

— Это не деревня, если я правильно понимаю этот термин, — строго ответил Эже, хотя он сделал жест на запад. Эван отправился в указанном направлении, уверенно шагая через сверкавший лес. — Это ассоциация свободно специализированных особей. Ассоциатива.

— Ладно, в таком случае, Ассоциатива. — Пока он шел, Эван искал на земле в лесу что-нибудь, что было бы лучшим оружием, чем его кварцевый посох. — Скажи мне кое-что. Ты совершенно независим. Вы получаете свою энергию прямо от солнца, поэтому нет необходимости сотрудничать на охоте. Зачем беспокоиться из-за ассоциации? Мне кажется, что тебе не нужен никто, кроме тебя самого. Зачем жить вместе с другими такими же? Просто для компании?

— Есть много причин, предпочитать стадность одиночеству. Наверняка, как независимый организм, ты сам должен признавать некоторые из них. В жизни есть большее, чем собирание пищи. Например, есть общие опасности, с которыми можно скорее можно справиться на кооперативной, чем на индивидуальной основе.

Итак, даже такое на вид неразрушимое живое существо, как Эже, чувствовало, что ему угрожали невидимые и все еще неизведанные опасности леса. Это была достаточно отрезвлявшая мысль для такого хрупкого создания, как человек, чтобы хорошенько подумать над ней. Возможно, Призма была домом для созданий, даже более смертоносных, чем разбрызгиватели кислоты и ультразвуковые генераторы. Процесс эволюции приспособления на Призме проходил не более гладко или вежливо, чем в любом другом мире, несмотря на ее отклонение в мир кремния.

Он посмотрел вниз на пузырчатую траву, хрустевшую под его ногами. Здесь даже простейшие, низшие формы жизни представляли напоказ защитную оболочку. Где организмы, подобные Эже приспособились к такой окружающей среде? Были ли ему подобные на высшей ступени в цепи питания? Но фотофоры стояли вне цепи питания, независимые от нее. И все же он опасался нападения. Это расстраивало Эвана,

неприятно было думать о больших, более сильных тварях, живущих за счет такого разумного да и симпатичного живого существа, как Эже. Но разве на Земле не было такой эпохи, несколько эр тому назад, когда человек сам был вынужден довольствоваться положением некоего звена в середине цепи питания? Это дало ему много пищи для размышления, пока он нес своего вновь обретенного друга через лес чудес и сюрпризов.

Весь мир раздражал его чувства. Везде, куда он ни смотрел, были твердые, неподдатливые формы. Они могли быть красивыми и экзотическими, но ни в одной из них не было нежности. Даже кремниевые волокна, которые имитировали внешний вид ветвей с листьями и стебли растений были грубыми на ощупь и мигом распороли бы обнаженную кожу, едва коснувшись ее. Он снова подумал о червях-сиарузи, о том, как легко они пронзили его плоть и более чем когда-либо был благодарен, за те доспехи, которыми обеспечил его Эже.

9

Они выбрали место, где провести ночь, и Эван задремал, когда его разбудило тихое жужжание в правом ухе. Кружившиеся драгоценности проносились над головой, хотя и не в таком изобилии, как несколькими ночами раньше.

Жужжание донеслось снова. он сел и посмотрел в темноту, все предостережения Эже сразу же вспомнились ему.

— Там что-то выдвигается, — мысленно сказал он своему другу.

— Я знаю. — Ответ был медлительным и сонным, как будто бы Эже не мог встряхнуться и проснуться. Если хорошенько подумать, он никогда не обсуждал вопрос сна с маленьким жуземцем.

Он не намеревался делать это и теперь. Он был слишком занят, пытаясь взглянуть в окружающую темноту. Лунный свет добавлял жуткие тени к уже тревожному силуэту леса. Другие ночные звуки заполнили воздух. Они были недостаточно громкими, чтобы заглушить то постоянное, монотонное жужжание.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже, — прошептал Эже.

Почему его голос звучал так устало? удивился Эван. Разве он не ехал весь день на человеческих плечах?

Фигура отделилась от деревьев и пошла к ним. Она была немного больше собаки и приняла форму гладкого полушария, передвигавшегося на четырех коротких и толстых бурых ногах. Пара блестящих красных глаз смотрела на мир прямо из-под переднего края стеклянного лба. Имелось еще по два глаза на каждой стороне и пара обращенных назад, но сначала он не заметил их. Оно двигалось с тяжеловесной осторожностью, не демонстрируя ничего по части клыков или когтей и выглядя дело как угодно, но не угрожающе.

Эже увидел его и впал в панику.

— Это баск! Мне придется отсоединиться. Беги, Эван, и не оглядывайся! Я постараюсь найти тебя позже.

— Эй, обожди минуту! — закричал Эван, но Эже уже вытащил усики связи из его уха и упал на землю.

Баск продолжал неуклюже двигаться по направлению к ним на леденящей скорости, возбужденно жужжа. Эван был убежден, что он мог обогнать его, прыгая на одной ноге, тем более на двух здоровых ногах. Он пристально смотрел на баска и напрасно искал на нем какой-то признак наступательного вооружения. Если это был разбрызгиватель кислоты, то выдающийся орган-шприц был полностью скрыт от взглядов. В любом случае, Эже уверил его, что его костюм должен быть способен противостоять действию всех, кроме самых сильных кислот.

Он потянулся вниз, чтобы попытаться удержать своего друга, в первый раз чувствуя себя неловко и одиноко во время отсоединения. Но Эже, казалось, интересовался только бегством.

Возможно, приближавшееся животное существо превосходило по массе его, но не Эвана, который был в несколько раз больше его по размерам.

— Эй, что-то не так? Оно не выглядит очень уж гроз...

Шар света, который заполнил место их стоянки был столь же ослепительным, как и неожиданным. Это походило на то, как если бы кто-то запустил дюжину осветительных

магнневых ракет под самими ух ногами. Эван, снявший свои солнцезащитные очки на ночь, был временно ослеплен. Эффект был увеличен отражающими поверхностями лесной поросли.

Он покачнулся назад, потирая свои обожженные вспышкой глаза обеими руками, пока он не натолкнулся на твердую глыбу большого кондарита. Тот, стоя позади него, немедленно начал вибрировать, и Эван отпрянул от него. Посредством вибрации кондарит мог генерировать довольно много тепла. Это была защитная реакция, предназначенная для отпугивания любителей объедать молодые побеги, чья проводимость была бы выведена из равновесия внутренним теплом. Трудно грызть что-нибудь, если оно жжет тебе рот.

Постепенно избыток крошечных звезд начал пропадать с задней стороны его век. И именно в тот момент, когда он снова был в состоянии видеть, вспышка света повторилась. Но на этот раз он успел отвернуться от баска. Прикрыв глаза одной рукой, он искал свой рюкзак, пока опять не надел солнцезащитные очки. Они должны дать некоторую защиту.

Он был в состоянии рассчитать время и таким образом предсказать, когда баск вновь собирался вспыхнуть, поскольку его импульсы появлялись с равномерными промежутками. Животное направилось к нему, но когда он отступил назад, оно вновь обратило свое внимание на Эже. К потрясению и удивлению Эвана, вместо того, чтобы бежать, хотя он заявил о своем намерении сделать это, маленький инопланетянин стоял неподвижно там, где приземлился, спрыгнув с плеч Эвана.

— Эже, беги! Почему ты не бежишь? Идиот! — обругал он себя. — Ты же не подключен! — Недостаток движения у его товарища было полной тайной.

Особенно поскольку стало вполне очевидно, что баск направлялся прямо к нему. Приблизившись, он начал медленно подниматься на своих четырех ногах. Они, казалось, вытягивались, как гидравлические опоры, вместо того, чтобы развертываться или раскручиваться. Каждую пару минут он генерировал еще одну ослепительную вспышку света, его полусферическое тело действовало как огромная всенаправленная линза.

Не нужно было быть биологом, чтобы разгадать намерения хищника. Он собирался подниматься до тех пор, пока не окажется достаточно высоко над землей, чтобы подпрыгнуть над телом Эже и затем упасть вниз, полностью накрыв его. Эван не хотел и мысленно представлять себе его всасывающие, разрывающие ротовые части, которые, должно быть, были спрятаны под стеклянной головой, массивные жвалы, которые разорвут Эже на куски.

Все же его друг не двигался. Логика быстро протянула связь между неподвижностью Эже и периодическими вспышками света. Световой волны особой длины было достаточно, чтобы парализовать его товарища, проникнув через силикатную оптику, чтобы вызвать онемение мозга. Эван слышал о животных, которые могли парализовать, используя звук, но он впервые столкнулся с хищником, который применял свет, чтобы парализовать свою жертву.

Баск занял положение непосредственно над оцепеневшим Эже, и начал снижаться. Как и его походка, снижение этого стеклянного купола было медленным, очень медленным. Вспышки света причиняли боль, но оптика и мозг Эвана были не так чувствительны к длине их волны, как обитатели этого мира. И двигался он быстро.

Чувствуя себя неловко, как человек, нснароком сунувший под гидравлический пресс, он протиснулся вперед, между ног баска, схватил Эже за две из его десяти ног и вытащил его наружу. Баск не сделал попытки помешать этим дерзким усилиям, хотя, насколько Эван знал, он мог бы издавать крики возмущения на частотах за пределами его слышимости.

Вот, что он в конце концов сделал: прекратил опускаться к земле, повернулся и начал преследовать двуногого перхватчика, ослепительно пульсируя. Свет совершенно не действовал на Эвана.

У него было достаточно времени, чтобы собрать вещи, уложить их, и уйти в ночь. Изредка оборачиваясь, он мог все еще различить далекие световые импульсы, которые генерировал преследовавший его баск. Он продолжал его преследовать даже после того, как Эван оказался в безопасности вне пределов его досягаемости, не в состоянии поверить, что его жертва убежала. Эван посочувствовал его замешательству.

Эта зверюга была предназначена не для преследования, а скорее для неторопливого поедания полностью парализованных жертв, таким же образом, как морская звезда переваривала бы устрицу. Бегство Эвана было вне пределов его опыта. Несмотря на то, что баск продемонстрировал весьма медлительную походку, Эван не останавливался, пока последний след света не был поглощен зарослями леса.

Эже не пошевелился во время бегства. Не зная что еще делать, Эван осторожно посадил его и растянулся поблизости, чтобы подождать. Он не смог хорошо подобрать скрученные усики для связи и вставить их в свое ухо, не в состоянии он был и оказать первую помощь. В сущности, он не мог сказать был ли его товарищ парализован или мертв. Все, что ему оставалось, это ждать, надеяться и обеспечивать остаточное тепло.

Он попытался заснуть, но не смог и его терпение было вознаграждено на следующее утро, когда сначала ноги и затем ротовые части Эже начали шевелиться. Чтобы его другу не пришлось делать значительный прыжок с земли на плечо, Эван придвинулся как можно ближе к вялой силикатной фигуре.

Усики распрямились и вытянулись по направлению к его голове. На полпути внутрь нее был приступ острой боли, но Эван заскрежетал зубами и удержал голову в одном положении. Мгновением позже включение снова было полным.

— Я причинил тебе боль, — это были первые слова Эже с прошлой ночи.

— Все в порядке, это ничего. — Эван проигнорировал несколько капель крови, которые пролились из его уха.

— Что случилось? Когда мы не убежали вовремя, я подумал, что все пропало. Свет баска проникает даже сквозь плотные колпаки. — Он подмигнул со значением. — Я не ожидал, что сознание вернется ко мне.

— Его свет не повлиял на меня таким же образом, — объяснил Эван. — Он ослепил меня на мгновение, но паралича не было. Он как раз собирался пообедать тобой, когда я выхватил тебя и ушел в лес. Мне не пришлось двигаться очень быстро.

— Баск не полагается на скорость.

— Удобно. Не волнуйся. Он находится далеко позади нас теперь.

— Да, легко убежать от баска. Опасность состоит в том, он увидит тебя прежде, чем ты увидишь его. Я обязан тебе жизнью. Если бы не ты, я был бы уже порошком.

Шумное выражение признательности Эже не смущало Эвана. Он вполне наслаждался такими овациями, исходили ли они от коллег или от чуждой силикатной формы жизни.

— Ты много сделал для меня. Я просто рад, что оказался отплатить за любезность.

— Прекрасно иметь способность не чувствовать влияния света баска. Она отчасти компенсирует слабость твоего тела. Если ты извинишь меня, я должен сейчас...

— Я знаю. — Эван улыбнулся. Он быстро сделал себе завтрак, пока Эже лежал на солнце, перезаряжая свою сильно истощенную систему. Причина необъяснимого истощения его друга прошлой ночью была вынесена на обсуждение, когда Эван упомянул о вопросе сна. Оказалось, что Эже не «спал» в том же самом смысле, что и человек. Его состояние более походило на зимнюю спячку. Когда запас солнечной энергии истощался, такая дневная форма жизни, как Эже постепенно прекращала работу всех внутренних систем, кроме тех, которые требовались, чтобы поддерживать память и другие функции мозга. В таком состоянии он был во власти ночных органосиликатных хищников и животных, питавшихся падалью, которые вместо солнца полагались на круглосуточную выработку химической энергии. Неудивительно, что Эже потратил порядочно времени, чтобы закрыться в пещере, которую он разделил с Эваном.

Эван не стал объяснять, что он был в состоянии, как любой баск, функционировать непрерывно в течение долгой призмической ночи. Пусть Эже предполагает, что может, о привычке своего высокого товарища спать по ночам. Несмотря на все, что чужак сделал для него, Эван все еще не мог заставить себя доверять ему полностью. Без сомнения, он был несправедлив к Эже, но когда само выживание человека находится под угрозой, не время строить предположения об истинных побуждениях инопланетян. Поэтому один маленький секрет он держал пока про себя.

Ничего больше не выпрыгивало на них, чтобы прервать их поход, и на следующий день они достигли Ассоциативы Эже. Это было не совсем то, что представлял себе Эван. Он предполагал, что Эже и его друзья жили в большой пещере, или за какой-то грубой каменной оградой, или в общинной хижине. Он, конечно, не ожидал, что они обитают в соборе.

Еще менее, что в естественном соборе.

— Неужели это то, о чем ты говорил?

В голосе Эже звучало искреннее удовольствие:

— Мы — Дома. Это — Ассоциатива.

Эван протянул руку и сдвинул назад свои очки. Он хотел ясно и четко разглядеть это чудо, даже если от этого у него будут слезиться глаза.

Кто-то взял тысячу радуг, заморозил их все и бросил в чашку, наполненную тысячей галлонов прозрачного лака. Гладкие изгибающиеся стены завершались хитроумными завитушками и шпилями, столь же острыми, сколь красивыми. Они сверкали в солнечном свете, как сияющее доказательство архитектурных способностей расы, которую больше нельзя было называть примитивной.

Как оказалось, он был совершенно неправ и притом из-за совершенно неверных предпосылок.

— Изумительно, — бормотал он, снова опуская очки на глаза и пускаясь в путь. — Кто спроектировал и построил это?

— Спроектировал? Построил? Ты что-то путаешь. Никто его не строил. Это — Ассоциатива.

— Мы не понимаем друг друга. — Эван не мог глаз оторвать от отражающих радугу валов. В некоторых местах стена поднималась на восемь метров над уровнем леса. — Кто-то же возвел это строение для тебя и твоих друзей, чтобы вы в нем жили, правильно?

— Кажется, я понимаю причину твоего смятения. Ассоциатива — не только то, живет внутри, но то, что внутри, само по себе является частью Ассоциативы.

— Это ничего не проясняет, — Эван с сомнением покачал головой и замедлил шаг. Внезапно перед ними появились два существа.

Они доходили Эвану до пояса. Оба были черными, как уголь, с багровыми потеками. Они были плотные, приземистые, коренастые, ноги их были скрыты закругленными черными щитками, прикрывающими также их бока. Колочие острия покрывали их бока и спины. Каждый протягивал вперед две руки, кисти которых заканчивались четырьмя пальцами. Пальцы были треугольными, и боковинки их были острыми, как скальпель. В каждой челюсти с большой скоростью, издавая угрожающие, ноющие звуки, вращался диск с пилообразными зубами.

— Это воины. Я поприветствую их.

Эван кивнул и терпеливо стал ждать, пока его друг общался с двумя устрашающего вида стражниками какими-то пронзительными взвизгами и мычанием.

Какое-то время эти двое, посовещались друг с другом, затем отступили в сторону. Оглянувшись назад, Эван заметил, что они продолжают наблюдать за его продвижением вперед к радужной стене, но остаются на месте.

— Их пристанище расположено за нами, — объяснил Эж.

— Какое-то другое племя, ставшее вашим союзником? Они, точно, хорошо вооружены для боев.

— Другое? Нет, они такие же самые. Они — члены Ассоциативы. Они — воины, а я — разведчик.

— Но ты абсолютно не похож на них.

Эже растерянно смотрел на друга.

— Какое отношение ко всему этому имеет внешний вид?

Эван воздержался от ответа, потому что как раз в это время они остановились перед стеной. Сверкающая, резко отражающая все поверхность была составлена из гексагональных форм, тесно переплетенных друг с другом.

— А где ворота?

— Ворота? А, отверстие? Я начал уже думать, что мы потеряли способность понимать друг друга, разные понятия и так далее...

Он оборвал фразу, испустив быстро ряд пронзительных пикающих звуков.

В верхних секциях у нескольких дюжин блоков появились глаза. Короткие, похожие на обрубки руки, появились в стыках блоков. Невероятно сильные захваты были отпущены, и,

как группа акробатов, блоки рассоединились и спустили себя на землю, образовав двойной ряд, обрамляющий вновь созданный вход.

Раскрыв от изумления рот, Эван проследовал в магически созданное отверстие, после чего блоки подползли и вспрыгнули снова на свои места позади него. Стена снова стала сплошной.

— А это кто был? — он продолжал оглядываться на барьер. Там, казалось, цельная конструкция слегка изгибалась, как будто один или два блока старались получше рассмотреть чужака-пришельца, не нарушая при этом сцепления рядов.

— Стены, разумеется, — Эже показал передней парой ног вперед, — Вот и другие члены Ассоциативы.

Обширное помещение, созданное стенами, было заполнено десятками в корне отличных друг от друга форм жизни, причем каждая решала свою жизненную задачу. От такого количества совершенно непохожих форм и цветов у Эвана захватило дух. Это был рай для ксенобиолога. Эже вел его через эту суetyающуюся массу к какой-то определенной цели.

Каждое из существ отличалось от своего соседа, так же, как и от Эвана. Каждое было специализировано на обеспечении какой-то службы для всей Ассоциативы. Все были, как уверял Эже, на самом деле индивидуальны, хотя некоторые были более независимы, чем другие. Стены, например, сходили с ума, если их надолго лишали общества других стен. так же вели себя проводы, длинные коричневые трубчатые формы, связанные друг с другом короткими щупальцами, вся работа которых заключалась в сбросе избыточной дождевой воды из Ассоциативы.

Высоко над сообществом поднимались крутые зеркальные поверхности, составленные из тонких полированных тел, называемых блесками. Их работой было следить за ходом солнца по небу и отражать насколько возможно его жизнетворную энергию на своих товарищей-ассоциатов внизу.

Они направлялись к низкому бугру, возвышавшемуся в центре Ассоциативы. Его сначала вычерпали внутри собиратели, а потом, как объяснил Эже, наполнили редкими землями и минералами, необходимыми для поддержания хорошего здоровья силикатов. Процессоры обрабатывали эти

ценные вещества по мере их необходимости для сообщества, восстанавливая и очищая их в своих прочных и многочисленных пищеварительных каналах.

Некоторые с любопытством окликали Эже. Каким-то он отвечал, каких-то игнорировал. Он объяснил, что стены были любопытны, но глупы, а процессоры ничем кроме своей работы не интересовались.

Они прошли мимо существа, которое возвышалось над самой высокой из стен сообщества. Оно состояло из спиральной раковины почти в десять метров ростом, которая заканчивалась короной, составленной из нескольких дюжин изумительно изогнутых силикатных выступов. Эван не видел у этого существа рук, но его основание было окаймлено дюжинами ног.

— Говорун, — коротко заметил Эже, а потом объяснил, что такие живые коммуникаторы обеспечивали членам Ассоциативы возможность всегда находиться в контакте, даже будучи на значительном расстоянии друг от друга.

— Подвижные релейные станции, — пробормотал Эван.

— Я не знаю, что это такое. Говоруны говорят, вот и все.

Эван наблюдал, как сканеры карабкались вверх и вниз по стенам и говорунам, чтобы изучить то, что делалось снаружи вокруг Ассоциативы.

Они почти целиком состояли из огромных множественных линз, укрепленных на коротких неприглядных телах. Силикатные щупальца позволяли им лазать по абсолютно гладким поверхностям. Сканеры, как объяснил Эже, стараются всегда оставаться поблизости от говорунов, на случай, если около Ассоциативы появится какая-нибудь опасность.

На земле лежал поврежденный блеск, а над ним стояло какое-то маленькое существо. По словам Эже, это был врач. Он был снабжен набором специальных рук и обладал в высшей степени чувствительным прикосновением.

— А кто всем этим руководит? — Эван широко обвел вокруг рукой. — Кто говорит стенам, когда им надо подниматься, воинам, куда становиться? Где ваши правители?

— Правители?

— Да. Кто-нибудь отвечает за все это? Разве у вас нет ка-

кого-нибудь вождя, или короля, или премьера, или кого-то, кто говорит каждому, что ему делать?

Этот вопрос привел Эже в полную растерянность и удивление. Когда он стал отвечать, Эван увидел, что вокруг них собрались небольшая свита из свободных от дежурств стен, нескольких сборщиков, одного неуклюжего процессора и врача.

— Ассоциатива сама принимает все свои решения, — подвел, наконец, итог Эже.

— Да, конечно, но кто принимает окончательные решения за всю Ассоциативу? Боюсь, что я, все равно, не понимаю.

— Ты недостаточно внимателен. Новая информация собирается разведчиками и сканерами, которые сообщают ее говорунам. Говоруны сообщают об этом всей Ассоциативе одновременно. Вслед за этим происходит обсуждение, до тех пор, пока не будет достигнуто согласие.

— И мнение каждого имеет одинаковый вес? Ты говорил, что стены довольно-таки глупые. Мнение стены имеет такой же вес, как и мнение врача?

— Естественно нет, но врачей всего лишь несколько, а стен много. Мнение каждого принимается во внимание, прежде чем выносится решение, касающееся всей Ассоциативы.

— Так что же, вместо иерархии, у вас анархия?

— Я понимаю этот термин, и он неприменим к Ассоциативе. Там где есть рассудок, не может быть анархии.

«Замечательно, — подумал Эван. — Я стою здесь и обсуждаю со стеклянной гусеницей философию политики посредством антенны, воткнутой в мой слабый мозг. Более того, я получаю от этого удовольствия».

Ассоциатива, решил он, ответственна за развитие разумной жизни на Призме. Такие существа, как блески или стены, которые могли выживать, но будучи предоставлены сами себе развивались лишь до определенной точки, сделали громадный скачок в умственном отношении, когда стали функционировать в гармонии и тесной близости с более разумными индивидуальностями, вроде врачей. Со своей стороны более хрупкие и уязвимые врачи и процессоры выживали, процветали и развивали свои мозги под защитой, предоставленной им более примитивными видами, вроде стен.

Облегчает ли такая кооперация воспроизведение? Хотя он говорил об Эже «он» — это было всего лишь удобным языковым приемом, чтобы не описывать его. В своем поведении Эже определенно не проявлял никакой половой принадлежности. А как обстоит дело с проводами и блесками?

— А что вы делаете, если кто-то умирает?

— Ты имеешь в виду если кто-то из членов Ассоциативы теряет умственные способности? Когда это происходит, то родственнику предписывается произвести другого, такого же вида, — после этих слов Эже повел Эвана довольно далеко в обход, чтобы продемонстрировать ему стену в процессе выраживания своей копии. Действительно, крохотный гексагон вылезал из бока своего взрослого родителя. Процесс этот больше напоминал ему почкование, чем любой другой способ воспроизводства, какой он только мог себе вообразить.

— Как же мне описывать тебя другим? — спросил Эже, когда они снова вышли на прежнюю дорогу. — Ты — носитель множественных функций. Эта концепция покажется многим слишком сложной для понимания. Стена и копатель не способны соперничать.

Эван подумал и, в конце концов произнес:

— Полагаю, что по своей функции я ближе всего подхожу к твоей. Так что назови меня разведчиком, — Эже был в восторге. — Это не очень надуманно, — продолжал Эван, — у себя дома я принадлежу к организации, подобной Ассоциативе, и моей работой является ездить туда-сюда и делать для нее полезные новые открытия.

Они приближались к дальней стороне центрального бугра. Он мог разглядеть темное отверстие в голой скале.

— А, собственно, куда мы направляемся?

— Тебя надо изучить. Я тебя нашел и привез сюда, но я не подготовлен, чтобы делать какие бы то ни было предположения на твой счет или решать, как поступить.

— И что же будет дальше? — Эван внезапно почувствовал настороженность. — Вы собираетесь изучать меня? Кто будет изучать? — в голове у него промелькнули картины основательной и не слишком деликатной вивисекции. Он немногое мог сделать, чтобы помешать Ассоциативе предпринять такое действия. Во всяком случае, не теперь. Он не мог перелезть

стеклянистый барьер, замыкающий собой сообщество, и сомнительно было, что стены расступятся, чтобы его пропустить.

— Кто будет изучать? Конечно, библиотеки.

— А-а, — он несколько расслабился. Если бы Эже упомянул врачей или воинов, предчувствия Эвана стали бы совсем грустными, но само название существа «библиотека» звучало безобидно и успокаивающе.

— Сюда, — Эже повел его к неглубокой пещере, скорее просто нависающему камню, там было полно света, благодаря усилиям нескольких дюжин блесков. Говорун терпеливо стоял рядом.

Отверстие было расположено на высоте, едва достаточной чтобы Эван мог, ссутулясь, туда войти. Пол был размечен чистым белым песком. Блески немедленно перестроились, чтобы свет направить на него.

В центре этого водопада света сидели на корточках три фигуры. Шесть ног выглядели слишком тонкими и слабыми, чтобы поддерживать их округлые бугристые тела. Восемнадцать глаз разного размера уставились на него. Спереди каждой головы вздымалось несколько рогообразных органов, которые загибались и ложились концами на двухметровые тела. Эван задумался об их назначении. Явно не признак пола, и так так, казалось маловероятным, что библиотекам придется себя защищать, то, по-видимому, это не было их оружием. Может быть, это было чем-то вроде накопительных органов? Надо будет ему спросить об этом Эже.

Он сел и стал ждать. Один из этого трио жевал что-то, похожее на медную стружку. Он был связан с двумя другими усиками подобными паре тех, которые болтались из левого уха Эвана. Для частных разговоров, объяснил Эже.

Может быть, от него ждали первого шага? От Эже не было никакого намёка. Поэтому Эван слегка наклонился вперед и протянул к ним раскрытую ладонь в общем, как он надеялся, для всего живого мирном жесте.

— Привет, — он хорошо понимал, что это слово ничего не скажет находящемуся перед ним трио, но он предлагал дружбу и приветствовал их единственным способом, какой знал.

Ближайшая библиотека отшатнулась от протянутой руки, а третий в ряду издал какой-то шумный звук.

— Вторая библиотека говорит, что ты не должен делать никаких необъявленных заранее движений, — торопливо сообщил ему Эже, — Ничего не делай, пока не будет решено, что с тобой делать.

— Хорошо, — Эван убрал руку назад. Только после этого он обратил внимание на то, что снаружи пещеры материализовался строй воинов, которые уселись перед ней, как черные бомбы. Он не сомневался, что если библиотеки укажут им, они в одну минуту разрежут его на куски.

Судя по всему Эже почувствовал его нервозность.

— Не беспокойся. Я знаю, что ты не опасен и желаешь нам только хорошего.

— Да, но не ты отдаешь здесь приказы.

— Надо ли напоминать тебе, что здесь никто приказов не отдает? Помни, что любое решение должно быть принято по общему согласию.

— Даже те, которые надо принимать срочно?

— Это очень просто, когда все связаны друг с другом через говорунов.

— Но ведь никто не обращает внимания на то, что здесь происходит, — протестующе проговорил Эван, кивая назад, туда, где копатели, сборщики и остальные занимались своими повседневными делами.

— Напротив. Все знают об этой встрече. Им сообщили об этом говоруны в своих объявлениях. Для нас возможно слушать, решать и работать в одно и то же время.

— Понимаю, — пробормотал Эван, все еще чувствуя себя неуютно. Какой уж тут уют, когда снаружи пещеры стоят наготове эти воины со своими вращающимися пилами вместо челюстей.

Когда он занял первоначальную позицию, первая библиотека издал еще несколько писков. «Было бы легче, если бы у них были нормальные глаза», — подумал Эван. Глаза называют зеркалом души, но он ничего не мог увидеть за этими ярко-зелеными и синими многочисленными линзами. Они не больше раскрывали, что за ними, чем объектив фотоаппарата.

— Они меня боятся, правда? Разве ты не сказал им, что у них нет причины бояться меня?

— Я именно это как раз и объясняю им, и еще, как мы встретились в лесу и что между нами произошло. Они не боятся тебя, Эван. Они просто осторожны. Это свойственно библиотекам.

— Эти чувства у нас взаимны! — Еще писки и жужжание. Затем пришла очередь Эже говорить нерешительно.

— Не то, чтобы они мне не верили. Они приняли тот факт, что ты разумен, несмотря на то, что состоишь целиком из органики, но они не могут считать тебя равным интеллектуально, базируясь только на моих словах.

— И что мы теперь будем делать?

— Они хотят пообщаться непосредственно с тобой.

— Постой, минуточку, — он дернулся назад и сильно ударился головой о низкий твердый потолок. Постучав по левой стороне черепа, он заметил, — Здесь не так уж много места, чтобы еще включаться.

— Это не так уж сложно. Там достаточно места для усика говоруна. А когда ты будешь присоединен к говоруну, с тобой сможет общаться вся Ассоциатива.

Эван поглядел на высокое существо со спиралевидным туловищем, стоявшее снаружи. Один невероятно тонкий усик уже тянулся по песку к нему.

— Я уже проинструктировал его, как лучше произвести соединение, сказал Эже, пытаясь успокоить друга.

— Что ж... если ты уверен, что проблем не будет...

— Это самый лучший способ.

— Тогда ладно, — и все-таки Эван старался не смотреть на усик, когда тот зазмеился по его груди.

Он был гораздо длиннее, чем у Эже, но тоньше. Эван почувствовал, как усик вошел в его ухо. Больно не было.

Пока не произошло включение.

Его руки невольно схватились за голову. Череп превратился в амфитеатр.

Он был актером перед орущей многосотенной аудиторией, и все требовали, чтобы он им ответил и немедленно. Яростное кипение мыслей грозило захлестнуть его.

Он завопил им в ответ.

— Это не соединение! Все говорят сразу... Пожалуйста... это слишком... Я не могу...!

Какой-то новый голос, более мощный, чем голос Эже, перекрыл шум толпы.

— Это не всеобщее совещание.

Раздался единый большой вздох согласия, и голоса исчезли. Эван заморгал, и облегченно чихнул.

Тот же голос зазвучал снова:

— Так лучше?

Эван посмотрел вниз. Мысли шли от веретенообразной библиотеки посередине. Это было мощное мысленное воздействие, полное уверенности в себе, ясно показывающее недюжинные умственные способности того, кто его осуществлял. Он осознал, что такое библиотека: не многогорое кристаллическое чуждое существо, а старый мудрец. Но он не был этим напуган. Эван Орджелл был слишком высокого мнения о себе, чтобы пугаться чего бы то ни было.

Одна тонкая нога указала на Эже.

— Этот разведчик объяснил, как вы встретились. Он сказал, что ты не из нашей Вселенной.

— Не из вашего мира, — поправил Эван, после чего пустился в краткий экскурс по основам астрономии. Библиотеки внимательно слушали. Они мало знали о галактике за пределами Призмы, так как должны были впадать в спячку сразу после наступления ночи. Трудно изучать звезды, если видишь их только час или два после заката солнца. Эван уже понял, почему Эже так боялся ночи. Во весь ночной период, он и ему подобные были совершенно беспомощны.

Когда он закончил, три библиотеки, посовещавшись, пришли к согласию.

— Мы приветствуем тебя в нашем обществе, — сообщила ему вторая библиотека. В это же время воины, окружавшие место встречи, начали расходиться, возвращаясь на свои посты. Никто не проявил никакого желания задержаться. Эван подумал, что, может быть, у них резкая неприязнь к чуждому мягкому существу, вдруг появившемуся среди них.

— У нас очень мало контактов с органиками, — сказала третья библиотека. — Нам трудно представить себе разум в

таком хилом теле. Не могу себе представить, как ты сумел выжить, пока наш разведчик не помог тебе.

Эван попытался объяснить понятие «Искусственно сделанный костюм». Но и с мудрыми библиотеками он не продвинулся дальше, чем с Эже...

— Этот маяк, о котором ты говорил ранее, — проговорила третья библиотека, — ты считаешь, что он указывает на присутствие еще одного тебе подобного?

— Или ее тела. Я надеюсь, что она как-то выжила в катастрофе, разрушившей нашу исследовательскую стан... нашу ассоциативу, и всех ее членов. Может быть, у вас есть какая-нибудь идея, как это могло случиться?

— Этот мир — место опасное, — торжественно объявила первая библиотека. — В нем могут выжить только члены самых бдительных и проворных Ассоциатив. Ваши воины, наверное, плохо выполняли свои обязанности.

— У нас нет специальных воинов. По крайней мере, на этой станции не было. Все жившие там были подготовлены к выполнению более, чем одной функции.

Можно было почти видеть, как библиотеки горестно покачали головами, переваривая эту удивительную информацию.

— Множественные функции! Как неэффективно! Сама идея предполагает возможность самонаведенных параноидальных осложнений.

— Многое могло разрушить вашу Ассоциативу, — мягко сказала первая библиотека, единственная из трех, которая проявила больше сочувствия, чем критики. — Ты говоришь, что эта опасность теперь ушла?

— Ну, я этим не интересовался. Я решил, что то, что разрушило станцию, передвинулось куда-то до моего прихода.

— Возможно, это знает твой сородич.

— Если она еще жива. Она могла убежать в лес, чтобы избежать опасности, а может быть, она там работала, когда что-то нанесло удар по станции.

• — Ты говоришь «если», — сказала вторая библиотека. — Как же она может сигнализировать, если она мертва?

— Мы не то, чтобы сами сигназируем. У нас в руки вживлены искусственно сделанные маяки. Они действуют независимо от того, жив или нет их владелец. Они активируются

только в случае крайней необходимости и помогают находить друг друга. Видите? — он вытянул руку и показал им светящуюся ровным слабым светом занозу у себя на запястье.

— Знаю. Я что-то улавливаю, — объявила третья библиотека. — Такая низкая частота!

— Почти неслышная, — согласилась вторая, — я ее едва слышу.

— Наши говоруны болес универсальны, — заметила первая.

— Так и говорил мне Эже. Я надсялся, что вы сможете указать мне местонахождение маяка. Это сбережет мне много драгоценного времени. И еще, если бы вы позволили Эже пойти со мной, мне бы очень пригодилась его помощь.

Снова библиотеки засовещались. По своей отдельной связи, своими двойными усиками. Наконец, первая библиотека ответила через говоруна.

— Мы постараемся помочь тебе, мягкое существо Эван.

— Я очень ценю это. Может быть, я смогу что-нибудь сделать для вас в ответ, когда меня подберут с помощью вашего народа. У нас есть много приборов, которые...

— Нас не интересуют приборы, — объявила третья библиотека. — Мы — библиотеки. Нас интересуют знания. То, что вы называете астрономией... Мы хотели бы узнать об этом больше. О таких органических формах, как ты; мы бы хотели узнать, как вы действуете. У вас много удивительных новых понятий. Нам хотелось бы познакомиться со всеми. Такие знания стоит накопить для дальнейшего изучения, ими стоит поделиться с другими Ассоциативами.

— Буду счастлив. Но сначала, если вы не возражаете, мне необходимо что-нибудь поесть.

Трапеза не замедлила расспросов бесконечно любознательных библиотек. Между глотками Эвану пришлось подробно объяснить процесс, благодаря которому его тело превращало твердое органическое вещество в химическую энергию. Предмет этот стал источником бесконечного замороженного внимания библиотек, и он не мог прожевать ни куска, чтобы его не прерывали залпом новых вопросов.

К вечеру все утряслось. Не только говоруны Ассоциативы взяли за триангуляцию положения маяка Офемсрт, но и

Эже разрешили его сопровождать до конца путешествия. Еще Ассоциатива решила послать с ними дополнительное число своих членов, чтобы обеспечить успех их поиска. Эван даже не ожидал такого бурного отклика на свои просьбы. Он отправился спать в более оптимистичном настроении, чем за все время момента оставления МВМ.

Всего один случайно найденный друг привел его к сообществу союзников. Их усилия сэкономят ему многие дни бесполезного хождения туда-сюда по опасной поверхности Призмы. Если окажется, как он опасался, что Офемерт погибла, то он, наверное, сможет убедить своих вновь обретенных друзей проводить его до самой станции.

Он свернулся калачиком во временном убежище, которое ему подготовила пара копателей. Эже лег рядом, предварительно отсоединившись, чтобы Эван мог ворочаться и переворачиваться во сне. Полдюжины блесков собрались снаружи, чтобы обеспечить возможность последним лучам солнца попасть в эту выемку. Провод подошел к Эвану и дал ему, как следует, напиться воды, полностью очищенной от минеральных примесей, а затем заторопился принять остаток от ленивого сборщика.

Эван собирался проспать всю долгую ночь, но у Призмы были в запасе другие планы...

Звуки были хриплыми, резкими, совершенно не похожими ни на что, ранее слышанное им. Они разбудили его мгновенно. Сначала он ощутил полную растерянность, какую всегда испытываешь, просыпаясь в незнакомом месте, но затем узнал гладкий изгиб камня над головой и арку из цепочки спящих блесков.

Свет всех трех лун планеты освещал неподвижное тело Эже. Его свернутые коммуникационные усики мягко поблескивали в лунном свете.

*Снова повторился этот звук. Эван не был удивлен. В отличие от Эже и его друзей, в отличие от блеска и танцующих драгоценностей, на Призме были существа, которые могли ночью двигаться в лесах: органосиликаты, гибридные существа с силикатными оболочкой и некоторыми другими

органами, но с органическими, протеиновыми внутренностями.

Он уже встречал таких. Маленьких он ел.

Шум продолжался. Эван выполз из ямки и выпрямился. Ничто не двигалось внутри стен Ассоциативы. Все ее члены закрылись на ночь и терпеливо ожидали солнца, чтобы снова зарядить их фотоэнергетические сердца.

Эван вышел на лунный свет. Ему не понадобилось много времени, чтобы обнаружить источник шума.

Несколько кусков стен лежали разбросанными по земле, панцири их были расколоты и внутренняя жидкость разлилась по песку. Одна из них еще слабо шевелилась, а короткие ручки и ножки вертелись, как бы в поисках привычного соединения с товарищами, тратя оставшиеся жизненные силы на бесплодные инстинктивные движения.

Барьер был проломлен, стены разодраны, и какие-то создания маршировали через отверстие внутрь. Каждый из них был ростом по пояс Эвану, но гораздо массивнее его. Они медленно двигались на четырех коротких толстых шупальцах, кончики которых загибались назад. Четыре более тонких, хотя тоже достаточно мощных и коротких, шупальца атакующие держали перед собой наготове. Пара глаз, очень больших, чтобы обеспечить ночное зрение, смотрела на мир. Это были нормальные глаза, до ужаса обыкновенные, не стеклянистые линзы, как у Эже и его сородичей.

Они были целиком органическими, за исключением блестящих защитных панцирей.

Существ этих было больше дюжины, и первые уже начали собирать тела мертвых стен, складывая их в корзины. Следующая полудюжина направилась прямо к центру Ассоциативы, где собрание цилиндрических стен создало хранилище редких земель и минеральных солей, жизненно важных для здоровья и роста силикатов. Органосиликатам также требовались регулярные дозы таких веществ для обеспечения хорошего состояния и роста их силикатных оболочек.

Намерения захватчиков были очевидны. Они собирались воспользоваться преимуществом, которое давала им их способность передвигаться ночью, чтобы заняться грабежом и убийствами.

Они, казалось, не торопились, хотя возможно и не могли выбирать свою скорость. Толстые сильные загнутые назад щупальца, на которых они передвигались, не были приспособлены для быстрых движений.

Эван чуть не споткнулся об умирающую стену. Видя, что она была практически целой, он потратил некоторое время на то, чтобы оттащить ее с дороги захватчиков. Стараться поставить ее на место было бесполезно. У нее не было энергии сцепиться снова с другими стенами.

На пути нападающих оказался воин Ассоциативы. Один из них дотянулся до воина и презрительно оттолкнул с дороги. Неподвижный воин, такой впечатляющей и неуязвимый днем, просто свалился набок. Нападавший на него начал оттягивать ему ноги, двумя щупальцами придерживая туловище, а двумя другими откручивая и дергая, пока не вырвал весь сустав целиком. Каждый такой сустав тоже бросался захватчиками в корзинку. Из суставов текла маслянистая внутренняя жидкость.

Весь этот разбой проходил тихо без малейшего сопротивления. Тем временем Эван отчаянно пытался найти хоть какое-то оружие. Он пробежал мимо неподвижных блесков и безмолвных врачей, недоумевая, сознают ли они, что на них напали. Еще он размышлял о том, насколько часты эти ночные нападения?

Почти в центре Ассоциативы стоял силикатный пень каскалариана. Его срубили кинжалами, чтобы уничтожить нежеланную тень. Теперь этот пень торчал одиноко, весь в отщепях и зазубринах. Эван схватил этот метровый обломок кварцеподобного материала с острыми зубчатыми краями и обеими руками поднял его. Он был плотным и тяжелым.

Первые захватчики уже почти подобрались к хранилищу. На их пути стояли лишь трое неподвижных воинов. Первый нападающий отшвырнул двоих в сторону.

Падая на землю, один из воинов разбил себе глазную линзу.

Эван издал вопль и закрутил над головой своей кварцевой палицей, широкой дугой опуская ее в центр силикатного щита прикрывавшего голову, целясь в лицо за ним. Странно было

видеть, как поддается плоть этого мира, видеть поток настоящей крови.

Взмахнув щупальцами, захватчик упал на бок, хватаясь за разбитое лицо. Его спутники переключили внимание на это неожиданное вмешательство, двигались они так медленно, что Эван смог легко уклониться от их щупальцев. Он атаковал двоих сразу, беспорядочно, но энергично, колотя их по конечностям и корпусу.

Перед лицом такой яростной защиты захватчики отступили, издавая какие-то звуки, похожие на сильный кашель, звуки, производимые голосовыми связками и мясистым горлом, а не особыми неорганическими клетками. На помощь к ним заспешил остаток отряда нападающих, с корзинками лишь наполовину загруженными частями тел членов Ассоциативы.

Но они были ужасно неповоротливыми. Даже когда они почти совсем его окружили, ему было достаточно перепрыгнуть через ближайшего, чтобы избежать поимки. Прыгучесть также не относилась к их талантам. Если подумать, то Эже был единственным из своих сородичей, который проявил, хоть какие-то способности к прыжкам. Все прочие обитатели Призмы (и силикаты, и органосиликаты) были приземленными в буквальном смысле этого слова.

Когда они развернулись вслед за ним, он быстро опять оказался у них за спиной, энергично размахивая дубинкой и нанося сокрушительные удары. Силикатным доспехам она особого вреда не причиняла, но конечности и черепа были защищены далеко не так хорошо, как их коренастые туловища. Всегда, когда удары попадали в мягкие части тела, раздавался раздраженный кашель.

Столкнувшись с безжалостным напором этого демона-чужака, так внезапно возникшего среди них, захватчики оставили свою попытку овладеть хранилищем. Унося с собой добычу, которую успели наgrabить, они начали медленное отступление. Эван неотступно преследовал их, подгоняя к пролому. Он получил огромное удовлетворение, убив двоих грабителей: одному он вышиб глаз первым ударом, а другому разmozжил в кашу щупальца, остальные спасались изо всех сил и даже развили большую скорость.

Наконец, последний из них исчез в проломе. Эван остался. и, тяжело дыша, стал оглядывать окружающий лес. В правой руке он держал дубинку. В этот момент он не очень-то походил на высшее достижение высокоразвитой цивилизации. Правда, ему было на это наплевать. У него не было никаких сомнений, что он должен попытаться помочь Ассоциативе. И не только из-за того, что Эже, библиотеки и другие ее члены согласились ему помогать. Одно дело был честный бой, и не ему было судить наследственные свары чужаков, но нападать и расчленять противника, когда он скован спячкой и совершенно беспомощен... Это было совсем другое. Возможно Эван был более сходен с захватчиками, чем Эже и его сородичами, но у него даже вопроса не возникло, кто из них больше стоит его дружбы. Выйдя из своей родной системы на галактический простор, человечество быстро разобралось, что цивилизация и цивилизованное поведение не зависит от формы существа и его состава.

Легкость, с которой грабители смогли осуществить свое нападение, поразила его. Если бы он не вмешался, если бы его здесь не было, они несомненно, не торопясь, опустошили бы хранилище и вдобавок сильно уменьшили бы население Ассоциативы. Должен был найтись способ, чтобы Эже и его сородичи смогли организовать защиту от подобных ночных нападений. Но какой?

Несмотря на усталость он в эту ночь больше не уснул.

10

Блески зашевелились первыми, они почувствовали лучи восходящего солнца. Набравшись энергии, они занялись привычной работой: изливать свет на своих еще сонных сподвижников. Следующими включились в жизнь воины. Они сразу обратили внимание на происшедшее за время их сна и начали грустную работу по очистке и приведению в порядок. Стены поспешили заделать пролом в защитном барьере сообщества.

Эвану хотелось бы послушать их разговоры, но расшифро-

вать какофонию жужжания, взвизгов и мычания, звеневших в утреннем воздухе, он никоим образом не смог. Пришлось ему ждать пока не проснется Эже, а затем, подключившись к нему, и к башне, ждать пока активизируются библиотеки. Наверное, из-за их обширной памяти им требовалось больше энергии для пробуждения к жизни.

— Ввакориты, — пробормотала первая библиотека, когда труп одного из убитых Эваном воины принесли им на обозрение, — Наше проклятие. К несчастью мы ничего не можем с ними поделать, разве только надеяться, что стены ночью продержатся. На этот раз очевидно, что они не справились, хотя винить их в этом нельзя. Иногда мы встречаемся с этими существами днем. Когда это происходит, наши воины убивают всех из них, кого только найдут. Днем им против нас не устоять. Но в мире все уравновешено. Ночь принадлежит им, и уж тут они мстят нам.

— Где же тут равновесие? — спросила третья библиотека, — Они могут бегать и воевать днем, мы же ни того, ни другого в течение долгой темноты не можем.

— Это факт, о котором я особенно сожалел прошлой ночью, — объявила вторая, — Какое, наверное, это было грандиозное зрелище, когда наш чужестранный друг прогнал их прочь. Они же не могли знать, что вы чистая органика и что ваш экзоскелет является продуктом искусственным, а не частью вашего тела. Если бы они это знали, то были бы потрясены еще больше.

— А они образуют такие же сообщества, как ваша Ассоциатива?

— Мы с подобными не сталкивались, — в голосе третьей библиотеки прозвучала грусть, — Ввакориты не единственные, кого нам надо бояться в часы темноты, но они хуже других, потому что собираются группами.

— Это все так несправедливо, — промямлил Эван, — Должны же вы найти хоть какой-то способ, чтобы защитить себя ночью.

— Хотелось бы, чтобы был. В большинстве случаев мощности стен хватает. У очень немногих существ достает сил пробиться через здоровые стены до того, как мы проснемся. Только ввакориты представляют для нас постоянную угро-

зу, — у Эвана создилось впечатление, что она вздохнула. — Разум несет с собой и соответственное проклятие. Наверняка, у вашего вида те же проблемы.

Эван задумался над этим утверждением. Он был все еще возмущен тем, чему был свидетелем ночью. Всю площадь Ассоциативы заняли сборщики, терпеливо собиравшие остатки стен, и воинов, и всех других убитых. Хранилище снова охранялось тремя воинами. Врач работал над восстановлением линзы у одного из потерявших ее воинов.

— Разумсется, нам нечем отблагодарить тебя соразмерно тому, что ты для нас сделал.

— Каждое цивилизованное существо сделало бы то же самое.

— Тебе нет нужды в ложной скромности.

Эван слабо улыбнулся.

— В этом меня до сих пор никто не упрекал. Послушайте, когда я снова свяжусь со своим народом, мы как-нибудь эту проблему для вас решим. У нас разработаны системы защиты и оружие, которое одинаково хорошо действует днем и ночью.

— И эти защитные средства будут действовать вечно? И без вашего присмотра?

— Ну, не вечно, но..., — он заколебался, осененный неожиданной идеей, — Конечно, вам нужно что-то такое, что вы сможете поддерживать в рабочем состоянии сами. Возможно, то, что вам нужно, в действительности не является чем-то новым. Всегда гораздо практичнее видоизменить существующее устройство, чем заменить его.

— Мы не понимаем, что ты имсешь в виду, — проговорили хором все три библиотеки.

— Может быть это пустое. Ну, моя идея. Но мне хотелось предложить ее на ваш суд.

— Давай, предлагай, — сказала третья библиотека.

— Сначала мне что-то необходимо сделать, — он был рад, что они не могут читать по его лицу.

Конечно, они были ему обязаны за прошлую ночь, но все-таки, неизвестно, как отнесется к его идее чуждый разум. Они, казалось, обладали здравым смыслом и логическим умом, но что без длительных наблюдений можно было сказать об их обычаях?

Но он зашел слишком далеко, чтобы отступить.

— Мне нужен, — невозмутимо произнес он, — один из ваших трупов.

Наступила пауза, которой он напряженно ждал.

Библиотеки переговаривались друг с другом. По-видимому они передали свой вывод говоруну, стоявшему снаружи, потому что вскоре после этого появилось двое сборщиков. Они несли мертвого воина.

Эван двинулся осматривать труп. Он лежал на спине, его яркие краски изменились, они лишь сделались как-то тусклее, а красные линзы стали темными. Нескольких суставов не хватало, их унесли ввакориты. Над телом стоял уксусный запах высохших внутренних жидкостей.

Тяжелые доспехи треснули в нескольких местах, но Эван не мог заглянуть внутрь. Он объяснил, что ему требуется Эже, который передал все библиотекам. Эван ждал и надеялся, что не задел никаких местных суеверий. Но труп необходимо было вскрыть.

Пока они дожидались, блески периодически меняли свое положение, чтобы те, кто разговаривали в пещере получали максимум света. Иногда кто-нибудь напоминал им, что надо отвернуться от Эвана, который меньше всех в этом нуждался.

Вскоре к ним присоединилось четверо врачей. Вместе они представляли половину медицинского состава Ассоциативы. Их имена были длиннее и сложнее, чем у Эже. Эван удовлетворился, обозначив их для себя по номерам, как сделал ранее с библиотеками.

Когда им объяснили его просьбу, они быстро принялись за работу. Выглядели они очень похоже на библиотеки, хотя и не были такими большими и не имели таких отличительных загибающихся назад рогов. Как бы в компенсацию они были снабжены просто необыкновенным набором щупалец и ресничек, не считая еще более специализированных суставов, которые когда-либо видел Эван у живого существа. Все это они применили к телу воина с замечательной эффективностью.

Вскрытие привлекло внимание других членов Ассоциативы. Хотя они продолжали свои повседневные занятия, но, проходя мимо, заинтересованно поглядывали на то, что

происходит, удивляясь тому, что делают там библиотеки и странный чужак. Только самые прозаичные и самые неумные, вроде стен и проводов не обращали на происходящее никакого внимания.

Эван внимательно наблюдал и пытался осмыслить, как устроен воин внутри. Впрочем, это ему не очень удавалось, потому что выглядело все не как внутренности живого существа, а как механизм машины, и притом чуждой, без металла и плазмасс.

Так что на долю врачей выпало, через посредство говоруна, просветить его в том, что он собственно видел. Третий врач изящно повел щупальцем.

— Вот орган, которым вы так интересовались.

Эван наклонился над раскрытым телом. Врач указывал на цилиндрическую силикатную форму заполненную тонкими слоями и почти незаметными включениями. Она была полупрозрачная, светло-желтого цвета. Эван увидел, что слои соединялись волокнами, которые расходились по всему телу.

Несмотря на отсутствие крови и мяса, ему понадобилось приложить усилие, чтобы взять себя в руки, пока врач, по его просьбе, извлекал интересующий его орган. Затем этот орган был передан Эвану, попытавшемуся осмотреть его с научной отрешенностью, в обладании которой он постарался самого себя убедить. Пучки волокон свисали с обоих концов, и сам он был довольно легким.

Эван спросил врачей, как этот орган называется, и не был особенно удивлен, когда мысленная картина, нарисованная ими, переводилась, как сердце.

— Я видел, как вы заменяли ноги и глаза. Почему бы вам просто не нарастить эти органы? Разве вы это не умеете?

— Мы не настолько невежественны, — ответил второй врач, — и мы тоже думали об этом. Но как бы мы не пытались увеличить размер сердца, оно от этого не начинает генерировать дополнительную энергию.

• «Вот тебе и блестящая идея», — расстроился Эван.

Он еще внимательнее стал вглядываться в этот орган. Он был сухим на ощупь. Очевидно он не мог накапливать солнечную энергию. Несколько часов темноты полностью исчерпывают ее резервы.

Если бы удалось его переохладить, он смог бы обеспечить достаточно энергии, чтобы кому-то вроде Эже хватило на целую ночь. Он вообразил себе, как это будет. Если погрузить этот орган в ванну из жидкого азота, то, наверное, влияние его на тело будет меньшим. Осторожно он вернул орган на место в тело воина и отступил на шаг.

Но сама идея была здоровой, хотя задача с ходу и не решалась. Казалось, что Эже и его сородичи были обречены зависеть от милости ночных органосиликатных бандитов.

Из того, что рассказали библиотеки, следовало, что ввакориты, почти наверняка, вернутся. Возможно на этот раз они будут лучше вооружены и подготовлены к борьбе даже с незванными чужаками.

— Это несправедливо, — сказал он, в конце концов, не подумав, что его мысли будут подхвачены говорунами и переданы всем окружающим.

— А кто, когда утверждал, что жизнь справедлива? — усмехнулся четвертый врач. — С этим ничего не поделаешь. Когда садится солнце, укладываемся и мы.

— Ваши тела так хорошо устроены, так эффективно приспособлены. Это вас и сдерживает. Может быть, настанет день, и вы получите доступ к передовой технологии моего народа. Вы — естественные биосиликатные инженеры, и я могу себе представить, как в будущем вы создадите нечто столь же технически развитое, как наши достижения, но без помощи машин, — и он показал им на маяк для крайних случаев, который пульсировал у него на запястье.

— Это прибор, производящий сигнал, который мы собираемся уловить и проследить до источника. Он представляет собой маленький передатчик, локатор и идентификационный маяк одновременно, питаемый крохотной литисевой батареейкой.

Одна из библиотек дернулась.

— Батареейкой? Это похоже на сердце.

— Нет, это не одно и то же, — он нахмурился, сосредоточенно, напряженно соображая. Сумасшедшая идея! — Они совершенно разные.

Один из врачей подполз поближе. Многочисленные линзы сфокусировались на тихо мерцающем маяке.

— Можно я посмотрю на него поближе?
— Хорошо, но будьте с ним очень осторожны.
— Мы осторожны во всем, — последовал слегка оскорбленный ответ.

Они ему поверили. Он мог ответить им только тем же, даже если это касалось последнего связующего звена с человеком, возможно, спасшегося после катастрофы на станции. Конечно, они будут чрезвычайно осторожны. Большим и указательным пальцами он вытащил прибор из его асептической оболочки в запястье и передал любознательному инопланетянину. Врачи столпились вокруг странного артефакта. Специфические сус-тавы и конечности бережно — бережно знакомились с ним.

— Интересный вкус, — пробормотал первый врач.

— Майориан, янкот, сериридзиа, — добавил второй.

— А как внутреннее строение?

Эвана передернуло, когда они вскрыли заднюю крышку ячейки, но он сдержался и не стал вмешиваться.

— Потрясающе. Видите вот здесь? — заметил третий. — Отличается, но не сложнее.

— Назначение четко выявляется в строении, — прокомментировал первый.

Наконец, они отдали его обратно Эвану.

— Я полагаю, — торжественно объявил первый врач, — что мы можем его скопировать и приспособить к нашим телам.

Эван вставил его в запястье и ласково улыбнулся.

— Мне не хочется принижать ваши способности, но не думаю, что вам это удастся. Этот маяк — продукт высоко-развитой современной технологии. Его не выращивают, как цветок.

— Разумеется не весь орган. Нас интересует только его сердце.

— Даже оно. Здесь используется литий. А со свободным чистым литием обращаться не просто, с ним нельзя работать на воздухе. Он слишком реакционноспособен.

— О чем это он говорит? — пробормотал второй врач.

— По-моему он имеет в виду бекванел, — ответил третий.

— А-а. И всего-то?

Четверо врачей стали совещаться. Затем последовало обсуждение с участием библиотек. Двое из врачей исчезли с

тем, чтобы вернуться спустя немного времени, приведя с собой двух процессоров. Место собрания закипело от бурной деятельности. На какое-то время об Эванс забыли.

— Что они делают?

— По-моему, пытаются построить маленькое сердечко вроде того, которое у тебя в запястье, — сообщил Эже.

— Я этого боялся. Я не хотел пробуждать ложных надежд. Я надеялся, что ваши сердца удастся видоизменить, чтобы они накапливали некоторый запас энергии. Нельзя же просто добавить в ваши тела еще один орган, даже если его точно скопировать, без использования сложных контролируемых микропроцессорами машин.

Эже простодушно уставился на него:

— А почему нельзя?

— Ну... потому что.

— Я не врач и не библиотека, но это объяснение не кажется мне резонным. Ты не должен недооценивать искусство наших врачей. Они могут воссоздать любую часть тела. Конечно, за исключением разума. Нельзя восстановить память.

— Я не думаю, что вы сумеете работать с чистым свободным литием, но кажется в этом вам придется убедиться самим. — Он подумал, что когда дело дойдет до последнего разочарования, ему бы не хотелось быть этому свидетелем.

Он поднялся. Остальные не обращали на него внимания.

— Я хочу посмотреть на остальную Ассоциативу в работе. Мне еще много надо узнать о ней.

— Поистине, — несколько двусмысленно согласился Эже.

Остаток дня Эван провел, наблюдая, как обитатели сообщества занимаются повседневными делами, подивился сноровке сборщиков, обменялся взглядами с большеглазыми сканерами-собирающими, поболтал с разведчиками. День уже почти кончился, когда они с Эже вернулись в место собрания. Он сел и почти не обратил внимания, когда к нему сам подключился наружный говорун.

— Видите ли, — как можно деликатнее, заметил он, — есть некоторые вещества, с которыми не управиться руками; или даже любой другой конечностью.

Первый врач ответил извиняющимся тоном.

— Вообще-то, мы уже поместили новые выращенные орга-

ны в наши тела и библиотеки. Теперь мы будем работать над воинами.

Эван нахмурился.

— Новые органы?

— Подобные тому органу-накопителю, который ты нам показал. Очень хитроумно устроено. Нам пришлось внести некоторые изменения, например, мы не любим использовать в таком количестве металлы. От этого чешешься.

— Послушайте, батареи нельзя выращивать, как пшеницу. они должны быть...

— Да, мы их так и назовем, — не обращая внимания на своего растерянного гостя, врачи быстро обменялись потоком информации. Второй посмотрел на него.

— Хотите сами увидеть?

Эван ничего не ответил, и врачи истолковали его молчание, как согласие.

Снаружи места встречи стояла в ожидании очередь воинов. Каждый входил и ложился перед врачами. Через минуту он оказывался неподвижным и застывшим, хотя Эван не мог определить была ли эта кома самопроизвольной или результатом какого-то врачебного воздействия.

Врачи, молча, начали работать. Двое подсоединили себя непосредственно к неподвижной фигуре с помощью цилиндрических суставов. Другая пара отодрала в сторону полосы и пластины силикатного материала, обнажив внутренности охранника. За все время операции воин не шевельнулся.

Двое врачей, производящих тонкую работу, повернулись лицом друг к другу. Из кончиков их органов стали выступать капли вещества и формироваться по мере затвердевания вязкого материала в некое крошечное образование. Конечный продукт был немногим больше кулака Эвана. Он был тускло-серым за исключением многочисленных тонких стеклянных нитей, выступающих с обеих концов.

Он никогда ничего подобного не видел.

Они вернулись снова к своему пациенту и стали рыться в нем глубже, пока не вытащили наружу желтоватый орган в форме трубки. Эван узнал силикатное сердце. Разумеется, оно не билось. В отличие от сердца млекопитающих оно несло сво-

ему владельцу ровный поток энергии тихо и без какого-либо видимого движения.

Он уставился на это зрелище, а тем временем врачи отсоединили несколько маленьких пучков нитей, выходящих из одного конца этого органа. В нем была вырезана ямка, в которую осторожно поместили только что образованную массу. Волокна соединили и припечатали. Затем полость тела была снова закрыта.

Другая пара врачей отсоединилась от него, предоставив воину функционировать самому. Один из них коснулся тонкой конечностью прочно защищенного черепа. Черные линии сомкнулись под красными глазами. Еще одна минута и пациент снова стоял на своих многочисленных ногах.

С удивлением наблюдал Эван, как он поблагодарил врачей перед тем, как повернуться и уйти. Снаружи товарищи ждали его, чтобы расспросить. Второй воин двинулся вперед в предвкушении собственной операции.

— Разве вы не чувствуете боли?

— Обычно ее можно уменьшить, отключив некоторые части тела, — сообщил ему первый врач. — Это зависит от размера повреждения и того, насколько велика восстанавливаемая площадь. Мы благодарим тебя за то, что ты подарил нам этот изумительный новый орган.

— Но это же не орган, — возразил Эван. — Это батарея, а ее не делают просто из выделяющейся жижи.

— А что ты считаешь органом?

— Ну, это часть тела, целостная структура, которая выполняет четко определенную функцию и тем способствует поддержанию тела в здоровом состоянии.

— Я сам не смог бы определить лучше. Вещества и структуры, используемые при этом крайне просты. Мы всего лишь улучшаем природу. Неужели вы со своими телами никогда не делаете такого?

— Нет. Я имею в виду, у нас иначе.

Ну, конечно, иначе. Скольких человек знал он там на Сэмстедс с искусственными органами, или теми или иными конечностями? Нет, не мысль о помещении в тело члена Ассоциативы искусственного органа привела в смятение его традиционное мышление», — решил Эван, — «Метод их соз-

дания был каким-то возмутительным. Не могло это работать. Не могли они просто слепить литиевую батарею, потому что ее структура была...

Очень простой, ведь так?

Неужели она, действительно заработает? И если заработает, какие еще произведенные машинами устройства смогут воспроизвести врачи Призмы?»

— Если оно будет действовать, как задумано, — объяснил ему третий врач с едва скрываемым ликованием, — ввакоритов ожидает неприятный сюрприз.

— Узнаем сегодня ночью, — заметил четвертый, — Мы к этому времени переделаем всех воинов.

— Не говоря уже о разведчиках, — добавил Эже.

Ввакориты действительно вернулись позднее этой ночью. На этот раз они явились вооруженными какими-то луками голубого стекла, которое могло стрелять зазубренными осколками кварца. Они в клочья изрезали бы Эвана или любого другого вмешавшегося органика. Но у Эвана не было никакого намерения подставлять себя под эти кварцевые стрелы, и он этого не сделал. Воины стояли на своих местах, пока сигнал не бросил их в атаку на захватчиков. Их контратака была такой неожиданной и подавляющей, что грабители не оказали никакого сопротивления. Они просто не могли поверить в происходящее. Что-то изменилось в естественном порядке вещей, перевернулось вверх дном. Ввакориты не могли с этим освоиться.

Мощные челюсти и конечности раздирали более уязвимых захватчиков на части. Пилообразные зубы и челюсти взрезали силикатные экзоскелеты и добывали мягкую внутреннюю плоть.

Уязвимые ввакориты едва опомнились, чтобы отступить в лес. Если бы дело было предоставлено воинам ни один бы не избежал засады, но библиотеки предписали, что надо оставить некоторое количество в живых, чтобы они сообщили своим сородичам, что по крайней мере эту Ассоциативу надо оставить в покое не только днем, но и ночью. Больше не будут члены этого сообщества бояться темноты. Не будут больше плоды тяжелого труда сборщиков и процессоров безнаказанно отниматься невидимыми грабителями.

Показав им пластинчатую литиевую батарею, Эван сделал нечто большее, чем продемонстрировал какое-то достижение человеческой техники. Он вернул ночь самым разумным обитателям Призмы.

Он уже осознал, что члены Ассоциативы не склонны к бурному проявлению чувств, но это не помешало им устроить на следующий день короткое празднество. Много восхвалений было обращено к солнцу, этому источнику всей жизни.

Эван одобрил это, потому что, как все живое, он тоже черпал свою силу у солнца, хотя и не так непосредственно, как его новые друзья. Еще было проведено что-то вроде концерта, в котором библиотеки (через говорунов) испускали разнообразные шумы, очень напоминающие электронную музыку.

— Я думал... — начал объяснять Эван первому врачу во время случайного затишья в этой какофонии.

— Похвальное занятие.

Он улыбнулся.

— Если вы способны анализировать, а затем воспроизводить естественным путем такую простую структуру как слоистая батарея, то думаю вы смогли бы сделать более сложную систему накопления энергии. Вы могли бы воссоздать ячейку, которая позволила бы вам функционировать в течение нескольких дней темноты.

— Эта мысль уже появилась у нас, — проговорил Эже, — Врачи сейчас над ней работают, — в его мысленных волнах звучала гордость.

Эван надеялся, что его слова не прозвучали покровительственно.

— Воспроизвести существующую структуру это одно, но я не уверен, что у вас нет своего, что стоило бы улучшить. У вас же нет прошлого опыта в микроинженерии или производстве.

— Возможно, ты прав, — согласился первый врач. — Я не понимаю значения этих двух терминов. Все что мы знаем, это как починять наши собственные тела. Но будет забавно попытаться.

— Ну, вы ведь знаете, что вы можете повредить, а что нет.

— Да, это так.

У Эвана было странное чувство, что врач изо всех сил

пытался сделать так, чтобы его слова не звучали снисходительно.

— Действительно, — продолжал иноземец, — мы оба обдумали, какие у нас есть возможности, чтобы вставить для вас улучшенный орган на батареях.

Эван потер запястье ниже светящегося сигнального фонаря.

— Все в порядке. В этом осталось еще достаточно энергии. Он только недавно был активизирован.

— Нет, вы не так меня поняли, — доктор, переваливаясь, сделал несколько шагов вперед и провел рукой вокруг груди Эвана.

— ДЛЯ ВАС.

Если бы другой человек наблюдал в этот момент за Эваном, он удивился бы, увидев, как резко изменилось выражение его лица.

— Вы не понимаете, — промолвил наконец Эван, произнося слова медленно и отчетливо. — Я могу использовать только химическую энергию, а не солнечную. У меня нет батарей. Мое сердце не накапливает энергию, как это делаете вы, и нет никаких способов наполнить его этой энергией. Хотя у меня есть миллионы гораздо более маленьких батарей. Они называются клетками.

— Я понимаю, — сказал доктор после нескольких секунд глубоких раздумий. — Мы еще многого не знаем об органике, но когда у нас появляется такая возможность, мы всегда стараемся лучше изучить ее.

«Я НЕ НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ», — подумал Эван, как будто действительно сообщал им об этом в очень грубой форме. Но произносить это вслух не было необходимости.

— Я действительно ценю ваше предложение. Идея о батарее была совсем не плохой. Может быть, с ней я не чувствовал бы холод так часто, как это случается в последнее время. Но, боюсь, по отношению к моему организму ваша идея не осуществима.

— Какая жалость, — пробормотал четвертый доктор. — Но, надеюсь, вы не будете иметь ничего против того, чтобы мы продолжали обсуждение этого вопроса лишь для удовлетворения нашего любопытства. Мы так удивлены!

— Нет, нет, я не имею ничего против, — ему самому было любопытно, какие еще причудливые идеи придут им в голову. Может быть, один из них предложит Эвану второй желудок?

Да, ему было любопытно, потому что он видел, на что они способны. А это значило, что он мог получить с их помощью выгоды, которых никто не мог предвидеть. Эти существа, очевидно, были способны синтезировать сложные структуры из простых необработанных материалов. Вот если бы их назначили в экипаж корабля! Эван размышлял о том, какая у них должна быть терпимость к экстремальному холоду и жаре. Они ведь не дышали! Потом, он представил себе, как несколько опытных врачей, живя на поверхности корабля, занимались сложными и опасными работами. Они занимались починкой без специальных костюмов и инструментов, выращивая необходимые для замены детали из собственных тел.

Неестественно? Определенно. Но все это было не страннее того, что он уже видел раньше на Призме.

Представители Ассоциативы легко провели тригонометрические съемки. Сигнальный огонь светился все слабее и слабее. И было решено отправить экспедицию для сопровождения Эвана. Среди тех, кто должен был войти в эту процессию были два врача, специально выделенные для этой операции воины и, конечно, Эже. После обсуждения было решено, что первая библиотека тоже должна пойти. Это было нужно в основном не для того, чтобы помочь Эвану в достижении его цели, а для того чтобы убедиться, что все знания, которые когда-либо были собраны по крупинкам, будут сохранены для всего общества.

Эван занимался упаковкой, так как на следующее утро экспедиция должна была отправиться. А все остальные из их группы собрались снаружи.

— Почему бы нам не воспользоваться услугой представителя? Тогда мы смогли постоянно держать контакт с Ассоциативой.

— Но тогда нам потребуется в десять раз больше времени, чтобы достичь друга Эвана, — начал объяснять разведчик, — а он дал нам понять, что ее надо найти как можно быстрее.

Эти представители не очень то подвижны. Они передвигаются куда-нибудь лишь в тех случаях, когда сама Ассоциатива пересезжает на новое место. — Эже, казалось, колебался как-кос-то время, а потом прибавил: — Этот вопрос о представителях и переговорах был причиной многих дискуссий, которые шли последние несколько дней. Также это породило своего рода эксперимент. Врачи, библиотекари и другие члены экспедиции работают над этим.

— Действительно? — спросил Эван, уже почти заканчивающий с упаковкой, посмотрев вверх на стеклянное лицо, находившееся в нескольких сантиметрах от него. — Какой эксперимент?

Прежде чем ответить Эже снова некоторое время колебался.

— Этот эксперимент касается подарка, который готовится для вас.

— Да что вы! — Эван не заметил, чтобы в ассоциации процветало какое-нибудь ремесло или искусство, но, чтобы не показаться невежливым, он был готов принять любую безделушку, которую они решат ему подарить.

Пока он ждал, процессия выстроилась в линию перед ним. Первый врач сделал шаг вперед. Эван вытянул вперед руку, чтобы принять предназначавшийся ему подарок. Врач посмотрел на эту вытянутую конечность и начал что-то быстро говорить Эже.

— Это не то, что можно унести с собой, — пытался объяснить разведчик — это носят в себе.

— Хорошо, это кое-что проясняет, — сухо вымолвил Эван.

— Это специальная вставка, — продолжал свои разъяснения Эже.

Эван нахмурился и отдернул руку.

— Что-о-о?!

— Мы усердно занимаемся изучением органических форм и нам уже удалось собрать достаточно большое количество знаний об их устройстве. Библиотекари и врачи накапливают такого рода информацию. Кроме того, у них была возможность незаметно изучать анатомию по вашему телу. Я много занимался этим в последние дни. В основном мне приходилось

вести свои наблюдения, когда вы спали. Полученные сведения я передал в библиотеку.

Эван чувствовал, как натягиваются его нервы.

— Вы изучали меня, когда я спал? И я ничего об этом не знал?

— Я не хотел вам мешать. Мне казалось, что это вас не беспокоило.

— Зато это беспокоит меня сейчас! — Эван представил, как конечности инопланетян ощупывают его чужеземное тело. От этого он почувствовал себя так неудобно. Он как-то болезненно воспринял это. Не то чтобы это открытие вызвало у него отвращение. Несмотря ни на что, его ни разу не разбудили. Просто все случившееся выглядело, по его мнению, очень невежливым. Неучтиво было изучать его тело без его спроса. Ведь это ЕГО тело! Человеческое тело — его крепость.

Но Эже так не считал. Для него, как и для всех остальных здесь, он был новой книгой, которую можно было читать и изучать.

— Я извиняюсь за то, что все так вышло. Что мы будем делать с подарком?

Он поднял обе руки.

— Никто не может ничего воткнуть в меня, не зависимо от того, каковы его убеждения, как бы не старался.

— Прошу прощения, но ведь вы допускаете, что усики, которыми здесь пользуются для коммуникации, не причиняют никакого вреда, никакой боли?

Эван опустил руки пониже. Он не испытывал ненависти к чужакам, а кроме того, был любопытен.

— Хорошо. В любом случае, давайте посмотрим, что это за чертова штука.

После небольшой дискуссии, третий врач сделал шаг вперед и вытянул руку. Вся рука была не больше, чем ноготь на мизинце Эвана. Вокруг ладони находились пальцы. А в центре лежало что-то, выглядевшее как осколок хрусталя коричневого цвета. Эван наклонился вперед, чтобы лучше разглядеть то, что лежало на ладони. Он предполагал, что ему подарят нечто гораздо больших размеров.

— Это подарок?

Эже ответил утвердительно.

— Ну и куда же это должно войти, если предположить, что я разрешу этой штуки куда-либо входить? Для чего она предназначена?

— Эта вещь будет выполнять функцию связи, — медленно проинформировал Эже Эвана. — С помощью нее вы сможете не только связываться с любым членом Ассоциации, не прибегая к коммуникационным усикам, она поможет вам и говорить так, как это делаем мы. Для частных разговоров усики все еще будут необходимы, но нам нечего от вас скрывать. И, кроме того, в любом случае, у вас нет усиков.

Эван с удивлением пялил глаза на осколок. Он был сделан, нет выращен членами Ассоциации. Этот подарок был создан специально для Эвана. Было ли возможным применение этого устройства для Эвана? И, если такое было возможным, то какие нереальные возможности перед ним открывались! Если бы два человека были бы снабжены такими приспособлениями, то смогли бы ли они мысленно вести разговоры между двумя полушариями мозга?

Было ли возможно осуществление такой заветной и древней мечты человечества в этом примитивном, бешеном мире? Может быть, это телепатия?

«Ну нет, — сказал Эван сам себе. Это не телепатия. Это, скорее своего рода радио-мозговая трансляция».

Этот процесс был похож на телепатию, но не являлся таковым. А может ли он позволить этим тяжеловесным чужеземцам шутить шутки с его мозгом?

А разве они уже не начали делать это?

— Вы должны доверять нам, — умоляющим тоном говорил Эже. — Они врачи и точно знают, что делают. Я могу с уверенностью говорить об этом, так как они располагают большим объемом информации, добытой библиотеками. Они не стали бы делать ничего такого, в выполнении чего они не были бы абсолютно уверены.

Эван глубоко вздохнул.

— Ну и где вам для этого потребуется резать меня?

— Нигде. Вас совсем не надо будет резать. Мы просто соединим вас с этим.

Это было уже что-то. Так как пересадочный материал был

составлен не из органического материала, иммунная система его организма должна была отвергнуть это.

— А как насчет боли?

Первый врач обратился к нему через представителя, который находился неподалеку. Его голос звучал обиженным.

— Мы врачи!

Все, что до сих пор делали члены Ассоциативы было на очень высоком уровне. Они помогали Эвану, даже когда он их об этом не просил, и он оплачивал им за это, как только мог. Все сделки между человеком и членами Ассоциации были основаны на взаимной выгоде. Было бы, конечно, замечательно, если бы удалось совершить предстоящее путешествие без Эже, задрапированного вокруг шеи Эвана, если бы Эван был в состоянии общаться с каждым компаньоном без помощи посредников.

Наконец, Эван согласился принять подарок и разрешил вставить его в себя. Он поступал так, потому что думал о тех преимуществах, которые дает ему это устройство. Но все же он не был до конца уверен в правильности выбранного им решения.

«Что я делаю, думал он. Я совсем сошел с ума».

— Лягте на землю, — давал ему указания Эже.

Эван подчинился. Он лег на землю и закрыл глаза. Он был готов к проведению операции. В его тело должны были что-то вставить. Он чувствовал, как что-то закружило его голову, двигая ее в сторону. Усики Эже были удалены. Эван чувствовал странное головокружение, это состояние обычно сопровождает тех, кто находится на пороге какого-то великого открытия, или крупных перемен. Теперь когда Эже при Эване не было, поймет ли хоть один из членов Ассоциации его?

Он чувствовал прикосновения к своему левому уху. Они были такими слабыми и деликатными. Можно было подумать, что это просто легкий бриз. Он слышал нежные звуки, приятные и расслабляющие. Ему, должно быть, сделали анестезию, потому что он не чувствовал боли. Он думал о музыке и, чтобы его мозг ни на минуту не прекращал работать, пытался вспомнить определенные произведения искусства, сравнивая и противопоставляя их в уме. Где-то в глубине его сознания чуть слышно раздавался голос: «Что ты делаешь?»

Но Эван старался не обращать на это внимания. Вместо этого он старался сосредоточиться на еле слышном шуршании, которое происходило вокруг его головы.

Он уже был готов сделать жест и попросить, чтобы ему снова вставили Эже. Он хотел спросить, почему операция затянулась так долго, как вдруг услышал знакомый голос.

— Все уже закончено, Эван, — произнес голос мягко. — Устройство установлено.

Операция завершилась. Он открыл глаза и медленно сел. Его мускулы были напряженными и уставшими. Ему казалось, что он был в полусознательном состоянии еще пару минут. Он дотронулся рукой до своего уха. На ладони появились несколько капелек крови, но не больше. И Эван по-прежнему не чувствовал боли.

— Кажется, все прошло хорошо, — сказал другой голос, более низкий, чем голос разведчика. Он посмотрел вниз и увидел первого врача, который в это время осматривал его.

— Как вы себя чувствуете?

— У меня такое ощущение, как будто я только что сделал огромный шаг куда-то в пустоту, — прошептал Эван, который все еще находился в каком-то оцепенении, не приходя до конца в себя. Он чувствовал, что внутри него произошли какие-то изменения, в области его левого уха. Теперь у него было устройство, настроенное на радиотрансляцию, и он получал сигналы от этих существ, хотя сам не представлял, что происходило с его мозгом или как работало его новое устройство. Он не мог сказать, каким образом ему передавались слова. Он столкнулся с такими аспектами науки, которые были выше его понимания.

Примитивные доктора на Призме только сделали то, что было не под силу выполнить ни одной человеческой медицинской лаборатории. Здесь они сделали все естественно, не пользуясь никакими сложными машинами, если, конечно, их самих не считать машинами.

«Да разве все мы не машины? — задумался Эван. Стоит только поменять расположение атомов в молекулах, и вы получите металл вместо человеческой плоти. Жизнь сама определяет, а все остальное — не более чем косметика».

Оставшиеся члены Ассоциативы разошлись по своим ежедневным делам, в то время как поисковая группа отбыла, хотя проводы их еще не закончились и кое-где слышались прощальные крики. Вместо того, чтобы просто дать путешественникам пройти, стены сформировали временную арку внушительных размеров, а тем временем за счет кривизны поверхности были созданы яркие радуги и фонтаны лучей. Затем стены сомкнулись за их спинами, арка исчезла, и маленькая экспедиция отправилась в путь, следуя по курсу, определенному представителями. Сигнальный огонь маяка на руке Эвана разгорался и ярко светил, в то время как они шли, убеждаясь в точности произведенных тригонометрических съемок.

После того как были побеждены его коллеги-исследователи, Эван думал, что он является единственной жизненной формой на Призме. Но вот шел уже второй день, когда он все больше и больше убеждался в обратном. Призма являлась домом для нескольких думающих форм, все они боролись с враждебными лесными видами, и в то же время шла борьба за превосходство между ними самими.

Неожиданно они услышали какой-то шум. Но причину этих звуков удалось обнаружить не сразу. Где-то шла битва. Наконец источник шума был найден. Он исходил от равнины у горы, по которой они взбирались. Когда они поднялись на самый верх, перед ними открылись просторы равнины, и они увидели происходящее там сражение.

Эван не мог различить отдельные фигуры, потому что все это происходило внизу, на очень большом расстоянии от него. Его компаньоны смогли разглядеть не больше, чем сам Эван, за исключением Эже. Он давал подробные описания для всей остальной группы. Для разведчика очень важно было иметь острое зрение.

Пока Эже описывал все, что происходило внизу, библиотека делал записи, которые должны были остаться для потомков. В конфликте, происходившем на глазах участников экспедиции, не было ничего уникального, как сказали потом Эвану. Такие вещи постоянно происходили среди Кью-Ваколии.

Из того немногого, что мог рассмотреть Эван, он заключил, что члены этой третьей мыслящей расы сильно напоминают

ввакоритов, которые нападали на Ассоциативу. Они являлись органосиликатными формами, и их тяжелый экстерьер защищал то, что находилось внутри. Они дрались копьями и дубинками, сделанными из сложных силикатных образований. Даже с такого расстояния на оружие было приятно смотреть, такое оно было красивое, хотя цель, с которой применялось это оружие, нельзя было назвать красивой.

— Из-за чего они воюют?

— Кто знает? — ответил библиотека. — Территория? Пища? А, может быть, у них идет борьба за право оставить после себя потомство? Все эти их бои крайне нерациональны, так как они могли бы достичь всех своих целей другими путями, через сотрудничество, а не воюя. Но они так не поступят, — Эван почувствовал стеклянные линзы, уставившиеся на него. Они принадлежали не только члену библиотеки.

— А с вами такие вещи происходят? — задал Эвану вопрос библиотекарь.

— Иногда. Но мы стараемся находить решение в сотрудничестве. Нам это неплохо удается уже последние несколько сотен лет. Могу сказать, что мы преуспели в этом. Но, к сожалению, и до сих пор изредка случаются конфликты, в основном из-за всяких пустяков. Как вы говорите, лучше все решать в сотрудничестве.

— Понимаю, — библиотека повернулся и снова посмотрел на происходящее внизу сражение. — Одна группа передвигается на другой конец.

После того, как рассеялась пыль, Эван разглядел отдельные группы, разбросанные по земле. Эже счел нужным прибавить свои комментарии.

— Они все очень похожи по форме. Они могут различаться по внешнему виду, но у всех одинаковое количество одинаковых конечностей, глаз и чувствительных органов. И тем не менее они воюют друг с другом, в то время как мы, так отличающиеся друг от друга, живем в мире.

«Это точно, подумал Эван. Трудно представить себе более сильно различающихся существ, чем библиотеки и воины», — мысленно усмехнулся он.

— Похоже, что специализация порождает гармонию, в то

время как многосторонность приводит к вражде, а не к сотрудничеству, — произнес он вслух.

— Может быть, мы более продвинулись вперед в таких вещах, мы привыкли преодолевать многие из наших древних инстинктов. Хотя физически я, скорее всего, гораздо ближе к тем воинам, что участвуют в сражении, что идет сейчас там, внизу. Но с другой стороны, у меня гораздо больше сходства с вами. Это сходство духовного и морального свойства.

— Я достаточно этого насмотрелся, — библиотекарь был не в состоянии скрыть отвращение, которое он испытывал, — Мы не задержимся здесь ни на минуту дольше.

Пока они шли, Эван обдумывал все то, что он сейчас увидел и услышал. Действительно ли то, что устройство, которое они вставили ему в голову, лишь способствовало облегчению общения? Не решили ли они поработать над его разумом вместо его тела? Не исказили ли они его сознание, чтобы иметь гарантию его дружбы?

Нет, это был бы нонсенс. Его мнение на все осталось таким же, его мышление по-прежнему основывалось на холодном анализе того, что он видел вокруг. Он остался самим собой, Эваном Орджеллом. Трансляционно-приемное устройство, которое было встроено в его голову, и костюм с органическим оружием не изменили его. Он не стал бы говорить об этом только потому, что его новые друзья хотели это слышать. Он сказал так, потому что это было правдой.

Он посмотрел вниз на свое блестящее белое обмундирование. Оно выглядело, как обыкновенная одежда. Он мог свободно двигать любой его частью. Но ему просто не хотелось, вот и все. Вооружение было очень красивым и в то же время обладало отличным практическими качествами.

Их путь проходил через рошу, в которой росли растения, похожие на гигантскую спаржу изумрудно-зеленого цвета. Эван сказал, что намерен взять образцы с одного из этих огромных растений. Его компаньоны не имели ничего против этой странной просьбы, даже выказали желание помочь ему. Но стволы растений не поддавались даже очень значительной режущей силе челюстей воинов. Все усилия ни к чему не привели, несмотря на то, что стволы были внутри полыми. Внутри этого растения жили маленькие животные красного и

голубого цвета. Они ползали вниз-вверх по внутренним коридорам. Это был еще один вид жизни. К сожалению, у Эвана не было времени для того, чтобы исследовать его.

По мере того, как часы бежали один за другим, Эван становился все более и более уверенным в том, что с его телом происходят какие-то перемены. Его мускулы обычно получали небольшие нагрузки. Длинные прогулки, которые он совершал, помогали, на протяжении последних дней, проведенных им на Призме. Небольшой живот, которые он наел себе за последние месяцы, исчез. Ноги и живот стали значительно более крепкими, дав таким образом реакцию на необычную для Эвана деятельность. Эван чувствовал себя таким сильным и здоровым, как никогда до этого. А все это являлось результатом того, что он освободился от прежнего костюма.

На самом же деле он не остался совсем без костюма. Он просто обменял свой бывший комплект MBM на более примитивный местный аналог. Этот новый костюм больше поддерживал, чем подавлял развитие самого организма. Его теперешний костюм не мог делать то, на что был способен прежний образец MBM, но, с другой стороны, теперь тело Эвана получило гораздо большую свободу по сравнению с теми временами, когда он был упакован в сверхвысококачественный продукт технологии Самстэда. Какая комбинация лучше подходила для путешествий по чужим мирам: суперкомплект и слабое тело или более сильное тело и примитивный костюм?

В любом случае, у Эвана не было выбора.

Когда он проснулся на следующее утро, его немного покачнуло. Он еще больше удивился, когда увидел одного из воинов, стоящих рядом с ним. Неподалеку стоял и смотрел на него врач.

— Мы произвели кое-какие улучшения с вашим скелетом, — сообщил ему воин в своей обычной грубоватой манере. Сам факт того что ему это объявили, был необычен. Разговор не являлся сильным местом воина.

Эван сел на кровати, шурясь спросоня.

— Улучшения... чего? — он посмотрел в ту сторону, где стоял врач. — Какие улучшения?

— Не достаточно быть в состоянии выдержать атаку. Иногда должны применяться и более сильные методы защиты. Я и

другие воины заметили, что у вас нет способностей к такой защите. Мы внесли свое предложение. Врачи согласились с нами. И вместе мы произвели кое-какие улучшения, в то время как вы спали.

— Это было очень любезно с вашей стороны, — Эван поднял глаза и осторожно посмотрел на эту военную машину. — Да, а как мне пользоваться этим усовершенствованием? — Эван поднялся, так как чувствовал себя более уверенно, когда воин вынужден был смотреть на него снизу вверх.

— Согните очень сильно пальцы вашей правой руки.

Эван сделал то, о чем его просили. Он тут же подпрыгнул от удивления, увидев, что, когда он сжал пальцы в кулак, из-под костяшек над его пальцами появились четыре острых шипа длиной по десять сантиметров. Согнув пальцы, он начал разглядывать эти шипы. С ними его руки стали похожи на когтистую лапу кошки. Такими же приспособлениями была снабжена и левая рука. Силикатная основа этого приобретения чудесно входила в его защитную броню, покрывая запястье и часть руки, обратную ладони.

Упругость этого устройства каким-то образом активировала оружие. Новая вставка хорошо соединилась с его собственными сухожилиями. Продолжая держать руку сжатой в кулак, Эван начал проверять шипы на своей правой руке. Они были идеально прямыми. На каждом из них был заостренный конец. Это устройство было достаточно внушительным, чтобы отразить нападение многих силикатных жизненных форм, и было в состоянии уничтожить любую органику.

— Спасибо вам, — сказал он, обращаясь к воину. — Очень приятно, когда в тебе самом есть такое оружие. Признаться, я чувствовал себя довольно беспомощным с тех пор, как перестал носить свой бывший костюм. От этого я испытывал жуткую неловкость. Ведь все это время я должен был полагаться на ваши силы, взваливая на вас всю заботу о моей защите.

— А что здесь такого? — спросил Эвана библиотека. — Мы всегда полагаемся на воинов, когда дело касается защиты. И только на воинов.

— И разведчиков, — поправил его Эже, — так как воины чувствуют себя немного спокойнее, зная, что есть такая установка. Я в этом уверен, — он повернулся и сделал жест. — Я

всегда впереди, такова моя работа. И теперь я должен сообщить вам: что впереди еще один каньон, который потребуются преодолеть.

11

Второй раз за это утро Эван был сильно удивлен, когда после того, как они вышли из леса, он увидел каньон, о котором сообщал Эже. В техническом плане описания разведчика были абсолютно правильными. Но он, однако совсем забыл упомянуть об одном весьма немаловажном факте.

Каньон был полон воды.

— Да это же река, — воскликнул Эван. — Даже не ручек, а широкая, медленно текущая река, да причем значительных размеров.

Его спутники уставились на него. И Эже повернулся назад и посмотрел на своего друга, недоумевая, что явилось причиной его колебаний.

— Да, каньон наполнен густым воздухом. Ну и что? В чем проблема?

— Я не могу просто так пройти через это, вы же знаете, — ответил Эван.

Эже с удивлением посмотрел на него.

— Не можешь?

— Мы забываем о сущности энергетической системы нашего спутника, — заявил библиотека. — Его дыхательные пути рассчитаны на передвижение по ним газа, но не жидкости. Иначе он не выживет. Погружение в жидкость вызовет затруднения для поступления воздуха.

— Но ведь можно вместо воздуха пользоваться этим густым газом, — возразил библиотеке один из докторов.

— Я не рыба, если вы это имеете в виду, — сообщил Эван. — Боюсь, что я могу жить, используя только легкий газ, негустой воздух.

— А не могли бы вы выключиться на какое-то время? — предложил один воин. — Мы перенесли бы вас через каньон, пока вы будете отключены.

Эван покачал головой.

— Просту прощения. Мне очень жаль, но если существо моего типа выключить, это останется навсегда, процесс необратим, — вздохнул он.

— Как неудобно, — проворчал другой воин.

— Я согласен, но боюсь, что тут уж ничего не поделаешь. Таково реальное положение вещей.

— Я уже встречался с этим раньше, — Эже взглядом измерил ширину реки. — Если органосиликатному существу хотя бы на какое-то время перекрыть поступление газа, оно умирает. Мне следовало бы вспомнить об этом раньше.

— Органосиликатные жизненные формы не обладают такими же способностями, как и мы, — прибавил библиотечарь. — Для них выключение и смерть означают одно и то же.

Каждый начал рассуждать над создавшейся проблемой, хотя это была проблема одного Эвана, и он знал об этом. Поскольку у его спутников не было ни нужды, ни необходимости в постоянном обеспечении кислородом, они, без сомнения, могли пройти через реку, не обращая никакого внимания на воду, как будто бы ее там вообще не было. Для них это была просто более плотная часть атмосферы.

— Если бы со мной был мой прежний комплоект MBM, — прошептал Эван, — я просто переплыл бы через эту водную преграду.

— Переплыл бы, — Эже задумался над этими словами. — Как амарэкс, — произнес он.

По направлению к ним плыли неизвестно для чего предназначенные ряды ромбовидных форм. Каждая из них состояла из подушечек яркого оливково-зеленого цвета, наполненных красивыми розовыми цветами. Тут и там были видны отходившие от тычинок лепестки. Они были таких огромных размеров, что просто дух захватывало. Из каждой подушечки торчали прозрачные поплавки, поддерживающие эти довольно тяжелые цветы. Из середины подушечек высывался один тоненький лист, он быстро качался из стороны в сторону и, используя ветер, таким образом работал как пропеллер. За счет этого амарэкс двигался по реке.

— А не могли бы вы собрать несколько амарэксов, лечь на

них и с их помощью перебраться на другой берег реки? — спросили у Эвана.

Он задумался. Амарэкс выглядел достаточно прочным, но одно бревно подошло бы ему гораздо больше. Целлюлозных растений на Призме было достаточное количество. Часть таких плавающих созданий или их части часто выбрасывались на берег. Наверняка он сумел бы найти что-нибудь, что смогло бы выдержать его на воде. Его костюм весил не так уж много.

Главная проблема заключалась не в этом. Дело было в том, что он за всю свою жизнь никогда по-настоящему не плавал. И у него были довольно-таки смутные представления об этом процессе, а также о том, какие механизмы при этом использовались или какие движения совершались. Эван, однако, повидал достаточно много, чтобы осознать, какая большая разница между тем, когда плывешь сам или когда пользуешься техникой. Уметь плавать так, как амарэксы было недостаточно. Река — это вам не озеро. Ему пришлось бы бороться с течением. Значит ему для передвижения по воде требовалась дополнительная сила.

Не то, чтобы он никогда раньше не проводил время в воде. Несколько раз он совершал очень приятные поездки к океану Самстэда. Но при этом он, обычно, брал с собой специальный самообеспечивающий костюм, который поддерживал давление, напор, пищу, кислород и гарантировал полную свободу движений в окружающей среде. Никак иначе к океану и не ездили. Сама мысль о пересечении водной среды без защитного костюма в месте, где глубина была достаточной, чтобы покрыть человека с головой, была ужасной. Он знал, что влечет за собой плавание. Различного рода спортивные соревнования в других, не сильно продвинутых вперед мирах, вызывают радостный трепет. Но для Эвана было привычно использовать вместо собственных физических сил какое-нибудь устройство. Он даже и не мечтал о том, чтобы попытаться преодолеть водное препятствие без чего-нибудь, что удерживало бы его на плаву. Но в этой ситуации у него не было выбора. А если и был, то безрадостный: попытаться плыть или ему суждено было утонуть.

Эван оставил своих компаньонов на берегу, с удивлением следящих за ним, и поплыл к тому месту, где на воде плавали

амарэксy. Они стояли в молчании, с нетерпением ожидая его возвращения.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил наконец второй врач.

— Он довольно умен, и у него хорошие намерения, — библиотека и врач разговаривали с помощью коммуникационных усиков, поэтому их разговор не был слышен посторонним. — Но физически он очень несовершенен. С первого взгляда кажется просто невероятным, как такие хрупкие формы сумели столь многого достичь. Особенно сильно я был удивлен, когда узнал, что они находятся в такой большой зависимости от различных искусственных приспособлений. Просто невероятно, насколько неадекватны его тело и ум. Несовершенство тела способствовало развитию его мозга.

— А я удивлен высокой степенью способности к адаптации, которую он нам продемонстрировал, — врач продолжал методично чистить некоторые свои конечности: процедура, которая никогда не прекращалась. Это нужно было не для санитарии, а для поддержания работоспособности, или эффективности. Ведь кремний не мог быть местом распространения инфекций.

— Эван гораздо более многосторонен, чем многие из нас, — добавил Эже, подключившийся к этой дискуссии, — как он уже продемонстрировал. Смотрите! Он возвращается. Он нашел что-то, что поможет преодолеть его физическое несовершенство. Не говорите о нем в его присутствии. Это будет ему неприятно. Я обнаружил, что он очень чувствителен к таким вещам. Я подозреваю, что эта черта свойственна вообще всем представителям его вида.

— Чувствительность к реальности?

Да, этому врачу нелегко давалось преодоление уже давно сложившихся представлений на вещи. Ему трудно было признавать все эти странные явления.

— Мы имеем дело с нормальным существом, — поспешил вмешаться Эже. Второй врач и библиотекарь вздрогнули одновременно. — Я понимаю к чему вы клоните, — быстро выговорил Эже, обращаясь к своим друзьям.

— Это должно сгодиться, — и Эван показал какой-то неизвестный органосиликатный каркас, состоявший из целой

серии соединенных друг с другом яйцевидных форм. Он нашел их в небольшой бухточке. Эван связал эти фигуры вместе, используя для этой цели волокна тонкого гибкого растения, которое росло в реке.

Прежде всего он разместил свою грудь напротив центрального узла и испробовав это средство на прочность в том месте, где было достаточно мелко. Когда стало совершенно ясно, что эти яйцевидной формы фигуры спокойно выдерживают его, он поболтал ногами, и с удовольствием обнаружил, что благодаря этому движется вперед.

— Наконец-то проворчал один из воинов.

Эван мог не только разговаривать со своими друзьями, которые в это время уже вошли в реку и сейчас шагали по ее дну. Он мог также и видеть их, потому что вода была довольно прозрачной. Они маршировали прямо под ним. По краям для защиты шли воины, а впереди, как всегда, находился разведчик.

— Все хорошо? — мысленно спросил у своих друзей Эван.

— Дно здесь немного рыхлое. Хорошо, что вода такая прозрачная.

— Это хорошо, потому что вы видите путь и знаете, куда идти.

— Нет. Это хорошо, потому что через прозрачную воду до нас доходит солнечный свет.

Если бы вода не была прозрачной, его друзьям пришлось бы плохо. А для него это не имело такого значения. Мутная вода не беспокоила бы его, если бы у него были жабры.

«Мы хорошо дополняем друг друга, — думал Эван. — Мы друзья. А надолго ли? На тему возраста разговоры еще не велись. Изнашивались ли их внутренние компоненты, как у других живых существ или они их просто заменяли со временем? Меняли с помощью врачебного вмешательства? И сохранялась ли при этом память?» Он понятия не имел, как долго функционирует мозг на кремниевой основе, не деградируя.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, что, может быть, Эже, библиотекаря, врачам и другим старшим членам ассоциации уже больше тысячи лет. Невероятно? — Да. Невозможно? — Нет. А что если они живут уже хотя бы две или три сотни лет? Что случилось бы, если бы такие умные и хорошо

адаптирующиеся создания имели бы допуск к высокой технологии? Они ничего не сообщили о своих достижениях. Если они могли создать способ общения посредством мышления без использования речевого аппарата, употребив для этого изобретения лишь собственные тела, что они могли бы достичь, если бы у них были технические средства? Могли бы они создать компьютер?

Эван видел, что государственная технология на Призме приводилась в жизнь под строгим контролем. Осторожность стала ключевым атрибутом и его компании.

А тем временем ему предстояло преодолеть еще более, чем пол-реки, и следовало бы сосредоточиться на движении своих ног, иначе его ждали не очень приятные перспективы в будущем.

Эван был вполне доволен собой, сознавая, что практически сам проплыл такое расстояние по реке, не пользуясь при этом мотором, который был в его прежнем костюме. Мышцы его ног проделали всю жуткую работу сами, да, да, те самые мышцы, которые были не в состоянии выполнять то, что от них требовалось, когда Эван только высадился в этом мире. Его ноги окрепли в результате прогулок, которые он здесь совершал.

Обитателям Самстеда не требовалось делать никаких упражнений. Зачем тратить время и калории на такой примитивный вид деятельности? В сутках и так очень мало часов, когда мы не спим и можем заниматься умственной работой. Все, что вам захочется сделать, любой вид активной деятельности, на открытом воздухе например, — всем этим можно было бы заниматься, не отвлекаясь на такие глупости. Для всего существовали специально разработанные костюмы: были костюмы для полетов, для ныряния, для скалолазания и длительных забегов. Физическими упражнениями занимались только слабоумные.

Без сомнения, отсутствие физической подготовки способствовало различным катастрофам и бедствиям. Из всего этого Эван развил целую теорию, которую собирался сообщить своему директору по возвращении. В определенных случаях, казалось, были весьма веские причины для того, чтобы использовать наше собственное тело не только в качестве передвижного хранилища мозгов.

Пока Эван размышлял обо всем этом уже три четверти водного пути были позади. Но Эван и не собирался расслабляться. Наоборот, ему начинали нравиться упражнения. Поскольку его костюм не был водонепроницаемым, вода давно уже просочилась сквозь него. Другой, белый костюм, тоже промок, и кожа Эвана стала влажной. Эван чувствовал тепло, как если бы принимал ванну. К тому же теплая вода действовала успокаивающе, как и не сильное течение, и мягкий бриз, который осторожно колыхал поверхность реки. Эван чуть было не заснул. Но сигнал Эже быстро вывел его из дремотного состояния.

— Эван, у нас здесь внизу проблемы. Эван!

Он поморщился. Не только его тело, но и сознание куда-то плыло. И вот его оторвали от приятных мыслей.

— Какие еще проблемы? — Задав этот вопрос Эван начал всматриваться вниз.

Яркие цвета спутников исчезли из его поля зрения. Он мог разглядеть лишь песчаное дно, находившееся на шестиметровой глубине под его свисавшими в воду ногами.

— Где вы? Я вас больше не вижу.

— За тобой, я думаю.

Эван начал разворачиваться, гордясь тем, что может совершать этот морской маневр. Затем он поплыл обратно к середине реки. Время от времени он проглядывал дно. Когда Эван перестал бултыхать ногами, остановившись в четвертый раз, то замер от ужаса.

Дно исчезло.

Вместо дна появилось что-то огромное и черное. Течение качало из стороны в сторону ресницы этого существа, но оно оставалось на месте, удерживаясь за счет других ресничек, расположенных по бокам. Оно лежало внизу, извиваясь как огромное покрывало.

— Я вижу что-то под собой, — подумал он «громко». — Оно покрывает значительное пространство. Это — самая гибкая силикатная жизненная форма которую я когда-либо видел.

— Это существо схоже с вашим типом. Внутри него есть скелет, — проинформировал Эвана Эже. Как видно, это животное не представляло трудностей для связей со

спутниками Эвана. — Мы видели, как оно плескалось на берегу.

— Это первый грампион, которого я вижу, — прибавил библиотека. — Мы всегда раздумывали над тем, как они охотятся. Ведь эти существа не находятся на солнце ни на протяжении жизни, ни после смерти. Теперь я все понял. Они просто перекрывают жертве доступ солнечной энергии и ждут, пока добыча умрет.

— Это существо кажется мне не очень плотным. Разве вы не можете проложить себе путь через него?

— Его внутренности чертовски крепки, — говорил один из бойцов. — Он нам не по зубам.

— Оно наблюдает за нами, ждет, когда мы потеряем способность двигаться, — сказал Эже.

— Оно смотрит и на меня — подал голос Эван. — Интересная конструкция глаз, они очень подвижные.

Удивительно подвижные, думал он, а в это время второй глаз, затем и третий появились из мрака и уставились на него. Золотистые глаза на фоне черного морщинистого тела. Эван крутился вокруг, рассматривая его со всех сторон, а глаза грампиона двигались по черной поверхности, неотрывно глядя на Эвана.

Оно было не менее двадцати метров в поперечнике, не считая других, возможно, невидимых частей, обволакивающих его друзей. Должно быть, оно медленно душит их, именно душит, хотя в несколько ином смысле этого слова — лишает их не воздуха, а света.

— Мы сводим наши действия к минимуму, насколько это возможно, чтобы сохранить наши силы — сказал Эже. — Если бы не наши новые батарейные органы, мы были бы уже в большой опасности.

— Может быть, когда оно убедится, что ты не собираешься выползать наверх, то подумает, что ты не фотофор, и уберется, оставит тебя в покое.

— Не думаю, что все так просто. Похоже, оно не собирается уходить, оно будет оставаться здесь сколь угодно долго. Если мы не избавимся от этой напасти до сумерек, у нас кончится запас энергии, а когда мы уже будем впотьмах, то окажемся совсем беззащитны.

— Если ничего нельзя сделать, то надо делать хоть что-нибудь, — мудро возвестил библиотека.

Может быть, и так, но что же делать? Если воины не смогли освободиться, то что он, Эван, сможет сделать с этой громадиной? Он даже плавать не умсет без спасательного пояса.

Хороший удар мог бы несколько обескуражить и испугать это чудовище, тогда оно, может быть, занялось бы поисками более податливой жертвы. Множество больших камней лежало на обоих берегах реки, но Эван не сможет один доплыть с тяжелым камнем до середины речного потока, он утонет без всякого сомнения.

Библиотека, однако, предложила замечательный выход из положения.

— Не обязательно нужен камень. Существует другой, более подходящий в этой ситуации метод нанесения требуемого удара. У нас имеется нечто, чем легко маневрировать в данной позиции.

— Что же это такое?

— Ты сам. Ведь ты достаточно велик, и тяжелее всех нас. Если ты ударишь грампиона как следует там, где он менее всего ожидает, то он, без сомнения, ретируется прочь от неожиданного нападения.

Эван задумался. Это была неплохая идея, вполне здравая, а если не получится, тогда можно будет попробовать что-нибудь другое. Но было одно препятствие.

— Но это значит, что мне придется окунуться с головой в воду. Без всякой защиты.

— Ты можешь пробыть под водой без воздуха некоторое время, я знаю, — сказал Эже.

— Всего одну-две минуты. Что будет, если грампион не смоется, а засосет меня на дно, как тебя? Не буду же я сидеть на дне и ждать, пока ему надоест держать меня. Я утону, мои легкие пропитаются водой.

— Одного хорошего удара должно быть достаточно, чтобы заставить его отступить, — сказал библиотека.

— Должно быть, а если не будет достаточно?

Библиотека не ответил, но Эван и не ждал ответа. Если он каким-то способом не освободит своих компаньонов из объятий грампиона, все они погибнут.

Если порядочность — это закон чести — так почему они, черт возьми, не дают тебе принимать легкие и простые решения, а постоянно осложняют жизнь?

Так он ворчал и проклинал все на свете, пока плыл к месту, под которым просматривалась черная морщинистая масса. Насколько сильно это чудовище? Чем больше он об этом думал, тем меньше видел смысла в своих попытках бороться с ним.

— Отвлеките его, если оно вдруг полезет ко мне. — Чей это голос? Неужели это голос Эвана, храброго Эвана Орджелла.

— Мы сделаем все возможное, — ответили воины. — Как для члена Ассоциативы.

— Я не член Ассоциативы. Я сделан на углеродной основе, и дышу воздухом, а не светом, я не фотофор.

— Это не имеет значения, — сделал замечание библиотека. — Ассоциатива — это организация единомышленников, а не стая существ с одинаковой суперструктурой.

Разводить философию не было времени. Примериваясь, как бы половчее ударить грампииона по спине, он отстегнул спасательный пояс. Когда-то Эван видел картинки с изображением ныряющих людей вокруг кашалота, и теперь вспоминал их.

Сделав несколько глубоких вздохов и выдохов, он нырнул и стукнул грампииона обоими кулаками. Всплывая, ударил чудовище ногой, этот удар получился лучше.

Реакция была энергичнее, чем он ожидал. Черная масса всколыхнулась, Эван закувыркался в бушующих волнах, полностью потеряв ориентировку. Вдруг вместо мрака он увидел под собой светлый речной песок.

Мрак отступил. Эван барахтался, дико молотя руками и ногами по воде, но вскоре вспомнил прочитанные когда-то инструкции, заставил себя успокоиться, и поплыл по течению. Осмотревшись, он начал грести к берегу.

Ему не хватало воздуха, легкие работали изо всех сил, готовые, казалось, разорваться. Спасательного пояса нигде не было видно. Эван сообразил, что это барахтание каким-то образом держит его на поверхности, он не тонет, но в желаемом направлении почти не продвигается. Неумело шлепая по воде конечностями, Эван мучительно медленно приближался

к берегу, и никак не мог вытрясти воду из выпуклых солнцезащитных очков.

— Оно ушло, — голос Эже был полон энтузиазма. — Оно покрывало нас, словно ночь над каньоном. Ты не ранен?

— Нет. Странно, что оно смылось так быстро. — Эван заметил своих товарищей, движущихся по дну реки.

— Ты, оказывается, умеешь плавать.

— Мне трудно плыть. Но мы, люди, немного легче воды, мы сами состоим в основном из воды. Как мне удастся плыть, сам не понимаю?

— Мы будем рядом.

— Это неплохо, когда я утону, вы как раз поймаете меня. — Больше он не мог говорить, все силы уходили, чтобы не утонуть, как-то удержаться на воде. Не удивительно, что мудрые граждане Сэмстеда предпочитают избегать этого сомнительного удовольствия. Подумать только, ведь жители некоторых миров почитают это за развлечение.

Наконец, он выбился из сил. Эвану не достичь берега, все его усилия напрасны, вскоре он пойдет ко дну. Неожиданно что-то поддержало его снизу. Это был Эже. Разведчик стоял на бойце, тот на другом бойце, другой на третьем. Так они несли Эвана до мелководья, где тот уже сам смог принять вертикальное положение и выбраться на берег. Выбравшись, он, тяжело дыша, свалился в изнеможении.

Его товарищи столпились вокруг, глядя на стекающую с него воду. Лежа на солнце, Эван впервые радовался их горячему вниманию. Долго, однако, сохнуть было нельзя — мог появиться загар, что для жителей Сэмстеда было явлением чуждым и непристижным. Эван не хотел загара.

— Ты поступил достойно, — похвалил библиотека.

— Мне некогда было бояться, — Эван взглянул мимо библиотеки, и его лицо нахмурилось. — Что случилось с собирателем?

— Он серьезно травмирован во время бегства грампииона. Больше никого не задело.

Даже на неискушенный взгляд Эвана было видно, как сильно было истерзано это существо. Один бок был распорот, оттуда виднелись внутренности, непонятные биологу и любопытные для инженера.

— Он умирает?

— Ну что ты, нет, конечно, — спокойно сказал Эже.

Два врача советовались с процессором, собираясь починить поврежденного товарища.

Эван спросил у недвижимого собирателя:

— Тебе больно?

— Что такое боль? — голос был медленнее, чем у разведчика и библиотеки.

— Ты не чувствуешь боли? Каких-нибудь неудобств?

— Есть сознание того, что тело повреждено и нуждается в ремонте. Плохо, что утрачены некоторые функции тела. Ты это имеешь ввиду, Эван?

— Не уверен, — засомневался Эван. Поскольку врачи уже были готовы к операции, он обратился к Эже: — Послушай, я не хочу вторгаться в чью-либо частную жизнь. Может быть, я пока побуду в лесу?

— Какие у нас могут быть тайны от члена Ассоциативы?

— Но я не член...

— Член. Ты стал членом Ассоциативы с тех пор, как твои знания помогли нам изгнать Ввакоритов.

— Но никто не сказал мне об этом.

— Об этом не обязательно говорить. Хотя мы не избирали тебя, но ты сам сделал себя членом Ассоциативы. Мы думали, что ты сам мог понять это.

— Как видно, я немного бестолковый.

Эже наблюдал как работают врачи.

— Кроме того, мы очень обязаны тебе.

Эван потер висок.

— Ты имсешь в виду коммуникатор? Пустяки.

— Это не пустяки. И это, и то, что ты чувствуешь, что ты думаешь, что ты сделал для нас.

— Вы оказали мне большую честь, я, наверное, должен поблагодарить всех?

— Лучше помолчи, мы консультируемся, — сказал врач не оборачиваясь.

Эван, смутившись, умолк. Писк высокой частоты щекотал его уши. Писк был направлен на собирателя, лежащего на боку, и Эван догадался, что это была электронная анестезия, с которой он был немного знаком. Незнакомым и новым были

узкие и мощные пучки света, исходившие из области рта у каждого из врачей, пучки освещали внутренности их подопечного. Врачи работали быстро. Они были соединены между собой тонким коммуникационным кабелем. Им помогал процессор, поставляя материал для изготовления недостающих органов. Все трое работали как одно целое, четко и эффективно.

Так они чинили собирателя, производя недостающие части тела внутри своих тел, и вставляя их затем в нужные места. Задача, для решения которой понадобились бы усилия тысяч людей, решалась этими тремя инопланетянами, работающими, к тому же, без инструментов. Несколько часов они работали, передвигаясь все это время не более, чем на несколько сантиметров. Как ни был утомлен Эван, но не мог оторваться от этого захватывающего зрелища. Ему хотелось спать, и он прилег на песок. Утомительное плавание, битва с чемпионом, или же снотворное действие высокочастотного писка врачей сделали свое дело, и Эван крепко уснул.

Засыпая, он увидел, как Эже о чем-то спорит с первым врачом, но, может быть, это уже был сон, а не явь.

12

Он проснулся с пульсирующей головной болью. Спал он очень долго, операция, должно быть, уже кончилась. По солнцу он понял, что проспал всю ночь и утро. Был уже полдень. Его заботливые друзья не стали будить Эвана, дали ему выспаться как следует, а теперь, наверно, терпеливо ждут, когда он проснется, чтобы вместе продолжить путь. Эван встал, потянулся и увидел Эже. Или это не Эже?

Очень похож, но что-то изменилось. Раньше Эже был синим. Эван не помнил, чтобы раньше на нем были эти красные и зеленые пятна, которыми теперь усеян его друг. Местами красный цвет переходил в желтый, сияя где ярче, где слабее.

— Эже, что случилось с тобой?

— Я же говорил им, — голос его друга был немного печален, — что ты не будешь знать, как реагировать.

— На что реагировать? — Эван повернулся к лесу и отпрянул — лес кишел крошечными ползающими и пляшущими существами, которых еще вчера не было. Даже воздух, казалось, был наполнен этой новостью откуда взявшейся живностью.

Голова все еще болела. Эван приложил руку ко лбу. Солнцезащитных очков, подаренных ему Эже, не было. Тем не менее, Эван видел хорошо, несмотря на ярчайший свет Призмы, несмотря на слепящие блики флоры, как будто и не было всего этого ослепительного блеска.

Наверно, сегодня пасмурный день, решил Эван. Запрокинул голову и посмотрел в небо, но облаков не было. Раньше, сделав так, он упал бы, обливаясь слезами из ослепленных глаз. Сейчас было все иначе. Эван заметил, что на него смотрят — воины, библиотека, врачи и только что отремонтированный собиратель. Все уставились на него, как на диво. Тишина, в которой они созерцали Эвана, была красноречивее слов.

Глядя на Эже, он медленно произнес:

— Что ты имел в виду, когда сказал, что я не буду знать, как реагировать? — но друг молчал, и тогда Эван обратился к врачам: — Что вы со мной сделали?.

Те тоже молчали.

Эван вышел из круга обступивших его товарищей и подошел к опушке леса. Здесь в тени росли небольшие кустики. Из-под их прозрачной коры торчали стекловидные стебли, на кончиках которых блестели причудливые цветы в форме плоских шестигранников. Эван сорвал один такой цветок и посмотрелся в него, как в зеркало.

Если не считать отсутствия очков, все было без изменений — на него смотрело озабоченное лицо Эвана Орджелла. И что-то все же было не так. Но что именно, трудно было понять. Нечто неуловимое и, тем не менее, существующее. Он смотрел на это нечто, и не замечал.

Конечно же! Его коричневые глаза стали фиолетовыми! Это было бы невозможно, если бы не контактные линзы. Эван улыбнулся. Это врачи постарались. Они заменили не вполне удобные очки на маленькие и хорошо подогнанные контакт-

ные линзы. Подогнаны настолько хорошо, что Эван даже не чувствует их. Он осторожно протянул палец, чтобы потрогать линзы.

Едва коснувшись зрачка, он моргнул. Линз не было. Головная боль не унималась. Эвана начинали терзать сомнения.

— Что вы сделали со мной? — спросил он настойчивее. — Вы закапали мне что-то в глаза, чтобы я мог видеть без солнцезащитных очков? И это изменило цвет радужной оболочки моих глаз.

— Не совсем так, — сказал первый врач, подходя к Эвану. — Мы решили, что можем помочь тебе. Мы хотели избавить тебя от этого неуклюжего приспособления, которое ты вынужден был носить на глазах.

Эван сел, положил подбородок на колени, и воззрился на врача.

— Каким образом вы это сделали? Поскольку линз нет, наверно это капли. Сколько времени они будут действовать?

Эван посмотрел на лес, теперь он мог видеть дальше, чем раньше. Яркие вспышки поблескивали на деревьях, ранее казавшихся мертвыми. Новый мир открылся теперь его взору.

— Я вижу теперь, наверно, как и вы, в ультрафиолетовом и в инфракрасном диапазонах спектра в добавок к видимому, верно?

— Я не знаю, что ты называешь видимым спектром, — ответил первый врач. — Но наши исследования показали, что ты был частично слепым. Мы знали, как это исправить, и, кроме того, дать тебе возможность хорошо видеть при дневном свете без утери способности видеть в сумерках. Ты доволен?

— Это хорошо, конечно. Но отчего же у меня болит голова, может быть от капель?

— Капель? Что такое капли? — спросил второй врач. Эван улыбнулся. — Это то, что вы закапали мне в глаза.

Врачи переглянулись.

— Мы не применяли капель.

— Вы вставили мне линзы? Как их протирать?

— Я говорил вам, — сказал Эже врачам, — я же говорил...

— Твой организм сам будет чистить их, — сообщил Эвану второй врач. — Во всяком случае, так должно быть.

— Эван, ты не должен извлекать их, — предупредил Эже.

— Твои старые линзы были несовершенны, как я уже объяснял тебе, — начал втолковывать Эвану первый врач. — Поэтому мы заменили их

— Я вижу, — кивнул Эван на очки, лежащие неподалеку.

— Нет, твои прежние линзы здесь — Первый врач достал из полости внутри себя пару небольших поблескивающих предметов. Овальные, если смотреть сбоку, круглые спереди.

Эвана затрясло. Он отвернулся, не в силах смотреть на такое. Несмотря на яркое солнце, его прошиб холодный пот. Правда, боль в голове уже почти утихла. Эван испугался за свои глаза.

— Это оказалось не так сложно, как нам казалось поначалу. — Не замечая переживаний Эвана, врачи как будто обсуждали ремонт несложной кухонной утвари. — Мы достаточно хорошо изучили органы мягкотелых существ. Мы всего лишь заменили ваши несовершенные линзы на новые, лучшие, а также внесли некоторые усовершенствования в устройство обработки изображения, которое находится за линзами.

— Вы что-то сделали с палочками и клубочками? — бормотал Эван. — Что-то сделали, и теперь я вижу не только видимый спектр...

Осторожно ощупывая вокруг глаз, Эван думал: «А что, если бы у них не получилось? Я бы проснулся слепым!»

— Ты должен больше доверять нам, — подал голос библиотека. — Эти врачи из самых искусных.

— Твои глаза имеют довольно простую форму, и очень похожи на то, что мы уже когда-то изучали, — успокаивал его второй врач. — Модификация была не слишком существенной. И мы в любой момент можем вернуть на место твои прежние глаза, как только пожелаешь.

Не существенной... Господи, что еще они могут сотворить? Какие еще операции, Господи, ты им позволишь?

Первый врач поближе подошел к Эвану.

— Мы посвятили немало исследований этим проблемам. Если хочешь, мы можем...

Эван поспешно запротестовал:

— Нет, нет, что ты, вы и так сделали для меня более чем

достаточно! А ты уверен, что вы сможете вернуть мне прежние глаза?

Врач снова достал старые глаза Эвана.

— Разумеется, поэтому я и сохранил их. — И жестом, достойным самого закоренелого сюрреалиста, опустил их обратно в небольшое отверстие в своем теле.

— Я все же надеюсь, что ты захочешь остаться с твоими новыми линзами, — вмешался второй врач. — Было бы жалко пустить по ветру такую замечательную работу.

— Я подумаю над этим, — заколебался Эван. — Но обещайте мне больше не делать ваших экзотических усовершенствований. Даже если эти усовершенствования необходимы с вашей точки зрения. Обещаете? — Врачи дали слово, но, как показалось Эвану, крайне неохотно.

— А если мы предупредим тебя заранее о наших благих намерениях, ты согласишься на операцию? — спросил второй врач.

— Ради Бога, — взмолился Эван, — никаких операций. Тем более, в то время, когда я буду спать!

Они пробирались сквозь лес, оставив реку далеко позади. Дело шло к вечеру. Эже, шедший впереди, вернулся назад к группе, поднялся на задние ноги и прислушался.

— Что случилось? — спросил библиотека.

— Я думаю, он хочет посоветоваться с нами, чтобы мы подтвердили или опровергли его опасения.

— Какие опасения?

— Что-то надвигается на нас. Очень грубые сигналы, исходящие от этого объекта, свидетельствуют о его низком интеллекте.

Вместе с остальными товарищами Эван начал прислушиваться и присматриваться к окружающей растительности. В этом месте леса чисто кремниевая растительность почти полностью подавила кремнийорганику. Пучки стекловидных стеблей всюду поднимались вверх, и лишь кое-где среди них пробивались толстые коричневые арки, на верхушках которых росли огромные переплетающиеся фоторецепторы.

Эван резко повернулся налево.

— Там, кажется я тоже слышу что-то. — И тут раздался громкий треск.

Врач, находившийся рядом, начал нервно оглядываться.

— Но я ничего не слышу.

До Эвана дошло, что друзья, по-видимому, не слышат звуки низких частот, поскольку настроены на радиочастоту, служащую им для связи между собой. Странное существо с шестью крыльями, по три на каждом боку изящного кремниевого тела, выпорхнуло из леса. Оно не нападало, да и вообще не обращало внимания на путешественников. Чувовище было ярко розовое с желтыми полосками.

За ним взлетело еще несколько столь же причудливых существ. А затем и весь кремниевый зоопарк пришел в движение: все побежали, покатались, полетели на восток. Эван не успевал разглядывать всевозможные разновидности убегающих диковинных тварей. Все они отчего-то убегали. Эже тоже понял это.

— Может быть, нам тоже лучше побежать с ними? — начал паниковать Эван. — Бежать назад к реке.

— Бессмысленные порхания не являются для интеллектуала достаточным основанием для паники, — съязвил библиотека. — Мы не должны отступать, пока нет реальной угрозы.

Не было необходимости добавлять, что ни Эван, ни врачи не были приспособлены к быстрому бегству. Эван пытался рассмотреть хоть что-нибудь сквозь густые заросли. Пожара, похоже, нет, не видно ни дыма, ни огня. Вдруг слева от него упали два гигантских кремниевых дерева. Густая жидкость потекла из разломов. Глаза Эвана расширились.

— Это шерван! — закричал библиотека.

С тех пор, как появилась Призма, Эван встречал множество самых фантастических форм жизни, но сейчас его взору предстало доселе невиданное. Это были длинные и толстые щупальца, покрытые непрозрачными оболочками, их можно было назвать шеями с челюстями. Каждая такая шея имела на торце пасть с несколькими вращающимися рядами зубов. Эван насчитал двенадцать щелкающих хищных щупалец-шей с челюстями, объединенных одним телом в виде серой глыбы, не имеющей ни глаз, ни ушей, ни каких-либо других органов

чувств. Чудовище передвигалось на конечностях, похожих на гусеничный механизм, и эти гусеницы вращались с бешеной скоростью, неся чудовище с невероятной быстротой.

Прежде, чем Эван и его спутники успели разбежаться по сторонам, один из воинов был схвачен мощной пастью чудовища. Она зажала его железной хваткой, а две другие пасти тут же с двух сторон начали грызть бойца, корчащегося и извивающегося. Боец был растерзан на куски, но все же успел прогрызть своими зубами одну из шей.

Эван спрятался за деревом, но не заметил, как еще одна длинная шея схватила его пастью. Зубы шервана прогрызли скафандр и вырвали кусок живота. Ошеломленный Эван увидел свои кишки.

Подскочивший боец начал быстро точить зубами шею чудовища, во все стороны полетели кремниевые стружки. Шея отпустила Эвана и набросилась на бойца. Превозмогая боль, Эван побежал прочь с зияющей дырой в животе. Шерван с демонической быстротой нагнал его и ударил в спину. Затрещали кости. Отпущенный чудовищем боец снова бросился на выручку, и на этот раз ему удалось перерезать адскую шю.

После таких ран человек может жить лишь короткое время, пока еще жив мозг. Последнее, что помнил Эван — чувство падения в бездну. Теперь он лежал в полубессознательном состоянии, пытаясь понять, что произошло.

Шерван, кажется, ушел. Потеряв одно то ли щупальце, то ли шею, он, наверное, пошел искать более подходящую жертву. Первый врач обрабатывал многочисленные раны бойцов. Один боец был почти убит и большей частью съеден, другие отделались более легкими повреждениями.

Эван, к сожалению, был сделан из мяса и крови.

Его нашли в траве, лежащим недвижно там, где он упал от удара шервана. Врачи разрезали и сняли с него скафандр. Их познания в устройстве органических существ подсказывали им, что раны очень серьезны.

Во избежание проникновения инфекции второй врач покрыл раны Эвана тонкой прозрачной пленкой, обладающей антисептическими свойствами. Раны под пленкой заполнились кровью. Даже бойцы поняли — без серьезного

хирургического вмешательства их непрочный товарищ из органического мира не протянет и до вечера.

Начались срочные консультации. Этот самобытный насос, качающий красную жидкость сквозь весь организм, был полностью испорчен, но пока еще судорожно и неритмично работал. То же можно было сказать о двух зеркально симметричных воздушных насосах. Расположенные ниже устройства, служащие для проведения некоторых химических реакций, были раздавлены. Эван потерял сознание с мыслью о том, что все кончено, ведь с такими ранами выжить невозможно.

А в это время его товарищи бесстрастно обсуждали предстоящий ремонт Эвана.

— Это будет любопытно, — поделился впечатлениями библиотека, — мы никогда раньше не ремонтировали органические существа, поврежденные до такой степени.

— Ему это может не понравиться, — оторвался Эже от процессора, поворачиваясь к врачам.

— У него нет выбора, — констатировал библиотека, — и у вас тоже. Если вы не почините его сейчас же, он умрет. Вы посмотрите на это месиво. Вы же знаете, сколь хрупки органические системы. Надо срочно принимать меры.

— Я догадываюсь, как он будет потрясен, когда придет в себя, — пробормотал разведчик.

— Давайте обсудим это после, когда он придет в сознание, — сказал первый врач. — Пока мы будем думать и гадать, как он к этому отнесется, он умрет, и уже никогда не сможет удивляться. — Врач повернулся к органическому телу. — Это займет некоторое время. Начнем с насоса для жидкости.

Второй врач не возражал. Тонкие кремниевые щупальца протянулись к красному органу, уже едва бьющемуся...

Сквозь тьму слышалось слабое жужжание. Эван открыл глаза.

Он лежал на спине, над ним склонились лица, вернее произведения скульптора-абстракциониста. Скульпторы удалились, кроме двух. Эван узнал Эже и первого врача.

Постепенно Эван пришел в себя, вспомнил нестерпимую боль от безжалостных зубов шервана, вырванные из тела куски, брызги крови. Он вспомнил, как видел собственные кишки, вырванные чудовищем из своего распоротого живота. Он вспоминал все это так, как будто он лишь посторонний наблюдатель, а не жертва жуткого побоища.

Эван вспомнил о смертельных ранах, полученных от шервана. Почему до сих пор жив — после таких ран? У него было ощущение, как будто по нему несколько раз проехали большой и тяжелой машиной. Внутренности болели, но это и означало, что он жив. Остальное, кажется, в порядке, в том числе и коммуникационное устройство, вживленное ему врачами. Он был уверен в этом, так как четко расслышал, как Эже обратился к товарищам.

— Все работает нормально, — сказал им разведчик.

— Да, я пока работаю, — пробормотал Эван мысленно, — но почему я все еще жив, и могу разговаривать с вами?

Конечно, он понял, почему: врачи поработали. Каким-то чудесным образом они сумели собрать его из кучи мяса, в которую его превратил шерван. Эван боялся осмотреть себя из-за страха увидеть, каким он стал. Это глупый, бессмысленный страх, — пытался он уверить себя. Ведь что бы там не было, это лучше, чем быть мертвым.

Эван поднялся, посматривая своими модифицированными глазами, глаза видели превосходно. Поскольку он мог видеть инфракрасные лучи, то заметил, что в животе его находится источник тепла и энергии. От нижней части живота и до шеи тело было покрыто прозрачной пленкой, а под ней виднелось нечто незнакомое и непонятное. Эван не мог оторваться взглядом от своего нового облика.

— Ты несколько удивлен? — поинтересовался первый врач.

— Вряд ли. — Второй врач подошел ближе и прикоснулся тонким щупальцем к правой ноге Эвана. — Мы не смогли восстановить прежнее покрытие, оно было слишком изорвано. Мы не можем регенерировать органические материалы, входящие в состав покрытия, называемого тобой кожей. Наших знаний не хватает для этого. Но мы сделали лучшее из того, что могли.

Эвану было не до разъяснений. Он был поглощен изучением нового себя.

Первый врач начал оправдываться:

— У нас не было выбора. Иначе ты бы умер. Ты умирал, а мы трудились над тобой. Мы сделали все, что могли. Другого выбора у нас не было.

— Я предупреждал вас, что он расстроится, — сказал Эже.

— Расстроен? — Эван уловил в своем голосе сварливые нотки. — Я знаю, что я умирал. Черт возьми, я должен быть мертвым. Я знаю, что остался жив только благодаря вашему искусству. Но я никогда в жизни не видал ничего подобного. — Эван смотрел задумчиво. — Знаете, есть у нас такое выражение: душа нараспашку. — Он осторожно надавил на прозрачную пленку, она оказалась гибкой и прочной. За ней Эван мог видеть свои живые внутренности.

Человек со слабыми нервами на его месте упал бы в обморок или сошел с ума. Но не Эван Орджелл. Он не из таких. Мир не хотел отпускать его, не давал ему умереть.

Первый врач жестикулировал длинным усиком.

— Мы решили, что это самый важный орган, поэтому заменили его первым.

Эван взглянул внутрь грудной клетки, там пульсировали два серебристых шара. От левого шара отходили пульсирующие пластмассовые трубки.

— Два насоса, один для жидкости, другой для газа, — сказал первый врач.

— Вот так дела!

— Ты сам можешь видеть, где мы заменили органические материалы. Заменили эти трубки, и еще кое-что.

Эван смотрел на новые вены и артерии, гибкие шланги из стекловидного блестящего материала. Они были полупрозрачными.

— Насосы причинили нам меньше хлопот, чем некоторые менее важные для жизни органы, расположенные ниже. Вот эти, — показал второй врач.

Эван посмотрел в ту сторону, куда показывал второй врач. На земле, аккуратно сложенные, лежали его прежние внутренности. Зрелище не для слабонервных. Эван пытался смотреть отстраненно, не принимая это близко к сердцу.

Из прежнего хозяйства у Эвана остался желудок, кишки были заменены трубками. Сбоку и немного ниже желудка виднелось нечто, похожее на ломоть хлеба. Присмотревшись внимательнее, Эван подумал, что печень и селезенка остались нетронутыми.

Второй врач повернулся к Эвану, продолжая говорить о куче внутренностей на земле.

— Они были слишком сильно повреждены. Для их ремонта потребовалось бы много времени. И вообще, твое внутреннее устройство удивило нас своим несовершенством. Органы, например, занимали слишком много места. — Врач усиком указал на один из лежавших не земле органов, это была печень. — Вместо этого мы сделали другое устройство, оно лучше накапливает и распределяет энергонесущие вещества в организме. — Голос врача имел оттенок юмора. — Ты помоги нам создать батарею для наших собственных тел.

— Это абсурдное устройство с газом и прочие устройства для снабжения организма энергией поражают, — добавил библиотека.

— Это простой прибор для выведения отходов метаболизма, — продолжал первый врач. — Меньше опасность загрязнить остальные части тела. Мы также установили одно выходное отверстие вместо двух, как было у тебя раньше. Нам показалось неразумным такое дублирование. Кроме того, устраненное нами отверстие могло влиять на тот метод, который у органических существ употребляется для размножения. Ты согласишься, я уверен, что новая конструкция более эффективна.

— Знаешь, — глубокомысленно сказал библиотека, — я никак не могу понять, зачем вам, органическим, нужно убивать и потреблять другие органические существа, ведь необходимые вам для жизни вещества можно добывать прямо из земли. Я думаю, твоя модифицированная метаболическая система сможет это сделать. Это будет эффективнее, ты сэкономишь время.

— Вряд ли я смогу есть грязь... — сказал Эван и подумал: «Хорошо, что они еще не вставили в тебя мигающие лампочки. Кто ты теперь, все еще человек, или уже нет? Может быть, Эже и другие считают, что ты стал похож на них?»

— Ты можешь встать? — спросил Эже.

Эван кивнул, уперся ладонями в землю и поднялся. Он думал, что задремлет, но пустые места внутри его тела были заполнены прозрачным антисептическим гелем. Остальные органы, как оказалось, тоже были уже не на углеродной основе.

Он не чувствовал голода — пока он спал, врачи накормили его через трубки. Не только его желудок, но и новый орган для хранения и распределения энергии были заполнены глюкозой и прочими веществами, необходимыми для метаболизма.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Эже.

— На десять килограммов легче. — Эван немного размялся, боли не было. Нагнулся и легко достал до земли пальцами. Он чувствовал себя превосходно, если не считать непривычного впечатления от прозрачного торса.

— Тебе повезло, что твои репродуктивные органы не пострадали от шервана, — подбодрил его второй врач. — Их, так же как и твой мозг, мы вряд ли смогли бы заменить на новые.

— Да уж, повезло. Мне хочется прыгать от счастья. — Эван представил себе, какой вид был бы у этих органов, если бы их коснулась фантазия его врачей.

— То, что вы сделали, потрясающе. Выбросили сердце, легкие и прочее, и сделали новые, лучше прежних.

— Их строение не очень простое, а мы раньше изучали лишь похожие органические системы, — заметил первый врач. — В конце концов, тело — лишь аппарат для перемещения мозга в нужное место. Разведчику удалось отговорить нас от дальнейших усовершенствований твоего тела.

Эван с благодарностью посмотрел на Эже.

— А какие усовершенствования вы хотели бы сделать?

— Во-первых, — начал второй врач, — мы хотели предусмотреть возможность замены твоей абсурдной системы окисления на такую, как у нас.

— Спасибо, — ответил Эван, — но самой вашей замечательной идеей было все-таки сделать мне прозрачную кожу, теперь каждый может с интересом разглядывать мои потроха.

— Мы можем заменить ее непрозрачной пленкой, и даже

подобрать такой цвет, как у твоей оставшейся естественной кожи.

— Только не теперь, ради Бога, как-нибудь в другой раз.

— Все сделано из прочнейших материалов, — сказал первый врач. — Процессор следил за этим. Из прочных, но мягких, чтобы не травмировать оставшиеся естественные органы.

— Вы спасли мне жизнь. Я очень благодарен вам. Пусть даже и были бы некоторые неудобства.

— Ты должен позволить нам заменить тебе всю систему энергоснабжения, — настаивал второй врач.

Эже заступился за Эвана:

— Оставь его в покое, Эван и так уже страдался, физически и морально. И все за одни сутки. Поставь себя на его место. Хотел бы я посмотреть на тебя, как ты проснешься одним прекрасным утром и вдруг обнаружишь, что вместо глаз у тебя мягкие органические шары, плавающие в углублениях, называемых глазницами.

— Какой кошмар!

Разведчик повернулся к своему отремонтированному другу.

— Ты пришел изучить нашу жизнь, но при этом, похоже, изучил ее ближе, чем тебе хотелось бы.

— Верно говоришь. Никак не ожидал столь близкого знакомства, — хохотнул Эван. Он понемногу привыкал к новому состоянию. — По возвращении я буду в центре внимания. Не хочет ли кто-нибудь из вас составить мне компанию?

Эван подумал о том, как он вернется с впечатлениями о врачах, оперировавших смертельно раненого человека, как врачи заменили безнадежно разрушенные органические органы на кремниевые.

— Вначале мы должны добраться до маяка, — напомнил Эже. — Может быть, твое мировоззрение изменилось вместе с телом?

— Нет. Я остался человеком, как и был. Изменилось только мое восприятие мира, — сообщил он доверительно Эже. — Одно лишь восприятие.

Ничего, что у него теперь искусственное сердце и легкие. Всего лишь разные методы хирургии. Команда органических

хирургов не смогла бы спасти его обычными человеческими методами.

Нижняя часть его скафандра сохранилась и была отремонтирована бойцами. Эван надел остатки скафандра, сожалея об утрате. Может быть, они смогут восстановить скафандр полностью.

— Мы близки к цели. — Эже заволновался, что для него было нехарактерно. Волнение Эже хорошо было видно. Эван знал, что Эже, когда волнуется, начинает слегка флюоресцировать. — Я слышу сигнал маяка.

— Я тоже, — сказал библиотека, — хотя мой слух не такой острый, как у разведчика.

Эван, как видно, был тут не единственным, думающим о предстоящей встрече. Если, конечно, они там кого-нибудь встретят.

Они поднялись на вершину крутого холма, пробираясь сквозь низкую растительность, как будто сделанную из топазов. С вершины холма они увидели внизу небольшую долину. Мартины Офемерт нигде не было видно. Было нечто совсем другое.

— Вот где находится твой маяк, — тихо сказал Эже. — Твоего товарища тут нет. Боюсь, он разделил участь других органических существ.

— Я никогда не видел такого за всю свою жизнь, — признался библиотека, хранящий все знания, накопленные членами Ассоциативы. — Я думаю, нам лучше уйти отсюда.

Эван жадно всматривался в долину. Там не было привычной кремниевой и кремнийорганической флоры. И даже места для нее не было. Вся долина была заполнена одним-единственным организмом, находящимся в непрерывном движении. Даже новые глаза Эвана не смогли заметить какой-либо закономерности в этом суетящемся хаосе невиданной буйной жизни, от которой рябило в глазах. Там и здесь высывались антенны из выпуклостей, многочисленные конечности всех видов цеплялись за любой открывшийся клочок земли или освободившейся растительности. Щупальца и лапы, усики и клешни...

Розовые полусферы висели колоссальными гроздьями, украшенные тонкими голубыми и зелеными полосками. Из этих

кровавых букетов торчали ромбовидные растения с черными вкраплениями, они пульсировали, как гигантские легкие. Многочисленные конечности двигались без всякого порядка и ритма.

— Хаос, — пробормотал один из врачей. — Как могла возникнуть такая чудовищная форма жизни, какой несчастный случай привел к этому безумию?

— Где же маяк? — подумал Эван, с ужасом догадываясь об этом, глядя на катастрофически агрессивную жизнь, невесть откуда взявшуюся в долине.

Эже показал на волнующееся море.

— Он погребен здесь.

— Твои опасения оказались не лишены оснований. Мартина мертва, — сказал первый врач. — Она уничтожена вместе с десятками других, непохожими на эту новую жизнь.

— Именно так. Смотрите, вон их останки, — Библиотека показал на поверхность вздыбливающейся массы, поднявшейся метров на тридцать над уничтоженной долиной.

— Да, — согласился врач, — там видны конечности котаров и эвиолов, они, как видно, все еще продолжают бороться.

— Оно поглощает свои жертвы, — прокомментировал библиотека. — Оно оставило их в живых и использует их. Это, наверное, и есть ответ на твой вопрос. Правильнее сказать, перед нами не одно существо. Здесь их сотни, объединенные некой страшной силой. Но в этом не видно никакого смысла, нет порядка, один лишь хаос.

— Ты хочешь сказать, что поглощенные хаосом существа остаются живыми? — Эван пытался уловить ход мыслей Библиотеки.

— Возможно, они остались в живых, но погибли как личности. Они не столько поглощены, сколько включены в общую массу, они кооптированы, если так можно выразиться.

— Но как могло возникнуть такое, кто управляет этим, если, конечно, оно управляемо?

— Не знаю. Может быть, это возникло как результат эволюции другого общества, ответ надо искать в истории этого хаоса... — Библиотека взглянул на Эвана. — Мы, повторяю, должны уйти отсюда. Твоей подруги уже нет, вернее, она

жива, но находится где-то в этой хаотической массе. Смотри, под ее тяжестью проседает земля.

— Возможно, мы видим не всю массу, — предположил Эже. — Часть массы может быть под землей.

Увы, не успели они вдуматься в смысл этих слов, как восемь гигантских кремниевых щупалец высунулись вдруг из-под земли рядом с ними. На концах щупалец были оранжевые мощные захватывающие приспособления, напоминающие пальцы.

Библиотека и врачи моментально оказались опутанными оранжевыми нитями, трех бойцов толстые и прочные нити окутали столь плотно, что те не могли пошевелиться и воспользоваться своими зубами. Эван попытался бежать, но тоже был схвачен. Их опускали в долину. Они были как муравьи в руках гиганта, и этим гигантом была заполнена вся долина.

— Кооптированы! — закричал библиотека, пытаясь вырваться из цепких объятий щупалец.

Они увидели, как на склоне холма открылось отверстие в ожидании их прибытия. В отверстии не было видно зубов, это было больше похоже на дверь. Ус длиной около метра перехватил их из оранжевых щупалец и втянул всех их внутрь.

Дверь закрылась за ними, крыша начала опускаться.

Быть раздавленными — не самый приятный способ уйти из жизни. Получится тонкий лист спрессованного мяса. Но потолок остановился в центре от пола. Глаз величиной с кулак, желтый с черным, бегал как пчела в ведре, рассматривая Эвана и его друзей.

Стены и потолок были прочными. Снизу поползла желтая масса, ее уровень медленно повышался, затопляя пленников. Эван прикинул, что к вечеру они будут затоплены полностью.

Эван уже представлял себе, как скверная масса вливается в его ноздри, заполняет легкие, и он задыхается. Но вскоре ему пришлось прервать свои фантазии — из вязкой массы высунулся длинный ус и пополз вверх по его груди. Эван начал стряхивать его, но тут что-то стукнуло его по голове.

* * *

Когда Эван пришел в сознание, была уже ночь. Он сидел весь в желтом сиропе, прислонившись к стене. Свет от многочисленных лун Призмы серебрил небо. Эван почувствовал ус, змеившийся по его плечу к левому уху, ус нащупывал ушное отверстие.

Справа можно было различить силуэты, наверно останки его товарищей. Эван не хотел, чтобы наступил завтрашний день. Библиотека и Эже — все под слоем полупрозрачной желтой массы. Может быть, еще живые, ведь им не нужен кислород. О постигшей их участи можно было только догадываться.

Есть ли смысл кричать, звать на помощь? Эван криво усмехнулся. Он проделал трудный путь в поисках Мартины Офемерт, и вот теперь они, он и она, будут слиты вместе с сотнями других жителей Призмы в одну безумную массу.

Он прошел десятки световых лет, чтобы погибнуть, став частью большого супа. Как глупо!

— Неправда, — сказал неизвестный голос почти в голове Эвана. Очевидно, ус был средством связи, а не забытым независимым существом.

— Всякое новое приобретение служит всеобщему благу.

Это был новый голос, не библиотека и не Эже. Сильный, вибрирующий голос, на грани истерики. Голос самоуверенного сумасшедшего.

— Ты уже поглощал таких как я. — Это было больше утверждением, а не вопросом.

Ответ привел Эвана в замешательство:

— Я видел мягкую вещь, похожую на тебя, но не смог уговорить ее соединиться со мной.

— Неправда. У тебя есть прибор, принадлежащий тому существу, о котором ты сейчас сказал, этот прибор излучает свет и звук.

— Прибор, о котором ты говоришь, любопытен и очарователен, и он действительно есть у меня. Но владелец этого прибора не поддался на мои уговоры и остался сам по себе.

Другой бы на месте Эвана засмеялся или заплакал бы. Эван же сохранил самообладание, несмотря на нахлынувшие чувства. Он еще был в состоянии насладиться пикантной иронией своего положения. Замечательно! Смех! Правду говорил

философ: жизнь — самый большой шутник. Эван шел, полз и карабкался по враждебной территории, надеясь выступить в роли благородного спасителя, а в самом конце пути сам оказался нуждающимся в спасении. И спасти его, возможно, могла та, которую он собирался спасти.

Но эта мысль была еще преждевременной и маловероятной. Каким способом чудовище смогло завладеть маяком Мартины Офемерт? Эван мог попробовать догадаться как-нибудь на досуге, но неизвестно было главное — жива ли она? Если она съедена прожорливыми обитателями Призмы, тогда не удивительно, что ее маяк оказался здесь.

— Чем ты расстроен? — поинтересовался голос. — Я надеюсь, что ты не пострадал?

Эван при всей трагичности положения готов был рассмеяться.

— Ты считаешь, мы несколько не пострадали? Ты напал на нас, унес в эту тюрьму, залил нас этой желтой гадостью, которая, как я предполагаю, является частью тебя, и после этого ты заявляешь, что ничего особенного не произошло?

— Я думаю, с вами все в порядке. Вы участвуете в великом эксперименте.

— Что за эксперимент?

— Эксперимент — это я. Я — интегратор. Я — это вы, а вы — это я. Все станут мной, и я стану всеми.

Не новая философия, размышлял Эван. Если заглянуть в историю, такое было присуще многим тиранам и диктаторам. Но вряд ли когда-нибудь это воплощалось на биологическом уровне. Моя смерть будет поистине уникальной, он будет убит колоссальной маниакальной меланомой.

— Войдут все. Особенно я ценю интеллигентность. Ты и твои товарищи — интеллигентны. Они пришли из Ассоциативы, но я — самая большая Ассоциатива из всех, что были, из всех, что будут. Я — единственная истинная Ассоциатива.

— Ты — не Ассоциатива, потому что ты хаотичен и не организован. — Эван узнал голос библиотеки, звучавший теперь горько и обвинительно, но очень слабо.

— Организация будет потом. Я интегратор, и моя цель —

объединить все формы жизни в один огромный механизм, это будет Ассоциатива во всем мире, и ничего, кроме нее.

Библиотека, обессиленный и беспомощный, не соглашался:

— Твой рост так же хаотичен, как и твои намерения, ты не Ассоциатива, а анархия, ты не интегрирован.

— Для создания организации надо только интегрировать достаточное разнообразие форм жизни. Это пока не сделано.

— Ты не понимаешь себя. Ты можешь расти количественно, но не качественно. Высокая организация не возникнет сама собой.

— Ты — лишь фрагмент, — с презрением ответил Интегратор — Что ты можешь знать? У меня есть несколько библиотек, и каждая отдает мне свои знания.

— У тебя есть их знания, таланты, но ты не можешь использовать их как следует, потому что ты лишил их индивидуальности. Они уже не могут спорить, обсуждать и сравнивать. Они могут только накапливать данные. Ты уничтожил в них самое ценное.

— В истинной Ассоциативе нет места индивидуализму. Ты оценишь это, уверяю тебя. Ты обрешь свое истинное достоинство библиотеки, как части великого ценного.

— Без индивидуальности не может быть новаторства, а значит, развития. Ты будешь расти, но не будешь созревать. Ты сможешь повторять, но не сможешь творить. Ты не способен оригинально мыслить.

— Ты не прав, не являюсь ли я сам самой оригинальной идеей? Ты, наверное, нигде и никогда не видел такого?

— Только в ночных кошмарах, — пробормотал Эван.

— Ты — сумасшедший, — добавил библиотека, — и не понимаешь этого. — Индивидуальности не могут быть интегрированы силой.

— Нет, ты не прав! Это можно и нужно сделать. Я сделал это.

Поверхность Интегратора вокруг Эвана сверкала ярким зеленым светом, выплескивая свои чувства, этот свет был воплощенным криком.

— Ты прав, — тихо сказал Эван. — Это можно сделать. — Он почувствовал удивление товарищей. — Это возможно, и доказательством являюсь я. Посмотри: я, воины, библиотека,

врачи и разведчик, собиратель и сканер, все в одном. Ты не можешь объединить два Интегратора.

— Именно так, — подтвердил Эже, уловив мысль Эвана. — Отпусти нас.

— Нет, меня не так просто обмануть. Во мне много чисто органических форм жизни. Некоторые полезны, другие бесполезны, но я ни от кого не отказываюсь. Когда-нибудь любой может оказаться полезным.

— Ты пойми простую вещь, — снова вмешался Эван. — Я не питаюсь светом, мне нужен кислород. Как только эта желтая масса покроет меня, я умру.

— Это не важно. Я буду использовать твои останки, как я это делаю со многими подобными тебе мягкими телами. — Для иллюстрации сказанного десятки конечностей вылезли из поверхности и закружились в хороводе вокруг Эвана. Когда-то они принадлежали их первоначальным владельцам. Эвана чуть не вывернуло наизнанку.

— Когда ты полностью интегрируешься, тоже вступишь в этот кооператив, — любезно ободрил его Интегратор.

Интегратор хочет показать себя во всем блеске, подумал Эван, подобно тому, как дешевое дерево оклеивают тонкими листами дерева ценной породы, когда изготавливают мебель. Эвану предстояло влиться в поток сотен и тысяч несчастных. Его мозги будут помещены в одно место, глаза в другое, уши в третье, куда сочтет нужным Интегратор. Интегратор поглотит все разумное на планете, если его не остановит непредвиденная катастрофа. И когда поглощено будет все, чем тогда займется Интегратор? Интересный вопрос.

Эван передавал свои размышления по радиосвязи друзьям, но те не отвечали. Может быть, у них уже изъято коммуникационное оборудование. Или они слышали, но не могли ответить. Как только солнечный свет упадет на их рецепторы, они оживут. В отличие от Эвана. Эван задохнется, как только его голова погрузится в сиропообразную жидкость. К утру его судьба будет решена. И даже, если выберется отсюда, все равно погибнет от голода и жажды.

Страх и напряжение, беспокойство и тревога истощали его силы, он погружался в сон. Если ему повезет, он задохнется прежде, чем проснется.

Но даже такого подарка судьбы он был лишен. Утреннее солнце разбудило его, когда желтая масса достигла его подбородка, свободной оставалась лишь голова. Скоро Эван попробует это вещество на вкус. Может быть, проглотить что-нибудь, чтобы быстрее умереть?

Эже и товарищи не отвечали на вопросы Эвана. Возможно, Интегратор уже управлял ими. Эван с благодарностью вспоминал их мастерскую работу, глядя на восходящее солнце сделанными ими глазами. Не долго пришлось ему наслаждаться новым восприятием мира.

Вдруг Интегратор начал содрогаться под ним, началась штормовая качка. Мощные вспышки красного света заставляли Интегратора биться в конвульсиях. Свет бил в бурлящую толщу не несколько метров ниже того места, где был заключен Эван с товарищами. Желтая масса начала таять и стекать вниз.

Красный луч света бороздил поверхность Интегратора. Громадные щупальца, клешни и лапы взметнулись над долиной, пытаясь закрыться от уничтожающего света, но их усилия были напрасны. Не понимая, что происходит, Эван молился, чтобы луч не попал в него.

Библиотека смог подать еле различимый сигнал в ответ на запрос Эвана:

— Не знаю, каков источник света, но он не причинит нам большего вреда, чем Интегратор, хотя лучше не попадать под луч.

— Это, похоже, баррин. — Эван прислушался, пытаясь понять, откуда исходит голос. Это говорил один из воинов. — Очень похоже на баррина, но намного мощнее.

— Что это такое, баррин?

— Это редкое существо, живущее отшельником, оно защищается от своих врагов ярким пучком света.

Эван почувствовал смущение всезнающего Библиотеки.

— Хотелось бы посмотреть на это. Хороший пример того, как можно бороться с Интегратором.

Эван имел лучший обзор, чем его товарищи, но видел не-многим больше. Источник пучка сливался с восходящим солнцем, и в ослепительном сиянии рассмотреть что-либо было невозможно.

— Кажется, я кое-что вижу! — заговорил второй врач. — Он не больше баррина, но другой формы. Когда солнце поднимется выше, я смогу рассмотреть все как следует.

У Интегратора начались спазмы. Изрядный кусок откололся от него, медленно сползая по земле. Интегратор впал в неистовство. Щупальца и клешни всюду цеплялись за грунт, земля содрогалась. Отколовшаяся от Интегратора часть пыталась подняться, но неумолимо сползала в долину.

Красный луч приблизился к Эвану, и он закрыл глаза. Если попадет в меня, думал Эван, смерть будет быстрой и легкой, это все же лучше, чем грозившее мне медленное потопление. Но смертоносный луч пощадил его, сфокусировавшись на желтой кремниевой массе. Вязкое вещество разжижалось и стекало. Луч был чертовски горяч, желтая масса вскипала и исчезала на глазах. Эван и его друзья оказались на свободе. Ноги, бывшие в долгом заточении, затекли, Эван упал.

У его товарищей не было таких проблем, и они поспешили к нему на помощь. Два бойца схватили его за руки и потащили подальше от агонизирующего Интегратора, мучимого недостижимым противником, и уже не обращавшего на них внимания.

На полпути к вершине холма, когда Эван уже пытался встать на ноги, послышался голос со стороны восходящего солнца, уверенный и четкий.

— Быстрее поднимайтесь и уходите. Если Интегратор очухается, вам не будет спасения.

Это был голос человека.

— Я — Мартина Офемерт. Быстрее уходите.

Значит, каким-то образом ей удалось избежать порабощения, и у нее даже есть оружие, лазер или что-то более мощное. Эван изо всех сил заставлял идти свои затекшие ноги, ковыляя вверх. За ним двигались Эже и остальные, жадно направляя свои рецепторы на солнце. Эван полз и бежал, спотыкаясь, взбирался по крутому склону, цепляясь за колючую

растительность, не обращая внимания на возникавшие на лице царапины. Прозрачная пленка на торсе и скафандр на нижней половине тела защищали от повреждений все, кроме лица.

Наконец, они вскарабкались на вершину и оглянулись. В долине оранжевый кремниевый океан бился в судорогах.

— Спасибо тебе, — Эван искал глазами фигуру посреди солнечного сияния, — мы были близки к гибели, ты спасла нас от смерти.

— Теперь вы в безопасности. — До Эвана дошло, наконец, что голоса Мартины он не слышал, а принимал ее сигналы через устройство, вживленное в его мозг, как принимал сигналы от Эже, библиотеки и врача. Как Мартина смогла это? Призма добавила еще одну загадку к нараставшему с каждым днем скопищу нераскрытых тайн.

— Вы свободны, члены Ассоциативы. А этого гада я убью. — Эван вдруг с ужасом понял, что речь идет о нем. Он не знал, что и сказать на это. Мартина продолжала:

— Я не хотела предоставить это удовольствие Интегратору. Я хочу увидеть, как ты будешь трепетать перед смертью, но сейчас я не могу увидеть, каким будет твое лицо, когда придет твоя смерть. Я дождусь, когда увижу его, и тогда убью.

Эван почувствовал, что может разрыдаться.

— Что ты сделал в лагере, подлый, жалкий ублюдок? Ты прошел на маяк, я так и думала, я молилась, чтобы это случилось. Ты ведь не мог успокоиться, не доведя свое дело до конца.

Прикрыв рукой глаза от солнечного света, Эван лихорадочно высматривал невидимую потенциальную убийцу.

— За что ты хочешь убить меня? Я не сделал ничего плохого на станции. Я шел спасать тебя. — На всякий случай он спрятался за некое подобие бревна. Красная смерть была рядом, пока он говорил с Мартиной. Но вдруг она отодвинулась. Голос единственной из оставшихся в живых на станции Призмы сказал смущенно:

— Так ты не Гумула? Где же Гумула?

Эван сел, продолжая всматриваться в лес. Даже его модифицированные глаза с трудом выдерживали яркие блики солнечного света.

— Кто такой Гумула? Это имя мне ничего не говорит. А, кажется, вспомнил! Арин Гумула, это техник со станции?

— Арам, а не Арин. — поправила Мартина. — Да, так его зовут. Я думала, что это ты привел своих тварей прикончить меня, довершить свое дело.

Эван вздохнул с облегчением.

— Наш разговор был бы более осмысленным, если бы ты объяснила мне кое-что. Я Эван Орджелл, из компании «Аврора» с Самстэда. Я послан сюда выяснить, почему со станции нет вестей вот уже несколько месяцев.

— Они послали тебя одного? — недоверчиво спросила она.

— Нет, со мной был МВМ, самая новая модель, лабораторный образец. Но он оказался плохим.

Женщина хихикнула:

— Для Призмы это, что слону дробина

— Я решил искать твой маяк. Мне повезло, по дороге я встретил друзей, — он махнул в сторону Эже и товарищей, счищавших с себя желтую гадость. — Когда чудовище изорвало меня, они спасли мне жизнь, и даже усовершенствовали мое тело. В это трудно поверить, но... — Он почувствовал на себе пристальный взгляд. — Они отлично сработали. Врачи Ассоциативы — настоящие кудесники. Они революционизируют весь курс нашей медицины. Я шел на твой маяк, и он привел меня сюда. — Эван кивнул на долину. Интегратор уже казался лишь прошедшим дурным сном.

— Интегратор пытался поглотить и меня, но это оказалось не простым делом.

— Но ты вооружена, а я безоружен.

— Да, у меня есть неплохое оружие. Интегратор хотел меня использовать, но я сама решила использовать его. Я подарила ему маяк, зная, что Гумула пойдет на его сигналы. Вместо Гумулы, к сожалению, попались вы. Я подумала, что это он пришел, и не могла понять, почему рядом с ним члены Ассоциативы. Неужели вы нигде не встречали Гумулу?

— Я нашел его мертвым, как и все остальные на станции. Разве ты не знала об этом?

— Я знала, что убиты все, кроме меня, но не знала, что Гумула тоже мертв. Как он умер?

Эван пожал плечами.

— Я не знаю подробностей. Он убит Призмой.

Она долго молчала.

— Призма лишила меня удовольствия убить его, но я не жалую о этом. Я присоединюсь к вам. У тебя крепкий желудок, Эван Орджелл?

Он нахмурился. Какого черта она спрашивает об этом?

— Как ты думаешь, сюда послали бы слабака?

— Не знаю. Теперь я не уверена, что компания способна набирать стоящих людей.

Силуэт вышел из зеленых кристаллических зарослей и направился к Эвану, подойдя, протянул правую руку. Из кончиков пальцев блеснул красный смертоносный свет. Эван прыгнул в сторону, уклоняясь от опасности. Стоявшие за ним товарищи разбежались в стороны. Но луч целил не в них и, пройдя мимо, угодил прямо в пару длинных щупалец, взбиравшихся по склону холма.

— Здесь опасно. Интегратор упрям. — Рука опустилась и красный свет погас. — Теперь на некоторое время он оставит нас в покое, но лучше уйдем отсюда, поговорим в другом месте. — Мартина улыбнулась ему полуулыбкой. У нее была только половина ее прежнего лица. Эван смотрел на красивое лицо и хорошую фигуру. Но лишь левая половина ее тела была из мяса и костей, да и та местами в заплатках. Цвет заплат был приятен, но все же эти куски искусственной кожи бросались в глаза. Вся правая половина была сделана из голубого кристалла, вместо правого глаза — линза. Эван подумал о том, какая часть мозга у нее сохранилась.

Длинные голубые нити свисали до земли с правой половины головы. Такие же по длине, но естественные черные волосы были на левой половине. Марта рассматривала его так же внимательно, как и он ее. То, что с ним сделали врачи, конечно, тоже было достойно удивления. Но Марта была чудом, синим чудом. Товарищи с любопытством обступили их.

— Я вижу тут двух врачей, это они потрудились над тобой? — Ее сапфировая рука потрогала его прозрачную кожу на торсе.

— Так было необходимо. Но это пустяки по сравнению с тем, что сотворили с тобой. Никогда бы не поверил, если бы

сам не увидел, что можно заменить половину человеческого тела.

— Я тоже. — Она улыбнулась половиной лица. Странная, но очаровательная улыбка. Правая половина лица оставалась неподвижной. Кто-то сумел дать ей новое сердце, целую половину тела, но не смог изменить суть ее улыбки. — Однажды я шла по лесу в скафандре, полагая, что это надежная защита, но тяжелый кондарит упал на меня и раздавил всю правую часть тела. Меня нашли члены Ассоциативы, и вот теперь ты видишь их работу. Они, видишь ли, весьма любопытны, и чтобы иметь возможность задать мне некоторые вопросы, спасли мою жизнь. Не знаю, как это им удалось, до сих пор удивляюсь этому.

— Когда мы увидели луч, спасающий нас, — сказал библиотека, — мы вначале подумали, что это баррин.

— Мне рассказывали о баррине, я была зачарована и попросила их сделать мне такую же вещь. — Она показала свою правую руку. Из кончиков пальцев вышел когерентный пучок красного света и тут же погас. — Это мой собственный лазер. В мои пальцы вставлены искусственные рубины, они называют его корундом, а внутри руки — газ аргон. Где-то в области спины накапливается энергия, которая поступает в лазерную установку, когда я прижимаю друг к другу четыре пальца. Они сделали мне это устройство, чтобы было чем защищаться от Гумулы. — Она опустила руку и согнула голубые пальцы. — Я могу регулировать интенсивность движением пальцев. Вот так все и получилось. Я всегда интересовалась биоинженерией, но никогда не думала, что придется испытать это на себе.

— Я тоже.

Марта посмотрела в долину.

— Интегратор не забыл о вас. Пошли отсюда. — Они начали спускаться за ней по другому склону холма, уходя от беснующегося Интегратора.

— Я была уверена вначале, что ты — Гумула, продолжала она свой рассказ. — Единственное, что меня смущало, — присутствие членов Ассоциативы. Я не могла вообразить себе, как Гумула мог втереться в общество врачей и библиотеки.

— Расскажи, наконец, что произошло, кто такой Гумула. Я уже кое-что понял, но хотелось бы знать подробности.

— Ты видел, что произошло на станции. Ты, наверное, вообразил, что это сделали какие-нибудь жуткие чудовища. — Эван утвердительно кивнул. — На самом деле было иначе. Это сделал не Интегратор, и это не ошибка Призмы. Мы, разумные люди, имеем диких чудовищ внутри себя. Как можно было заставить врасплох сотрудников станции, оснащенных оружием и экранами? Это не так уж трудно. Они ждали опасности снаружи, а Гумула оказался внутри. Он все точно рассчитал. Отключил сигнализацию, пришел на работу ночью, когда все спали, кроме ночного сторожа. — Она говорила без особых эмоций, ее переживания и горечь покryлись пеленой времени.

— Он все рассчитал, но забыл про тебя.

— Нет, его подвела случайность. Мне не спалось, и я пошла поохотиться на спаргеноксов.

Эван удивленно вскинул брови. Марта объяснила:

— Это слово составлено из двух латинских слов, *spargere* — искра, и *nox* — ночь. Получается спаргенокс, что означает ночная искра.

— Это то, что я называл танцующим самоцветом.

Она кивнула.

— Я пошла охотиться, никому не сказав об этом. Ия Эрландер не одобрила бы такую экскурсию, тем более ночью и в одиночку. Она тоже убита, бедная Мама Ген. Мы все любили ее.

Эван тихо ждал, пока лились ее слезы. Конечно, только из одного глаза.

— Я сама видела, как Гумула убил Эдди Чанга. Гумула имел доступ ко всему оружию, а у меня была только оборонительная система моего скафандра. Я не имела шансов уцелеть против него, поэтому пришлось убежать. Я бежала, как сумасшедшая, я знала, что он, не обнаружив меня в лагере, будет искать повсюду. У меня было немного времени, пока он будет шарить по всем строениям и подвалам в поисках меня. Мне удалось уйти от одной беды, но попала в другую, — на меня свалилось огромное дерево

— Он всех убил? — спросил Эван.

— Всех. Эдди, Маму Ген, Раджаншара — всех моих друзей. Он убил их тщательно и продуманно. Почему убил, ты наверно, сам догадался. Он работал на конкурирующий концерн. Должно быть, очень большой концерн, желающий, как и наша компания, приобрести ресурсы Призмы. Управившись с сотрудниками, Гумула хотел завладеть станцией, передать своим хозяевам собранную нами информацию. Затем он собирался ждать «помощи», значит тебя. Дождавшись, он убил бы тебя, в расчете, что после этого компания уже больше не будет проявлять интерес к этому месту. Или мог поступить иначе, выдумать историю о неуязвимых и враждебных тварях, от которых не может защититься никакая колония, а он, Гумула, мол, случайно уцелел.

— А я, может быть, поверил бы ему, — сказал Эван.

— Почему бы и нет? Я и сама поверила бы ему, если бы не знала правды. Поэтому он должен был убить меня как единственного свидетеля, как угрозу его тщательно продуманному плану. Но Призма остановила его. Если бы я знала, что он мертв, вернулась бы назад, и сообщила бы все, — вздохнула она. — Ну черт с ним. Все обошлось.

— Тебя отремонтировали члены Ассоциации, когда на тебя упал кондарит?

— Я чуть не умерла от шока. Придя в сознание, я была уже далеко от того места. Они принесли меня за свою стену и приступили к работе. Они вернули мне жизнь. Они также сохранили маяк. Упавший кондарит не задел его. Они изучали и обсуждали батареи.

— Мои друзья тоже приобрели полезный опыт, — Эван показал на своих кремниевых спутников.

— Мы теперь можем вернуться на станцию. Мне это будет нелегко.

— Я помогу. Нам трудно будет послать сообщение. Я осмотрел станцию перед тем, как идти на поиски твоего маяка. Местные уборщики мусора там хорошо поработали.

— Представляю себе. Местные существа потребляют редкоземельные металлы и прочие химические соединения, сдят их как конфеты. — Она села на лежащее желтое дерево. Эван залюбовался ее плавными движениями. Ее мастерски отремонтировали.

— Не знаю, как об этом спросить, — сказал Эван, — поэтому спрошу просто — как ты себя чувствуешь в таком виде?

Она засмеялась.

— Лучше некуда. Я не задумываюсь об этом. У меня ничего не болит, если тебя это интересует. Главное — я жива. Я теперь даже меньше подвержена боли, мой врач сделал мало нервных окончаний всюду, кроме кончиков пальцев. Еще мне немного трудно говорить, иногда вместо звука «с» получается свист. Но они внесли некоторые усовершенствования. Мой правый глаз видит то, о чем никогда не мечтал левый. Во мне есть хранилище энергии, поэтому я могу долго не есть. И, наконец, у меня есть эта игрушка, благодаря внимательному изучению устройства баррина. — Она подняла правую руку и, слегка сдвинув пальцы, направила лучик света на ногу. Синяя кожа отразила красный цвет. Она посмотрела ему в глаза. — Итак, ты теперь сам можешь судить, каково мне в моем новом обличье. А как у тебя с этим обстоит дело?

Эван облизнулся.

— Синий цвет идет тебе.

Она засмеялась. Эван лишь теперь обратил внимание на слегка светившиеся обертонa, совсем, впрочем, не портившие ее красивый смех.

— Дипломат. Ты мне нравишься, Эван Орджелл.

— Зови меня просто Эван.

— А меня зови просто Мартой. Хотя ты уже не вполне человек. — Она бросила взгляд на его прозрачное тело. — Немного не хватает мяса, но его заменитель, как видно не менее крепок. Только не понятно, тебя теперь надо мыть или полировать? — Они вместе захохотали. — Призма переделала нас по своему образу и подобию. Мы оба теперь другие. — Она стала серьезной. — Знаешь, в этом мире можно открыть множество удивительных вещей, если люди, пришедшие сюда, будут смотреть на него открытыми глазами, без предубеждения. Мы с тобой стали другими по воле случая, по необходимости, но ведь могут найтись и добровольцы, желающие поэкспериментировать на себе. Представь себе, как смогут помочь изувеченным людям врачи Ассоциации, если они получат наши знания по медицине. Они и без этого творят чудеса.

Марта кивнула в сторону холма.

— Даже Интегратор, возможно, вылечится от своего бс-
зумия.

Эван, глядя на нее, думал о том, как он смог бы справиться
с такими обширными изменениями, какие вытерпела она.

— Ты так красива, когда философствуешь!

Она усмехнулась.

— Ты не просто дипломат. Ты слишком долго не видел
женщин.

— Здесь всюду преобладает синий цвет. Почему это? —
перевел разговор на другую тему Эван.

— В здешнем кремнии много меди. Наши предварительные
исследования показали это. Если бы было больше хрома, здесь
были бы красные деревья. Очаровательно.

— Чепуха все это. Синий цвет — самый красивый, потому
врачи и придали тебе этот цвет.

Это утверждение вызвало спор между синим Эже и чер-
ными воинами, явно не согласными с такой оценкой синего
цвета. Постепенно в спор включились все, кроме библиотеки,
безразличного к таким глупостям.

— Скажи, — тихо сказала Марта, когда спор немного
утих, — ты похоронил кого-нибудь на станции?

— Нет, я был слишком занят, надо было выяснить, остался
ли кто-нибудь в живых. Мы можем похоронить их, когда
придем туда, если их останки сохранились.

— Я много думала о моем положении здесь, у меня было
для этого время. Когда мы свяжемся с компанией и объясним,
что произошло, они захотят расширить станцию, пришлют но-
вых людей. Им надо будет объяснить многое, предостеречь от
ошибок. По понятным причинам мне нелегко будет вернуться
к прежней жизни в Самстэде или еще где-то. Я бы хотела
остаться здесь, если компания мне позволит.

— Мне кажется, ты ошибаешься в том, что не сможешь
вернуться домой. Именно там, в Самстэде тебе будет лучше.
Ты будешь носить костюм, а правую половину лица можно
будет закамуфлировать.

— Рано или поздно все узнают о моей внешности. Все будут
пылиться на уродку.

— Тебя можно полностью закамуфлировать, ты будешь вы-

глядеть как все. И я собираюсь поступить так же. — Он похлопал себя по желудку.

— Может быть, я буду выглядеть, но не буду такой как все, Эван. С этим ничего не поделаешь. А все средства массовой информации будут охотиться за мной. Я не справлюсь с этим. Я застенчивая, Эван. Поэтому и выбрала такую профессию, как у меня сейчас. Я сторонюсь больших кампаний, мне лучше работать в лаборатории с двумя людьми, чем в офисе с сотнями. Нет, я приняла решение неделю назад в лесу, я остаюсь здесь. Надеюсь, компания согласится. Кто еще сможет так легко работать в этом диком мире без специального скафандра? Я привыкла к этому месту больше, чем кто-либо другой.

Эван заметил, что она неуверенно произнесла слово «кто-либо другой».

— Я уже не такая женщина, как остальные. Да и раньше была не такой, как все. Призма окончательно провела границу между мной и другими. — Они оба долго молчали. Наконец она улыбнулась. — Как домоседка я не особенно заботилась о своей одежде. Я не думаю много об украшениях, а теперь могу забыть их дома навсегда, мои украшения всегда при мне.

— Почему после того, как твои друзья вооружили тебя, ты не искала Гумулу?

— По двум причинам. Я не была уверена, что застаю его врасплох, если он находится за защитным периметром станции. И я не знала, как найти дорогу к станции без моего скафандра.

— Разве ты не могла ориентироваться по солнцу?

— Я не умею ориентироваться по солнцу. Кто же думает об этом, если скафандр делает все, в том числе показывает дорогу домой, если человек заблудился. В костюме невозможно заблудиться.

Эван согласился, вспомнив свое полное доверие к МВМ. Может быть, были времена, когда некоторые просвещенные жители Самстэда могли некоторое время находиться без скафандра. Стоит ли чересчур надеяться на технологию в нашей жизни? Эта мысль заслуживала внимания.

— Вы говорите о возвращении к вашей Ассоциативе, — раздался голос.

— Это мой друг Эже, — пояснил Эван.

— Лазурная Высокого Разума Поверхность С Пироксिनowymi Древовидными Включениями — если не возражаете. Но поскольку вы, люди, испытываете необъяснимую неприязнь к полным именам, можете называть меня тем словом, которое использовал мой товарищ.

— Очень рада познакомиться с вами, разведчик.

Эван выглядел немного озабоченным. — Знаешь, из их имен я способен выговорить только имя Эже. — Он посмотрел на друзей. — Библиотека, как зовут тебя?

— Называя меня «библиотекой», в противном случае тебе пришлось бы до вечера выслушивать мое полное имя. Когда мы передаем информацию между собой, то делаем это намного быстрее, чем вы можете себе вообразить.

— Если ты хочешь вернуться в свой лагерь, мы можем сделать это в любое время, — сообщил Эже Эвану.

— Как? Я без своего скафандра могу только ориентироваться по солнцу, и мы должны идти не спеша, чтобы не сбиться с пути. Чтобы дойти до станции, нам придется поплутать.

Эже издал отвратительный звук.

— Вам, возможно, да. Я функционирую иначе. Как вы думаете, почему меня называют разведчиком?

Эван улыбнулся.

— Ты помнишь все пути, по которым ходил?

— Разумеется, это моя работа.

— Если не возражаешь, мы пойдем с тобой, — сказал библиотека. — Мне еще многое надо изучить в людях.

— То же самое говорили мне мои врачи, — вставила Марта, — но начинали блуждать.

— Конечно, мы будем рады, если вы присоединитесь к нам, — сказал Эван. И снова обратился к Эже. — Ты хочешь найти путь от моего скафандра до станции?

— Ты до сих пор не знаешь всех способностей разведчика. Я покажу тебе путь, по которому надо идти.

— Замечательно. Пошли.

Во время долгого путешествия обратно в Ассоциативу было предостаточно времени для разговора, а симшиты и органоиды смогли сообщить друг другу много информации. Их возвращение было воспринято довольно спокойно и без особого шума, так как члены Ассоциативы были довольно сдержанны. Но присутствие Марты вызвало столько замечаний и комментариев, сколько только позволяла работа Ассоциативы.

Прощания последовали сразу же за приветствиями, и они отправились на поиски брошенного МВМ Эвана, правда теперь количество путешественников увеличилось за счет прибавления еще нескольких воинов. У защищенного таким образом Эвана было время смотреть по сторонам и восхищаться удивительными окрестностями, которые совсем недавно так его пугали.

Марта постоянно показывала на какие-то маленькие удивительные силикатные диковинки, на которые Эван наверняка не обратил бы внимания, если бы не она. Временами он не вникал в смысл того, о чем она говорила, даже после долгих и подробных объяснений. Это беспокоило ее больше, чем его, потому что она боялась, что это отражало то, что в ней было потеряно что-то, свойственное человеку. Через несколько дней она не смогла себя пересилить и поделилась с ним своим внутренним беспокойством: что врачи, которые спасли ее жизнь и вынуждены были внести изменения в некоторые части ее разума для того, чтобы сделать возможным ее выживание, и они скрыли от нее то, что они сделали, чтобы избавить ее от еще большей травмы в будущем.

Он ее уверял еще (но не уверял, однако, себя), что ее усилившееся восприятие окружающего мира было единственно результатом изменений, которым были подвергнуты ее уши и глаза, и что реально она была таким же человеком и так же воспринимала окружавшее ее, как и он сам. Это вызвало у них обоих смех, и она больше никогда не упоминала о своих тревогах. Но он знал, что беспокойство все еще не покидало ее, и, возможно, никогда не покинет.

Еже выполнил все свои обещания и привел их прямо к МВМ, полая внутренняя сторона которого стала домом для

полдюжины интересных местных жизненных форм. За исключением одной только вещи, все там выглядело так, как и тогда, когда Эван отправился оттуда на поиски Марты. Но это исключение было очень заметным и значительным.

В одном конце необработанной посадочной площадки находился светящийся летающий аппарат с двумя крыльями.

— Будь я проклят, — возбужденно проговорил Эван. — Они, должно быть до того устали волноваться обо мне, что изменили план и вернули спасательный корабль! — Он сделал один шаг вперед, и сразу же его удержала кристаллическая рука.

— Может быть, — Марта во все глаза смотрела на корабль. — Не забывай, люди Гумулы, вероятно, тоже ждали от него известий все это время.

Эван колебался.

— Конечно, они бы не стали идти на такой риск и садиться здесь, пока не получили ясную и точную информацию от их агента?

— Это было бы благоразумно с их стороны, но люди, которые одобряют хладнокровных убийц ради денег, не всегда поступают благоразумно.

— Мы должны это выяснить. Мы должны войти внутрь и выяснить. — Он смотрел с тревогой и тоской на место, где находился корабль, похожий на гигантское насекомое. Оно как будто сидело на корточках на расчищенной узкой полоске. Каково бы ни было его происхождение, корабль представлял цивилизацию, которую он и не надеялся увидеть когда-либо еще раз. Он не смог преодолеть соблазна, который внушил ему корабль.

— Если это от компании и они не найдут меня здесь, — взволнованно сказал он, — они могут все бросить и улететь. Обязательно.

Марта стояла, колеблясь, разрываемая между разумом и неразумными эмоциями.

— Это возможно. Я согласна, мы должны проверить, но, кроме этого, мы должны проявлять осмотрительность.

— Хорошо. Ты оставайся здесь, а я войду туда один, без тебя, — он слегка шлепнул себя по голове и широко улыбнул-

ся. — Спасибо моим друзьям. Я смогу сказать тебе, как у нас обстоят дела, как только сам узнаю.

— Если это наши друзья, а не друзья Гумулы. Нет, я не оставляю тебя одного, даже если бы это и было правильно. Здесь лежат мои умершие друзья. Если это корабль компании, они помогут нам похоронить их. Если нет... если нет, я бы хотела разобраться с кем-бы то ни было лично. Мы пойдем оба.

— Мы понимаем, — важно ответил библиотека. — Вы еще раньше все это объяснили нам, и мы понимаем. Мы будем ждать здесь и приготовимся сделать все, что будет необходимо.

— Я уверен, мы пробудем там всего лишь пару минут. Затем вы можете войти.

Со стороны корабля все еще не было видно никаких признаков жизни.

— Да, возможно, Эван прав. Я провела так много дней, волнуясь, что я позабыла, что это значит — жить, подозрительно относясь ко всему, что движется.

Они вместе направились по направлению к станции. Под ногами у них скрипела хрупкая, пузырчатая трава. Они пытались наблюдать одновременно и за станцией, и за летательным аппаратом.

Они были уже на полпути к станции, когда на лице Эвана появилась широкая улыбка. Он указал на нос корабля.

— Видишь? Все ясно. Теперь ты можешь расслабиться.

Было вполне очевидно, что на носу находился экипаж компании. Марта тоже попыталась улыбнуться. Но ее улыбка была менее естественной.

— Я все еще удивляюсь, что они пришли искать тебя, не получив от тебя ни одного сообщения и не будучи уверенными в том, чего следует ожидать. Ты, должно быть, довольно важный член корпоративной структуры.

— Да, это верно, — жизнерадостно ответил он. — Очевидно, кто-то не решается пойти на риск и устроить анонимную проверку моего положения. Одним из первоначальных предположений компании был полный крах всех коммуникаций станции. Возможно, они пришли к выводу, что происшедшее здесь впоследствии тоже оказало влияние на мою способность вступать в контакт. Это, конечно, не имеет

ничего общего с действительностью но, может быть, объяснит этот незванный визит.

Он чуть не испустил радостный крик, когда первая фигура в защитном костюме появилась между зданиями. Женщина, казалось, не замечала их и производила детальный и всесторонний осмотр нефункционирующего защитного слоя станции, не столько пытаясь отремонтировать его, сколько пытаясь найти причину, которая вызвала поломку. Она стояла на коленях, опираясь в землю руками, внимательно исследуя переключательный пилон, и была так охвачена своим занятием, что не заметила, как они приблизились к ней.

— Привет, — сказал Эван.

Она никак не отреагировала на его слова, и ему пришло в голову, что ее аппарат внешнего звукового восприятия, возможно, был отключен. Костюм, в который она была одета, был почти так же массивен и сложно устроен, как его пропавший МВМ. Ее рабочие инструменты были сложены в портупею, закрепленную вокруг пояса, и свешивались вниз.

Наконец она оторвалась от своего занятия, и ее глаза расширились при виде двух пришельцев. Эван мог только посочувствовать ее реакции.

Он помахал рукой.

— Привет!

Явственный щелчок последовал за тихим и глухим звуком, похожим на жужжание. Она включила свой аппарат внешней слышимости.

— Какого черта вы здесь делаете? — она взглянула на Эвана и его спутницу. — И что это, черт побери, такое?

— Я Эван Орджелл. Старший научный сотрудник компании, ничего особенного. Специалист по аварийным случаям, который был высажен здесь, чтобы выяснить, что здесь случилось. Тебе об этом должно быть известно.

— О... да, все правильно. Я просто забыла. — Она повела рукой в сторону его прозрачного туловища. — Я просто не ожидала встретить вас здесь, в этом месте. Не говоря уже о том, как странно вы выглядите.

— Выглядеть можно по-разному, — спокойно добавила Марта.

Женщина подошла поближе и оглядела спутницу Эвана с ног до головы.

— Кто она? Какой-то местный гибрид?

— Что-то вроде этого, — торопливо проговорил Эван ей в ответ. — Это Мартина Офемерт, единственный и последний член первоначального состава станции, которой удалось спастись. Она знает, что здесь произошло и знает причину этого. В любом случае нам надо поговорить с руководителем.

— Конечно, конечно. Скажите мне, что же здесь случилось?

— Немного больше, чем обыкновенный промышленный шпионаж, — ответила Марта. — Какой-то конкурирующий концерн сумел внедрить своего агента в штат станции. Он подождал, пока подойдет время и убил всех за исключением меня. Вот и все, что здесь произошло.

Женщина задумчиво покачала головой. Она хорошо поняла суть вопроса, подумал Эван.

— Да, я видела, что-то вроде этого здесь и стряслось. Мы как раз убирали здесь тела. Я свяжусь с нашими и скажу им, что вы пришли.

Последовала тишина, пока она устанавливала связь по коммуникационной системе, которая была вмонтирована в ее костюм. В конце концов она подняла глаза и направила свое внимание на Эвана. Он заметил что получеловеческий, полусиликатный взгляд Марты нервировал другую женщину. Ну, это было можно понять.

— Что же случилось со шпионом?

— Он начал преследовать меня, — сказала Марта, не обращая внимания на пристальный взгляд женщины. — Но Призма убила его. В этом мире самоуверенные нахалы не живут долго.

— Мы уже видели, на что способны некоторые из местных жизненных форм, — неожиданно ответила женщина. — Но мы не ожидали встретить ничего подобного тому, что обнаружили.

— Никто не ожидал, — просто сказал Эван. — Не было никаких оснований предполагать, что стандартные операционные процедуры окажутся недостаточными для того, чтобы защитить станцию и ее персонал. Я все еще придерживаюсь

мнения, что персонал мог бы благополучно спастись, если бы этот Гумула не вмешался.

— Возможно, здесь ты рассуждаешь правильно. О, простите, меня зовут Винона. Винона Стрэнд. Следуйте за мной. Я только что говорила с Фрейзи и он велел сейчас же привести вас обоих. Мы сейчас занимаемся старым административным зданием, точнее говоря, тем, что от него осталось. — Она покачала головой. — Мы все еще вычищаем естественные жизненные формы. Они чертовски твердые, и мы пытаемся восстановить внешнюю сторону. Но у нас с трудом получается вернуть электрический ток на линию.

Эван усмехнулся.

— Кто-то, вероятно, съел большую часть прокладки электрического провода. Я уже не говорю о солнечных батареях.

— Съел? Да. — Женщина все продолжала оглядываться назад на Марту. Каждый раз, когда та обращала внимание на ее взгляд, она отворачивала лицо. Марта не высказывала по этому поводу никаких замечаний.

— У местных силикатных и органо-силикатных биологических разновидностей ненасытный аппетит на редко-земельные компоненты. Они выработали новые способы извлечения таких элементов из земли и более сложных соединений.

— Я вижу, — пробормотала Винона. — Я уверена, вы оба узнали очень много нового с тех пор, как находитесь здесь. Наши люди собираются хорошенько вас расспросить. Ваши доклады будут очень ценными для нас.

— Бесценными, — поправил се Эван. — Что за человек этот Фрейзи? Мне не знакомо это имя.

— Неудивительно. Строго внешнемировые операции.

В этот момент они уже находились среди зданий и начали встречать членов экипажа корабля. Ожидаемые выражения удивления и неверия встречались им на пути. Эван мог болтать с Мартой про себя при помощи ассоциативных радиопередатчиков.

— Ну, и как ты чувствуешь себя, снова очутившись в лагере?

Глаза Мартин пристально разглядывали окружающее про-

странство, строения, возведенные с ее помощью. Большая часть их была покрыта зарослями растений Призмы.

— Здесь все знакомое и в то же время чужое мне. Прошло довольно много времени. Ничто не выглядит абсолютно так же, как выглядело, когда я была здесь в последний раз.

— Это благодаря врачам, которые так переделали твоё зрение. Мне тоже кажется, что здесь все изменилось, но я, в отличие от тебя, был здесь только недавно.

Она покорно вздохнула.

— Я ожидала почувствовать, что я вернулась. Я этого не чувствую. Я предполагаю, что отчасти это заслуга моих докторов.

— Это несправедливо. Ты можешь чувствовать себя отчужденным от дома, когда вдали от него, а не тогда, когда туда возвращаешься.

— Возможно, это никак не связано с моим собственным восприятием. — Голубоватый блик света танцевал на ее плече. — Может быть, я почувствую себя по-другому, когда мы войдем внутрь.

Здание администрации действительно выглядело лучше. Спасательные команды уже вычистили оттуда местных непрошенных гостей. Мешки с продовольствием были сложены около одной стены, и упакованное оборудование лежало рядом. Но ничто не указывало на то, что новые пришельцы планировали обосноваться здесь надолго. В этом был смысл... это была спасательно-розыскная команда, а не новая группа переселенцев. С перестраиванием пришлось бы подождать до прибытия другой экспедиции, которая была бы больше размером и лучше оснащена.

Одна из комнат была уже совершенно очищена. Один человек сидел за рабочим столом изогнутой формы, пока какие-то мужчины и женщина стояли за столом и пристально разглядывали компьютер, стоящий неподалеку, и спорили по поводу его регулировки. Так как внутри здания они были в безопасности, на них были надеты стандартные рабочие костюмы вместо громоздких и неудобных в носке защитных комплектов. Их инструменты свободно свисали из их карманов и крепительных ремней на поясе.

Винона провела их вперед и откинула свой капюшон. Эван

уже начинал привыкать к ее взглядам. Их проводник обратился к человеку, сидевшему за рабочим столом.

— Эван Орджелл и Мартина Офемерт, мистер Фрейзи. Она член первоначального персонала станции; он был прислан сюда потом, чтобы выяснить состояние станции на сегодняшний день.

— Хорошо. — Фрейзи по очереди внимательно осмотрел их и его взгляд остановился на Мартине. — А этот человек, Гумула?

Она повторила свою историю еще раз. Он слушал ее спокойно, внимательно, пока она не закончила, наконец, свое повествование.

— Я не собираюсь сейчас расспрашивать вас о том, как с вами расправились. Для этого у нас будет много времени потом. Сейчас достаточно того, что вы — существо самой необыкновенной внешности из всех, которых мне доводилось видеть.

— Я знаю, что я уникальна, — сухо ответила Мартина. — И уверена, если бы вы узнали детали, то еще больше удивились бы.

— Без всякого сомнения. — Он перевел взгляд на Эвана. — Итак, вы — тот самый человек, который был послан сюда, чтобы выяснить, что здесь происходит. Мы думали, что вас убили вместе со всеми остальными.

— Почти.

Высокая женщина, стоящая рядом, заговорила. Ее голос был требовательный, резкий и неприятный, не похожий на голос Фрейзи.

— Что случилось с вашей одеждой?

— Мартину задело падающее дерево. Мой скафандр был... ну, вы уже видели, на что способны нынешние жизненные формы, когда дело касается чужаков.

Фрейзи кивнул.

— Мы и минуты не прожили еще в состоянии мира с тех пор, как здесь приземлились. Мне пришлось приставить круглосуточную охрану ко всему: зданиям, продовольствию, приборам. Здесь есть какое-то подземное медленно передвигающееся животное, которое продолжает попытки съесть рас-

порки, на которых стоит наш корабль. — Он покачал головой. — Что за мир!

— Вы не имеете представления о нем, — сказала ему Марта.

— Чертовщина, — лязгающим голосом проговорила высокая женщина, — но здесь все может случиться.

— Больше, чем вы можете себе представить, — заверил ее Эван.

— Да, я уверен, что лаборанты компании будут корпеть над вашей информацией несколько месяцев, пытаясь принять решение, какое развитие одобрить в первую очередь.

Фрейзи быстро поднял глаза на Марту.

— Я уверен, что вы сможете указать им на наиболее выгодные направления в работе.

Она внимательно посмотрела на него.

— Я могла бы. Если вы сможете сначала объяснить мне кое-что.

Улыбаясь, Фрейзи подался вперед.

— Все, что угодно, мисс Офемерт.

— Когда вы разговаривали с Эваном минуту назад, то произнесли любопытную фразу: «Мы думали, что вы были убиты вместе со всеми остальными». Эти слова предполагают то, что вы знали, что все были убиты до того, как вы приземлились. Почему же вы думали, что все здесь были мертвы? Ведь было вполне возможно, что станция потерпела не более чем аварию коммуникаций.

Фрейзи пожал плечами.

— Вполне естественное предположение после такого долгого периода времени, когда от вас не поступало никаких сигналов.

— Правда? Я бы подумала, что более естественно было бы предположить поломку средств связи, а не то, что здесь никого уже не осталось, чтобы использовать их.

Последовала неудобная и напряженная тишина. Эван переводил глаза с Марты на Фрейзи, а мысли вихрем вертелись в его голове. Эта его улыбка... не была ли она чуть-чуть наигранной?

— Кто был вашим связным в проекте Призма? — резко спросила его Марта. — Кто одобрил ваше путешествие сюда?

— Хоултон. Габриэль Хоултон.

— Кто информировал вас о моем приезде? — тихим голосом спросил Эван. — Кто приказал вам искать меня до того, как вы получили от меня известия?

Фрейзи бросил быстрый взгляд на него.

— Самнер.

Эван медленно покачал головой.

— Не очень хорошо, Фрейзи. Самнер — второстепенный служащий, и к тому же занимающийся связями с общественностью. Вам, может быть, известно лишь его имя... — Когда Фрейзи продолжал сохранять молчание, Эван продолжил. — Дело в том, что вряд ли кто-нибудь из вас мог знать о моей поездке сюда. Это сохранялось в максимальном секрете ото всех. Только некоторые люди из высших инстанций знали о том, что я направляюсь сюда.

— Она спрашивала о Гумуле. — Мартин резко указала пальцем в сторону Виноны. — Вы спрашивали о Гумуле.

— Я не знаю, о чем вы говорите, Офемерт.

— Боюсь, что это именно так. Пойдем, Эван. Нам надо поговорить. — Она повернулась к двери.

Винона встала между ними и двумя людьми, которые теперь охраняли вход. Все они держали в руках спицы.

— Мне жаль.

По ее голосу не чувствовалось, что ей жаль, подумал Эван. Он повернулся к Фрейзи.

— Естественно, — наигранно вздохнул тот — Как, к несчастью, заметила твоя подружка-получеловек, мы предположили, что все вы были мертвы, когда прилетели сюда, но когда мы не получили никаких известий от Гумулы, то стали волноваться. Мы представляли, чего можно ожидать от этой планеты, но не могли утверждать наверняка. Но как бы то ни было, наш корабль «Судария» ждет нашего возвращения на расстоянии в несколько планетарных диаметров отсюда.

— Мне известно это название, — голос Эвана звучал зловеще. Концерн, которому принадлежала «Судария» и другие такие же суда, не был прославлен своей благотворительностью и добротой. Ему была отвратительна вся эта ситуация. Больше всего ему был отвратителен он сам, потому что был так легко обманут таким простым трюком. Он оказался слишком увле-

ченным мыслью о предстоящей спасательной работе, чтобы продумать все как следует.

— Я так и думал, Орджелл. — Он перевел свое внимание обратно на Марту. — Я знаю, что он Эван Орджелл. Ты уверяешь, что ты — Мартина Офемерт. Я знаю, кто это был. Я не уверен, что ты — это она. Ты выглядишь более похожей на местную жизненную форму, чем на ученого-исследователя. Насколько мне известно, ты — это умная подделка, сумевшая обмануть Орджелла. Тебя легче принять за оригинальную чужеземную конструкцию вместо отремонтированного человеческого существа. Откровенно говоря, ты меня очень нервируешь, и я уже подумываю о том, не застрелить ли тебя прямо на месте.

— Я рада слышать, что нервирую тебя, — с опасной нотой в голосе сказала Марта, ни на йоту не заботясь о собственном спасении.

— Она — человек, — торопливо сказал Эван. — Я могу поручиться за это.

— Я и хочу признать это. Но не потому, что ты ручаешься за это Орджелл, а потому, что она отремонтирована как человек. Стыдно за Арама, — пробормотал он высокой женщине. — Он был хорошим парнем.

— Он был лжец и убийца, — ровно сказала Марта.

— Звучит довольно по-человечески. — Фрейзи щелкнул пальцами, пристально глядя в ее сторону. — Это хорошо. Информация, которую тебе, без сомнения, удалось получить во время твоего продолжительного пребывания в этих кристаллических жилах, будет неоценимой. Она сэкономит нам кучу усилий и времени.

— Если вы думаете, что можете завладеть этой станцией и с помощью силы... — начал Эван.

Фрейзи прервал его речь громким смехом.

— С помощью силы? Почему же мы должны использовать силу, Орджелл? Твоя компания давно славится своим консерватизмом. Сначала они потеряли контакт с персоналом станции, затем они перестанут получать известия от «специалиста», которого они послали сюда, чтобы выяснить, что здесь случилось. Я не думаю, что они будут проверять в третий раз. Нет, если ваш совет директоров оправдывает наши

ожидания, они просто поставят вопрос на голосование и решат не бросать хороших денег на плохие и бесполезные дела. Они свернут этот проект и забудут об нем по крайней мере года на два. За это время мы уже хорошо обоснуемся здесь.

— Шел бы ты... — произнесла Мартин.

Высокая женщина в это время что-то курила. Запах дыма был похож на запах старых роз. Он щекотал ноздри Эвана.

— Вы будете с нами сотрудничать — во всяком случае то, что от вас осталось. У нас есть и собственные специалисты, вы знаете. Легче извлечь информацию из человека, чем из планеты. Я думаю, что в вас еще осталась достаточная доля человеческого. — Она повернулась и посмотрела сквозь Эвана. — Я знаю, что большая часть тебя — человеческая.

— Нет такого средства, с помощью которого ты или кто-нибудь другой могли бы заставить меня сообщить хотя бы самую незначительную информацию о Призме, — сказала Марта.

— Хорошо, может быть, ты права, и я ошибаюсь. В этом случае, я не сомневаюсь, мы сможем получить много сведений, если разлучим вас и допросим по отдельности.

— Ты кое-что забываешь, — вмешался в разговор Эван. — Нет никакой разницы в том, что вы можете сделать с нами. Вы не можете построить ничего более сложного, чем исследовательская станция в этом мире, потому что Призма классифицируется как Класс А.

На этот раз впервые заговорил мужчина, державшийся на заднем плане:

— Что это значит? — Он взволнованно поглядел в сторону Фрейзи. — Это неправда. В картотексе станции нет никакой информации о разумных естественных жизненных формах.

— Там есть кое-что другое. — Эван с удовольствием наблюдал за их замешательством. — Очевидно, вы не обратили внимания, достаточного внимания на историю Мартини. Она и я были вылечены существами, которые действовали, руководствуясь разумом, а не инстинктами. Они разумны, разумны достаточно для того, чтобы квалифицироваться как жители Класса А. Вы знаете, что это значит. Миры Класса А запрещены для экспансии.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — В голосе Фрейзи

чувствовалось некоторое смущение. — С тех пор, как мы находимся здесь, мы не встретили ничего, кроме того, чего и ожидали: примитивных местных жизненных, форм. Хороший прием, Орджелл, но он не прошел.

— Вам нужны доказательства? Кто же, по вашему мнению, сделал нам эти операции? Деревья?

— Может быть. Я не удивляюсь ничему, что касается этого мира.

— Если здесь и есть какие-нибудь разумные жизненные формы, им придется держаться от нас подальше, — прибавила высокая женщина. — Мы вложили много средств в это дело. Слишком много, чтобы нас могла остановить ваша сказка. Полагаем, вы сделали операции друг другу, или вам их сделали хирурги до того, как Гумула добрался до них. Если это тот случай, я посмотрю в картотеке, когда у нас будет время пройти по ней. Я намного охотнее поверю этой версии, чем той, что вас вылечили какие-то местные жизненные формы.

— Вы не сможете навсегда скрыть существование своего нового мира. Когда правительству станет известно о том, что вы здесь делаете, наступит конец для всего вашего совета директоров.

— Может быть, но, возможно, это будет лишь спустя сто лет, — ответил Фрейзи. — Наши люди смогут тогда с этим справиться. У нас не будет причин для волнений. Мы к этому времени уже найдем нашу удачу, успеем ею насладиться и отправимся на вечный отдых.

— Здесь что-то странное. — Напарник высокой женщины уже повернулся лицом к компьютеру и пристальным взглядом смотрел на экран. — Но о них пока все еще нет ничего.

— Будет, вот увидишь, — уверенно сказала женщина. — Они пытаются получить немного независимости с помощью истории, которая слишком невероятна, чтобы ее проверять.

— Что же мы будем делать с ними до этого времени? — спросил ее напарник.

— Фрейзи искоса оглядел Эвана и обратился к Виноне.

Посади этих двоих в наблюдательную башню. Они не смогут причинить никаких неприятностей, находясь там. Завтра мы доставим их на «Сударию». Ноудвей и его люди могут начать работать с ними, а мы сможем заняться своим делом

здесь. — Он оглянулся назад на своих пленников. — Я бы вам посоветовал не пытаться ничего предпринимать. Мои люди очень квалифицированы. Вы сможете сослужить нам гораздо более ценную службу, будучи живыми, чем быть мертвыми. За вами будет установлено тщательное наблюдение. — На его лице снова появилась улыбка, та, которой он встретил их. — И поверьте мне, что здесь ничего личного. Это чисто деловые проблемы.

— Да, — высокая женщина подошла поближе. — Мы всего-навсего выполняем свои обязанности, точно так же, как и вы выполняете свои. Я уверена, наши люди сделают вам очень привлекательное предложение, чтобы обеспечить ваше сотрудничество. Сейчас ведь абсолютно неважно, на кого работать, не правда ли?

Марта плюнула ей в лицо и сказала сквозь зубы:

— Нет. Но очень важно с кем мне придется работать.

Женщина медленно вытерла слезы со щеки.

— Может быть, мне повезет. Может быть, вы будете продолжать отказываться сотрудничать. Подождите, когда вы увидите Ноудвея... Гумула был сущий ребенок по сравнению с ним.

Винона сделала шаг вперед и начала подгонять их к выходу из комнаты. Марта бросила через плечо:

— Я не потерплю никакого плохого обращения с местными жизненными формами.

— Местными жизненными формами? — Фрейзи, казалось, развеселили эти слова. Он огляделся вокруг себя. — Ты действительно все еще намерена продолжать рассказывать эту нелепицу, не правда ли? — Он поднял глаза на женщину. — Ты видела какие-нибудь местные жизненные формы?

— Нет, мадам, — заверила та Марту. — Мы не видели ничего, кроме богомерзкой ерунды, которая пытается обернуться вокруг ног, и маленьких существ с твердым панцирным покрытием, которые все время пытаются найти дырку в скафандре и ползают по телу. Но никаких «местных жизненных форм».

— Тогда здесь не с кем плохо обращаться, не правда ли? Кроме вас, если вы будете продолжать упорствовать и не станете покладистее. — Фрейзи, обернулся к Виноне. — Прос-

леди за тем, чтобы они получили все, что захотят: любую пищу и напитки. — Он снова глянул на Эвана. — Возможно, вы будете удивлены, начав получать регулярную пищу каждый день после стольких дней, проведенных в дикости. Может быть, вы станете более сговорчивыми на сытый желудок.

Их провели через помещение станции и заставили взбираться на вершину наблюдательной башни, потому что лифты все еще не работали по причине отсутствия энергии. Платформа была пустынна, инструменты были герметически упакованы в целях защиты от пыли и жизненных форм, рожденных ветром. Теперешние обитатели станции абсолютно не интересовались научными исследованиями.

Ремни безопасности были использованы для того, чтобы связать запястья и лодыжки пленников. Эван и Мартин усадили, прислонив их к стене. Пленники не выглядели чересчур ужасающими. Без сомнения, не было смысла тратить впустую время на то, чтобы стоять и наблюдать за двумя такими беззащитными незванными гостями. И потому охранники решили между собой бросить жребий, кто останется на дежурстве, а кто уйдет.

Винона и один из мужчин удалились, оставив своего невезучего товарища жаловаться на свое дурное счастье. Бросив мимолетный взгляд на своих неподвижных пленников, он сосредоточил все внимание на разглядывании блестящего, завораживающего чужеземного пейзажа. Он не знал, да и не мог знать, что его пленники, которые, казалось, молчали, вели между собой непрекращающийся разговор.

Эван незаметно кивнул вниз в сторону тоненького ремешка, который связывал его лодыжки.

— Самогерметизирующиеся углеродосодержащие наручники. То же, что и на твоих запястьях.

— Я бы могла перерезать их в одну секунду, но мне надо вытянуть руку, чтобы хорошенько выровнять оптические линзы.

— Это напоминает другое: почему ты не пристрелила парочку этих типов, когда у тебя была возможность для этого?

— Вокруг слишком много вооруженных людей. Я решила подождать до лучшей возможности.

— Я думаю, она нам представится. — Он попытался взгля-

нуть поверх низкой внутренней стены, чтобы увидеть лес, простирающийся за ней. — Я надеюсь, мы сможем попросить наших друзей предоставить нам ее.

— Я бы не стала втягивать местных в человеческие конфликты.

— Их уже и без того втянули, независимо от того, хотели бы мы этого или нет. Они оказались вовлеченными в этот конфликт, уже когда их мир был обнаружен. Если мы не предпримем что-нибудь для того, чтобы остановить Фрейзи и других, подобных ему, нашим друзьям будет от этого только хуже.

— Неужели? — Марта заговорила сардоническим тоном: — Или наша компания состоит из чистых альтруистов?

Эвана возмутила эта мысль, но что-то в словах Мартин все же было близко к истине. Кто мог ручаться за то, что их наниматели более справедливо поступят с Эже и его товарищами, чем с Фрейзи? Он мог просто сказать ей, что они смогут обдумать это потом, но это было не в характере Эвана Орджелла. Он был органически неспособен к тому, чтобы оставить без ответа вызов, брошенный ему.

— Нет они не такие. Если бы это было так, они бы немедленно передали это открытие соответствующему правительственному институту. Они вне исключительных прав на развитие по крайней мере на годовой срок, тебе известно это. И они не приказывали никого убивать. Я могу с уверенностью сказать, что я и ты — люди более хорошие, чем Фрейзи и та женщина, которая была с ним в той административной комнате.

Она все еще улыбалась своей слабой улыбкой.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

— Если бы я так же была уверена в своих положительных качествах, как и ты

— Тогда поверь моему слову

Она отвела взгляд от него и посмотрела на их дремлющего охранника

— Если бы мы смогли принести сюда переговорное устройство. Я не уверена, что кто-нибудь сможет найти нас в этом радиусе

— После переговорных устройств разведчики имеют самую лучшую слышимость, правда? омнишь того самого, кто путешествовал со мной, Эже? Он и я стали, ну, близки. В смысле ощущений. Если кто-нибудь нас и освободит, то это будет он. Мы позовем его вместе. И внимательно наблюдай за левой стороной своего лица. Мы не должны показывать никакого напряжения. — Он слегка кивнул головой в направлении караульного. — Он не обращает на нас внимания, потому что мы не показываем вида, что делаем что-то не то. Давай продолжать в том же духе.

— Предположим, они нас подберут. Что же они должны делать?

— Я еще об этом не думал. Но ты же знаешь лучше, чем я, как хорошо они умеют чинить то, что сломалось.

— Ты предполагаешь, что они пойдут на риск прийти нам на помощь?

— Я не сомневаюсь в этом ни на минуту. Я член их Ассоциативы. Дружба не различает форм.

— Хорошо. Если мы когда-нибудь отсюда выберемся...

— Готова? На счет три. Раз, два...

Караульный продолжал смотреть в окно на блистающий горизонт. Он думал, когда же Фрейзи прикажет покинуть это красивое, но такое опасное место и не слышал и не чувствовал крика о помощи, исходящего от его связанных подопечных.

Не было никакого неправильного понимания, не было подыскивания слов. Их крик был пойман и одновременно расшифрован.

— Что случилось? — спросил Эже. Эван знал голос разведчика так же хорошо, как свой собственный. — С вами все в порядке? Что случилось?

— Люди, которые пришли сюда, вовсе не наши друзья. Они хозяева человека, который убил товарищей Марты и принудил ее спастись бегством. Они сделали нас своими пленниками и планируют увезти с собой на своем корабле. Они имеют планы и на вас и на ваш мир, — и он продолжал рассказывать в деталях о возможном порядке эксплуатации и развития, который будет проведен на планете под тяжелой рукой начальников Фрейзи.

Наконец ответил библиотека.

— Ты жил вместе с нами, боролся вместе с нами и помогал нам. Ты член нашей Ассоциативы. Твоя подруга — член Ассоциативы вместе с тобой, и, может быть, даже более, чем ты. У нас не было достаточно времени на то, чтобы исследовать философское значение всех этих недавних развитий, но мы знаем, кто наши друзья. Конечно, мы придем вам на помощь.

— Вам придется быть очень осторожными. Эти люди одеты в защитные костюмы. Они не так хорошо оборудованы, как тот, в котором прилетел я, но более чем достаточны для того, чтобы иметь дело с большинством местных животных.

— Но мы не животные, — ответ Эже был спокоен и уверен.

— Может быть, придется нанести вред некоторым из них, для того, чтобы защитить себя, пока мы будем вас освобождать. — Этого и следовало ожидать от библиотеки — он, как всегда, беспокоился о нравственности — Эван это знал.

Марта имела наготове ответ на такие сомнения.

— Делайте, что вам будет необходимо. Вы говорите, что я член вашего Ассоциативы по родственным связям. Эти люди — убийцы. Они убивают не для того, чтобы защитить себя или получить пищу, а ради абстрактных целей. Они не будут колебаться и убьют любого из вас, только чтобы узнать, как вы устроены внутри.

Они нечаянно услышали, как библиотека обращался к другим членам Ассоциативы.

— Все так, как я и предполагал. Эти люди более развиты в области знаний, чем мы, но их система нравственных принципов жалка и неразвита.

Ни Эван, ни Мартин ни слова не сказали, чтобы оспорить это утверждение. Если местные жители хотели пребывать в уверенности, что они нравственно превосходят их друзей-людей, пусть так и думают. Это не приносило вреда.

— Мы придем и освободим вас, — сказал Эже.

— Это будет не так просто. Я знаю, на что вы способны, но вы не имеете представления о том, что может сделать современное оружие. Это типа того, что другие доктора вмонтировали в Марту. Ну, и эти люди носят на себе примерно такие же приспособления. Вы знакомы со способами защиты от него?

— Мы уже имели опыт борьбы с таким оружием, — Эже

пытался разуверить своего друга. — Я сам уклонялся от него несколько раз. — Последовало несколько едва слышных замечаний членов Ассоциативы, которые были похожи на элктронное хихиканье. Эже не обратил на них внимания.

— Мы поможем вам выйти из положения, в котором вы сейчас находитесь, с минимальной потерей жизни, — с благодарством произнес библиотека. — Оставайтесь там, где сейчас находитесь. Не показывайте и виду, что вы вступили в контакт с нами и что вы информированы о том, что происходит.

— Естественно. Подождите минутку. Вы разве не хотите, чтобы мы посоветовали вам, как начать действовать?

Легкий намек на усмешку.

— Доверяйте нам. У нас есть разум, о котором вы говорили захватившим вас. Мы придем за вами до захода солнца, после того, как мы накопим достаточно сил. До этого нам надо обсудить то, как мы будем действовать между собой.

В конце концов жизнерадостное «Не беспокойтесь!» донеслось от Эже. Следующим в его голове прозвучал голос Марты.

— Нам следует попробовать немного отдохнуть. Нам надо быть как можно более физически подготовленными к тому моменту, когда твои друзья придут за нами.

— Интересно, а можно ли спать в таком положении. — Он долго вертелся пока, наконец, ему не удалось занять удобное положение, склонившись на одну сторону. — Я в этом сомневаюсь.

Но он ошибся.

15

Его разбудила смена караула. Марта уже не спала. Эван сонно помигал глазами и увидел, что блестящее красное солнце Призмы уже начинало садиться. Их новая караульная имела что-то общее с большой пикой, которую она держала в кобуре.

— Винона, это ты?

Женщина только слегка улыбнулась ему.

— Привет. Не доставляйте мне неприятностей, и я не причиню вам ничего плохого. Заткнитесь и можете спать снова. Это будет проще для всех нас. — Она отвернулась от него и стала смотреть в другую сторону.

В его голове прозвучал тихий голос:

— Начинается.

— Что? — Он был так удивлен, что произнес это вслух. Винона оглянулась в его сторону и нахмурилась.

— Повторить?

— Нет, не надо, — робко сказал Эван. — Я просто еще не совсем очнулся от плохого сна.

— Тебе будет лучше привыкнуть к ним. Я слышала, что они все-таки хотят передать вас обоих Наудвсю.

— Возможно, они восстановили защитную поверхность станции, — говорила тем временем Марта тем, кто собирался идти на штурм станции. — Это мощное электрическое поле, которое проходит между подпорками и металлическими сваями. Вам придется найти какой-нибудь способ избежать его. Я уверена, это поле достаточно сильное для того, чтобы лишить вас памяти, если не убить вас совершенно.

— Мы знаем об этой опасности, — сказал им Эже. — Мы уже избегали ее.

— Что? — Эван попробовал взглянуть за ободок ветрозащитного стекла за караульным. Ничто не указывало на то, что что-нибудь было не в порядке в лагере.

Марта была тоже удивлена этим.

— Если заслон защищен электрическим током и вы перешли через него, для этого вам надо было отключить систему сигнализации.

— Мы решили ничего не беспокоить. — Это говорил библиотека. — Поэтому мы послали нескольких наших членов повернуть поток энергии в сторону, пока мы проходили.

— Это невозможно, — решительным голосом сказал Эван.

— Ты забыл о наших друзьях-проводах, мой друг, Они могут переносить и многое другое вещи, кроме воды.

Эван попытался нарисовать в своем воображении приближение его друзей, несколько проводов, соединенных друг

с другом, которые, возможно, сформировали аккуратную дугу между двумя подпорками, ответственными за энергозащиту, которые пропускали смертельное напряжение через свои тела, не причиняя себе ни какого вреда, в то время как другие члены Ассоциативы спокойно пробирались в лагерь под этим проходом. Не было никакой опасности вмешательства, так как постоянный электрический ток продолжал идти свободно между подпорками. Никакого вмешательства — это значит никаких громко ревущих сирен внутри отгороженной территории станции. Это было прекрасное решение проблемы.

— Вам придется все же остерегаться оружия, — напомнила им Марта. — Пика не будет разрушать ваше собственное электрическое поле, но она просто проколет вас насквозь.

Последовала тишина, которая показалась им мучительно долгой. Эвану показалось, что атаке что-то помешало. Не переменяла ли библиотека свое решение? Не решили ли они, что их друзья-люди не стоят стольких смертей членов Ассоциативы?

Затем пара воинов перебралась через защитное ограждение, и события начали развиваться очень быстро.

Один прыгнул к Виноне, а другой бросился освобождать пленников. Острые вращающиеся зубы разрезали ленты, связывающие руки и лодыжки Эвана. Он услышал стон Виноны. Промелькнувшая в голове мысль о кислоте и других видах местного оружия заставила его содрогнуться, он не пожелал бы такой судьбы даже врагу. Как обычно, воображение оказалось слабее, чем реальность. Их охранница лежала на наблюдательной платформе с подогнутыми под себя ногами, ее руки слабо подергивались, рядом с ней стоял второй воин. Освобождая от пут Марту, спаситель Эвана объяснил:

— Никаких кислот. Библиотека запретил, — говорил воин характерными отрывистыми, сжатыми фразами. — Анализировали ваш старый экзоскелет. Собиратели нашли необходимые ингредиенты, обработчики синтезировали их. Распылить вещество на ваш тип экзоскелета, и оно убьет

— Убьет? — прошептал Эван.

— Убьет подвижность, — поправился воин.

Мартина склонилась над охранницей, которая все еще обнадеживающе стонала. Действительно, темное липкое ве-

щество склеивало теперь скафандр в нужных местах. Там, где вещество уже затвердело, стал твердым и скафандр, и в результате все суставы застыли в неподвижности. Она не могла потянуться за оружием, не могла встать, не могла даже убежать. Ее скафандр превратился в смиренную рубашку. И ни капли крови пролито не было.

Воин протянул руку. Стоны Виноны превратились в вопль, но могучие когти тянулись к ней. Они открыли кобуру и вытащили спицу. Воин исследовал его с профессиональным интересом.

— Выглядит не очень опасным.

— И вы тоже.

— Хм. Собственное тело лучше, чем посторонние приспособления.

Силикатные когти сжались. Металлический кожух оружия смялся, будто фольга.

— Что... что вы со мной сделаете? — заикаясь произнесла Винона. Ее давешняя бравада полностью улетучилась. — Что вы сделали с моим скафандром? Откуда взялись эти чудища?

— Тихо, — приказал ей Эван. — И не называйте их чудищами. Они очень чувствительны.

Он протянул руку и выключил ее аккумуляторы, прекратив подачу энергии в устройство связи скафандра.

— Не волнуйтесь о вашем скафандре. Вы слишком долго жили на Самстэде. Единственный скафандр, который вам необходим, это тот, что вы носите на ваших костях. — Он снова протянул руку и отстегнул ее шлем.

— Пожалуйста, не надо! — простонала она.

Жалкое зрелище, подумал Эван. Он снял собственный шлем, потом выбросил его через край платформы, и в это время до него донеслись крики и проклятия снизу. Там начиналось столпотворение.

Он подошел к Мартине, стоящей у перил. Из зданий выбегали люди. Некоторые из них были полураздеты. Время от времени раздавался сухой треск иглострела.

Первоначальное смятение постепенно уступало место подобию организованности, по две, три фигуры стали собираться у западного крыла административного здания. Пе-

редвигаясь группами, они стреляли на ходу, начиная отступать в направлении челнока.

— Ваши друзья прерывают свой визит, — сообщила Мартина. Глаза охранницы широко раскрылись.

— Нет, пожалуйста, позвольте мне уйти с ними! Не дайте им оставить меня здесь! — Она в ужасе смотрела на воина, стоящего над ней.

— Почему мы должны отпустить вас? — Ответ Мартины прозвучал холодно. — Вы предали нас и передали в руки Фрейзи. Вы бы не задумываясь убили нас, если бы кто-либо из нас попытался бежать.

— Пожалуйста, я только выполняла задание.

— Черт, Мартина, отпусти ее. Кроме того, если Фрейзи и его люди все еще питают какие-то иллюзии насчет того, что Призма служит домом для населения класса А, она сможет помочь рассеять их.

Мартина подумала, потом обернулась, наклонилась и схватила свою бывшую охранницу хрустальной рукой цвета сапфира.

— Вы видите, что эти люди, — а они действительно люди, — обладают высшим разумом. Мы говорили об этом Фрейзи, а он не захотел нам поверить. Напомните ему об этом. — Женщина лихорадочно закивала головой. — Этот мир не подлежит коммерческой эксплуатации.

— Несомненно. — В ее голосе звучала горечь. — Но и ваша компания должна будет отказаться от своих инвестиций и уйти, правда?

— Правда, — ответил ей Эван, удивленный собственными словами. — Мы собираемся довести это до сведения соответствующих властей. Никакой бесконтрольной эксплуатации Призмы не будет. Разумные существа этой планеты получают возможность развиваться по-своему и в своем собственном темпе, пока не станут достаточно развитыми, чтобы претендовать на членство в Содружестве. — Он мигнул и посмотрел на Мартину затуманенным взором. — Я действительно произнес только что то, что, как мне кажется, я произнес?

— Конечно, да, — с гордостью ответила она, затем обратилась к терпеливо стоящему рядом с ней воину.

— Освободи ее скафандр, чтобы она могла ходить.

— Боюсь, такого способа не существует.

— Тогда разрежь его и достань ее.

Воин послушно шагнул вперед, его вращающиеся зубы замелькали, став почти невидимыми. Воздух наполнился пронзительным визгом, когда они приступили к разрезанию скафандра охранницы. Она съежилась, но ей не стоило волноваться. Хоть он и не был хирургом, однако воин ухитрился так осторожно разрезать костюм, что не задел его владелицу. В считанные секунды скафандр был разрезан точно посередине.

Как змея, сбрасывающая кожу, охранница отбросила в сторону бесполезную одежду. Без единого слова благодарности, она пулей выскочила из окна и соскользнула вниз по одной из опор.

Перегнувшись вниз, Эван и Мартина смотрели, как их бывшая охранница мчалась изо всех сил, стараясь догнать своих отступающих соратников. Пока они смотрели, Эван заметил, что не все вспышки света, возникающие там и сям на поле боя, вылетают из оружия людей. Он спросил об этом воина.

— Врачи проделали большую работу. Проводники теперь могут нести много груза, а блеск могут концентрировать большое количество энергии. Врачи посоветовались с Библиотекой. В результате мы получили новый вид существ в Ассоциативе; такое существо частично является блеском, частично проводником, частично собирателем, а частично воином — и еще чем-то. Чем-то новым. — Многочисленные руки сделали жест в сторону Мартины. — Нечто, связанное с тем, что вы носите в правой верхней конечности.

Он приблизился перилам и приподнялся, чтобы заглянуть через их край. Плоские линзы осмотрели местность внизу.

— Посмотрите, вон один из наших родственников в действии.

Эван и Мартина посмотрели. Воин показывал на некое существо, ярко красное внизу и серебряное сверху, покрытое углублениями, в которых находился глубоко внедренный серебряный силикат. Этот новый житель Ассоциативы напоминал хрустальную сороконожку.

Она выпрямила трубкообразное тело и наклонила голову. Из задней части ее головы появился тонкий луч света и ударил по группке отступающих людей. Луч светил несколько секунд,

пока голова не поднялась снова. Сороконожка исчезла из поля зрения, в то время, как боевики Фрейзи в панике пытались отстреливаться.

— Будь я проклята. — Мартина с изумлением уставилась на это последнее произведение содружества гениальных врачей. — Лазер на ножках!

— Так же, как и ты, в некотором смысле.

— Не совсем, вон еще один. — Эван указал на то место, где вторая сороконожка выгоняла людей Фрейзи из-под прикрытия водоочистой станции.

Было много шума и вспышек, но мало смертей, так как, по-видимому, скафандры людей способны были отражать такие удары. Или, возможно, сороконожки могли генерировать гораздо более мощные лучи, однако не делали этого, следуя приказам библиотеки? Воины, которые спасли их, подтвердили, что так оно и было.

— Библиотека приказывает, чтобы смертей было как можно меньше. — Воин фыркнул. Такие указания отрицательно влияли на его карму.

Люди Фрейзи, спотыкаясь, забирались в челнок, теперь их паника и замешательство были явственно видны даже на расстоянии.

— Их загоняют на борт. — Мартина усмехнулась. — Вероятно, они даже не понимают, что с ними делают.

Двигатели челнока кашлянули, потом взревели. Смешное сборище полуодетых людей упаковано на борту, как сельди в бочки, подумал Эван. Им придется терпеть вонь друг от друга всю дорогу до базового корабля.

Рокот двигателей челнока усилился, вырос до воя. Неожиданное чувство тоски по дому пронзило Эвана, когда корабль с ревом пронесся по взлетной полосе и, круто задрав нос, взлетел, направляясь к ионосфере. Он продолжал смотреть ему вслед еще долго после того, как он исчез в облаках, оставив за собой только эхо своего взлета. Эхо и несколько нелегких вопросов.

— Ты думаешь, они вернутся и попытаются снова захватить станцию?

Мартина, казалось, сомневалась.

— Чем? Если бы они взяли с собой какое-либо тяжелое

оружие, они бы уже применили его. Сомневаюсь, чтобы оно у них было.. Они явились, ожидая, что здесь командует их человек, Гумула, или, в худшем случае, что им пытаются справиться с несколькими упрямыми. Разумная жизнь, способная защитить себя от достижений современной техники, — это нечто такое, чего они не предвидели в самых кошмарных снах.. Им придется полностью перестроиться и изменить свои планы. Фрейзи предстоит нелегкая задача: заставить своих начальников поверить ему. — Она тихо хихикнула. — О, возможно, у них есть намерение вернуться домой и собрать получше вооруженную экспедицию для посадки на этой планете, но к тому времени мы уже дадим знать, куда следует, и на орбите будут дежурить один-два корабля миротворческих сил.

— Я бы на это пока не очень-то рассчитывал, — неожиданно ответил он, указывая в дальний угол лагеря. В чистый воздух утра поднимался дым.

— О боже, — прошептала Мартина, когда поняла, откуда идет дым, — нульпространственный коммуникатор. Я думала, у них не хватит времени вспомнить о нем.

— Я тоже так думал. — Выражение лица Эвана было мрачным. — Нам лучше побыстрее добраться туда и посмотреть, можно ли спасти что-нибудь.

Хотя станция и большинство ее оборудования были построены из негорючих материалов, но определенные компоненты содержали горючие вещества. К несчастью, из них состояла большая часть аппаратуры управления и передачи луча связи через глубокий космос, сложного устройства из электронных компонентов, которые превратились в золу к тому времени, когда они с Мартиной смогли справиться с огнем. То, что им не удалось бы сделать ничего большего, даже если бы они прибежали раньше, слабо утешило Эвана. Стандартное оборудование для тушения пожаров не в силах погасить горящий порошок магнезии, а именно это вещество поджигатели Фрейзи обильно посыпали по всем приборам, прежде чем поджечь их.

Сам генератор луча, находящийся в шахте глубоко под поверхностью Призмы, не пострадал, но был совершенно бесполезен без средств активации и наведения его на цель.

Эван отбросил огнетушитель и устало опустился на стул, который чудом избежал огня и внимания жадных мародеров Фрейзи.

— Ну вот. Мы попались.

Мартина печально уставилась на все еще тлющую панель управления.

— Я не подумала об этом. Нам следовало сказать Эже и другим, чтобы первым они захватили это здание. Я не подумала.

— Возможно, это не имело значения. — Эван потер глаза. — Требуется всего минута, чтобы рассыпать воспламеняющийся порошок и бросить спичку в это место.

— Я не инженер, но если бы у нас были запасные детали, то, может быть, можно было бы отремонтировать передатчик.

— Уверен, что можно, — саркастически ответил Эван, — только я тоже не специалист в этой области, и, наверное, у нас нет достаточного количества запасных частей для ремонта, и даже если бы они у нас были, и мы знали, как это сделать, то, вероятно, нам бы не хватило времени. Зная, что мы отрезаны, Фрейзи со своими людьми вернется и устроит на нас охоту, как только сможет достать тяжелое оружие.

Их друзья и спасители постепенно стекались к ним, привлеченные двумя магнитами — поднимающимся дымом и растущим отчаянием. Воины и сороконожки-новорожденные инстинктивно занимали оборонительные позиции вокруг здания связи, между ними передвигались врачи. Было несколько пострадавших. Два воина и один из новых гибридов были необратимо разрушены выстрелами.

Был еще один смертельно раненый, весть о котором немедленно вывела Эвана из состояния летаргии.

— Нет! — Эван бросился наружу, и его отвели к тому месту, где один из врачей работал над неподвижной и такой знакомой фигурой.

— Эже!

Пространство вокруг Эвана содрогнулось от силы его молчаливого вскрика:

— Он не умер! Скажите мне, что он не умер!

— Он балансирует на тонкой линии между самим собой и уходом, — сказал ему врач, не поднимая головы. Его тонкие

руки и щупальца двигались с невероятной скоростью, работая над разорванными внутренностями разведчика.

— Теперь уходите, пожалуйста, и не кричите так громко.

Эван подчинился, умерив интенсивность своих мыслей, но отказался уйти.

— Эже, Эже! Не отвечай. Значит ли это...

— Не значит. Это значит только то, что система серьезно повреждена, настолько, что все несущественные функции отключены телом, — проинформировал его врач — В том числе и коммуникативные. Имется тепловое поражение в области мозга, но я пока не могу определить его размеры. Хвала Ассоциативе, центры памяти коры головного мозга не пострадали. Я могу только повторить вам: уходите.

Эван отступил назад на несколько шагов, пытаясь проанализировать свою совершенно неожиданную эмоциональную реакцию. Почему он так расстроен? Что такое Эже, в конце концов? Ничего, кроме примитивной формы жизни, состоящей из твердых, чуждых человеку материалов. Едва ли нечто большее, чем говорящая скала. Конечно, он обладал индивидуальностью, даже был в некотором роде личностью, но то же можно сказать и об определенных видах рыб. Что-нибудь еще?

Только то, что он был другом.

Раздавшийся рядом с ним голос заставил его вздрогнуть, потому что это был настоящий голос, а не мысленное послание.

— Ты, наверно, был очень привязан к нему, — пробормотала Мартина.

— Если бы не он, — чем бы ни был Эже, — меня бы здесь не было. Я бы лежал в обломках где-нибудь в лесу, стал бы пищей для сиарузи и какого-нибудь другого прожорливого зверя. Не думаю, что «привязан» — достаточно верное слово.

— Что с ним?

Эван не мог смотреть ей в глаза, ни в один из них.

— Я сам недостаточно силен, чтобы произнести это. — Он с трудом сглотнул.

Она обняла его своей человеческой рукой.

— Постарайся не волноваться. Ты же видел, на что способны эти врачи.

— Я знаю, но Эже получил выстрел в голову из иглострела. Не знаю, смогут ли даже эти врачи исправить такое повреждение.

Она мягко потянула его прочь.

— Нет ничего, что ты или я могли бы сделать для него. Вернись внутрь, и давай подумаем вместе. Может быть, мы сможем сделать что-нибудь с передатчиком.

— Конечно, сможем. Мы можем помочиться на него. Это принесет столько же пользы, как и все остальное. — Однако, он позволил ей увести себя.

— Одно я знаю наверняка, — говорила ему Мартина несколько часов спустя, когда темнота окутала мир. — Я никуда не пойду с этими ублюдками. Я лучше вернусь в лес и проживу там остаток жизни. Попытайся заставить другие Ассоциативы работать вместе. Это будет нелегко. Они ограничивают население каждой Ассоциативы, потому что убеждены, что определили ее оптимальные размеры для удобного взаимодействия с окружающей средой. В этом они, возможно, и правы, но эта угроза совершенно новая, нечто, с чем они раньше не сталкивались. Это угроза не просто для одной-двух Ассоциаций, но для их общего будущего. Опасность угрожает им всем, и справиться с ней можно только общими усилиями. Библиотеки проявляют достаточно здравого смысла. Если мне удастся уговорить их, то, возможно, удастся убедить и остальных.

— Мой друг интегратор, — пробормотал Эван.

— Что? — Она резко взглянула на него. — Что ты сказал?

— Ничего. Просто болтаю.

— Мог бы, по крайней мере, проявить какой-то интерес. — Когда Эван не ответил, она отошла к ближайшему столу.

Позднее, когда батареи станции были полностью заряжены, они смогли наслаждаться роскошью горячей воды и света. Им также удалось пропустить информацию станции через уцелевший терминал. Библиотека проявил сильную заинтересованность и настоял на том, чтобы Мартина научила его работать с терминалом. Так как это было достаточно просто даже для ребенка или для неспециалиста, библиотека скоро уже играл с файлами и диаграммами без их руководства.

— Развлекаешься?

— Вполне, — ответил ей библиотека жизнерадостно. —

Ваша информация записана простыми терминами. Мы выражаем их в терминах, которые узнали от Эвана и впоследствии от вас.

— Очень умно с вашей стороны.

— Вы так считаете? — Маленькое щупальце показало на экран. — Конечно, я многого не могу понять. Графики и визуальные изображения прямолинейны, но я не понимаю ваших письменных кодов. Скажите мне, есть ли коды, которые описывают эту систему связи?

Эван заставил себя вернуться к действительности.

— Все, что касается организации и работы станции, хранится в памяти. А что?

— Просто мысль. Если бы вы могли руководить нами, интерпретируя эти письменные коды, мы, возможно, смогли бы починить то, что сломано. — Пучок жгутиков указал на почерневшую панель.

— Не знаю, — медленно произнесла Мартина. — Это ужасно сложная аппаратура.

— Более сложная, чем вы? Или Эван? Нет никакой разницы. Только в конструкции. Давайте попытаемся. Мне понадобится помощь других библиотек, многих собирателей и обработчиков.

— Вот твой шанс начать силикатное восстание. — Эван криво усмехнулся Мартине. — Воспользуйся им.

После того, как объяснили причину кризиса, члены многих Ассоциатив предложили помощь. К началу следующего дня в здании связи не осталось места для Эвана и Мартины, настолько оно было переполнено работающими библиотеками и обработчиками. Они перешли в ближайшую спальную комнату и попытались расслабиться. В любом случае, им почти нечего было делать, а объяснять библиотекам чертежи и изображения с тем же успехом можно было с терминала спальни, как и с любого другого. Кроме того, спальня была забита горами продовольствия, которое бросили люди Фрейзиера во время своего поспешного бегства. В первый раз за многие недели Эвану и Мартине удалось как следует поесть.

Но ничто из всего этого не произвело на Эвана такого впе-

чатления, как появление однажды утром голубой фигуры, которая, прихрамывая, вошла в их временное убежище. Невозможно было спутать эти очертания, даже принимая во внимание отсутствие части спины.

— Эже! — он поднялся с сидения, потом остановился. Мысленного приветствия будет достаточно. Форма Эже исключала возможность объятий. Потом Эван слегка нахмурился. Что-то было не так в его ковыляющей походке. — Ты хромаешь?

— Повреждение моторного управления, здесь, — Он похлопал себя по макушке. — Невозможно исправить как следует без риска повредить более чувствительные области. Буду жить с этим недостатком, хоть он и ограничит мою эффективность. Разведчику, который не может бегать, поневоле придется ограничить свою деятельность.

— Мне очень жаль. Это моя вина, я втянул тебя в наши проблемы.

— Чепуха. Мы уже говорили о том, что ваши проблемы — это также и наши проблемы. Кроме того, принято решение, что важнее оставить меня при тебе разведчиком, пусть и с небольшим радиусом действия, чем вернуть к моим прежним обязанностям. Я также буду служить посредником между тобой, твоими людьми и Ассоциативами, если возникнет необходимость. Вы давно не выходили отсюда?

— Давно. — Эван взглянул на Мартину, которая лежала на своей походной кровати, пристроив на животе переносной визор.

— Пойдем. Вы должны увидеть кое-что.

Они вышли за ним наружу. Скорость их передвижения была ограничена тем, что дорожки были полны народу. Эван увидел воинов, собирателей, стенки и блесков, даже медленно перемещающиеся башни, осторожно пробирающиеся в толпе своих более мелких сородичей. Он также заметил пару огромных, массивных созданий, которые держали перед собой вытянутыми огромные руки и щупальца.

— Это строители, — объяснил Эже, отвечая на их вопрос. — Они прибыли сюда издалека. Только те Ассоциативы, которые применяют стены, используют строителей для сооружения искусственных заграждений для защиты своих чле-

нов. — Он указал на нечто, напоминавшее передвигающуюся иноходью взрывающуюся звезду.

— Это дистрибутор, который работает в паре с говорунами самых крупных Ассоциаций. А вон там — экскаваторы, близкие родственники собирателей и копателей.

Земля дрожала под ногами деловито снующей взад и вперед силикатной орды. Эван взял Мартину за руку.

— Думаю, нам лучше поговорить с библиотской. События выходят из-под контроля.

— С какой библиотекой? — спросил Эже. — Здесь сейчас работают десятки.

— С нашей библиотекой.

Этот индивид лежал вытянувшись на столе, где Мартина знакомила его с компьютером станции несколько дней тому назад. Они вынуждены были осторожно прокладывать себе путь сквозь толпу вновь прибывших библиотек, которые деловито обменивались друг с другом информацией. Поблизости от них несколько недавно замеченных взрывающихся звезд вели одновременно десятки частных бесед, отбирая их из невообразимого мысленного шума голосов.

Позади библиотеки задняя стенка административного здания была разрушена. Строители, процессоры и врачи сустились вокруг чего-то огромного и почти невидимого. То, что удалось рассмотреть Эвану, напоминало огромную головоломку, блестящую и сверкающую, как лунный камень.

Ему удалось добраться до стола библиотеки.

— Что происходит? — Он кивнул головой в сторону бурной деятельности, происходящей в разрушенном конце здания, деятельности, напоминавшей кишение пчел в улье.

— Если вы не можете починить управление передатчиком, это еще не означает, что нужно разрушать все остальное, пытаюсь добиться результата.

— Знаете, это странно. — Библиотека говорил рассеянно, не отрывая взгляда от вспыхивающего терминала компьютера.

Эван постарался, чтобы в его голосе не прозвучало отчаяние.

— Что именно странно?

— Насколько ненужной может оказаться сложная техника.

Хорошо вооруженная женщина опустила мощный монокуляр и отвернулась от порта приземления челноков.

— Мне он кажется покинутым. Если они все еще живы, то возможно, услышав, что мы приземляемся, они спрятались в лесах.

Фрейзи наклонился и заглянул ей через плечо.

— Неважно. Нам не надо их искать, хоть у меня и есть личные причины желать этого. Но это не так важно. Все, что нам нужно сделать — сжечь это место дотла. Изолировать их — все равно, что убить. Ах да, мы не называем местную флору «лесами». Лес — более точно. Вы убедитесь, когда мы высадимся. — Он выпрямился и крикнул человеку, стоящему в глубине каюты. — Все готово?

— Все установлено, сэр.

Фрейзи проговорил в микрофон интеркома:

— Орудие?

— Разогрето и готово, сэр.

— Хорошо. Если ничего нового не появится, держите под прицелом ту высокую наблюдательную платформу в центре лагеря. — Он оглянулся на человека, стоящего у выхода. — Открывай.

Двадцать вооруженных, одетых в защитные скафандры людей, мужчин и женщин, сбегали вниз по самовывдвигающемуся трапу и заняли оборонительную позицию вокруг корабля, в то время как большой лазер, установленный на вращающейся башне на верху корабля, молчаливо нацелился на центр исследовательского лагеря. Никакой видимой реакции на эти враждебные действия не последовало.

— Здесь не о чем беспокоиться, сэр. Я не вижу ничего, из-за чего стоило бы поднимать такую суесту.

Пожилая женщина, стоявшая рядом с Фрейзи, небрежно держала свое ружье под мышкой.

— Вас не было тут в прошлый раз, а то бы вы так не говорили.

Фрейзи вручную затемнил визор своего скафандра, осмотрел местность и повел свой десант от корабля к станции.

Никто не попытался им помешать, когда они прошли за бездействующую ограду. Они остановились и подождали, пока

подтянется подкрепление. В этой второй группе находилась высокая женщина, которая была заместителем командира в прошлый их визит на Призму.

Ее взгляд с интересом обежал здания.

— Они многое успели сделать, пока нас не было. Много расчистили. Может быть, нам не следует разрушать до основания это место и строить что-то новое? Возможно, мы просто обоснуемся здесь опять. Это сэкономит массу времени и денег компании.

— Если эти двое ненормальных все еще где-то здесь и планируют устроить нам засаду, то именно на это они, наверное, и рассчитывают.

— Так давайте пойдем им навстречу. — Высокая женщина улыбалась нечасто, и на этот раз она тоже не улыбнулась.

Они прошли к старому административному зданию, повернули за угол и внезапно остановились.

— Что это? — резко спросила женщина. — Я не помню, чтобы это было здесь, когда мы улетали.

— Его не было, — огрызнулся Фрейзи. Его палец слегка поглаживал курок пистолета.

Направо от них, за зданием связи, находился массивный непрозрачный силикатный купол, в три раза превышающий размерами любое из первоначальных строений станции. Казалось, он менял цвет в зависимости от угла, под которым на него смотрели.

— Вы не думаете, что... — начал Фрейзи, но его помощница прервала его.

— Ни малейшего шанса. Я сама подожгла порошок в здании. Потребовался бы целый корабль техников и инженеров связи, чтобы только начать восстанавливать управление лучом.

— Тогда что, черт возьми, это такое?

Поскольку ответа она не знала, они изменили маршрут и осторожно приблизились к зданию, стоящему перед загадочным куполом. Внешние двойные двери оказались незапертыми, точно так, как они их оставили. Внутренние двери тоже.

Однако внутри оказалось нечто такое, чего они там не оставляли.

— Долго же вы добирались. Мы уж начали думать, что вы не вернетесь. Входите же.

— Орджелл. — Фрейзи начал поднимать пистолет.

— Не делайте этого. Лучше поговорим, — произнес другой мужской голос.

Из-за шкафов и панелей появились люди. Не у каждого из них было видно оружие, но это не означало, что они не были вооружены. Гораздо больше Фрейзи беспокоила та уверенность, которую они проявляли. И форма, которую они все носили. Большинство ходило в ярко-красных цветах Содружества, но некоторые были одеты в аквамариновые мундиры Объединенной Церкви. В дальнем конце комнаты улыбалась своей незабываемой получеловеческой, полупризматической улыбкой Мартина Офмерт.

Пожилой человек, который произнес последние слова, вышел вперед и остановился перед Фрейзи. Он был лыс и носил на голове черно-красную повязку с замысловатым узором.

— Меня зовут Руа Таравера. Я ваш начальник, мистер Фрейзи. — Он протянул коричневую руку. — Ваше оружие, пожалуйста.

Когда Фрейзи заколебался, офицер заговорил более твердо:

— Пожалуйста, не надо неприятностей. Ваш корабль уже пристыкован к «Риозензуксу», а экипаж разоружен и находится под арестом.

Фрейзи сдался, протянул свой иглострел. Бежать было некуда.

— Как это получилось? — спросила у Эвана стоящая рядом с ним высокая женщина, сдавая свой пистолет. — У вас же не было возможности послать сообщение. Никакой возможности. — Она смотрела мимо него, мимо Мартину, на новую блестящую панель связи. — Эти терминалы были разрушены до основания. Я знаю. Я сама это сделала. Вы не могли восстановить их, просто не могли.

— Вы правы, мы не могли, — с готовностью призналась Мартина. — Но вы забыли о наших друзьях.

— Друзьях? — Фрейзи нахмурил брови. — Каких друзей? Этих животных?

— Вы видели купол снаружи? Да, конечно, видели, иначе не зашли бы сначала сюда. Это сделали «животные». Наши

друзья. Если дать им достаточно подробные чертежи и немного помочь, они могут продублировать, что угодно. Это для них игра, головоломка, вызов. Они также способны внести некоторые интересные усовершенствования в то, над чем работают в данный момент наши ученые. Приборы, которые они собрали, необычны, но они работают. Сообщение, посланное нами, в конце концов, с их помощью было не слишком понятным, но достаточно эффективным.

— Это было нечто вроде отчаянного призыва, — сказал Эван. — Но то, чего не удалось выразить словами, компенсировали мощностью. Зов был услышан и записан, и кому-то стало любопытно, потому что он был отправлен из той области пространства, которая считалась необитаемой. Поэтому кто-то из чиновников приказал проверить. Когда я выясню, кто именно, я представлю его или ее к канонизации святой Церковью.

Фрейзи в изумлении уставился на него.

— Так вы все рассказали!? Теперь, когда правительству известно об этой планете, ваша компания не сможет извлечь прибыль из этой планеты, так же, как и наша, или любая другая. Эта планета будет взята под контроль. Ее эксплуатация будет запрещена под страхом смерти.

— Это не имеет значения. — Эван улыбнулся. — Видите ли, наша компания уже больше не наша.

Мартина подошла и встала рядом с ним.

— Мы оба подали в отставку. Мы собираемся остаться здесь и работать с аборигенами. У них богатые возможности, и они полны энтузиазма и желания учиться. Они не заинтересованы в том, чтобы присоединяться к нашей механической цивилизации, потому что им это не нужно, но они очень хотят научиться у нас другому. Тот новый усилитель луча связи сзади вас — он наполовину живой. Он не может ходить и говорить, но, Боже мой, как он умсет усиливать! Это нечто вроде сверхразвитого варианта говорящей башни, являющейся членом любой Ассоциативы — но вам об этом ничего неизвестно. Ее не построили, ее вырастили искусственно. Эти «животные» изменяют технологии Содружества так, как мы пока не можем даже представить себе.

— Подумайте, от чего вы отказались, — высокая женщина

бросила с презрением, когда ее уводили. — Огромные прибыли. Власть. — Она покачала головой. — Идиоты.

— Думаю, что не мы, — невозмутимо ответила Мартина. — Кто из нас под арестом?

Когда последний десантник был взят под стражу, представитель Объединенной Церкви на Призме пошел их искать. Отец Мангейм был послан со спасательной партией заниматься моральным совершенствованием аборигенов — если таковое потребуется. Из того, что он пока узнал об Эже, библиотеке и других друзьях Эвана и Мартины, любое продолжительное присутствие Церкви на Призме было бы в лучшем случае излишним. Он был в восторге. Церковь терпеть не могла вмешиваться в чужие проблемы.

Он нашел их на наблюдательной платформе, глядящими вдаль на лес. Солнце Призмы начинало заходить. Слабеющий свет, предвещающий долгую ночь, делал лес больше, чем когда либо, похожим на безбрежный океан эльфийских замков, каждая башня которых светилась, каждый бастион был усыпан драгоценными камнями.

— Привет, папаша Мангейм, — рассеянно сказал Эван, не отрывая глаз от пейзажа. Священник не обиделся. На сверкающую панораму смотреть было гораздо приятнее, чем на его собственную пухлую физиономию. Он присоединился к ним, наслаждаясь огненным пейзажем.

— Я понял, что вы двое хотите вернуться в лес и попытаться основать город аборигенов, то есть, простите, большую Ассоциативу, где другие аборигены смогут усваивать человеческую философию и идеи. Вам известно, что вы не сможете дать им никаких передовых технологий? Пока не сможете. Это против указов Церкви.

— Нет нужды спешить с технологией. Им надо осознать, что пришло время расстаться с их племенной организацией. Это первоочередная задача. Знакомство с технологией можно отложить. У нас нет намерений попытаться нарушить ограничения Церкви. — голос Эвана звучал твердо.

Мангейм улыбнулся.

— Я и не хотел обвинить вас в подобных намерениях. У меня была возможность просмотреть ваши предварительные доклады. Мне хотелось бы посмотреть на этот Интегратор.

— Это как-нибудь можно устроить, — ответила ему Мартина. — На расстоянии, конечно. Интегратор не питает уважения к рангам. И к святости тоже.

— Подобная осведомленность и является причиной того, почему аванпост, который будет основан здесь, должен будет полагаться на вас двоих, чтобы люди могли прожить ближайшие два года в безопасности. Вы — единственные люди, знакомые с этим миром. Полагаю, вас можно считать первыми колонистами.

Мартина взглянула на свой правый бок.

— Больше похоже на то, что Призма колонизировала нас. Эван кивнул в знак согласия.

— То, что вы сделали для этих... э... людей — чудесно. Я намерен рекомендовать Церкви оказывать вам полную поддержку в любых просятках, которые вы собираетесь осуществить.

— Мы будем очень благодарны, — ответил Эван искренне. — Оградите нас от контактов с бюрократией.

Мангейм понимающе кивнул.

— Прошу простить меня, я бы с удовольствием остался до захода солнца, но у меня дела, которыми необходимо заняться. Совместное подписание официального обвинительного акта и другие неприятные дела, с которым лучше покончить как можно быстрее. Увидимся позднее.

— Будем ждать с нетерпением.

Они смотрели ему вслед, пока он спускался с платформы и пересекал открытое пространство, уже покрытое тенью, направляясь к административному зданию.

— Что ты об этом думаешь? — прошептала Мартина. — О том, что ожидает Фрейзи и его людей?

Эван и не пытался скрыть сарказма в голосе.

— Я гораздо больше тебя сталкивался с тем, как ведут себя крупные компании во время кризиса, Мартина. Работодателям никогда не предъявляют никаких обвинений. Фрейзи и его подчиненные прикусят языки и будут терпеливо сносить любое наказание, которое придумает суд. Но ты никогда не увидишь ни одного из директоров, направленных для исправления. Они будут все отрицать, заявят, что Фрейзи действовал по собственной инициативе и без официального разрешения

своего начальства, предъявят в подтверждение документы. Обвинения и контробвинения будут подшиты в папку, средства массовой информации порезвятся денек, а через пару лет снова начнут обычный бизнес. Нельзя посадить в тюрьму компанию. Можно побеспокоить ее, пустить ей кровь, подорвать ее силу, но нельзя запереть ее под замок.

— Это несправедливо и аморально.

— Это бизнес.

Долгое время на платформе царило молчание. Солнце почти село, когда к ним присоединилась третья фигура. Она вышла, прихрамывая, из только что отремонтированного лифта и пожаловалась на его неудачную конструкцию. Кнопки управления были слишком высоко расположены.

Эван с любовью улыбнулся, глядя вниз на пришедшего.

— Добрый вечер, Эже.

— Приветствую вас во время простоя, друзья мои. Как идут дела?

— Неисправные члены нашей Ассоциативы задержаны и будут починены. — Эже не смог бы понять значение слова «наказание».

— Однако, мы здесь встречаемся с одной небольшой проблемой.

— Какой именно небольшой проблемой?

— Наша более крупная Ассоциатива имеет законы, которые определяют, сколько информации, какой объем знаний мы можем передать прими... нашим друзьям. Возможно, нам не удастся помочь вам развиваться настолько быстро, насколько этого хотелось бы библиотеке и некоторым другим.

— Мартина рассказала нам об этих законах. — Неужели он подмигнул? Всего лишь вечерний свет, решил Эван. — Библиотеки занимались с врачами. Они уже усвоили большую часть знаний, которые содержались в мертвой библиотеке. Они сохраняют их для последующего изучения.

Эван поднял брови.

— Ты ничего об этом не говорил. Никто ничего мне не сказал до сих пор.

— Мы не видели необходимости обременять тебя такими тривиальными вещами, пока ты был занят поимкой своих поврежденных родственников. — Эже мысленно пожал плечами.

— Понимаю. А что библиотека и другие планируют делать с этой информацией, которую они тихо украли?

— Нельзя украсть информацию, Эван, — сказал Эже с упреком. — Библиотека говорит, что ее можно только одолжить. Библиотеки уже придумали пару проектов.

— Улучшенные системы батарей для ваших тел? — с интересом спросила Мартина. — Новые варианты защитного луча для грани?

— Не думаю. В действительности, нам для себя ничего в данный момент не нужно. Проекты были составлены, чтобы отблагодарить вас, за то, что вы для нас сделали.

Оба человека выразили свое удивление.

— Что же это такое, что вы задумали для нас, Эже?

— Ну, думаю, что одна из групп пытается сконструировать устройство, которое заменило бы этот ужасный мягкий мешок в вашем туловище, а также избавило бы вас от необходимости постоянно наполнять его органическими составляющими, и снабдить вас системой, похожей на нашу, чтобы вы смогли жить так же, как и мы, на чистой пище от солнца.

— Это мне и раньше предлагали, — поведал ему Эван, — врачи твоей Ассоциативы. Оригинальная идея, но даже если им это удастся, не уверен, что готов променять хороший бифштекс на самый чистый и яркий солнечный луч. Что еще?

— Они работают над тем, как стенам защитить себя от приспособлений, которые вы называете иглострелами. И наконец, существует особенно заманчивый проект, который еще только в стадии обсуждения, но который очень волнует всех, особенно врачей и процессоров. Он еще на стадии обсуждения, потому что для его завершения потребуются объединенные усилия сотен врачей и тысяч процессоров. Они также опасаются, что ваши люди не поймут его, поэтому и вынуждены попросить вас не упоминать о нем среди своего народа.

Серьезный тон Эже исключал возможность того, что разведчик шутит с ними.

— Ну, это звучит серьезно. Что это такое? Какая-то разновидность супербатарей, которая позволит вам функционировать круглосуточно? Усовершенствованная система связи на основе взрывающихся звезд и говорунов?

— Нет. — Голос Эже звучал одновременно озабоченно и взволнованно.

— Видите ли, пока вы не появились среди нас, Эван, мы никогда не думали о путешествиях по ночам, и еще меньше о путешествии сквозь ночь, которая разделяет звезды. В вашей машине содержится много информации о таких вещах. Так сказал мне библиотека.

Потребовалось несколько секунд, чтобы слова разведчика просочились сквозь предубеждения Эвана.

— Не хочешь ли ты сказать, — смеясь произнес он, — что библиотеки думают над тем, как построить звездный корабль?

— Нет, конечно, нет. — Эже был очень серьезен. — Нам не известно, как организовать строительство корабля для путешествия среди звезд. Мы просто хотим попытаться вырастить такой корабль.

Верхом на Монстре

Многие годы я жил в Санта-Монике, части Большого Лос-Анджелеса, близ мола. Этот мол вы видели в десятках фильмах и телешоу. Там еще старые такие карусели с того конца, что к пляжу (помните фильм «Удар»?)

За молом молодежь каждый день демонстрирует харакири, петляя на досках по волнам между облепленными рачками сваями. Это у них называется «попасть в просвет» или «поймать мол». И так каждый день. Нет, для этого надо быть идиотом.

Я не рисковал и катался на волнах в стороне от опасных свай. Теперь я живу в Аризоне, где большие волны куда как редки, но память сохранила и соль на губах, и песок в гидрокостюме, и дни штормов, когда огромные волны накатывались на берег откуда-то со стороны Японии и только большие мастера или ненормальные могли рискнуть покататься на них. И как это бывает со всеми воспоминаниями о приятных днях, с каждым рассказом волны становятся чуточку выше...*

У этого Монстра не было тела, а только пасть, и вначале его слышали, а уж потом и видели.

Жоао Акорисал сам никогда не видел и не слышал его, а знал о нем по рассказам и легендам, которые много более живописующи, чем восприятие человеческих органов чувств. Он изучал историю Монстра, знал, на что он похож, как себя ведет.

Когда он был еще мальчиком впервые услышал на Талиа

* Аризона — штат, не имеющий выхода к морю (Прим. перев.)

Мажор о Монстрах с Диса, то уже знал, что когда-нибудь ему предстоит столкнуться и побороться с ними. Это ему было написано на роду.

Родители и друзья слушали его мрачные сны наяву и посмеивались. Ему говорили, что если даже ему когда-то и удастся собрать денег на поездку на этот далекий Дис, то, увидев Монстра, он в страхе сожмется в комочек, слаб он тягаться с Монстром. Один-двое из его друзей видели ленту про Монстра и уверяли Жоао, что с такой громадиной никому в Талии не по силам тягаться и лучше забыть об этом и думать о чем-то достижимом.

Кирси, его жена, за двадцать лет их совместной жизни так и не смогла довиться, чтобы он выкинул из головы свою мечту.

Прохаживаясь по комнате, она то неслышно ступала по плетеным коврикам, то шлепала сандалиями по покрытому землистого цвета плиткой полу и при этом говорила:

— Не могу понять тебя, Жоао. — Она весьма оживленно жестикулировала руками, точно макаки, что носились по деревьям в саду за домом. — Ты всю жизнь работал не покладая рук, я тоже. — Она остановилась, обводя руками кос-как обставленную, но уютную комнату. — Богатыми мы никогда не будем, но и попрошайничать не придется. Мы неплохо живем. У нас двое прекрасных детей, они достаточно большие, чтобы понять, что их папаша рехнулся. Все, ради чего мы горбатились, собирали, ты хочешь пустить на ветер из-за своей детской блажи. — Она печально покачала головой, и ниспадавшие на спину локоны ее черных волос закачались на фоне белого ситцевого платья. — Ты мой муж, но я тебя не понимаю.

Жоао вздохнул и, отвернувшись в сторону, посмотрел в широкое окно, выходившее на берег. Над Атлантикой поднималось солнце. Спокойные волны опускались на песок, оставляя на нем словно скорлупу от яиц. Солнце на Талии было чуть более желтым, чем в других местах, и оно придавало сейчас морю топазовый оттенок. Талиа Минор, их мир-близнец, был вне досягаемости для глаз, где-то на другой стороне планеты.

— Денег у нас хватает. Моя поездка не разорит нас. Так, разве что, чуть-чуть.

— Денег? Ты думаешь, я забочусь о деньгах? — Она подошла и обняла его сзади, как что-то принадлежащее только ей, и заключила пальцы в замок, а голову положила ему на спину. Он почувствовал, как по телу у него пробежала дрожь, словно это было двадцать лет назад, в ту первую ночь. — Деньги — это ничто, дорогой мой муж. А ты — это все. — Она развернула его лицом к себе и стала напряженно вглядываться ему в глаза, пытаясь отыскать ключик к его мыслям, чтобы взять его да и выкинуть в море вместе с этими нехорошими мыслями. — Ты мне нужен живой, Жоао.

Он улыбнулся, хотя в этот момент она этого не видела.

— И себе тоже, Кирси.

Она резко отстранилась от него.

— Так чего же ты так торопишься расстаться с жизнью? Ты не старик, но ты и не профессиональный спортсмен.

Он нагнулся и нежно поцеловал ее, она недовольно дернулась.

— Пока не стар — вот поэтому, моя любимая, я и должен схватить на Дис сейчас, а то будет поздно...

* * *

Тот разговор и сама Кирси казались теперь такими далекими. Наконец-то он на Дисе и скоро встретится с Монстром и его семейством. Тридцать лет он мечтал об этом. Тридцать лет тренировал свое умение, тридцать лет мечтал — и вот его мечта близка к осуществлению.

Для этого нужно собрать все свое мужество.

Он напряженно вглядывался в соленый туман, пробираясь вместе с партнерами по предприятию среди мокрых голых камней и скал. Кое-где из-под земли выбивались на поверхность низкорослые кусты. Между трещинами и щелями сновали морские ракообразные.

В группе было двадцать четыре человека. Восемнадцать мужчин и шесть женщин, их возраст колебался от восемнадцати до сорока двух. Жоао рад был тому, что он не старше всех, а только второй по старшинству.

Но только не душой, говорил он сам себе, только не сердцем.

Соль прямо-таки висела в воздухе. Утренний туман наполнил жалостливые крики морских птиц, шипение и свист летающих рыб.

Этот поход был ритуальной частью всего предприятия. К нему не допустили ни зрителей, ни судей, ни репортеров. В первой стычке с Монстром должна будет принять участие вся группа целиком. Потом они вернуться на сборный пункт, где произведут заключительные приготовления к последующим поединкам.

Между собой перекликались шепотом. Шепотом — из-за уважения к сопернику, а перекликались — чтобы слышать голос друг друга за раздававшимся время от времени ревом Монстра. Они подходили уже к дальнему берегу полуострова, и рев Монстра раздавался так сильно, что сотрясал гранит, а для участников предстоящей схватки это было легким предупреждением, которое они воспринимали босыми ногами. Монстр пока не показывался, но из-за скал до них доносилось шипение.

— В первый раз?

— Что? — Жоао вытер мокрый лоб, глаза и взглянул на того, кто ему задал вопрос.

— Я спрашиваю, впервые ли вы? — Человек, задавший вопрос, был очень маленький и исключительно мускулистый. Это была не ярко очерченная, выпуклая мускулатура культуриста, а плотные и крепкие мышцы, свидетельствующие о подлинной мощи. У него были голубые глаза и коротко стриженные светлые волосы, и такая стрижка придавала ему обманчиво воинственный вид. Его плавательные шорты впереди были в сине-красную клетку, а сзади сплошь красные.

— Да. — Нога Жоао опустилась на крабовидное существо мрачного горчичного цвета, вооруженное четырьмя клешнями. Существо дернулось назад, чтобы спастись, но безуспешно. — А что, видно?

— Не очень. Но, если бы вы прошли через это раньше, я бы понял.

Они некоторое время шли молча.

— А вы сколько раз? — любопытствовал Жоао.

— Это будет третий. — Человек улыбнулся. — Соревно-

вание проводится раз в три года. Это был бы для меня четвертый раз, но в последний раз я сломал ногу. Это дело вообще-то нелегкое.

— Меня можно не предупреждать. В течении тридцати лет я все время следил за этим.

Человек засмеялся.

— Ногу я сломал не во время поединка. За два дня до него я споткнулся о порог входной двери — вот и все. И три года пришлось ждать. Я в тех соревнованиях участвовал в качестве зрителя.

Жоао тоже постарался засмеяться. Еще несколько минут шли молча. Туман над морем сделался плотным, хорошо, хоть ветер подул. Участники предстоящих состязаний держались кучно.

— Меня зовут Жанвин. — Человек протянул руку, и Жоао пожал ее. Кожа у него на руке была, вопреки ожиданиям Жоао, не грубой, а мягкой и гладкой. Рукопожатие его было крепким, но в меру. — Я местный.

— Жоао Акорисал, с Талиа Мажор. Строитель, строю в основном частные дома.

— А я — хирург, по системе кровообращения. Центральный клинический комплекс Диса. Очень приятно познакомиться. Так вот, Важнейшее дело в этом — уверенность в себе. Будь настороже, один глаз, так сказать, на дорогу, другой — на хищников. Не бойтесь прибегать к шесту, а если сбросило — пускайте в ход ранец и улепетывайте. Все так делают. Риск производит впечатление на судей, но очки — это срунда, жизнь дороже.

— Во время поединка вы имете три попытки, а жизнь — только одну, — продолжал Жанвин. — Ничего тут постыдного нет, если вы пойдете на попятную. Во время моего первого участия из сорока пяти попыток было совершено только пятнадцать, и ни одна не доведена до конца. Мне это ни разу не удавалось, а видеть пришлось ничтожно малое количество таковых.

Жанвин оценивающе посмотрел на Жоао. Впереди слышался сотрясающий скалы рев Монстра, на сей раз очень близко.

— У вас крепкие ноги, очень даже. За последние полгода

не было никаких разрывов, растяжений? Если у вас что-нибудь не в порядке, то лучше в это дело не лезть.

Жоао отрицательно покачал головой.

— Знаю. Тридцать лет я готовился дома, тренировался — все ради этого дня. Я никогда не был в лучшей форме, чем сейчас.

— Это вы так думаете. Ладно, я помолчу. Но ведь я не птенец, опыт тут много значит. — Жанвин взглянул вперед. — Почти пришли. Я уверен, вы видели ленты про это. Но вблизи это несколько иначе. Помните про хищников и пострайтесь никогда не расслабляться.

— Противоречиво как-то звучит, но постараюсь. Спасибо за советы. — И Жоао порывисто добавил: — Если мне не удастся победить, то, надеюсь, вам.

Жанвин пожал плечами.

— Выше седьмого места я не поднимался. Но не в этом дело. Важно, что я здесь. И руки-ноги все при мне. Помните об этом, когда будете там и вам вдруг захочется перегнуть палку. Никакие очки на свете не возместят вам потери руки или глаза. — Немного поколебавшись, он спросил: — У вас есть семья? — Жоао кивнул. — Они здесь?

— Нет. Да я и не разрешил бы им присхатъ.

Хирург в знак одобрения кивнул.

— Ну и правильно. Если что случится, я послежу, чтобы все было сделано как надо. А вы — насчет меня, хорошо? Хотя, правда, у меня есть тут друзья.

— Идет! — Крикнул Жоао. У него получилось так, потому что они шли на небольшой подъем, которым заканчивался их поход к мысу — самой дальней точке узкого полуострова.

Движение группы замедлилось, все инстинктивно стали держаться ближе друг к другу, и вот Жоао увидел Монстра.

Высоко над головой, словно темные глаза на бледно-голубом небе, подернутом морским туманом, висели Цербер, Харон и Плутон, три из четырех лун, вращавшихся вокруг планеты Дис. Сгруппировавшись вместе, они заняли значительную часть утреннего неба. Солнце Диса, только что появившись из-за горизонта, находилось ниже лун. Три планеты-спутники также постепенно поднимались. Их меняющиеся орбиты раз в три года выстраивали их рядом друг с другом. Скоро солнце очутится позади них и дневной свет бу-

дет падать на поверхность планеты в причудливом сюрреалистическом беспорядке.

А внизу был Монстр, которому Луны помогли вырасти.

Волна была такой огромной, какой Жоао никогда не видел, но он этого и ожидал. Он изучающе разглядывал даль и не чувствовал в себе никакой дрожи при этом. Волна поднималась к самому небу, пока еще еле видимая. Вот на гребне ее стала видна пена, словно ряд сломанных зубов. Вот она со всех сил устремилась навстречу скалистому мысу и стала обрушиваться на него.

Гребень волны стал закручиваться, и завитки побежали по всей волне, а потом они слышали грохот. От этого грохота кровь стыла в жилах, в головах наблюдавших эту сцену пронеслись всевозможные ужасы из самых страшных детских снов — боязнь утонуть, быть раздавленным огромным весом. И все эти страхи воплощались в одной чудовищной, безжалостной волне.

Разбиваясь по линии от мыса к югу, она все росла, необъятным серо-зеленым одеялом закрывая вид за горизонт, а ее грохот заглушал все другие звуки. Находясь на безопасном расстоянии от просоленного мыса, участники предстоящих соревнований наблюдали, как волна продолжала рассыпаться дальше к югу, и только тогда втянули головы в плечи, когда оставшаяся масса волны разбилась о скалу, обдав их с ног до головы солеными брызгами.

А далеко в море, еле видимый сквозь туман, используя необычный наклон морского дна в этом месте, относительно малую силу притяжения на Дисе и сложение влияния на прилив со стороны солнца и трех массивных лун, зарождался новый Монстр.

Собравшиеся во все глаза смотрели и старались оценить волны, громко переговаривались, пытались перекричать грохот моря.

— Около восьмидесяти футов, — произнес задумчиво Жанвин. — Нормальная волна здесь достигает пятидесяти, а шторм — шестидесяти-семидесяти футов. А вот такие большие — только раз в три года, когда луны выстраиваются вместе и происходит значительное усиление притяжения. Это будет пара веселеньких дней.

Три претендента отделились от группы и пошли обратно к

сборному пункту. Никто не сказал в их адрес ни слова упрека, не отпустил язвительной усмешки. Судьи спокойно вычеркнули выбывших из списка участников.

При подготовке разрешалось прибегать к услугам помощников, и на многих лицах Акорисал прочел готовность оказать такую услугу, но не пошел на это. Со своей доской он сживался пять лет, он по-настоящему объездил ее, любовно ремонтировал ее собственными руками. Ему знаком был каждый дюйм доски, каждое волоконец. Никакой помощи ему не нужно. Но он решил держаться рядом с Жанвином, смотреть, как тот готовится. Его всегда можно спросить, он поможет.

Один из организаторов подошел к хирургу и что-то прошептал ему на ухо, а сам перешел к следующему участнику. Жанвин послушал, кивнул, а затем легкой походкой подошел к Акорисалу, который в этот момент проверял крепление ранцевого реактивного двигателя и наличие твердого топлива.

— Пришла метеосводка. Переменная облачность, ветер пять-десять футов в секунду, юго-западный. Так что сдуть нас не будет и на состоянии гребня волны не скажется. А подальше гуляет тропический циклон, там штормит. У нас плохого ветра не будет. Впрочем, нам, мастерам, какая разница. — Глаза у Жанвина блеснули. — У меня ни разу не было случая оседлать стофутовую. Но если такая появится — разойдись все, она моя.

— Еще посмотрим, чья. — Акорисал широко улыбнулся.

Жанвин занялся своими делами, а Акорисал вернулся к собственным приготовлениям. Мысль о стофутовой волне он выкинул из головы, потому что это было таким же непостижимым понятием, как бездонная пропасть или расстояние между звезд. Это были просто физические абстрактные понятия, которым не существовало соответствия в осязаемом мире. Чего он себе желал, так это несложной волны. И еще — выжить.

Его доска была изготовлена из ячеистой трипоксидной смолы. Длина ее составляла пятнадцать футов, ширина — четыре, довольно легкая на вес, так что ее спокойно можно было переносить одному. В одной трети от носа донной части отходили два близнеца-стабилизатора в форме акульего плавника, еще пара находилась у самой кормы, как бы обруб-

ленной по форме. Над кормой возвышались два воздушных стабилизатора, соединенных регулируемым крылом.

На верхней поверхности доски располагались контакты, от которых по проводам из прочного сплава команды поступали на четыре подводных стабилизатора и на крыло. Управление осуществлялось ногами.

Он поднял шест. Сделан шест был из того же материала, что и доска, только по обоим концам его находились два остро заточенных набалдашника. Шестом можно было пользоваться для балансирования, а также для отражения нападений со стороны хищных обитателей моря, которые часто следовали за большой волной. Несколько таких тварей водилось на Дисе. Никаких устройств или орудий, основанных на использовании энергетических источников, использовать не разрешалось. Исключение составлял лишь ранцевый твердотопливный реактивный двигатель.

Ранец — это жизнь. У спортсмена, который оказывается сброшенным с доски или теряет контроль над волной, есть несколько выходов. Можно нырнуть глубоко в волну с надеждой всплыть в ее задней части. Можно свернуться в клубок, как эмбриону, и, оставаясь на поверхности, отстать от волны. А можно запустить ранцевую установку и с помощью любого из двух заплечных ускорителей взмыть над волной и спокойно опуститься в воду позади нее. Когда возможно, лучше всего пользоваться ранцем.

Он проверил, не протекает ли гидрокостюм. При давлении или ударе определенной силы тяжелый прорезиненный костюм автоматически надувался и спортсмена — возможно, беспомощного — выбрасывало как поплавков на поверхность. Костюм должен был предохранять и от ссадин и царапин. Но все это не всегда спасало жизнь. Жоао натянул капюшон на голову, пошевелил пальцами ног. Только лицо осталось незащищенным. Костюм Жоао был ярко-оранжевого цвета с красными полосами.

Кто-то постучал пальцами по его плечу. это был Жанвин. Сейчас он не улыбался. Из-под капюшона цвета смеси электрик и оранжевого смотрело серьезное лицо.

Акорисал кивнул и поднял свою доску. Он без слов понял, что надо делать в этой ситуации.

Еще один спортсмен выбыл, когда они садились на лета-

тельный аппарат. Это была женщина. С потерянным видом сидела она на своей доске, когда аппарат, в котором находился Акорисал, поднялся в воздух. Он понимающе махнул ей рукой, она не ответила. Монстр уже победил ее, как победил до нее других несколько человек. Ничего тут стыдного не было.

Об отступлении Акорисал даже и не думал. Уж по крайней мере воды-то он попробует.

Аппарат набрал высоту и, образовав вместе с двумя другими строй, направился по назначению. Внизу собрались зрители, наблюдавшие за приготовлениями спортсменов, и они провожали группу громкими приветствиями. Плавно поворачивались телекамеры, провожая аппараты.

Интересно, подумал Акорисал, будут ли Кирси и дети смотреть эту передачу. Даже не верилось, что они так далеко. Кирси ему сразу сказала перед отъездом, что ни в коем случае ни сама смотреть не будет, ни детям не даст. А вдруг...

Набрав скорость, летательные аппараты покинули базовый район. Скоро прибрежные скалы западной части самого крупного континента Диса остались далеко позади. Разноцветные полосы, прочерченные в разных местах берега, — Это были цепочки зрителей, словно кусочки лавы прилипшие к скалам.

Под ними прошла волна. Сверху она казалась совсем не такой, когда катится навстречу. Белый гребень волны напоминал Акорисалу теперь не зубы, а кружевную отделку подола развевающейся женской юбки. Эта линия мерно продвигалась к югу, пока не начала ломаться, уходя к далекому Фигурному заливу. Акорисал наблюдал за волной, пока пенная линия не скрылась из вида.

Скоро двигатели аппарата перешли на пониженные обороты и маленький летательный корабль стал спускаться к воде. Здесь, на широких просторах океана, волны представляли собой маленькие коканы, из которых потом разовьются Монстры. Они и здесь имели и лицо, и спину, и аппараты приводнились на изгибающийся позвоночник одного из них. Двигатели взвыли, когда аппарат коснулся воды. На темно-зеленую водную поверхность через борт посыпались доски и спортсмены.

Спрыгнув в воду, Акорисал почувствовал уверенность. Доска была привязана к ноге тесьмой, от которой можно было

моментально освободиться в случае необходимости. Плавалось Акорисалу легко. Он окунул голову и поднырнул под длинной тесьмой. Вода, поднятая с глубин, была довольно прохладной. Она взбодрила его, пропали последние остатки неуверенности, Гнездившейся в тайниках сознания. Вокруг него спортсмены забирались на доски. Костюмы ярких оттенков создавали впечатление, что это конфетти разбросано по воде.

Акорисал почувствовал, как его подняло, потащило к небу вместе с доской, выше и выше, вместе со всеми, на десять футов вверх, на двадцать, но потом мягко опустило вниз. Волна прошла под ними, полная силы и скрытой опасности.

Страх не было, напротив, он почувствовал радостное возбуждение. Вот оно, думал он. Одного этого и то достаточно. Если я не сделаю ничего другого, если не смогу оседлать волну, то стоило ехать сюда хотя бы ради того, чтобы почувствовать вот эту горку.

Доска подплыла к нему, легкая в воде, как перышко. Жанвин перестал работать в воде и сказал Акорисалу:

— Ноги вам еще пригодятся, поднимайтесь из воды.

Акорисал сплюнул соленую воду.

— Я нормально себя чувствую.

— Конечно, но энергию нужно экономить, не расходовать зря. В вас сейчас такая доза адреналина. Поднимайтесь на доску, расслабьтесь, а там пора и двигаться.

Акорисал решил внять совету и движением, достигнутым долгой практикой, легко взобрался на доску и сел, подставив лицо утреннему солнцу и давая ему высохнуть.

— Когда стартуем? — спросил он, взглянув на аппараты, которые покачивались на волнах поблизости, обеспечивая спортсменов.

— Да мы уже стартовали. — Жанвин широко улыбнулся, когда увидел недоумение на лице Акорисала. — Некоторые не удержались. Двое оседлали прошлую волну. — Он покачал головой. — Тут нет никакого преимущества в том, чтобы идти первым. Но не каждого в этом убедишь.

— А я и не видел, как они ушли, — пробормотал Акорисал. — Надо ж, так быстро. А не лучше подождать и выбрать подходящую волну?

Жанвин пожал плечами.

— Им, я думаю, первая попавшаяся волна и показалась подходящей.

— Ладно, я потяну еще, мне не к спеху. Я такой дальний путь проделал, не хватало испортить все спешкой.

— Правильно поступаете, — одобрительно кивнул Жанвин. — Число попыток ограничено. Я тоже предпочитаю подождать.

Прошло несколько часов. Один за другим стартовали спортсмены, исчезая в южной стороне. Когда появлялась большая, пеннистая и «зубастая» волна, на наблюдательном посту, расположенном на борту обеспечивающего аппарата, раздавался извещающий выстрел. На обеспечивающий аппарат поступали сообщения о прохождении спортсменами дистанции, усиливались и транслировались для тех, кто еще не стартовал.

— Месвит Брукингс... четыре часа двадцать минут. Вышел нормально... Харллит Ромм... три часа сорок пять минут. Выплыл. Измождение, в остальном нормально. — Акорисал знал, что Ромм получит больше очков, потому что не прибегал к ранцевому двигателю.

— Эрилл-сит аль Хазрам... четыре часа тридцать две минуты. — Потом наступила пауза, затем голос в динамике тихо добавил: — Выход неудачный, смыт волной. Тело пока не обнаружено. — Потом снова на некоторое время установилось молчание, но вскоре голос как ни в чем не бывало продолжил: — Эль Толст, пять часов пятьдесят шесть минут. Выплыл, повреждено легкое, ушиб шеи, в остальном нормально. Джуел Паркелла, пять часов десять минут...

Во время ожидания старта снялись еще два спортсмена, им молча помогли подняться на борт обеспечивающего корабля. Солнце поднялось выше, а под ним толкались три луны, чтобы занять местечко получше. Жанвин и Акорисал говорили о волнах.

— Вообще-то надо ожидать сочетания, — рассуждал хирург, оказавшись на гребне проходящей волны. — Когда идут три больших, потом три маленьких. Но сегодня вмешался шторм. Сейчас идут три большие, три маленькие, потом три или четыре больше обычного, штормовые, но они очень своеобразные.

Он сделал передышку и взглянул на партнера.

— Естественно, хотелось бы поймать одну из таких, но она может выкинуть номер. Может оказаться двойная волна, один гребень над другим, и из такой волны придется выбираться раньше времени. Оседлать ее оседлаешь, но, поскольку время прохождения будет коротким, много очков на ней не заработаешь.

Их разговор был прерван шумом прилетевшего корабля. Рядом с ними ждали старта еще двое участников. Один из них принял старт в момент, когда приводнился прилестевший корабль и под ними в этот момент прошла большая волна.

У борта прибывшего аппарата появилась доска, потом в воду прыгнул ее владелец. Он влез на доску и погреб к трем другим участникам. Это был Брукингс. Он был худощав и намного моложе Жанвина или Акорисала. Лицо у него пылало и было раздражено длительным воздействием соленой воды, но дыхание было ровным, подгребал он спокойно и уверенно.

— Привет, Брукингс. Ты уже на вторую? — спросил Жанвин. Молодой человек кивнул. Во взгляде его было видно, что он доволен собой.

— Я поймал семидесятипятифуттовую, — сообщил он окружающим. Он высоко поднял подбородок, стараясь дышать глубже и дать легким сверхвентиляцию. — Первые два часа были достаточно простыми. А потом начинаешь чувствовать тяжесть в ногах. Потом глаза начинают закрываться. Я решил закончить, когда увидел за спиной двойную закрутку гребня.

— И правильно сделал, — сказал Жанвин. — Мы слышали по радио о тебе. У тебя была хорошая волна, и ты хорошо прошел. Нашли аль-Хазрама?

Брукингс посмотрел мимо них, в сторону невидимого берега.

— Нет еще. Опасаются, что его костюм не сработал. Мне сказали, что он сел на штормовую волну высотой не меньше ста пяти футов. Поначалу он, вроде, шел прекрасно, но потом перегнул палку. Он спустился с волны слишком низко и слишком близко к завитку. И воздух из этой сплюснвшейся трубы сдул его с доски.

— А рюкзак? — спросил Акорисал.

— Зажигание сработало что надо, но он был так низко, что завиток захватил его и он не смог выбраться, так его и накры-

ло. А если костюм не сработал, то его вообще никогда не найдут. — Он замолчал на мгновение, потом сел на доску и стал подгребать. Волна стала поднимать его к небу. — О, вот эта мне нравится... До встречи. — Волна подхватила его и он скрылся.

— Надо начинать, — заметил Акорисал. — Он уже по второй...

Жанвин покачал головой.

— Соревнование — дело второе, а первое — остаться живым, помните об этом. Волна должна быть удобной для человека, иначе запросто можно стать трупом.

И они стали ждать дальше. Жанвин стартовал пятнадцатью минутами позже. Остались Акорисал и еще один участник. Большие волны приходили и уходили, а они все сидели на своих досках.

«Кирси... Я так рад, что тебя здесь нет, и так хочу — о, как я хочу, чтобы ты была здесь!» Лицо Жоао покраснело под воздействием полуденного солнца.

До двух ожидающих старта спортсменов долетел звук подошедшего аппарата. Жоао взглянул искоса и различил на палубе торчащие носы двух досок. Значит, еще двое, успешно преодолевших первую попытку, прибыли ловить вторую волну. Все, больше ему ждать нельзя, иначе будет поздно думать о трех попытках. Есть еще ночь и завтрашний день. Оставлять на завтра две попытки ему не хотелось, а ночью на Монстре не проедет и святой.

И вот он увидел на подходе гору. Он увидел ее краем глаза справа, такую темно-зеленую, что почти черную. Волна была хороша — широкая, как небо, и вырастающая из воды, точно пузырь, надутый из чего-то большого и прочного. Но Жоао был не один, и надо было соблюдать вежливость.

Он напряженно стал наблюдать, что будет делать другой спортсмен, и увидел, что тот тоже заметил приближающуюся гору. Волна вырастала перед ними, точно уходящий со старта космический корабль. Акорисал по-прежнему заставлял себя ждать.

Внезапно другой спортсмен издал крик отчаяния и стал подгребать к дежурному аппарату, отказавшись, таким образом, от претензий на подходящую волну, от победы в сегод-

няшнем дне, от участия в соревнованиях. Акорисал повернул голову на восток и начал быстро-быстро подгребать, зажав шест между колен.

Он побоялся было, что переждал лишнего. На какое-то время он завис на вершине водяной горы, потом стал продвигаться вперед все с меньшими усилиями. Он перестал подгребать, но продолжал двигаться, прибавляя в скорости и слегка соскальзывая вперед. Волна продолжала набирать величину и силу, и словно неведомая черно-зеленая рука поднимала его все выше к небу. С этой высоты можно было различить неясную грядку скал, обозначающих берег.

То он лежал на животе, теперь встал на колени, постепенно наращивая скорость. Пальцы ног упирались в слегка упругую поверхность доски. Он встал, отставил одну ногу на дюйм назад, а другую соответственно вперед. Пальцы левой руки схватились за шнур зажигания ранцевого реактивного двигателя.

Чувствовал он себя превосходно. Гонка проходила легко и гладко, доска слушалась его каждого движения и чутко откликалась на малейшее перемещение им веса и на прикосновении пальцами ног к датчикам управления. Шест он крепко держал теперь в правой руке.

Он бросил взгляд вниз, и пальцы его инстинктивно еще крепче ухватились на петлю на конце пускового шнура.

Далеко-далеко внизу под солнцем блестела стальным блеском ровная поверхность океана. Ветер свистел и бил в лицо, соль пощипывала глаза. Его сковало было от одной мысли, что под ним пропасть в сто футов, но двадцатилетняя практика помогла ему взять себя в руки.

Доска резко пошла вниз по фронту волны. Десять, двадцать, тридцать футов. Он остановил стремительное снижение, перенес вес чуть назад от центра доски и изменив положение крыла. Стабилизаторы удерживали доску на одном уровне, носовые фута четыре висели над пустотой, со свистом разрезая воздух.

На какой-то момент его обуяло смешанное чувство чистой воды страха и настоящего восторга. Справа от него двигалась, возвышаясь над ним, зеленая гора в тысячи тонн, слева была пустота.

Наконец он обратил внимание, как мерно и устойчиво рокошет Монстр, только сейчас этот звук не пугал, а вызывал благоговейный страх. Жоао прочно стоял на доске, слился с ней. Теперь он рискнул оглянуться.

Над ним постоянно висела многотонная масса воды высотой в три десятка футов, которая стремилась обрушиться в семидесятифутовый провал под ним. Она образовывала огромный зеленый стеклянный тоннель, вытянутую изумрудную трубу. Складываясь, она выбрасывала из себя воздух, добавляя высокие тона в рокот Монстра.

Он обеими руками крепко держал шест, помогая им балансировать, оставив пока что без внимания ранец. Потом он решил взглянуть на хронометр, составлявший часть его амуниции.

Он катится на волне уже полчаса.

Ему стала радостно от ощущения того, что он один, без соперников ведет эту гонку, но при этом не забывал поглядывать на завиток и гребень, опасаясь сюрпризов с их стороны — вдруг все это возьмет и рухнет вниз, и погребет его под собой. Вообще-то волна с достаточным постоянством держит свою форму, но иногда она неожиданно ломается и неосторожный или самоуверенный гонщик оказывается погребенным под миллионами тонн воды.

Но волна Акорисала шла и шла вперед, как машина, а завиток держался за его доской, точно друг, подталкивающий его вперед.

Он чувствовал себя все увереннее и увереннее. Вот он решил прощупать волну. То он взобрался на вершину зеленой стены, но тут же поспешно бросился вниз, побоявшись, что может очутиться на той стороне гребня, спустился почти к основанию волны и увидел над головой всю эту огромную гору в восемьдесят футов.

После трех часов гонки, когда он чувствовал себя совсем уверенно, он позволил себе подняться наверх, в трубу. Там было почти спокойно, шум рушащегося гребня убаюкивал. Тоннель был высоким и широким, и внутри его гулял сильный ветер. Тут надо было смотреть в оба, иначе сдует с доски, а завиток накроет.

Вдруг ему что-то привиделось сквозь стену падающей

перед ним воды, и он вышел за пределы трубы Этих «что-то» оказалась масса.

Про тринтаглий ему говорили. Они держались на поверхности прямо перед ним. Плавательные пузыри были предельно раздуты, тонкая, как бумага, кожа желто-розового цвета выглядела натянутой, как барабан. По толщине они колебались в пределах от нескольких дюймов до фута. Передвигаясь, они использовали воздушный поток, предшествовавший трубе, при этом работая, как крыльями, длинными тонкими плавниками. Их выпученные голубые глаза разом обратились в сторону странной фигуры, появившейся перед ними.

То одна, то другая ныряли, чтобы выхватить из воды что-нибудь съедобное. Некоторые выпускали воздух из пузырей и исчезали в толще волны, другие держались под водой болес-менее близко к поверхности. Жоао взял и протянул руку, чтобы потрогать тринтаглию. Та дернулась и подалась прочь, сердито глядя на него широко раскрытыми глазами.

Жоао взглянул на часы. Пять часов тридцать пять минут. По времени нахождения на волне он уже на втором месте. В ногах появилась тяжесть, в левом боку слегка закололо, глаза покраснели от соленых брызг, а во рту — когда кругом вода! пересохло.

Оказавшись вне трубы, он увидел слева очертания скальной гряды на берегу. А впереди по-прежнему лежала бесконечная колышущаяся и рокочущая водная поверхность.

Еще тридцать минут, сказал он себе. Еще полчаса — и у него будет самый продолжительный заезд дня. Сейчас выходить из игры было нельзя, хотя ноги готовы были отказать в любой момент и плохо слушались. Но все шло так хорошо. Волна по-прежнему сохраняла величину и силу и не выказывала никаких признаков уменьшения. Какое же расстояние проходят участники, интересно? Над этим вопросом он как-то не занимался, да и когда, и как? Может, они идут вокруг континента? Или от полюса до полюса?

Ладно, еще тридцать минут. Еще полчаса в этом мокром аду — и он выходит.

И тут ваксиал едва не схватил его.

Хорошо, что тот принял конец шеста за часть человека. Это и спасло Акорисала. Узкая, как у угря, голова высунулась из

воды и набросилась на шест, лязгнув зубами по остро заточенному металлическому наконечнику. Все шесть его продольных плавников были распущены, чтобы легче было балансировать в воде, а темно-красные жаберные отверстия позади челюстей ходили от возбуждения. Один глаз с ладонь человека, полыхал злобой, когда животное смотрело на вздрогнувшего Акорисала.

Кое-как он сохранил равновесие и не свалился с доски, но был близок к этому, когда инстинктивно дернулся назад, чтобы не нарваться на тонкие, словно иглы, зубы животного.

Хорошая реакция помогла ему. Ваксиал выпустил несъедобный шест и щелкнул челюстью — в том месте, где мгновением раньше находилось плечо Акорисала. Перенос тяжести вызвал быстрое перемещение доски вверх по волне. Гребень волны приближался со страшной скоростью.

Акорисал бросился вперед. Вниз, кому говорят, ниже нос!

Доска послушалась и заскользила вниз. Чуть-чуть! Чуть не перелетел через гребень. В лучшем случае он взлетел бы в воздух на другой стороне волны, гонка завершилась бы для него, а ваксиалы были бы тут как тут, чтобы схватить его. В худшем случае он зацепил бы носом доски гребень и полетел бы кувырком, плюхнулся в воду и эта громадная масса поглотила бы его.

Он продолжал спускаться по фронтальной части водяной горы. Позади пара тупорылых зубастых змеевидных существ в двадцать футов длиной скользили по волне, явно преследуя его. Ваксиалы так и будут держаться за ним. Им-то что? Они живут в этих волнах, им нечего заботиться о равновесии.

Он изготовил шест и опустил на колени. Теперь ему надо подумать, как поразить ваксиала, но не потерять при этом ни равновесия, ни доски.

Отвратительная голова показалась из воды. Акорисал наклонился и нанес удар вниз и в сторону заостренным концом шеста. Удар пришелся в ровный стеклянный глаз. Брызнула кровь, и ваксиал пропал.

Акорисал похвалил себя за хороший удар. Он чувствовал себя таким усталым, что руки дрожали. Он пробежал глазами по волне в поисках другого хищника. Может, подумал он, тот пошел помогать другому. Может быть, они друзья. Он увидел

какую-то рыбину в волне, еще какую-то живность, но никаких признаков ваксиала.

Вдруг он ощутил огромную тяжесть на спине и услышал специфический звук разрывающейся материи.

Он повалился вперед, отчаянно пытаясь сохранить баланс доски, несмотря на дополнительную тяжесть на спине. Он почувствовал на шее эти длинные иглоподобные зубы, впивающиеся в крепкий материал его гидрокостюма, захватывающие кожу и позвоночник. Акорисал в ужасе закричал.

Потом тяжесть пропала. Он не видел, как ваксиал напал на него, не видел и как он ушел. Больше он пока не появлялся, что не было странным, поскольку ранец оказался в его глотке. Слабой рукой Жоао держал шест, потом, улегшись на доску ничком, потрогал другой рукой спину. Ранец точно пропал, сорванный с креплений мощными челюстями хищника. Глаза Акорисала лихорадочно бегали по волне, но хищник больше не появлялся. Спустя некоторое время вновь появились тринтаглии, по одной, по двое, и он принял их появление за добрый знак.

Отдельные раны и очаги боли он уже не различал. Все его тело превратилось в одну сплошную рану и непрекращающуюся боль. Теперь, когда ранца нет, не так легко выйти из игры. Можно подняться на гребень волны с надеждой чисто пройти на тыльную сторону волны. Можно нырнуть в волну, потом вовсю помахать руками и ногами и затем надуть костюм и всплыть на поверхность... если ваксиал не разорвал и воздушную камеру гидрокостюма.

Если не то и не другое, то он, скорее всего, утонет.

В одном он был уверен: на ноги ему больше не встать. Ноги свои отстояли. Он выбросил шест и обеими руками вцепился в края доски, нисколько не думая о том, что какой-нибудь морской хищник может захотеть отведать его пальцев.

У него получилась хорошая попытка, одна из лучших за сегодняшний день. Как-нибудь, несмотря на боль, он удержится на доске, а там, глядишь, кто-нибудь на берегу поймет, что он в опасности, и за ним вышлют летательный аппарат, спасут.

Господи, пусть это будет поскорее, нет больше сил.

Он заставлял себя усилием воли держаться в сознании.

Если он вдруг впадет в сон, то все закончится в пару секунд. Доска поднимется к гребню волны, потом его захватит гигантский водопад и швырнет с высоты сто футов. По крайней мере, все произойдет быстро. Это не то, что тонуть. Просто навалится огромный вес, тут же потеря сознания и смерть.

Он встряхнулся, подтянулся к носу доски. Пока его посещали эти мысли, доска оказалась в десятке футов от гребня. Движениями немеющего тела он заставил доску снова опуститься поближе к безопасной середине волны. Мерный шум падающей воды терпеливо следовал за ним по пятам.

«Господи, я устал, я так устал, думал он. Скорее бы это кончилось. Я добился, чего хотел, и даже больше. Теперь я хочу, чтобы это кончилось. Где этот, черт бы его побрал, спасатель? Они что, не видят, что я на грани гибели?»

Он понял, что надо что-то предпринимать. Держаться на доске — и то трудно, не говоря уж о том, чтобы управлять ею как следует. Он истощен — и головой, и телом. Только упорство помогает ему держаться.

Нырять ему в воду — исключено. Проплыть пару футов — и то сил не хватит, что уж тогда говорить о такой толще воды, как эта гора. Значит, надо преодолевать гребень.

Он начал перемещать доску вверх по волне. Одной рукой он стал ощупывать боковую часть мокрого и скользкого гидрокостюма, пока не наткнулся на кнопку. Как только он прошьет гребень, то нажмет на нее и костюм наполнится воздухом, а дежурные аппараты, надо надеяться, заметят его до прихода новой водяной горы и подберут. Он надеялся, что сохранит полное представление об окружающей обстановке и нажмет на кнопку в нужный момент.

Вода и соль мешали смотреть, все было как в тумане, небо слилось с водой. Забрался он, что ли, на гребень? Если переждать лишнего, то его захватит завиток и он окажется в водопаде.

Его обдало белым, он даже закашлялся. Волна не ждала, пока он примет решение. Он вспомнил предупреждение Жанвина о непредсказуемых действиях волн, рождающихся в штормовую погоду.

Завиток пропал, все смешалось, волна потеряла свою классическую форму и обрушилась на него...

Было темно, мокро, доски не было. Он наощупь нажал на кнопку сбоку костюма, понимая, что в таком виде он станет игрушкой волн, его будет выносить на поверхность или тащить по песчаному дну. По крайней мере, хоть тело обнаружат.

«Прости, Кирси, и прощай».

Сейчас его болтало на поверхности, и ему трудно было пошевелить руками и ногами, потому что мешал на-полнивший рукава и брюки костюма воздух. Да, он немного поторопился. Изловчившись, он пустил воздух в переднюю часть костюма.

Он увидел, что к нему приближаются двое. Вот так неожиданность. Вторая же и еще большая неожиданность состояла в том, что они не плыли. Они шли в воде. Пораженный, Акорисал постарался сфокусировать на них свое зрение, но воспаленные глаза плохо слушались его. Раздалось шипение. Это один из них спускал костюм. Акорисал хотел позвать человека, но губы тоже не слушались его. Тогда он напряг слух — на случай, если те позовут его.

Воздух выходил из его гидрокостюма. Вот его снова обдало волной, только на сей раз под ним оказалась опора не в виде соленой воды. Это были руки тех двоих. Хорошо, что они поддерживали его. Сам стоять он не мог, не было сил.

— Что?... — Язык, губы, челюсти двигались несогласованно. — Что?...

Один из спасателей, человек молодой и высокий, смотрел на него с удивлением и восхищением.

— А вы не знаете?

— Ничего... не знаю, — пробормотал Акорисал и закашлялся.

— Это Фигурный залив. Досюда доходят волны, это самая дальняя точка. Вы прошли на своей волне до самого конца, весь ее путь.

— А сколько... Какой высоты она была, когда я бросил ее?

— А, вот что. Мы все подумали, что вы это сделали, чтобы произвести впечатление на судей. А разве нет?

— Да черт с ними, с судьями. Ничего я не хотел. Так сколько в ней было?

— С десяток футов, — ответил второй, которого Акорисал обнимал правой рукой за шсю. — Вы просто перекатились через нее. — Кивком головы он показал вперед. — Ваша доска в порядке, вон там на берегу.

— Надо же, десять футов, — удивленно произнес Акорисал.

Когда они выбрались на сухое место, Акорисал увидел знакомое лицо. Жанвин озабоченно глядывался в лицо Акорисала. Того положили на подвесную койку, установленную на берегу. Воздух оглашали крики немного подгулявшей толпы, собравшейся тут же. Это вместо приветственных речей, подумал Акорисал. Слышны были предостерегающие голоса официальных лиц, старавшихся сдержать энтузиазм напиравшей толпы.

— Привет, Жоао, — сказал Жанвин, пощупав его пульс. — Как себя чувствуем?

Акорисал, прищурив глаза, взглянул на товарища. Соль на лице все еще мешала ему.

— Жеванный весь. Меня как будто пожевали и выплюнули, как резинку, — тихо ответил Акорисал, еще не отдышавшийся. Он разглядел на голове хирурга повязку, а на руке — жесткую форму из пластика, и от этого сооружения шли ленты через плечо. Акорисал взглядом задал вопрос.

— А, это? — Жанвин улыбнулся и повел поврежденной рукой. — Попав в переделку, попытался выплыть. Ранец уже поздно было применять. Связки порвал, плечевые. Все, на этот год я отходил. А куда же делся ваш ранец?

— Ваксиал, — пояснил Акорисал. Немного отдышавшись, он продолжил: — Хотел меня слопать. Думаю, он подавился... А сколько времени я шел? У меня сейчас с глазами не того.

— Восемь часов и пять минут. Мне сказали, что последний час вы шли, прямо приклеившись к доске. У вас сломался один стабилизатор, его сейчас ставят.

— Это хорошо.

— За двенадцать лет это первый заверченный заезд, — с восхищением произнес Жанвин. — Не считая Нуотуан в двад-

цать четвертом году, но пока до нее добрались, она была мертва. А вы — вовсе не мертвый.

— Нет, не мертвый.

Поколебавшись, Жанвин сказал:

— Я думаю, что мне надо дать вам отдохнуть. Однако мне надо знать, — он нагнулся к Акорисалу, подальше от облупивших их репортеров, — как это получилось?

Но Акорисал был без сознания.

Он получил очки за прохождение дистанции внутри трубы, за битву с ваксиалами, за стиль и за продолжительность гонки. У Брукинга по сумме двух дистанций времени было набрано больше, но за стиль он получил меньше. По данным одной попытки Акорисал был объявлен победителем. Об этом ему сказали двумя днями позже, когда он пришел в сознание.

Среди судей был видный представитель средств массовой информации с Терры. Он и должен был вручить Акорисалу приз и денежное вознаграждение. Вокруг этого человека вечно толпились репортеры. Сам он никогда в жизни зараз не проплывал больше ста ярдов. Но он был высок, представительен, неплохой актер, располагал густым голосом — специально для подобных мероприятий.

Но Акорисала никак не мог найти. Не было его в гостинице, и во всем этом прибрежном городке его не могли сыскать. Думали, что он на берегу — купается в лучах славы под восторженными взглядами своих почитателей, но и там его не было.

Кого нашли — так это Жанвина. Он сидел в мастерской, где ремонтируют доски, и помогал молодому спортсмену в установке стабилизатора.

— Я сейчас занят, а вечером мне надо в больницу, — остановил хирург кучку нетерпеливых репортеров и официальных лиц.

— Только скажите нам, знаете вы, где он, или нст?

— Да, знаю, где он.

Звезда с Терры выглядел очень недовольным.

— Я здесь по договору. — Он постучал пальцем по своему украшенному драгоценностями хронометру. — Еще десять минут — и я уйду, мне надо с челноком попасть на свой корабль.

— Тогда вы его не увидите, — ответил Жанвин.

— Да где же он, в конце-то концов? — раздраженно спросил один из почетных гостей соревнований, человек, у которого было много денег, но мало всего прочего.

Жанвин развел руками.

— Ну где, вы думаете, он еще может быть? — Он махнул рукой куда-то на северо-запад. — Он взял летательный аппарат и команду сопровождения...

— Ненормальный, — пробормотал почетный гость. — Ему что, не нужны этот приз и деньги?

— Думаю, что нужны, — задумчиво произнес хирург. — Но он сказал мне, что завтра ему надо быть дома. Я думаю, он будет признателен за этот приз и деньги. Только прежде пускай поймает еще одну волну...

ОБ АВТОРЕ

Алан Дин Фостер родился в Нью-Йорке в 1946 году, вырос в Лос-Анджелесе, Калифорния. Получив степень бакалавра по политологии и звание мастера изящных искусств в области кино в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса в 1968-69 годах, он два года проработал в качестве специалиста по авторскому праву в области общественных связей в небольшой фирме в городе Студио-Сити, штат Калифорния.

Его писательская карьера началась в 1968 году, когда Август Дерлет купил одно длинное письмо Форстера и опубликовал его в виде короткого рассказа в своем журнале «Аркхем Коллектор Мэгэзин». Затем он продал несколько коротких художественных произведений другим журналам. Результатом его первой попытки написать роман был «Тар-Айимский Кранг», опубликованный издательством «Бэлентайн Букс» в 1972 году.

Фостер много путешествовал по Азии и островам Тихого океана. Кроме путешествий, он увлекается классической и рок-музыкой, старыми фильмами, баскетболом, серфингом без доски и карате. Он преподавал литературу, историю кино и обучал сценаристов в Калифорнийском университете и Городском колледже Лос-Анджелеса.

В настоящее время живет в штате Аризона с женой Джо Энн (о которой известно, что она владеет единственным сохранившимся рецептом Варварского пирога с кремом)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД МЕРТВЫХ</i>	<i>3</i>
<i>ПРИГОВОРЕННЫЙ К ПРИЗМЕ</i>	<i>243</i>
<i>ВЕРХОМ НА МОНСТРЕ.</i>	<i>488</i>

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

МИРЫ ФОСТЕРА

Избранные произведения

В семи томах

Том 4

Под редакцией *Л. И. Моргуна*

Корректор *Ю. Н. Рыбакова*

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Подписано в печать с оригинал-макета 25.03.94. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская Гарнитура Таймс. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 25,1. Тираж 50 000 экз. Заказ 855.

Фирма «Ключ». Лицензия ЛР № 063119. 214016, Смоленск,
ул. Победы, 20.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого
предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415 и
фирмы «Русич». 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

14000

FOSTER'S WORLDS

